

Правительство Республики Бурятия
Сибирское отделение Российской академии наук
Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН
Российское историческое общество
при поддержке Фонда «История Отечества»

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ ВОСТОКА РОССИИ
В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ XX-XXI ВВ.
(к 100-летию Республики Бурятия)**

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра СО РАН
2023

УДК 94(571.54)
ББК 63.2(2P54)
Т654

Утверждено к печати Ученым советом
ИМБТ СО РАН

Научный редактор
академик РАН Б. В. Базаров

Редакционная коллегия:

д. и. н. М. Н. Балдано, д. и. н. О. В. Бураева, к. и. н. Б. Ц. Гомбоев, к. и. н. А. Д. Гомбожапов,
д. филол. н. Л. С. Дампилова, к. социол. н. В. Г. Жалсанова, д. и. н. Л. В. Кальмина,
д. и. н. Л. В. Курас, к. и. н. Е. В. Нолев, д. социол. н. Е. В. Петрова, д. и. н. А. М. Плеханова,
д. и. н. О. С. Ринчинов, к. и. н. А. Н. Соболева, д. филол. н. Е. В. Сундуева, к. и. н. В. И. Ташак,
к. филол. н. Г. Н. Чимитдоржиева, д. филос. н. Л. Е. Янгутов

Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.
Т654 **(к 100-летию Республики Бурятия):** сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров; ред. кол.
М. Н. Балдано [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. – 468 с.

ISBN 978-5-7925-0651-0

DOI 10.31554/978-5-7925-0651-0-2023-1-468

Сборник содержит тексты докладов международной научной конференции «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.», посвященной 100-летию Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, 29 мая – 1 июня 2023 г.). Тематика статей охватывает широкий круг вопросов в области геополитики и международных отношений, истории национально-государственного строительства, модернизации и преобразований в экономике, политике, культуре трансграничья Востока России в исторической динамике и условиях современного переустройства мира. Особое внимание уделено анализу проблем и достижений социально-экономического и культурно-исторического развития Бурятии.

Адресовано специалистам гуманитарного профиля, а также широкому кругу читателей.

Cross-border area of the East of Russia in the modernization processes of the 20th and 21st centuries (to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia): collected articles / scientific editor B. V. Bazarov, editorial board M. N. Baldano [and others]. – Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Press, 2023. – 468 p.

The collection contains texts of reports of the international scientific conference “Cross-border area of the East of Russia in modernization processes of the 20th and 21st centuries”, dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude, May 29 – June 1, 2023). The topics of articles cover a wide range of issues in the field of geopolitics and international relations, the history of nation-state building, modernization and transformations in the economy, politics, culture of the transboundary East of Russia in the context of the modern reorganization of the world, the socio-economic and cultural-historical development of Buryatia.

The publication is addressed to specialists in the humanities, as well as a wide range of readers.

УДК 94(571.54)
ББК 63.2(2P54)

ISBN 978-5-7925-0651-0

© Правительство РБ, 2023
© ИМБТ СО РАН, 2023
© Кол. авт., 2023
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2023

Базаров Борис Ванданович
академик РАН, доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
bazarov60@mail.ru

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ 100-ЛЕТИЯ: ПРЕДИСЛОВИЕ К ЮБИЛЕЮ¹

30 мая 2023 г. исполняется ровно 100 лет с той исторической даты, когда президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об объединении в одну Бурят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока. Это событие стало закономерным итогом длительного периода исторического развития и обрело формы, принятые в начале XX в. на территории бывшей Российской империи. Оно было обусловлено нарастающим процессом внутреннего самоопределения окраин огромного государства, революционной тектоникой Восточной Азии и монгольской ойкумены в частности.

Российская империя к началу XX в. находилась в стадии нарастающего системного кризиса, который в итоге и привел ее к инерции распада. Система исчерпала возможности внутреннего саморазвития, окраины всего государства практически сразу заявили о собственных правах в условиях паралича власти. Мотивы этого процесса Российская империя сформировала объективно, вовлекая территорию Сибири и Дальнего Востока в активный экономический и индустриальный оборот в пореформенный период с 1861 г. Однако геополитическая активность Восточной Азии, выразившаяся в японском промышленном, военном и территориальном продвижении, а также последствия Синьхайской революции 1911 г. в Китае заставили чрезвычайно усилить векторы Восточной Сибири и Дальнего Востока. Поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. показало коммуникационную разбросанность тылового обеспечения, фактический провал в районе байкальского узла и инфраструктурный дефицит в забайкальском направлении. Возникшее противоречие, выразившееся в необходимости проведения социально-экономической модернизации, с одной стороны, и в стремлении сохранить традиционный социально-экономический уклад, с другой, – провоцировало конфликт, который не был разрешен в рамках имперской системы управления.

Разразившаяся Октябрьская революция и гражданская война сняли эту проблему по принципу отложенного конфликта. Но логика административных реформ, интенсивность аграрного и индустриального развития, а также переоценка ценностей политической власти чрезвычайно активизировали процессы внутренней самоидентификации всего местного населения, породили череду самостийных настроений, сформировали самостоятельные военные и гражданские инициативы ирредентной направленности с соответствующим политическим лозунгом. Формулы политической лексики 1920-х годов – «буржуазный национализм и панмонголизм» – выразились в платформе атамана Г. Семенова и движении «единого монгольского государства». Монгольская народная революция 1921 г., прошедшая при фактической поддержке правительства В. И. Ленина, существенно скорректировала

¹Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

настроения местных элит, тем более что вождь мирового пролетариата сам поставил вопрос о предоставлении автономии «бурятам и калмыкам в первую голову».

После гражданской войны в условиях временного разделения страны были созданы два автономных национальных образования: Бурят-Монгольская автономная область ДВР (апрель 1921 г.) и Бурят-Монгольская автономная область РСФСР (январь 1921 г.). В октябре 1922 г. в Приморье была установлена советская власть, и необходимость существования буферной Дальневосточной республики отпала. 16 ноября 1922 г. Областное управление Бурят-Монгольской автономной области ДВР постановило передать власть Бурят-Монгольскому ревкому. В связи с установлением советской власти в обеих автономных областях встал вопрос об образовании автономной республики. 8 декабря 1922 г. во ВЦИК РСФСР, Наркомнац РСФСР, Наркоминдел, Сибревком и Дальревком была представлена докладная записка о необходимости объединения автономных областей и образования Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (БМАССР). В документе говорилось, что после ликвидации ДВР население двух бурят-монгольских автономных областей выступает за их немедленное объединение. Это было направлено на ликвидацию искусственного, вызванного условиями военного времени, разделения бурятского народа. Formой национального самоопределения бурят была избрана автономная советская республика.

Президиум Бурят-Монгольского обкома РКП(б), рассмотрев 20 ноября 1922 г. вопрос объединения автономных областей в единую автономную республику, принял решение: «1) принципиально высказаться за объединение двух автономных областей; 2) предложить коммунистической фракции Бурят-Монгольского ревкома начать подготовительную работу к объединению...» [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 63. Л. 21]. Участники расширенного совещания Бурят-Монгольского ревкома 23 декабря 1922 г. высказались за объединение областей в единую автономную республику с центром в Верхнеудинске. В январе 1923 г. комиссия Наркомнаца, созданная для изучения соответствующих документов и состояния дел на местах, пришла к заключению: «Признать целесообразным и необходимым объединение Бурят-Монгольских областей РСФСР и бывшей ДВР в одну административную единицу с одним центром...» [ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 63. Л. 151–153].

Инициаторами объединения до мая 1923 г. была проведена большая работа по согласованию этого вопроса в различных инстанциях и государственных органах. Автономные области бурят ДВР и РСФСР были объединены в Бурят-Монгольскую АССР 30 мая 1923 г. Постановление ВЦИК об объединении Бурят-Монгольских автономных областей явилось правовым актом, юридически закрепившим образование Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики и позволило начать практическое осуществление объединения двух автономных областей в единую республику.

К 1923 г. территория Бурят-Монгольской республики составляла 338140 квадратных верст, численность населения – 450675 чел. Численность бурятского населения составила 220422 чел., или 49% общего числа жителей республики. На территории БМАССР насчитывалось 2349 населенных пунктов, в том числе города Верхнеудинск, Троицкосавск и Баргузин.

Решение о создании Бурят-Монгольской АССР было детализировано в постановлении президиума ВЦИК от 13 июня 1923 г.: «1. Считать административным центром Автономной Социалистической Советской Республики бурят-монгол город Верхнеудинск. 2. Поручить специальной комиссии <...> определить точные границы образуемой республики бурят-монгол и представить проект этих границ на утверждение ВЦИК не позже 1 августа 1923 г.» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 99. Л. 4]. В сентябре

того же года специальным декретом ВЦИК РСФСР было утверждено «Положение о государственном устройстве БМАССР», фактически игравшее роль Конституции. Оно явилось первым законодательным актом, определившим и закрепившим правовой статус новой республики в качестве автономной единицы. В декабре состоялся I съезд Советов БМАССР, избравший органы власти республики.

По своей правовой природе Бурят-Монгольская автономная республика создавалась как политическая автономия бурятского народа в составе Советской России, затем она стала называться национальной государственностью бурятского народа. Советская власть сумела создать уникальную систему иерархически выстроенных национально-государственных образований, что явилось основой формирования федералистской модели государственного устройства. Создание республики выходило далеко за рамки внутривнутриполитического процесса и оказало существенное воздействие на международную ситуацию в Восточной Азии, создав принципиально новую модель взаимодействия народов и цивилизаций в тревожной зоне геополитического взаимодействия России с Центральной и Восточной Азией.

Бурятской национальной автономии удалось разрешить накопившиеся в предыдущие исторические периоды противоречия и конфликты и создать условия для тотальной форсированной модернизации. С конца 1920-х гг. республика демонстрировала высокие темпы социального, экономического и культурного развития. В удивительно короткие по историческим меркам сроки Бурятия превратилась из отсталой имперской периферии в динамично развивающуюся аграрно-индустриальную республику. Это позволило ей стать надежным тыловым оплотом в годы Великой Отечественной войны. Послевоенные годы, вплоть до 1960-х – начала 1970-х гг., стали периодом поступательного развития во всех сферах жизни. События конца 1980-х гг. и последовавший распад СССР стали для республики своего рода экзаменом на государственную состоятельность. Экономический коллапс привел к невиданному обострению социальной ситуации, что могло вылиться в жесточайший межэтнический конфликт. Однако накопленный опыт межэтнического диалога, наличие сложившейся гибкой административно-управленческой системы, высокий образовательный и научный ценз региона, единое языковое пространство позволили нейтрализовать негативные и укрепить конструктивные тенденции межэтнического диалога в рамках новой российской государственности.

Несмотря на сложные процессы 1980-х – 1990-х гг., Бурятия подтвердила верность принципам федерализма и единства российской государственности. Сегодня народы Бурятии, независимо от веры и национальности, развивают хозяйство, умножают культуру, творят единую судьбу республики и страны на основе межнациональной дружбы, согласия и взаимопонимания.

Таким образом, бурятская государственность была сформирована в течение длительного исторического развития России, поступательно преобразовываясь на разных этапах. Своеобразная имперская модель освоения восточной периферии изначально предполагала вовлечение и интеграцию народов и территорий в процессы государственного строительства, а не их насильственную ассимиляцию и поглощение. Становление и развитие бурятского этноса как одного из крупных этносоциальных сегментов на востоке империи вели к построению такой локальной автономной системы управления, которая сумела согласовать интересы различных групп населения. Это позволило упредить развитие межэтнических противоречий и конфликтов, создать гарантии политической стабильности социально-экономического и культурного развития территории. Образование республики способствовало упрочнению целостности и стабильности российской государственности, укреплению геополитических позиций России на Востоке.

Празднование векового юбилея республики, утвержденное Указом Президента Российской Федерации № 176 от 25 апреля 2018 г. «О праздновании 100-летия образования Республики Бурятия» [Указ Президента Российской Федерации № 176, 2018], обосновано как важный этап национально-государственной системы в рамках российского федерализма, выдержавшей испытание временем. Одним из центральных мероприятий грядущего юбилея, и ключевым в ряду научных событий, приуроченных к 100-летию республики, станет международная научная конференция «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.». Доклады участников представлены в настоящем издании.

Высокое научное мероприятие подготовлено совместными усилиями Правительства Республики Бурятия, Народного Хурала Республики Бурятия, Сибирского отделения Российской академии наук, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Российского исторического общества при поддержке Фонда «История Отечества». На конференции предполагается обсуждение проблем и достижений в области геополитики и международных отношений, истории национально-государственного строительства, модернизации и преобразований в экономике, политике, культуре трансграничья Востока России в условиях современного переустройства мира, а также вопросов социально-экономического и культурно-исторического развития Бурятии. В рамках конференции будет организована работа трех круглых столов: «Национальная государственность и государственное единство (к 30-летию Конституции Российской Федерации)», «Бурятия в системе международных и региональных гуманитарных связей», «Функционирование языков в восточном трансграничье: общее и специфическое» и девяти секций: «Восточное трансграничье России: геополитика и международные отношения», «Власть и общество в провинции: история и современность», «Экономическая модернизация национальных районов Сибири и Дальнего Востока: достижения, опыт, проблемы», «Социальные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке», «Культура, наука и образование в республике Бурятия», «Литература и фольклор монгольских народов: культурное наследие и современное состояние», «Религии и религиозные верования в социокультурной и политической жизни Бурятии», «Этнокультурные процессы и межэтническое взаимодействие в трансграничье России – Монголии – Китая», «Внутренняя Азия и ее северная периферия в древности и средневековье: археологические культуры и их взаимодействие».

Идеология празднования и проведения международной конференции не вызывает сомнений и станет показательной для динамичного движения и мобилизации ресурсов, катализатором позитивных изменений во всех сферах жизни. Основные идеи праздника – дальнейшее сплочение, консолидация общества вокруг решения задач страны в условиях новых вызовов, достижение общегражданского единства и согласия государства.

Источники и литература:

Балдано М. Н., Варнавский П. К. «Национальная по форме, социалистическая по содержанию»: бурятская нация в советском идеологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2016. № 412. С. 40–49.

Бартанова А. А. Образование Бурят-Монгольской Советской Социалистической республики. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 32 с.

Ербанов М. Н. Пять лет автономии Бурятии (Краткий очерк). Верхнеудинск, 1926. 64 с.

История Бурятии: В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.

Указ Президента Российской Федерации № 176 от 25 апреля 2018 г. «О праздновании 100-летия образования Республики Бурятия». М.: Кремль, 2018. 1 с.

РАЗДЕЛ 1
ВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ:
ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бычков Игорь Вячеславович

академик РАН, доктор технических наук

Институт динамики систем и теории управления им. В. М. Матросова СО РАН

Иркутск, Российская Федерация

buchkov@icc.ru

Жарков Максим Леонидович

кандидат технических наук

Институт динамики систем и теории управления им. В. М. Матросова СО РАН

Иркутск, Российская Федерация

zharkm@mail.ru

Казаков Александр Леонидович

доктор физико-математических наук

Институт динамики систем и теории управления им. В. М. Матросова СО РАН

Иркутск, Российская Федерация

kazakov@icc.ru

**ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР КИТАЙ – МОНГОЛИЯ –
РОССИЯ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Оценивается производительность Улан-Баторской железной дороги, которая является узким местом железнодорожного транспортного коридора Россия – Монголия – Китай. Строится и исследуется ее математическая модель. Делаются выводы о текущем состоянии объекта и высказываются рекомендации по его модернизации.

Ключевые слова: международные перевозки; железнодорожный транспорт; математическое моделирование; вычислительный эксперимент.

Buchkov Igor Vjacheslavovich

Academician of the Russian Academy of Sciences

Doctor of Sciences in Technical

Matrosov Institute for System Dynamics and Control Theory

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Irkutsk, Russian Federation

Zharkov Maxim Leonidovich

Candidate of Sciences in Technical

Matrosov Institute for System Dynamics and Control Theory

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Irkutsk, Russian Federation

Kazakov Alexandr Leonidovich

Doctor of Sciences in Physics and Mathematics

Matrosov Institute for System Dynamics and Control Theory

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Irkutsk, Russian Federation

CHINA – MONGOLIA–RUSSIA RAILWAY TRANSPORT CORRIDOR: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF MODERNIZATION

The authors estimate the capacity of the Ulaanbaatar Railway, which is a bottleneck of the Russia – Mongolia – China railway transport corridor. They build and explore its mathematical model. Then investigate the current state of the object and make recommendations for its modernization.

Keywords: international transportation; railway transport; mathematical modeling; computational experiment.

Введение. Одной из крупнейших программ развития пограничных районов России и укрепления международного сотрудничества является Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия. В ее рамках на встрече Правительств этих стран 27 сентября 2018 г. в Улан-Баторе приоритетными к реализации были выбраны три направления по развитию транспортной инфраструктуры, одним из которых является модернизация Трансмонгольской железной дороги. Большая ее часть проходит через территорию Монголии по Улан-Баторской железной дороге (УБЖД), которая все еще не электрифицирована и в основном имеет однопутную систему движения [Батурин, 2015], что препятствует росту транзитных перевозок [Самуйлов, 2021]. В этой связи на встрече глав ШОС осенью 2022 г. Президент России В. В. Путин заявил о необходимости модернизации УБЖД: «Полагаем необходимым продолжить работу по расширению пропускной способности этого транспортного коридора» [ТАСС, 2022]. Вышесказанное определяет актуальность задач по оценке эффективности работы УБЖД и технических решений, направленных на ее модернизацию.

Следует иметь в виду, что технология работы УБЖД устарела, в частности, на многих участках дороги применяется полуавтоматическая блокировка. Сами станции, построенные при содействии СССР, нуждаются в реконструкции [Батурин, 2015]. По причине износа оборудования и инфраструктуры повышается риск возникновения поломок и, следовательно, нарушения графика движения поездов. При этом из-за геополитической неопределенности эффективное прогнозирование величины поездопотока практически невозможно. В подобных условиях необходимы разработка и применение специальных методов моделирования, которые позволяют учесть случайные колебания в цепях поставок.

Одним из эффективных инструментов исследования работы железнодорожных систем в условиях неопределенности является теория массового обслуживания [Акулиничев, 1981]. На основе подобного подхода авторы разработали методику моделирования работы грузовых и сортировочных железнодорожных станций [Buchkov, 2021], а затем усовершенствовали ее для более крупных систем – участков железнодорожной сети [Жарков, 2022]. В данной работе предложенная авторами методика применяется для исследования и прогнозирования работы УБЖД.

Объект исследования и его математическое описание. Рассмотрим северный участок УБЖД от станции Дархан 1 – крупной грузовой станции, расположенной в 40 км от российско-монгольской границы, до станции Улан-Батор 1 – основной сортировочной станции Монголии (далее – линия). Эта линия имеет протяженность порядка 283 км и включает 12 станций: Дархан 1, Дархан 2, Салхит, Эрхэт, Баруунхараа, Зуунхараа, Тунх, Мандал, Аршаант, Толгойт, Улан-Батор 2 и Улан-Батор 1. Из них 7 станций являются участковыми и предназначены для пропуска и непродолжительной остановки поездов, 4 грузовых станций и одна сортировочная. Для пропуска встречных поездов по единственному пути между станциями на нем находятся разъезды – короткие участки дороги с двумя или тремя путями. На данной линии только разъезд между Мандал – Аршаант имеет три пути, остальные – два.

Поезда на рассматриваемую железнодорожную линию поступают с четырех направлений: со стороны России, с южной части УБЖД, со станций Шарын-Гол и Хотол. Поездопотоки распределены неравномерно и следуют по частично пакетному графику движения. Грузовые поезда (местные и транзитные) движутся пакетами. Их размеры не превосходят двух поездов из-за малой вместимости промежуточных станций (4–5 путей). Пассажирские поезда в пакеты не включаются, так как они имеют приоритет над грузовыми при выполнении расписания. Через станцию Дархан 1 в сутки проходит 13–14 поездов в каждом направлении. Затем поездопоток постепенно увеличивается и на станции Улан-Батор 1 составляет суммарно 61 поезд (данные за 2022 г.).

Модель движения поездов по железнодорожной линии имеет вид сети массового обслуживания (СеМО). СеМО представляют собой совокупность некоторого числа взаимосвязанных систем массового обслуживания (СМО, узлов), в которой заявки переходят из одного узла в другой, в соответствии с заданной маршрутной матрицей [Buchkov, 2021]. В модели заявкой считается один поезд, группа заявок – пакетом. В ней имеется четыре входящих потока заявок и 41 узел. Каждый поток описывает поступление пакетов поездов с одного направления. В СеМО 19 узлов моделируют работу 12 станций: участковая описывается одним узлом, грузовая – двумя, сортировочная – тремя; 22 узла имитируют работу 11 железнодорожных путей между станциями. Различные маршруты движения поездов учитываются с помощью нескольких типов заявок. Таким образом, в модели учтены нелинейная структура железнодорожной сети, маршруты разных категорий поездов, вместимость и производительность станций и путей между ними.

Результаты моделирования. Были проведены три серии расчетов с различными параметрами модели. На основе полученных результатов сделаны следующие выводы.

Пропускной способности северной части Улан-Баторской железной дороги достаточно для увеличения поездопотока на 8–12 поездов в сутки или на 20% от текущего уровня, из которых ожидается 4 транзитных поезда. Дальнейший рост поездопотока потребует модернизации железнодорожной магистрали. Здесь возможны два технических решения. Первое – увеличение числа путей на разъездах с двух до трех, что позволит повысить пропускную способность до 45% от текущей. Данное решение является относительно дешевым, однако его реализация не устранит проблему полностью и приведет к увеличению простоя поездов на станциях. Второе – создание двухпутного сообщения, что увеличит пропускную способность этой железнодорожной линии более чем вдвое. Разумеется, для его реализации потребуются значительные капиталовложения и затраты времени [Самуйлов, 2021]. В долгосрочной перспективе второе решение будет наиболее эффективным, что согласуется с мнением некоторых специалистов в области экономики транспорта [Батурин, 2015].

Отметим, что УБЖД построена советскими специалистами и непосредственно связана с Восточным полигоном РЖД, который в настоящее время развивается опережающими темпами. В этой связи целесообразно было бы рассмотреть вопрос о координации планов по модернизации УБЖД с программой развития Восточного полигона [Долгосрочная программа развития ОАО «РЖД» до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 марта 2019 г. № 466-р.].

Выводы. В настоящее время пропускной способности железнодорожного транспортного коридора Китай – Монголия – Россия недостаточно для обеспечения увеличивающегося спроса на транзитные перевозки по данному направлению. В этой связи актуальность приобретает проблема реконструкции Трансмонгольской железной дороги, в особенности – ее узкого места – Улан-Баторской железной дороги.

В рамках исследования возможных вариантов модернизации УБЖД авторами был проведен анализ движения поездов по ее северному участку, который расположен у границы

с Россией и стыкуется с Восточным полигоном РЖД, с применением математического и компьютерного моделирования. Сделанные расчеты показали, что для удовлетворения спроса на контейнерные перевозки в ближайшей перспективе достаточно увеличить число путей на разъездах, однако это решение приведет относительно небольшому росту пропускной способности и должно рассматриваться в качестве временной меры. В долгосрочной перспективе представляется целесообразным организация двухпутного сообщения, что позволит вывести рассматриваемый транспортный коридор на лидирующие позиции по транзиту контейнеров среди сухопутных маршрутов между Россией и Китаем. Реализация такого проекта будет также способствовать экономическому развитию пограничных районов России и укреплению международных связей России и Монголии.

Источники и литература:

- Акулиничев В. М., Кудрявцев В. А., Корешков А. Н. Математические методы в эксплуатации железных дорог. М.: Транспорт, 1981. 223 с.
- Батурин А. П., Балжир М. Выбор оптимального варианта развития Улан-Баторской железной дороги // Мир транспорта. 2015. Т. 13. № 2 (57). С. 154–165.
- Buchkov I., Kazakov A., Lempert A., Zharkov M. Modeling of railway stations based on queuing networks // Applied Sciences. 2021. Vol. 11. Issue 5. P. 2425.
- Жарков М. Л., Супруновский А. В. О моделировании железнодорожных узлов на основе теории массового обслуживания // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2022. № 1(25). С. 120–132.
- Самуйлов В. М., Ткачева Т. Н., Калашников А. Е. Развитие проекта «Новый шелковый путь»: функционирование в период пандемии и рост контейнерных перевозок // Инновационный транспорт. 2021. № 2 (40). С. 8–13.
- ТАСС. 15 сентября 2022. Путин: Россия, Китай и Монголия разделяют подходы по многим вопросам мировой повестки [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/15763159> (дата обращения: 12.02.2023).

Попков Юрий Владимирович

доктор философских наук

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Российская Федерация,

yuripopkov54@mail.ru

ТРАНСГРАНИЧНОСТЬ РОССИИ КАК РЕСУРС ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Акцентируются трансграничная природа России и необходимость использования внутренних евразийских трансграничных взаимодействий для укрепления экономического, политического и цивилизационного потенциала страны с приоритетом восточного и южного векторов развития.

Ключевые слова: Евразия; трансграничье; евразийская интеграция; восточный вектор; Россия.

Popkov Yuri Vladimirovich

Doctor of Sciences in Philosophy

Institute of Philosophy and Law

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

RUSSIA'S TRANSBORDER AS A RESOURCE EURASIAN INTEGRATION

The author emphasizes the transboundary nature of Russia and defends the need to use internal Eurasian transboundary interactions to strengthen the economic, political and civilizational potential of the country with the priority of the eastern and southern vector of development.

Keywords: Eurasia; cross-border; Eurasian integration; oriental vector; Russia.

Наблюдаемый в настоящий момент общецивилизационный кризис по сути является очередным кризисом мировой капиталистической системы, которая оказалась не в состоянии решить фундаментальные проблемы современности, выраженные, в том числе, в известной формуле: «свобода, равенство, братство», в борьбе за которую, собственно, и родился данный тип социально-экономического устройства. В очередной раз мы наблюдаем попытки преодолеть этот кризис с помощью кардинальных военно-политических средств. Военный конфликт на Украине, умело спровоцированный Западом, выступает именно такой попыткой.

Очевидно, что главным выгодоприобретателем кровавого конфликта являются Соединенные Штаты Америки, которые, действуя достаточно грамотно (с точки зрения удовлетворения собственных стратегических целей), сумели сплотить многие западные страны в жестком противостоянии России в ущерб их собственным экономическим и политическим интересам.

Эта трагическая ситуация показала ошибочность цивилизационного выбора России после развала СССР, которым она последовательно шла более 30 лет, безуспешно пытаясь интегрироваться в «цивилизованный» капиталистический мир. Судя по всему, федеральная власть пока не предпринимает попыток свернуть с этого пути, до сих пор не провозгласила новый образ цивилизационного будущего. В то же время она усилила стремление сменить геополитические ориентиры развития страны с Запада – на Восток.

В данной ситуации возникает ряд серьезных проблем, осмысление которых требует, на мой взгляд, специального внимания специалистов.

1) В последнее время многие политики и эксперты ведут речь о необходимости для России разворота на Восток. Во-первых, на мой взгляд, более адекватным является использование термина не «разворот», а «поворот». Во-вторых, если учитывать тот факт, что восточный ориентир не первый раз актуализируется в истории России (например, именно благодаря присоединению и освоению Сибири, понимаемой как все территориальное пространство государства восточнее Уральских гор, она смогла стать великой державой), то еще более точным понятием для обозначения сути рассматриваемых перемен следует признать понятие «возвращение к Востоку». В-третьих, нельзя впадать в крайности, периодически делая кардинальные развороты–повороты в политике и геополитике. При очевидной необходимости в текущей ситуации провозглашения (я бы добавил: не просто провозглашения, а целенаправленного содержательного наполнения) восточного вектора развития страны, надо иметь в виду в качестве стратегической перспективы более взвешенный, более системный, более широкий и комплексный подход, чтобы не уйти в очередную крайность. Для меня очевидно, что надо не только «осваивать» Восток, но и Юг, а также продолжать работать с Западом, но только совсем иначе, чем это было последние десятилетия, и на других условиях.

2) Необходимость такой ориентации диктуется сущностной характеристикой России как страны, которая по природе своей является пограничной [Попков, Тюгашев, 2012]. Эти пограничные состояния являются многочисленными: они характеризуют ее внутреннее

пространство и существуют по всему территориальному периметру. Важно при этом иметь в виду не только территориально-политическое, но и социокультурное, цивилизационное содержание пограничности, что находит предельное выражение в статусе России как евразийского государства. В этом своем качестве пограничные культуры России, будучи культурами открытыми, пожалуй, больше, чем применительно к любой другой стране, выступают своеобразными мостами, связывающими Запад и Восток, Север и Юг [Семенов, 1994, с. 159–160]. Как было показано нами совместно с А. В. Ивановым и Е. А. Тюгашевым, бытие-на-границе имеет комплексные, многосторонние проявления, а пограничность обоснована в качестве одной из фундаментальных ценностей евразийской культуры, к которой принадлежит и культура России [Евразийский мир, с. 70–97; Попков, Тюгашев, 2012].

3) Россия в ходе своей истории активно использовала фактор пограничности, включая ее периферийные территории, в качестве важного ресурса развития. Одним из наиболее известных свидетельств тому является не просто красивая метафора М. В. Ломоносова, а его научно обоснованное пророчество и сбывшаяся реальность: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке». О важной роли Азиатской России не только для развития нашей страны, но и всего мира говорил также сибиряк по рождению и по духу Д. И. Менделеев.

4) Использование периферии как значимого источника развития реализуется в особом отношении к границе: не как к разделительной линии, а как к дополнительной возможности укрепления собственного потенциала. Это предполагает проницаемость пограничного пространства, необходимость пересечения границ, выход за их пределы. Таким образом, актуализация пограничности невозможна без активизации трансграничности – реальных экономических, политических, социокультурных взаимодействий и связей пограничных территорий.

5) Существующее устойчивое представление о границе как угрозе безопасности страны должно смениться на иную концептуальную оценку – восприятие ее в качестве важного стабилизирующего фактора и ресурса развития пограничных территорий, закрепленных в целенаправленной государственной политике и подкрепленных реальными продуманными действиями текущего и стратегического характера. В данном контексте следует особо выделить российско-китайское трансграничье, которое тесно связывает пограничные пространства двух стран и которое призвано сыграть еще более значимую роль в будущем [Михалев, 2022], поэтому здесь нужна новая адекватная российско-китайская «дорожная карта».

Специального упоминания заслуживает и бурятско-монгольское трансграничье. Его современное состояние можно, на мой взгляд, оценить как результат осуществления на практике обозначенного концептуального подхода. Именно благодаря этому, в том числе в период 100-летнего развития Бурятии, удалось сохранить и укрепить экономический, политический и культурный потенциал двух народов. Во многом это стало возможным благодаря грамотному научному сопровождению интеграционных процессов при доминирующей роли здесь Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, который в 2022 г. отметил столетие своей деятельности [Мир Центральной Азии–V, 2022].

6) При ограниченных административных и бюрократических ресурсах в государственной политике России важно правильно выстроить иерархию приоритетов. В настоящий момент первостепенными задачами, на мой взгляд, должны стать экономическое, политическое и цивилизационное обустройство самой России, адекватное текущей ситуации фронтального противостояния «коллективному Западу», а также развитие

всесторонних внутривосточных трансграничных взаимодействий, прежде всего на Востоке и Юге страны. Грамотная внутренняя и внешняя политика Российского государства выступает в настоящее время главной детерминантой благополучного развития страны, а также успешной интеграции всего евразийского социокультурного пространства.

Литература:

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.

Мир Центральной Азии–V: сб. науч. ст. / отв. ред. А. П. Деревянко, Б. В. Базаров. Новосибирск: СО РАН, 2022. 722 с.

Михалев М. С. Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая. М.: Восточная литература, 2022. 295 с.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Российская цивилизация: феноменология пограничности // Пограничье культур – культуры Пограничья. Т. 1. Warszawa: Wydział «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski, 2012. С. 11–33.

Семенов С. Ибероамериканская и восточно-евразийская общности как пограничные культуры // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 159–169.

Кузнецов Сергей Ильич

доктор исторических наук

Иркутский государственный университет

Иркутск, Российская Федерация

s.kuznetsov@hist.isu.ru

МОНГОЛИЯ В «ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СИНЕЙ КНИГЕ» ЯПОНСКОГО МИДА

В статье представлен обзор японо-монгольских отношений на основании материалов ежегодной «Дипломатической синей книги» японского Министерства иностранных дел. Прослежена динамика и основные направления развития отношений.

Ключевые слова: Япония; Монголия; международные отношения; «Дипломатическая синяя книга».

Kuznetsov Sergey Ilyich

Doctor of Sciences in History

Irkutsk State University

Irkutsk, Russian Federation

MONGOLIA IN THE DIPLOMATIC BLUE BOOK JAPANESE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS

The article presents an overview of Japanese-Mongolian relations based on the materials of the annual «Diplomatic Blue Book» of the Japanese Ministry of Foreign Affairs. The dynamics and main directions of development of relations are traced.

Keywords: Japan; Mongolia; international relations; Diplomatic Bluebook.

24 февраля 2022 г. исполнилось 50 лет с момента установления дипломатических отношений между Монголией и Японией. В 1970-е гг. стороны урегулировали взаимные претензии – наследие 1930–1940-х гг. Последующие десятилетия характеризовались постепенным развитием отношений, динамика которых значительно возросла с начала 1990-х гг. Глубокие изменения в мире потребовали от Монголии новых подходов к

внешнеполитическому курсу. Вскоре они были закреплены в основных внешнеполитических документах страны и заключались в следующем. Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями – Россией и Китаем – но и с другими развитыми и влиятельными государствами мира. Цель этого – извлечение максимальной выгоды от сотрудничества со всеми зарубежными партнерами, стремясь при этом избежать чрезмерной зависимости от какой-либо одной державы либо группы государств. Одним из оптимальных партнеров с этой точки зрения является Япония. Обладая одной из наиболее развитых экономик мира, эта страна территориально близка к Монголии, привержена принципам демократии, охотно оказывает помощь развивающимся странам. В годы монгольских реформ Япония стала главным международным донором Монголии. На нее приходится 1/3 объема помощи, оказываемой государству странами-донорами [Базаров, 2019, 267]. Сравнительно быстро, хотя и неравномерно, увеличивался внешнеторговый товарооборот двух стран.

Динамику развития двусторонних отношений можно проследить по публикациям в Синей книге, издаваемой Министерством иностранных дел Японии. Традиция публикации так называемых «цветных книг» зародилась в Великобритании – первые Синие книги появились здесь еще в XVII столетии. Они представляют собой собрание дипломатических документов или иных материалов, издаваемых правительством для представления парламенту. Название «Синяя книга» не являлось официальным, а было общепринятым обиходным названием. Одной из разновидностей так называемых «цветных книг» является и «Дипломатическая синяя книга», издаваемая Министерством иностранных дел Японии. Издание выходит ежегодно, начиная с 1957 г. Дипломатическая синяя книга представляет собой обзор международных отношений Японии с ключевыми соседними странами в их текущей ситуации. В ней описывается реакция Японии на возникающие международные вызовы, освещаются глобальные экономические тенденции, потенциальные террористические и военные угрозы, а также различные глобальные вызовы. Более подробно характеризуется текущая ситуация в отношениях с важнейшими партнерами – США, Китаем, СССР/Россией, и регионами – Западной Европой, АТР, Юго-Восточной Азией, Океанией и др. До середины 1970-х гг. Монголия не встречается на страницах издания, не отражено даже установление дипломатических отношений в 1972 г.

Одно из первых упоминаний Монголии в «Синей книге» приходится на 1975 г., в Главе 2 (Дипломатические усилия Японии) говорится: «Что касается отношений с Монголией, то культурный обмен начался в соответствии с культурным соглашением, заключенным в сентябре 1974 г. Был отмечен прогресс в экономическом и культурном сотрудничестве, что нашло отражение в Совместном японо-монгольском коммюнике об установлении дипломатических отношений, а также в ходе визита в Монголию правительственной исследовательской миссии по экономическому сотрудничеству» [Blue Book, 1975]. Несколько строк о конкретных событиях в отношениях с Монголией содержится в книге за 1976 г.: «Отношения с Монголией развивались довольно гладко с момента установления дипломатических отношений в феврале 1972 г. В 1976 г. один за другим осуществлялись различные культурные обмены на основе Соглашения о культуре. В феврале 1977 г. члены Великого народного хурала Монголии посетили Японию, а в марте в Улан-Баторе было подписано долгожданное Соглашение об экономическом сотрудничестве между Японией и Монгольской Народной Республикой» [Blue Book, 1976]. Достижения экономической дипломатии связаны с успешной реализацией японского гранта в 5 млрд иен, за счет которого осуществлялось строительство комбината по переработке шерсти «Гоби». Фабрика заработала в 1976 г., а в 1977–1979 гг. были подписаны соглашения двух стран о наращивании выпуска продукции фабрики [Маншеев, Кубрикова, 2017, с. 95].

В 1978 г. реализация проекта указанной фабрики признана «особенно заметным событием экономического сотрудничества двух стран» [Blue Book, 1978]. Новые подходы во внешней политике Монголии были отмечены в Синей книге за 1989 г.: «На фоне улучшения отношений между Китаем и Советским Союзом, перестройки в СССР и других благоприятных факторов международной обстановки Монголия сместила акцент своей дипломатии на Азию и стала рассматривать Японию как своего второго партнера после Советского Союза. В ходе визита в Монголию министра иностранных дел Японии Уно Сосукэ в мае 1989 г. состоялся обмен мнениями об отношениях между двумя странами, что открыло новую страницу в истории японо-монгольских отношений» [Blue Book, 1989]. Синяя книга за 1990 г. свидетельствует, что Монголия приобретает новое место во внешней политике Японии. Наряду с Китаем, ситуация в Монголии (отказ от однопартийной системы, смена лидеров, свободные выборы) представлена в отдельном параграфе. Отмечается, что премьер-министр Д. Содном впервые посетил Японию в качестве премьер-министра Монголии в конце февраля 1990 г. (это был первый визит премьер-министра Монголии в капиталистическую страну) и состоялась его встреча на высшем уровне с премьер-министром Кайфу Тосики. Во время его пребывания в Японии было подписано японо-монгольское торговое соглашение [Blue Book, 1990].

Начавшиеся в Монголии преобразования и последовавший за ними экономический кризис стали побудительной причиной возросшего интереса к этой стране со стороны Японии. В Синей книге за 1991 г. особо отмечается, что «Япония быстро увеличила помощь Монголии, которая способствует демократизации и быстрому переходу к рыночной экономике. В августе 1991 г. премьер-министр Кайфу Тосики стал первым премьер-министром Японии, посетившим Монголию. Его выражение поддержки Японией усилий Монголии по демократизации и экономическим реформам еще больше углубило двусторонние отношения. Кроме того, в сентябре в Токио под совместным председательством правительства Японии и Всемирного банка состоялась встреча Монгольской группы содействия» [Blue Book 1991]. К середине 1990-х гг. упоминания в Синей книге о Монголии представлены лишь общими фразами о помощи экономическому развитию. С другой стороны, само издание меняет формат, отходя от географического принципа к проблемному и сосредоточивает внимание на наиболее острых вопросах: международный терроризм, экологическая безопасность, региональные конфликты, мирное использование атомной энергии и др.

В настоящее время двусторонние отношения вышли на качественно новый уровень. 2020 г. стал годом, когда Япония и Монголия подтвердили, что они будут и дальше укреплять сотрудничество для укрепления своего «стратегического партнерства», при этом Монголия является важным региональным партнером, разделяющим с Японией универсальные ценности [Bluebook, 2021, р. 67]. Стороны договорились о новой разработке «Среднесрочного плана действий» и согласовали политику активизации усилий в реализации программы «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», провозглашенной в свое время премьер-министром Абэ Синтаро. Важным результатом сотрудничества стало открытие международного аэропорта «Чингисхан», который был построен за счет займа в иенах, предоставленного правительством Японии, и управляется компанией аэропорта, созданной коалицией японских компаний (Mitsubishi Corporation, Narita International Airport Corporation, Japan Airport Terminal Co., Ltd. и JALUX Inc.). Кроме того, в июле 2021 г. премьер-министр Л. Оюн-Эрдэнэ посетил Японию в рамках своей первой зарубежной поездки с момента вступления в должность и провел встречу с премьер-министром Суга Ёсихидэ. Лидеры двух стран разделили идею объявить 2022 год «годом поощрения молодежных обменов» и углубить сотрудничество в различных областях в преддверии 50-

летия установления дипломатических отношений между Японией и Монголией. Кроме того, два лидера разделили мнение о дальнейшем развитии сотрудничества в целях реализации «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», а также сотрудничества и партнерства на различных региональных и международных аренах [Bluebook, 2022, p. 51–52]

Материалы «Синей книги» японского МИДа не содержат конкретной информации по различным сферам японо-монгольского сотрудничества, однако позволяют дать их общий обзор и проследить динамику развития после установления дипломатических отношений.

Источники и литература:

Базаров В. Б. Современные монголо-японские отношения // Власть. 2019. № 5. С. 267–271.

Маншеев Д. М., Кубрикова Ю. А. Установление дипломатических контактов и начало развития экономического сотрудничества Японии и Монголии // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3 (29). С. 90–96.

Diplomatic Bluebook 2021. Japanese Diplomacy and International Situation in 2020. Tokyo: Ministry of Foreign Affairs, 2021. 361 p.

Diplomatic Bluebook 2022. Japanese Diplomacy and International Situation in 2021. Tokyo: Ministry of Foreign Affairs, 2022. 382 p.

Diplomatic Blue Book 1975 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1975/1975-2-1.htm#Section%201.%20Promotion%20of%20Relations%20with%20Other%20Countries>.

Diplomatic Blue book 1976 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1976/1976-3-1.htm#Section%201.%20Promotion%20of%20Relations%20with%20Other%20Countries>.

Diplomatic Blue book 1978 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1978/1978-3-1.htm#Section%201.%20Promotion%20of%20Relations%20with%20Other%20Countries>

Diplomatic Blue book 1989 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1989/1989-3-2.htm>

Diplomatic Blue book 1990 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1990/1990-3-1.htm#Item%203.%20China%20and%20Mongolia>

Diplomatic Blue Book 1991 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-3-1.htm#2.%20Ensuring%20Peace%20and%20Stability%20in%20the%20Asia-Pacific%20Region>

Дамешек Лев Михайлович

доктор исторических наук

Иркутский государственный университет

Иркутск, Российская Федерация

levdameshek@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНКОРПОРАЦИИ БУРЯТ В СОСТАВЕ РОССИИ (XVII – НАЧАЛО XX ВВ.)

На основе методов компаративизма рассматривается исторический процесс инкорпорации Бурятии в состав Российской империи. Проводится составление этих методов с аналогичными мероприятиями правительства в других окраинных траекториях России, США и европейских государств.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; Бурятия; исторический опыт инкорпорации.

Dameshek Lev Mikhailovich
Doctor of Sciences in History
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF INCORPORATION OF THE BURYATS IN RUSSIA (XVII – EARLY XX CENTURIES)

On the basis of comparative methods, the historical process of Buryatia's cooperation within the Russian Empire is examined. There is a compilation of these methods with similar government acts in other periphery areas in Russia, the United States and European states.

Keywords: Russia; Siberia; Buryatia; historical experience of incorporation.

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Процесс освоения Сибири, начавшийся в XVII в., сопровождался колоссальными усилиями русского народа и имел длительную историческую перспективу. Для народов Сибири, среди которых на первом месте по численности были буряты, процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты: полиэтничность, региональные, в том числе внешнеполитические особенности, личностный фактор, взаимодействие культур, формирование единого социокультурного пространства. Большое влияние на формирование бурятского этноса оказало чрезвычайно выгодное геополитическое положение – соседство с древнейшими культурами Центральной Азии, Монголией и Китаем, пересечение миграционных потоков и торговых путей и, как следствие, знакомство с буддизмом, который оказал несомненное значительное влияние на формирование не только религиозных представлений, но и многих иных сторон жизни бурятского общества. Хронологически это явление совпало с началом распространения православия среди бурят, их знакомством с русской письменностью. Влияние этих двух мировых религий легко прослеживается и на примере современного бурятского общества. Освоение Сибири, ее земледельческая колонизация и инкорпорация в состав России на всех этапах сопровождалась ее изучением, а сам процесс познания, поднимаясь от примитивных «отписок» и «сказок» первопроходцев, на каждом этапе имел свои особенности, пока не принял современный вид. Одной из наиболее значимых на всех этапах освоения и инкорпорации Сибири в состав России стало осмысление судеб народов Сибири в составе России. Последнее обстоятельство отмечено отнюдь не случайно. Продвижение землепроходцев в глубь Сибири не было каким-то исключительным явлением, свойственным только для Русского государства.

Аналогичные тенденции можно наблюдать на примере многих европейских государств. Сопоставима и типология этого процесса. Однако начало массовой миграции крестьян в Сибирь в XIX в., появление теоретических конструкций империи, связанных с осмыслением идеи «единой и неделимой России» и теорией «внутреннего империализма», появление русских анклавов, своего рода островков среди обширного азиатского мира неизбежно повлекло появление теорий «мирного завоевания», «оживления» окраин, «вводление русской гражданственности», а в конечном итоге идеи обрусения народов Сибири. Сценарные планы осуществления этих теорий были различны. Но все они предусматривали поглощение азиатских окраин империи русским национальным ядром, что

вполне вписывалось в планы правительства по политическому и территориальному конструированию империи. Вполне закономерно поэтому, что обострение национального вопроса на имперских окраинах породило и встречное движение в лице национальной интеллигенции, руководителей органов национального самоуправления, которые к тому времени зачастую выступали в виде авторитетных научных экспертов. В этнической Бурятии, а сегодня это территория трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области, это были первый бурятский ученый Д. Банзаров, известный фольклорист и этнограф М. Н. Хангалов, видный деятель бурятского национального движения и историк М. Н. Богданов, главный родоначальник идинских бурят И. Пирожков, тайша хоринского ведомства Э. Вамбоцыренов, ученый-монголовед и общественный деятель Ц. Ж. Жамцарано, депутат Государственной думы II созыва Б.-Д. Очиров и др.

Важнейшими особенностями исторического развития России стали факторы ее огромности и многонациональности. Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для русского государства. Этот процесс можно наблюдать на примере многих цивилизаций Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. Сравнивая эти процессы, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансии как насильственного присоединения земель от мирной колонизации как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства.

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то же время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи.

Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне, во всех окраинных территориях империи наблюдается стремление самодержавия опереться на национальную элиту, состоящую из представителей родовой знати и старшин местных народов, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменного закона, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов.

Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимы. В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Сибирские инородцы, в том числе буряты, к примеру, освобождались от отбывания воинской повинности.

Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий.

В России по мере ее продвижения с Запада на Восток правительственные указы наоборот требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а в последствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. В России этот процесс сопровождался распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада.

Литература:

- Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение. 2007. 362 с.
Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.) // Дамешек Л. М. Избранное. Т. II. Иркутск. Изд-во «Оттиск». 2018. 415 с.
Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики в региональном измерении: сибирский вариант. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2022. 179 с.

Кальмина Лилия Владимировна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
kalminal@gmail.com

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: МОНГОЛЬСКИЙ «РАЗВОРОТ»¹

Статья посвящена российско-китайскому торговому соперничеству на монгольском рынке на рубеже XIX–XX вв. Автор доказывает, что победа осталась за Россией, начавшей его завоевание с создания транспортной инфраструктуры и формирования банковской системы.

Ключевые слова: российско-китайское соперничество; монгольский рынок; купечество; транспортная инфраструктура.

Kalmina Lilia Vladimirovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

RUSSIAN-CHINESE TRADE COMPETITION AT THE EDGE OF XIX–XX CENTURIES: MONGOLIAN TURNING

The article covers Russian-Chinese trade competition on the Mongolia market at the edge of XIX–XX centuries. The author states that Russia gained victory, its conquest, Mongolian market is meant, having been begun with the transport infrastructure and bank system development.

Keywords: Russia-Chinese competition; Mongolian market; merchants; transport infrastructure.

Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем 1862 г., в соответствии с которыми русским купцам позволялось беспошлинно торговать по всей Монголии, создали условия для активизации здесь торговой деятельности русского купечества. До этого в течение почти столетия торговые контакты России с Монголией были прекращены из-за сосредоточения всей русско-китайской торговли в Кяхте [Тагаров, 2022, с. 60, 46]. Особую заинтересованность Министерство иностранных дел России проявило в развитии торговли с северо-западной Монголией, которая представляла собой широкое поле для торговой предприимчивости [Старцев, 2003, с. 65]. Однако Китай чинил ей препятствия вопреки всем договоренностям. Газета «Восточное обозрение» напечатала письмо о неблагоприятных условиях для русской торговли в регионе. «Наша торговля в Западной Монголии, – пишет автор, – <...> встречает на своем пути серьезные притеснения <...> Злоупотребления китайской власти, идущие об руку с ловкими спекулятивными приемами китайских торговцев, создали для русской торговли целую сеть ограничений, которые способны причинить неисчислимый вред русским интересам в Монголии» [Восточное обозрение, 1889,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243-5).

№ 33]. В обращениях в различные инстанции предприниматели жаловались на несоблюдение китайцами правил торговли. Однако в большинстве случаев они оставались без удовлетворения: Россия опасалась обострения отношений с Китаем.

Успехи российской торговли в Монголии в 1860–1880-х гг. исследователи оценивают как относительные или незначительные [Тагаров, 2022, с. 45; Старцев, 2003, с. 177]. В 1890-х гг. она заметно активизировалась, но все равно проигрывала своему китайскому сопернику – «виртуозу в деле коммерции».

После проведения Транссибирской магистрали Кяхта, потерявшая статус центра чайной торговли, приобрела новый – место русско-монгольского торгового обмена. Кяхтинский импорт приобрел выраженный «монгольский» оттенок, но торговый баланс складывался не в пользу России: она вывозила товаров гораздо меньше, чем ввозила. Причем вывоз год от года падал, что стало поводом для упреков в адрес сибирского купечества, не торопившегося заполнить емкий монгольский рынок русской мануфактурой [Восточное обозрение, 1897, № 50]. Чиновник особых поручений при военном губернаторе Забайкальской области В. Заболотный причиной вялого российско-монгольского торгового сотрудничества считал отсутствие взаимной заинтересованности сторон в его успешном развитии [Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф 1482. Оп. 1. Д. 136. Л. 33]. Однако он был не совсем прав. Интенсивному торговому обмену русских с монголами мешали несколько обстоятельств. Во-первых, Монголия еще не пришла к «цивилизованному» торгу: ее торговля оставалась меновой даже в начале XX в. Русские купцы, ввозя в Монголию серебро и бумажные деньги, покупали у китайцев английскую и американскую мануфактуру, а затем обменивали ее на монгольские товары. «При наличии указанных условий в Монголии возможна только торговля скотом», – указывал В. Заболотный, – а торговля мануфактурой, сахаром, спичками «почти невозможна» [РГВИА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 136. Л. 33–34]. Второе обстоятельство – китайская конкуренция. Дороговизна российских товаров вынудила монголов за всем необходимым обращаться в Маньчжурию, через которую в Монголию поступали китайские изделия, дешевизной и качеством выгодно отличавшиеся от российских. А удобное географическое положение Китая относительно Монголии позволяло быстро доставить товар за низкую провозную плату. Третьим обстоятельством стал китайский «административный ресурс», затруднявший торговые операции русских торговцев [Тагаров, 2022, с. 45]. Наконец, российско-монгольской торговле препятствовал скудный ассортимент монгольских товаров. Некоторые считали монгольское направление тупиковым для российской торговли. В записке на имя Иркутского генерал-губернатора А. Н. Селиванова некий И. М. Иванов предлагает не гнаться за вывозом сырья из Монголии и сбытом туда своих товаров, поскольку население Монголии настолько «незначительно и бедно, что ни продать, ни купить, многого не может» [Труды совещания..., 1906, с. 198].

Увеличение ввоза серебра и денег при сокращении экспорта российских фабричных изделий свидетельствовало о том, что планы завоевания монгольского рынка, разрабатывавшиеся центральной и местной администрацией, оказались несостоятельными [Старцев, 2003, с. 177]. Но Россия не теряла надежды утвердиться в Монголии, которую военный агент Кушелев оценивал как «первое препятствие для направления Китаем своей энергии и своей предприимчивости к нашим пределам». Осознавая китайскую опасность для России в монгольском торговом пространстве, он настаивал на немедленном восстановлении экономического влияния на монголов [Кальмина, 2019, с. 62–63].

Для усиления своих позиций на зарубежном Востоке Россия применяла два экономических инструмента: создание транспортной инфраструктуры и сети кредитно-финансовых учреждений. Действенным инструментом империи стал Русско-Китайский банк, который, понимая важность монгольского направления, открыл в Монголии три офиса – в Урге, Улясутае и Калгане [Ширапов, Плеханова, Кальмина, 2022, с. 750]. Предметом российского интереса в создании транспортной инфраструктуры Монголия стала потому, что российско-китайское соперничество не исключало широкомасштабных военных действий на ее территории.

Еще до проведения Транссиба была выдвинута идея о прокладке железнодорожной ветки от Кяхты через Монголию до Пекина с тем, чтобы другим концом она соединялась с одной из станций Забайкальской дороги. Во-первых, ветка способствовала бы завоеванию русским купечеством монгольского рынка, и, соответственно, стала бы средством выхода монгольских товаров на Сибирскую магистраль. Во-вторых, позволила бы нейтрализовать экономического соперника – Китай, который с открытием движения по железнодорожной линии Тяньцзинь – Пекин – Калган наводнил Монголию товарами американского и английского производства, которые ввозились в Китай дешевым морским путем.

После получения Монголией независимости недовольство монгольского народа намерением Китая проложить железные дороги на ее территории стало очевидным, тогда как против подобных инициатив России он ничего не имел. Исследователи объясняют это разными целями России и Китая в Монголии. Для Китая железнодорожное строительство на территории Монголии являлось важным фактором ее превращения в свою колонию; Россия, планировавшая завоевание монгольского рынка, на ее свободу не покушалась [Третьяков, 2014, с. 118–119]. Десятилетиями уступая Китаю в торговле в Монголии, Россия выиграла в геополитике: Монголия оказалась в зоне ее влияния.

Литература:

- Кальмина Л. В. «Монгольский вопрос» глазами российского военного агента // Приграничный район в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф., в 2 ч. Ч. I. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 61–64.
- Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 308 с.
- Тагаров Ж. З. Монголия и история мировой экономики: сб. статей / отв. ред. И. Е. Козырская, Ю. В. Кузьмин. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2022. 124 с.
- Третьяков В. Г. Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX – начале XX в. // Россия и Монголия в начале XX в. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1: ст. участников 3-й междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. Иркутск; Улан-Батор: изд-во БГУЭП, 2014. С. 112–120.
- Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири: в 2 т. Материалы / под ред. В. Попова. Т. II. Иркутск: Издание канцелярии Иркутского Генерал-Губернатора, 1908. 479 с.
- Ширапов А. А., Плеханова А. М., Кальмина Л. В. Русско-Китайский банк как инструмент российской восточной экспансии // Историко-экономические исследования. 2022. Т. 23. № 4. С. 743–769.

Валеев Рамиль Миргасимович
доктор исторических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна
кандидат педагогических наук
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
Казань, Российская Федерация
valroz@inbox.ru

**КАЗАНЬ И КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ:
О. М. КОВАЛЕВСКИЙ И В. П. ВАСИЛЬЕВ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)¹**

К началу XX в. роль и значение Казани как экономического и политико-административного центра Российской империи и государства и Казанского университета – научного и культурного пространства – в системе геополитических и историко-культурных связей России и Центральной Азии претерпели важные сдвиги. Эти политические и культурные центры и институты оставались пространством взаимодействия тюрко-мусульманского, русско-православного и буддийского миров, культур и цивилизаций, а их политическая и социокультурная роль в развитии контактов и взаимодействия разнообразных этнополитических и этнокультурных ареалов и различных расово-антропологических обществ и групп была значимой. В статье представлены некоторые итоги реализации исследовательского проекта, посвященного изучению этапов и особенностей деятельности и наследия отечественных востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева, а также обращено внимание на их вклад в монголоведение, китаеведение и буддологию и в целом гуманистическому взаимодействию России и Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия; Восток; Центральная Азия; наследие востоковедов; О. М. Ковалевский, В. П. Васильев.

Valeev Ramil Mirgasimovich
Doctor of Sciences in History
Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

Valeeva Roza Zakariyevna
Candidate of Sciences in Pedagogy
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

**KAZAN AND KAZAN UNIVERSITY IN THE SYSTEM
OF GEOPOLITICAL AND SCIENTIFIC RELATIONS WITH CENTRAL ASIA:
O. M. KOWALEWSKI AND V. P. VASILIEV (XIX – EARLY XX CENTURIES)**

The role and importance of Kazan as the economic and political-administrative center of the Russian Empire and the state and a scientific and cultural environment of Kazan University had

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ (проекты № 23-18-00406, № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

underwent important changes in the system of geopolitical, historical, cultural ties between Russia and Central Asia by the beginning of the XX century. These political and cultural centers and institutions remained the interaction space between the Turkic-Muslim, Russian-Orthodox and Buddhist worlds, cultures and civilizations, and their political and socio-cultural role was significant in the development of contacts and interaction of various ethnopolitical and ethno-cultural areas and various racial-anthropological societies and groups. The article presents some results of the research project devoted to the stages and features of activities and heritage of Russian orientalists O.M. Kowalewski and V.P. Vasiliev. It also draws attention to their contribution to Mongolian studies, Sinology and Buddhology and, in general, humanistic interaction between Russia and Central Asia.

Keywords: Russia; East; Central Asia; legacy of Orientalists; O. M. Kowalewski; V. P. Vasilyev.

Современная геополитическая, политическая и историко-культурная ситуация в Евразии и Центральной Азии в частности, сохраняющиеся экономические и социокультурные связи России и Востока актуализируют тему политических и культурных взаимоотношений народов в прошлом и настоящем. Формирующаяся и развивающаяся новая международная система договоров и соглашений России со странами Востока, вопросы безопасности в Евразии и Центральной Азии, межэтнических отношений и гарантии исторических и культурных прав народов, современные ценности российской внешней политики в Центральной Азии диктуют необходимость комплексного анализа конкретно-исторических и историографических аспектов феномена историко-культурных и научных связей народов России со странами центральноазиатского пространства в средневековье, новое и новейшее время.

Дипломатические, торгово-экономические, научные и культурные взаимоотношения России и Центральной Азии дают оригинальный материал о существенных тенденциях мирового развития в XVI – начале XX в., месте и роли отдельных европейских и азиатских стран, в том числе наследии известных российских востоковедов О. М. Ковалевского, В. П. Васильева и их соратников.

В ряду основоположников академического и университетского востоковедения, в области монголоведения, китаеведения, буддологии, маньчжуроведения и тибетологии главное место принадлежит О. М. Ковалевскому и В. П. Васильеву. Ключевым итогом реализации проекта стала публикация двух монографий [Академик-востоковед В. П. Васильев..., 2021; Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского..., 2020].

Многогранная деятельность О. М. Ковалевского связана с формированием и развитием российской школы монголоведения в 20–50-х гг. XIX в. Более 20 лет он возглавлял в Казанском университете первую в России и Европе кафедру монгольской словесности, являлся ректором университета. О. М. Ковалевский совершил известное научное путешествие в Сибирь, Бурятию, Монголию и Китай (1828–1833 гг.), собрал уникальные книги, рукописи народов Центральной Азии, а также богатый этнографический материал по этим регионам. Он сыграл особую роль в воспитании известных востоковедов-монголоведов России: Д. Банзарова, В. П. Васильева, Г. Гомбоева, В. Л. Котвича, А. М. Позднеева и др.

Находясь у истоков новой науки, О. М. Ковалевский изучал многие аспекты жизни монголоязычных народов. Он работал в области истории, филологии, религиоведения, этнографии и оставил основополагающие труды по каждому из этих научных направлений. В его работах впервые проводилось исследование монгольского языка на современном

научно-теоретическом лингвистическом уровне, им была предложена единая целостная грамматическая концепция монгольского языка. Хрестоматии, составленные ученым для изучения монгольского языка, выходили далеко за рамки учебных пособий; их можно назвать аннотированными словарями по буддизму, литературе, истории. Он впервые последовательно и детально изложил буддийскую метафизику и составил монгольско-русско-французский словарь, основываясь на огромном литературном и лингвистическом материале.

Новизна научных исследований ученого состоит в том, что он один из первых в истории российского монголоведения осознал и принял необходимость комплексного изучения истории и культуры монгольских народов. Его труды остаются актуальными до сих пор, так как в них обозначены лингвистические, историко-культурные проблемы, часть которых уже получила освещение, другим это предстоит в будущем.

О. М. Ковалевский разработал оригинальную методику исследований и обучения, по которой работают последующие поколения российских и зарубежных монголоведов. В трудах выдающихся отечественных ученых А. М. Позднеева, К. Ф. Голстунского, А. Д. Руднева, Б. Я. Владимирцова используются выводы, идеи, высказанные О. М. Ковалевским. Его научное наследие до сих пор остается фундаментом для современных специалистов-монголоведов широкого профиля и гуманитарной основой взаимодействия России и Центральной Азии.

В. П. Васильев вошел в историю российского востоковедения как ученый-новатор, основатель целого ряда научных дисциплин. Ученик выдающегося представителя европейской и российской науки О. М. Ковалевского, В. П. Васильев провел 10 лет в Китае, буквально с нуля создавая неизвестные до тех пор в европейской ориенталистике направления. Он одним из первых заявил о необходимости равнозначного изучения вклада Востока и Запада в мировую историю. Его глубоко интересовали духовный мир Востока, буддизм как основа его религиозности, природа восточных языков, история письменностей, широкий круг вопросов по истории, литературе, географии. Труды В. П. Васильева вывели отечественное востоковедение, прежде всего синологию, на новый уровень, который характеризовал глубокое уважение к культуре восточных народов, стремление сохранить ее и вступить с ней во взаимодействие с целью более глубокого ее познания. При этом В. П. Васильев всю свою жизнь оставался патриотом своей страны, горячим поборником русского языка как языка науки.

Будучи прекрасным знатоком китайского языка, культуры и истории В. П. Васильев создал ряд фундаментальных трудов по буддизму, литературе и языку. Ему принадлежат исследования: «Буддизм, его догматы, история и литература», «История и древности восточной части Средней Азии с X по XIII вв.», востребованные специалистами на протяжении более полутора веков. В. П. Васильев впервые в отечественной науке предпринял попытку систематического изложения истории развития буддийской мысли и заявил о необходимости выработки терминологических критериев для перевода категорий буддийского учения на европейские языки.

Огромен вклад В. П. Васильева в университетское востоковедение. Лексикографические труды, словари и хрестоматии, создававшиеся им на протяжении всей жизни, имели целью привить студентам глубокое владение китайским языком. В 1851 г. В. П. Васильев впервые в Европе ввел в университетский курс преподавание истории китайской литературы. Более 20 лет ученый возглавлял факультет восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета. За это время им была воспитана замечательная плеяда исследователей, в числе которых были С. М. Георгиевский, А. О. Ивановский, Д. А. Пещуров, П. С. Попов, Д. М. Позднеев, А. И. Иванов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и многие другие, снискавшие впоследствии славу российского востоковедения и внесшие вклад в научное наследие стран и народов России и Центральной Азии.

Литература:

Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский; сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2021. 320 с.

Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2020. 440 с.

Нямаа Галиймаа

Ph.D

*Монгольский государственный университет науки и технологии
Институт управления бизнесом и гуманитарных наук
Улан-Батор, Монголия
ngaliimaa@gmail.com*

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА И РЕАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛИИ)

В данной статье автором предпринята попытка анализа социальных, экономических и культурных аспектов устойчивого развития туризма Монголии на макроуровне и определение механизмов их реализации. Стратегия устойчивого развития туризма, цели и задачи ее реализации показаны с использованием вторичных источников.

Ключевые слова: Монголия; устойчивое развитие; экологическая оценка; показатели оценки.

Nyamaa Galiimaa

Ph.D

*Mongolian University of Science and Technology
School of Business Administration and Humanitarian Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia*

THE CONCEPT OF SUSTAINABLE TOURISM DEVELOPMENT AND REALITY (THE EXAMPLE OF MONGOLIA)

In this article, the author attempts to analyze the social, economic and cultural aspects of sustainable tourism development in Mongolia at the macro level and determine the mechanisms of their implementation. The strategy of sustainable tourism development, its goals and objectives are shown using secondary sources.

Keywords: Mongolia; sustainable development; environmental assessment; assessment indicators.

Понятие стабильности и устойчивого развития в мире впервые появилось в XIX в. в связи с проблемой охраны окружающей среды. Монголы же с давних времен придерживались философии жизни в гармонии с окружающей средой. Еще в XIII в. Чингисхан определил четыре горы святынями, одна из которых – гора Бурхан-Халдун – считается местом его рождения и местом его захоронения. В начале XVIII в. законом «Халх

Джирум» запрещались охота и вырубка лесов на склонах шестнадцати гор. В 1778 г. гора Богд-хан, расположенная напротив г. Улан-Батор, была объявлена особо охраняемой территорией и считается первой охраняемой территорией в мире [Нокс, 2018]. В 1889 г. термин «экологическая устойчивость» впервые был использован в Законе США об охране дикой природы и птиц Йеллоустоунского национального парка [Yellowstone National Park, 2001]. В конце XIX – начале XX в. в Великобритании, Австралии, Канаде и Новой Зеландии были приняты законы о создании национальных парков и охране животных, растений и птиц. В 1972 г. на Международной конференции ООН «Окружающая среда человека» в Стокгольме было положено начало обсуждению экологических проблем на глобальном уровне. Текущее понимание устойчивого развития было принято в 1983 г. Всемирной комиссией ООН по развитию окружающей среды, так называемой комиссией Брундтланд. Устойчивое развитие – это комплекс мер, нацеленных на удовлетворение текущих потребностей человека при сохранении окружающей среды и ресурсов, без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно возможно лишь при равновесии трех основных составляющих: экономический рост, социальная ответственность и экологический баланс [Шульгина, 2021].

Концепция устойчивого развития Монголии–2030 утверждена Парламентом Монголии в 2016 г. (Постановление № 19). Согласно Концепции, до 2030 г. Монголия должна достичь следующих показателей:

1. увеличить валовой национальный доход на душу населения до 17,5 тыс. долларов США;
2. в период 2016–2030 гг. обеспечить среднегодовой экономический рост не менее 6,6%;
3. сократить уровень бедности среди населения;
4. уменьшить неравенство в доходах населения;
5. увеличить коэффициент обеспечения начальным и профессиональным образованием до 100%, создать систему непрерывного обучения;
6. улучшить условия жизни монгольского народа, увеличить среднюю продолжительность жизни населения до 78 лет;
7. укрепить позиции в рейтинге стран по индексу человеческого развития, а именно войти в первые 70 стран;
8. обеспечить экологический баланс всех территорий страны, войти в список первых 30 стран в рейтинге экологической эффективности;
9. войти в список 40 стран по индексу легкости ведения бизнеса и список 70 стран по индексу глобальной конкурентоспособности;
10. обеспечить профессиональное, стабильное и активное участие органов государственной власти, реализующих политику развития территории на всех ее уровнях, а также усилить борьбу с коррупцией [Витульева, 2019].

В соответствии с индексом человеческого развития, в настоящее время Монголия находится на 96 месте из 191 страны с показателем 0,73. В рейтинге стран по номинальному ВВП – на 131 месте. В 2021 г. Монголия заняла 81 место по благоприятности условий ведения бизнеса [Countryesopomtu..., 2023]. ВВП на душу населения сегодня составляет 4656 долларов США [Мунхзул, 2022].

В Монголии существует серьезная проблема в области экологии – это опустынивание земель. В 2006 г. оно достигло 72% всей территории страны и 76,9% – в 2020 г., что составило 120,3 млн га, из которых 23% или около 30 тыс. га классифицируется как сильное

или очень сильное [Оргил, 2022]. Страна придерживается «политики нового возрождения», предполагающей снижение опустынивания и деградации земель, лесовосстановление на берегах рек, увеличение зеленых насаждений в городах, создание защитных лесных полос на автомобильных и железных дорогах, сельскохозяйственных угодьях, посадка 1,5 млрд деревьев. За последние 10 лет в рамках местных бюджетов, проектов и программ международных организаций 4338 га пострадавших от опустынивания земель защищены лесными полосами, 160 га оснащены экологически чистыми механическими барьерами от миграций песка, 2481 родник защищен ограждением. В 2020–2021 гг. на 235 га пострадавших от опустынивания и деградации земель устроены защитные лесополосы и заграждения для уменьшения миграции песка и защите родников [Оргил, 2022].

Согласно определению Всемирной туристской организации, устойчивое развитие туризма представляет собой сочетание ориентированной на будущее политики защиты окружающей среды с потребностями принимающей страны и туристов [Ultimate guide..., 2023]. На основании резолюции 70/193 Генеральной Ассамблеи ООН 2017 г. был объявлен Международным годом устойчивого туризма в интересах развития. Одна из задач заключается в том, чтобы «к 2030 г. обеспечить разработку и осуществление стратегии поощрения устойчивого туризма, способствующего созданию рабочих мест, развитию местной культуры и производству местной продукции». По Концепции устойчивого развития Монголии до 2030 г. страна должна стать международным центром миграционной культуры и туризма. Предусмотрено три этапа, в результате реализации которых в 2026–2030 гг. число иностранных туристов должно возрасти до 2 млн чел. [УИХ, 2016].

В 2018 г. Монголию посетило 529360 иностранных туристов, в 2019 г. – 577262 чел. Количество туристов возросло на 9%, а доходы туристической отрасли выросли на 10,2%. После пандемии COVID в 2022 г. в Монголию приехало 290 тыс. туристов. По Концепции устойчивого развития в 2016–2020 гг., число иностранных туристов должно было достичь 1 млн чел. Цель не была достигнута. С 2007 г. Всемирный экономический форум (ВЭФ) раз в два года рассчитывает показатели конкурентоспособности туристического сектора более чем 130 стран. По состоянию на 2019 г. Монголия занимала 93 место из 140 стран с результатом 3,5 из 7 баллов в индексе. Это самый высокий показатель для нашей страны с 2013 г., он вырос на 9 пунктов [Аялал жуулчлалын салбарын..., 2020]. Однако с начала расчета этого индекса Монголия получила всего лишь около 3 баллов, что свидетельствует о слабой конкурентоспособности туристической отрасли страны.

Говоря о долгосрочной экономической прибыли, важны такие показатели, как «разумное использование» и «устойчивое развитие». За первые четыре месяца 2019 г. экспорт горнодобывающей промышленности возрос на 18%, экспорт скота – на 26%, промышленный экспорт – на 2%, а экспорт сельскохозяйственной продукции – на 256% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. Все это положительно повлияло на развитие туризма. Рост производства горнодобывающего сектора составил 14,5%. Другие сектора за тот же период выросли на 6,8%, из которых 2,2% пришлось на оптовую и розничную торговлю, 2,3% – на прочую деятельность в сфере услуг и 1% на рост чистого налога на продукцию [Хүн амын дундаж наслалт, 2020]. После пандемии COVID в 2022 г. экономический рост достиг 1,9% в первой половине года, а инфляция оставалась двузначной 11 месяцев подряд. Доходы и заработная плата граждан и предприятий снизились из-за роста цен. Валютные резервы сократились до 2,4 млрд долларов США. Поэтому так важна стабилизация экономики [Мунхзул, 2022].

По сравнению с предыдущим годом в 2018 г. Монголия сместилась со 102 на 85 место в мире по включению государством индустрии туризма в качестве ведущей отрасли [Аялал жуулчлалын салбарын..., 2019]. Транспортный сектор, играющий ведущую роль в туристическом секторе, включая количество внутренних и иностранных авиакомпаний, количество рейсов и мест, играет положительную роль в доходах Монголии от туризма. Например, в 2018 г. три отечественных и пять иностранных авиакомпаний выполняли регулярные рейсы по всей Монголии. В 2019 г. количество мест в Монголии увеличилось на 4% за счет прихода южнокорейской авиакомпании Asiana Airlines. Чтобы увеличить общее количество мест на 29% в 2020 г., Turkish Airlines увеличила частоту полетов в семь раз в неделю с большим самолетом, добавив 70 тыс. мест. В международном путеводителе Lonely Planet в 2017 г. были названы лучшие страны для путешествий, Монголия заняла шестое место [Баяраа, 2019]. С другой стороны, увеличение количества рейсов в Монголию и числа посадочных мест ведет к росту нагрузки на окружающую среду.

Культура и бизнес развиваются за счет организации мероприятий, рассчитанных на увеличение потока туристов. Структура потока туристов, приезжающих в Монголию, изменяется. Полностью принимающие культуру страны элитные туристы в основном едут через Монголию, приобретая путевки с помощью турагентов и туроператоров [Ramjit, 2016]. Показ уникальности традиционной монгольской культуры туристам удовлетворяет их. Однако большого наплыва туристов в Монголию еще нет. Есть понятие «ограничение вместимости». Это максимальное количество туристов, которое может быть принято без причинения серьезного ущерба физической среде дестинации. Для поддержания туристической деятельности в пределах пропускной способности необходимо учитывать факторы: время пребывания, особенности туристов и владельцев, географическая концентрация туристов, сезонная температура, модели активности туристов, доступ к специальным туристическим местам, снижение уровня использования инфраструктуры и пропускной способности, развитие и расширение возможности, особенно в производственном секторе экономики [Галиймаа, 2013]. Почвенный и климатический потенциалы ограничены, правовая среда несовершенна, а из-за отсутствия экологического образования и мышления пользователей и собственников интенсивно идут процессы эрозии и загрязнения почв [Болд, 2019].

76% туристов приезжают в Монголию на срок до 14 дней, 24% – на 14 и более дней. Свыше 60% туристов едут через свои турагентства, в среднем потратив 2187 долларов США. Туристы, покупающие тур у монгольского туроператора, платят в среднем 2038 долларов США, включая приобретение кашемировых изделий, изделий ручной работы и сувениров. Туристы, организующие поездку самостоятельно, тратят в среднем 1658 долларов США [Аялал жуулчлалын салбарын..., 2019]. Согласно проведенным исследованиям, более половины иностранных туристов старше 40 лет. Один из трех туристов старше 55 лет, что свидетельствует о наличии спроса на товары и услуги для потребителей этого возраста. Исходя из этого, можно создать долгосрочную программу путешествий, ориентированную на туристов старше 55 лет без привязки к рабочим отпускам. Отсутствие информации о поездке является самой большой проблемой, поэтому необходимо готовить и распространять ее на нескольких языках. Монголия занимает 62 место из 140 стран по природным ресурсам, что является относительно высоким показателем. Об этом свидетельствуют и ответы иностранных туристов, приехавших в Монголию. Выбирая Монголию, туристы придают большое значение знакомству с монгольской культурой в целом, видам и красотам страны,

верховой езде, посещению монгольского дома, возможности попробовать национальные монгольские блюда.

Пример Монголии показывает, что устойчивое развитие и устойчивый туризм не всегда совместимы. Подходит ли для Монголии, имеющей экстремальный климат, хрупкую почву и быстрое опустынивание, стратегия увеличения числа иностранных туристов? Политика, направленная на то, чтобы сделать туризм одним из своих ведущих секторов, является благоприятным условием для поддержки устойчивого развития, но конкурентоспособность туристического сектора слаба из-за многих социальных и экономических факторов. Прежде всего, компетентность, повышающая конкурентоспособность туристического сектора, невысока из-за неоптимального распределения природных ресурсов, высоких цен на авиабилеты, недостаточного количества мест в гостиницах и ресторанах, отсутствия разнообразия товаров и услуг для туристов и др. Для развития туризма в Монголии необходим новый сегмент на туристическом рынке, вертикальная и горизонтальная система формальной и неформальной инспекции стандартов туристических услуг, расширение экотуризма и экологической оценки туристических баз по международным стандартам, улучшение вида и качества продуктов и услуг для туристов.

Литература:

Аялал жуулчлалын салбарын орлого 10.2 хувиар нэмэгдлээ. Visit Ulaanbaatar / URL: <http://tourism.ub.gov.mn>-ээс / Гаргасан 2020 оны 6, 16.

Аялал жуулчлалын салбарын өнөөгийн байдал, шийдвэрлэх асуудлууд. Улаанбаатар, 2019.

Баяраа Я. Салбарлан буй салбар. URL: eagle.mn: <http://eagle.mn/r/61054>-ээс / Гаргасан 2019 оны 7, 1.

Болд Б. Хөрсний бохирдол буураагүй байна. МОНЦАМЭ / URL: <http://montsame.mn/mn/read/209137>-ээс / Гаргасан 2019 оны 12, 5.

Витульева Т. А. Реализация политики устойчивого развития Монголии. Улаанбаатар, 2019.

Галиймаа Н. Олон улсын аялал жуулчлал. Улаанбаатар: Жиком, 2013.

Yellowstone National Park. URL: <http://www.gdrc.org/uem/eco-tour/eco-tour.html>-ээс / Гаргасан 2001 оны 9, 7.

Мунхзул Б. Проходит общественное обсуждение «Госбюджет 2023. Политика» / URL: <https://montsame.mn/ru/read/306325>-ээс / Гаргасан 2022 оны 10, 19.

Мунхзул Б., Оюун-Эрдэнэ Л. Мы стремимся к значительному развитию энергетического сектора. Политика / URL: <https://montsame.mn/ru/read/303469>-ээс / Гаргасан 2022 оны 9, 8.

Нокс Ж. Х. Тусгай илтгэгчийн Монгол улсад хийсэн томилолтынхоо үеэр хүний аюулгүй цэвэр, эрүүл, тогтвортой орчинд амьдрахтай холбоотой эрхийг хангахад тулгарч буй асуудлуудын талаар гаргасан тайлах. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2018.

Оргил Э., Бат-Эрдэнэ Б.: Монгол орны нийт нутаг дэвсгэрийн 76.9 хувь нь цөлжилтөд өртсөн / URL: <https://gogo.mn/r/vvjky>-ээс / Гаргасан 2022 оны 06, 03.

Ranjit. Typology of tourists / URL: http://www.cukashmir.ac.in/departmentsdocs_22/E-Module_-II_MTTMC101.pdf-ээс / Гаргасан 2016.

УИХ. Монгол улсын тогтвортой хөгжлийн үзэл баримтлал 2030 / URL: <http://www.mfa.gov.mn>-ээс / Гаргасан 2016.

Ultimate guide to sustainable tourism in 2023. / URL: <https://www.nomadasaurus.com/sustainable-tourism/>-ээс / Гаргасан 2023 оны 2, 27.

Хүн амын дундаж наслалт. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан / URL: <http://www.1212.mn/tables.aspx>-ээс / Гаргасан 2020.

Countryeconomy.com. Mongolia. 2023.

Шульгина Ю. Устойчивое развитие: что это такое и в чем его значимость. Forbes: Гаргасан 2021 оны 4, 12.

*Цэвээндорж Жавзандулам
Этүгэн Университет
Улан-Батор, Монголия
javzandulamtseveendorj@gmail.com*

*Цэрэнжав Уранцэцэг
Этүгэн Университет
Улан-Батор, Монголия
urantsetseg.ts@etugen.edu.mn*

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ТУРИЗМ И НОВЫЙ ЧАЙНЫЙ ПУТЬ

В настоящее время возрастает роль трансграничного туризма в международных отношениях и региональном развитии. Тем не менее, все еще существуют проблемы, связанные с политическим регулированием, социально-культурными, экономическими и управленческими аспектами развития трансграничного туризма. Процесс разработки трансграничных туристических решений требует не только времени, но и совместных инвестиций. В истории международных отношений между Россией и Монголией были крупные экономические связи под названием «Чайный путь». Ныне мы работаем над восстановлением знаменитого чайного маршрута и развитием его как регионального туристического бренда. Данная статья показывает, что подобный кластер туристических продуктов России, Монголии и Китая, участвующих в проекте «Новый чайный путь», создаст благоприятные условия для развития и мирового признания.

Ключевые слова: туризм; приграничный туризм; чайный маршрут.

*Ts. Javzandualm
Etugen University
Ulaanbaatar, Mongolia*

*Ts. Urantsetseg
Etugen University
Ulaanbaatar, Mongolia*

CROSS BORDER TOURISM AND NEW TEA ROAD EXPRESS

The role of cross-border tourism in international relations and regional development is increasing. However, there are still challenges from political regulations, socio-cultural, economic and governance aspects to the development of cross-border tourism. The process of developing cross-border tourism products requires not only time but also joint investment. In the history of foreign relations between Russia and Mongolia, there was a major economic relationship called "Tea Road". Currently, we are working to restore the famous tea route and develop it as a regional tourism brand. This article highlights that the creation of a tourism product cluster of Russia, Mongolia, and China participating in the New Tea Road Express project creates favorable conditions for regional and global recognition.

Keywords: tourism; cross-border tourism; tea route.

Введение. Внешняя политика любой страны начинается с отношений с соседними странами. Отношения и сотрудничество в приграничных районах Монголии и России имеют очень давние традиции. Приграничная политика, как правило, способствует развитию торговли, облегчению передвижения и сотрудничества и либерализации экономической

деятельности, включая международный трансграничный туризм [Weidenfeld, 2013]. Используя различные формы решения в туристической деятельности и гармонично ее организуя, можно быстро реагировать на изменения в других областях, таких как экономика, политика, экология и культура.

Приграничный и трансграничный туризм. Исследователи определяют термин «трансграничный туризм» как любой туристический продукт или деятельность, связанную с въездом туристов из соседних стран через государственную границу [Jimber del Río, Orgaz Agüera, Moral Cuadra, Cañero Morales, 2017]. Это исходит из понимания того, что трансграничный туризм осуществляется на территории, непосредственно прилегающей к государственной границе, и предполагает взаимодействие предприятий, населенных пунктов и негосударственных общественных организаций сопредельных стран в создании трансграничного туризма [Ioannides, Nielsen, Billing, 2006].

Хотя границы явно влияют на международный туризм, они изучались в контексте туризма [Timothy, Tosun, 2003]. В результате глобализации страны мира объединялись посредством социальных, экономических и политических связей и способствовали созданию взаимозависимой мировой экономической системы. Второй набор проблем, связанных с трансграничным сотрудничеством в сфере туризма, связан с политическими факторами. Для туристов административные барьеры на границах в результате политических споров оказывают значительное влияние на их желание путешествовать [Там же].

Основными элементами трансграничного туристического продукта являются: туристическая ценность территории, развитая инфраструктура и качественные туристические услуги в трансграничном регионе. Продукты трансграничного туризма представляют собой региональные продукты, определяемые следующим образом: один продукт с единым трансграничным региональным туристическим названием и продвижением; управление этим продуктом является обязанностью туристических организаций, расположенных по обе стороны границы в приграничных регионах; этим продуктом пользуются не только приграничных регионов, но и отечественные и иностранные туристы; создание трансграничного туристического продукта, в том числе развитие услуг, связанных с его разносторонним. Создание трансграничных туристических продуктов требует широкого участия государственного и частного секторов. С точки зрения организаций, разрабатывающих туристическую политику, можно выделить такие ее уровни, как международный, внутренний, региональный и местный уровни.

Трансграничный туризм «Новый чайный путь». Проект «Экспресс чайного пути» по развитию регионального туризма был представлен на форуме министров туризма Монголии, России и Китая. «Новый Чайный Путь» или «Экспресс Чайный Путь» – это специальное (чартерное) железнодорожное путешествие по Монголии, России, Китаю и КНДР. Цель этой поездки – создать в регионе совершенно новый, уникальный железнодорожный маршрут, а также новый туристический продукт и кластерную область на глобальной туристической карте. В 2016 г. была создана «Международная ассоциация чайных дорог трех стран и пяти регионов». Это сотрудничество является оптимальным механизмом для разработки, запуска и поддержки новых туристических продуктов.

В 2011 г. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Монголии выступило с инициативой реализации проекта «Чайный путь» и начало работу с участием туристических компаний, неправительственных организаций и исследователей. Этот проект направлен на возрождение международного туризма по многовековому традиционному маршруту экономики, торговли, культуры и истории через континенты и страны. В его рамках была проведена международная исследовательская поездка по

регионам Внутренней Монголии, Монголии и Бурятии в течение двух недель, общей протяженностью более 3 тыс. км на автомобилях, поездах и самолетах.

Экспресс-маршрут «Новый чайный путь». Путешествие начинается из Улан-Батора, столицы Монголии, проходит через российские города Иркутск, Чита и достигает Хабаровска. Оттуда мы отправимся в Пхеньян, столицу Северной Кореи. Поездка продолжится через Пекин и Хух-Хот и завершится возвращением в столицу Монголии. Предварительно предполагается, что общая длина этой поездки составит около 7701 км. Путешествие длится примерно 18–20 дней. Большой интерес у международных и иностранных туристов вызывает железная дорога, которая проходит от Иркутска до Пекина по территории Монголии. Эту линию можно использовать для продвижения новых международных поездов.

В чем преимущества путешествия на экспрессе «Новый чайный путь» для туристов? Можно будет посетить страны, которые ранее посещались отдельно; можно будет путешествовать по многим странам с минимальным вредом для окружающей среды. Путешествие на поезде безопасно и удобно; большое количество туристов могут путешествовать одновременно. На поезде можно быстро преодолевать большие расстояния, осматривая, исследуя и сравнивая разнообразные экосистемы на одной территории.

Региональные преимущества международного экспресс-поезда «Новый чайный путь». Привлекать туристов со всего мира и продвигать регион; в регионе будут созданы новые маршруты и коридоры международного туризма; у нас будут совместные туристические продукты, которые дополняют друг друга в регионе; старый чайный путь будет преобразован в «Новый чайный путь» и станет средством соединения стран; таможенный въезд между странами будет относительно легким, безбарьерным; въезд в страны-участницы будет возможен без каких-либо препятствий; экономическая эффективность будет повышаться с увеличением числа иностранных туристов; будет развиваться региональная интеграция; возможность развивать мирные и братские отношения в регионе; благодаря туризму будут укрепляться доверие и сотрудничество между гражданами Монголии, России, Китая и Северной Кореи; в будущем к этому проекту могут присоединиться и другие страны, например, Южная Корея.

Какая поддержка и действия требуются от государств-членов? Прежде всего, нам потребуется мощная политическая поддержка со стороны профильных министерств государств-членов. Будет необходимо предоставить должную техническую поддержку и провести консультации с национальными железнодорожными организациями перевозчиков соответствующих стран. Среди стран-членов возникнет необходимость предоставления льготных визовых условий для пассажиров этого поезда, а также ускоренного пограничного и таможенного оформления. Необходимо будет обеспечить меры безопасности со стороны соответствующих организаций, через страны которых проходит путешествие. Также необходимо будет обеспечить необходимую логистику и уровень сервиса для туристов, в отношении организации питания от соответствующих организаций стран, в которые они путешествуют. Наконец, потребуется долгосрочная поддержка, возможно, гранты, со стороны государственного сектора заинтересованных сторон.

Заключение. Изучение теории и практики трансграничного туризма показывает, что важную роль играют не только отношения соседних стран, но и международные отношения и сотрудничество. Туризм является мостом политических, экономических, социальных и культурных отношений между странами и играет ключевую роль в развитии всего макрорегиона. В рамках проекта «Новый чайный путь», который приносит и, возможно, принесет в будущем большой прогресс и удовлетворение в отношениях между Россией и Монголией, можно сделать вывод, что «трансграничный туризм» может развиваться как глобальный бренд на региональном уровне.

Литература:

- Баатар Ц. Монгол, Хятад, Оросын хил орчмын хамтын ажиллагааг хөгжүүлэх боломж, сорилт. Олон улс судлал сэтгүүл. 2019. № 1(109).
- Батсайхан Ц., Төрбат Н., Мөнх-Эрдэнэ А., Пунсаг А. Түмэн газрын цайны зам ба Монгол орон. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2017.
- Ioannides D., Nielsen P.A., Billing P. Transboundary Collaboration in Tourism: the Case of the Bothnian Arc // *Tourism Geographies*. 2006. № 8(2). Pp. 122-142.
- Jimber del Río J. A., Orgaz Agüera F., Moral Cuadra S., Cañero Morales P. C. Satisfaction in Border Tourism: an Analysis with Structural Equations // *European Research on Management and Business Economics*. 2017. № 23 (2). P. 103–112.
- Studzieniecki T., Palmowski T., Korneevets V. The System of Cross-Border Tourism in the Polish-Russian Borderland // *Procedia Economics and Finance*. 2016. № 39. P. 545–552.
- Timothy D. J., Tosun C. Tourists' Perceptions of the Canada – USA Border as a Barrier to Tourism at the International Peace Garden // *Tourism Management*. 2003. № 24 (4). P. 411–421.
- Timothy D. J. *Tourism and Political Boundaries*. London: Routledge, 2001.
- Weidenfeld A. Tourism and Cross Border Regional Innovation Systems // *Annals of Tourism Research*. 2013. № 42. P. 191–213.
- Шагдарсүрэн А., Гэрэлтөв Д., Бадрал Е. Цайны зам. Улаанбаатар, 2016.

Новиков Павел Александрович

доктор исторических наук

Иркутский национальный исследовательский

технический университет

Иркутск, Российская Федерация

novikov710@yandex.ru

КОРПУСА И ДИВИЗИИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА В 1904–1953 ГГ.

Рассматривается опыт военного строительства в Забайкалье через обзор исторической судьбы полевых корпусов и дивизий. На большом хронологическом отрезке показана преемственность в дислокации, подчеркнута геополитическое и военное значение региона.

Ключевые слова: воинские соединения; мировые войны; Забайкалье; дислокация; преемственность.

Novikov Pavel Alexandrovich

Doctor of Sciences in History

Irkutsk National Research Technical University

Irkutsk, Russian Federation

CORPS AND DIVISIONS IN TRANSBAIKALIA FOR THE DEFENSE OF THE FATHERLAND IN 1904–1953

The experience of military construction in Transbaikalia is considered through a review of the historical fate of field corps and divisions. A large chronological segment shows the continuity in the deployment, emphasizing the geopolitical and military importance of the region.

Keywords: Military formations, world wars, Transbaikalia, dislocation, succession.

Велика значимость исторического опыта военного строительства как двух последних десятилетий Российской империи, так и трех первых десятилетий развития Советского Союза. Территориальные рамки нашего рассмотрения охватывают территорию Забайкальской области Российской империи или по современному административно-территориальному делению Республику Бурятия и Забайкальский край.

Гражданская война – это отдельная многогранная тема, нами обзорно рассмотренная [Новиков, 2005, с. 100–128, 209–235], поэтому выведем в рамки рассмотрения период 1918–1922 гг. Мы также не будем подробно рассматривать развитие военных округов (Восточного Сибирского, Приамурского, Иркутского, Забайкальского, Забайкальско-Амурского и т.д.) и историю общевойсковых (16-й, 17-й, 36-й, 53-й), 6-й гвардейской танковой, 12-й (45-й) воздушной армий, Забайкальской армии ПВО, в разное время находившихся в Забайкалье и восточной Монголии. Сосредоточимся на обзоре истории основных тактических единиц вооруженных сил – корпусов и дивизий полевых войск. Мы не рассматриваем развитие Забайкальского казачьего войска XIX в. (6 полковых и 12 батальонных округов, на базе которых в случае войны планировалось развернуть ряд конных и пеших бригад), местных, запасных (готовивших пополнения) войск, государственного ополчения (предназначенных для охраны тыловых объектов). Однако по последним двум видам войск все же укажем период существования соединений. Новизна данной публикации в показе преемственности в дислокации войск, геополитической и военной роли Забайкалья.

Первым из полевых соединений, размещавшихся в Забайкалье, можно считать сформированную 31 января 1904 г. 1-ю Сибирскую пехотную дивизию, включавшую пехотные полки, развернутые из резервных батальонов. Соединение участвовало в русско-японской войне, в июне 1906 г. свернуто в резервную бригаду, в 1910 г. упразднено.

С 1906 г. на территории Забайкальской области дислоцировался 2-й Сибирский армейский корпус (штаб – г. Чита), сформированный летом 1900 г. в Хабаровске и в русско-японской войне действовавший в Южной Маньчжурии. С 1906 г. в корпус входили 4-я и 5-я Восточно-Сибирские (с 1910 г. Сибирские) стрелковые дивизии, Забайкальская казачья бригада. Пункты квартирования: Березовка, Песчанка, Сретенск, Троицкосавск (ныне в составе г. Кяхта), Чита. С середины сентября 1914 г. 2-й Сибирский армейский корпус участвовал в боях Первой мировой войны против немецких войск в Привислинских и Прибалтийских губерниях. Штаб корпуса расформирован в апреле 1918 г. в Ярославле.

Забайкальская казачья бригада (отдельно от корпуса) убыла в начале сентября 1914 г. на Юго-Западный фронт, где с 10 октября участвовала в боях. В ноябре 1915 г. в Бобруйске переформирована (добавление одного полка 2-й очереди) в одноименную дивизию. Из пяти развернутых в ходе летней мобилизации 1914 г. полков Забайкальского казачьего войска четыре образовали 2-ю и 3-ю Забайкальские казачьи бригады (по два полка в каждой), действовавшие с весны 1915 г. в рядах Кавказской армии. Дивизия вернулась в Забайкалье в январе 1918 г., бригады – в феврале 1918 г.

Осенью 1914 г. в Забайкалье развернуты восемь (пять в Березовке, по одному в Верхнеудинске, Чите, Сретенске) запасных стрелковых батальонов, составившие 1-ю Сибирскую стрелковую запасную бригаду. Зимой 1915–1916 гг. эта бригада была передислоцирована в Туркестан, где летом–осенью 1916 г. стала главной силой при подавлении восстания коренного населения, недовольного призывом на тыловые работы.

Осенью 1914 г. в Иркутском военном округе (Восточная Сибирь) сформирован 7-й корпус государственного ополчения из семи пеших дружин по 1000 чел., из которых две располагались в Чите. В начале 1915 г. корпус расформирован, а его части перемещены в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. В 1915 г. из Поволжья прибыло управление 45-й бригады государственного ополчения (часть дружин разместилось в

Забайкалье), в 1916 г. в Чите образовано управление 113-й бригады, объединившее пять дружин до 2000 чел. каждая: две дружины в Чите, одна в Антипихе, одна на станциях Даурия и Маньчжурия, одна в Нерчинске и в с. Нерчинский Завод.

К началу 1924 г. СССР располагал 49 стрелковыми, 19 кавалерийскими дивизиями и бригадами. Для понимания динамики отметим, что Российская империя (бывшая на 15% обширнее, чем СССР) к началу 1914 г. имела 70 пехотных и стрелковых дивизий, 17 стрелковых бригад, 24 кавалерийские и казачьи дивизии, 8 казачьих и конных бригад. По России развернуто еще 35 дивизий 2-й очереди, но в Забайкалье таких соединений не формировалось.

В июле 1924 г. в Чите сформировано управление 18-го стрелкового корпуса, практически сразу же переведенное в Иркутск. В корпус входили 35-я Сибирская стрелковая дивизия в Иркутске; 36-я Забайкальская стрелковая дивизия в Чите; 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада (до июня 1922 г. одноименная дивизия) поселок Березовка (ныне Дивизионная под г. Улан-Удэ) (с 1927 г. штаб бригады на станции Даурия); с 1926 г. Бурят-Монгольский кавалерийский эскадрон (с 1 октября 1927 г. Отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион) – поселок Березовка. До передислокации в Березовку 5-я Кубанская бригада в 1922–1923 гг. квартировала в Троицкосавске (ныне Кяхта). Кроме того, до 1922 г. еще при существовании Дальневосточной республики в Сретенске формировалась Дальневосточная (впоследствии 9-я) кавалерийская бригада, затем переброшенная в Приморье, в Никольске–Уссурийск.

С 16 сентября 1922 г. по 1 сентября 1937 г. 36-я стрелковая дивизия дислоцировалась в Чите (с перерывом на участие в конфликте на КВЖД в 1929 г.). С 1 сентября 1937 г. по 15 мая 1939 г. соединение размещалось в г. Улан-Батор (Монголия) в составе 57-го Особого корпуса [Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 1743. Оп. 1. Д. 5. Л. 82]. К 15 мая 1939 г., сохранив прежнее подчинение, дивизия была передислоцирована в район горы и города Хамар-Даба (Монголия).

С 17 октября 1939 г. по 7 июля 1941 г. уже в статусе мотострелковой и удостоенной ордена Ленина 36-я дивизия находится в Сайншанде (Монголия). С 7 июля по 8 августа 1941 г. дивизия дислоцируется в районе сомона Матад (Монголия), а затем до 12 июня 1946 г. в Улан-Цэрэг (Монголия).

С 1 июля 1940 г. управление войск Дальнего Востока и Забайкальского военного округа подверглось реорганизации и образованы две армии: 16-ю («Борзинскую») армию предписано подчинить Военному Совету Забайкальского военного округа в составе: управление армии, 12-й стрелковый корпус (65-я, 94-я и 152-я стрелковые дивизии), 5-й механизированный корпус (13-я и 17-я танковые дивизии, 109-я моторизованная дивизия), 15-я и 22-я кавалерийские, Забайкальский укрепленный район. 32-й стрелковый корпус (46-я, 93-я и 114-я стрелковые дивизии) со штабом в Иркутске с июля 1940 г. подчинен тому же Военному Совету, а с середины июля 1941 г. – 16-й армии.

25 мая 1941 г. 16-я армия получила приказ (директиву) передислоцироваться в Закавказье, но по пути следования она была перенаправлена в Киевский военный округ. Судьба соединений: под Смоленском погибла 13-я танковая дивизия, 17-я танковая переформирована в 126-ю танковую бригаду, 57-я танковая дивизия – в 128-ю танковую бригаду, обе эти бригады погибли в котле под Вязьмой. 16–28 июля 1941 г. юго-западнее Киева на марше 109-я моторизованная дивизия переформирована в 304-ю стрелковую (с весны 1943 г. 67-я гвардейская).

Оставшаяся в Монголии 17-я армия на 22 июня 1941 г. включала 61-ю (имевшую наибольший номер среди подобных соединений довоенного формирования) танковую

дивизию, 82-ю моторизованную, 36-ю и 57-ю мотострелковые дивизии, 9-ю мотоброневую бригаду, ряд частей армейского подчинения.

27 июля 1941 г. на базе управления расформированного 12-го стрелкового корпуса в Забайкалье развернута 36-я армия (65-я, 93-я, 94-я, 114-я стрелковые дивизии, 31-й (Даурский) и 32-й (Борзинский) укрепленные районы).

Так, например, 93-я стрелковая дивизия формировалась в мае-июне 1939 г. в военном городке Антипиха г. Чита на базе 106-го Сибирского стрелкового полка 35-й Сибирской стрелковой дивизии. В июле 1939 г. 93-я стрелковая дивизия была переброшена на станцию Даурия для отражения вероятного наступления японцев. В октябре 1939 г. дивизия вернулась в Антипиху. 6 октября 1941 г. дивизия получила приказ о выступлении на советско-германский фронт. 20 апреля 1942 г. за проявленную отвагу дивизия удостоена звания «гвардейская» и преобразована в 26-ю гвардейскую стрелковую. В послевоенные годы дивизия дислоцировалась в г. Гусев и г. Нестеров Калининградской области.

В июне–октябре 1941 г. Забайкальский округ (фронт) отправил в действующую армию не менее шести стрелковых дивизий еще довоенного формирования: 46-ю (в сентябре 1941 г. расформирована под Смоленском), 65-ю (впоследствии 102-я гвардейская), 82-ю мотострелковую (затем 3-я гвардейская стрелковая, с 28 июня 1943 г. 6-й гвардейский механизированный корпус), 93-ю, 114-ю (в 1945 г. из Норвегии выведена в центральную Карелию, в поселок Реболы, где в июне 1946 г. расформирована), 152-ю (судьба как у 46-й). Отправлять на фронт остальные соединения, сформированные до войны, Ставка не стала.

Так в 17-й армии оставались 36-я и 57-я мотострелковые дивизии, в 36-й армии – 94-я стрелковая. Эти соединения участвовали в советско-японской войне, после размещались в Забайкалье, причем 57-я в начале 1947 г. свернута в полк.

36-ю армию пополнили 209-я и 210-я стрелковые, 58-я кавалерийская (временно в декабре 1941 г.) дивизии [Воронцов, 2018]. Летом 1942 г. в составе 36-й армии образован 2-й стрелковый корпус (94-я, 103-я, 210-я стрелковые дивизии). Армия также имела два укрепленных района, две стрелковые и одну танковую бригаду. К 5 июля 1943 г. число стрелковых дивизий достигло 7, танковых бригад 3, а стрелковые бригады напротив упразднены путем вливания в новые дивизии. К апрелю 1945 г. при том же числе (семь) стрелковых дивизий, в состав 36-й армии дополнительно сформировано управление 86-го стрелкового корпуса. После разгрома Японии наступили послевоенные будни [Петренко, 2016; Воронцов, 2019].

Литература:

Воронцов В. Н. «Мы – армия страны, мы – армия народа»: организационные мероприятия 1941–1947 гг. в Забайкалье и Монголии // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 230–238.

Воронцов В. Н. «На штаты мирного времени»: послевоенная судьба сформированных на Забайкальском фронте в 1941–1943 гг. стрелковых корпусов и дивизий // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. № 4. С. 239–247.

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

Петренко В. М. Забайкальско-Амурский (Забайкальский) военный округ в 1945–1953 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 3. С. 10–17.

Жалсанова Бутит Цыдылмункуевна
доктор исторических наук
Государственный архив Республики Бурятия
Улан-Удэ, Российская Федерация
butit62@mail.ru

Шаповал Евгений Юрьевич
кандидат исторических наук
Государственный архив Республики Бурятия
Улан-Удэ, Российская Федерация
ewgen8282@inbox.ru

**ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ И ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ
«ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ БУРЯТ В НАЧАЛЕ XX В.»
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МИГРАЦИИ БУРЯТ В 1920-Е ГГ.**

Статья посвящена межрегиональному выставочному проекту государственных архивов Республики Бурятии и Забайкальского края, раскрывающему историю трансграничных миграций бурят в начале XX в.

Ключевые слова: выставочный проект; революции; трансграничные миграции; Бурятский национальный отдел; Намдак Дылыков.

Zhalsanova Butit Tsydyrmunkuevna
Doctor of Sciences in History
State Archive of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russian Federation

Shapoval Evgeniy Yurievich
Candidate of Sciences in History
State Archive of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russian Federation

**EXHIBITION PROJECT OF THE STATE ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AND THE TRANS-BAIKAL TERRITORY
«CROSS-BORDER MIGRATIONS OF THE BURYATS IN THE EARLY XX CENTURY»
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF MIGRATION OF THE BURYATS IN THE 1920S**

The article is devoted to the interregional exhibition project of the state archives of the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory, which reveals the history of cross-border migrations of the Buryats at the beginning of the 20th century.

Keywords: Exhibition project; revolutions; cross-border migrations; Buryat National Department; Namdak Dylykov.

Выставочные архивные проекты имеют важное значение для развития исторической науки, для подтверждения правдивости исторических событий, выполняют научную и просветительскую функции. Выставки призваны привлечь внимание ученых, исследователей, общественности к предложенной теме, при этом должны быть визуально привлекательными и вызывать определенный эмоциональный настрой у посетителей.

Статья посвящена подготовке и презентации межрегионального выставочного проекта «Трансграничные миграции бурят в начале XX в.» в рамках проведения

XIV международного бурятского фестиваля «Алтаргана–2020» (20–22 июля 2022 г., пос. Агинское Забайкальского края). Актуальность выбранной темы вызвана научным интересом к архивным документам, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Буряты, проживающие в трех государствах – России, Монголии и Китае – проявили большую заинтересованность к теме миграции бурят в начале XX в., ведь это касается истории каждой семьи – мигрантов, оказавшихся разделенными границами.

В ходе подготовки выставки была разработана концепция, согласно которой началась работа специалистов двух государственных архивов – Республики Бурятия и Забайкальского края. В концепции выставки были соблюдены общеисследовательские принципы и методы.

Цель выставки – популяризация архивных документов по истории трансграничных миграций бурят в начале XX в.

Хронологические рамки выставочного проекта: 1917–1923 гг. Нижняя граница обусловлена Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., внесшими значительные изменения в социально-экономическом укладе бурятских обществ, верхняя граница – произошедшими изменениями в статусе бурятских эмигрантов в связи с принятием монгольского подданства.

Выставочный проект был подготовлен на документах следующих фондов:

Государственного архива Республики Бурятии:

ФР.32 – «Агинское аймачное управление»,

ФР. 305 – «Народная дума бурят-монголов Восточной Сибири»,

ФР. 308 – «Агинская бурятская аймачная дума»,

ФР. 483 – «Центральный бурятский национальный комитет»,

ФР. 467 – «Бурятский национальный отдел при гражданском управлении Временного правительства Забайкальской области.

Государственного архива Забайкальского края:

ФР.4 – «Агинский хошун»

Выставочный проект был представлен на 10 выставочных стендах (ролл ап).

Ролл ап 1 – титульный, содержит название выставки.

Ролл ап 2 посвящен общей концепции выставочного проекта: раскрытию причин миграций бурят в начале XX в., хронологических рамок. Надо отметить, что трансграничные миграции бурят происходили в течение XIX – начала XX вв. К причинам миграций можно отнести:

1) упадок бурятского скотоводческого хозяйства и усиление миграции бурятских скотоводов в Монголию вследствие реализации землеустроительной политики царского правительства в конце XIX – начале XX вв., русско-японской войны, первой русской революции, Первой мировой войны; реформа местного самоуправления бурят, в ходе которой управление бурят приравнивалось к крестьянскому, также внесла смятение и раздор в бурятских обществах;

2) революции 1917 г., Гражданская война привели к тому, что эмиграция бурят приняла массовую стихийную форму.

Ролл ап 3. Революцию 1917 г. буряты восприняли с воодушевлением. На выставке представлен документ – приговор от мая 1917 г., согласно которому население Шарагольской, Усть-Урлукской, Кударинской станиц, а также Чикойской волости на общем собрании решили организовать бурятское хошунное управление и определили себя как нацию – бурятскую демократическую народность и выразили надежду на улучшение жизни всех трудящихся, в том числе и бурят (Государственных архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР. 483. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2).

Вскоре буряты разочаровались в политике большевиков, начались территориальные притеснения и, как следствие, вынужденный отток бурят в соседние государства. 13 июня 1918 г. на чрезвычайном собрании бурят разных родов Агинского, Хоринского и Селенгинского аймаков было решено организовать временный особый бурятский Национальный отдел при Гражданском управлении Временного правительства: «чтобы поддерживать правопорядок и обслуживать нужды населения» (ГАРБ. ФР. 467. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2).

Главой Бурятского национального отдела был избран бывший тайша Намдак Дылыков, внесший большой вклад в защиту интересов бурят-беженцев. Благодаря его усилиям эмигрировавшим бурятам были предоставлены земли в Шэнэхэне, а также он сыграл большую роль в защите беженцев от краж и разбоев.

Бурятский национальный отдел оказывал всестороннюю помощь беженцам: регулирование взаимоотношений с местным населением, оказание медицинской помощи, снабжение продовольствием и вещами первой необходимости, оказание помощи пострадавшим от разбоев и т.д.

Ролл ап 4. В 1917–1918 гг. происходит одна из самых больших эмиграций бурятского населения. Из заявления Бурятского национального отдела от 29 июня 1918 г. следует, что «происходящая в Забайкалье гражданская война нанесла тяжелый удар мирному бурятскому населению названной области. Большевики разоряют мирных жителей, грабят, совершают всякие насилия. Лишенные имущества и запуганные буряты покидают родные места и спасаются бегством...» (ГАРБ. ФР. 467. Оп. 1. Д. 10. Л. 10).

Ролл ап 5. Представленные документы свидетельствуют о работе Особого Бурятского национального комитета по оказанию содействия беженцам-бурятам, в обеспечении их жильем и продовольствием: 15 июля 1918 г. Бурятский национальный отдел составил отношение на имя заведующего устройством беженцев в Монголии с просьбой зачислить на довольствие прибывших эмигрантов; 22 июля 1918 г. отправляет докладную записку управляющему Гражданской частью Временного правительства Забайкальской области с просьбой о принятии необходимых мер по предотвращению дальнейшей эмиграции бурят (ГАРБ. ФР. 467. Оп. 1. Д. 10. Л. 11–12об.).

Ролл ап 6. 27 июля 1918 г. Гражданским управлением Забайкальской области было принято решение о создании Бурятского национального отдела на постоянной основе: был утвержден постоянный штат, восстанавливается Бутугурский таможенный пост для контроля миграции бурятского населения, налаживается работа по оказанию помощи беженцам на местах (ГАРБ. ФР. 467. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–14об.). С началом работы Бурятского национального отдела у беженцев появилась уверенность в защите их прав.

Ролл ап 7. В течение 1918–1919 гг. помощь мигрантам продолжается. 19 декабря 1918 г. на общем собрании бурят, проживающих на территории Внешней Монголии, было принято решение об открытии в Урге Бурятского комитета, который оказывал помощь беженцам на местах (ГАРБ. ФР. 305. Оп. 1. Д. 3. Л. 11).

Российский дипломатический агент в Монголии Орлов в своей ноте Главному монгольскому управлению иностранных дел от 19 февраля 1919 г. просит монгольское правительство предоставить беженцам пастбищные угодья на безвозмездной основе (ГАРБ. ФР. 483. Оп. 1. Д. 31. Л. 143–143об.).

Ролл ап 7. Бурятский национальный отдел занимался вопросами регулирования сбора налогов: буряты – эмигранты вынуждены были платить налоги и в Монголии, и в России, что было обременительно для них. 14 мая 1919 г. Ургинский национальный комитет сообщает Народной думе бурят-монгол Восточной Сибири, что «Монгольское правительство постановило беженцев-бурят освободить от налога скота, натуральных повинностей в

течение шести месяцев...» (ГАРБ. ФР. 308. Оп. 1. Д. 96. Л. 6). 18 июня 1919 г. Агинская аймачная дума пишет о направлении в пределы Монголии и Барги четырех комиссий для взыскания податных недоимок за прошлые года и оклада сего года (ГАРБ. ФР. 308. Оп. 1. Д. 96. Л. 18).

Ролл ап 8–9. В 1920 г. начались массовые запреты на перекочевки бурятского населения в Монголию. Кроме того, российское правительство способствовало возвращению на родину ранее эмигрировавших бурят. На выставке представлен приказ начальника Летучего отряда Дугара Табхаева в Хамниган-Бурятскую хошунную управу о мерах по воспрещению перекочевки населения в Монголию, а также выписка из приказа командира полка Онон-Хангильского хошунного нарревкома о возвращении бурят Агинского хошуна на родину (ГАРБ. ФР. 32. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–1об.).

Ролл ап 10. Особый интерес представляет документ из фондов ГАЗК – это сводные данные о количестве населения в разрезе сомонов с указанием количества уюочевавших в Монголию, датируемые 1922 г. (Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). ФР. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 1).

В феврале 1922 г. в Монголии создается инициативно-организационная группа бурят, проживающих в г. Урге, которая на своем заседании решает, что «при правительстве Монголии желательна организация отдела по бурят-монгольским делам, который приводил бы в жизнь все мероприятия, необходимые для улучшения быта эмигрантов бурят-монгол» (ГАРБ. ФР. 32. Оп. 1. Д. 23. Л. 43).

28 февраля 1922 г. участники группы пришли к единогласному решению «войти с ходатайством к Монгольскому правительству по принадлежности и предоставлении им права на дальнейшее проживание в Монголии и принимают решение о принятии монгольского подданства» (ГАРБ. ФР. 32. Оп. 1. Д. 23. Л. 44–45).

3 июля 1923 г. российско-монгольская комиссия приняла решение: «Живущие в пределах Монголии российско-подданные бурят-монголы принимают монгольское подданство по своему желанию» (ГАРБ. ФР. 32. Оп. 1. Д. 23. Л. 38об.).

Таким образом, благодаря выставочному проекту двух архивов, можно проследить историю миграций бурят, которые стойко перенесли тяготы судьбы, обрели новую родину.

*Фильшин Николай Георгиевич
Муниципальное казенное учреждение
администрация муниципального образования «Город Кяхта»
Кяхта, Российская Федерация
busyackaya@mail.ru*

КЯХТА КАК ЦЕНТР ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье дается краткий анализ исторического прошлого Кяхты – Троицкосавска как центра трансграничной торговли с Монголией и Китаем, показывается ее уникальность. Рассматривается история и роль строительства железной дороги Улан-Удэ – Наушки – Улан-Батор – Замын-Уд. Оцениваются перспективы развития Кяхты как узла трансграничных коммуникаций.

Ключевые слова: Кяхта–Маймачен; перспективы развития Кяхты; как центра российско-монгольско-китайского сотрудничества в рамках экономического коридора «Россия–Монголия–Китай».

KYAKHTA AS A CENTER OF CROSS-BORDER COMMUNICATIONS: HISTORY AND MODERNITY

The article gives a brief analysis of the historical past of Kyakhta – Troitskosavsk as a center of cross-border trade with Mongolia and China, shows its uniqueness considers the history and role of the construction of the railway Ulan-Ude – Naushki – Ulan-Baator – Zhamyn-Uud. The prospects for the development of Kyakhta as a hub of cross-border communications are evaluated.

Keywords: Kyakhta–Maimachen; prospects for the development of Kyakhta as a center of Russian-Mongolian-Chinese cooperation within the economic corridor «Russia–Mongolia–China».

Город Кяхта всегда был важнейшим форпостом России на Востоке, менялись только его роль и значение. В 1727 г. началось строительство Троицкой крепости, и в 1728 г. была заложена торговая слобода Кяхта, ставшая в будущем прообразом современной торговой зоны, хотя официальный статус «торговой слободы» она приобрела только в 1743 г. В 1792 г. в Кяхту была переведена таможня, что упрочило ее статус. Истории становления и развития Кяхты и Троицкосавска посвящено немало специальных исторических исследований, поэтому в данной статье основное внимание будет уделено ее экономической составляющей.

Наиболее интересный опыт в Кяхте был накоплен в ее «золотое десятилетие», когда указом Сената была учреждена канцелярия Кяхтинского градоначальника 20 июня 1851 г., которая просуществовала до 1863 г., когда был издан указ Сената об упразднении Кяхтинского градоначальства. Кяхтинский градоначальник обосновался в Троицкосавске со штатом чиновников в 17 чел. 60-е годы XIX в. являются временем значительного увеличения кяхтинской торговли. В этот период торговые обороты достигали в некоторые годы до 30 млн руб. К этому времени здесь было официально зарегистрировано 58 торговых фирм. Постепенно торговля сосредотачивалась в руках наиболее богатых купцов, известных в последствии огромными состояниями и деловыми связями: Нерпина, Ременникова, Лушникова, Сабашникова, Молчанова, Швецова, Коковина, Басова, Немчинова, Синицина, Токмакова, Кандинских, Старцевых [Кяхта – Маймачен, 2014].

Сибирская железная дорога убила традиционный караванный путь. Кяхтинское купечество, которое всегда отличалось предприимчивостью, искало выход из сложившегося положения, пыталось создать новые торговые пути, чтобы не дать заглохнуть торговле в Кяхте. Кяхтинцы выдвинули вопрос о трансмонгольской железной дороге. 2 октября 1908 г. М. А. Лушниковым в компании с инженером Крыловым, Кашкиным, Соколовым и Верблюнер было подано иркутскому генерал-губернатору заявление с просьбой о содействии на разрешение изысканий по постройке Кяхтинской железной дороги.

Половину расходов на изыскания торгующее на Кяхте купечество приняло на себя и готово было строить концессионным путем. Возможно, кяхтинские купцы построили бы железную дорогу в Кяхте, но война 1914 г. и революционные события перечеркнули все планы. Стоит также отметить, что железную дорогу собирались строить от станции Мысовая, а не от Верхнеудинска [Необычайная Кяхта, 2013, с. 156, 157]. В советский период эта идея нашла свое воплощение. Магистраль была построена Улан-Удэ – Наушки (1939) – Улан-Батор (1950) – Пекин (1956).

Через Монголию проходит кратчайший железнодорожный маршрут от Москвы до Пекина, составляющий 8016 км. Для сравнения такое же расстояние через Казахстан (ст.

Достык) составляет 8555 км, через Забайкальск – 8766 км. Однако железная дорога Улан-Удэ – Наушки – Улан-Батор – Эрлянь имеет единственную колею с тепловозной тягой, что существенно сдерживает ее транзитные возможности. Тем не менее, за последние годы существенно выросло количество контейнерных перевозок, приходящих из Китая через Монголию [Тулохонов, 2021, с. 169].

Для ускорения обработки грузов в Кяхтинском районе продолжается работа над проектом ООО «ТЛТ Наушки». Проект предполагает создание транспортно-логистического терминала на железнодорожной станции Хоронхой. Таможенный терминал будет иметь возможность принимать на площадках с зоной таможенного контроля до 50 единиц грузового транспорта в сутки. Инвестиции 1,1 млрд руб. Будет создано 160 рабочих мест [Кяхтинские вести, 2022, с. 4].

В мае 2022 г. подписано трехстороннее инвестиционное соглашение между администрацией МО «Кяхтинский район», Фондом регионального развития РБ, ООО «Таможенно-логистический терминал Кяхта». В рамках соглашения предусмотрена реализация инвестиционного проекта «Строительство таможенного терминала в г. Кяхта», предусматривающего строительство таможенного терминала, складских помещений, зоны досмотра, погрузочно-разгрузочных площадок и иных объектов, необходимых для таможенной отметки, хранения товаров, а также оказания услуг по их таможенному сопровождению с общим объемом инвестиций проекта в размере 437,53 млн руб. со сроком реализации инвестиционного проекта с 1 июля 2022 г. по 31 декабря 2028 г. На сегодняшний день ведется работа по включению ООО «Таможенно-логистический терминал Кяхта» в число резидентов ТОР «Бурятия».

Соглашением о реализации инвестиционного проекта в соответствии с концепцией проекта заявки города Кяхта на всероссийский конкурс лучших проектов туристического кода центра города от 01 февраля 2022 г. предусматривается строительство гостиничного комплекса в г. Кяхта на 50 мест. Инвестор – ООО «Таможенно-логистический терминал Кяхта».

Перед развитием современной экономики Кяхты стоит много проблем. При сохранении тенденции настоящего времени на быстрый перелом стагнации в экономике кяхтинского фронта не приходится. Особенно с учетом ухудшающегося демографического положения. «Встряску» может дать только внешний раздражитель – стимулятор, коим является программа создания экономического коридора «Китай – Монголия – Россия», утвержденная лидерами трех стран в 2016 г. К сожалению, пока она осталась декларацией намерений, поэтому следует апеллировать к историческому факту – наделению Кяхтинской торговой слободы статусом «зоны беспошлинной торговли», в XIX в. называемой «порто-франко».

Модернизация инфраструктурной базы не ограничивается автомобильным и железнодорожным транспортом. Увеличилась актуальность создания водного трансграничного коридора по Селенге. Очень важно использовать Транссибирскую магистраль из Монголии и северных провинций Китая. На этом маршруте Кяхтинский район выступает в роле стартовой и отправной точки России, выполняя контактные, барьерные и торгово-логистические функции: Только модернизация Трансмонгольской магистрали (2 путь и электрификация) поможет Бурятии выдержать конкуренцию с нашим соседом – Забайкальским краем, в котором после строительства международного зернового терминала в Забайкальске планируется построить Приаргунский железнодорожный переход в селе Староцурухайтуй (в XVIII в. вторая точка торговли помимо Кяхты по Буринскому договору).

Согласно информации сайта Нефтегаз.ру от 10 февраля 2023 г., Газпром предварительно определил трассировку МГП «Сила Сибири-2», который пройдет через

Иркутскую область и три района Бурятии. При реализации проекта будет рассмотрена возможность газификации республики как сетевым, так и сжиженным газом. При этом пересечение российско-монгольской границы предполагается в районе г. Кяхта. Правительством Республики Бурятия активно прорабатывается вопрос создания зоны свободной торговли в г. Кяхта, что вполне логично, так как со стороны Монголии уже давно создана СЭЗ «Алтан-Булак». СЭЗ в Кяхтинском районе сможет решить вопрос экспорта в Россию монгольских товаров (изделий из кожи и кашемира, мяса и мясопродуктов), который сдерживается из-за высоких таможенных тарифов Российской Федерации.

Таким образом, Кяхта в XXI в. снова становится центром трансграничных коммуникаций, рассчитанных на экономическое сотрудничество с Монголией и Китаем через МАПП «Кяхта», ЖДПП «Наушки», газопровод «Сила-Сибири-2», будущую СЭЗ «Кяхта».

Литература:

- Атанов Н. И., Цыремпилов В. Ж. История, современность и перспективы развития Кяхтинского фронта // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. Новосибирск: СО РАН, 2021. С. 225–229.
- Кяхта – Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы. Улан-Удэ: ФГБОУ ВПО «БГСХА», 2014. 200 с.
- Нимаев Б. Ж. Кяхтинский район. Итоги 2022 г. // «Кяхтинские вести». 2022. 1 фев.
- Тулохонов А. К., Михеева А. С., Батомункуев В. С., Балданов Т. А. Международные трансграничные коридоры: риски и перспективы // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. Новосибирск: СО РАН, 2021. С. 169–176.

Водичев Евгений Григорьевич

доктор исторических наук

Новосибирский государственный технический университет

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Новосибирск, Российская Федерация

vodichev@mail.ru

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РЕЧНЫЕ БАССЕЙНЫ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРАНСГРАНИЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ: ПОДХОДЫ К МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ БАССЕЙНА СЕЛЕНГИ)

Трансграничные речные бассейны (ТРБ) на примере ТРБ Селенги интерпретируются как международные трансграничные территории (МТТ). Аргументируется целесообразность междисциплинарной экспертизы МТТ для оптимизации институциональной платформы взаимодействий в ТРБ.

Ключевые слова: Бурятия; Монголия; трансграничные взаимодействия; институциональные риски.

Vodichev Evgeny Grigorievich

Doctor of Sciences in History

Novosibirsk State Technical University

National Research Tomsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

**TRANSBOUNDARY RIVER BASINS
AS AN INTERNATIONAL TRANSBOUNDARY TERRITORY:
APPROACHES TO METHODOLOGY OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH
(THE CASE OF THE SELENGA)**

Transboundary river basins (TRB) are interpreted as an international transboundary territory (ITT) on the model of the Selenga TRB. The expediency of interdisciplinary expertise is argued to optimize the institutional platform for interactions in TRBs.

Keywords: Buryatia; Mongolia; transboundary interactions; institutional risks.

Постановка проблемы. В российской политике декларирован сдвиг на восток, что резко повышает значимость приграничных и трансграничных регионов в азиатской части РФ и актуализирует их геополитическое звучание. Соответственно возрастает актуальность исследования подобных территорий на основе комплексирования методологии различных наук. Среди прочих следует признать важность концепта международных трансграничных территорий (МТТ). Под ними понимаются феномены, имеющие объективную основу для развития трансграничных взаимодействий в виде единых или связанных природно-экологических и хозяйственных комплексов с соответствующим этно-демографическим потенциалом. Представляется, что в число таких регионов входит ТРБ р. Селенги, территориально относящийся к Бурятии и Монголии. Цель этой работы – характеристика МТТ как методологической платформы для междисциплинарного анализа трансграничных взаимодействий на примере данного ТРБ. Исследование опирается на типологию трансграничных регионов О. Мартинеса [Martinez, 1994, p. 1–5].

Результаты. Общая площадь российско-монгольской трансграничной территории составляет около 1 млн 300 тыс. км². ТРБ Селенги – крупнейшая ее часть: на нее приходится свыше 1/3 территории. 67% площади ТРБ относится к Монголии, 33% – к РФ. Селенга – крупнейший приток озера Байкал, являющегося объектом Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. И уже это обстоятельство определяет особую актуальность комплексирования и гармонизации усилий для обеспечения экологической безопасности, а также осуществления хозяйственной и социокультурной деятельности в трансграничном бассейне.

В экспертном сообществе утвердилось мнение, что возможности использования международных рек и ТРБ следует рассматривать с точки зрения рисков и эффектов, возникающих, когда действия одного государства пересекаются с интересами другого. Их учет актуален для всего комплекса отношений между значительной частью территорий Бурятии, Забайкалья и Монголии, относящихся к ТРБ Селенги: его допустимо рассматривать в качестве единой геосистемы. Сама река может быть представлена в качестве оси МТТ, а анализ взаимодействий в ТРБ – модели для анализа имеющихся в МТТ проблем.

С точки зрения геосистемного подхода под приграничьем понимается «определенная территория, которая является частью геосистемы региональной размерности, разделенной государственной границей и одновременно природно-хозяйственным районом (или их сочетанием), политическая, экономическая, социальная, культурная и экологическая ситуация в пределах которого в существенной мере зависит от границ прилегающей территории соседнего государства и в свою очередь оказывает влияние на нее» [Ганзей, 2004, с. 12]. При экстраполяции в плоскость проблематики трансграничных взаимодействий такой подход вполне соответствует упомянутой выше методологической платформе Мартинеса. Классификационная схема границ и приграничных территорий, построенная на ее основе, ныне широко используется во многих научных дисциплинах. Она включает в себя такие феномены, как отчужденные, сосуществующие, взаимозависимые и интегрированные приграничные территории и применительно к востоку РФ была операционализирована нами ранее [Водичев, 2018, с. 8–10; Vodichev, Glazyrina, Krasnoyarova, 2016, s. 13–20]. Представляется, что возможности трансформации территорий в трансграничные регионы зависят от сочетания контактных или барьерных функций границы.

В качестве МТТ рассматривается «территория, состоящая из взаимодействующих приграничных территорий, прилегающих к государственной границе двух или более соседних стран и обладающих сочетаниями природных ресурсов и <...> видов хозяйственной деятельности, основанием которой является единая геосистема или сочетание двух и более геосистем регионального уровня, взаимодействующих в зоне государственной границы» [Бакланов, Ганзей, 2004; Приграничные и трансграничные территории, 2010, с. 14]. Иными словами, МТТ – это развивающаяся природно-антропогенная система, включающая в себя природно-ресурсный потенциал территории, а также типы его хозяйственного использования.

Наличие единых природных комплексов имеет принципиальное значение для понимания целостности трансграничных территорий и наличия у них потенциала для трансформации в трансграничные регионы. Однако последнее возможно лишь при соблюдении баланса интересов различных акторов и формирования эффективных институтов развития МТТ, чего, как представляется, в ТРБ Селенги пока не происходит. Данное обстоятельство также определяет и значимость анализа социально-экономических и социокультурных практик на МТТ как в прошлом, так и в настоящем. При этом важно определение сочетания географических границ и границ исторически сформировавшихся систем хозяйственного и социокультурного взаимодействия. Ключевое значение при этом имеет понимание того, как зоны контакта соотносятся с естественными и/или государственными и административными границами. Это должно сыграть важную роль при формировании системы институтов, способствующих, а не тормозящих экономические и социокультурные взаимодействия.

Если рассматривать ТРБ Селенги в качестве модельного объекта для использования такой методологии исследования, то при ее операционализации особую значимость приобретает понимание сочетаемости естественных и социальных факторов развития сопредельных территорий. Эта территория в течение длительного времени осваивалась несколькими социокультурными группами. Она несет на себе отпечаток ряда взаимодействующих хозяйственных и социокультурных архетипов с формированием соответствующих ядер и буферных зон. Понимание этого, с одной стороны, позволяет говорить о важном долговременном опыте сосуществования различных социокультурных групп в регионе, а с другой ставит вопрос о выработке оптимальных механизмов взаимодействия на МТТ с учетом рефлексии предшествующих практик. Отсюда вытекает принципиальная важность междисциплинарной экспертизы природных и социальных факторов при разработке алгоритмов и формировании институтов трансграничных взаимодействий в Селенгинском ТРБ.

Выводы. Предварительные наблюдения позволяют сделать вывод, что ТРБ р. Селенга можно рассматривать как МТТ, в основе которой лежит единая геосистема. В настоящее время она представляет собой приграничную территорию, обладающую ограниченным потенциалом для трансформации в трансграничный регион, поскольку «факторы первой природы» (по определению П. Кругмана [Krugman, 1991]) здесь оказались недостаточно согласованы с институциональными и политическими факторами. Обеим странам, и России, и Монголии, до сих пор не хватает понимания в определении объема властных полномочий и ресурсов, которые они готовы делегировать на уровень регионов в рамках трансграничной проблематики. Вопрос о том, в какой мере «поворот России на восток» способен принести этой МТТ желаемые дивиденды пока остается открытым, но учет «геополитического звучания» МТТ представляется необходимым.

Актуальные стратегии развития территорий ТРБ Селенги пока еще не ориентированы должным образом на использование потенциала трансграничности. Трансграничные регионы должны рассматриваться в единстве своих политических, нормативно-правовых, экономических, социокультурных и инфраструктурных институциональных параметров [Бакланов, Зыков, Шинковский, 2010, с. 192–215], чего в настоящее время не происходит.

Литература:

- Бакланов П. Я., Ганзей С. С. Понятия и типы приграничных и трансграничных территорий // Известия РАН. Серия: География. 2004. № 4. С. 27–34.
- Бакланов П. Я., Зыков А. А., Шинковский М. Ю. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма. Владивосток: Дальнаука, 2010. 275 с.
- Водичев Е. Г. Российско-казахстанское приграничье: возможности институциональных трансформаций и перспективы формирования трансграничных регионов // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2018. № 1(48). С. 6–16.
- Ганзей С. С. Трансграничные геосистемы Юга Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР. Владивосток, Дальнаука, 2004. 229 с.
- Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 598 с.
- Krugman P. R. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 142 pp.
- Martinez O. J. The Dynamics of Border Interaction. New Approach to Border Analysis // Schofield C. H., (ed.) World Boundaries. Vol. 1. Global Boundaries. London, New York: Routledge, 1994. P. 1–5.
- Vodichev E., Glazyrina I., Krasnoyarova B. Transboundary Cooperation on the East of Russia: Regional Development and Institutional Bottlenecks // Journal of Geography, Politics and Society. Vol. 6 (2016), is. 2. S. 13–20.

Ларина Лилия Львовна

кандидат исторических наук

Институт истории, археологии и этнографии

народов Дальнего Востока ДВО РАН

Владивосток, Российская Федерация

lilylar25@mail.ru

ВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД НА СОСЕДНИЕ СТРАНЫ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

В докладе на основе опросов общественного мнения рассмотрены взгляды жителей приграничных с Китаем территорий России на ключевые вопросы взаимоотношений с государствами Восточной Азии. Особое внимание уделено представлениям жителей г. Улан-Удэ.

Ключевые слова: Россия; Китай; трансграничье; общественное мнение.

Larina Lilia Lvovna

Candidate of Sciences in History

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples

of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

Vladivostok, Russian Federation

RUSSIA'S EASTERN TRANSBOUNDARY AREA: PERCEPTION OF NEIGHBORING COUNTRIES AS A BASIS FOR COOPERATION

The report, based on public opinion polls, examines the views of residents of the territories of Russia bordering with China on key issues of relations with the states of East Asia. Particular attention is paid to the performances of residents of Ulan-Ude.

Keywords: Russia; China; transboundary; public opinion.

Второе десятилетие XXI в. стало периодом совершенствования и развития экономического и гуманитарного обмена по всему периметру восточного транграничья России. К концу десятилетия сотни тысяч и даже миллионы (если говорить о китайцах) граждан соседних государств посещали приграничные с ними районы России. Не меньшее число дальневосточников регулярно пересекали сухопутную, речную и воздушную границы, отделявшие их от Китая, Монголии, Южной и Северной Кореи. Изменилась информационная среда, формирующая самоощущения, настроения, восприятие внешней среды жителями Тихоокеанской России. Первым катализатором этих процессов стали широко разрекламированные намерения российской власти изменить статус, облик, имидж и характер развития восточных районов страны. Вторым являлись события, происходившие по периметру восточных границ России, ее отношения с государствами Тихоокеанской Азии как на межгосударственном, так и региональном уровнях, а также иностранное экономическое и гуманитарное присутствие на востоке российского государства.

За полгода до начала пандемии и фактического закрытия границ нам удалось провести социологическое исследование по всей сухопутной границе Востока России, от Владивостока до Улан-Удэ (опрос также проводился в городах Хабаровск, Благовещенск, Биробиджан, Чита и Дальнереченск). Целью исследования было выявление представлений жителей Тихоокеанской России о странах-соседях как одной из основ формирования кросс-граничных отношений и политики страны на востоке. Трехлетнее замораживание прямых контактов, видимо, скажется на этих представлениях, как оно сказалось на состоянии экономических связей, и нам эти изменения еще предстоит выяснить. Сегодня мы обратимся к тем статичным показателям, которые выявил опрос 2019 г. С одной стороны, в докладе представлены оценки по всему приграничью. С другой, особо выделены данные, которые характеризуют взгляды жителей гостеприимной Бурятии. Для сравнения в докладе использованы результаты опроса 2017 г. на притихоокеанских территориях (Сахалин, Камчатка, Магадан) ДФО.

Чтобы понять, насколько жители Тихоокеанской России настроены на сотрудничество с соседними странами или, напротив, все разговоры о таком сотрудничестве не имеют под собой реальной психологической основы, мы будем оценивать результаты опросов по трем параметрам:

1) политическому, а именно по тому, как респонденты оценивают качество и эффективность двусторонних отношений с государствами-соседями, какими видят их перспективы, ощущают ли угрозы России в целом и Дальнему Востоку в частности со стороны конкретных государств;

2) экономическому, который подразумевает восприятие этих государств как экономических партнеров и ощущение потребности в экономическом взаимодействии с ними;

3) культурно-цивилизационному, оценивая готовность и способность респондентов контактировать с соседними народами, учитывая существующие этнокультурные сходства и различия между ними.

Начнем с выявления общего восприятия соседних государств дальневосточниками, который мы традиционно проводим по четырем параметрам: абстрактный уровень симпатий, интерес к туризму, временной работе и иммиграции в эти страны. По итогам опроса 2019 г. обобщенные данные по территориям, расположенным по российской границе, выглядят следующим образом (табл. 1):

Рейтинг стран мира (2019 г., места на основе набранных голосов)

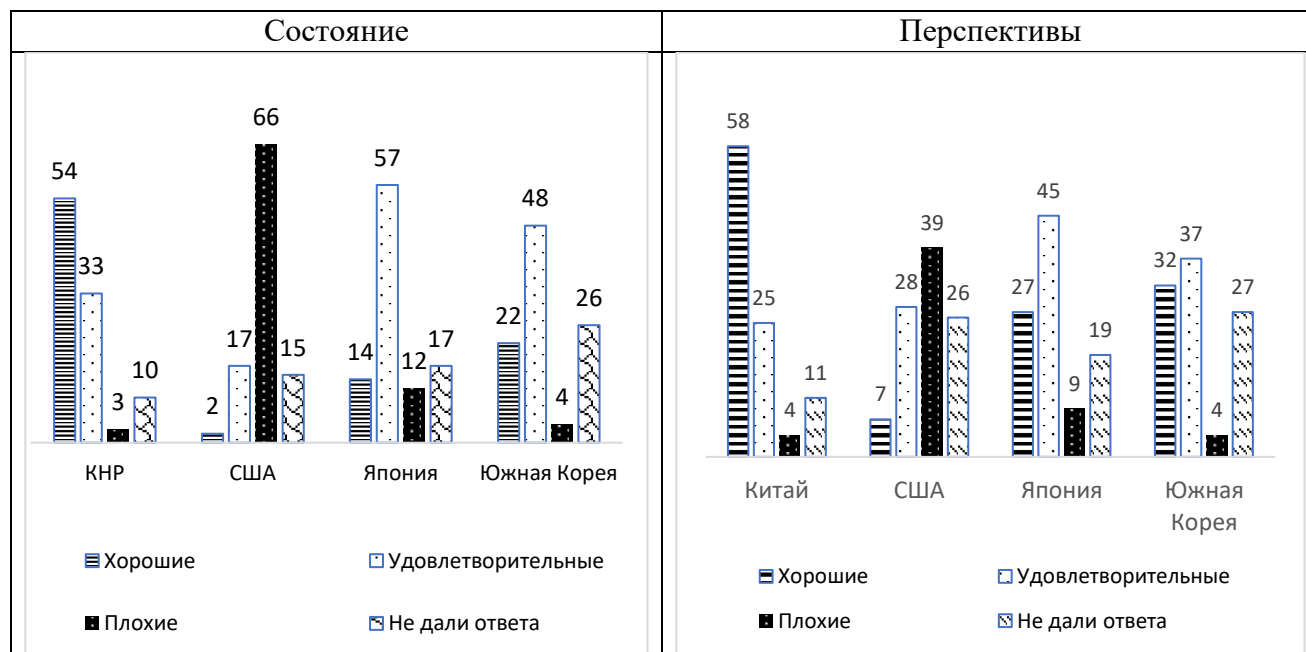
Страна	Места по категориям								Общее место	
	Симпатии		Туризм		Работа		Эмиграция			
	Юг ДФО	Улан- Удэ	Юг ДФО	Улан- Удэ	Юг ДФО	Улан- Удэ	Юг ДФО	Улан- Удэ	Юг ДФО	Улан- Удэ
Австралия	2	5/6	3	3/4	5	6/7	2	3	2	5
Германия	4	7	6	6	2	2	3	4	4	4
Индия	9	8	4	3/4	9	10	9	9/10	9	8
Канада	3	2/3	9	9	1	3	1	2	3	6
КНР	6	9	5	7	8	8	8	8	7	9
КНДР	10	10	10	10	10	9	10	10	10	10
США	8	1	7	5	3	1	4	1	6	1
Франция	5	4	2	1	7	6/7	6	5	5	2
Южная Корея	7	5/6	8	8	6	4/5	7	6	8	7
Япония	1	2/3	1	2	4	4/5	5	7	1	3

Результаты опроса показывают, что в рейтинге симпатий дальневосточников страны-соседи Тихоокеанской России замыкают список. Далекие от региона Австралия, Канада, США, Германия кажутся им ближе и интереснее. Их принадлежность к европейской культуре является, видимо, решающим фактором в таком выборе. Исключение составляет Япония. Где-то она лидирует безоговорочно (Владивосток, Благовещенск), где-то делит первое и второе места с Канадой (Хабаровск, Биробиджан) или Германией (Чита). Улан-Удэ оказался единственным городом, где первое место по всем позициям, за исключением туризма, заняли США.

Но это сугубо умозрительные предпочтения респондентов, явно неувязанные с реалиями жизни. Если посмотреть на эту тему с несколько иной стороны, попросив респондентов оценить нынешний характер и перспективы отношений России со странами АТР, выбрать главные угрозы интересам и безопасности России на востоке или же назвать страны, которые кажутся им наиболее важными для развития экономических отношений, то картина получится несколько иной.

При таком подходе резко падает притягательность Соединенных Штатов Америки и растет значимость Китая. Жители региона в массе своей позитивно оценивают современные российско-китайские отношения и их перспективы и скептически смотрят на отношения с США. Менее 5% населения оценивают отношения России с Китаем как «плохие» и столько же отношения с США как «хорошие». Отношения с Японией и Южной Кореей они преимущественно считают «удовлетворительными» (рис. 1).

Оценка жителями приграничных территорий состояния и перспектив отношений со странами АТР (2019 г., в % от числа опрошенных)

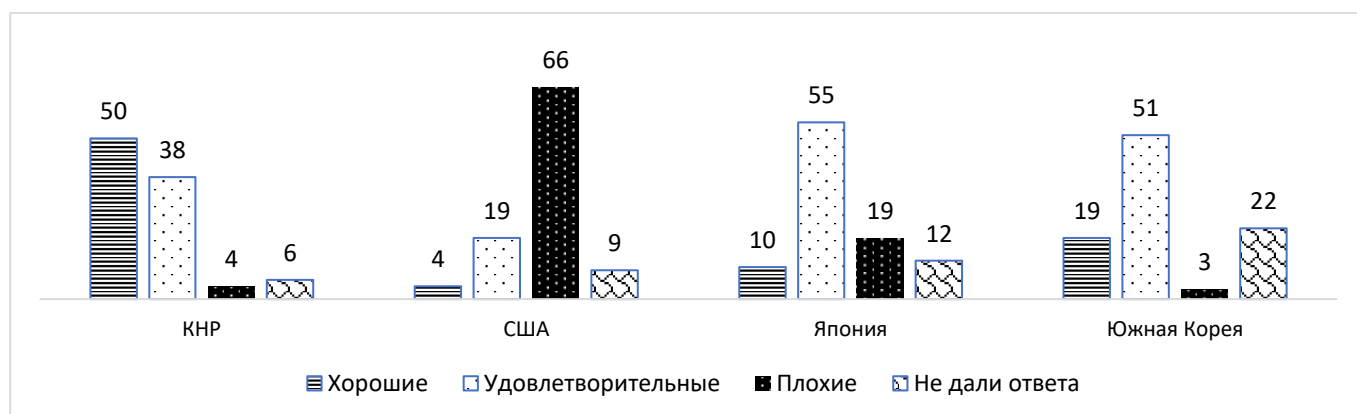

Взгляды жителей Улан-Удэ соответствуют этим подходам (рис. 2).

Безусловно, позитивный или негативный настрой респондентов определяется как состоянием двусторонних отношений России с этими странами, так и представлениями респондентов, связанными с их мыслями о наличии или отсутствии угроз безопасности своих территорий. По итогам опроса 2019 г. среди внешних угроз интересам и безопасности России на Тихом океане доминировали:

- политика США (42% респондентов и 34% в Улан-Удэ),
- претензии Японии на Курильские острова (28% по региону и 34% в Улан-Удэ),
- распространение ядерного оружия (28% и 20% соответственно).

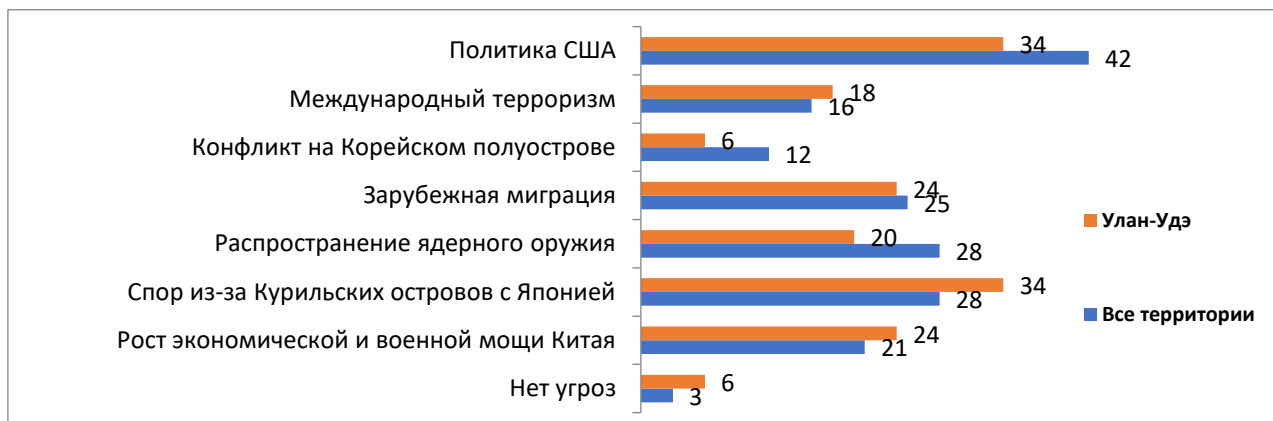
Оценка жителями Улан-Удэ состояния отношений со странами АТР (2019 г., в % от числа опрошенных)

Китайский фактор (обозначен нами как «рост экономической и военной мощи Китая») в этом перечне также присутствует, но он не находится в тройке главных угроз (рис. 3).

Рис. 3

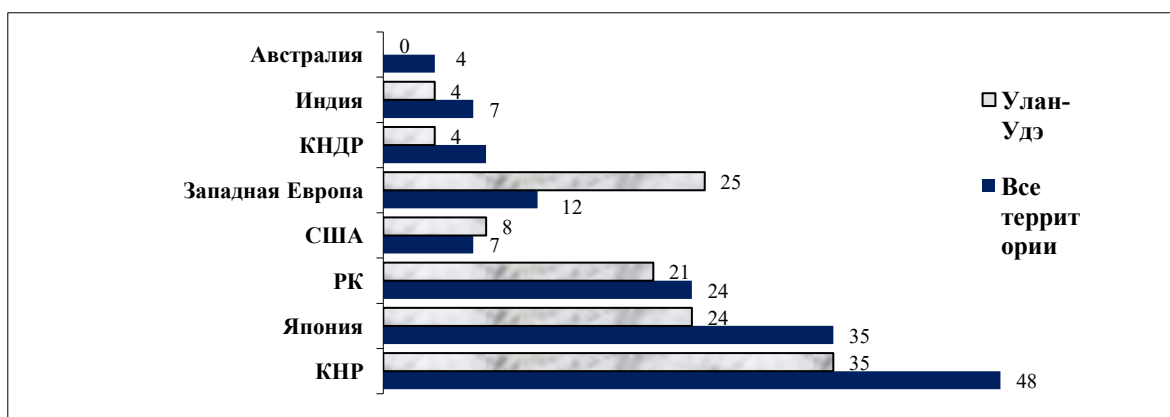
Главные внешние угрозы безопасности России и ее дальневосточным территориям на Тихом океане (2019 г., не более трех ответов, в процентах от числа опрошенных)

Прагматичный подход к оценке стран-соседей проявляется и тогда, когда речь заходит о выборе приоритетных для каждой из территорий России географических направлений внешнеэкономического взаимодействия. При наличии свободного выбора у респондентов однозначно доминируют Китай, Япония и Южная Корея. За первостепенное развитие связей с Китаем высказались 48% опрошенных, с Японией – 35% и с Южной Кореей – 24%, тогда как на развитие связей с США надеются только 7% респондентов (рис. 4). Отметим, что в 2019 г. жители Бурятии в меньшей степени, чем респонденты других территорий приграничья, надеялись на Китай и Японию, но в большей степени уповали на отношения с Западной Европой.

Рис. 4

Приоритетные страны для развития отношений (2019 г., не более трех стран, в процентах от числа опрошенных)

Чем обусловлена меньшая степень ориентации Бурятии на Китай, чем это присуще другим территориям приграничья? Здесь сказываются несколько факторов.

Во-первых, отсутствие общей границы и, соответственно, меньшая частота гуманитарных связей. Жители Улан-Удэ заметно уступают представителям других территорий в частоте поездок в Китай (рис. 5, 6). К тому же, как оказалось, каждому пятому респонденту из Улан-Удэ ни разу не доводилось встречаться и общаться с китайцами, тогда как в Хабаровске и Владивостоке эта цифра не превышает 3-4%.

Рис. 5

**Посещение Китая жителями ДФО
(2017, 2019 гг., в процентах от числа респондентов по территориям ДФО)**

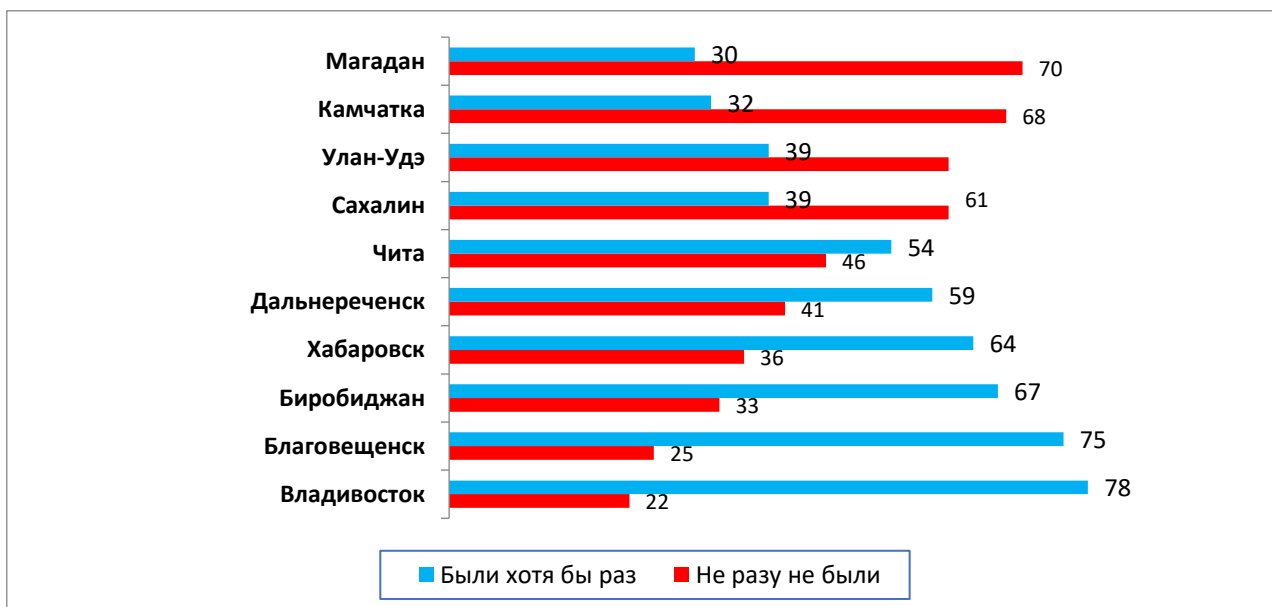
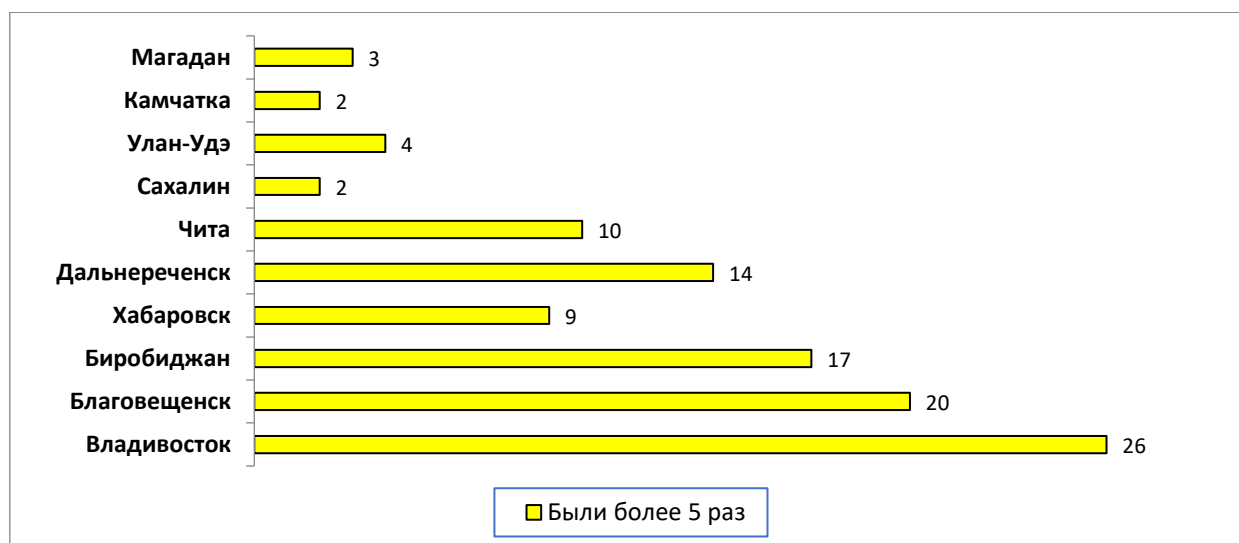

Рис. 6

**Посещение Китая жителями ДФО
(2017, 2019 гг., в процентах от числа респондентов по территориям ДФО)**

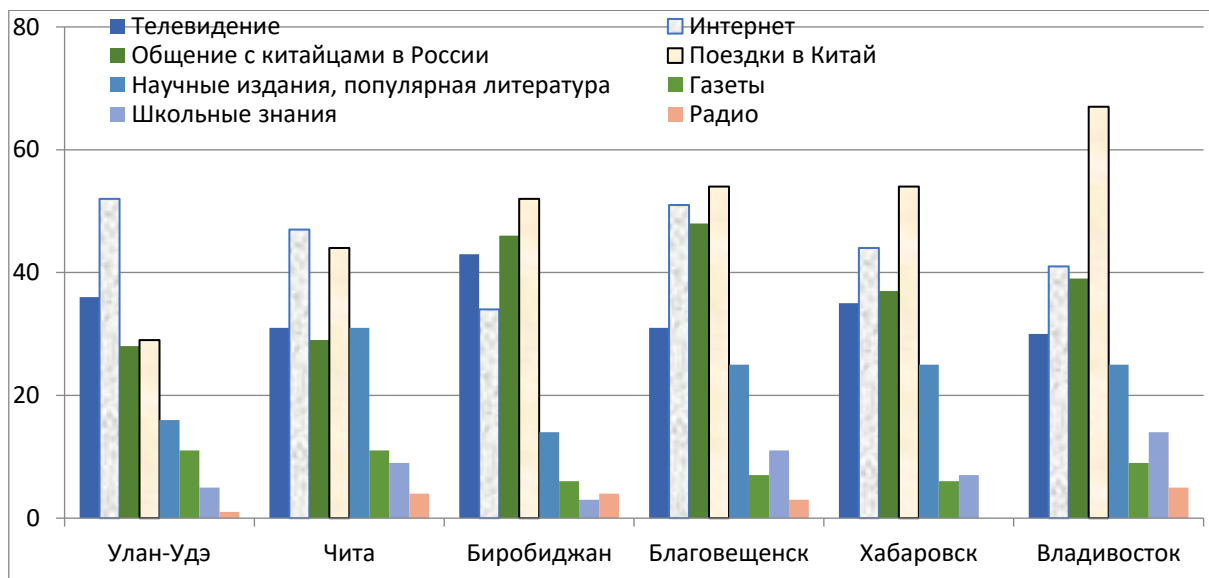
Вторым фактором стал неодинаковый вес разных источников информации о Китае.

Если брать общий срез по всем охваченным опросом территориям, то тремя главными источниками информации (рис. 7) выступают для респондентов поездки в Китай (50%

респондентов), *интернет* (45%) и *общение с китайцами в России* (37). Но в Улан-Удэ двумя важнейшими источниками выступают *интернет* (52%) и *телевидение* (36%).

Рис. 7

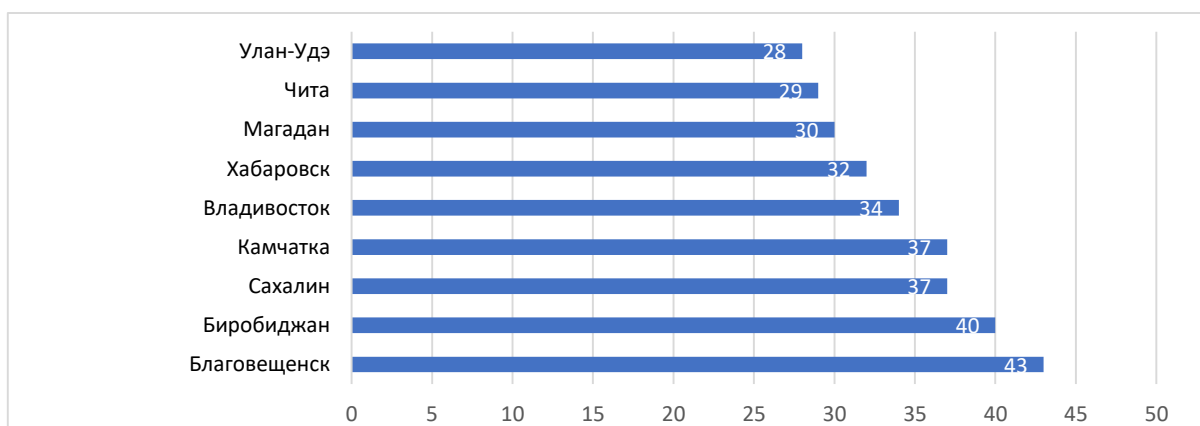
Основные источники информации дальневосточников о Китае (2019 г., по городам ДВФО)

В-третьих, доля КНР во внешнеэкономических связях Бурятии (39,3% в 2019 г.) заметно ниже, чем у других приграничных территорий (в Забайкалье – 94%, Хабаровском крае – 60%). В результате выгоду от сотрудничества с Китаем в 2019 г. ощущали 40% опрошенных биробиджанцев, но только 28% жителей Улан-Удэ (рис. 8).

Рис. 8

Ощущение выгоды от экономического взаимодействия с Китаем (2017, 2019 гг., по территориям, в % от числа опрошенных)

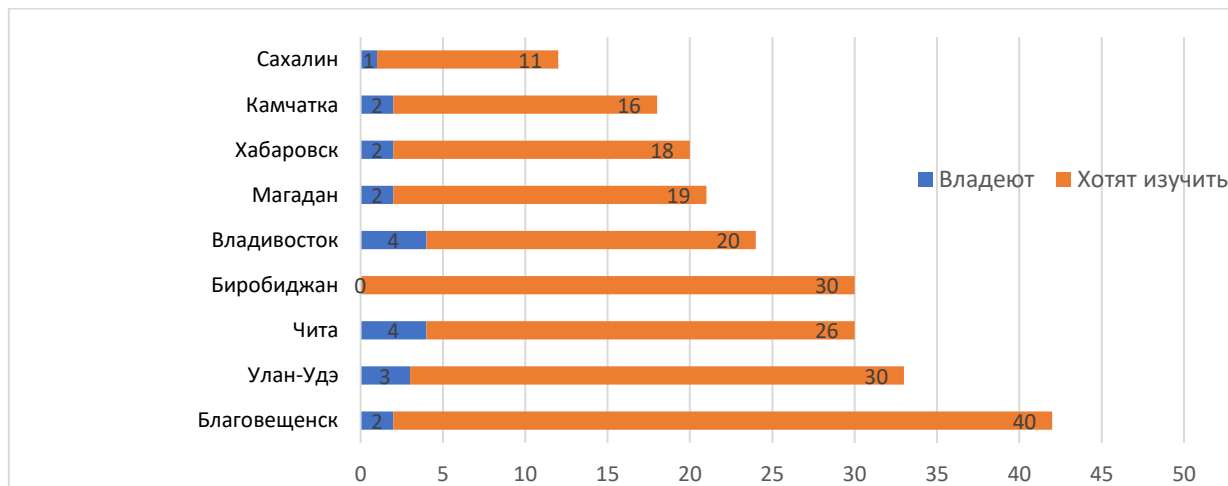

В-третьих, сказывается близость Монголии, с которой у Бурятии существуют общая граница, развитые экономические, гуманитарные и культурные связи. Монголия, к сожалению, не была включена в перечень стран, отношение к которым мы пытались выяснить в ходе нашего опроса, но при этом 4% опрошенных жителей Улан-Удэ инициативным образом включили ее в число государств, с которыми следует развивать экономические отношения в первую очередь.

Тем не менее, при том, что Улан-Удэ менее других регионов ДФО ориентируется на Китай, он оказался на втором месте по числу респондентов, желающих изучать китайский язык (рис. 9).

Рис. 9

**Отношение к изучению китайского языка
(2017, 2019 г., по территориям ДФО)**

Таким образом, анализ результатов опроса 2019 г. позволяет сделать вывод, что на пространстве российского восточного приграничья сохраняется благоприятная информационная и психологическая среда для успешного развития отношений с соседями. Главным направлением развития таких отношений жители региона закономерно считают Китай. Но при этом японское и корейское направления также оставалось в фокусе их внимания. Как дело обстоит сегодня, в условиях разрыва отношений с Западом и еще не снятых пандемийных ограничений, может показать только новое исследование.

Фань Лицзюнь

*Институт «Один пояс, один путь»
Академия общественных наук
автономного района Внутренняя Монголия
Хух-хот, КНР
nmgskyfanlijun@163.com*

Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич

*кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
chts17@mail.ru*

**ПРИДАНИЕ НОВОГО БЛЕСКА ЭКОНОМИЧЕСКОМУ КОРИДОРУ
КИТАЙ–МОНГОЛИЯ–РОССИИ ПОСРЕДСТВОМ ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ**

Монгольская медицина – это своеобразный кристалл мудрости монгольского народа. Укрепление сотрудничества в области традиционной медицины в приграничных районах Китая, России и Монголии будет способствовать повышению качества традиционной фармацевтики трех стран, созданию «международных стандартов» в области развития традиционной медицины, улучшению экологической среды и приданию мощного импульса к развитию трехстороннего экономического сотрудничества.

Ключевые слова: китайско-российско-монгольское сотрудничество; фармацевтика монгольской медицины; сотрудничество.

Fan Lijun
Institute «One Belt, One Road»
Academy of Social Sciences
Huh-Hoto, ARVM PRC

Tsyrenov Chingis Tsybikdorzhievich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

BRING NEW SHINE TO CHINA-MONGOLIA-RUSSIA ECONOMIC CORRIDOR THROUGH TRADITIONAL MONGOLIAN MEDICINE

Mongolian medicine is a kind of crystal of the wisdom of the Mongolian people. Strengthening cooperation in the field of traditional medicine in the border regions of China, Russia and Mongolia will help improve the quality of traditional pharmaceuticals of the three countries, create "international standards" in the development of traditional medicine, improve the ecological environment and give a strong impetus to the development of trilateral economic cooperation.

Keywords: Chinese-Russian-Mongolian cooperation; pharmaceuticals of Mongolian medicine; cooperation.

Монгольская медицина зародилась и сформировалась в результате длительной медицинской практики монгольских народов и стала своеобразным кристаллом монгольской народной мудрости. В новых условиях, когда эпидемическая обстановка нестабильна, необходимо укреплять сотрудничество в сфере традиционной медицины между Китаем, Россией и Монголией, чтобы придать новый блеск экономическому коридору Китай–Монголия–Россия.

Текущее положение дел и успехи в сфере сотрудничества по традиционной медицине между Внутренней Монголией и Монголией и Россией. За последнее десятилетие Внутренняя Монголия добилась определенных успехов в области традиционной монгольской медицины благодаря новой платформе, основанной на интегративной модели «производство–преподавание–исследование», созданной такими научно-исследовательскими институтами, как Международный госпиталь монгольской медицины и Национальный медицинский университет АРВМ. Это обстоятельство «сыграло важную роль в реализации инициативы “Один пояс – один путь” между АРВМ и Монголией. Это позволило проводить дистанционные медицинские консультации, осуществлять академический обмен и совместный бесплатный консультационный прием пациентов из Китая и Монголии. Кроме того, в городе Улан-Батор был открыт филиал Центра монгольской медицины. Создание долгосрочных партнерских отношений с Монголией, обмен талантами, обучение и интернатура между двумя странами создает предпосылки дальнейшего развития международных связей в данной области. Ежегодно более 30 тыс. пациентов из Монголии, России и других стран проходят лечение» [В Хух-Хото состоялось торжественное собрание..., 2019].

В сентябре 2017 г. заместитель директора Международного госпиталя монгольской медицины Сы Цингэ и главный врач Хасбагэн приехали в Республику Бурятия и приняли очное участие в Международном Форума Китая, Монголии и России, состоявшемся в г. Улан-Удэ на базе ИМБТ СО РАН, а также посетили Центр восточной медицины Республики Бурятия, где ознакомились с историческими источниками по восточной медицине. В 2019 г. ученые из БНЦ СО РАН посетили Фармацевтический центр монгольской медицины при Международном госпитале монгольской медицины. Взаимные визиты и обучение создали

прочную основу для дальнейшего развития совместных научных проектов.

Экономический коридор Китай–Монголия–Россия стал платформой для трехстороннего сотрудничества в области традиционной медицины, что позволяет раскрыть потенциал богатого наследия монгольской медицины на благо всех народов мира.

Во-первых, традиционные фармацевтические учреждения трех стран сотрудничают в области изучения медицинской и фармакологической литературы, систематизируют, изучают исторические материалы по традиционной фармакологии, обогащают основы медицинской литературы, обогащают медицинскую практику, продвигают сотрудничество в области медицины и стимулируют развитие мировой медицинской науки.

Во-вторых, после утверждения взаимно признанные стандарты традиционной фармацевтики трех стран станут «международными стандартами». Достижение «международных стандартов» откроет широчайшие перспективы и поможет большему количеству людей, а также станет значимым вкладом в сохранение ценного наследия монгольской медицины в Китае, России и Монголии для всего мира.

Наконец, Китай, Монголия и Россия могут совместно культивировать, собирать и перерабатывать лекарственные травы на местах, стимулируя местную занятость и местную экономику. Культивация лекарственных растений способствует улучшению экологической среды, диверсификации экологического биоразнообразия, зеленой органической индустрии с широкими перспективами.

За минувший век в мире произошли перемены колоссального масштаба, чрезвычайные эпидемиологические ситуации в области общественного здравоохранения стали общим грозным вызовом для всего человечества. В этой связи представляется необходимым укрепление трехстороннего сотрудничества в области традиционной медицины, что позволит повысить иммунитет населения и стимулировать новое развитие сотрудничества на основе экономического коридора Китай–Монголия–Россия и «Среднесрочной программы сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией».

Источники и литература:

В Хух-Хото состоялось торжественное собрание в честь 40-летия со дня основания «Общества медицины и фармакологии Внутренней Монголии» // «Жэньминь жибао» (интернет-версия). 12 дек. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://k.sina.cn/article_6456450127_180d59c4f02000sei3.html.

Дэн Цзюган 邓九刚. Чайный путь: Евразийская торговая дорога на 300 лет (茶叶之路: 欧亚商道兴衰三百年). Хух-Хото: «Нэймэнгу чубаньшэ», 2000. 359 с.

Дэн Цзюган 邓九刚. Чайный путь: история торговли во период императоров Канси и Петра (万里茶道: 康熙皇帝与彼得大帝的商贸往事). Хух-Хото: Изд-во «Юаньфан», 2016. 276 с.

Официальный сайт правительства АРВМ КНР (内蒙古自治区政府官网) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nmg.gov.cn>

Официальный сайт Государственного управления по надзору за пищевыми продуктами и лекарственными средствами 内蒙古自治区药监局官网 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nmpa.gov.cn>

Официальный сайт Комитет здравоохранения АРВМ КНР 内蒙古自治区卫生健康委员会官网 [Электронный ресурс]. URL: <http://nmgyyhxh.org.cn>

Чжан Цзинчжи 张景植. Впечатления о Хух-Хото (印象青城). Хух-Хото: Изд-во образования АРВМ, 2014.

Топонимическое описание г. Хух-Хото (呼和浩特市地名志). Хух-Хото: «Народное правительство города Хух-Хото», 1985. 372 с.

Се Фэнлин
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
Северный университет, Тайюаньский политехнический университет
Тайюань, Китайская Народная Республика
fenlin.se@mail.ru

Валеев Рамиль Миргасимович
доктор исторических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
valeev200655@mail.ru

**СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ – ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ И ИТОГИ СОТРУДНИЧЕСТВА ВУЗОВ
(1990–2000-Е ГГ.)¹**

Статья посвящена изучению исторического опыта и основным направлениям образовательного взаимодействия, в особенности в сфере китаеведения Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России как соседних регионов двух стран в 1990–2000-е гг. В соответствии с официальными документами, подписанными двумя странами, в области образования и культуры были реализованы программы обмена студентами, преподавателями и совместного обучения. С российской стороны университеты во Владивостоке, Благовещенске, Уссурийске, Комсомольске-на-Амуре готовят специалистов по китайскому языку и по знанию Китая; в Китае, в городах Харбин, Хэйхэ, Суйфэньхэ, Цзямусы, Чанчунь, имеются курсы по изучению русского языка. Вузы в этих городах активно сотрудничают с целью повышения образовательной конкурентоспособности и содействия успешному развитию политических, экономических, социальных и культурных взаимодействий между Россией и Китаем.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая; Дальний Восток России; гуманитарное и вузовское сотрудничество, китаеведение.

Se Fenlin
Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
Northern University, Taiyuan Polytechnic University
Taiyuan, People's Republic of China

Valeev Ramil Mirgasimovich
Doctor of Sciences in History
Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

**NORTHEAST CHINA – RUSSIAN FAR EAST: DIRECTIONS, FEATURES
AND RESULTS OF COOPERATION BETWEEN UNIVERSITIES (1990–2000)**

The article is devoted to the study of historical experience and the main directions of educational interaction, especially in the field of Sinology of the Northeast of China and the Russian Far East as neighboring regions of the two countries in the 1990s – 2000s. In accordance with the official documents signed by the two countries, programs of exchange of students, teachers and co-education were implemented in the field of education and culture. From the Russian side,

¹ Исследование выполнено при поддержке РФ (проекты № 23-18-00406, № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

universities in Vladivostok, Blagoveshchensk, Ussuriysk, Komsomolsk-on-Amur train specialists in the Chinese language and knowledge of China, and in China, in the cities of Harbin, Heihe, Suifenhe, Jiamusi, Changchun, there are courses on the study of the Russian language. These universities actively cooperate in order to increase educational competitiveness and promote the successful development of political, economic, social and cultural interactions between Russia and China.

Keywords: Northeast of China; Russian Far East; humanitarian and university cooperation; Sinology.

Наше внимание сосредоточено на изучении нормативно-правовой базы и ключевых направлений вузовского сотрудничества Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. На рубеже 1990-х гг. Китай и Россия обозначили отношения между двумя странами как «взаимно считающиеся дружественными» и подписали двустороннее соглашение о гуманитарном сотрудничестве. В этот период Дальний Восток РФ становится открытым для зарубежных гуманитарных обменов и сотрудничества. Согласно Указу Президента РСФСР № 123 от 20 сентября 1991 г. «Об открытии города Владивостока для посещения иностранными гражданами», с января 1992 г. крупнейший город Дальнего Востока получил возможность реализовать свой потенциал как один из центров международного сотрудничества. В 1990-е гг. были установлены побратимские отношения между городами сопредельных районов двух стран. Такими городами-побратимами являются Цзилинь – Находка (июль 1991 г.), Далянь – Владивосток (сентябрь 1992 г.), Муданьцзян – Уссурийск (апрель 1993 г.), Цзямусы – Комсомольск-на-Амуре (июнь 1994 г.), Харбин – Хабаровск (май 1995 г.), Маньчжурия – Чита (сентябрь 1999 г.).

Подписание в июле 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР заложило юридический фундамент долгосрочного и всестороннего сотрудничества двух стран, создало благоприятную обстановку для укрепления взаимодействия в области образования. Это привело к оживлению взаимных контактов между представителями научных и исследовательских учреждений, специалистами.

Изучение русского и китайского языков, истории и культуры народов России и Китая способствует расширению сотрудничества и взаимопонимания между двумя странами. 3 ноября 2005 г. государства подписали Соглашение об изучении русского языка в КНР и китайского языка в РФ. 9 ноября 2006 г. Министерство образования и науки Российской Федерации и Министерство образования Китайской Народной Республики заключили соглашение о сотрудничестве в области образования, чтобы придать новый импульс этой сфере. В декабре 2012 г. в Москве подписан Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере [Меморандум о реализации Плана действий...] и определены основные задачи по профильному направлению гуманитарного сотрудничества.

Первыми китайскими университетами, с которыми были установлены международные контакты, например, Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) для прохождения научных и языковых стажировок преподавателей и студентов, стали Хэйлунцзянский университет (г. Харбин), Ляонинский университет (г. Шеньян), Даляньский институт иностранных языков (г. Далянь), Харбинский научно-технический университет и другие вузы КНР.

В целом университеты российского Дальнего Востока активно открывали новые центры подготовки китаеведов. Уссурийский пединститут начал готовить учителей китайского языка в 1989 г., впоследствии многие дальневосточные университеты открыли курсы китайского языка. В Дальневосточном регионе России большое значение придается подготовке специалистов по китайскому языку и китаеведов. Во многом благодаря открытию Центра китайского языка (2000 г.) и Института Конфуция ДВФУ (2006 г.) лучшие участники регионального конкурса по китайскому языку и культуре были поощрены поездкой в Китай.

Дальний Восток России активно продвигает изучение китайского языка, а освоение русского языка является основным требованием для гуманитарного сотрудничества в сопредельных регионах Китая и России. Начальные и средние школы, предлагающие курсы русского языка в провинции Хэйлунцзян, в основном сосредоточены в городах Харбин, Хэйхэ, Суйфэньхэ, Цзямуся и др., в провинции Цзилинь – в Чанчуне.

В настоящее время в 173 университетах Китая имеются курсы по изучению русского языка, 40 из них действуют в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь. Некоторые практические курсы ведут преподаватели – носители русского языка, приехавшие с Дальнего Востока России. Среди специальностей и направлений подготовки высшего образования по программе магистратуры в рассматриваемых вузах можно выделить русский язык и литературу, русистику, перевод и т.д. Дисциплины «Русский язык» и «Литература» обычно включают в себя такие курсы, как русское языкознание, русская литература, регионоведение и страноведение, переводоведение, сравнительное литературоведение и межкультурные исследования.

В целях создания условий для более активного продвижения инициативы «Один пояс и один путь» китайские и российские университеты создали 12 своих международных ассоциаций. Среди них единственным международным альянсом университетов Китая и России является Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных провинций Китая (АВРИК). В целом благодаря гуманитарному и вузовскому сотрудничеству группы изучения китайского языка в российском Дальневосточном регионе и группы изучения русского языка на Северо-Востоке Китая получили широкое распространение и общественное признание. Обе стороны накопили исторический и культурный опыт для дальнейшего развития активных двухсторонних отношений и одновременного сосуществования нормативно-правовой базы сотрудничества в гуманитарной и культурной областях. Официальные документы и комплексные мероприятия вузов регионов двух государств обеспечивают развитие комплексного и целенаправленного взаимодействия и сотрудничества между университетами двух стран и способствуют изучению языков, истории и культуры народов, а также повышению образовательной и культурной конкурентоспособности России и Китая.

Литература:

Ефремова Л. И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 857–865.

Ларин В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 1990-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.

Медяник Е. И. Совместные проекты в области образования как инновационная форма сотрудничества России и Китая в XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 54–64.

Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере: подписан в г. Москве 06.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.05.2013).

Рябенко О. Н. Формирование приграничного культурного коридора на Северо-Востоке КНР // Россия и АТР. 2007. № 1(55). С. 166–169.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 4. С. 4–11.

Филиппов В. М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 203–211.

Чжэн Вэньдун, Ван Луяо О механизме китайско-российского гуманитарного обмена в новую эпоху // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1(7). С. 33–43.

余子侠. 中俄(苏)教育交流的演变. Ю Цзыся. Эволюция китайско-российского (советского) образовательного обмена. Изд-во: Цзинань, 2010. 336 с.

РАЗДЕЛ 2

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Цэдэндамба Батбаяр

академик АНМ, доктор исторических наук

Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Түүхийн хүрээлэн

Улаанбаатар, Монгол Улс

mootonhargana@gmail.com

АНХДУГААР ҮНДСЭН ХУУЛЬ: Ж. ЦЭВЭЭНИЙ ҮНДСЭН ХУУЛИЙГ БОЛОВСРУУЛАХАД ОРУУЛСАН ХУВЬ НЭМЭР

Монгол Улсын анхдугаар Үндсэн хуулийг боловсруулах ажил 1921 оны 9 дүгээр сараас 1924 оны 11 дүгээр сар хүртэл дөрвөн жил үргэлжилсэн бөгөөд энэхүү 4 жилийн үйл явцад Цыбен Жамцарано оролцож, Монгол Улсын анхны Үндсэн хуулийг боловсруулахад асар их хувь нэмэр оруулсан юм. 1922 оны 5-р сард Ц. Жамцарано Үндсэн хуулийн төслийг боловсруулах анхны засгийн газрын комиссын гишүүнээр томилогдов. Энэ комисс Англи, Америк, Япон, Норвеги зэрэг барууны зарим орны үндсэн хуулийг монгол хэлнээ орчуулахыг Монгол Улсын Судар бичгийн хүрээлэнгийн зарим гишүүдэд даалгасан. Тэдний заримыг нь Ц. Жамцарано орчуулсан гэж илтгэгч үзэж байна. 1924 оны 10-р сард Үндсэн хуулийн төслийг боловсруулах шинэ комисс байгуулагдаж, 3 долоо хоногийн дотор ажлаа дуусгав. Тэр комиссын гишүүдийн нэг нь Ц. Жамцарано байв. Эдгээр болон бусад баримтууд нь Монгол Улсын анхны Үндсэн хуулийг боловсруулахад Ц. Жамцарано асар их үүрэг гүйцэтгэсэн болохыг харуулж байна.

Түлхүүр үг: Ц. Жамцарано; Үндсэн хууль; Монгол Улс; Засгийн газрын комисс.

Цэдэндамба Батбаяр

академик АНМ, доктор исторических наук

Институт истории и этнологии Академии наук Монголии

Улан-Батор, Монголия

ПЕРВАЯ КОНСТИТУЦИЯ МОНГОЛИИ: ВКЛАД ЦЫБЕНА ЖАМЦАРАНО В РАЗРАБОТКУ КОНСТИТУЦИИ

Процесс разработки и формулирования первой Конституции народной Монголии прошел 4-летний период от сентября 1921 г. до ноября 1924 г. Цыбен Жамцарано был единственным участником всего этого 4-летнего процесса и внес огромный вклад в разработку первой Конституции народной Монголии. В сентябре–ноябре 1921 г. Жамцарано разработал документ «Правила временного государственного хурала» и на этой основе разработал первый вариант Конституции народной Монголии.

В мае 1922 г., когда была создана первая правительственная комиссия по разработке Конституции, Ц. Жамцарано стал одним из членов этой авторитетной комиссии. Эта комиссия поручила некоторым членам Ученого комитета Монголии перевести на монгольский язык конституции некоторых западных стран, в том числе Англии, Америки, Японии и Норвегии. Докладчик считает, Ц. Жамцарано перевел некоторые из них. В октябре 1924 г. была создана новая комиссия по разработке Конституции, завершившая работу в течение 3-х недель. Ц. Жамцарано был одним из членов той Комиссии. Все эти факты показывают ту огромную роль, которую внес Ц. Жамцарано в процесс разработки первой Конституции Монголии.

Ключевые слова: Ц. Жамцарано; конституция; Монголия; правительственная комиссия.

1921 онд үндэсний ардчилсан хувьсгал ялсны дараа ҮШ Богд Жибзундамба ба Ардын засгийн газрын хоорондох эрх хэмжээ, харилцааны асуудлыг хууль зүйн үүднээс нарийвчлан боловсруулах зүй ёсоор тулгамдан тавигджээ. Монголын хүн амын дийлэнх олонхийн дотор шашны нөлөө туйлын хүчтэй, шашны тэргүүн Богд гэгээнийг тахин шүтэх үзэл өргөн дэлгэр байсан нөхцөлд “хэмжээт эрхт хаант засаг” тогтоох нь зүйтэй гэж үзсэн байна. Ийнхүү Ардын засгаас 1921 оны 9 дүгээр сарын 20-нд “Улсын түр цагийн хурлыг байгуулах дүрэм”-ийг баталж, 1921 оны 11 дүгээр сарын 1-нд “Богд хаан ба Засгийн газрын хоорондох холбогдлыг илэрхийлсэн тангараг дүрэм” хэмээх баримт бичгийг хянан баталжээ.

Ийнхүү 1921 оны 9-11 дүгээр сард “Тангаргийн гэрээ”, “Улсын түр цагийн хурлын дүрэм”-ийг боловсруулан мөрдсөн нь Монгол Улсын үндсэн хуулийг боловсруулах ажлын эхлэл байсан гэж үзүүштэй. Тэр үед Ерөнхий сайдаар ажиллаж байсан Д. Бодоо “Монгол хэмжээт засагтай ард улсын үндсэн хууль” хэмээх анхны үндсэн хуулийн төслийг боловсруулжээ. Мөн ҮТА-д хадгалагдаж байгаа тодорхой нэргүй, хараахан бүрэн боловсруулж дуусаагүй төслийг Ж. Цэвээн зохиосон байна. Д. Бодоогийн төсөл 6 бүлэг, 27 зүйлтэй, Ж. Цэвээний төсөл 7 бүлэг 24 зүйлтэй. Судлаач С. Идшинноров үзэхдээ Д. Бодоо “Тангарагийн гэрээ”-г, Ж.Цэвээн “Улсын түр цагийн хурлын дүрэм”-ийг тус тус боловсруулсан бөгөөд түүнээ өргөтгөн үндсэн хуулийн төсөл болгон тус тусдаа ажилласан гэсэн саналыг дэвшүүлжээ [Идшинноров, 1997].

Ж. Цэвээний боловсруулсан Үндсэн хуулийн төслийн “Богд хааны тухай” гэдэг хоёрдугаар бүлэгт “Жибзундамба хутагтын наймдугаар дүрийг Монголын хэмжээт эрхт богд хаан хэмээн өргөмжилнө” гээд “Богд хааны эрх хэмжээг олноо өргөгдсөний арваннэгдүгээр оны арван сарын шинийн хоёрны өдөр Ардын засгийн газар, Богд хаан хоёрын хоорондох холбогдлыг тодорхойлсон дүрмийн ёсоор журамлан дагаваас зохих тул энэхүү дүрмийг үндсэн хуульд хавсаргав” гэжээ [Монгол улсын Үндэсний Төв Архив (МУҮТА), ТБА, Х-31, Д-1, ХН-10].

Ж. Цэвээн төслийнхөө нэгдүгээр бүлэгт улсын хурлын асуудлыг тусгажээ. Уг төсөлд Монгол улс ардын эрхтэй, хэмжээт цаазат засагтай улс байна гээд “Монгол улсын харьяат ард түмний сонгосон төлөөлөгчид чуулж, бүх улсын хуралдаан байгуулан, бүх улсын дээд эрхийг барина” гэдгийг заажээ. Улсын хурлын таслан шийтгэх хэргүүд нь Монгол улсын бүх цааз хуулийн зүйлүүдийг залруулах, зохиох, батлах, улсын орлого, зарлагыг хянан батлах, ...хэмжээ жигнүүр, мөнгө зоос гаргах зэрэг улсын дээд эрхэд холбогдох зүйлүүдийг цөм улсын хуралдаан хэлэлцэн таслан тогтооно гэжээ. Түүнчлэн улсын хурал засгийн газрыг сонгох, халах эрхтэй байна гэжээ. Түүнчлэн “улсын хурал чөлөө бүхий цагт улсын дээд эрхийг засгийн газар хадгалваас зохино” гэсэн байна. Энэ заалт хожим 1924 онд улсын анхдугаар их хурлаас батласан анхдугаар үндсэн хуулинд энэ чигээр орсон байдаг [МУҮТА, ТБА, Х-31, Д-1, ХН-10].

Ж. Цэвээн төсөлдөө хүний эрх, эрх чөлөөний асуудлыг нарийн тусгажээ. Тэрбээр “Ард түмний эрх үүрэгүүд” гэсэн 3 дугаар бүлэгтээ “Монгол улсын засаг нь ардын эрхт тул хувийн эрх чөлөөг хүндэтгэн үзэж, хэн хүн нэрээ нуулгүйнээр өөрийн саналыг аман үгээр ба бичиг дэвтрээр хэвлэн гаргаж олонд тараахад хуучин хэвээр чөлөө эрхтэй байна. Гагцхүү улс төр, олон түмний ашиг тус, эрх мэдэл дүрс байдалд хорлолтой зүйлийг гаргаваас тухайд тогтоосон дүрмийн ёсоор шийтгэх, ард түмэн санал хүчин нийлж нам, хоршоо, бүлгэм, үүр зэргийг байгуулах ба хурал чуулж аливаа хэрэг учир шүүмжлэх эрх чөлөө эдлэнэ. Гагцхүү улс төрд харштай зорилго явдал гаргаж болохгүй” гэжээ. Шашин шүтэх эрх чөлөөний хувьд “Монголын харьяат бүгд шашин мөргөлийг өөрийн дур сүжгээр шийдэх, албадаж болохгүй. Монголын харьяат иргэд дээд доорд, эрхтэн дархтан, лам хар гэж ялгаварлахгүй цөм улс төр, орон нутгийн алив үүрэг ба эрх чөлөөг тэгш эдлэнэ” гэсэн байна. Ж. Цэвээн ийнхүү төсөлдөө

хүн бүр саналаа чөлөөтэй гаргах, эвлэлдэн нийлэх, шашин шүтэх, сонгох сонгогдох эрхийг тусгаж өгсөн нь тухайн нийгмийн нөхцөлд их дэвшилттэй зүйл байлаа.

Ж. Цэвээн хятадын колоничлол, түрэмгийлэлд өртсөн Дотоод Монголын ард түмний жишээг сургамж болгосон бололтой үндсэн хуулийн төсөлдөө монгол хэл бичиг, газар нутаг, бэлчээрээ хамгаалах тухай заалтуудыг оруулжээ. Тэрбээр төсөлдөө “Монгол улсын албан ёсны хэл бичиг нь монгол хэл бичиг байна. Монголын газар ус, дэлхийн баялаг, хил хязгаарыг бүгд хичээнгүйлэн хамгаалж, гадаадын хүн дур зоргоор нүүдэллэн орж, колони болон суух, онц эрхээр түрэмгийлэн монгол үндэстний хойдын эрх ашгийг булаах буюу хохироохоос сэргийлэх явдал” гэжээ [МУҮТА, ТБА, Х-31, Д-1, ХН-10].

Ж. Цэвээний үндсэн хуулийн төсөлд мөн монгол угсаатны холбооны улс буюу федерализмын үзэл санаа тусгалаа олсон нь онцлог байв. Тэрбээр 4 дүгээр бүлгээ “Олон зах хязгаарын тухай”, 5 дугаар бүлгээ “Монголын эрх баригчдын тухай” хэмээн томъёолжээ. 4 дүгээр бүлэгт “Монгол улсад багтсан олон аймаг хязгаарын газрын харьяат нар цөм нэгэн адил ардын эрх чөлөө алив үүргийг эдэлж, Монгол улсын хязгаар дотор саадгүй нэвтрэн явна”. “Хэрэв ямар нэгэн онц суртал байдалд идээшсэн муж, аймаг, хязгаар буй аваас тухай дор хязгаар орны байдалд нийлүүлэн өөрөө засах нутгийн автономийг зүй зохисоор олгож болно. Монгол улсын савд багтсан олон газрууд хэдийгээр нутгийн автономийн эрхтэй боловч бүгд цэргийн тухай, гадаад лугаа харилцах хийгээд зам хил нэвтрэлцэх, мөнгө зоос, хэмжүүр гаргах сэлтийг гол засгийн газраас эрхлэн мэдвээс зохино” гэсэн нь Монгол улс нэгдмэл бөгөөд төв засгийн газар цэрэг арми, гадаад харилцаа, хил тогтоох, мөнгө зоос гаргах зэрэг онц эрх мэдлийг атгана гэж тодорхойлжээ. Монголын эрх баригчдын тухай бүлэгтээ “Монгол улсын засгийн газар ба олон их бага эрх баригчид цөм тус улсын хууль, цааз, дүрэм хэмжээ ёсоор журамлан дагаж хэргээ шийтгэвээс зохино. Хэрэв ардын эрхт хэмжээт цаазат засгийг зөрчин явбаас их бага тушаалын хүмүүсийг зориуд цааз хууль зөрчсөн ёсоор аваачиж зарга шийтгэх газар эрүүгийн хэрэг халдсан ёсоор шийтгэвээс зохино” гэж эрх зүйт нэгдмэл төрийн үзэл санааг тод томруун тусгажээ.

Ж. Цэвээн 7 дугаар бүлгээ “Гадаадаас зэрэг цол хүлээхийн учир” хэмээн нэрлэсэн нь тухайн үед тулгамдсан асуудал байв. Тэрбээр эрх баригчид гадаад улсын нөлөөнд орж, үндэсний эрх ашгийг хохироохоос сэргийлэн хамгаалахад анхаарч байжээ. Ийм учраас хэрэв Монгол улсын харьяат иргэд гадаад улсын гавьяа шагнал, зэрэг хэргэм, цол зэргийг хүлээн авахад хүрвэл “Засгийн газраас эрхбиш зөвшөөрөл авч байвал зохино” гэж үзжээ [МУҮТА, ТБА, Х-31, Д-1, ХН-10].

Үндсэн хуулийг боловсруулах ажлыг 1922 оны зун цагаас албан ёсоор эхлүүлжээ. Олноо өргөгдсөний 12-р оны 5 сарын 19-ны өдөр буюу 1922 оны 5 дугаар сарын 19-ны өдрийн Засгийн газрын 21 дүгээр хурлаас Шүүх яамны тэргүүн сайд Х. Магсаржав тэргүүтэй, Судар бичгийн хүрээлэнгийн гишүүн Ж. Цэвээн, түшмэл Бат-Очир нарын бүрэлдэхүүнтэй Үндсэн хууль боловсруулах анхны комиссыг томилжээ.

Үндсэн хуулийн комисс нэлээд ажлыг гүйцэтгэсэн боловч АЗГ-аас (*ардын засгийн газар – прим. ред.*) товлон заасан хугацаанд уг хуулийн төслийг боловсруулж чадаагүй, амжаа ч үгүй байна. Иймд АЗГ тэр комиссыг татан буулгаж /1922 оны 12 сарын 29-нд-Ц.Б./, тэрхүү ажлыг Засгийн газрын хууль цаазыг эмхлэх хэлтэст хавсран гүйцэтгүүлэхээр тогтжээ [Санждорж, 1974, т. 135–136.].

Үндсэн хууль боловсруулах Х.Магсаржав тэргүүтэй анхны комисс Судар бичгийн хүрээлэнд захиалга өгч хэд хэдэн гадаад орны үндсэн хуулийг орчуулуулснаас өнөөгийн байдлаар ҮТНС-нд Америк, Англи, Япон, Норвеги улсын үндсэн хуулийн орчуулга хадгалагдаж байна. Түүхч З. Лонжид эдгээр хуулийн заримыг орос хэлнээс, заримыг англи, япон эхээс нь шууд монголчилсон байх магад гэж үзжээ. Тэрбээр үзэхдээ хориод оны эхэн үед манай улсын нам төр, олон нийтийн байгууллагад янз бүрийн алба хашиж байсан

Ж. Цэвээн, Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба, Цогтбадамжав, Гомбобадамжав, Алтан-Очир, Д. Буддарь, Г. Галон зэрэг орос, англи, япон хэл бичигт сайтар суралцсан хүн цөөнгүй байсан нь ингэж үзэх боломжтой гэжээ [Лонжид, 2011, 351].

Үндсэн хуулийн төсөл боловсруулах ажил удааширч байсан тул 1924 оны 5 дугаар сард ЗХУ-ын хууль цаазын мэргэжилтэн П.В.Всесвятскийг урьж ирүүлж, зөвлөгөө авсан байна. Улмаар засгийн газрын 1924 оны 10 дугаар сарын 24-ний өдрийн 39-р хурлаар Үндсэн хуулийг зохиох ба засгийн газрын хурлын дүрмийг шинэчлэн тогтоох асуудлыг хэлэлцээд Ерөнхий сайд Б.Цэрэндорж, Ж.Цэвээн, Э.Ринчино, Гомбобадамжав нарыг тусгай комисс болгон томилж 3 долоо хоногийн асар богино хугацаанд хуулийг эцэслэн боловсруулахыг даалгажээ [МУУТА, Х-1, Д-1, ХН-289, Х. 424–425]. Комиссоос АЗГ-ын 3 жилийн үйл ажиллагааны туршлагад тулгуурлан, мөн хугацаанд гарсан хууль эрхийн актуудыг үндэс болгон Үндсэн хуулийн төслийг богино хугацаанд хийж гүйцэтгэжээ.

Тусгай томилогдсон комисс Үндсэн хуулийн төслийг эцэслэн боловсруулах ажлыг хоёрхон долоо хоногт багтаан гүйцэтгэж 1924 оны 11 дүгээр сарын 7-ны өдөр ажлаа илтгэжээ. Төслийг боловсруулсан хүмүүсийн тухайд гэвэл мөн өргөсөн бичигийн төгсгөлд: “Улсын үндсэн хууль төлөвлөн зохиох комисст: Цэрэндорж, Жамсранов, Ринчинов, Рыскулов” хэмээн 4 хүний нэрийг дурдсан байна [МУУТА, ТБА, Х-11, Д-1, ХН-4, Х. 2–3].

Улсын анхдугаар их хурлаар Үндсэн хуулийн төслийг хэлэлцэх үеэр Ж.Цэвээн нар өөрийн саналаа илэрхийлж байжээ. Тухайлбал, Ж. Цэвээн нэг хуралдаан дээр “Монголд онцгой маягийн үндсэн хууль байх хэрэгтэй юу гэсэн асуулт тавьж, Үндсэн хуульгүй улс орон ч бас байдаг” гэж байжээ. Өөрөөр хэлбэл, Ж. Цэвээн иймэрхүү зөвлөлт маягийн үндсэн хууль байх хэрэгтэй юу, ийм хуультай байснаас байхгүй байсан нь дээр гэсэн санааг илэрхийлжээ. Т. Рускулов мөн илтгэлдээ Ж. Цэвээн үндсэн хуулийн талаар “хөрөнгөтний либерал үзэл баримталсан төсөл” оруулахыг эрмэлзэж байсан бөгөөд үндсэн хуулийг төслийг хэлэлцэж баталсан комиссын төгсгөлийн хуралдаанд тэр оролцсонгүй гэжээ [МУУТА, ТБА, Х-11, Д-1, ХН-4, Х. 2–3].

Үндсэн хуулийн хэлэлцүүлэг 1924 оны 11 сарын 25-26-ны өдөр хоёр өдөр дамжин явагдаж, нийт төлөөлөгчид ялангуяа Лувсанчой, Гэндэн, Гонжоон, Гиваа-Балжир, Жадамба, Дамбадорж, Э.Ринчино нарын 30 орчим хүн маш идэвхтэй оролцож, их хурал, бага хурлын эрх мэдлийн асуудал, сайд нарыг томилох огцруулах тухай, улсын их хурлын төлөөлөгчдийг газар газраас адил тоотой сонгох эсэх, сонгох сонгогдох эрхийн тухай зэрэг олон зүйлийг асууж, улсын их хурлын төлөөлөгчдийн тоог тогтоох, бага хурлын тэргүүлэгчдийн тоог нэмэх, яамдын сайдыг их хурлаас сонгодог болох зэрэг олон санал гаргаж байжээ.

Ашигласан эх сурвалж:

МУУТА, ТБА, Х-31, Д-1, ХН-10. Ж. Цэвээний боловсруулсан Үндсэн хуулийн төсөл.

МУУТА, ТБА, Х-31, Д-1, ХН-10. Ж. Цэвээний төсөл.

МУУТА, Х-1, Д-1, ХН-289

МУУТА, ТБА, Х-11, Д-1, ХН-4

Ном зүй:

Даш Д. БНМАУ-ыг тунхагласан түүхээс. УБ., 1984.

Цэвээн Ж. Түүвэр зохиолууд (1). Эмхэтгэсэн С. Идшинноров. УБ., 1997.

Санждорж М. Ардын төрийн түүх. УБ., 1974.

Лонжид З. Түүх сөхөхүй. Эмхэтгэл. УБ., 2011.

Иванов Александр Александрович
доктор исторических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
ottisk@irmail.ru

МЕМУАРЫ ГРАФА КЕЙЗЕРЛИНГА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ БУРЯТ КОНЦА XIX В.

Статья посвящена воспоминаниям графа Альфреда Кейзерлинга, прибалтийского немца, служившего в 1880–1890-х гг. чиновником для особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе бароне Корфе. С нескрываемой и искренней симпатией автор мемуаров рассказывает о своих встречах с бурятами, проявляя себя в качестве внимательного исследователя повседневности и культуры бурятского народа.

Ключевые слова: буряты Забайкалья; чиновник для особых поручений; граф А. Кейзерлинг.

Ivanov Alexander Alexandrovich
Doctor of Sciences in History
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

COUNT CASERLING'S MEMOIRS AS A SOURCE FOR STUDYING THE LIFE OF LATE 19TH CENTURY BURYATS

The article is devoted to the memoirs of Count Alfred Keyserling, a Baltic German who served in the 1880–1890s as an official for special assignments under the Amur Governor-General Baron Corfe. With undisguised and sincere sympathy, the author of the memoirs talks about his meetings with the Buryats, manifesting himself as an attentive researcher of the everyday life and culture of the Buryat people.

Keywords: Buryats of Transbaikalia; official for special assignments; Count A. Keizerling.

Сибирская часть Российской империи в силу значительной удаленности от центра страны, огромных и малозаселенных пространств, граничащих с другими государствами, пестрого этно-конфессионального состава аборигенного населения всегда нуждалась в особой форме управления и имела ее в виде генерал-губернаторской власти. Вопрос этот получил весьма подробное изучение в трудах Н. П. Матхановой, Л. М. Дамешка и И. Л. Дамешек [Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова, 2020]. При этом механизм административного управления на местах (губернаторы, вице-губернаторы или председатели губернских правлений, председатели казенных палат, председатели губернских судов и прочие) был весьма неповоротливым. «Внешне стройная и логически выверенная структура, – как указывает профессор Н. П. Матханова, – на деле оказывалась громоздкой и медлительной. Для ее более или менее успешного функционирования ... необходимы были какие-то корректирующие инструменты». Именно с этой целью в механизме управления была предусмотрена специальная должность, «наличие которой могло бы компенсировать неизбежные нестыковки, неувязки и несогласования». Это и была должность чиновника для особых поручений [Матханова, 2022, с. 14].

Чиновник для особых поручений являлся человеком, пользующимся, безусловно, доверием самого генерал-губернатора. Соответственно этому преимуществу были и его широкие полномочия: проверка исполнения имперских законодательных актов местными

органами власти, опосредованное руководство наиболее сложными следственными делами, выстраивание непростых взаимоотношений местной администрации с политическими ссыльными, часть которых имели весьма и весьма влиятельных покровителей в Санкт-Петербурге, а также, конечно же, решение периодически возникавших «деликатных» проблем с аборигенным или инородческим населением обширного сибирского, в данном случае, Забайкальского, региона.

Именно таким чиновником для особых поручений и был граф Альфред Гугович Кейзерлинг (1861–1936). Граф был родом из прибалтийских немцев, родился в Митаве, главном городе Курляндской губернии, получил университетское образование, затем служил в Петербурге, в Министерстве финансов. В 1886 г. Приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф предложил молодому 25-летнему графу место чиновника для особых поручений и вызвал в Хабаровск, на Дальний Восток. С этого времени судьба уготовила Кейзерлингу интересную, действительно, яркую, насыщенную событиями жизнь: непродолжительное время он управлял Нерчинским каторжным районом, затем сопровождал царевича Николая Александровича в его дальневосточной и сибирской поездке, стремясь всячески обезопасить пребывание здесь венценосной особы, выполнял дипломатические поручения государства в годы Русско-японской войны, был председателем земской уездной управы в Царском Селе – летней резиденции русских императоров, служил в ЗЕМГОРе, пытаясь всеми силами улучшить снабжение российской армии в годы Первой мировой войны, сидел в камере смертников тюменской «черезвычайки», был свидетелем установления Советской власти в Сибири, а затем, не приняв жестокостей установившейся диктатуры, выехал в 1918 г. в Эстонию.

Воспоминания создавались в 1935 г., т.е. через 45–50 лет после событий, участником которых являлся А. Г. Кейзерлинг. В это время ему самому было уже глубоко за семьдесят. Конечно, столь большой промежуток времени между реально имевшей место действительностью и ее описанием, а также почтенный и солидный возраст мемуариста следует учитывать исследователю-историку. Вместе с тем надо принять во внимание и то, что граф обладал поистине феноменальной памятью, позволившей ему сохранить не только имена десятков людей, с которыми он тогда взаимодействовал, но и практически всегда правильно воспроизвести сложные географические наименования, местные топонимы, а также названия национальных обрядов, детали повседневности кочевой жизни аборигенного населения, особенности костюма и т.д.

Мемуары А. Кейзерлинга называются «Воспоминания о русской службе». Они подготовлены и отпечатаны издательством «Академкнига» в 2001 г. благодаря правнуку А. Кейзерлинга Карлу Экштайну [Кейзерлинг, 2001]. Вообще, нужно сказать, что род Кейзерлингов был и остается по сей день весьма многочисленным. С историей сибирского региона связан, к примеру, Роберт Кейзерлинг, скорее всего, кузен Альфреда, совершивший путешествие в конце XIX в. от Владивостока через Сибирь, в европейскую часть страны и оставивший любопытные воспоминания, в которых кратко описан Дальний Восток, Забайкалье, Байкал и народы, населяющие его берега, а также даны краткие характеристики социально-экономического облика городов Иркутска, Красноярска, Томска и др. [Сибирь, 1900]. Мемуары Альфреда Кейзерлинга относятся приблизительно к тому же времени, но гораздо богаче событиями, точными наблюдениями, а также выводами, касающимися места Сибири в Российской империи, поэтому представляют для исследователя значительно более интересный историографический материал.

А. Кейзерлинг, будучи, как было сказано выше, чиновником для особых поручений Приамурского генерал-губернатора, в 1889 г. получил от барона Корфа очередное непростое задание: выяснить, соблюдая всячески осторожность и деликатность, настроения родоначальников бурятских «племен» относительно имевшихся у нового губернатора Забайкальской области М. П. Хорошина предложений перевести всех бурят в казачье сословие с лишением соответствующих степных дум привилегий, в частности, на распоряжение земель, которая была в собственности государства или Кабинета [Дамешек,

Жалсанова, Курас, 2020, с. 402], а порядок землепользования регулировался законодательно еще с 1822 г. «Уставом об управлении инородцев» М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова. Следует сказать, что бурятские казачьи полки для несения пограничной службы существовали и до Хорошхина, они были созданы еще XVIII в., а в 1851 г. указом Николая I было сформировано Забайкальское казачье войско, в котором имелись и бурятские полки. При этом власти не покушались на права и привилегии органов самоуправления бурят.

Главы книги, посвященные встречам А. Кейзерлинга с коренными народами Забайкалья, описаниям Урги, приграничных с Монголией территорий, куда нередко откочевывали роды, выписаны автором особенно хорошо и проникнуты нескрываемой симпатией к местным жителям. Вот, к примеру, как характеризует Кейзерлинг бурят: «Нам, европейцам, буряты кажутся очень похожими на монголов южно-китайской равнины. Однако же они самостоятельный, единый народ, возможно, родственник скорее алтайским калмыкам. Сложение у них более крепкое, чем у монголов, глаза более раскосые, да и смекалки побольше. Монголы уже приняли китайский тип, тогда как буряты сохранили чистоту крови; и язык их, монгольско-бурятский как в устной, так и в письменной форме не утратил чистоты. Следует подчеркнуть еще одно различие характера: ... буряты честны и добропорядочны, воровства у них почти не бывает, и вора не просто сурово наказывают, но изгоняют из рода. У них есть то, что китайцы называют лицом».

Бурят, по мнению автора, безусловно, можно назвать культурным народом, чьи «верхние слои частью весьма высокоразвиты». Бурятский народ, как считает Кейзерлинг, держался особняком, не смешивался с другими, прежде всего с китайцами, как нередко бывало у южных монголов, правда, смешанные браки все же случались и были не в редкость, например, с русскими, охотно бравшими в жены буряток, причем в детях преобладали бурятские черты. Следует признать, заключает автор, что во многих русских семьях есть примесь бурятской крови, и в них, безусловно, соединяются лучшие качества обеих наций, но с виду бурятский тип доминирует» [Кейзерлинг, 2001, с. 188–189].

Книга изобилует описаниями повседневности бурятского народа. Здесь и вполне профессиональное описание приручения диких лошадей, и заготовление сена для овец, и обряды встречи гостей, и облавная охота, в которой участвуют все мужчины, и рождение ребенка, свидетельством которого был сам автор, и многое другое. Удивительно, но за более чем двадцатилетие, прошедшее с издания книги воспоминаний А. Кейзерлинга, ее содержание так и не стало предметом пристального и внимательного изучения ни столичных, ни сибирских историков и этнографов. Надеемся, что данный пробел в отечественной историографии будет все-таки заполнен, может быть, благодаря и настоящей публикации, которая привлечет к мемуарам прибалтийского графа внимание профессиональных исследователей.

Литература:

Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие генерал-губернаторы. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 340 с.

Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 740 с.

Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе / перевод с нем. Н. Федоровой. М.: Изд-во «Академкнига», 2001. 447 с.

Матханова Н. П. Чиновники особых поручений в системе управления Восточной Сибири XIX в. // Известия Иркутского университета. Серия: История. 2022. Т. 41. С. 14–21.

Сибирь. Из путевых записок графа Р. Кейзерлинга. М.: Университетская типография, 1900. 250 с.

Кушнарeва Маргарита Дмитриевна
доктор исторических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
Rita270880@mail.ru

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ НА АЯНСКИЙ ТРАКТ В 1851–1852 ГГ.: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

В статье проанализированы численные данные крестьян-переселенцев из Забайкальской области на Аянский тракт в 1851–1852 гг. В тексте статьи приводятся выдержки и цитаты из делопроизводственных документов Тарбагатайского волостного правления об организации процесса переселения.

Ключевые слова: переселение; крестьяне; Якутская область; Забайкалье; Аянский тракт.

Kushnareva Margarita Dmitrievna
Doctor of Sciences in History
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

RESETTLEMENT OF PEASANTS FROM TRANSBAIKALIA TO THE AYAN TRACT IN 1851–1852: ORGANIZATIONAL ASPECTS

The article analyzes the numerical data of peasant settlers from the Trans-Baikal region to the Ayansky tract in 1851–1852. The text of the article contains excerpts and quotations from the records management documents of the Tarbagatai volost board on the organization of the resettlement process.

Keywords: resettlement; peasants; Yakutsk region; Transbaikalia; Ayansky tract.

В настоящее время в центре внимания многих современных исследователей находится проблема формирования русского населения и переселенческие процессы в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Этот интерес обусловлен не только научной необходимостью изучения социальных процессов на окраинных территориях государства. Экономический потенциал Российской Федерации во многом зависит от развитости инфраструктуры, функционирование которой обеспечивается трудом народа, проживающего на обширных пространствах макрорегиона. Эти и другие причины лежат в основе актуальности проблемы переселения крестьян из Забайкалья на Аянский тракт Якутской области в 1851–1852 гг.

В современной российской историографии нет единого мнения о количестве семей русских крестьян, прибывших из сел Забайкалья на Аянский тракт в 1852 г. Так, И. И. Майнов, ссылаясь на данные Якутского областного правления от 1895 г., указал, что в ноябре 1852 г. на Аянский тракт переселились 102 крестьянские семьи в составе 589 чел. обоего пола [Майнов, 1912, с. 7]. В работе Ф. Г. Сафронова имеются данные о том, что в 1852 г. на Аян прибыло 102 семьи, состоявшие из 323 душ мужского и 262 душ женского пола включая детей, т.е. 585 чел. [Сафронов, 1988, с. 28]. Ф. Ф. Болонев указал, что на Аян переселилось 102 или 155 семей в составе 589 чел. [Болонев, 2009, с. 51, 138]. С целью уточнения данных предшествующих ученых и определения численного состава переселенцев были проанализированы данные нескольких фондов из Государственного архива Республики Бурятия и Национального архива Республики Саха (Якутия). В первом был исследован фонд № 207 «Тарбагатайское волостное правление», во втором – фонд

№ 137 «Староста крестьян Аянского тракта». В фонде № 207 сохранилась ведомость крестьян, записанных на переселение на Аянский тракт в 1851 г. Фамилии крестьян в ведомости расположены в алфавитном порядке, с указанием порядкового номера, количества членов семьи и их возраста. Все страницы списка – пронумерованы. Согласно ведомости, на Аянский тракт из сел Забайкальской области в 1851–1852 гг. переселилось 156 семей в составе 425 мужчин и 387 женщин. Всего переселилось 812 чел. обоего пола [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 105–130]. Несколько иная картина сложилась в результате анализа списка крестьян-переселенцев на Аянский тракт из фонда № 137 «Староста крестьян Аянского тракта». В списке указаны 102 семьи без перечисления членов семей и их возраста [Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 137. Оп. 1. Д. 24. Л. 4–7 об.]. В списке отсутствуют семьи крестьян, которые, несомненно, переселились на Аянский тракт из Тарбагатайской волости. Это семьи Борисовых, Щепуновых, Китаевых, Кушнаревых и других крестьян. Листы списка не пронумерованы, некоторые страницы отсутствуют. Это позволяет усомниться в точности списка старосты крестьян Аянского тракта и считать данные ведомости Тарбагатайского волостного правления более точными. Кроме списка старосты крестьян Аянского тракта, численность переселенцев из Тарбагатайской волости на Аянский тракт была отмечена в журнале Общего присутствия Якутского областного управления. В соответствии с записью в Журнале от 18 января 1871 г. № 10 из «Иркутской губернии и Забайкальской области на Аянский тракт в 1852 г. прибыло 102 семейства, в числе 323 душ мужского и 266 душ женского пола» [НАРС (Я). Ф. 137. Оп. 1. Д. 24. Л. 37]. Эта запись была сделана в 1871 г., через 20 лет после самого переселения. В 1870-х гг. деятельность Российско-Американской компании прекратилась, некоторые семьи ушли в Приамурскую область, часть семей вернулась обратно в Забайкалье или осталась на постоянном месте жительства в населенных пунктах Якутской области – Павловске и Новопокровске. В 1868 г. на Амур с Аянского тракта ушло 215 душ мужского, 223 душ женского пола, всего – 89 семейств [НАРС (Я). Ф. 137. Оп. 1. Д. 24. Л. 37].

Следует отметить, что процесс переселения был достаточно сложным социальным явлением XIX в. В 1851 г. старостам крестьянских обществ было предписано составить списки желающих переселиться на Аянский тракт. Об этом свидетельствует Предписание земского заседателя Языкова № 1097, направленное Тарбагатайскому волостному правлению. Содержание Предписания было следующим: «председателю волостного правления как можно скорее представить поименный список обо всех вообще семьях, изъявивших желание к переселению на Аянский тракт с изъяснением порознь числа душ мужского и женского пола с разделением по каждому селению. Список представить Верхнеудинскому земскому исправнику» [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 63]. Первый список был оставлен Тарбагатайским волостным правлением 7 июня 1851 г. на основании заявлений крестьян, которые добровольно определились заселить Аянский тракт Якутской области из селений Тарбагатайского, Жиримского, Бурнашевского, Десятниковского, Куйтунского и Новобрянского [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 58]. Июньский список 1851 г. состоял из 186 душ мужского, 160 душ женского пола, т.е. из 346 человек. Все семьи в списке были распределены по селам с указанием количества членов семьи и возраста. Средний возраст переселенцев составлял 40 лет, относились они к числу старообрядцев, отличавшихся крепким здоровьем и хозяйственностью. В соответствии с Указом Иркутского губернского правления от 9 июня 1851 г. № 2598 все семьи крестьян, записавшихся в списки на переселение, предписывалось освободить от недоимок «прежних лет», земских податей и повинностей. Записавшиеся на переселение крестьяне просили у местных властей включить в список переселенцев семьи их сыновей, чтобы вести на новом месте жительства совместное хозяйство. Тарбагатайское волостное правление перенаправило их просьбы Верхнеудинскому земскому исправнику, который 7 января 1852 г. в своем Предписании № 24 отказал им в этой просьбе [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 216–217]. Поскольку вместо

предполагаемых 60 душ обоего пола в июньском списке 1851 г. уже числилось 186 душ мужского пола.

Прошения о включении в список переселенцев продолжали поступать в Тарбагатайское волостное правление и носили массовый характер. В связи с этим 19 сентября 1851 г. Верхнеудинский земский суд направил в Тарбагатайское волостное правление Предписание № 15762 о запрете включения в список переселенцев новых желающих. «Иркутское губернское правление Предписанием от 31 августа № 10574 вследствие предписания Управляющего Иркутскою губернию от 17 августа № 4558, основанного на предписании к нему Господина Генерал-губернатора Восточной Сибири от 16 числа того же месяца № 1240 сделать немедленно известным, кому следует, что просьбы о переселении на Якутск, на Аянский тракт в Иркутском общем губернском управлении Восточной Сибири более приниматься не будут, по поступлении уже в общее Губернское управление просьбам по еще представленным в Главное управление желающие, подавшие те просьбы о переселении, удовлетворены не могут. О месяце и дне переселения на Аян будет объявлено особо. О чем Земский Суд Волостному правлению дает знать» [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 123–125].

В декабре 1851 г. был создан новый список переселенцев на Аянский тракт Якутской области. В нем все крестьяне были разделены по селениям с указанием членов семей, имен и возраста. В декабрьском списке к переселению на Аян числилось 156 семей, 425 мужчин и 387 женщин, всего – 812 чел. [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 105–130]. Данный список переселенцев был направлен Тарбагатайским волостным правлением земскому исправнику 23 декабря 1851 г. открытым донесением № 3330 [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 199–202].

После долгих приготовлений и решения всех вопросов по недоимкам в марте 1852 г. крестьянам Тарбагатайской волости было объявлено о выходе на новое место жительства. «9 марта 1852 г. мы, нижеподписавшиеся крестьяне Тарбагатайской волости разных селений, назначенных к переселению на Аянский тракт, дали сию подписку Тарбагатайскому Волостному Правлению в том, что предписание земского исправника от 6 марта 1852 г. за № 330 о времени отправления на Аянский тракт и прочее нам объявлено. С правилами, прописанными в пяти статьях, ознакомлены, обязуемся их выполнять в точности. Руку приложили Егор Петров, Осипов, Василий Кушнарев, Матвей Борисов, Лука Борисов, Степан Естифеев, Лазарь Китаев, Назар Савельев, Ксенофонт Спиридонов, Михайла Кушнарев, Николай Иванов, Максим Киселев, Алексей Киселев» [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 159. Л. 265].

Путь русских крестьян из Забайкалья на Аян был долгим. Не все переселенцы дошли до Аяна. Были те, кто в силу разных обстоятельств, болезни членов семьи вынужденно вернулись на место своего прежнего жительства. Само переселение и жизнь русских крестьян на Аянском тракте в 1850–1870-х гг. являлось значимым событием. Переселенцы были сильны духом, обладали способностями приспособиться к суровым условиям северного края. Они внесли весомый вклад в развитие транспортной артерии, функционирование Российско-Американской компании, а затем и частных торговых предприятий на северо-восточных рубежах Российской империи. Здесь наиболее ярко проявился их экономический потенциал и талант первопроходцев.

Литература:

Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 224 с.

Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 357 с.

Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингового морей, Сахалина и Курил. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1988. 192 с.

Курас Леонид Владимирович
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
kuraslv@yandex.ru

БУРЯТИЯ В 1917 Г.: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ¹

В статье рассмотрены новые органы власти, созданные на территории современной Бурятии в период от Февраля к Октябрю 1917 г. Они отражали интересы всех слоев населения и всех политических структур Западного Забайкалья. Особое внимание обращается на особенности демократического и национального движения.

Ключевые слова: 1917 г.; Западное Забайкалье; органы власти; коалиция; демократия.

Kuras Leonid Vladimirovich
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

BURYATIA IN 1917: FROM FEBRUARY TO OCTOBER

The author considers new government authorities, created on the territory of modern Buryatia in the period from February to October of 1917. They reflected the interests of all social strata and all political structures of the Western Transbaikalia. Special consideration is paid to the specific features of the democratic and the national movement,

Keywords: 1917; Western Transbaikalia; government authorities.

30 мая 2023 г. Республике Бурятия исполняется 100 лет. В общественном сознании и научных кругах возрастает интерес славному прошлому республики и биографиям тех, кто стоял у истоков национальной государственности. При этом героические события 1917 г., без которых демократизация общества и национальное движение были бы не возможны, остаются в тени. Достаточно отметить, что крупные монографические сочинения по истории Октября в Бурятии относятся к 1960–1980 гг. [Хаптаев, 1964; Батуев, 1971, 1977]. Затем революционные события в Сибири вообще и в Бурятии в частности получили историографическое и источниковедческое обобщение [Батоцыренов, 1967; Курас, 1991, 1995; Октябрьская революция, 2008]. В исследованиях основным рефреном стала внутрипартийная борьба в рядах РСДРП, в связи с чем критиковался поиск так называемого «третьего пути», деятельность буржуазно-социалистической коалиции. Особенно резкая критика звучала в адрес национального движения и его лидеров. В этой связи необходимо рассмотреть место и роль новых органов власти, деятельность которых стала возможной в результате демократической революции в Феврале 1917 г. В этой связи 6 марта 1917 г. стало магическим числом. В этот день в Верхнеудинске был образован Совет рабочих и солдатских депутатов. Деятельность Совета распространялась на всю территорию Западного Забайкалья (Верхнеудинский, Селенгинский, Троицкосавский и Баргузинский уезды). Численность Совета составляла 115 чел. Председателем был избран депутат 2-й

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

Государственной думы, член РСДРП В. М. Серов; товарищем председателя стал член Петербургского комитета РСДРП(б) А. М. Буйко, вторым заместителем стал депутат от Березовского гарнизона И. Г. Маслов. В этот же день был избран Исполнительный комитет общественных организаций (КОБ) – орган Временного правительства, председателем которого стал член РСДРП Е. А. Петров. Одновременное возникновение органов власти пролетариата и буржуазии получило название «Двоевластия», что стало наиболее характерным явлением для Сибири [Бабилова, 1980].

Тогда же в Чите состоялось «частное совещание» группы бурятских демократов, на котором был образован оргкомитет по созыву общенационального бурятского съезда. В состав комитета вошли Э.-Д. Ринчино, М. Н. Богданов, Ш. Б. Бадмаев. Чуть позднее в состав комитета влились Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Г. Цыбиков и Пандито Хамбо-лама. 23–25 апреля в Чите состоялся первый общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, на котором был образован Бурятский национальный комитет (Бурнацком). Бурнацком и его лидеры наиболее последовательно выступали за создание национальной государственности.

Примерно в это же время на предприятиях и учреждениях Верхнеудинска возникли профсоюзные организации, которых к середине весны насчитывалось 15 организаций в Верхнеудинске и 6 профсоюзов – в Троицкосавске.

Возникновению новых структур власти предшествовало немаловажное событие. 3 марта 1917 г. в Верхнеудинске была создана Объединенная организация РСДРП, состоявшая из большевиков и меньшевиков. Такие же организации возникли в Баргузине и Петровском Заводе. Вообще настоящий феномен был характерен повсеместно, но особенно в Сибири. Причины этого явления как объективные, так и субъективные уже освещались в отечественной историографии [Курас, Базаров, 1993, с. 81–82]. Важно другое. Наличие объединенных организаций являлись основой для появления двоевластия и укрепления буржуазно-социалистической коалиции, которая была направлена на укрепление демократии, развитие парламентаризма, появлению компромиссных решений по аграрному вопросу и возможности широкой политической автономии для каждой нации. Тем самым наличие и укрепление коалиции могло стать тем самым радикальным средством, которое могло уберечь страну от гражданской войны. Не случайно весной 1917 г. в Бурятии развернулось крестьянское движение. Решением крестьянских сходов церковные, дацанские, монастырские и кабинетские земли изымались в пользу крестьян.

В этот же период разрастается национальное движение бурят 10–15 июля 1917 г. При Гусиноозерском дацане проходила работа второго Общебурятского съезда, который принял решение о введении среди бурят земства, что позволило сохранить возникшую после Февральской революции административно-политическую систему.

В демократическом движении активное участие приняли и забайкальские казаки, которые выступили за ликвидацию казачьего сословия и организации всей административной, хозяйственной и общественной жизни казачество наравне с остальным населением области.

Не случайно уже в первой половине 1917 г. начинает складываться союз рабочих и крестьян Бурятии. Так, 31 мая 1917 г. на заседании Верхнеусинского Совета рабочих и солдатских депутатов представители крестьян заявили о своем вхождении в Совет. В Исполком Совета вводилось по пять представителей от рабочих, солдат и крестьян. А Объединенный Совет был создан значительно раньше, чем в центральных губерниях России. В этой связи завершение периода двоевластия никак не отразилось на Забайкалье. Более того, после разгрома корниловщины в Верхнеудинске был создан Комитет общественного спасения. В него вошли: объединенные социал-демократы, социалисты-революционеры, народные социалисты, гражданский комитет гарнизонов, комитет железной дороги, почт и

телеграфов. Вопреки расхожим мнениям в этот период в Западном Забайкалье Красной гвардии еще не было, она была создана позднее и не для захвата власти, а для защиты завоеваний революции. Чуть позднее в лагере демократии произошел раскол, но раскол, который коснулся лишь социал-демократов. Центральное бюро социал-демократических организаций объединенных интернационалистов размежевалось с меньшевиками-оборонцами и встало на позиции газеты «Новая жизнь». В состав нового бюро вошли В. М. Серов и А. М. Буйко. Все эти организации представляли интересы Западного Забайкалья на Втором съезде Советов Восточной Сибири и Первом общесибирском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поэтому не случайно социал-демократы интернационалисты и Верхнеудинский Совет не приняли победившую Октябрьскую революцию, осудив «захват политической власти в стране одной партией», считая «недопустимым и глубоко вредным». Верхнеудинский Совет выступил сторонником создания «однородного социалистического правительства», которое состояло бы из представителей всех социалистических партий.

27 октября 1917 г. в Верхнеудинске был создан «Комитет спасения революции», в который вошли председатель Верхнеудинского совдепа, председатель гражданского Исполкома (орган свергнутого Временного правительства), представители социал-демократов меньшевиков и социал-демократов интернационалистов, социалистов-революционеров, Бунда, профсоюзов и гарнизонных комитетов. Инициатором создания этого органа выступил Верхнеудинский совдеп. На заседании Верхнеудинского Совета 17 ноября 1917 г. на голосование было поставлено предложение о создании правительства из представителей всех партий «от большевиков до народных социалистов». Из 98 голосовавших, 82 человека проголосовало за это предложение, 15 воздержалось и лишь один проголосовал против [Борьба за власть Советов... 1957, с. 83].

Общепурятский съезд (Верхнеудинск, 28 ноября – 5 декабря 1917 г.) осудил Октябрьский переворот и принял решение послать своих представителей в Томск на съезд сибирских областников. Таким образом, в Бурятии фактически возник прообраз многопартийного правительства, прообраз парламентской республики.

Литература:

- Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 156 с.
- Батоцырренов В. Б. Советская историография Октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии (1917–1965 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. 71 с.
- Батуев Б. Б. Борьба за власть Советов в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 224 с.
- Батуев Б. Б. Партия большевиков – организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 262 с.
- Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917–1918 гг.). Сборник документальных материалов / под ред. П. Т. Хаптаева. Улан-Удэ: Бурят-Монг. изд-во, 1957. 303 с.
- Курас Л. В., Базаров Б. В. Бурятия в революции 1917–1918 г. // Отчий край. Краеведческий сборник. Улан-Удэ: Изд-во «Соёл», 1993. С. 81–85.
- Курас Л. В. Борьба за власть Советов в Восточной Сибири: советская историография борьбы большевиков Восточной Сибири за власть Советов (2-я половина 50-х–80-е гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 143 с.
- Курас Л. В. Октябрьская революция в Сибири 1917 – середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках. Улан-Удэ: Бурят. ин-т обществ. наук СО РАН, 1995. 192 с.
- Октябрьская революция и гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения / Л. В. Курас, И. В. Наумов, Т. А. Немчинова, П. А. Новиков; науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 202 с.

Жабаева Лариса Будаевна
доктор исторических наук
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
vsgtuhistory@mail.ru

Э.-Д. РИНЧИНО В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ БУРЯТСКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1920 Г.)

Показан значительный вклад Э.-Д. Ринчино, который в сложных условиях меняющегося мира придал новый импульс историческому процессу создания государственной автономии Бурятии и поддержке монгольского национально-освободительного движения, направленной к независимости.

Ключевые слова: Э.-Д. Ринчино; автономия; новые идеи; Монголия; независимость.

Zhabaeva Larisa Budaevna
Doctor of Sciences in History
East Siberian state University
of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation

E-D. RINCHINO IN THE HISTORY OF THE BURYAT AND MONGOLIAN STATEHOOD FORMATION (1920)

The article highlights a significant contribution of E-D Rinchino, who in the difficult conditions of a changing world gave a new impetus to the historical process of creating the state autonomy of Buryatia and supporting the Mongolian national liberation movement aimed at independence.

Keywords: E.-D. Rinchino; autonomy; new ideas; Mongolia; independence.

В год празднования 100-летия Республики Бурятия надо воздать должное Э.-Д. Ринчино, крупному политическому деятелю, первому главе бурятской автономии, с именем которого связаны главные периоды становления бурятской государственности и становления независимости Монголии; он являлся одной из ключевых фигур этих процессов. 16 мая 2023 г. ему исполняется 135 лет со дня рождения.

Э.-Д. Ринчино, глубоко эрудированный, радикально настроенный политический деятель, признавая ценность нации, последовательно занимаясь актуальными проблемами бурятского и монгольского народов, сумел добиться важных результатов. В августе 1920 г. в Россию нелегально прибывает делегация Монгольской народной партии, рассчитывающая на поддержку в борьбе за независимость. Как подчеркивает Ринчино в своей статье «О политическом положении в Монголии», написанной им в августе 1920 г., успехи советской России, «являясь психологическим фактором высокого давления, им (т.е. монголам – Л. Ж.) весьма импонируют и толкают их на путь <...> обращения к ней как к новой силе мирового значения, могущей непосредственно влиять на международную обстановку» [Элбек-Доржи Ринчино о Монголии, 1998, с. 31]. В Москву отправились С. Данзан и Д. Чагдаржав в сопровождении Э.-Д. Ринчино, видного и влиятельного деятеля бурятского национального движения. «Ему удалось не только создать жизнеспособный вариант территориальной автономии для своего народа, но и отстоять его в условиях социальных катаклизмов 1917–1922 гг.» [Шиловский, 1998, с. 12].

В условиях новых вызовов отрицания идеи национальной автономии со стороны бурятской секции большевиков Иркутского губкома РКП(б), когда могли пойти прахом все результаты, которые удалось получить в борьбе за территориальную автономию за прошедший период, Ринчино сосредотачивает все свои усилия на отстаивание необходимости автономии. Умеющий писать талантливо, ясно и четко, он написал в этот период ряд аналитических статей, которые оказались своевременны и весьма кстати были переданы высшему советскому руководству, которые стали не только важным источником информации, но и оказали влияние на принятие Москвой судьбоносных решений для бурятского и монгольского народов.

В статье «Краткое изложение о положении дел во Внешней Монголии» Э.-Д. Ринчино, прекрасно зная страну, опираясь на факты, обстоятельно анализирует ее социально-экономическое положение, политическую обстановку, нарождающееся народно-революционное движение. Обращая внимание на историческую роль Монголии в растущей конкуренции за лидирующие позиции в азиатском регионе, он предлагает большевикам новое видение места Монголии в продвижении мировой революции на восток. Ринчино полагает, что «вовлечение Внешней Монголии, [а] вместе с нею и всей Монголии, в русло мировой революции отдает в руки последней новый боевой плацдарм, революционно-стратегическое значение которого огромно ввиду существующих тесных связей Монголии с Маньчжурией, китайским Туркестаном и Тибетом, а через последний и Индией», и что «в будущем генеральном сражении трудящихся всего мира с мировой буржуазией революционный монгольский плацдарм, несомненно, сыграет огромную роль, связывая революционную Россию с великими народами Азии, питающими своими соками в настоящий момент мировых насильников, мировые империалистические державы, давая им, таким образом, силу и мощь» [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 122. Л. 22].

В статье «Условия постановки и задачи революционной работы на Дальнем Востоке» обращает особое внимание на важность принятия и популяризации боевого лозунга, близкого и понятного широким массам азиатских народов. Актуальной, по его мнению, является пропаганда «идеи свободы национального самоопределения народов Азии и борьбы против гнета иностранного и прислуживающего ему туземного капитала и чиновничества» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 77. Л. 36]. При этом, подчеркивает Ринчино, пропагандируя лозунги культурно-национального и экономического раскрепощения народов Азии, советская власть должна те же принципы провести у себя дома в отношении инородцев, и это «будет немедленно просачиваться за границу» [Элбек-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма, 1994, с. 86]. Ринчино показывает, как стремительно развивались события во Внешней Монголии. Вначале после ликвидации автономии в 1919 г. монголы «совершенно растерялись, но затем началось сильнейшее возбуждение и взрыв негодования» в связи с китайской оккупацией страны. Затем кочевники перешли к «анализу событий... мысли о необходимости самостоятельных практических действий», которые завершились образованием политических групп, ставящих своей целью восстановление страны на новых, демократических началах [Жабаева, 2001, с. 189].

9 октября 1920 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б) [Политбюро, 2000, с. 80], где была организована встреча участников Бакинского съезда народов Востока с В. И. Лениным – председателем Совета Народных Комиссаров, где присутствовал И. В. Сталин – член Политбюро, Н. И. Бухарин – кандидат в члены Политбюро. В числе приглашенных были также Э.-Д. Ринчино и А. Доржиев. Участники совещания передали В. И. Ленину «Тезисы по вопросу о политике Советской власти по отношению к народам Востока», от сибирских инородцев, Монголии и Тибета его подписали Ринчино и Доржиев. Анализируя

вопрос о взаимоотношениях центра с восточными советскими республиками и областями, входящими в состав РСФСР, делегаты съезда народов Востока прямо пишут, что следует «изменить в корне всю ту политику, которую центр проводил за последнее время в отношении восточных окраин, дав последним более широкие автономные начала» [Жабаева, 2001, с. 166]. Были заслушаны доклады некоторых участников, в том числе выступил Ринчино, который обосновывал необходимость образования бурятской автономии, критиковал тактику бурсекции большевиков, отрицающей автономию, что «в корне противоречит программе и тактике компартии, не выдерживает никакой критики с точки зрения исторической» [Цыбиков, 1967, 11 ноября]. На этом заседании одновременно был разрешен в положительном смысле и «монгольский вопрос» по созданию отдельного государства.

14 октября 1920 г. состоялось заседание Политбюро, где обсуждался также вопрос «О задачах РКП в местностях, населенных восточными народами» [Политбюро, 2000, с. 81]. В результате В. И. Лениным был подготовлен проект постановления ЦК РКП(б) от 14 октября 1920 г. «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами», где 3 и 4 пункты непосредственно касались автономии бурят: «Признать необходимым проведение автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую очередь для калмыков и бурят-монголов». Благодаря гению В. И. Ленина «впервые за многие века своего существования бурятский народ обрел свою государственность» [Цыбиков, 1967, 11 ноября].

Таким образом, один из лидеров бурятского национального движения, первый глава бурятской автономии Э.-Д. Ринчино показывает себя твердым сторонником государственности бурятского и монгольского народов. В ответственный период меняющегося мира, в обстановке новых вызовов он напряженно работает, смело берет на себя обязательства и решительно действует, отстаивая справедливость, равноправие народов. В представленных высшему российскому руководству аналитических статьях он связывает воедино образование автономии бурятского народа с необходимостью широкой поддержки монгольского национально-освободительного движения, с развитием революционного процесса на востоке, с национальными интересами России, расширением ее геополитического влияния в азиатском регионе.

Э.-Д. Ринчино сыграл внес новый весомый вклад в формирование национальной идеи образования бурятской автономии, монгольской государственности и, самое главное, многое сделал для практического воплощения этих идей в жизнь, решения бурятского и монгольского вопросов на высшем партийном и государственном уровне. В этом его неоцененная по достоинству историческая заслуга.

Литература:

- Жабаева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. 335 с.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог / Т. I. 1919–1929. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 832 с.
- Цыбиков Б. Ильич у колыбели бурятской государственности // Правда Бурятии. 1967. 11 ноября.
- Шиловский М. В. «Национальная идея» Эльбека-Доржи Ринчино // Междунар. науч.-теор. конф. «Элбек-Доржи Ринчино и народно-демократическое движение в России, Центральной Азии в XX в». Доклады, тезисы, сообщения. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 1998. С. 9–12.
- Элбек-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН 1994. 234 с.
- Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 1998. 255 с.

Санжиева Татьяна Ефремовна
доктор исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
Sanj_te@mail.ru

РОЛЬ П. Н. ДАМБИНОВА В ОБРАЗОВАНИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ДВР

Статья посвящена политической биографии одного из лидеров национального движения бурят П. Н. Дамбинова. Он внес большой вклад в становление республики как политический и государственный деятель, а также как редактор газеты, поэт, организатор литературного процесса Бурятии.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская автономная область ДВР; П. Н. Дамбинов.

Sanzhieva Tatyana Efremovna
Doctor of Sciences in History
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

ROLE OF P. N. DAMBINOV IN FORMATION OF THE BURYAT-MONGOLIAN AUTONOMOUS REGION OF THE FER

The article is devoted to the political biography of one of the leaders of the national movement of the Buryats P. N. Dambinov. He made a great contribution to the formation of the republic as a political and statesman, as well as a newspaper editor, poet, and organizer of the literary process in Buryatia.

Keywords: Buryat-Mongolian Autonomous Region of the Far East Republic; P. N. Dambinov.

История создания Бурят-Монгольской республики ввиду ее сложности и противоречивости, несмотря на изученность, требует дальнейшего исследования. Не все участники процесса формирования национальной государственности бурят получили известность. Один из них Петр Никифорович Дамбинов – один из лидеров национального движения бурят начала XX в., стоявших у истоков образования Бурят-Монгольской АССР. Однако в историографии он больше известен как Солбонэ Туя – известный поэт, организатор литературно-художественного процесса в 20–30-е гг. XX в.

П. Н. Дамбинов родился 20 февраля 1892 г. в улусе Заглик Балаганского уезда Иркутской губернии (ныне Боханский район Усть-Ордынского автономного округа Иркутской области). Он рано осиротел, но с помощью родственников получил образование, с 1913 по 1917 гг. работал учителем Отонхойского двухклассного училища Кудинского ведомства и Укырского инородческого училища Идинского ведомства. В то беспокойное время, как и большинство учителей, П. Н. Дамбинов включился в общественную жизнь улусов: был председателем ревизионной комиссии Тальяно-Укырского кооператива, в 1916 г. активно выступал против «реквизиции» бурят на тыловые работы.

П. Н. Дамбинов избирался земским гласным, представляя интересы бурят в Иркутском земстве. Летом 1917 г. он становится членом, затем товарищем председателя Иркутского отдела Бурнацкома. П. Н. Дамбинов, как большинство лидеров национального движения, был эсером. Буряты-эсеры являлись членами Областной партии социал-революционеров, но они имели свою организацию, которую возглавлял П. Н. Дамбинов

[Санжиева, 2018, с. 254]. В начале мая 1917 г. в г. Чита приезжала лидер левых эсеров М. А. Спиридонова. Ее встречали П. Н. Данбинов, М.Н. Богданов и члены Бурнацкома. От имени Национального комитета М. А. Спиридоновой была выражена благодарность от имени всего бурятского народа и подарен на память серебряный блокнот [Национальное движение, 1994, с. 24].

Рассматривая политическую биографию П. Н. Дамбинова, следует отдать должное Н. Д. Шулунову, написавшего фундаментальный труд об образовании национальной государственности бурят. Во время обсуждения рукописи монографии прозвучал основной недостаток – излишне детализирована, но сегодня этот недостаток является достоинством. В монографии Н. Д. Шулунова подробно исследовано с марксистской точки зрения становление Бурят-Монгольской автономной области в составе ДВР, которое проходило в первой половине 1920 г. в острой политической борьбе между эсерами и большевиками.

Основная политическая деятельность П. Н. Дамбинов в Забайкалье началась с 17 марта 1920 г. на совещании представителей бурятского населения Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков. Большинство представляли эсеры, лидирующую роль на совещании играл председатель краевого комитета эсеров П. Н. Дамбинов. На совещании было образовано временное общебурятское управление – Бурятский нарревком. В него вошли Э. Д. Ринчино, Б. Цыренжапов и Ц. А. Алсаханов [Шулунов, 1972, с. 262]. Бурнарревком возглавил П. Н. Дамбинов. В начале октября 1920 г. он переезжает в Читу.

Утверждение Бурнарревком произошло на съезде представителей бурятского населения Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков, прошедшего 24 мая – 3 июня 1920 г. в г. Верхнеудинске. В резолюции съезда был поставлен вопрос о признании аймачного управления и финансирования его деятельности. Правительство ДВР не признало аймаки как уездные единицы, однако Наркоминдел в Сибири принял решение «признать право народностей на самоопределение» [Там же, с. 266]. Поэтому Учредительный съезд избрал Бурнарревком как руководящий орган по работе среди бурятского населения, располагавшийся в г. Верхнеудинске.

Перед новым органом управления бурятами стояла задача защиты интересов бурятского народа в условиях ДВР. Члены Бурнарревкома, являвшиеся членами Бурнацкома, продолжили линию «политического нейтралитета» и аймачного управления, избранную Бурнацкомом еще в 1917 г. По поводу аймачного управления возникли разногласия между бурятскими эсерами и большевиками. Эсеры и П. Н. Дамбинов как руководитель продолжили концепцию Бурнацкома создания автономии только для бурят. Бурнарревком ставил задачу объединить бурят, живущих в Забайкальской области и Иркутской губернии. В условиях сложившейся обстановки в ДВР Бурнарревком планировал изолировать Бурятскую автономию от ДВР и РСФСР.

Для распространения идей Бурнарревкома П. Н. Дамбинов создал первую бурятскую газету «Голос бурят-монгола». 24 октября 1920 г. вышел первый номер газеты. Там он публикует свою брошюру «О бурятском самоуправлении (что такое аймаки и почему они нужны)». В газете П. Н. Дамбинов издал некролог по поводу гибели М. Н. Богданова. К сожалению, газету «Голос бурят-монгола» не удалось обнаружить в архивах и библиотеках Улан-Удэ, Читы и Иркутска.

Впервые о выделении бурят в особую область был поставлен в декабре 1920 г. на совещании представителей аймаков и хошунов Забайкальской области. 17 января 1921 г. Правительство ДВР признало аймачные управления, хошунные и сомонные комитеты местными органами бурят-монгольского самоуправления и взяло на себя их финансирование. 21 января 1921 г. в Чите состоялось совещание правительства ДВР и Бурнарревкома [Там же, 1972, с. 268–269]. Совещание признало, что вопрос о выделении бурят решен.

9 января 1921 г. начались выборы в Учредительное собрание ДВР, задачей которого стала выработка конституции республики и создание ее верховных органов. Учредительное собрание ДВР открылось 12 февраля 1921 г. Большинство в Учредительном собрании

получили большевики и представители крестьянских партизанских движений. П. Н. Дамбинов возглавлял бурят-монгольскую фракцию в Учредительном собрании.

Учредительное собрание приняло Конституцию ДВР, по которой согласно ст. 116–120 территория, населенная бурятским народом, выделялась в особую область в составе ДВР [Основной закон (конституция) ДВР, с. 16–17]. В Учредительном собрании было много большевиков, поэтому для достижения своей цели 19 апреля 1921 г. эсеры созвали Учредительный съезд автономной области Дальнего Востока. Съезд распустил Бурнарревком и избрал временное Бурят-Монгольское областное управление (Бурмонавтоупр), которое возглавил П. Н. Дамбинов, членами стали Ж. Ш. Шойванов и Б. З. Дылгыров [Там же, с. 272]. 18 августа 1921 г. правительство ДВР приняло закон «О временном управлении Бурят-Монгольской автономной областью», которое предоставило право управления областью до выборов Бурмонавтоупру [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-477. Д. 164. Л. 37]. Это была первая бурятская национально-государственная автономия под управлением членов Бурнацкома.

Перед новой властью стояли задачи установление границ. Бурмонавтоупр столкнулся с нежеланием части бурят войти в состав области. «Часть Хилганайского хошуна еще до издания последнего закона присоединилась к Баргузинскому аймаку. Вторая более значительная часть до сего времени уклоняется от подчинения аймаку» [ГАРБ. Ф. Р-477. Д. 164. Л. 44]. Бурмонавтоупр запретил переход в Баргузинский уезд и их поддержали министр внутренних дел Е. Матвеев и министр национальных дел ДВР М. Амагаев [Там же].

Большевизация управления областью проходила постепенно. Сначала в состав президиума Бурмонавтоупра вошли три представителя Бурсекции Иркутского губкома РКП(б). Затем началась подготовка к проведению первого Национального собрания бурят ДВР, которое прошло 12 октября – 3 ноября 1921 г. Председателем нового состава президиума управления БМАО стал большевик М. И. Амагаев.

В ночь на 21 октября 1922 г. вместе с другими активными социалистами-революционерами П. Н. Дамбинов был арестован Госполитохраной ДВР и по постановлению Особого совещания при МВД республики выслан в административном порядке в Советскую Россию. По постановлению административной комиссии при НКВД освобожден из заключения без права въезда в ДВР, сослан сначала в Ярославль, потом в Москву. В 1923 г. вернулся в Верхнеудинск, где работал в Ученом комитете Бурят-Монгольской АССР. П. Н. Дамбинов взял литературный псевдоним Солбонэ Туя (Луч Венеры) и занялся поэзией.

П. Н. Дамбинов – единственный из членов Бурнацкома, которому удалось реализовать идею автономии бурят. Поскольку политика неучастия бурят в революционных событиях, автономия только бурятского народа шли вразрез с большевистским строительством многонационального государства, П. Н. Дамбинов был отстранен большевистской властью от управления созданной им Бурят-Монгольской автономной областью ДВР.

Литература:

Санжиева Т. Е. Эсеры в национальном движении бурят // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., г. Кызыл, 20–23 сент. 2018 г. Кызыл: Изд-во Тыв. гос. ун-та, 2018. С. 253–257.

Основной закон (Конституция) ДВР. Чита, 1921. 34 с.

Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 492 с.

Морозова Татьяна Игоревна
кандидат исторических наук
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
t.morozova@g.nsu.ru

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1925 Г.)¹

Доклад посвящен представлениям партийно-советского руководства Бурят-Монгольской АССР о советской власти. Исследование основано на личных письмах и официальных заявлениях участников конфликта, вспыхнувшего в Бурят-Монгольском областном комитете РКП(б) в марте 1925 г.

Ключевые слова: образ власти; политические представления; политическая элита; Российская коммунистическая партия большевиков; Бурят-Монгольская АССР.

Morozova Tatiana Igorevna
Candidate of Sciences in History
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

THE IMAGE OF SOVIET AUTHORITIES IN THE PERCEPTION OF THE PARTY AND SOVIET LEADERSHIP OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR (1925)

The author analyzes the image of the Soviet authorities in the perception of the party and soviet leadership of the Buryat-Mongolian ASSR. The study is based on private letters and official statements of the participants in the conflict that broke out in the Buryat-Mongolian Regional Committee of the RCP(b) in March 1925.

Keywords: image of authorities; political representation; political elite; Russian Communist Party of Bolsheviks; Buryat-Mongolian ASSR.

Представления общества о власти – образ или система образов, формируемая вследствие общности исторического и политического опыта социальных групп, проявляющаяся на индивидуальном уровне и в той или иной степени влияющая на ход политического процесса. Соответственно, выяснение того, как общество в целом или отдельные социальные группы воспринимают действующую власть, зачастую позволяет объяснить уже произошедшие, а иногда и довольно точно прогнозировать будущие события в общественно-политической сфере. Поэтому представления общества о власти неоднократно становились предметом изучения политологии, социологии, социальной психологии и истории. Однако, если представители первых трех наук имеют в своем арсенале широкий спектр приемов и методов, включая социальные опросы и глубинные интервью, то историки вынуждены зачастую извлекать информацию из источников, прямо вообще не содержащих сведений об образах и представлениях.

Одним из наиболее сложных для изучения в этом отношении является период новой экономической политики. Для него характерна малочисленность источников личного происхождения, что обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, рабочие и крестьяне, составлявшие в 1920-е гг. большую часть населения РСФСР, были, как правило, малограмотны и, следовательно, не имели ни возможности, ни потребности фиксировать свои

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00155, <https://rscf.ru/project/22-28-00155/>

мысли на бумаге. С другой стороны, советская интеллигенция и представители партийно-советского руководства, которые теоретически могли оставить после себя дневники и воспоминания, в большинстве случаев не сделали этого, потому что, став свидетелями или даже участниками революций 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны, не рассматривали нэп как время, достойное историописания. В результате комплекс источников, позволяющих исследовать представления партийно-советского руководства эпохи нэпа, выглядит весьма скромно: опубликованные в 1921–1929 гг. брошюры и статьи, стенограммы публичных выступлений, делопроизводственные и в редких случаях личные письма. При этом важно учитывать, что официальная риторика, которой закономерно пропитаны перечисленные виды источников, за исключением разве что личной переписки, вовсе не обязательно совпадала с истинными политическими представлениями их авторов.

Вместе с тем без понимания того, как ответственные работники представляли Советскую власть и свое место в ней, невозможно объективно оценить принимавшиеся ими решения. В настоящем докладе предпринята попытка установить, каким был образ Советской власти в представлениях партийно-советского руководства Бурят-Монгольской АССР в первые годы существования республики.

Гипотеза, на которой основано исследование, состоит в том, что наиболее ценны для выявления подлинных политических представлений источники, возникшие в экстремальных ситуациях, например, в ходе политического или даже просто межличностного конфликта. В условиях острой конфронтации людям свойственно допускать более откровенные высказывания, чем в повседневной жизни, что повышает шансы историка на отделение действительно укоренившихся в сознании людей паттернов от сознательно используемых ими в официальных статьях и/или речах формально-бюрократических штампов.

Перспективным с этой точки зрения представляется анализ комплекса документов, относящихся к конфликту в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б), развивавшемуся с марта по ноябрь 1925 г. Предпосылки, причины, ход, итоги и значение этого конфликта, неоднократно упоминавшегося в советской и постсоветской историографии [Басаев, 1959, с. 59–60; он же, 1988, с. 36–38; он же, 1998, с. 194–196; Батуев, 1992, с. 28; и др.], на сегодняшний день подробно изучены [Морозова, 2018].

Несколько лет назад автором этого доклада было доказано, что главной предпосылкой конфликта стало назначение в ноябре 1924 г. на должность секретаря Бурят-Монгольского обкома РКП(б) М. М. Сахьяновой. К тому времени она почти восемь месяцев работала заведующей агитационно-пропагандистским отделом и являлась членом президиума обкома. Однако остальные члены президиума осуществляли партийное руководство республикой со дня ее основания, давно сработались друг с другом и, по всей видимости, считали М. М. Сахьянову новичком. Поэтому организованное в марте 1925 г. избрание в состав областного комитета РКП(б) наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР А. И. Оширова, являвшегося к тому времени мужем М. М. Сахьяновой, по всей видимости, было воспринято членами президиума обкома как попытка секретаря укрепить свои политические позиции.

На этой почве партийно-советское руководство республики фактически разделилось на две неравные части. М. М. Сахьяновой, которую поддержали несколько русских ответственных работников, противостояла группа коммунистов-бурят в составе 12 чел. Члены обкома Е. И. Лосов, П. А. Сыренов, К. Х. Шантанов и другие негативно охарактеризовали А. И. Оширова и потребовали вывести его из состава обкома. Особую позицию занял председатель Совнаркома Бурят-Монгольской АССР М. Н. Ербанов: он предложил оппонентам М. М. Сахьяновой разрешить конфликт путем замены секретаря обкома и выдвинул на этот пост собственную кандидатуру. Четвертой стороной конфликта оказался секретарь Бурят-Монгольского представительства при Наркомате по делам национальностей РСФСР, член ЦИК СССР И. С. Архинчеев, находившийся в Москве и узнавший о происходящем в конце марта 1925 г. из товарищеского письма 12 работников-бурят. Однако вместо оказания помощи, на которую рассчитывали последние, И. С. Архинчеев, аналогично М. Н. Ербанову, решил

воспользоваться конфликтом для решения собственных задач. В результате столкновение по поводу членства И. А. Оширова в областном комитете РКП(б) в считанные недели переросло в борьбу за пост секретаря обкома (подробнее см.: [Морозова, 2018]).

С марта по ноябрь 1925 г. участники описанного выше конфликта написали не менее 10 писем, адресованных друг другу, и по меньшей мере 17 заявлений в вышестоящие партийные органы. Комплексный анализ этих текстов, выявленных в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственном архиве Новосибирской области (ГАО), позволяет не только реконструировать сам конфликт, но и выявить основные черты, которыми в середине 1920-х гг. наделяли Советскую власть руководители Бурят-Монгольской АССР.

Обвинения в адрес А. И. Оширова, которыми оперировали ответработники-буряты сводились главным образом к двум пунктам: непролетарское происхождение (выходец из зажиточной бурятской семьи) и контрреволюционное прошлое (служба в карательном отряде при А. В. Колчаке). Выступивших против А. И. Оширова коммунистов возмущало, что «при диктатуре рабочего и батрацкого класса» человек с такой биографией «будет сидеть в нашем высшем партийном органе и командовать рабочими и батраками» [ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 494. Л. 144].

Подчеркивая рабоче-крестьянский характер Советской власти, руководство Бурят-Монгольской АССР в то же время хорошо понимало, что ядром советской политической системы являлась Российская коммунистическая партия большевиков – иерархически выстроенная организация, стремившаяся к железной дисциплине и направляемая относительно узкой группой лиц, преимущественно из числа профессиональных революционеров.

Члены Бурят-Монгольского обкома полагали, что значительное влияние на принципы организации и функционирования РКП(б) оказала гражданская война. По мнению Е. И. Лосова, П. А. Сыренова, К. Х. Шантанова и других ответственных работников, в этот период «вопросы большой принципиальной важности в силу необходимости должны были разрешаться небольшим и узким кругом преданных нашему общему делу товарищей», тогда как «вся остальная масса членов организации в силу ее слабой теоретической и политической подготовленности <...> вынуждена была вращаться на низовых фронтах непосредственной работы». Сохранение такого раскола РКП(б) на верхи и низы после окончания гражданской войны и перехода к нэпу члены обкома считали ненормальным: «...наши прежние товарищи-руководители невольно становятся на положении невольных командиров, диктующих распоряжения откуда-то сверху и тем самым становящихся недостижимыми и недоступными не только для низовой массы организации, но и для местных руководителей» [Там же. Л. 29]. Тем самым партийно-советское руководство Бурят-Монгольской республики, с одной стороны, осознавало свою принадлежность к Советской власти, с другой – прямо противопоставляло себя ее «верхушке».

Наследием гражданской войны стало представление о Советской власти как о военизированной организации, что выражалось в терминах «командовать», «командные высоты», «фронт» и т.п. Примечательно, что, несмотря на пропагандируемый большевиками атеизм, эти образы порой соседствовали с духовными и/или религиозными мотивами. Так, например, члены обкома неоднократно упоминали о революционной душе, а Бурят-Монгольскую областную контрольную комиссию называли «святилищем» партийной организации [Там же. Л. 30].

В целом образ советской власти, сложившийся к 1925 г. в представлениях партийно-советского руководства Бурят-Монгольской АССР, являл собой сложный мозаичный конструкт. В значительной мере он основывался на адекватном понимании ответственными работниками сущности РКП(б) и ее роли в советской политической системе, однако не был лишен идеологического налета и остатков революционного романтизма.

Литература:

- Басаев Г. Д. Политическая история Республики Бурятия в 20–30-е гг. и роль в ней М. Н. Ербанова: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998. 449 с.
- Басаев Г. Д. Некоторые вопросы партийного строительства в Бурятии (1923–1928 гг.) // Из истории партийной организации Бурятии. Сб. ст. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 37–80.
- Басаев Г. Д. Становление Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 176 с.
- Батуев Б. Б. Мария Михайловна Сахьянова. Страницы политической биографии. Улан-Удэ: Сибирь, 1992. 85 с.
- Морозова Т. И. Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март–ноябрь 1925 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153.

Аманжолова Дина Ахметжановна
доктор исторических наук
Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
amanzholova19@mail.ru

ВЛАСТЬ И ЭТНИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1920-1930-Е ГГ.)

Классовый подход и нациестроительство вызвали и позитивные эффекты, и проблемы трансформации социальной структуры, роли элит в проведении этнонациональной политики. Бурятия представляет в этом плане ценный пример.

Ключевые слова: власть; этничность; социально-политические процессы; СССР; Бурятия.

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna
Doctor of Sciences in History
Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

POWER AND ETHNICITY IN THE SOCIO-POLITICAL SPACE OF THE SOVIET FEDERATION (1920–1930S)

The class approach and nation-building have caused both positive effects and problems of transformation of the social structure, the role of elites in conducting ethno-national policy. Buryatia is a valuable example in this regard.

Keywords: power; ethnicity; socio-political processes; the USSR; Buryatia.

Советская модернизация, предполагая политизацию этничности, национальное равенство и всесторонний прогресс для народов страны, реализовалась инструментами федеративного строительства и радикальных преобразований всего социально-политического пространства. Классовый подход в соединении с нациестроительством в рамках иерархически устроенной федеративной конструкции не только давал серьезные позитивные эффекты в переходе традиционных этносоциальных общностей к модерности. Он обусловил противоречия и проблемы становления советского типа государственности, трансформации социальной структуры культурно сложных обществ, роли этнополитических элит как основных участников и проводников принципов этнонациональной политики.

Бурятия в этом отношении представляет ценный пример. Федеративное строительство на протяжении 1920–1930-х гг. обернулось для Бурятии очевидным усложнением национально-территориальной структуры, что имело неоднозначные последствия. В рамках большевизации и коренизации, без проведения которых было невозможно осуществить советскую модернизацию всего социального ландшафта традиционных общностей, нациестроительство для бурят сопровождалось административной стратификацией. Она вряд ли могла изменить базовые маркеры этноидентичности, но в числе прочего обусловила рост численности управленческих кадров из числа представителей титульной национальности.

Разделение бурят административными барьерами происходило в контексте внешнеполитической стратегии распространения социализма и предупреждения гипотетически опасной для власти консолидации разделенных государственными границами родственных этносов. В 1930 г. Бурят-Монголия, как известно, вошла в только что образованный Восточно-Сибирский край. Это, утверждалось, «открывает новую полосу в социалистическом строительстве республики. Вхождение в край неизмеримо усиливает ее экономически и политически, создает предпосылки осуществления грандиозного плана индустриализации и переустройства сельского хозяйства в республике на основе единого плана с краем, усиливает пролетарское влияние и руководство над республикой в лице пролетариата нового края и краевых органов» [Отчет правительства Бурят-Монгольской..., 1931, с. 4–5]. Уже в 1937 г. край был поделен на Иркутскую и Читинскую области, что в целом соответствовало традиционной региональной структуре, но потребовало увязать возврат к здравому смыслу с политизацией этнического пространства. В состав областей передавалась часть аймаков БМАССР, на их основе появились Агинский и Усть-Ордынский бурят-монгольские национальные округа. Признавалось, что объединенные в них «некоторые» бурят-монгольские районы «пришлось» включить в эти области исключительно для «удобства управления», а их интересы «будут защищаться так же хорошо, как они защищались Бурятским правительством и обкомом». Залогом назывался «глубокий интернационализм нашей партии». Предупредительно замечалось: «несколько сот тысяч русских» в составе БМАССР «до сих пор еще не жаловались» на нарушение своих интересов, а потому не стоит сомневаться – «несколько тысяч бурятских трудящихся» не найдут основания для жалоб [ЦК РКП(б)–ВКП(б)..., 2009, с. 284]. Республиканской власти оставалось лишь всецело поддержать и оправдать решение производственно-экономической целесообразностью. Борьба с панмонголизмом обернулась очевидным противоречием принципам этнополитики, но ее проводники предпочли в новых обстоятельствах унитаристские интересы.

Серьезные испытания переживали создававшиеся институты власти и управления. Они повсеместно были связаны с демонстративным отказом от традиционных основ политической культуры и принципов комплектования, одновременными реформами в административно-территориальной системе, дефицитом образованных специалистов всех отраслей, включением в партийные, советские, общественные структуры и постепенно развивающуюся экономику все большего числа носителей «классово» выдержанных ценностей из трудового народа. Вопросы статуса автономий, их полномочий и системы взаимоотношений с центром и соседними регионами, насыщения управленческих структур должными финансовыми и материально-техническими средствами, подготовки национальных кадров, вовлечения их в РКП(б)–ВКП(б) так, чтобы они на деле соответствовали идейно-политическим и морально-психологическим требованиям, налаживания организационно-управленческой деятельности и обеспечение устойчивости механизмов власти оказались весьма затруднительны. В 1925 г. руководством Бурятии признавался непролетарский характер бурятской части парторганизации, что не было исключительной особенностью этой республики. Председатель СНК и ЦИК БМАССР М. Н. Ербанов отмечал и неоднозначный характер ситуации: есть «достаточно работоспособные органы управления», хотя национализация госаппарата, «выращивание работников бурят», ликвидация неграмотности на родном языке, разработка вопросов

орфографии и методологии литературного языка, издание литературы на бурят-монгольском языке и пр. «осуществляется очень медленно, так как нет культурных сил и материальных средств» [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 715. Л. 74–76].

Увеличение численности РКП(б) сопровождалось усилением разнородности ее состава, что автоматически повлекло за собой усложнение организационной структуры. Регулирование социального состава наряду с ростом численности партии, образование новых кадров, в основном общее и идеологически ориентированное, создание внутрипартийных ограничений для занятия должностей превращали партию в сложный, многоуровневый социальный лифт. Типичными стали группировочная борьба и посредничество центра в ее снижении (Башкирская, Казахская, Татарская АССР и др.). Так, в 1925 г. секретариат ЦК РКП(б) признал конфликт «в верхушке бурят-монгольской организации» не имеющим «принципиально-политической почвы», линия секретаря обкома – правильной, группировки осуждались [ЦК РКП(б)–ВКП(б)..., 2005, с. 359, 357].

Центр постоянно поддерживал органы управления автономий в их отношениях с разными ведомствами: по ходатайству с места СНК РСФСР в 1924 г. включил в бюджет БМАССР расходы по объединенным наркоматам в виде изъятия, а расходы и доходы общесоюзного характера на ее территории провел по бюджету СССР. До конца 1923/24 г. сохранялось право самостоятельного открытия кредитов по сметам БМАССР, ее СНК обязывался ежемесячно отчитываться об их распределении, планах и выполнении бюджета, и он был включен в бюджет РСФСР общей статьей по расходу и доходу, с присоединением отдельных смет всех наркоматов АССР к бюджету РСФСР [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 715. Л. 56]. Политический фактор соотносился с состоянием дел. БМАССР имела важное политическое значение, но при распределении средств к 1925 г. учитывалось: «Якутия, несомненно, более отсталая, чем Бурят-Монголия. Народное образование и здравоохранение там в чрезвычайно плохом состоянии. В Бурят-Монголии это дело значительно лучше». Ее представитель М. Е. Атанов, «очень добросовестный и вдумчивый работник», как раз сообщил, что рассчитывает на меньшее. Средства для БМАССР сократили на 50000 руб. в пользу Якутии. Центр с опорой на конституции автономий обеспечил и консолидацию управленческих структур в рамках самой большой и «самой федеративной» РСФСР, когда в 1925 г. АССР попытались получить право приостановки решений наркоматов России [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 997. ЛЛ. 6–8, 2–3; Ф. 78. Оп. 7. Д. 35. Л. 2–18].

Управление разнообразием осталось центральной задачей государства, унаследовавшего имперский фундамент, на котором строилась советская федерация как альтернатива для культурно сложных обществ. Центр осуществлял трансформации с учетом общегосударственных задач, совмещая их с принципами самоопределения и достижения фактического равенства народов. Впервые создавались национально-государственные образования, что реорганизовывало наличный багаж, давало импульс рождению новых инструментов и системных звеньев, призванных обеспечить устойчивость полиэтничного государства, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Реализация советского проекта потребовала учитывать сложившиеся межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации. Репертуар властных технологий породил гибкие тактики центра и этнополитических элит, комплексом совместных мер обеспечивая модернизационный рывок для всех народов с одновременным курсом на межэтническую интеграцию.

Литература:

Отчет правительства Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. 1928–1930 гг. Издание ЦИК и СНК БМАССР, 1931. 96 с.
ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.

Батунаев Эдуард Владимирович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
batunaeveduard@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В 20–30 ГГ. XX В.

В статье рассматриваются особенности трансформации и эволюции социальной структуры в Монголии в 20–30 гг. XX в. в период социалистического переустройства общества. Отмечаются социально-экономические изменения в Монголии, происходившие на фоне острой политической борьбы.

Ключевые слова: социальная структура; трансформация; Монголия; монгольское общество; социалистическое переустройство.

Batunaev Eduard Vladimirovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

TRANSFORMATION OF THE SOCIAL STRUCTURE OF MONGOLIAN SOCIETY IN THE 1920–1930S

The article discusses the features of the transformation and evolution of the social structure in Mongolia in the 1920–1930s during the period of socialist reconstruction of society. The author considers socio-economic changes in Mongolia, which took place against the backdrop of acute political struggle.

Keywords: social structure; transformation; Mongolia; Mongolian society; socialist reconstruction.

Изучение социальной структуры Монголии социалистического периода представлено в трудах отечественных монголоведов И. М. Майского, А. Д. Калининкова, И. Я. Златкина, С. К. Рощина, И. Ю. Морозовой, Б. Ширендыба, Ч. Дашдаваа, О. Батсайхана.

После революции 1921 г. и установления народной власти в Монголии шел процесс формирования новых органов власти, ее политических структур. К управлению государством пришли новые общественные силы, руководимые МНП. Произошла революция, успеху которой сопутствовал ряд факторов: прямое участие и поддержка со стороны аратских масс, лояльное отношение и сочувствие патриотически настроенных князей и лам, курс МНП на национальное единение, слабость Китая, его центрального правительства, которое не смогло активно вмешаться в «монгольские дела» [История Монголии, 2007, с. 64].

В правительство, наряду с членами МНП, вошли и представители духовенства и князей. Богдо-гэгэн, глава ламаистской церкви, был провозглашен ограниченным монархом. Новая власть демонстрировала линию на сплочение всех патриотических сил в борьбе за обеспечение национальной независимости Монголии. Но при этом во всех новых властных структурах ведущие позиции заняли члены МНП [Там же, с. 63]. Как видим, это было закреплено в программных установках Монгольской народной партии, и основной приоритет отдавался развитию революционного процесса в сторону национальных интересов.

Из самых низов народных выдвинулись яркие, выдающиеся личности, достойные своего времени. Вчерашний малограмотный арат или мелкий чиновник становится руководителем аймака, министром или даже главой государства [Рошин, 1999, с. 307]. Напомним состав Монгольского правительства: преподаватель и журналист, лама Д. Бодо, чиновник министерства финансов в период автономии С. Данзан, чиновник военного

министерства Д. Догсом, лама Д. Лосол, бывший военнотружующий, наборщик типографии Д. Сухэ-Батор, лама и торговец Д. Чагдаржав, бывший учащийся Иркутской гимназии Х. Чойболсан [Там же]. В связи с этим следует отметить, что коминтерновские работники неслучайно называли МНП по сути буржуазной партией. И действительно, нельзя не учитывать то, что большую часть монгольского населения составляли скотоводы-собственники или мелкая буржуазия [Дашдаваа, 2012, с. 58].

По мнению С. К. Роцина, «национальным демократам, находившимся под перекрестным огнем критики со стороны коминтерновских представителей и художественной оппозиции, с немалым трудом удавалось проводить свою политическую линию и сохранять единство своих рядов» [Роцин, 1999, с. 219]. По существу, тогда в феврале 1927 г. национальные демократы, которых представляли опытные деятели Б. Цэрэндорж, Ц. Жамцарано, А. Амар и др., опиравшиеся на государственный аппарат кратко сформулировали свое «политическое кредо», суть которого заключалась в укреплении монгольского национального корня, государственности, обеспечение полного государственного суверенитета, лояльное отношение к религии, расширение международных связей [История Монголии, 2007, с. 81]. Ее историческое значение заключалось в воссоздании монгольской государственности на ее исконной территории. Логическим продолжением победы монгольской революции 1921 г. было проведение реформ буржуазно-демократического характера во всех сферах общественной жизни. Буржуазно-демократические преобразования полностью соответствовали национальным интересам Монголии и привели страну к социально-экономическому прогрессу [Дашдаваа, 2012, с. 59].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в описываемый период монгольское общество находилось в состоянии полной стабилизации как в политико-экономическом, так и социально-психологическом отношении. Если экономический фактор стабилизации выразился в подъеме экономики страны и постепенном улучшении уровня материального благосостояния населения, то социально-психологический фактор определялся соблюдением членами общества норм и ценностей существующего строя [Там же, с. 60].

После VII съезда МНРП 1928 г. новые монгольские лидеры приступили к последовательному осуществлению намеченных коренных социальных преобразований [История Монголии, 2007, с. 88]. Согласно Конституции МНР, еще в 1924 г. были отменены титулы и звания бывших владетельных и служилых князей и дворян (тайчжи), а также владетельные права хутухт и хубилганов [История МНР, 1983, с. 346].

На уменьшение численности монастырей и сплоченности духовенства были направлены закрытие монастырей, вывод монахов в мирское состояние, запрет на поиски новых хубилганов, активизация политики раскола «ламства» по имущественному принципу. К началу XX в. в Монголии ламы были, во-первых, самым многочисленным (богатым) привилегированным сословием, во-вторых, наиболее опытными администраторами, грамотными чиновниками и политиками, в-третьих, духовными наставниками аратов [Морозова, 2009, с. 49]. О. Латтимор выдвигает одну из обоснованных причин того факта, что ламы поддерживали МНП и Народное правительство на самых первых этапах революции: «идентифицируя интересы своего класса с национализмом, они хотели защитить монголов от подчинения китайской культуре» [Lattimore, Isono, 1982, p. 7]. Монгольское чиновничество, состоявшее главным образом из невладетельных князей, было слабым, в прошлом подавленным цинской администрацией. Владетельные князья в свою очередь представляли собой малочисленную группу [Майский, 1960, с. 38–39]. Все эти процессы и реформы не могли не вызвать недовольства среди широких слоев населения.

Проводилась конфискация имущества у феодалов, бывших чиновников и высших лам, создавались колхозы и госхозы по советскому образцу [Кузьмин, 2016, с. 363]. Настороженность коминтерновских работников вызывала и недостаточно жесткая линия в отношении ламства и бывших феодалов. Коренным образом изменилась и социальная структура общества. Прежние сословия – феодалы (князья, дворяне и др.) феодально-зависимое аратство (албату, хамжилга, шабинеры), ламство (высшее, среднее, низшее) –

исчезли. Появился класс аратов – свободных товаропроизводителей, рабочий класс, служащие (новое чиновничество), интеллигенция [История Монголии, 2007, с. 109] Численность рабочих и служащих в стране выросла с 11 тыс. в 1934 г. до 31 тыс. в 1940 г. [Там же, с. 89]. Летом 1929 г. в Монголии развернулась ускоренная подготовка к экспроприации скота и имущества феодалов [Там же].

Ошибки и перегибы проводимого курса, в частности, антирелигиозная компания, насильственная коллективизация, повышение налогов для монастырских хозяйств, вызвали широкую волну недовольства среди населения, результатом которого стало восстание в 1932 г. в Монголии. В то же время следует отметить, что монгольские руководители П. Гэндэн, А. Амар в особенности правого крыла МНРП были против крайних мер в отношении ламства, выступали за умеренность [Батсайхан, 2011, с. 142–143].

По сведениям И. Ю. Морозовой, все социально-экономические изменения в Монголии происходили на фоне острой политической борьбы между МНП и Революционным союзом молодежи (РСМ), между национальными демократами и революционной молодежью, приверженцами монархии и сторонниками республики, противниками Коминтерна и его последователями. Стратегия преобразования монгольского общества состояла в постепенном снижении политического и экономического влияния привилегированных кланов, которые включали их предполагаемое физическое устранение, расслоение лам и обучение уже на советских и коминтерновских программах. [Morozova, 2009, с. 52]. По мнению монгольского историка О. Батсайхана, «со стороны Коминтерна предпринимались попытки по расколу руководителей партии и государства Монголии на «правых» и «левых», а также по делению на «сельских» и «городских», «старых» и «молодых» [Батсайхан, 2014, с. 290]. Большую роль в революционных преобразованиях 1921 г. в Монголии сыграли бурятские национальные демократы, которые, на наш взгляд, не только руководствовались коминтерновскими установками и революционной целесообразностью, но и имели более глубокие внутренние мотивы.

Таким образом, период 20–40-х гг. XX в. в истории Монголии – сложный, драматический период, связанный с коренными изменениями в социальной структуре, ломкой старых государственных институтов, острой политической борьбой «правых» и «левых», выбором пути общественного развития, обеспечением государственного суверенитета и борьбой за независимость. Борьба между старыми и новыми общественными силами развертывалась на весьма своеобразном фоне, который характеризовался стремлением к национальному единству во имя возрождения монгольской государственности.

Литература:

- Батсайхан О. Встречи Сталина с монгольскими руководителями в 1932–1937 гг. // Восток. 2011. № 3. С. 142–143.
- Дашдаваа Ч. Некоторые вопросы о характере монгольской революции 1921 г. // Мир Центральной Азии–3. Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2012. 798 с.
- История Монголии. XX в. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1983. 661 с.
- Калинников А. Национально-революционное движение в Монголии. М., Л.: Московский рабочий, 1926. 118 с.
- Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX в. Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2016. 496 с.
- Майский И. М. Монголия накануне революции. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 310 с.
- Рощин С. К. Политическая история Монголии: (1921–1940). М.: ИВ РАН, 1999. 325 с.
- Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 г. М.: Наука, 1971. 400 с.
- Lattimore O., Isono F. The Dilov Khutagt Memories and Autobiography of Mongol Buddhist Reincarnation in Religion and Revolution. Wesbaden, 1982.
- Morozova Y. Socialist Revolutions in Asia: The Social History of Mongolia in the Twentieth Century. By Irina Y. Morozova. London: Routledge, 2009. 172 p.

Ткачёва Вера Юрьевна
Государственный архив Республики Бурятия
Улан-Удэ, Российская Федерация
vera-minaeva.1990@mail.ru

КОМИССИИ ПО ЛИШЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПРИ АЙМАЧНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТАХ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ (1923-1939 ГГ.)

Одной из форм политических репрессий в Бурят-Монголии было лишение избирательных прав отдельных лиц и членов их семей. Лишенцы не могли устроиться на работу, вступить в члены колхоза, дети не принимались в учебные заведения. Окружающие боялись общаться с ними, чтобы не быть заподозренными в связи с ними. Цель статьи – показать роль комиссий по лишению избирательных прав как исторических источников по изучению репрессий в Бурят-Монголии.

Ключевые слова: лишенец; личное дело; политические репрессии; комиссия по лишению избирательных прав; Бурят-Монгольская АССР; источник.

Tkacheva Vera Yurievna
State Archive of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russian Federation

COMMISSIONS ON THE DISVOACACY OF ELECTORAL RIGHTS UNDER THE AIMAK EXECUTIVE COMMITTEES OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR AS SOURCES FOR THE STUDY OF POLITICAL REPRESSIONS (1923-1939)

One form of political repression in Buryat-Mongolia was the disenfranchisement of individuals and their families. Deprived people could not get a job, join a collective farm, children were not admitted to educational institutions. People around were afraid to communicate with them, so as not to be suspected of being connected with them. The purpose of the article is to show the role of disenfranchisement commissions as historical sources for the study of repressions in Buryat-Mongolia.

Keywords: disenfranchised; personal file; political repressions; commission for disenfranchisement; Buryat-Mongolian ASSR; source.

Государственный архив Республики Бурятия является единственным историческим архивом в Бурятии. По состоянию на 1 января 2023 г. в архиве хранится 3941 фонд, что составляет 1 млн. 136 тыс. 713 ед. хр. Это фотодокументы, кинолетопись Республики Бурятия и документы на бумажных носителях.

В Государственном архиве Республики Бурятия на хранении имеется 17 фондов комиссий по лишению избирательных прав. Это 2 городские комиссии и 15 аймачных, общим объемом 4 тыс. 790 ед. хр. (дел), среди них: ФР-819 – «Улан-Удэнская комиссия по лишению избирательных прав», г. Улан-Удэ БМАССР, 788 ед. хр. за 1928–1936 гг.; ФР-726 – «Троицкосавская комиссия по лишению избирательных прав», г. Троицкосавск БМАССР, 196 ед. хр. за 1928–1935 гг.; ФР-729 – «Агинская комиссия по лишению избирательных прав», с. Агинское Агинского аймака БМАССР, 44 ед. хр. за 1935–1936 гг.; ФР-740 – «Аларская комиссия по лишению избирательных прав», с. Кутулик Аларского аймака БМАССР, 265 ед. хр. за 1930–1936 гг.; ФР-730 – «Бичурская комиссия по лишению

избирательных прав», с. Бичура Бичурского аймака БМАССР, 633 ед. хр. за 1928–1937 гг. [Путеводитель 2008, с. 315–316] и др.

В статье будут подробно затронуты документы фонда ФР-730 – «Комиссия по лишению избирательных прав Бичурского аймачного исполнительного комитета», с. Бичура Бичурского аймака Бурят-Монгольской АССР. В фонде хранится 634 ед. хр. за 1923–1939 гг.

Впервые документы фонда Р-730 поступили на государственное хранение 20 марта 1937 г. Часть документов в делах фонда сохранена на монгольской письменности. Физическое состояние дел удовлетворительное. Фонд состоит из личных дел лишенных избирательных прав, в которых рассматриваются ходатайства по восстановлению в избирательных правах. Личное дело лишенного избирательных прав состоит из заявления – жалобы на неправильное лишение избирательных прав и просьбы о восстановлении в правах, выписок из протокола, характеристики, справок о динамике хозяйства и семейном положении и других документов, подтверждающих или опровергающих, что он «не чуждый элемент». В фонде также имеются дела со списками лишенных избирательных прав по Кяхтинскому, Мухоршибирскому и Малетинскому аймакам.

Одной из форм политических репрессий в Бурят-Монголии было лишение избирательных прав отдельных лиц и членов их семей.

В Конституции РСФСР, принятой 31 января 1924 г. были законодательно определены конкретные группы и граждане, которые должны были работать в Советах. «Правом избирать и быть избранным в Советы пользуются граждане РСФСР, независимо от пола, вероисповедания, расы, национальности, оседлости и т.п., ... которым ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет. <...> Не избирают и не могут быть избранными, следующие категории лиц: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества...; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков...; д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений...; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок [Из Конституции СССР, 1924.], [Лишены избирательных прав, 2003, с. 10–11].

Лишенец – неофициальное название гражданина РСФСР, СССР, лишенного избирательных прав в 1918–1936 гг. согласно Конституциям РСФСР 1918–1925 гг. Лишение избирательных прав кормильца автоматически причисляло к лишенцам всех материально-зависимых от него членов семьи. Например, из справки Узколугского сельского совета Малетинского района о лишении избирательных прав А. М. Зоркольева: «...Гражданка села Узкий Луг Зоркольева Анастасия Михайловна в том, что таковая жена кулака и <...> эксплуатируют наемный труд с целью прибыли и расширения своего хозяйства...» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР.-730. Оп. 1. Д. 211. Л. 2]. Из справки Узколугского сельского совета Малетинского района о лишении избирательных прав В. С. Зоркольева: «Гражданка села Узкий Луг Зоркольева Валентина Сергеевна как дочь кулака в настоящее время живет в одном хозяйстве с родителями и зависима одному хозяйству и никакой реальности к советской власти не проявляет...» [ГАРБ. ФР.-730. Оп. 1. Д. 212. Л. 2].

В документах фонда имеются личные дела о лишении избирательных прав служителей религиозного культа. Например, выписка из протокола Бичурской комиссии по лишению избирательных прав о лишении избирательных прав И. С. Зандакова: «Зандаков

Ирдынитар Самбуевич лишен избирательных прав в 1924 г. как служитель религиозного культа. Он с малых лет живет при дацане и исполняет религиозные требо и живет на нетрудовой доход» [ГАРБ. ФР.-730. Оп. 1. Д. 201. Л. 2].

Лишенцы не могли устроиться на работу, вступить в члены колхоза, дети не принимались в учебные заведения. Окружающие боялись общаться с ними, чтобы не быть заподозренными в связи с ними. Граждане жаловались на неправильное лишение избирательных прав, прилагая при этом массу документов, доказывающих их лояльность к советской власти. Например, из протокола заседания президиума Малетинского РИК по жалобе Зоркальцева Ильи Никитовича: «24 апреля 1934 г. заседанием Узколугского сельского совета постановлено: хозяйство гражданина Зоркальцева Ильи Никитовича утвердить как кулацкое и просить райисполком лишить избирательных прав ввиду того, что индивидуальным налогом обложить нельзя, как утерявшее вид эксплуатации в 1924 г. Постановлением рай(онной) налоговой комиссии от 25 апреля 1934 г. это решение с(сельского)/совета утверждено. Считаю оба эти постановления неправильными по следующим мотивам. <...> Собрание бедноты Узкий Луг от 10 февраля 1934 г. постановило считать Зоркальцева не кулаком. Этот протокол Лазуренко вырвал из дела Зоркальцева и вопреки существующим указаниям НКЗ (Народного комиссариата земледелия) вопрос о Зоркальцеве разрешен только одним с/(сельским) советом, без решения на этот счет собрания колхозников или бедноты...» [ГАРБ. ФР.-730. Оп. 1. Д. 208. Л. 13–13 об.].

При разборе жалоб по восстановлению в избирательных правах Всероссийской Центральной избирательной комиссией, Избирательной комиссией ЦИК БМАССР многие граждане восстанавливались в правах как лишенные неправильно. С возрастанием потока жалоб на неправильное лишение избирательных прав появились документы «Циркуляр ВЦИК о категориях граждан, лишаемых избирательных прав и пересмотра списка лиц, лишенных избирательных прав» (1925 г.), «Разъяснения ВЦИК Центральным исполнительным комитетам автономных республик, краевым, областным и губернским исполнительным комитетам о порядке предоставления избирательных прав бывшим офицерам и военным чиновникам белых армий, руководителям контрреволюционных банд» (1927 г.) [Лишены избирательных прав, 2003, с. 5].

Просьбы о восстановлении в избирательных правах мотивировались в первую очередь пролетарским происхождением, занятием общественно-полезным трудом и работой по найму, преклонным возрастом. Конституция СССР, принятая в 1936 г., законодательно установила всеобщность выборов для всех граждан страны, достигших 18 лет, независимо от их социальных различий, в том числе имущественного положения и прошлой деятельности.

Репрессии в отношении простого народа являются трагедией, затронувшей абсолютно все слои населения. Личные дела лишенных избирательных прав помогают родственникам репрессированных восстановить «доброе имя» своего родственника и узнать его судьбу. Проводимые работы по рассекречиванию списков репрессированных и реабилитации жертв политических репрессий являются важной задачей в современном мире.

Литература:

Конституция СССР. 1924. 31 янв.

Лишены избирательных прав. Сб. документов / сост. С. Г. Аюшеева и др. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. 216 с.

Путеводитель по фондам Национального архива Республики Бурятия (1917–2007 гг.) / сост. А. Т. Дадаева, Б. Ц. Жалсанова, Т. М. Казанова, Г. С. Нижникова, О. И. Прокопьева, Л. П. Щапова. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 565 с.

Иванов Виктор Филиппович
Бурятская государственная сельскохозяйственная
академия имени В. Р. Филиппова
Улан-Удэ, Российская Федерация
klio1976@mail.ru

КОЛХОЗНИКИ ХОРИНСКОГО АЙМАКА НА ПРИЕМЕ У СТАЛИНА В КРЕМЛЕ

В статье рассматривается вопрос о трудовых достижениях колхозников Хоринского аймака БМАССР. Прослежена судьба тружеников-колхозников: доярок, чабанов, полеводов. Приводятся воспоминания участников приема в Кремле 1936 г.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР; Москва; Сталин; стахановец; колхозник; улус.

Ivanov Viktor Filippovich
Buryat State Academy
of Agriculture named after V.R. Philippov
Ulan-Ude, Russian Federation

COLLECTIVE FARMERS OF KHORI AIMAK AT STALIN'S RECEPTION IN THE KREMLIN

The article deals with the issue of labor achievements of collective farmers of the Khorinsky aimag of the BMASSR. The fate of collective farmers is traced: milkmaids, shepherds, field farmers. The memoirs of the participants of the reception in the Kremlin in 1936 are given.

Keywords: Buryat-Mongolian ASSR; Moscow; Kremlin; Stalin; Yerbanov; Stakhanovite; laborer; collective farmer; ulus; Khorinsky aimag.

30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК постановил: «Объединить в одну Автономную Бурят-Монгольскую Советскую Социалистическую Республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в городе Верхнеудинск». В апреле 1929 г. на XVI партийной конференции был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В плане первой пятилетки Бурят-Монгольской АССР были предусмотрены капитальные вложения на развитие сельского хозяйства в сумме 16 млн. руб. [Бурятия в цифрах, 1931, с. 158]. Эти средства направлялись на механизацию сельского хозяйства, строительство машинно-тракторных станций, на осуществление мероприятий по земельной реформе и развитие животноводства. Бурят-Монголия превратилась в крупный животноводческий регион на Востоке СССР. К 1928 г. в коллективные хозяйства в республике было объединено 0,7% крестьянских хозяйств, в 1932 г. – 55,6%, к 1939 г. колхозы составляли 96,4%. Если в первые годы образования республики на полях работали сохой и плугом, то к 1937 г. полевые работы в колхозах были механизированы на 53% [Дондоков, 1961, с. 156]. Край превратился из отсталой окраины России в один из передовых сельскохозяйственных районов СССР.

В октябре 1935 г. М. Н. Ербанов обратился в Центральный Комитет партии с просьбой о разрешении послать делегацию трудящихся республики для встречи с руководителями партии и правительства СССР. В январе 1936 г. состоялось республиканское

совещание стахановцев сельского хозяйства. Более 60 победителей соревнования были премированы [Ербанова, Басаев, 1974, с. 159]. Среди делегатов был заведующий овцефермой Хасуртаевской артели «Искра» Хоринского аймака И. Н. Мартынов. На совещании он рассказал, что, будучи потомственным пастухом, работал раньше у кулаков, получая гроши. Он говорил: «знаю хорошо, что только через колхозы наш путь к настоящей жизни...» [Мартынов, 1936, с. 1]. На республиканском совещании колхозников было избрано 67 делегатов в Москву на прием к советскому правительству.

«Бурят-Монгольская правда» писала о делегатах: «12 января 1936 г. в 4 ч. 30 мин. по местному времени делегация знатных людей республики отправилась в Москву. 13 января на пути в Москву стахановцы животноводства были приняты в Иркутске секретарем Краевого комитета партии. На этом приеме выступил чабан И. Н. Мартынов: «Мало-мало сердце трясется, но и страх проходит от радости за себя и за жизнь свою» [Ербанов, 1936, с. 15]. По пути следования делегацию принимали в Красноярске, Свердловске, Омске. 21 января 1936 г. бурятская делегация приехала в Москву. Гости из Бурят-Монголии посетили траурное заседание, посвященное годовщине смерти В. И. Ленина, побывали в театрах, цирке, магазинах, на фабриках и заводах. 27 января 1936 г. в 7 ч. вечера в Кремле состоялся прием делегации трудящихся Бурят-Монголии с руководителями партии и правительства СССР. Представители от Хоринского аймака И. Н. Мартынов – чабан колхоза «Искра»; А. Г. Мясникова – доярка колхоза «Заветы Ильича»; Д. О. Осорова – доярка улуса Хулхисан Чесанского сомона и Б.-С. Дашихорлуев – председатель колхоза им. Кирова.

Открыл прием И. В. Сталин, В. М. Молотов приветствовал участников встречи на бурятском языке: «Сайн байна гут!» Секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М. Н. Ербанов выступил с ответной речью [Прием делегации, 1936, с. 81].

С приветственными словами выступили: Б.-Ж. Бадмаев, Д. К. Гашунов, М. И. Аржутова, И. В. Балданов, Х. Намсараев и др. С пламенной речью выступила доярка А. Г. Мясникова из с. Вознесенка Хоринского района. С гордостью сообщила о том, что она мать семерых детей и хочет, чтобы они стали достойными людьми [Ербанов, 1936, с. 57–58]. Доярка из колхоза им. Кагановича Д. О. Осорова родилась в улусе Хулхисон Чесанского сомона Хоринского аймака (ныне Кижингинский район) в 1910 г. Неграмотная. Ее выдвинули делегатом. В Москве она была награждена орденом Трудового Красного Знамени. На общей фотографии молодая доярка стоит рядом с М. Калининым. По приезде на родину правление колхоза премировало ее лошадью [Осорова, 1990, с. 4].

1 февраля 1936 г. были вручены награды: орденом Ленина награждено 12 чел. (в том числе А. Г. Мясникова), орденом Трудового Красного Знамени – 15 чел. (в том числе И. Н. Мартынов и Д. О. Осорова), орденом Знак Почета – 32 чел., орденом Красной Звезды – 1 чел. По окончании приема в Кремле делегатам из Бурят-Монголии вручены ценные подарки от правительства. Каждому передовику подарены именные карманные часы и патефоны с пластинками, а колхозам – грузовые машины. На следующий день бурятская делегация в полном составе была приглашена на прием в Московский комитет ВКП(б) в Моссовет.

16 февраля 1936 г. в 2 ч. ночи по местному времени поезд с участниками приема в Москве прибыл на перрон Улан-Удэ. Несмотря на поздний час, около двух тысяч трудящихся города восторженно встретили делегацию на железнодорожном вокзале. Номер газеты «Бурят-Монгольская правда» от 17 февраля 1936 г. был полностью посвящен этому событию и пестрел заголовками: «Пламенный привет героям социалистической стройки», «Достойные сыны народа» и т.д.

Всем селом встречали хасуртяне своего посланца, первого орденоносца республики. Разгоряченная толпа односельчан подхватила Мартынова на руки и понесла к зданию сельсовета. В торжественной обстановке был проведен митинг, где чабан рассказал о своих впечатлениях [Бурдуковская, 1985]. «Видели в Москве очень многое... За работу, товарищи, за новые, еще большие успехи в животноводстве!» – призывал Мартынов трудящихся республики [Бурят-Монгольская правда, 1936, с. 1]. После возвращения из Москвы Мартынов продолжал трудиться в колхозе овцеводом. Неоднократно избирался депутатом местного и районного Совета, являлся почетным членом правления колхоза [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-475. Оп. 2. Д. 244. Л. 58–65].

6 марта 1936 г. на объединенном заседании ЦИК БМАССР М. Н. Ербанов выступил с отчетным докладом о результатах поездки в Москву. Отдельно он отметил делегатов-хоринцев: «Разрешите для примера привести короткие характеристики отдельных товарищей. Мясникова Агафья Григорьевна – доярка колхоза «Заветы Ильича» Хоринского аймака. За три года не имела ни одного случая падежа телят и вырастила 35 телят. В 1935 г. по отдельным коровам довела удой до 1800–2640 л. ... Возьмите товарища Мартынова – седовласый старик. Прекрасно выступал и отвечал на вопросы» [Ербанов, 1936, с. 11, 13]. Михай Николаевич с гордостью заявил с высокой трибуны: «Прием нашей делегации в Кремле и награждение их вызвали небывалый подъем энтузиазма в широчайших массах трудящихся нашей республики. В каждом из нас высокая награда вызвала желание работать еще лучше...» [Там же, с. 52].

Прием трудящихся Бурят-Монгольской АССР в январе 1936 г. является одним из знаменательных событий в 100-летней истории Республики Бурятия. Для каждого участника приема это было значимое событие в жизни. Простой сельский труженик удостоился возможности за свой бескорыстный и честный труд получить заслуженную правительственную награду. Кроме того, каждый колхозник-участник приема в Кремле с получением автомашины внес весомый вклад в укрепление материально-технической базы своего колхоза. По тем временам это было одним из больших и желанных приобретений чудо-техники для трудовых коллективов, еще пока использующих в основном ручной труд. Это дало толчок на свершение новых трудовых планов.

Литература:

- Бурдуковская С. С. (1899–1995) / Воспоминания записаны автором, ноябрь 1985 г., с. Хасурта.
- Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник (1927–1930 гг.) // Государственная плановая комиссия БМАССР. Верхнеудинск, 1931. 508 с.
- Бурят-Монгольская правда. 1936. 17 февр.
- Дондоков Б. Ц. Роль местной партийной печати в социалистическом преобразовании сельского хозяйства (1929–1938 гг.) // Из истории партийной организации Бурятии. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1961. 257 с.
- Ербанов М. Н. Бурят-Монголия у великого Сталина. Улан-Удэ: Бургосиздат, 1936. 77 с.
- Ербанова С. Я., Басаев Г. Д. М. Н. Ербанов. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1974. 213 с.
- Мартынов И. Н. Привет орденоносцам // Бурят-Монгольская правда. 1936. 9 янв.
- Осорова Н. Ц. // Удинская новь, 1990. 4 апр.
- Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во. 1970. 611 с.
- Прием делегации трудящихся Бурят-Монгольской АССР руководителями партии и правительства в Кремле. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 118 с.

Соболева Анастасия Николаевна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
soboleva03_88@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ БМАССР В 1941–1945 ГГ.¹

В статье на основе ряда архивных материалов рассматриваются социально-бытовые проблемы молодых рабочих на промышленных предприятиях Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что нехватка жилья, низкая заработная плата, неустроенность быта, скудное питание, дефицит одежды и обуви часто приводили к нарушению трудовой дисциплины. Автором рассмотрены важные направления деятельности комсомольских органов в сфере жилищно-бытового обустройства, а также разнообразные формы материальных и психологических стимулов, помогающих адаптации рабочей молодежи в индустриальном производстве.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Бурят-Монгольская АССР; рабочая молодежь; военная повседневность.

Soboleva Anastasiya Nikolaevna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

SOCIAL AND DOMESTIC PROBLEMS OF THE WORKING YOUTH OF THE BMASSR IN 1941–1945

The article, based on a number of archival materials examines the social and domestic problems of young workers at the industrial enterprises of the Buryat-Mongol ASSR during the Great Patriotic War. It is noted that the lack of housing, miserable wages, unsettled everyday life, scanty food, shortage of clothes and shoes often led to violations of labor discipline. The article considers important directions of Komsomol bodies' activity in the sphere of housing and everyday life, as well as various forms of material and psychological stimuli, which helped young people to adapt to the industrial production.

Keywords: The Great Patriotic war; Buryat-Mongol ASSR; working youth; military everyday life.

Великая Отечественная оторвала от мирного труда огромные массы людей. Начавшийся призыв в действующие ряды Красной Армии значительно обострил проблему дефицита кадров, прежде всего, в промышленности, допускать «пробуксовки» которой было категорически нельзя. Основным источником пополнения рабочей силы становилась молодежь в возрасте до 16 лет, а также учащиеся техникумов и студенты вузов, лишенные возможности учиться ввиду острой потребности экономики и армии в людском ресурсе.

В Бурят-Монгольской АССР процесс омоложения рабочего класса происходил особо интенсивно. Удельный вес молодежи на крупных предприятиях республики составлял от 50

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

до 87% [Высотина, 1980, с. 58], примерно каждый девятый рабочий был несовершеннолетним.

Важно было быстро подготовить молодежь к квалифицированной работе. Особую роль в этом процессе сыграли школы и училища трудовых резервов, созданные еще накануне войны. В 1941 г. в республике было выпущено 1300 будущих рабочих. Многим молодым людям приходилось учиться прямо на заводах. Формы обучения были разные: индивидуально-бригадное ученичество, курсы технического минимума, стахановские школы. Вчерашние школьники проходили краткосрочное обучение, которое, как правило, длилось от двух недель до трех месяцев, а затем приступали к тяжелому труду.

Привлечение огромной массы молодежи на промышленные предприятия вызывало целый ряд проблем, связанных с особенностями ее социализации и адаптации к индустриальному быту и производству. Более половины новых рабочих были выходцами из сельской местности, эвакуированными переселенцами или выпускниками государственных трудовых резервов из разных регионов страны. Важнейшей социальной проблемой, с которой они сталкивались по приезду в Бурят-Монгольскую АССР, была нехватка жилья.

Как по всей стране, жилищный фонд республики представлял собой засыпные бараки, полуземлянки и деревянные постройки, нуждавшиеся в капитальном ремонте. В условиях острой нехватки жилищных помещений органы местной власти стали временно переселять в сельскую местность часть не занятого на оборонном производстве городского населения, а занятых просили максимально уплотняться. Многие горожане вспоминали: «В домах было очень тесно, потому что практически к каждому селили переселенцев. Спали и на кухне, и в коридорах» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1988. Л. 17]. Постепенно становилось ясно, что решить таким образом жилищную проблему невозможно. 13 сентября 1941 г. СНК СССР издал постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», которое узаконило практику массового строительства жилых и коммунально-бытовых помещений упрощенного вида.

На деле тяжелые условия войны, недостаток людского ресурса, стройматериала и транспорта приводили к тому, что сданные в эксплуатацию дома имели много существенных недоработок. В комнатах менее 11 кв. м проживало по 5–7 чел., у некоторых не было даже собственной койки, и они вынуждены были спать на полу. Весь приличный инвентарь из общежитий был изъят для разворачивающихся эвакогоспиталей республики. Кровати заменялись нарами, матрацы и подушки – мешковинами, набитыми деревянными стружками или соломой. Отсутствовали умывальники, вешалки, столы, табуреты, зачастую не было электричества и воды [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп.1. Д. 2014. Л. 58].

Тяжелые жилищно-бытовые условия оказывали свое действие и являлись одной из основных причин текучести, нарушения трудовой дисциплины и дезертирства молодых рабочих. В 1943 г. с Улан-Удэнского паровозовагоноремонтного завода сбежало домой 443 молодых рабочих, в 1944 г. – 1325 чел. [ГАРБ. Ф. 2-п. Оп. 2. Д. 1090. Л. 8]. Еще одной острой проблемой, приводившей к дезертирству и текучести кадров, была низкая заработная плата, которой было недостаточно даже на питание в течение месяца. Проведенная городским активом комсомола в 1942 г. проверка заработной платы молодых рабочих на Улан-Удэнском авиазаводе показала, что около 700 из них получали зарплату 130–150 руб., 300 чел. – 70–80 руб., 84 чел. и вовсе остались должны заводу [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1825. Л. 38–39].

Питание молодых рабочих было скудным, низкокалорийным и не способствовало насыщению юного организма энергией, необходимой для тяжелой работы продолжительностью по 12–18 ч. «Хлеба по карточкам давали 700 граммов, мы делили его на несколько раз. В обед в столовой обычно получали суп с листьями мороженой капусты, 2–3 кусочками картофеля и горсточкой грязной перловки, щи из крапивы, уху из головок сорожки или воблы. После такого обеда выйдешь из столовой и еще больше есть хочется», – вспоминает ветеран Великой Отечественной войны Г. М. Мясникова [Мясникова, 2028, с. 53].

Комсомольские органы старались не оставаться безучастными в сложившейся ситуации, поскольку материальные условия напрямую влияли на работоспособность и трудовую отдачу молодежи. В этой связи республиканские ячейки комсомола приступили к воспитательным беседам с рабочими об элементарных правилах санитарии и гигиены, совершая вечерние обходы по комнатам общежитий. Иногда устраивались соревнования на присвоение звания: «Лучший барак», «Чистая рабочая комната», «Образцовое общежитие».

С появлением в 1942 г. почетного звания «стахановец военного времени» на ряде оборонных промышленных предприятий республики расширился перечень предоставляемых льгот и привилегий на дополнительное горячее питание. Так, например, лучшей комсомольско-молодежной бригаде администрация Улан-Удэнского авиазавода ежемесячно выдавала пропуск в столовую с трехразовым питанием. В 1943 г. комсомольцы добились улучшения питания и для обычных рабочих в виде получения двух обеденных карточек.

Помимо стимулирования трудовой деятельности молодых рабочих в виде дополнительного питания, важно было обеспечить их предметами гардероба первой необходимости. Проведенный в сентябре 1942 г. общественный смотр готовности к зиме выявил, что у большинства рабочей молодежи отсутствовали сменная одежда и обувь, а у некоторых не было ни одной пары обуви. Нехватка спецодежды объяснялась условиями военного времени, когда вся промышленность сосредоточила свои усилия на выпуске вооружения, а производство продукции, удовлетворяющей нужды быта, резко сократилось. В конце 1944 г. для молодых рабочих Паровозовагоноремонтного завода было выделено 300 рабочих костюмов [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 2014. Л. 18об.], в марте 1945 г. поступило еще 144 костюма и 1000 пар белья [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1983. Л. 13].

Помимо материальных стимулов для повышения у заводской рабочей молодежи производительности труда широко использовались и способы позитивного психологически-морального воздействия на молодых рабочих. Действенной формой стимулирования трудовой активности являлась пропагандистская работа, применявшаяся властью еще в мирное время в эпоху первых пятилеток. Несмотря на то, что она отличалась своей заформализованностью, тем не менее, трудно отрицать ее роль в повышении производительности труда. Поэтому на промышленных предприятиях регулярно проводились агитационные кампании по вовлечению молодых людей в различные соцсоревнования. В феврале 1942 г. в Бурят-Монгольской АССР была создана первая фронтовая комсомольско-молодежная бригада, на 1 января 1945 г. в республике работало уже 348 комсомольско-молодежных бригад, 241 из них присвоено звание фронтовой.

Не менее важным моральным стимулом, поднимающим общий дух и настрой, являлось награждение лучших работников и фронтовых бригад почетными грамотами и переходящими красными знаменами. Комсорг первой строительной площадки Паровозовагоноремонтного завода, ветеран Великой Отечественной войны А. М. Добрынин

в своих воспоминаниях делился: «Переходящее красное знамя и пропуск в столовую вручались лучшим работникам торжественно и под звуки духового оркестра. В такие моменты каждый хотел быть стахановцем и передовиком производства и старался потом изо всех сил у станка» [Подвиг продолжается, 1974, с. 67].

Таким образом, безусловно, нельзя отрицать феномен массового трудового героизма рабочей молодежи в общее дело победы СССР в Великой Отечественной войне. Именно на плечи молодых людей ложились основные тяготы труда в суровых условиях военного времени. Не была исключением и молодежь Бурят-Монгольской АССР. Ее вклад в трудовые свершения по изготовлению необходимой продукции для фронта был весьма заметным и не уступал другим регионам. Вместе с тем важно отметить, что не все юноши и девушки обладали высокой морально-волевой закалкой, позволяющей быстро преодолеть тяжелые материально-бытовые лишения. По сути, это были вчерашние школьники, поэтому они испытывали огромные трудности с адаптацией к тыловой рабочей повседневности. Бытовая и жилищная неустроенность, тяжесть физического труда, жизнь в условиях нищеты, постоянное чувство голода из-за недостатка питания обостряли и без того существующий морально-психологический дискомфорт. Дополнительным тяжелым фактором служило то, что нужно было в короткие сроки овладеть рабочей специальностью и начать выдавать качественную продукцию. Именно поэтому основной формой попыток улучшения жизненных условий и своеобразным протестом против порядка на промышленных предприятиях становились многочисленные прогулы и бегство. Важнейшей мотивационной основой являлись дополнительные материальные и морально-психологические стимулы, повышавшие шансы молодежи на выживание в условиях военного времени и консолидирующие их усилия на решение общественно-значимых задач.

Литература:

Высотина Е. А. Рабочий класс Бурятской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1980. 224 с.

Мясникова Г. М. Ковали победу в тылу // История города в рассказах горожан. Ч. III. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2018. С. 52–55.

Подвиг продолжается. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974 г. 253 с.

*Жимбуева Ольга Владимировна
Бурятская государственная сельскохозяйственная
академия им. В. Р. Филиппова
Улан-Удэ, Российская Федерация
irkutskolga@gmail.com*

ВЕТЕРИНАРНАЯ СЛУЖБА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается положение ветеринарной службы БМАССР в годы Великой Отечественной войны. Перед Бурят-Монгольской АССР была поставлена задача обеспечивать продукцией животноводства страну и армию, в этих условиях возросло значение таких мер, как предупреждение и ликвидация заразных болезней среди сельскохозяйственных животных, ветеринарное сопровождение при перемещениях скота, контроль за мясомолочным производством.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; ветеринарная служба; эпизоотии.

VETERINARY SERVICE OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article examines the situation of the veterinary service of the BMASSR during the Great Patriotic War. The Buryat-Mongolian ASSR was tasked with providing livestock products to the country and the army, in these conditions the importance of such measures as the prevention and elimination of infectious diseases among farm animals, veterinary support during livestock movements, control over meat and dairy production has increased.

Keywords: The Great Patriotic War; veterinary service; epizootics.

Годы Великой Отечественной войны стали трудным испытанием для ветеринарной службы Бурят-Монгольской АССР. Перед ней встали проблемы, общие для народного хозяйства военных лет: нехватка кадров, недостаточное финансирование и дефицит медикаментов, оборудования и инструментов.

В предвоенные годы в СССР в процессе формирования ветеринарной службы был четко очерчен круг ее полномочий. 27 октября 1936 г. постановлением ЦИК Совнаркома СССР был утвержден первый Ветеринарный устав СССР. Основные задачи государственной ветеринарии заключались в организации и проведении в народном хозяйстве СССР мероприятий, обеспечивающих охрану здоровья животных, в том числе птиц; выпуске доброкачественного сырья животного происхождения и охране населения от заразных болезней, общих людям и животным. В Ветеринарный устав СССР вошли четыре специальных раздела: меры предупреждения и ликвидации заразных болезней животных и птиц; ветеринарно-санитарные мероприятия в местах заготовки и убоя животных, в том числе птиц, а также выхода сырья животного происхождения; ветеринарно-санитарные мероприятия при перевозках, ввозе и вывозе скота и сырья животного происхождения; организация ветеринарного дела в СССР [Военная ветеринария, 2023]. В 1941–1945 гг. к перечисленным функциям добавились новые, связанные с обеспечением Красной Армии конским составом, гуртовым скотом, мясными и молочными продуктами, фуражом. Также ветеринарная служба сопровождала эвакуацию животных, контролировала перевод ветеринарных подразделений из прифронтовой зоны в глубокий тыл.

Особенностью Бурятии стал усилившийся поток через ее территорию импортного скота из Монгольской Народной Республики. Кроме того, БМАССР обеспечивала мясопереработку: Улан-Удэнский мясоконсервный комбинат стал одним из крупнейших поставщиков консервной продукции для армии и страны, что также требовало ветеринарного контроля. Профессиональная нагрузка увеличивалась на фоне острого кадрового дефицита. Была мобилизована на фронт половина ветеринарных специалистов. Десятки ветеринарных работников были направлены в конное депо Забайкальского фронта, в ветеринарные лазареты, в Инспекцию кавалерии при торговом представительстве СССР в МНР. Положение усугублялось неудовлетворительным снабжением зооветеринарными товарами. Все это отрицательно сказалось на эпизоотическом и ветеринарно-санитарном состоянии животноводства Бурят-Монголии.

В период с 1940 по 1949 г. не хватало средств по профилактике чумы, во всех аймаках республики регистрировалась чума свиней. В 1941 г. остро проявились кожные заболевания сельскохозяйственных животных. Ветеринары проделали огромную работу: клинический осмотр животных, лечебно-профилактическую обработку поголовья скота, контролировали передвижение животных из гурта в гурт, прочитали 180 лекций, бесед и

провели другие просветительские мероприятия. Благодаря этому неблагополучные пункты по чесотке сократились со 126 до 56, а количество больных чесоткой животных уменьшилось с 35 тыс. до 6 тыс. голов [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.Р-248. Оп. 14. Д. 90 Л. 3]. Осенью 1941 г. в 21 аймаке БМАССР были привиты против сибирской язвы: 90 лошадей, 250 голов крупного рогатого скота, 75 голов мелкого рогатого скота [ГАРБ. Ф.Р-248. Оп. 14. Д. 90 Л. 7]. В 1942–1944 г. распространились ящурные эпизоотии в Мухоршибирском, Тункинском, Джидинском, Закаменском, Кяхтинском аймаках. В очаги заболеваний командировались работники ветуправления, Улан-Удэнской городской ветлечебницы, госконюшни, ветфельдшеры Улан-Удэнского гарнизона. Участвовали в этой работе выпускники Омского ветинститута Я. М. Меркель, Л. А. Меньшиков, С. С. Тумуров [Бальбаров, Бадмаев, 2010, с. 55]. На 1942 г. были запланированы следующие мероприятия: вакцинация против чумы и рожи; исследования на бруцеллез, туберкулез животных и птиц; профилактика кожных заболеваний; прививки против сибирской язвы; дегельминтизация животных всех видов [ГАРБ. Ф.Р-248. Оп. 14. Д. 100. Л. 5].

В связи с острой нехваткой специалистов Наркомат земледелия в январе 1942 г. обязал Ветеринарное управление при Улан-Удэнской ветеринарной лечебнице провести 3-месячные курсы подготовки ветфельдшеров и 2-месячные курсы при районных ветлечебницах по подготовке ветсанитаров. Всего прошли обучение 340 женщин-колхозниц [Бальбаров, Бадмаев, 2010, с. 50]. В том же 1942 году в связи с нехваткой финансов были закрыты ветбаклаборатории в Баргузинском, Еравнинском аймаках. Кяхтинская ветбаклаборатория была переведена в село Кудара-Сомон Бичурского района, которое имело более удобное географическое расположение.

В постановлении правительства (№ 560 от 25.12.1942 г.) «О плане основных противозооотических мероприятий по БМАССР на 1943 г.» были предусмотрены меры по улучшению снабжения животноводства медикаментами, дезосредствами и инструментарием: леспромхозы обязали производить скипидар и деготь; многопромсоюз – наладить производство зеленого мыла (калийное, антисептическое); ветснабсбыт – ремонт и реставрацию шприцев [ГАРБ. Ф.Р-248. Оп. 14. Д. 104. Л.10]. В 1942 г. в Окинском аймаке была успешно локализована вспышка сапа лошадей. Районная ветслужба во главе с А. И. Целовальниковым к 1944 г. ликвидировала чесотку во всех колхозах аймака. За успешное проведение ветеринарных мероприятий и перевыполнение плана сдачи государству продукции животноводства за 1942 г. старшему ветврачу Селенгинского аймака М. А. Худякову выплатили премию в размере двух должностных окладов [Зайцева, Попов, 2010, с. 110].

Самым тяжелым для животноводства республики был 1943 г. Из-за бескормицы увеличился падеж скота и его вынужденный забой. В зимовку 1943 г. пало 30 тыс. голов КРС, 103 тыс. овец и коз, 6 тыс. свиней. Резко возросло количество неблагополучных аймаков по чесотке животных. Для ликвидации заболеваний было организовано персональное закрепление к колхозам ветработников, а также запланировано и подготовлено 330 инструкторов-ветсанитаров для 19 аймаков. До 1 апреля 1943 г. проведен ремонт и дооборудование газокамер, до 1 мая 1943 г. построено 15 новых газокамер [ГАРБ. Ф.Р-248. Оп. 14. Д. 108. Л. 3].

В 1944 г. распространение сибирской язвы в республике приняло размеры эпизоотии, ее удалось подавить благодаря широко организованному применению прививок. Стали чаще диагностироваться случаи чесотки, чумы свиней и паразитарных болезней. Напряженной оставалась обстановка по сапу, инфекционной анемии лошадей, бруцеллезу. Во время войны ветеринарная промышленность – «Главбиопром» и «Союззооветснаб» – лишь частично обеспечивала потребность ветслужбы диагностическими, профилактическими и лечебными биопрепаратами, химическими медикаментами, дезинфицирующими средствами. Поэтому широкое применение получили средства народной терапии (зольный щелок, известь, травы,

корни, корневища, сборы и др.). Республиканская ветеринарная опытная станция под руководством П. С. Бутыриной ежегодно проводила сотни патологоанатомических, микроскопических, бактериологических, биологических и гистологических исследований.

С 1944 г. были предприняты меры по развитию ветеринарной сети республики. В 1944 г. создана ветслужба Курумканского, в 1945 г. – ветслужба Прибайкальского аймака. В 1944 г. возобновилась деятельность БМЗВИ, который был закрыт в начале войны, был обратно переведен из Тамчи в Улан-Удэ сельхозтехникум. За самоотверженный труд в тылу многие ветспециалисты были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Среди них: Карпиеня Р. А., Батороев С. Б., Буторин Г. А., Худяков М. А., Меркель Я. М., Бильдушкинов А. П., Тербесова А. М., Емельянов К. И., Целовальников А. И., Кузьмин А. В. и др.

В годы Великой Отечественной войны в связи с возросшей нагрузкой, с острым дефицитом кадров, неудовлетворительным снабжением и нехваткой финансов значительно ухудшилось ветеринарно-санитарное состояние животноводства Бурят-Монголии. Несмотря на сложившееся положение, в республике искали и находили возможности для решения возникающих задач. Кроме того, были предприняты меры для укрепления и развития ветеринарной службы БМАССР.

Источники и литература:

Ветеринарная служба Республики Бурятия: очерки истории / сост. Б. Э. Балбаров, В. Б. Бадмаев. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2010. 456 с.

Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии: очерки истории БГСХА. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. 260 с.

Развитие ветеринарии в СССР во второй половине XX в. [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/1_43836_voennaya-veterinariya-i-ee-rol-v-godi-velikoy-otechestvennoy-voynе---gg.html (дата обращения: 12.02.23).

Кискидосова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук

Хакасский научно-исследовательский институт

языка, литературы и истории

Абакан, Российская Федерация

tak_74@mail.ru

БЫТ ГОРОДСКИХ ЖЕНЩИН ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена быту городских женщин Хакасии в годы Великой Отечественной войны. Реалии военного времени, плохое материальное обеспечение, жилищные проблемы существенно осложняли быт горожанок. Автор уделяет внимание проведению государственной социальной политики, направленной на поддержание матерей и малоимущих семей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; женщины; повседневность; Хакасия.

Kiskidosova Tatiana Alexandrovna

Candidate of Sciences in History

Khakass Research Institute

for Language, Literature and History

Abakan, Russian Federation

THE LIFE OF URBAN WOMEN OF KHAKASSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the life of urban women of Khakassia during the Great Patriotic War. The realities of wartime, poor material security, housing problems significantly complicated the life of the townspeople. The author pays attention to the implementation of the state social policy aimed at supporting mothers and poor families.

Keywords: The Great Patriotic War; women; everyday life; Khakassia.

В последние годы в отечественной историографии значительное количество работ посвящено исследованию повседневной жизни людей в экстремальных условиях военного времени. Особый интерес представляет быт женщин в тылу. Исследование данной проблематики на региональном уровне началось сравнительно недавно.

Государственная политика была направлена на формирование стереотипа работающей матери. Яркой формой проявления активности женщин в военную эпоху стал их массовый выход на работу. С началом войны усилилась пропагандистская поддержка трудовой и общественной активности женщин. В средствах массовой информации военных лет активно культивировался образ работающей матери. Стереотип «работающая мать» активно вытеснял стереотип «мать-домохозяйка». Подобная трансформация оказывала влияние на внутрисемейные отношения [Коробейникова, 2014, с. 164].

Положение женщин в тылу было очень тяжелым. В соответствии с Указом президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» мобилизовались или добровольно прибывали женщины-домохозяйки, подростки, пенсионеры. Женской части населения пришлось заменить на предприятиях ушедших на фронт мужчин, в ряде отраслей народного хозяйства они составляли основную часть работников. Например, на предприятиях лесной промышленности Хакасии удельный вес работниц был 76% [Очерки истории Хакасии, 1963, с. 215]. В городах Хакасии, как и в целом по стране, вводились обязательные сверхурочные работы, отменялись отпуска. Введение продуктовых карточек, нормирование непродовольственных ресурсов и обострение жилищной проблемы резко ухудшили материальное положение населения [Кышпанак, 1995, с. 159]. Женщины, занятые на производстве в выходные дни, были вынуждены оставлять своих детей одних дома без должного присмотра. В связи со сложившейся ситуацией происходило расширение сети дошкольных учреждений, ряд детских садов и яслей перешли на работу без выходных дней [Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 399. Л. 33]. Кроме работы на производстве женщинам приходилось заниматься бытом и материально обеспечивать всем необходимым свои семьи. Горожанкам нужно было своевременно достать семена и позаботиться об индивидуальном огороде. Посадка овощей являлась жизненно необходимым условием для выживания в экстремальных условиях [ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 396. Л. 3].

В суровых военных условиях женской части населения было невероятно сложно обустроить свой повседневный быт, обеспечить всем необходимым членов своей семьи. Материальные трудности, отсутствие не только модного костюма, но прежде всего необходимой одежды и обуви, плохое питание, изнурительная работа и другие проблемы легли тяжким бременем на женщин [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 44. Д. 753. Л. 107].

У большей части семейных женщин мужья находились на фронте. Им пришлось стать главами своих семей и самостоятельно решать многие бытовые проблемы, зарабатывать

средства для содержания семьи, самостоятельно воспитывать детей. К многочисленным материальным проблемам добавлялся жилищный кризис. Многие из семей военнослужащих проживали в плохих жилищных условиях. Например, жена командира Ерохина проживала с двумя детьми на кухне без окон. Семья командира Фадеева обитала в доме с неотремонтированной печью, без стекол в окнах [ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 138. Л. 176]. Нередко для решения какой-либо проблемы горожанам приходилось обращаться из одной инстанции в другую. Супруга военнослужащего Карпейкина с четырьмя детьми дошкольного возраста снимала комнату в частном доме. Она неоднократно обращалась в горсовет, затем в жилищное управление. Получив отказ в получении жилплощади по причине отсутствия свободных квартир, она направилась к прокурору, от него в областной совет, затем в военкомат и снова попала в горсовет. Мучительное хождение по различным инстанциям продолжалось в течение трех месяцев, пока семья Карпейкиных не получила отдельную 12-метровую комнату [Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 939. Л. 38].

Местные власти старались поддерживать в первую очередь семьи военнослужащих. Руководители предприятий и организаций обязывались выполнять Постановление от 10 февраля 1943 г. Формы помощи семьям красноармейцев были в достаточной степени разнообразны для условий военного времени. В целях поддержки им выдавали в индивидуальное пользование земли для огородов, обеспечивали семьи топливом на зиму. Однако часть топлива подвозилась несвоевременно, многие квартиры не удалось подготовить к зиме. В 1943 г. семьям фронтовиков Черногорска выдали для посадки 11 т семенного картофеля и 2312 кг семенного лука. Детям фронтовиков полагались бесплатные или с частичной оплатой путевки в пионерские лагеря. В 1943 г. из 25 путевок бесплатно получили 15 чел., с оплатой путевки в 50 руб. – 10 чел. [ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 138. Л. 110]. В 1944 г. проводилась значительная работа по оказанию материальной помощи и трудоустройству семей военнослужащих. Более 1000 семей получили отремонтированные квартиры. Всего удалось предоставить 570 квартир, выделить более 16212 т угля и 4491 куб дров. К детским площадкам и столовым прикрепили 1100 детей. В пионерлагеря выдали 240 бесплатных путевок, денежный фонд составил 240 тыс. руб. [НАРХ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 99. Л. 26 об.].

К самым социально незащищенным слоям населения относились матери-одиночки и многодетные семьи. Требовалась государственная поддержка прежде всего данных социальных групп. Материнство рассматривалось как важнейшая женская функция, подкрепленная целым рядом социальных гарантий, таких как организация и функционирование женских и детских консультаций, родильных домов, детских домов, предоставления оплачиваемого отпуска по беременности и родам и др. В условиях демографического кризиса в СССР возникла потребность в коренном изменении семейного права. Попыткой реформировать семейные отношения, повысить рождаемость и решить проблемы социального обеспечения малоимущих семей в стране стал принятый Президиумом Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 138. Л. 110 об.]. Формы государственной помощи семьям с детьми были следующие: денежные выплаты матерям-одиночкам и многодетным семьям по содержанию и воспитанию детей, медицинские, жилищные и другие льготы родителям и детям, социальное обслуживание семей. Увеличивался отпуск по беременности и родам с 63 до 77 календарных дней, послеродовой отпуск – с 36 до 42 календарных дней. В случае

осложнений при родах или рождении двойни послеродовой отпуск увеличивался до 56 дней. Беременных женщин (с четвертого месяца беременности) не привлекали на сверхурочные работы, а имеющих грудных детей – к ночным работам на период кормления ребенка. С шестого месяца беременности в два раза увеличивалась дополнительные пайки, а кормящим матерям – в течение четырех месяцев кормления. Для малообеспеченных семей снижалась плата за помещение детей в детские сады и ясли. Так, например, родители, имеющие трех детей при зарплате до 400 руб., а также четырех при зарплате до 600 руб., освобождались на 50% от оплаты за помещение детей в детские сады и ясли. Семьям, имеющим пятерых детей и более, – независимо от заработанной платы. Одинокие матери могли поместить ребенка в государственное учреждение. В этом случае государство брало на себя все заботы по воспитанию, но за матерью оставалось право забрать ребенка обратно. Таким образом, Указ от 8 июля 1944 г. имел ряд моральных и материальных стимулов для увеличения деторождаемости в стране [Араловец, 2009, с. 131].

Тяготы военного времени сказались на всех слоях населения, но особенно тяжело пришлось малообеспеченным многодетным семьям. Материально необеспеченные семьи стали объектом заботы и поддержки со стороны органов местной власти. Например, 26 июня 1945 г. жительница Черногорска, мать 11 детей Харитоновна обратилась в Черногорский горсовет за оказанием материальной помощи. При посещении квартиры Харитоновых обнаружили, что семья находилась в крайне тяжелом материальном положении. В квартире требовалось провести капитальный ремонт: сменить полы и окна, переделать печь, отремонтировать водопровод, побелить квартиру. Семья испытывала нужду в продуктах питания, одежде и обуви. Бюро Черногорского горсовета постановило в 10-дневный срок обеспечить семью верхней и нижней одеждой, обувью, снабдить продовольствием (крупы, картофель, жиры и хозяйственное мыло), отправить четверых детей в пионерский лагерь, оказать помощь в учебе детям школьного возраста и содействовать в выдаче учебников [ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. Д. 180. Л. 155 об.].

В целом в военное время городские жительницы Хакасии, как и все женщины страны, находившиеся в тылу, оказались в тяжелом материальном положении. Многие женщины заменили мужчин на предприятиях и выполняли тяжелый физический труд, стали главами семей и в одиночку воспитывали детей при плохом материально-бытовом обеспечении. Горожанкам пришлось самостоятельно решать бытовые проблемы и выживать в экстремальных условиях. Сложившиеся объективные условия способствовали тому, что работающие матери стали обычным явлением, также менялось отношение общества к ним. К концу войны государство стало проводить социальную политику по сохранению и поддержанию семьи. Социальную помощь оказывали в первую очередь беременным женщинам, матерям-одиночкам, многодетным матерям и малообеспеченным семьям.

Литература:

- Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
- Баранцева Н. А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2011. 208 с.
- Коробейникова Н. С. Работающие матери в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы II Всерос. науч. конф. Новосибирск: Изд-во Сибпринт, 2014. С. 161–164.
- Кышпанакон В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 1995. 348 с.
- Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг. Абакан: Хакасиздат, 1963. 419 с.

Лыгденова Виктория Васильевна
кандидат филологических наук
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
victoria.lygdenova@gmail.com

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
odon@bk.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ (БАССР) В 1960-1980-Е ГГ.¹

В статье проанализированы этнодемографические процессы среди бурят в Республике Бурятия (БАССР) в 1959–1989 гг. Общероссийские и региональные тенденции в пространственных перемещениях населения и характер этнических миграций далеко не всегда совпадали.

Ключевые слова: этнические миграции; численность; этнодемография; буряты; Бурятия.

Lygdenova Victoria Vasilyevna
Candidate of Sciences in Philology
Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Dashinamzhirov Odon Borisovich
Candidate of Sciences in History
Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

MIGRATION PROCESSES OF THE BURYATS IN THE REPUBLIC OF BURYATIA (BASSR) IN 1960-1980-s

The authors analyze ethnical demographic processes among the Buryats s in the Republic of Buryatia (BASSR) in the 1959–1989. The all-Russian and regional trends in spatial population movements and the nature of ethnic migrations did not always coincide.

Keywords: ethnical migrations; number; Buryats; Republic of Buryatia.

На сегодняшний день высокий научный интерес вызывает изучение этнодемографических процессов. Однако исследователи, рассматривая демографические проблемы национальностей, обычно анализируют численность их населения, территориальное размещение, возрастной или семейный состав. Процессы миграции исследуются упрощенно, преимущественно с привлечением данных переписей. В предлагаемой работе сконцентрируем внимание на изучении миграционных процессов у

¹ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН (проект «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.», № FWZG-2022-0001).

бурятского этноса Бурятской АССР. Хронологически статья охватывает 30-летний период, начиная с 1959 г. и вплоть до 1989 г.

Вычленив национальные потоки миграций довольно трудно из-за специфики сбора информации советскими органами статистики. Первые данные текущего учета об этническом составе мигрантов (форма № 5) были получены в 1968 г. Существенными недостатками этой формы являлось отсутствие сведений о перемещениях в сельской местности. Более точным методом является исчисление механического прироста путем вычета естественного из общего прироста населения за межпереписной период. Его, например, используют при расчетах сальдо миграции стран, регионов, городов или сельской местности.

В БАССР проживала основная часть бурятского народа. Рост экономики республики был значительным, за 1960–1969 гг. промышленное производство увеличилось в 2,3 раза. Строились новые предприятия, старые реконструировались и оснащались новым оборудованием [Базаров, 2011, с. 223–227]. Сальдо миграции БАССР в целом в 1959–1969 гг. оказалось положительным – 4 тыс. чел.

За 1959–1989 гг. численность бурятского населения БАССР увеличилась с 135,8 тыс. до 249,5 тыс. чел. или 83,7%, тогда как всех жителей республики – примерно в полтора раза (на 54,2%). Рождаемость у изучаемого этноса на всем протяжении исследуемого периода была выше, чем у русского населения, причем смертность достаточно быстро снизилась до среднереспубликанского уровня. В 1959–1970 гг. численный состав титульного населения повысился сразу на 42,9 тыс. чел. или почти на треть (31,6%) (Национальный состав..., 1975, с. 75). Естественный прирост достиг 36,0 тыс. чел. В 1960-е гг. механический прирост бурятского населения оказался самым высоким за весь исследуемый период. По нашим расчетам в БАССР с учетом ассимиляции прибыло 8,8 тыс., главным образом, из Иркутской области.

Мобильность бурят – сельских жителей республики в то время была значительно ниже, чем, например, в Предбайкалье. Коренное население территорий, которые затем вошли в состав Бурятской АССР, меньше контактировало с аграрными переселенцами, хуже знало русский язык, культуру, социальную и хозяйственную организацию русского общества. Следовательно, переход на оседлость, освоение культуры земледелия, т.е. процессы, которые, видимо, должны предшествовать современной урбанизации и интенсивным сельско-городским миграциям, в Бурятии шли медленнее.

В таких исторических условиях в массовом переселении в город местное бурятское население еще не было заинтересовано. В Бурятии индустриальное производство являлось территориально сконцентрированным. В конце 1950-х гг. большая часть крупных промышленных объектов географически располагалась в нескольких местах, в основном в г. Улан-Удэ, следовательно, их «урбанизационное» влияние на титульное население было слабым. Несмотря на то, что в 1960-е гг. происходил рост интенсивности миграций, отрицательное сальдо сельской местности составило всего 5,6 тыс. чел., т.е. гораздо меньше, чем, например, в Иркутской области (15,7 тыс.), которая по численности бурятского этноса в 1959 г. в два раза уступала республике.

За 1970–1975 гг. прирост промышленного производства в БАССР составил 48,0%. [Народное хозяйство..., 1976, с. 50]. Экономическая привлекательность республики не изменилась, рабочая сила в экономике была все еще высоко востребована. Так, например, за девятую пятилетку, в 1971–1975 гг. в строй вступили несколько крупных промышленных предприятий. Во второй половине 1970-х гг. началось строительство БАМа [Базаров, 2011, с. 269–272].

В 1970–1979 гг. численность титульного этноса в БАССР выросла с 178,7 тыс. до 206,9 тыс. чел. или на 15,8%, т.е. значительно меньше, чем в 1960-е гг. В результате размеры естественного прироста у бурят упали с 36,0 тыс. до 26,5 тыс. чел. Механический прирост у бурят республики с учетом ассимиляции снизился до 5,2 тыс. чел.

Сокращение положительного сальдо произошло из-за уменьшения количества прибытий из Иркутской области. Все больше людей стало уезжать не в БАССР, а в другие экономически более развитые регионы. Размеры миграций читинских бурят в республику, наоборот, в 1970-е гг. увеличились. Кроме Якутской АССР, Москвы, Магаданской области, немало представителей этноса мигрировало в рамках Сибири. В Томской области за 1970–1979 гг. его численность увеличилась в полтора (с 277 до 420 чел.), а в Новосибирской области почти в два раза (с 345 до 670 чел.). Областные центры данных регионов имели развитую систему высшего образования и привлекали много молодежи не только из Сибири, но и из Казахстана и Средней Азии.

Отток из сельской местности в 1970-е гг. значительно усилился, составив, по нашим данным, около 21,1 тыс. чел., одновременно с этим механический прирост городских поселений достиг 26,3 тыс. чел. Между тем по России в целом среднегодовая механическая убыль деревни по сравнению с предыдущим десятилетием, наоборот, несколько снизилась. Миграцию из села стимулировали тяжелый и низкооплачиваемый труд; дефицит коммунальных служб, благодаря которым жители городов были избавлены от неудобств деревенской жизни (например, отсутствия центрального отопления или горячей воды); нехватка культурно-бытовых, торговых и, особенно, образовательных учреждений. Эти факторы существовали и раньше, однако бурятским населением они тогда еще не воспринимались как серьезные недостатки. Отзывы знакомых и родственников, распространение средств массовой информации (газеты, телевидение) повышали мотивацию к переезду в город. Центром притяжения мигрантов стал г. Улан-Удэ, где численность титульного населения БАССР за 1970–1979 гг. выросла с 32 до 50 тыс. чел. Причем солидная часть механического прироста в 1970-е гг. образовалась через многочисленные преобразования сельских поселений в поселки городского типа. Например, в 1973 г. в республике повысили административный статус Багдарин, Баргузин, Джиды, Заиграево, Иволгинск, Хоринск, в 1975 г. – Кырен, тогда как в 1960-е гг. – только Селенгинск (1961 г.).

В 1980-е гг. активность пространственных перемещений снизилась вследствие снижения темпов роста экономики и сокращения спроса на рабочую силу. Продовольственное обеспечение горожан во второй половине 1980-х гг. ухудшилось из-за нарастания дефицита потребительских товаров. В то же время повысился уровень жизни сельских жителей. Разница в доходах жителей города и села (с учетом приусадебных хозяйств) заметно сократилась. В результате среднегодовая механическая убыль российского села упала почти в два раза [Демографический ежегодник России, 1998, с. 21].

Баланс пространственных перемещений складывался для всего населения Бурятской АССР положительно. Если в предшествующий межпереписной период миграционная убыль составила 3,8 тыс. чел., то в 1979–1988 гг. положительное сальдо составило 6,3 тыс. чел. Численность бурятского населения республики увеличилась на 20,6% главным образом за счет сокращения смертности в период антиалкогольной компании и сохранения рождаемости на прежнем уровне. Демографический рост у бурятского этноса в 1980-е гг. был достигнут почти исключительно за счет естественного прироста, тогда как сальдо миграции вновь снизилось до 2,1 тыс. чел.

Расчеты подтверждают, что механическая убыль сельской местности уменьшилась, но размеры снижения оказались невелики (с 21,1 тыс. до 20,1 тыс. чел.). Если учитывать, что

почти все новые городские поселения возникли рядом с БАМом, где титульного населения было мало, то реальный отток бурят из деревни по сравнению 1970-ми годами даже вырос. Следовательно, политика экономической поддержки аграрной сферы оказала меньшее воздействие на коренное население БАССР. Механический прирост городов снизился с 26,3 тыс. до 22,2 тыс. в основном из-за сокращения прибытий из-за пределов республики. Низкая доля горожан среди бурят и, следовательно, высокий миграционный потенциал сельской местности не способствовали снижению размеров сельско-городских перемещений. Можно предположить, что на ранних или промежуточных фазах демографического перехода, когда миграции из деревни в город только набирают обороты, этот процесс довольно сложно приостановить.

Итак, результаты нашего исследования показали, что общероссийские и региональные тенденции в пространственных перемещениях населения и характер этнических миграций далеко не всегда совпадали. Вследствие того, что, во-первых, на начальных и промежуточных этапах демографического перехода мобильность у бурят была ниже, чем у всего населения в целом. Во-вторых, доля миграций в районах основного расселения («внутренних») является высокой, что оказывало воздействие на территориально-географические направления пространственных перемещений. При этом территориальная специфика перемещений продолжала сохраняться даже когда миграционная подвижность начинала повышаться, а значение «внутренних» переселений падать.

Литература:

Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1998. 398 с.

История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.

Народное хозяйство Агинского Бурятского автономного округа (1937–1986 гг.). Юбил. стат. сб. Агинское, 1987. (ДСП). 41 с.

Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1975. (ДСП). 200 с.

Карпова Ирина Георгиевна

Бурятская государственная сельскохозяйственная

академия им. В.Р. Филиппова

Улан-Удэ, Российская Федерация

irusikkig@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР

В статье рассматриваются точки зрения современных исследователей на коллективизацию, проводимую в СССР в 30-е гг. XX в., с позиций социокультурных изменений, которые повлек за собой переход к колхозной системе в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: коллективизация; историография; социокультурные изменения; колхоз; крестьяне.

Karpova Irina Georgievna

Buryat State Academy of Agriculture

named after V.R. Philippov

Ulan-Ude, the Russian Federation

CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY ON THE SOCIO-CULTURAL ASPECT OF COLLECTIVIZATION OF AGRICULTURE IN THE USSR

The article deals with the points of view of modern researchers on collectivization held in the 30th of the XXth century, and specifically social and cultural changes that were caused by the transition to the system of collective forms of husbandry.

Keywords: collectivization; historiography; social and cultural changes; kolkhoz; peasants.

Коллективизация в СССР отечественными и зарубежными исследователями определяется по-разному. Для одних – это была революция сверху [Кузнецов, 2020; Касимов 2004], другие определяют ее модернизацией, усовершенствованием уже существующего способа хозяйствования с целью повышения товарности и т.д. [Безнин, Димони, 1996]. Для третьих, коллективизация – это реформа, которая была проведена в 30-е гг. [Никольский, 1997, с. 225]. Большинство зарубежных исследователей оценивают создание колхозной системы в СССР трагедией. Думается, что в первую очередь это связано с общим настроением исследователей и их отношением к Советскому Союзу.

Коллективизация стала основой изменений всех сфер жизни и деятельности сельского населения СССР. Однако, как замечает Н. Л. Лопатина, культурный и психологический аспекты, по-прежнему мало исследованы [Лопатина, 2003, с. 4–5].

В 1927 г. в СССР был взят курс на создание коллективных хозяйств. В доколхозный период объединение крестьян проходило добровольно и зачастую в простейших формах коллективного хозяйствования. Объединившись, крестьянские хозяйства получали преимущества перед единоличными хозяйствами, для обработки земли и сбора урожая привлекались технические средства, что повышало его качество и количество. Положительная динамика деятельности коллективных хозяйств стала одним из основных факторов выбора дальнейшего пути развития сельского хозяйства в СССР.

Социальные изменения, вызванные коллективизацией, были связаны с проводимой политикой на селе. В результате создания колхозов были стерты границы между бедняками, середняками и зажиточными крестьянами и появился новый класс «колхозного крестьянства» [Джеенбекова, 2020, с. 9]. Однако, как отмечают С. А. Никольский, М. А. Безнин, Т. М. Димони, коллективизация способствовала дальнейшему классовому расслоению деревенского общества. Появляются новые «экономические группы», к которым относились «малоимущие» (дворы престарелых, одиноких крестьян), «середняков» отличало наличие в семьях квалифицированных специалистов сельского хозяйства, «зажиточное» население определялось местом работника в государственной или колхозной администрации. Несмотря на противоречивость, колхозная жизнь обусловила освоение сельскими жителями новых профессий – механиков, доярок, трактористов, комбайнеров и т.д.

Одним из достижений коллективизации считается оседание кочевых и полукочевых народов национальных республик. От выпасного скотоводства и примитивного земледелия они шагнули к современной сельскохозяйственной цивилизации [Зайцева, 2011; Джеенбекова, 2020]. Исследователями выделяется и ряд отрицательных явлений, которыми сопровождалось проведение коллективизации. Это время завершает существование крестьянской общины, а вместе с ней исчезают и традиционный уклад жизни с его обычаями, верованиями и т.д. Раскулачивание стало одним из широко освещаемых последствий создания колхозной системы. Особенностью проведения политики раскулачивания была нечеткость критериев, кого считать кулаком. Как отмечают Г. Ф. Доброноженко, Л. А. Зайцева и др., в первой половине 1930-х гг. раскулачиванию

подвергались не только кулаки, но середняки и даже бедняки [Доброноженко, 2003; Зайцева, 2011].

Принудительный характер коллективизации вызвал отток сельского населения в города, что отрицательно сказалось на сельскохозяйственном секторе из-за потери рабочей силы. Разрушение традиционных устоев, перегибы в проводимой политике коллективизации порождали недоверие сельского населения и нежелание вступать в колхозы [Сухова, Ягов, 2018]. Однако, как указывает М. Б. Таугер, проявление недовольства крестьянами было одним из множества ответных действий на изменение привычного образа жизни, и, основываясь на данных докладов ОГПУ, он приходит к выводу, что «90% всех недовольств носили локальный характер, и многие были решены посредством разъяснения» [Таугер, 2005].

Как отмечают И. А. Бондарь и др., «не осталась неизменной и сельская повседневность, которая являлась отражением вековых традиций организации жизнедеятельности крестьянского сообщества» [Бондарь и др., 2020, с. 6]. Прежде крестьянский быт и хозяйственная деятельность были тесно связаны с природными процессами, календарем православных праздников и опытом хозяйствования, накопленным предыдущими поколениями и передающимся от отца к сыну. С обобществлением хозяйственной деятельности меняются способы хозяйствования, появляются новые приметы, новые виды устного творчества, отражающие новую колхозную реальность.

Коллективизация как политика модернизации сельского хозяйства предполагала создание крупных сельхозпредприятий и разработку мер, направленных на успешное их функционирование. Сюда входило повышение грамотности населения, а это создание школ и библиотек, появление сельской интеллигенции и класса студенчества среди сельских жителей, повышение санитарно-гигиенических норм, что влекло за собой создание фельдшерских пунктов и больниц. Появляются культурно-просветительские учреждения, которые ставят целью повышение культурного уровня сельских работников.

Создание коллективных хозяйств в СССР в 30-е гг. бесспорно стало одним из значимых и знаковых событий в истории Советского Союза. Нельзя не согласиться и с тем фактом, что создание колхозов не прошло без ряда перегибов и нарушений, однако, соглашаясь с В. В. Кондрашиным и М. А. Безниным, нельзя давать политике коллективизации однозначную оценку. Любое нововведение вызывает, с одной стороны, отторжение, особенно если оно привнесено извне, с другой стороны – оно может привести к качественным улучшениям, поэтому крупные и масштабные изменения, такие как коллективизация, всегда должны изучаться с точки зрения как отрицательных, так и положительных результатов.

Источники и литература:

Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930–1950-х гг. // Менталитет и аграрное развитие России: XIX–XX вв.: материалы междунар. конф. (Москва, 14–15 июня 1994 г.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 155–166.

Бондарь И. А., Малышкина Е. В., Дарендорф М. В. Общественное сознание крестьян в период коллективизации сельского хозяйства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки, 2020. С. 5–7.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня. Население. Землепользование. Хозяйство. М.: Наука, 1977. 316 с.

Джеенбекова С. С. Социокультурные изменения повседневного уклада жизни населения Кыргызстана в годы коллективизации // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2020. № 6. С.7–11.

- Доброноженко Г. Ф. «Кулак» в российском общественном сознании: социально-экономическая группа или результат властной номинации? // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 127–144.
- Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX в.: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2011. 320 с.
- Историк Михаил Безнин – о годе «великого перелома» и его последствиях [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/155310-istorik-mihail-beznin-o-kollektivizacii-selskogo-hozyaystva> (дата обращения: 21.02.2023).
- История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 464 с.
- Касимов Е. В. Крестьянство Чувашии и политика государства по коллективизации сельского хозяйства (1917–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 28 с.
- Кузнецов И. А. Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР // Крестьяноведение. 2020. № 3. С. 47–69.
- Лопатина Н. С. Социокультурные аспекты формирования и функционирования коллективного хозяйствования в советской деревне: автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2003. 24 с.
- Никольский С. А. Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив / Крестьяноведение. Теории. История. Современность. Ежегодник. М., 1997. С. 223–240.
- Сухова О. А., Ягов О. В. Политика коллективизации в оценках массового сознания 1930-х – начала 1950-х гг.: динамика представлений // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2018. № 4. С. 65–73.
- Tauger M.B. Soviet Peasants and Collectivization, 1930–1939: Resistance and adaptation Collectivization // Rural Adaptation in Russia / ed. by Stephen K. Wegren. London and NY: Taylor and Francis Group, 2005. С. 65–94.

Цыбенков Базар Догсонович

кандидат исторических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

bazar75@mail.ru

Курас Леонид Владимирович

доктор исторических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

kuraslv@yandex.ru

К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАРГУТСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ДАМДИНСУРЭНА¹

Статья посвящена изучению личности баргутского общественно-политического и военного деятеля Дамдинсурэна в 1912–1917 гг. Особое внимание уделено материалам о нем из Государственного архива Иркутской области и Архива внешней политики Российской империи.

Ключевые слова: Дамдинсурэн; Барга; Внешняя Монголия; делегация; фудутун.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>

Tsybenov Bazar Dogsonovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

Kuras Leonid Vladimirovich
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

TO THE STUDY OF THE LIFE AND ACTIVITIES OF THE BARGUT SOCIO-POLITICAL AND MILITARY LEADER DAMDINSUREN

The article is devoted to the study of the Bargut socio-political and military leader Damdinsuren in 1912–1917. The authors analyzed materials from the State Archive of the Irkutsk Region and the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.

Keywords: Damdinsuren; Barga; Outer Mongolia; delegation; fudutun.

Баргуты были одними из первых монгольских этнических групп, открыто поддержавших создание нового Монгольского государства и в начале 1912 г. изгнавших из пределов Барги китайскую администрацию. Во многих военно-политических мероприятиях на территории Внешней и Внутренней Монголии принимал участие баргутский отряд во главе с непримиримым борцом за независимость всех народов монгольского корня Дамдинсурэном. О нем написано немало статей и монографий на монгольском языке (включая классическую монгольскую письменность). В 2021 г. опубликована книга Г. Мягмарсамбуу, освещающая многие моменты из жизни выдающегося всемонгольского деятеля [Тахилт, 2021б].

Дамдинсурэн родился в 1871 г. (год белой свиньи) в семье Жамсарана из рода хүйцлэг, дзангина сомона Илч хошуна Гул-Цаган восточного крыла Новой Барги. Местом рождения считается местность Цагаан хошуу, находящаяся на территории третьего сомона. Она находится к северо-востоку от Амгаланбаатара – административного центра современного Восточного хошуна Новой Барги, на левом берегу р. Оршун. Ныне на этом месте жителями хошуна воздвигнут памятник. С самого детства он отличался смекалкой, смелостью, ясным умом. Стремясь развить его качества, родители отдали в возрасте 7–8 лет в качестве ученика грамотному человеку по имени Луу бичээч. Так Дамдинсурэн выучил монгольскую и маньчжурскую письменность, в 1885 г. стал помощником писаря, в 1889 г. мобилизован в солдаты, в 1891–1903 гг. работал писарем. В 1908 г. он встречался в Пекине с М. Ханддоржем, военным губернатором Тушэту-ханского аймака Внешней Монголии [Тахилт, 2021б, с. 14–17; Кузьмин, 2021, с. 33].

Сведения о Дамдинсурэне хранятся в анонимной рукописи «Историческая справка о непрочности политического положения в Хулунбуире» из фонда 293 Государственного архива Иркутской области. В ней говорится, что в состав делегации из Хулун-Буира (Барги) входили командир 3-го сумуна белого ново-монголо-бурятского знамени, сумуну-цзангин (есаул, капитан) Дамдинсурэн, ставший во главе посольства; старшины Чжангца, Паданга, Яндабу (или Ямбалту), Бодигэрэл и писарь Гуйсаху [Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 2]. Далее в источнике отмечено, что по поводу писем Дамдинсурэна Богдо-ханом выражено было одобрение, и обнародован был указ о принятии в подданство хулунбуирских монголов. При этом правитель Хулунбуира Шенфу был возведен в княжеское достоинство 3-й степени бэйлэ; Дамдинсурэну был пожалован

титул графа (гуна) с назначением советником министерства иностранных дел; Чжангца (или Чжанчжин) и другие старшины получили чины 5-й степени, а Гуйсаху – чин 4-й степени [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 2]. Таким образом, мы видим, что делегации были оказаны почести, и вопрос о вхождении Хулун-Буира в состав Внешней Монголии решен положительно. В рукописи находит отражение и участие баргутов в военных действиях. В частности, написано, что «Между тем на юг, юго-восток и запад началась партизанская война Монголии с Китаем с заметным успехом монголов. Дамдинсурэн во главе немногочисленного отряда монгольских чинов, будучи отправлен на запад, взял 8 августа того же года штурмом китайскую крепость Кобдо» [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 3–4]. Как известно, битва за Кобдо явилась крупнейшим военным противостоянием на начальном этапе борьбы за независимость Монголии в 1911–1912 гг. В ней приняли участие монгольские войска под командованием Дамдинсурэна и Магсаржава, а также урянхайские (тувинские) добровольцы. Заслуги военачальников были высоко оценены Богдо-гэгэном: «Дамдинсурэн был награжден коричневыми поводьями и ему был пожалован наследственный титул Тушэ-гуна и звание Манлай Батора, а Магсаржаву пожалован наследственный титул Тушэ-гуна и звание Хатан Батора» [Харунова, Харунов, 2021, с. 123].

В апреле 1914 г. Дамдинсурэн присутствовал на съезде баргинских чиновников в Хайларе и отметил тайные действия амбана Шэнфу, который, по мнению военачальника, вопреки желанию народа, намеревался всеми силами способствовать присоединению округа к Китаю. По указу Богдо-гэгэна Дамдинсурэн был удостоен звания дзасака в родном хошуне Гул-Цаган, однако Шэнфу и все старшины на съезде единогласно отказались исполнять этот указ, мотивируя это тем, что звание является чисто халхаским и в Барге такого никогда не было. Поэтому Дамдинсурэн выехал из Хайлара, не дожидаясь окончания съезда [Кузьмин, 2021, с. 60; Кузьмин, 2022, с. 75–76]. В 1915 г. составе делегации Внешней Монголии он принял участие в Кяхтинской конференции. По прошествии трех месяцев он вместе с Цэндэ-гуном был отправлен в Ургу [Батсайхан, 2007, с. 243; Тахилт, 2021а, с. 62].

В фонде 299 архива внешней политики Российской империи хранится документ от 27 сентября 1917 г. № 197, отправленный из Пекина посланником (слово «императорским» зачеркнуто – *Л. К., Б. Ц.*) в Китае вице-консулу в Хайларе. В нем рассматривается вопрос о кандидатах на пост фудутуна Хулун-Буира. Выясняется, что посланник в Китае высказывался за признание фудутуном Хулун-Буира гун-амбана Аня вместе Шэнфу. Там же со ссылкой на телеграмму Генерального консула в Урге А. А. Орлова упоминается, что в Хайлар отправился из Урги министр иностранных дел Цэндэ для выставления кандидатуры Манлай-вана (Дамдинсурэна – *Л. К., Б. Ц.*) [Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 19–21]. В последующем письме от 11 октября 1917 г. за № 215 посланник в Китае дает указание вице-консулу в Хайларе ничего не предпринимать в вопросе восстановления Шэнфу в должности фудутуна Хулун-Буира, подчеркивая, что необходимо выяснить отношение к нему ново-баргут (новых баргутов – *Л. К., Б. Ц.*) [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 29]. Как мы видим, властями Внешней Монголии предпринималась попытка выставить кандидатуру Дамдинсурэна на должность фудутуна Хулун-Буира. Однако позиции даурских чиновников во главе с амбаном Шэнфу были прочны, под их влиянием находились олеты, солоны и старые баргуты. Только новые баргуты пытались проводить независимую от дауров политику, в основе которой были взаимодействие и интеграция с Внешней Монголией.

Таким образом, в российских архивах хранится ряд документов, освещающих деятельность баргутского военачальника Дамдинсурэна в период с 1912 по 1917 гг., включая руководство баргутской делегацией во Внешнюю Монголию весной 1912 г., командование монгольскими войсками при взятии крепости Кобдо, выставление кандидатуры на должность фудутуна Хулун-Буира в 1917 г.

Литература:

- Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 1. М.: Товарищество научных знаний КМК, 2021. 407 с.
- Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 2. М.: Товарищество научных знаний КМК, 2022. 260 с.
- Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш. О тувинцах в Кобдинском сражении 1912 г.: век спустя // Вестник Института востоковедения Российской академии наук. 2023. № 1(23). С. 116–126.
- Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) [Суверенитет Монголии (1911–1916) и Кяхтинский договор 1915 г. между Китаем, Россией и Монголией]. Улаанбаатар: «Адмон» компанид хэвлэв, 2007. 317 х.
- Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу. Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он). Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг», 2021а. 335 х.
- Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу. Баргын түүх, угсаатны зүй. Гутгаар боть. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг», 2021б. 269 х.

Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич
доктор филологических наук
Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва
Кызыл, Российская Федерация
bka.hural@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ТУВЫ КАК ЧАСТЬ ЕДИНОГО ПРАВОГО ПОЛЯ РОССИИ

За 100 лет Тува разработала и приняла 10 конституций. В настоящее время конституционное строительство Республики Тыва стала неотъемлемой частью единого правового поля Российской Федерации.

Ключевые слова: Урянхай; Тува; Россия; конституция.

Bicheldey Kaadyr-ool Alekseevich
Doctor of Sciences in Philology
Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tyva
Kyzyl, Russian Federation

CONSTITUTIONAL CONSTRUCTION OF TUVA AS PART OF A SINGLE RIGHT FIELD OF RUSSIA

For 100 years, Tuva has developed and adopted 10 constitutions. At present, the constitutional construction of the Republic of Tyva has become an integral part of the single legal field of the Russian Federation.

Keywords: Uriankhai; Tuva; Russia; constitution.

Конституции Тувы разных периодов к настоящему времени стали историко-политическими документами, знание и изучение которых необходимо как для анализа определенных исторических событий, так и для видения будущих перспектив и выбора приоритетов дальнейшего развития государственности нашего народа.

В период ТНР было приняты и действовали 7 конституций – 1921, 1923, 1924, 1926, 1930, 1936, 1941 гг. [История Тувы, 2007, с. 126–130; Свод Конституций Тувы, 2022, с. 14–27, 28–37, 38–40, 41–55, 56–73, 74–85, 86–119]. В архивах имеется текст Конституции, подготовленный в 1936 г., однако в связи с некоторыми политическими событиями,

связанными с началом репрессий в отношении «врагов народа», в том числе руководящих кадров молодой республики, данный проект не был принят и, соответственно, обнародован. Однако многие положения проекта Конституции 1936 г. использовались в жизни ТНР до принятия следующей Конституции в 1941 г.

Развитие и совершенствование федеративных отношений в Российской Федерации, необходимость сохранения целостности государства в условиях глобальных мировых вызовов – политических, экономических, экологических, необходимость укрепления вертикали власти и расширения горизонтальных связей между субъектами федерации потребовали пересмотра ряда основополагающих положений Конституции РТ 1993 г., и в 2001 году на всенародном референдуме была принята новая Конституция Республики Тыва, действующая и по сей день [Там же, с. 282–398].

Таким образом, за весь период развития и совершенствования конституционного процесса в Туве, имевшей в разные периоды разные правовые формы национально-государственного статуса, официально были приняты 9 Основных законов, а действовали с учетом Конституции ТНР 1936 г. – 10 конституций.

После Октябрьской 1917 г. революции в Туве были проведены совещания по вопросам дальнейшей судьбы и национального самоопределения тувинского народа [Конституции Тувы, 1999, с. 3–23]. В результате 14 августа 1921 г. на Всетувинском учредительном Великом Хурале представителей всех кожуунов Тувы была провозглашена независимая Народная Республика Танну-Тува Улус (народа Урянхая) и принята первая Конституция ТНР [Свод Конституций Тувы, с. 14–27].

В октябре 1923 г. II Великий Хурал утвердил «Основные законы ведения политической работы народного правительства Танну-Тувинской Народной Республики». Этот документ, вторично провозгласивший ТНР как самостоятельное государство, фактически стал второй Конституцией Тувинской Народной Республики [Там же, с. 28–37].

В октябре 1924 г. III Великий Хурал принял третью Конституцию республики, которая развивала положения первых двух о правах граждан. В данной Конституции получила четкое определение система высших органов государственной власти и управления: Великий Хурал, Малый Хурал, Президиум Малого Хурала, Совет Министров и министерства [Там же, с. 38–40].

Четвертая Конституция ТНР была принята в ноябре 1926 г. IV Великим Хуралом. Впервые в тексте Основного закона появляется преамбула в виде Введения. Отдельным разделом введена Декларация прав трудящегося народа, в которой впервые вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства объявляются общенародным достоянием [Там же, с. 41–55].

VII Великий Хурал, состоявшийся в октябре 1930 г., принял пятую Конституцию ТНР [Там же, с. 56–73], которая развила своими положениями основанный в предыдущей Конституции некапиталистический путь развития и заявила об «осуществлении социализма». Реалии государственного экономического управления 30-х гг. XX в. побудили разработчиков Конституции ввести совершенно новый институт – институт Государственного контроля.

VIII Великий Хурал (1935 г.) принял решение о подготовке в изменившихся условиях проекта новой Конституции ТНР. Проект Конституции был готов уже в июне 1936 г. и был рассмотрен Президиумом ЦК ТНРП и рекомендован к принятию Великим Хуралом [Там же, с. 74–85]. Данный проект Конституции так и не был принят в связи с развернувшимися политическими репрессиями, под которые из руководства подпали, в том числе, и разработчики этого проекта. Тем не менее, до принятия следующей Конституции 1941 г. основные положения Конституции 1936 г. применялись в жизни республики, в этой связи невозможно исключить ее из процесса конституционного строительства Тувы.

Политические события конца 1930-х – начала 1940-х гг., а также социально-экономические проблемы ТНР поставили во главу угла необходимость разработки новой

Конституции. В связи с этим был разработан и впервые опубликован для всенародного обсуждения проект седьмой Конституции ТНР. Она была принята в первые дни вторжения в братский Советский Союз фашистской Германии. 22–25 июня 1941 г. [Там же, с. 86–119]. X Великий Хурал ТНР принял Декларацию об участии в войне против гитлеровской Германии, обсудил и утвердил 25-го июня новую Конституцию республики. В тот же день впервые в Туве было проведено празднование Дня Конституции.

17 августа 1944 г. VII сессия Малого Хурала ТНР приняла Декларацию «О вхождении Тувинской Народной Республики в состав Советских Социалистических Республик» и обратилась в Верховный Совет СССР с ходатайством принять ТНР в состав СССР на правах автономной области РСФСР. Президиум Верховного совета СССР Указом от 11 октября 1944 г. удовлетворил ходатайство и предложил Верховному Совету РСФСР принять ТНР в состав РСФСР на правах автономной области [История Тувы, 2016, с. 7–14].

Вопрос о дальнейшем совершенствовании формы государственности был решен путем преобразования Тувинской автономной области в автономную республику Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 октября 1961 г. «О преобразовании Тувинской Автономной области в Тувинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику». Этот акт был санкционирован одноименным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 октября 1961 г. и окончательно утвержден 8 декабря 1961 г. Законом СССР [Там же, с. 166–168].

В 1978 г. была принята Конституция Тувинской Автономной Советской Социалистической Республики [Свод Конституций Тувы, 2022, с. 206]. Как неотъемлемый атрибут национально-государственного образования Конституция Тувы 1978 г., несмотря на формальность многих ее положений, стала важнейшей предпосылкой к дальнейшему развитию конституционного процесса и созданию в постсоветское время новой тувинской государственности – республики (государства) в составе Российской Федерации.

Дальнейшие политические события логично привели к принятию в 1993 г. нового Основного закона Тувы – Конституции Республики Тыва [Там же, с. 208–281]. Историческая особенность этой Конституции состоит в том, что в ней использован весь опыт конституционного строительства Тувы, а также соответствующий опыт зарубежных стран. Новый Основной закон республики более совершенен по структуре и содержанию, имеет необходимые компактные разделы, в достаточной степени учитывает национальный фактор, особенности исторического развития, уклад жизни, традиции, быт и культуру тувинского народа. В ней нашли отражение основные принципы Декларации о государственном суверенитете республики. Прежде всего в Конституции 1993 г. были закреплены нормы о создании профессионального парламента – Верховного Хурала Республики Тыва – представительного и законодательного органа государственной власти. Конституция Республики Тыва 1993 г. заложила систему местного самоуправления в виде традиционных для Тувы территориальных единиц – городов, кожуунов, сумонов, поселков и арбанов.

В целях устранения несоответствий с Конституцией Российской Федерации была разработана новая Конституция Республики Тыва. Проект Конституции прошел общественное обсуждение и был принят 6 мая 2001 г. на всенародном референдуме [Там же, с. 282–398]. Новая Конституция республики переняла все лучшее из предыдущей Конституции, в ней преодолены разногласия с Конституцией Российской Федерации.

Таким образом, обзор и анализ Основных законов Тувы показывает, что конституционный процесс логично вел к усовершенствованию законодательной основы существования и развития нашей республики. Десять Конституций Тувы, принятых, действовавших и действующей в настоящее время, «генетически» связаны между собой и отражают весь процесс конституционно-правового развития и конституционного строительства в новейшей истории Тувы. В настоящее время Конституция Республики Тыва стала неотъемлемой составной частью конституционного строительства и правового поля Российской Федерации.

Литература:

История Тувы: в 3-х т. Т. 2. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.

История Тувы: в 3-х т. Т. 3. Новосибирск: Наука, 2016. 455 с.

Конституции Тувы. 1921–1993 гг.: сб. к 55-лет. принятия Тувы в состав СССР и РСФСР // сост. В. А. Дубровский; отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1999. 216 с.

Свод Конституций Тувы // Собрание Конституций Тувы. Абакан, ООО «ИПП «Журналист», 2022.

Нолев Евгений Владимирович

кандидат исторических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

nolev@inbox.ru

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ БУРЯТИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ¹

В статье рассмотрены региональные законотворческие инициативы в области развития научного потенциала молодежи Республики Бурятия, воплощенные в республиканских законах. Отдельное внимание уделяется организации системного процесса подготовки законопроектов, проведению заседаний рабочих групп и круглых столов с участием молодых ученых.

Ключевые слова: Республика Бурятия; молодые ученые; Народный Хурал Республики Бурятия.

Nolev Evgenii Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Ulan-Ude, Russian Federation

YOUNG SCIENTISTS OF BURYATIA: REGIONAL EXPERIENCE IN IMPLEMENTING LEGISLATIVE INITIATIVES IN THE FIELD OF DEVELOPING THE SCIENTIFIC POTENTIAL OF YOUTH

The article considers regional legislative initiatives in the field of developing the scientific potential of the youth of the Republic of Buryatia, embodied in republican laws. Special attention is paid to the organization of a systematic process of drafting laws, holding meetings of working groups and round tables with the participation of young scientists.

Keywords: Republic of Buryatia; young scientists; People's Khural of the Republic of Buryatia.

9 марта 2021 г. министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков на встрече с Президентом РФ В. В. Путиным предложил законодательно закрепить статус молодых ученых, обозначив системную проблему отсутствия четкого единообразного определения понятия и правового статуса молодых ученых. Данное предложение было направлено на упорядочивание мер государственной поддержки и усиление их эффективности, а также

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

повышение престижности профессии ученого. Президент поддержал идею, отметив, что государство должно проявлять заботу об ученых всех поколений, но молодые ученые нуждаются в особой поддержке, поскольку делают первые шаги в науки [Стенограмма, 2021]. В настоящее время законопроект проходит обсуждение в Государственной Думе РФ. Стоит отметить, что закрепление статуса молодых ученых на законодательном уровне в Республике Бурятия стало одним из первых успешных опытов решения данного вопроса в России.

Необходимость законодательного закрепления статуса молодых ученых на республиканском уровне впервые была обозначена на парламентских слушаниях на тему «Молодежный ресурс в развитие экономики Бурятии», прошедших в Народном Хурале РБ 19 мая 2016 г. Инициатором проведения мероприятия выступил Комитет Народного Хурала РБ по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям под руководством д.и.н. Ц. Б. Батуева. В рамках одного из ключевых направлений парламентских слушаний, обозначенного как «молодые ученые в экономике Бурятии», в стенах Народного Хурала была организована выставка молодежных инновационных проектов, иллюстрирующая достижения в различных сферах: от плазменной переработки техногенных, бытовых и медицинских отходов до разработки туристических этнопроектов.

На пленарном заседании был заслушан доклад к.э.н. А. Б. Аюрзанайна, к.и.н. Е. В. Нолева, И. В. Беломестнова «Научный потенциал молодежи развитию экономики Республики Бурятия». Резолюция парламентских слушаний стала отправной точкой по разработке и принятию закона о молодых ученых. По мнению авторов, закон должен был не только закрепить статус и меры поддержки молодых ученых, но также сформулировать предметное понимание роли и задач научной молодежи в развитии региона и государства. Комментируя начавшийся процесс по подготовке проекта закона, председатель профильного комитета Народного Хурала РБ, д.и.н. Ц. Б. Батуев акцентировал внимание на стремлении к функциональности и эффективности будущего документа и соответствующих трудностях на пути законотворческой инициативы: «На сегодняшний день мы не можем напрямую поднять заработную плату аспирантам, соискателям, кандидатам наук. Мы не можем выделять квартиры, места в детсадах и дополнительные соцпакеты. Но другой вопрос – необходимость выработки документа и желательность закона более чем актуально. И еще вопрос – содержание этого закона должно быть сложносоставным, потому что, прежде всего, надо будет говорить о качестве образования в наших сельских школах, да и в целом в школах, о воспитании интереса к научной деятельности... Поэтому на перспективу, но и в то же время, чтобы он давал отдачу в ближайшее время, такой проект закона надо разрабатывать» [Дабаин, 2017].

В разработке законопроекта принимали участие депутаты Народного Хурала Республики Бурятия: академик РАН Б. В. Базаров, д.и.н. Ц. Б. Батуев, И. В. Марковец, О. Н. Бухольцева, а также молодые ученые: к.и.н. Е. В. Нолев, к.э.н. А. Б. Аюрзанайн, д.э.н. Е. Ю. Итыгилова, к.фарм.н. О. С. Очиров, к.х.м. А. К. Субанакон и др. Неоднократно проводились консультации с ведущими специалистами профильных министерств: Министерства спорта и молодежной политики РБ и Министерства образования и науки РБ.

Системно организованный процесс работы над документом сопровождался широким обсуждением инициатив в сфере развития научного потенциала молодежи республики. С этой целью 11 марта 2016 г. на базе Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления было организовано рабочее совещание депутатов Народного Хурала с молодыми учеными региона в рамках проведения Инновационной площадки

«Научный потенциал молодежи развитию экономики Республики Бурятия». 17 января 2017 г. прошло рабочее совещание на тему: «Развитие малых инновационных предприятий (МИПов) и Центров молодежного инновационного творчества (ЦМИТов) в Республике Бурятия». 3 марта 2017 г. в Народном Хурале Республики Бурятия состоялся круглый стол «Молодые ученые – научный и стратегический ресурс республики». На заседании были рассмотрены вопросы о востребованности исследований и разработок молодых ученых в регионе, важности поддержки фундаментальных исследований, роли гуманитарных наук в современном обществе, профорientации и популяризации научной деятельности. Среди предложений резолюции по итогам круглого стола необходимо отметить идеи, не утратившие свою актуальность и сегодня: 1) сформировать механизмы финансирования научных исследований (в том числе фундаментальных и поисковых), направленных на решение актуальных научных, научно-технических и гуманитарных задач, стоящих перед Республикой Бурятия; 2) Рассмотреть возможность участия научных коллективов (с долей участия молодых ученых не менее 50%) в разработке комплексных программ стратегического развития муниципальных районов Республики Бурятия. С 14 по 17 апреля 2017 г. на базе ВСГУТУ была проведена Инвестиционная сессия молодых ученых Бурятии «Научный потенциал молодежи – импульс развития». 26 июня 2018 г. Комитетом Народного Хурала РБ по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям на базе Авиационного техникума был организован круглый стол на тему «Молодые ученые Республики Бурятия: достижения и задачи на будущее». В рамках заседания состоялось обсуждение вопросов развития научных исследований и инновационной деятельности молодежи, в том числе студентов и преподавателей сузов. В числе рекомендаций, вошедших в итоговую резолюцию, следует отметить предложения совершенствования муниципального государственного заказа с целью определения задач для молодых ученых и разработки механизмов по привлечению молодых ученых и специалистов на предприятия республики, имеющих государственную поддержку или участвующих в реализации значимых инвестиционных проектов.

Итогом двухлетней работы стало принятие в марте 2018 г. Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в части определения статуса молодых ученых». Законодательно была закреплена категория: «молодые ученые – сотрудники образовательной или научной организации, имеющие ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет, или ученую степень доктора наук в возрасте до 40 лет, либо являющиеся исследователями, аспирантами или преподавателями образовательной организации без ученой степени в возрасте до 30 лет». Принципиальным отличием от определения, закрепленного в «Основах государственной молодежной политики» [Основы..., 2014, с. 2–3], стала расширительная трактовка понятия «сотрудники образовательных организаций», обеспечивающая распространение мер поддержки молодых ученых на преподавателей и научно-ориентированных студентов сузов и школьных учителей, проводящих научные исследования, создавая основу для более полной интеграции указанных специалистов в региональную науку. Также в число приоритетных целей государственной молодежной политики в регионе была включена: «реализация инновационного и научного потенциала молодежи в целях социально-экономического, научного и стратегического развития Республики Бурятия», а в качестве одной из основных задач закреплено обеспечение и развитие мер поддержки молодых ученых [Закон РБ № 2866-V, 2018].

Благодаря принятию Закона и исполнению рекомендаций круглых столов уже год спустя Советом молодых ученых РБ при поддержке Министерства спорта и молодежной

политики РБ был проведен Республиканский конкурс научно-исследовательских работ. В основу определения ключевых направлений конкурса вошли предложения министерств и ведомств по актуальным задачам регионального развития, требующих научного подхода. Молодые ученые, победившие в трех направлениях: природопользование, туризм и сельское хозяйство – получили гранты в размере 60 тыс. руб. на реализацию своих идей. В результате к.т.н. П. Н. Гуляшиновым совместно с коллегами был разработан способ переработки алюмокалиевых руд; к.и.н. А. С. Бреславским была создана модель геокультурных образов Улан-Удэ, ставшая впоследствии основой научно-популярного путеводителя по столице республики [Бреславский, 2019]; Н. А. Васильевой был получен новый сорт жимолости, максимально адаптированный к природным условиям Бурятии.

30 декабря 2020 г. был принят Закон «О молодежной политике в Российской Федерации», где отсутствует понятие «молодой ученый» и верхняя граница возраста молодежи определена тридцатью пятью года. Принимая Закон «О молодежной политике в Республике Бурятия», депутаты республиканского парламента сохранили категорию «молодой ученый», а также, руководствуясь п. 3. ст. 6. Федерального закона закрепили возраст молодых докторов наук – 40 лет [Закон РБ № 1903-IV, 2021, с. 1].

Источники и литература:

Бреславский А. С. Улан-Удэ: путеводитель по знаковым местам и истории города. Иркутск. Изд-во «Отгиск», 2019. 148 с.

Дабаин Б. Развитие экономики Бурятии: нужен акцент на молодёжный ресурс // Буряад Үнэн. 22 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://burunen.ru/news/politics/53414-razvitie-ekonomiki-buryatii-nuzhen-aktsent-na-molodyezhnyu-resurs/> (дата обращения 01.02.2023).

Закон РБ № 2866-V от 07 марта 2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в части определения статуса молодых ученых». Улан-Удэ, 2018. 2 с.

Закон РБ № 1903-IV от 20 декабря 2021 г. «О молодежной политике в Республике Бурятия». Улан-Удэ, 2021. 8 с.

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. М., 2014. 16 с.

Стенограмма встречи с Министром науки и высшего образования Валерием Фальковым // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/65110> (дата обращения 01.02.2023).

РАЗДЕЛ 3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ДОСТИЖЕНИЯ, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Дондоков Зорикто Бато-Дугарович
доктор экономических наук
Бурятский научный центр СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
dzorikto@mail.ru

100 ЛЕТ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БУРЯТИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Проведен анализ экономического развития Бурятии по различным периодам. Сделан вывод о высокой значимости результатов индустриализации для экономики Республики Бурятия. Описаны проблемы развития республики при переходе к рынку.

Ключевые слова: Бурятия; плановое развитие; индустриализация; рынок; отрасли.

Dondokov Zorikto Bato-Dugarovich
Doctor of Sciences in Economics
Buryat Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

100 YEARS OF THE ECONOMY DEVELOPMENT IN BURYATIA: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

The analysis of the economic development of Buryatia for different periods has been carried out. The conclusion is made about the high significance of the results of industrialization for the economy of the Republic of Buryatia. The problems of the development of the republic during the transition to the market are described.

Keywords: Buryatia; planned development; industrialization; market; industries.

30 мая 2023 г. исполняется 100 лет со дня образования Бурят-Монгольской АССР. В развитии республики можно выделить два больших периода, коренным образом отличавшихся друг от друга: советский (1923–1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г.).

Советский период в целом характеризовался плановым развитием экономики и социальной сферы. В нем можно выделить несколько этапов. К началу образования республики промышленное производство фактически отсутствовало, а сельское хозяйство по уровню развития значительно отставало по сравнению с центральной частью страны. В условиях недостаточности инвестиционных ресурсов и низкого платежеспособного спроса населения и предприятий в течение первоначального периода (1923–1928 гг.) значительных изменений в структуре и темпах развития экономики Бурят-Монголии не наблюдалось.

Коренным образом положение дел в республике, как и во всей стране, изменилось с переходом на плановое развитие экономики. В период реализации первых пятилетних планов (1929–1941 гг.) фактически была создана промышленность Бурят-Монгольской АССР. В годы 1-й пятилетки были введены в строй механический литейный завод, два лесопильных завода, началось строительство стекольного завода, мясокомбината,

мельничного комбината и паровозо-вагонного ремонтного завода [Доржиев, 1935, с. 10]. В довоенный период были введены в строй промышленные предприятия союзного значения, включая авиационный завод, вольфрамо-молибденовый комбинат. Большие изменения произошли и в других отраслях экономики. Многократно увеличилось производство продукции растениеводства в результате механизации сельскохозяйственных работ и проведения агротехнических мероприятий. Значительно возросли объемы грузооборота и жилищного строительства. В целом за исторически незначительный срок Бурят-Монголия из отсталого аграрного региона превратилась в аграрно-индустриальную республику.

В период Великой отечественной войны (1941–1945 гг.) произошел перевод экономики на военный лад. Резко изменилась номенклатура выпускаемых изделий, осваивались новые виды продукции, включая производство военных самолетов, боеприпасов, обмундирования и другой продукции для нужд фронта. В отраслях, не связанных с военной продукцией, произошел значительный спад.

В первые послевоенные годы приоритетной задачей экономического развития СССР стало восстановление народного хозяйства, разрушенного в западной части страны. В условиях недостаточности финансовых ресурсов темпы экономического роста в восточных регионах Советского Союза, включая Бурятию, в целом были существенно ниже, чем в довоенный период.

Значительное развитие экономика республики получила в 1960-е гг. Были построены и начали выпуск продукции крупные промышленные предприятия, включая Улан-Удэнское приборостроительное объединение, Новобрянский головной ремонтный завод, Кяхтинскую прядильно-трикотажную фабрику, Улан-Удэнскую фабрику первичной обработки шерсти, завод «Теплоприбор». Мощным импульсом экономического развития Бурятской АССР стало строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, обеспечившее загрузку завода металлических мостовых конструкций. До конца 1980-х гг. в республике практически ежегодно вводились в строй новые или модернизировались действовавшие промышленные предприятия. Среди них Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат, Гусиноозерская ГРЭС, Улан-Удэнская кондитерская фабрика, Холбольджинский и Тугнуйский угольные разрезы. Динамично развивались и другие отрасли экономики Бурятской АССР.

С началом перестройки в Советском Союзе и последовавшим за ней распадом страны Бурятия попала в сложное положение. Произошел разрыв хозяйственных связей с бывшими союзными республиками СССР и странами СЭВ. На смену плановым принципам ведения хозяйства с гарантированными объемами поставок ресурсов и сбыта выпускаемой продукции пришла рыночная экономика. В условиях открытой экономики и отмены государственной поддержки многие предприятия республики оказались неконкурентоспособными и закрылись.

В связи с кардинальным изменением оборонной доктрины, повлекшей резкое сокращение спроса на военную продукцию, в наиболее сложном положении оказались предприятия оборонно-промышленного комплекса, включая авиационный завод, приборостроительное объединение, Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат. Сокращение дотирования сельского хозяйства привело к закрытию многих предприятий отрасли и смежных производств, включая комбикормовое производство, пищевую и легкую промышленность. Прекратили существование «планово-убыточные» предприятия, решение о размещении которых в Бурятии исходило не только по экономическим мотивам (Бурятферммаш, Усть-Баргузинский рыбоконсервный завод, судостроительный завод). Некоторые производства стали жертвой изменения спроса на продукцию в последние десятилетия. Рост потребления одежды из искусственных волокон привел к снижению спроса изделий из шерсти и шкур животных и, как следствие этого, к закрытию

тонкосуконной мануфактуры и зверосовхоза. Истощение доступных лесных ресурсов и введение жестких экологических ограничений на Байкальской природной территории негативно сказалось на деятельности предприятий лесозаготовки и деревообрабатывающей промышленности. Аналогичная ситуация сложилась и в рыболовстве.

Достаточно стабильно в постсоветский период работали предприятия базовых отраслей экономики, в том числе энергетики, транспорта, связи, жилищно-коммунального хозяйства. Увеличивались объемы добычи угля и золота. На фоне неустойчивой работы производственных отраслей бурно развивалась сфера услуг. В целом основу реального сектора экономики Республики Бурятия продолжают составлять крупные промышленные предприятия, созданные в советский период.

На экономическое развитие Бурятии значительное влияние оказали внешние факторы, включая дефолт России в 1998 г., мировой экономический кризис 2008 г., ухудшение геополитической ситуации и введение экономических санкций в 2014 г.

На протяжении последних десятилетий отставание Республики Бурятия по уровню развития экономики увеличилось. Так, если в 1998 г. значение показателя «валовой региональный продукт на душу населения» республики составлял 71,3% от среднего по России, в 2020 г. – 52,1 %, а в 2021 г. – 41,9 %.

В целом, несмотря на определенные успехи республики в 2022 г., включая первое место среди регионов России по индексу выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности, составившего 117,3%, положение дел в экономике Бурятии остается сложным.

Литература:

Доржиев Д. Д. Итоги социалистического строительства Бурят-Монгольской АССР и перспективы ее хозяйственного и культурного развития во втором пятилетии / Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Труды Первой Конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР / Акад. наук СССР. Совет по изучению производительных сил (СОПС). Совет нар. ком. Бурят.-Монгол. АССР. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. С. 9–25.

Николаев Василий Владимирович

кандидат исторических наук

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Российская Федерация

nikolaevvv06@mail.ru

ИСТОРИЯ УРБАНИЗАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ (XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.)¹

Исследование посвящено урбанизации алтайцев, кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, тувинцев, тувинцев-тоджинцев, хакасов, челканцев, шорцев. Урбанизация коренных народов происходила асинхронно, сравнительно поздно и в пределах региона проживания.

Ключевые слова: коренные народы; Южная Сибирь; урбанизация.

¹ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.

Nikolaev Vasily Vladimirovich
Candidate of Sciences in History
Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

HISTORY OF URBANIZATION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SOUTHERN SIBERIA (XIX – EARLY XXI CENTURIES)

The study is devoted to the urbanization of Altaians, Kumandins, Telengits, Teleuts, Tubalars, Tuvans, Tuvans-Todzhins, Khakass, Chelkans, Shors. The urbanization of indigenous peoples occurred asynchronously, relatively late and within the region of residence.

Keywords: indigenous peoples; Southern Siberia; urbanization.

Тема урбанизации коренных народов Южной Сибири (алтайцев, кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубаларов, тувинцев, тувинцев-тоджинцев, хакасов, челканцев, шорцев) слабо разработана в отечественной этнографии, демографической и исторической науках. Этнографические исследования традиционно ориентировались на описание сельских сообществ. Сравнительная малочисленность коренного населения обуславливает их игнорирование в демографических и исторических работах. Труды, освещающие урбанизацию коренных народов Южной Сибири, немногочисленны [Бреславский, 2019; Кривоногов, 2011; Тиникова, 2018 и др.]. Исследователей в основном интересует современное положение дел.

Целью настоящего исследования стала характеристика урбанизации коренных народов Сибири и Дальнего Востока в течение XX – начала XXI вв., а также причин и последствий их миграции в город. Источниковой базой исследования были материалы Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002 и 2010 гг.) переписей населения.

В ходе расширения Российского государства на Восток основывались крепости, крестьянская колонизация приводила к изменению расселения коренного населения. Большая часть коренных жителей устремлялась в труднодоступные места (тайгу, тундру и т.д.), другие, напротив, концентрировались вокруг русских поселений и крепостей. На протяжении XVIII–XIX вв. формировались предпосылки урбанизации народов Южной Сибири, чему способствовали практики администрирования и прозелитизма Русской православной церкви. В частности, создание церковной школьной сети [Асочакова, 2008, с. 151; Николаев, 2009, с. 216].

На протяжении первой половины XX в. росла численность горожан из числа коренного населения. В 1926 г. в городах проживало алтайцев 1089 чел. (2,7% от общей численности), кумандинцев – 8 чел. (0,1%), телеутов – 7 чел. (0,4%), хакасов – 492 чел. (1,1%), шорцев – 83 чел. (0,7%). К следующей переписи 1939 г. численность горожан выросла в несколько раз: алтайцы – 4244 чел. (8,9%), хакасы – 6669 чел. (12,6%), шорцы – 1813 чел. (11,2%). Остальные народы учитывались в составе алтайцев до 2002 г.

На этом этапе темпы урбанизации были незначительны. Рост числа горожан определялся изменением статуса поселений в ходе образования национальных административных единиц. Политика «коренизации» управленческого аппарата, формирование национальных кадров в культурно-просветительской и образовательных сферах способствовали притяжению в города учащейся молодежи.

Уже в 1930-е гг. наметился новый фактор, влияющий на урбанизацию коренных народов, – индустриальное развитие восточных регионов страны. В первую очередь

индустриализация затронула территорию современной Кемеровской области, где традиционно проживали телеуты и шорцы.

Масштабный характер индустриализация в Сибири приобрела в послевоенные годы. Учитывая, что численность коренного населения была «совершенно недостаточной» для решения задач индустриального развития восточных регионов, было принято решение о «принудительном переселении и “укрупнении”» в совхозы [Слезкин, 2008, с. 383, 385]. Основные мероприятия были проведены в 1950–1960-е гг., когда происходило преобразование колхозов в совхозы, население перемещалось уже из «неперспективных» деревень в крупные села, происходил упадок традиционного хозяйства вследствие промышленного освоения.

В Южной Сибири возведение промышленных объектов и разработка месторождений природных ископаемых происходила активно в Кемеровской области, где сформировалась плотная сеть городов. Новые города поглощали близлежащие шорские улусы; их жители автоматически становились горожанами.

В этот период в целом в стране была широко распространена практика искусственного, сугубо административного градообразования, когда статус поселка городского типа (пгт) присваивался всем крупным сельским райцентрам [Попов, 2005, с. 217]. В частности, в Хакасской АО в 1930–1970-е гг. появилось более двух десятков пгт, а в Горно-Алтайской АО – Акташ, Сейка и Чемал получили статус пгт. В 1944 г. в состав СССР была включена Тува, а уже в 1945 г. Чадан получил статус города, а Бай-Сют, Нарын, Харал и Эми – поселка городского типа.

Благодаря развитию транспортной инфраструктуры и изменению статуса поселений города стали «ближе», предлагая качественно иной уровень жизни как в социально-экономическом, так и культурно-бытовом плане. Одновременно происходило улучшение бытовых условий на селе, способствуя адаптации аборигенов к новым социально-экономическим реалиям.

Как следствие происходивших преобразований особенно заметно выросла численность горожан среди шорцев: в 1959 г. – 6455 чел. (42,3%), в 1970 г. – 8430 чел. (51,1%), в 1979 г. – 10626 чел. (66,3%), в 1989 г. – 12293 чел. (73,8%). Часть телеутов, проживающих в Кемеровской области, скорее всего также, как и шорцы, интенсивно урбанизировались. В 1960–1970-е гг. значительная часть кумандинцев перебралась в город. Перемещение алтайцев, тувинцев и хакасов в город было менее активным: 1959 г. – 4805, 8988 и 10738 чел. (10,6, 9 и 19%), в 1970 г. – 8229, 23879 и 17142 чел. (14,7, 17,1 и 25,7%), в 1979 г. – 10928, 37327 и 24850 чел. (18,2, 22,5 и 35,1%), в 1989 г. – 13630, 65983 и 34736 чел. (19,3, 31,9 и 43,2%). Рабочая и учебная миграция во второй половине XX в. стали ведущими факторами урбанизации.

Следующий этап урбанизации был сопряжен с комплексом этнокультурных и социально-экономических процессов 1990-х гг. Прописанные в законодательстве преференции для коренных малочисленных народов привели к динамичным изменениям их численности в последние десятилетия. Как следствие этническая идентичность в этот период отличалась подвижностью, обусловленной этническим фактором, а не естественным и механическим движением населения [Богоявленский, 2012].

Данные по городскому населению были особенно динамичны. В городах ассимиляционные процессы в предшествующие десятилетия протекали более интенсивно, чем в сельской местности; межэтнические браки были широко распространены. Если в предшествующие годы коренное население мигрировало в основном в близлежащий город, то на данном этапе происходит более широкое расселение в первую очередь тех, кто родился в городе и был более интегрирован в российское сообщество.

По итогам переписи 2002 г. урбанизационный переход совершили не только шорцы (9939 чел. или 71,1%), но и кумандинцы (1704 чел. или 54,7%). В 2010 г. численность горожан среди кумандинцев заметно сократилась до 1400 чел. (48,4%) во многом вследствие муниципальных изменений, колебались и показатели у шорцев – 9353 чел. или 72,6 %. В

1990–2000-е гг. абсолютные и относительные показатели незначительно менялись у алтайцев, тувинцев и хакасов: в 2002 г. – 13897, 107850 и 32743 чел. (20,7, 44,3 и 43,3%), в 2010 г. – 16027, 129035 и 31572 чел. (23,8, 48,9 и 43,3%). Незначительный прирост количества горожан среди телеутов (с 1142 чел. в 2002 г. до 1198 чел. в 2010 г.) и относительно высокие показатели урбанизации (43,1% в 2002 г. и 45,3% в 2010 г.) указывают на то, что интенсивная миграция в города была в прошлые десятилетия.

Теленгиты, тубалары и челканцы только вступили на путь урбанизации: в 2002 г. – 115 (4,8%), 150 (9,6%) и 135 чел. (15,8%), в 2010 г. – 300 (8,1%), 357 (18,2%) и 231 чел. (19,6%) соответственно проживало в городах. Самым слабоурбанизированным коренным народом не только Южной Сибири, но и в целом Сибири и Дальнего Востока являются тувинцы-тоджинцы: в 2002 г. 7 чел. (0,2%), а в 2010 г. 4 чел. (0,2%) являлось горожанами. Столь позднее включение этих народов в процесс урбанизации связан как с неразвитостью городской сети в Республике Алтай, так и слабой индустриализацией региона.

Таким образом, в силу относительной замкнутости аборигенных сообществ, обусловленного слабым знанием русского языка и низким уровнем образования, отмечается более позднее их вовлечение в миграционный поток «село–город». Основным фактором урбанизации стало промышленное освоение Южной Сибири, в аграрных регионах большое значение имели практики формирования национальных кадров и образовательные стратегии коренных жителей. Коренное население из сел перемещалось в основном в близлежащие города. Некоторые населенные пункты меняли статус с сельского на городской или поглощались в ходе расширения городских границ.

Урбанизация коренного населения Южной Сибири характеризуется асинхронностью, а также незавершенностью как по количественным, так и качественным параметрам. За исключением шорцев и кумандинцев (по данным на 2002 г.), остальные коренные народы региона остаются слабо- и среднеурбанизированными. Тувинцы-тоджинцы фактически еще не вовлечены в урбанизационные процессы.

Литература:

- Асочакова В. Н. Христианизация хакасов в XVIII в. – 1861 г. (до образования Енисейской епархии). Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. 248 с.
- Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп. 2012. № 531–532. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema02.php> (дата обращения: 18.05.2021).
- Бреславский А. С. Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) // Урбанистика. 2019. № 1. С. 58–67.
- Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI в.: современные этнические процессы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2011. 249 с.
- Николаев В. В. Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2009. № 3. С. 213–223.
- Попов Р. А. Урбанизированность регионов России во второй половине XX в. // Россия и ее регионы в XX в.: территория–расселение–миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 215–244.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала России и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозр., 2008. 512 с.
- Тиникова Е. Е. Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX – начале XXI в. // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 235–257.

Мададаева Галина Ивановна
Улан-Удэ, Российская Федерация
badma4777@gmail.com

Кириченко Светлана Викторовна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
l-a-n-a@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1930-Х ГГ.

В данной статье речь идет об истории проведения мероприятий по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР, власти которой были заинтересованы в научном обосновании возможности и необходимости промышленного освоения территории республики.

Ключевые слова: Академия наук СССР; Совет по изучению производительных сил (СОПС); конференция; Бурят-Монгольская АССР.

Madadayeva Galina Ivanovna
Ulan-Ude, Russian Federation

Kirichenko Svetlana Victorovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

STUDY OF THE PRODUCTIVE FORCES OF THE BURYAT-MONGOL ASSR IN THE 1930S

This article deals with the history of activities to study the productive forces of the Buryat-Mongol ASSR, whose authorities were interested in scientific justification of the possibility and necessity of industrial development of the republic's territory.

Keywords: USSR Academy of Sciences; Council for Study of Productive Forces (CSPS); conference; Buryat-Mongol ASSR.

В 1930 г. Академией наук СССР был создан Совет по изучению производительных сил (СОПС), который осуществлял координацию деятельности академических учреждений, организовывал экспедиции, конференции и совещания по изучению природных ресурсов различных территорий страны на протяжении трех десятилетий [Красильников, 1999, с. 3; Совет по изучению ..., 2005, с. 12]. Основным механизмом согласования работы СОПС с заинтересованными ведомственными организациями и представителями региональных властей выступал созыв научных конференций и совещаний, посвященных изучению производительных сил отдельных регионов СССР [Свержевская, 2013, с. 139].

Еще в 1925 г. вопрос научного изучения Бурятии поднимался Бурят-Монгольским представительством в Москве. 26 декабря 1925 г. Госплан БМАССР обратился в АН СССР с ходатайством за № 2124 о составлении программы научного комплексного исследования республики [У истоков..., 2022, с. 365], объясняя причины обращения сложностью задач культурно-хозяйственного строительства. БМАССР была включена в план Особого комитета

АН СССР от 1 июля 1926 г. по исследованию союзных и автономных республик на 1927–1931 гг. 5 июля 1926 г. Представителю Бурятской республики при ВЦИК И. В. Ченкирову из Ленинграда поступило письмо Особого комитета за № 340, в котором говорилось: «В совещании при Академии от 23 января с[его] г[ода] тов[арищ] М. Н. Ербанов обратился со словесным предложением, чтобы Академия взяла на себя не только разработку плана экспедиции, но и всю организацию. Академия наук охотно принимает это предложение, имея в виду привлечение местных сил и участие в окончательном установлении плана работ, их очередности и про[чих] правительственных органов Бур[ятской] республики. Всяческое содействие Академия окажет и при проведении сметы... В случае необходимости примет участие и академик А. Е. Ферсман» [Там же, с. 402–403].

Кроме Академии наук деятельное участие в этом деле принял Моссовет. В протоколе № 6 от 5 февраля 1933 г. заседания Президиума Моссовета указано «принять шефство» и «для изучения хозяйства Бурят-Монголии и в целях оказания практической помощи командировать на сессию Бурят-Монгольского ЦИКа члена президиума т. Козлова и профессора Броннера». На заседании Моссовета также было принято решение командировать десять врачей «по туберкулезу, глазным и венерическим заболеваниям, охране материнства». «Подобрать инженеров по новым строительным материалам и местной промышленности. Направить их сроком на 1–1½ года» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 392. Оп. 1. Д. 15. Л. 2].

В программу изучения производительных сил БМАССР входил Байкал. В местной прессе была опубликована статья Г. Ю. Верещагина (позже ставшего основателем российской и советской лимнологии, организатором комплексных научных исследований озера Байкал), в которой отмечалось, что «Академия наук предпринимала меры по изучению Байкала в 1916 г., когда была снаряжена экспедиция под руководством профессора Дорогостайского», в которой Верещагин принимал участие. В 1926 г. он «начал систематическое изучение Байкала, проводя наблюдение на глубине более 1 версты, в 1,5 верстах от берега, где вода имеет свойства открытого моря». Он особо подчеркивал, что «для сохранения популяции омуля необходимо построить рыбозаводный завод и сохранить кормовую базу омуля – планктон» [Бурят-Монгольская правда, 1926]. Подобные мероприятия стали базой для подготовки первой конференции по изучению Бурят-Монгольской АССР. Инициатива ее проведения исходила от СОПС, вынесшего этот вопрос на рассмотрение Президиума Академии наук.

В начале 1934 г. Президиум утвердил состав оргкомитета конференции, в который вошли крупные ученые – президент Академии наук А. П. Карпинский, вице-президент В. Л. Комаров, секретарь В. П. Волгин, председатель СОПС И. М. Губкин, председатель территориального сектора СОПС А. Е. Ферсман, а также представители ЦИК и СНК БМАССР, Госплана и других учреждений. Академик В. А. Обручев избран председателем Оргкомитета. Членом президиума был Н. С. Хрущев, в то время секретарь Московского городского комитета ВКП(б). От Института востоковедения участником конференции был Ц. Ж. Жамсарано. От Бурят-Монгольской АССР – председатель СНК БМАССР Д. Д. Доржиев; зам. председателя ЦИК БМАССР А. Д. Данилов; председатель Госплана БМАССР В. К. Ананьин; член ЦИК БМАССР В. М. Броннер; нарком просвещения БМАССР Ц. Д. Дондубон; постоянный представитель БМАССР при ВЦИК Т. Т. Еланов; член ЦИК БМАССР, зам. председателя Моссовета А. П. Козлов; зам. наркома здравоохранения БМАССР А. Т. Трубочеев; А. О. Назаров.

Для организации конференции на базе аппарата Совета было сформировано специальное рабочее бюро, силами которого разрабатывалась подробная программа

конференции, велась переписка с ее будущими участниками, местными властями и заинтересованными учреждениями. На заседании СНК БМАССР от 28 августа 1933 г. было заслушано сообщение директора Института экономических исследований т. Фомичева о мероприятиях по подготовке к созыву первой конференции по изучению производительных сил Бурятии [ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 2073. Л. 103]. 28 августа 1933 г. были утверждены план докладов и примерная смета в сумме 133 тыс. руб., в которую вошли гонорары докладчикам – по 300 руб.; суточные и проездные – 29 чел. × 700 руб.; суточные и проездные для делегатов Бурятии – 50 чел. × 500 руб.; наем гостиницы в г. Ленинград – 70 чел. × 12 × 10 [ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 2073. Л. 98].

Конференция прошла с 1 по 10 апреля 1934 г. в Ленинграде. В ее работе приняли участие представители более ста различных научных и хозяйственных учреждений. На открытии конференции было заслушано 26 докладов. Кроме пленарного заседания работали семь секций, на которых представлено 48 докладов. Открывая конференцию, академик А. П. Карпинский так обозначил ее задачи: «Представители бурят-монгольского народа приехали в Академию наук за советом, как лучше и полнее использовать богатства своей страны... Мы расскажем на этой конференции о работе лучших ученых, изучавших Бурятию, и сами надеемся услышать от местных исследователей об их успехах в познании ее богатств, культуры и населения» [Проблемы Бурят-Монгольской АССР..., 1935, с. 7]. В докладе Д. Доржиева «Итоги социалистического строительства Бурят-Монгольской АССР и перспективы ее хозяйственного и культурного развития во второй пятилетке» отмечалось: «Раньше основной отраслью народного хозяйства было сельское хозяйство, то сейчас республика располагает целым рядом предприятий промышленности и осуществляет большую программу, полностью меняющую ее хозяйственный облик. И что особенно важно, в связи с ростом промышленного строительства создан кадр рабочих из коренного бурятского населения» [Проблемы Бурят-Монгольской АССР..., 1935, с. 10–11].

Итоги конференции были рассмотрены на заседании Президиума Академии наук в июле 1934 г. В принятых Президиумом постановлениях отмечалось, что конференция «подытожила богатый материал по природным ресурсам и национальному строительству Бурят-Монгольской АССР и наметила широкие перспективы развития народного хозяйства и научно-исследовательской работы в республике» [Вестник Дальневосточного филиала..., 1934, с. 49]. В сентябре 1934 г. итоги конференции обсуждались на расширенном заседании Президиума СОПС. Представитель Бурят-Монгольской АССР отметил, что апрельская конференция изменила ситуацию, когда «изучению Бурят-Монголии со стороны Академии наук, хотя и уделялось значительное внимание, но это изучение проводилось по отдельным вопросам, не было связано единой идеей, единым комплексом этого вопроса» [Свержевская, 2013, с. 142]. Председатель Президиума СОПС, академик И. М. Губкин высоко оценил значение проведенной конференции по изучению производительных сил Бурят-Монголии.

По итогам первой конференции Академии наук СССР по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР 3 мая 1934 г. состоялось бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), на котором было заслушано сообщение председателя СНК БМАССР Д. Доржиева и приняты постановления для дальнейшей работы: наладить планирование научно-исследовательских работ, улучшить работу научно-исследовательских учреждений республики путем внедрения строгой плановости, укрепления кадрами и создания материальной базы, обеспечить жилой площадью приезжающих научных работников и т.д. [ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 2341. Л. 104].

Конференции и совещания СОПС были неотъемлемой частью комплекса мероприятий по изучению производительных сил восточных территорий. Первая конференция АН СССР по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР была достаточно результативной, ее материалы были изданы в виде двухтомника [Проблемы Бурят-Монгольской АССР..., 1935; 1936]. Интересный материал о подготовке, проведении и последующей работе в свете принятых постановлений конференции имеется в Государственном архиве Республики Бурятия, а также в изданном сборнике документов [У истоков федерализма..., 2022], фотоматериалах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

Литература:

Бурят-Монгольская правда. 1926. 18 нояб.

Вестник Дальневосточного филиала Академии наук СССР. Владивосток: Дальгиз, 1932–1939. 1934. № 9. 147 с.

Красильников С. А. Академия наук и Сибирь: динамика организации научных исследований в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1999. № 2. С. 3–8.

Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Изд-во АН СССР. Т. 1. М.; Л. 1935. 364 с.; Т. 2. М.; Л. 1936. 448 с.

Свержевская М. И. Научные мероприятия Совета по изучению производительных сил АН СССР для исследования восточных территорий в 1931–1941 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 8: История. С. 139–145.

Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915–2005. М., 2005. 176 с.

У истоков федерализма: история представительства Бурят-Монгольской АССР во ВЦИК РСФСР в документах Государственного архива Республики Бурятия. К 100-летию Республики Бурятия: [сб. документов, перечень документов] / авторы-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас, Е. Ю. Шаповал / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2022. 540 с.

Лушникова Ольга Леонидовна

кандидат социологических наук

Хакасский научно-исследовательский институт

языка, литературы и истории

Абакан, Российская Федерация

oltolt@mail.ru

ЭТНОЭКОНОМИКА: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

В статье представлены направления этноэкономических исследований. Упомянуты исследователи, внесшие существенный вклад в развитие научного аппарата этноэкономики. Выделены основные направления российских и зарубежных исследований.

Ключевые слова: этноэкономика; этническая экономика; экономика коренных народов; этническое предпринимательство; этнические мигранты.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00307, <https://rscf.ru/project/23-28-00307/>

ETHNO-ECONOMICS: CONTEMPORARY RESEARCH DIRECTIONS

The article explores the directions of ethno-economics. The author mentions the researchers who have made a significant contribution to the development of the scientific apparatus of ethno-economics. There are main directions of Russian and foreign studies.

Keywords: ethno-economics; ethnic economics; economy of indigenous people; ethnic entrepreneurship; ethnic migrants.

Этноэкономика считается относительно новым научным направлением, хотя в научной литературе достаточно много работ, посвященных разработке ее теоретико-методологических основ, а также эмпирических исследований.

Среди исследователей, внесших значительный вклад в развитие научного аппарата этноэкономики, можно выделить Ю. С. Колесникова, В. Н. Овчинникова, Н. Н. Лебедеву, О. А. Ломовцеву, Н. М. Сурнину, О. В. Печура и др. В своих работах они дали определения ключевых понятий, выделили основные подходы, направления исследований и т.п. Главный признак этнической экономики заключается в том, что ее функционирование и развитие определяется в первую очередь этническим фактором [Лебедева, Ломовцева, 2006, с. 110]. Необходимость этноэкономических исследований исследователи связывали с поиском перспективных путей устойчивого, взаимодополняющего и гармоничного социально-экономического развития общества [Сурнина, Печура, 2009, с. 100]. Вместе с тем в своих изысканиях исследователи исходили из понимания этноэкономики как преимущественно традиционного уклада этносов, в основе которого использование аграрных, натуральных, мелкотоварных форм производства, кустарных ремесел, надомного труда и т.п. [Овчинников, Колесников, 2006, с. 119].

В последние годы ракурс исследований, как и собственно понимание этноэкономики, немного изменился. Современные авторы видят в этноэкономике потенциал развития региональных экономических систем, которые способны трансформироваться с учетом новых социально-экономических реалий. А. Л. Андреев говорит о переносе хозяйственных моделей, навыков и организационных структур в новые контексты, в том числе за пределы изначальной территории их формирования с одновременной модификацией, позволяющей использовать их в новых условиях и для освоения новых видов деятельности [Андреев, 2017, с. 32]. В связи с этим выделяется два основных направления в исследовании этноэкономических процессов: изучение экономики этнических мигрантов и экономики коренных народов.

Первое направление в основном представлено в зарубежных исследованиях, где *ethnic economy* используется преимущественно для изучения экономики мигрантов [Light, Gold, 2000], а предметом исследования являются этнические ресурсы как факторы конкурентоспособности в условиях рыночной экономики. В фокусе исследователей – этническое предпринимательство, экономические отношения внутри которого строятся на основе общности происхождения, миграционного опыта или групповой солидарности [Aldrich, Waldinger, 2003, p. 112]. Часто слова «предприниматели-иммигранты» и «этнические предприниматели» используются как синонимы. Проводится много

исследований, посвященных адаптации этнических предпринимателей в иноэтнических сообществах [Masurel et al., 2004; Collins, Fakoussa, 2015] и др. Несмотря на преимущества этнических анклавов, исследователи предостерегают, что иногда этничность «работает» как закрытый социальный капитал и связана с nepoтизмом [Lamb et al., 2017, p. 11].

Второе направление этноэкономических исследований активно развивается в России, где проживает много коренных народов. Основной ракурс исследований направлен на изучение путей и способов реализации этноэкономического потенциала национальных республик [Ахметов, 2012; Ооржак, 2019]. При этом наиболее изученными являются южные регионы страны, где проводится много подобных исследований [Колесников, 2003; Багомедов, 2014]. Меньше встречается работ по Сибири [Симонов и др., 2020; Паникарова и др., 2011], еще меньше по отдельным регионам [Айдарбаков и др., 2019; Донгак, 2016], совсем редко – сравнительные исследования [Бадмаева, Кованова, 2020].

В качестве отдельного направления в российских исследованиях можно выделить изучение этнического предпринимательства. В отличие от зарубежных исследований объектом изучения выступают не этнические (внешние) мигранты, а коренные народы, проживающие на территории страны. А сама проблема этнического предпринимательства связывается с процессами возрождения национальных культур, сохранением традиционных промыслов, развитием этнического туризма и т.п. [Рунова, 2021]. Причем тематика работ в рамках этого направления довольно широкая: от теоретических работ [Перова, 2016; Игошева, 2020] до качественных исследований [Тюхтенева, 2018].

В целом этноэкономика как наука развивается довольно активно: увеличивается количество публикаций по этой тематике, а также число защищаемых диссертаций. Вместе с тем процесс ее институционализации только начинается, что открывает широкие возможности для дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Литература:

- Айдарбаков Ф. Ф., Барлыбаев А. А., Барлыбаев У. А., Насыров Г. М., Ситнова И. А. Развитие предпринимательства в сельской местности: этноэкономический аспект (на примере Республики Башкортостан) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3 (174). С. 80–90.
- Андреев А. Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 23–36.
- Ахметов В. Я. Этноэкономика и ее роль в повышении занятости сельского населения // Аграрная наука. 2012. № 2. С. 10–11.
- Багомедов М. А. Этноэкономика и проблема реализации приоритетного проекта «обеление экономики» Дагестана // Вопросы структуризации экономики. 2014. № 3. С. 12–21.
- Бадмаева Н. В., Кованова Е. С. Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 294–305.
- Донгак Б. А. Особенности этнического хозяйства тувинцев // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 1. С. 87–90.
- Игошева М. А. Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов // Философская мысль. 2020. № 7. С. 72–84.
- Колесников Ю. С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 2. С. 19–24.
- Лебедева Н. Н., Ломовцева О. А. Социальный капитал и модернизация этноэкономики юга России // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 109–118.
- Овчинников В. Н., Колесников Ю. С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–123.
- Ооржак К-Д.К. Этноэкономика Тувы: современное состояние и перспективы развития // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1759–1774.

- Паникарова С. В., Власов М. В., Чебодаев В. П. Институты развития этноэкономики // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 53–57.
- Перова Е. Ю. Этническая экономика как направление повышения эффективности использования социальных ресурсов региона // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 5. С. 705–712.
- Рунова Н. Ю. Этническое предпринимательство: анализ основных определений // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 323–332.
- Симонов С. Г., Ямова О. В., Хаматханова М. А., Арынова З. А. Этническое предпринимательство и местное бизнес-сообщество: опыт взаимодействия на потребительском рынке региона // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 18. № 1. С. 162–171.
- Сурнина Н. М., Печура О. В. Этноэкономика региона: цивилизационные основы и перспективы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. Т. 23. № 1. С. 98–104.
- Тюхтенева С. П. Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 149–167.
- Aldrich H. E., Waldinger R. D. Ethnicity and entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 2003. № 16 (1). P. 111–135.
- Collins L. A. Fakoussa R. Ethnic minority entrepreneurship: An examination of Pakistani entrepreneurs in the UK // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2015. Vol. 4. P. 1–21.
- Lamb N. H., Butler F., Roundy P. Family firms and corporate social responsibility: exploring “concerns” // Journal of Strategy and Management. 2017. Vol. 10 (4). P. 469–487.
- Light I., Gold S. J. Ethnic economies. San Diego: Academic Press, 2000. 302 p.
- Masurel E., Nijkamp P., Vindigni G. Breeding places for ethnic entrepreneurs: a comparative marketing approach // Entrepreneurship & Regional Development. 2004. № 16. P. 77–86.

Рынков Вадим Маркович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
vadsvet@list.ru

ЭКОНОМИКА И ЭТНИЧНОСТЬ: ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ЗЕМСТВА (1917–1919 гг.)

Показаны предпосылки и основные факторы обострения экономических противоречий между этническими группами населения Забайкальской области: дореволюционная политика землеустройства, крестьянское движение, разбухшее революцией 1917 г., и создание органов бурятской национальной автономии. Разные стороны конфликта – крестьяне и буряты-скотоводы играли достаточно активную роль в разжигании межнациональных конфликтов. Забайкальское областное земство пыталось находить пути примирения сторон, но не сумело оказать реального умиротворяющего влияния на ситуацию.

Ключевые слова: революция 1917 г.; гражданская война; Забайкальская область; земство; межэтническое взаимодействие; экономические противоречия.

Rynkov Vadim Markovich
Doctor of Sciences in History
Institute of history
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ECONOMY AND ETHNICITY: REFRACTION IN THE TRANSBAIKAL REGIONAL ZEMSTVA ACTIVITY (1917–1919)

Prerequisites and the main factors of aggravation of economic contradictions between ethnical groups of Transbaikal region are shown: pre-revolutionary policy of land-utilization, peasant movement, resulting from Revolution of 1917, and creation of Buryat national autonomy organs. Various sides of the conflict – peasants and the Buryats played active role enough in incitement of ethnic hatred. Transbaikal regional zemstvo made attempts to find ways of peace making, but could have real impact on the situation.

Keywords: Revolution of 1917; Civil war; Transbaikal region; zemstvo; transethnic interaction; economy contradictions.

На экономические отношения между отдельными людьми и социальными группами всегда огромное влияние оказывала национальная идентичность. В Российской империи данное обстоятельство усиливалось сословным строем. Принадлежность к этносу влекла и формально-юридические различия, существенно влиявшие на экономические взаимоотношения.

Революция 1917 г. и особенно установление советской власти, казалось бы, привели к ликвидации различий между бывшими сословными группами, стерли социальные и экономические границы между представителями разных этносов. Но это только на первый взгляд. Революционная эпоха резко активизировала процессы национальной мобилизации, обострила чувства национальной идентичности, актуализировала старые признаки экономического неравенства в силу по-разному понимаемой социальной справедливости – этой важнейшей цели революционных преобразований.

Так получилось, что долго борющиеся за ведение у себя земств сибиряки получили его в трудную годину революционного обострения межэтнических взаимодействий. Едва созданное, оно сразу во многих сибирских регионах окунулось в пучину социально-экономических проблем. Для таких территорий, как Забайкалье и Иркутская губерния, Якутская область, Юг Енисейской, Алтайской губернии, Юг Акмолинской области, в которых полиэтничность являлась важнейшей чертой состава населения, проблемы эти имели ярко выраженный межнациональный оттенок.

В данном докладе речь пойдет о Забайкальской области. Созданное осенью 1917 г. Забайкальское земство фактически приступило к работе в декабре, а прекратило деятельность в конце 1919 г. Параллельно была сначала провозглашена, а потом фактически организована система бурятских национальных органов самоуправления, стали формироваться аймачные и хошунные земства. При всем их сходстве с уездным и волостным, принципиальное значение имел тот факт, что бурятский и русский этносы, проживавшие иной раз чересполосно или пользовавшиеся общими земельными угодьями, стали объединяться в разные земские структуры по национальному признаку.

Конечно, самой болезненной и резко обострившейся проблемой оказалось землепользование. Многие земельные споры тянулись еще со времен землеустройства и активной фазы столыпинского переселения. Тогда земли, принадлежавшие ранее бурятам,

изымались под переселенческие участки. Некоторые формально изъятые земельные угодья фактически остались в прежнем пользовании.

Огромную роль в обострении земельного вопроса сыграло движение бурят за создание национальной автономии, которое завершилось уже при советской власти. Управлявшиеся со времен реформ М. М. Сперанского особыми национальными органами (Степными думами) буряты в разгар XX в. вновь вернулись пусть к более модернизированному и сложному, но национально обособленному административному управлению.

Начиная с лета 1917 г. лавинообразно стали нарастать земельные конфликты. Переселенцы, старожилы или казаки под разными предлогами претендовали на бурятские земли. Под распашку и сенокосы занимались угодья, изъятые юридически, но оставшиеся в фактическом пользовании у бурят. Захватывались угодья, с точки зрения земледельческого населения остающиеся неиспользованными бурятами-скотоводами. Более сложной бывала ситуация совместного использования угодий бурятским и русским населением, аренде их друг у друга [Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 334. Оп. 2. Д. 55. Л. 139]. В свою очередь, при формировании бурятской автономии ее лидеры провозгласили основой решения земельного вопроса возвращение бурятам всех земель, отобранных в ходе землеустройства. Считая такие угодья своими, бурятское население разрывало арендные договоры, изгоняло крестьян с мест совместного пользования. Однако силы были не равны, о чем свидетельствует тот факт, что к середине 1918 г. около 40 тыс. бурят откочевали в Монголию [Сушко, 2008, с. 5], а их земли подверглись захвату, заготовленные запасы фуража – разделу между крестьянами. Откочевкам часто предшествовали вооруженные столкновения.

Возвращавшиеся из Монголии хорошо вооруженные буряты приходили в селения крестьян, участвовавших в земельных захватах, и производили захват и раздел уже крестьянского имущества. Документы той стороны, чье имущество подверглось захвату, будь то буряты или русские, обычно фиксировали результаты лишь последнего события. Их составители избегали ретроспективного взгляда на проблему, боясь представить пострадавших в прошлом зачинщиками конфликта.

Обострение межэтнических конфликтов способствовало консолидации и русского и бурятского этносов. Отчасти это нашло выражение в деятельности земства, куда стекались сведения о земельных конфликтах. Если на правительственном уровне вопрос о признании бурятской автономии так и остался неразрешенным, то Забайкальское областное земство исходило из фактического сосуществования общероссийских и национальных (аймачных и хошунных) органов самоуправления и из того очевидного обстоятельства, что только совместные действия с участием разных сторон способны разрешать существующие межэтнические конфликты. Так, например, забайкальские земцы отказались формировать комиссию на основании общесибирского законодательства, настаивая на необходимости включения в их состав представителей от непризнанной Временным Сибирским правительством Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири. 29 сентября 1918 г., не дожидаясь реакции из центра, Читинская областная земская управа приняла соответствующее постановление [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 204. Л. 2об–3.]. На основе решения облземства от 16 октября 1918 г. были созданы согласительные комиссии по разрешению земельных споров с включением в них представителей от земств, аймаков и Земельного управления [ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 52. Л. 26–33]. Документы земских органов свидетельствуют, что большое внимание уделялось поиску компромисса в разрешении взаимных земельных претензий – пропорционального

разделения спорных угодий и ресурсов, понесенных материальных потерь [ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 16. Л. 67, 77; Д. 55. Л. 17–18, 41–41об, 75–76]. Но подобные решения редко выполнялись. Как компромиссные, так и принятые в пользу одной из сторон они воспринимались участниками как несправедливые. Недовольные участники продолжали разрешать свои споры самостоятельно, только порождая новую волну межэтнического насилия.

Нельзя согласиться с мнением специально изучавшего данную проблему А. В. Сушко, исходившего из идеи, что в межэтнических столкновениях на почве земельного вопроса виноваты были крестьяне, агрессивно инициировавшие земельные захваты, а бурятское население оставалось страдающей и защищающейся стороной [Сушко, 2009]. Насилие было взаимным, а инициатива могла исходить как от крестьян, так и от скотоводов-бурят. Забайкальское областное земство не только не пыталось встать только на защиту одной только крестьянской точки зрения [Рынков, 2011]. Областное земство аккумулировало разностороннюю информацию о земельных конфликтах и активно транслировало в Министерство земледелия Российского правительства бурятскую интерпретацию межэтнических земельных конфликтов [Земельные органы, ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–4об.; Ф. 334. Оп. 2. Д. 55. Л. 144].

Областное земство было всерьез озабочено и тем обстоятельством, что с введением бурятского национального самоуправления аймаки оказались выключены из всех прочих сфер земского обслуживания. От бурятского населения практически прекратились налоговые поступления в областной земский бюджет. Из этого проистекала и приостановка агрономического и медицинского обслуживания, обеспечения школьного образования. В результате бурятское население получало образование в дацанах, обращалось к тибетским докторам, оказывалось лишено и прочих сторон земской работы с населением [ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 6. Л. 1].

Революция 1917 г. и Гражданская война усилили социально-экономические различия между населявшими Забайкалье этносами, способствовали этнической консолидации на основе усилившихся социально-экономических противоречий между этническими группами сельского населения Забайкалья, что в свою очередь углубляло вооруженное противостояние, придавая ему в том числе и стойкие черты межэтнического конфликта. Забайкальское областное земство в своей деятельности пыталось выступать в качестве третьей силы, смягчившей национальные противоречия, но оказалось слишком слабым звеном властных отношений. Будучи неспособным повлиять на уровень конфликтности в обществе, оно сумело собрать разностороннюю информацию о роли экономических противоречий в обострении межнациональных отношений.

Литература:

Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): сб. документов / сост. и отв. ред. В. М. Рынков. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 544 с.

Рынков В. М. Аграрный вопрос и межнациональные отношения в Забайкалье в 1918–1919 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 37–41.

Сушко А. В. К вопросу о роли бурят-монгольского национализма в панмонгольском движении // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 73–73.

Сушко А. В. Особенности бурято-русских межэтнических конфликтов на почве землепользования в годы революции и Гражданской войны в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/2 (64/2). С. 201–205.

Прохоров Андрей Константинович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
andrey9818@gmail.com

ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ «ВОСТОЧНОГО ОБОЗРЕНИЯ»

Анализируется позиция газеты «Восточное обозрение» по вопросу модернизации транспортной сети Сибири. Опасения усиления эксплуатации региона и безучастное отношение сибиряков ко всем проектам априори делало их в глазах газеты нецелесообразными.

Ключевые слова: Газета «Восточное обозрение»; Транссибирская магистраль; Обь-Енисейский канал; транспортная система.

Prokhorov Andrey Konstantinovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

TRANSPORT SYSTEM OF SIBERIA ON THE PAGES OF THE “EASTERN REVIEW”

The Eastern Review's point of view on the issue of Siberian transport system modernization is in the focus of attention in this very article. Fear of strengthening of the exploitation of the region and the indifferent attitude of Siberians to all projects in general made them impractical.

Keywords: Newspaper *The Eastern Review*; Transsiberian railway; Ob-Yenisei Channel; transport system.

К середине XIX в. сухопутные и водные коммуникации Сибири представляли собой единую транспортную сеть, однако состояние сухопутных путей едва ли отвечало требованиям региона. А крупнейшие реки Обь, Енисей, Лена, Амур вместе с притоками хоть и охватывали огромные территории, были изолированы друг от друга [Распопина, 2022, с. 356]. Все эти факторы создавали некоторую обособленность Сибири от европейской части России и значительно ухудшали транзит грузов и людей. Проблема дороговизны, сохранности и объемов грузоперевозок заставляли некоторые общественные и правительственные круги разрабатывать проекты реорганизации транспорта Сибирского региона.

Вопросы реформирования и модернизации транспортной системы Сибири предметно стали обсуждаться со второй половины XIX в. Работа велась по двум конкурирующим направлениям: проекты соединения Сибири с европейской частью страны путем проведения железнодорожной магистрали и сооружение магистральных водных путей от Урала до Дальнего Востока. Оба вектора развития транспорта Сибири имели как сторонников, так и противников, которые отстаивали реализацию «своего» направления.

Программы реорганизации транспортной сети Сибири обсуждались и на страницах различных периодических изданий, которые внимательно отслеживали прения и давали собственную оценку предлагавшимся проектам. Одно из влиятельных периодических

изданий «Восточное обозрение» было неоднозначно в своих оценках проектируемых изменений на транспорте, хотя и соглашалось с необходимостью реформ.

Одним из проектов магистрального водного пути был Обь-Енисейский канал через р. Кеть. Социальной опорой данного проекта выступало, как правило, купечество, «прельщая кажущейся простотой исполнения» [Там же], которое продвигало строительство коммуникаций через общественные и государственные институты. По первоначальному плану на строительство канала выделялось 8 млн руб. [Германов, 2021, с. 121–122], завершить его предполагалось в восьмилетний срок. 7 апреля 1883 г. в газете «Восточное обозрение» выходит статья с публикацией доклада А. С. Баландина на заседании Общества содействия промышленности и торговли, в котором содержались тезисы в пользу строительства железной дороги. Автор аргументировал тем, что «дорога будет иметь протяжение от 160 до 170 верст, постройка <...> обойдется со всем подвижным составом не более 5.000.000 руб.» [Восточное обозрение, 1883, № 14, с. 4]. Согласно доводам автора доклада, дорога обойдется на 3 млн руб. дешевле, построится за три года и будет иметь круглогодичное сообщение [Там же].

Прения по вопросу сооружения канала не утихали. 18 августа 1883 г. выходит статья «Ангарский путь и его значение», где была опубликована информации о некоем г. Калистратове, прошедшем на судне вниз по р. Ангаре и преодолевшем ее пороги. Некоторые всерьез ставили вопрос о судоходности Ангары [Восточное обозрение, 1883, № 34, с. 1]. По мнению редакции, сам проект был по сути запоздалым, не предлагалось альтернативных вариантов строительства водного пути, проект не обсуждался сибирской общественностью, из чего следовало, что канал будет слабо отвечать потребностям региона. «Подобные проекты и вообще вопрос о более выгодных путях должен быть разобран на месте при съезде промышленников, он не может быть решен даже одним городом», – считала редакция [Восточное обозрение, 1883, № 14, с. 4]. Причину безучастности сибиряков редакция видела в отсутствии в Сибири земских органов, да и сама Сибирь «еще не научилась составлять этих съездов и обсуждать свои дела» [Там же]. При этом «представляется очевидным, что до расчистки ангарских порогов, соединение каналом Оби с Енисеем принесет сравнительно мало пользы. Если же министерство не имело возможности приступить к работам одновременно и на канале, и на Ангаре, то необходимо было, по крайней мере, начать работы с расчистки Ангары, как более важной части этого пути. К тому же и стоимость работ на Ангаре значительно меньше, нежели на канале» [Восточное обозрение, 1883, № 34, с. 2]. Таким образом, в отношении сооружения канала «Восточное обозрение» настаивало на необходимости участия сибиряков, а также превращения Ангары в судоходную реку. Только при соблюдении этих условий транспортные проекты в Сибири будут иметь хоть какой-либо практический смысл и отвечать нуждам региона.

В отношении железнодорожного строительства «периодическая печать единым фронтом выступила против него, а газета «Восточное обозрение» заняла непримиримую позицию [Кальмина, 2022, с. 298]. Еще на начальной стадии расчета экономической эффективности строительства, где основными направлениями были Нижний Новгород – Казань, Нижний Новгород – Екатеринбург – Казань, Нижний Новгород – Нижний Тагил – Тюмень – Казань, газета сообщала, что все эти проекты заявляются «сибирскими», но таковыми не являются: «прежде всего позволим заметить... это дорога не сибирская, а нижегородско-казанская... или иная дорога, в направлении которой заинтересованы различные губернии Европейской России более, чем Сибирь, точно также, как компания, концессионеры, прожектеры и кандидаты-строители этого направления» [Восточное обозрение, 1882, № 5, с. 9].

Газета также обращает внимание, что «сибиряки, высказываясь за южное или северное направление, далеко не действовали самостоятельно по собственной инициативе, но всегда были эксплуатируемы южанами или северянами в свою пользу <...> сибирской железной дорогой может называться <...> дорога, идущая только через Сибирь <...> сибирская железная дорога должна рассматриваться преимущественно в интересах края...» [Там же]. По мнению газеты, все проекты железнодорожного строительства – это «...проекты дельцов, на самом деле только прикрывавшихся народно-экономическими и государственными интересами, а впутавших здесь концессионные интересы, вопросы частных промышленных групп, погоню за наживой и т.п.» [Восточное обозрение, 1884, № 20, с. 1]. В следующих номерах газета отмечает, «что при этих прениях и дебатах мы не видим и не слышим самостоятельного голоса сибиряков или представителей окраины, для которой ведется дорога» [Восточное обозрение, 1884, № 37, с. 12]. Таким образом, для редакции печатного органа строительство сибирской железной дороги являлось лишь очередным проектом промышленных кругов, эксплуатирующих Сибирь в своих частных интересах, а мнение и интересы сибиряков не учитывались.

Таким образом, «Восточное обозрение» признавало необходимость реорганизации транспортной сети Сибири. Однако, если Обь-Енисейский канал газета воспринимала как запоздалый, но все же необходимый проект, причем заявляя об обязательном превращении Ангары в судоходную реку, то железнодорожное строительство газета считала ничем иным, как удовлетворением корыстных потребностей крупных губернских промышленных кругов в расширении эксплуатации Сибири. Редакция настаивала на безусловной необходимости реализации подобных проектов только после обсуждения их сибирской общественностью.

Источники и литература:

Восточное обозрение. 1882. № 5. С. 1–16.

Восточное обозрение. 1883. № 14. С. 1–16.

Восточное обозрение. 1883. № 34. С. 1–16.

Восточное обозрение. 1884. № 20. С. 1–16.

Восточное обозрение. 1884. № 37. С. 1–16.

Владимирски И., Кротова М. В. Два взгляда на строительство железных дорог в Восточной Сибири (по материалам работ сибирского золотопромышленника Якова Фризера) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 32. С. 91–100.

Германов М. А. Обь-Енисейский соединительный водный путь как объект историко-культурного значения и экстремального туризма // Динамика и взаимодействие геосфер земли: материалы Всерос. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию подготовки в Томском гос. ун-те специалистов в области наук о земле: в 3-х томах, Томск, 08–12 нояб. 2021 г. Т. III. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2021. С. 121–123.

Гловели Г. Д. Транссиб и продолжение дискуссии о судьбах российского капитализма // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 509–525.

Дергачев А. Ю. Научные общества и изучение транспортных путей в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (3). С. 5–9.

Кальмина Л. В. «Сибирская железная дорога строится не для Сибири». «Восточное обозрение» против прогресса? // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байк. гос. ун-т, 2022. С. 297–306.

Распопина А. А. Сибирские транспортные коммуникации во второй половине XIX в.: геополитическая экономия // Историко-экономические исследования. 2022. Т. 23. № 2. С. 354–388.

Доржиев Найдан-Жаргал Будажпапович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
g1997gle@mail.ru

**«БАЙХОВЫЙ ЧАЙ, ОПИЙ, ХАНЬШИН...»:
ИЗМЕНЕНИЯ В АССОРТИМЕНТЕ КОНТРАБАНДНОГО ТОВАРА НА
КЯХТИНСКОЙ ТАМОЖНЕ В НАЧАЛЕ XX В.¹**

В статье на основе анализа материалов фонда 102 «Кяхтинская таможня» Государственного архива Республики Бурятия исследуются изменения в ассортименте контрабандного товара в российско-китайском приграничье в начале XX в.

Ключевые слова: Кяхтинская таможня; контрабанда; чай; драгоценный металл, алкоголь, опиум.

Dorzhiiev Naidan-Zhargal Budazhapovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**«BAIKH TEA, OPIUM, HANSHIN...»:
CHANGES IN THE ASSORTMENT OF CONTRABAND GOODS AT THE KYAKHTA
CUSTOMS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Based on the analysis of the materials of the fund 102 "Kyakhta Customs" of the State Archive of the Republic of Buryatia, the article examines changes in the assortment of contraband goods in the Russian-Chinese border area at the beginning of the XX century.

Keywords: Kyakhta customs; smuggling; tea; precious metal; alcohol; opium.

Рубеж XIX–XX вв. характеризовался важным событием в истории России – строительством Транссибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги. Железнодорожное сообщение связало в единое экономическое пространство не только европейскую и восточную части империи, но и существенно увеличило масштаб торговли с Китаем. Данное обстоятельство привело к резкому расширению объема работы и спектра задач таможенной службы в Иркутске. Кроме досмотра грузов, провозимых гужевым и водным транспортом, добавились операции по проверке грузов и пассажирского багажа на железной дороге, а также личных вещей поездных бригад [Наумов, 2011, с. 424]. Для перераспределения нагрузки 15 мая 1900 г. по указу императора Николая II возобновила свою деятельность (после сорокалетнего перерыва) Кяхтинская таможня. Через нее пошел значительный поток товаров, самым важным из которых был байховый чай. Увеличение объемов официальной торговли сопровождалось ростом контрабанды и расширением перечня контрабандных товаров.

Ассортимент наиболее популярных контрабандных товаров на Кяхтинской таможене менялся перманентно. Если в XVIII в. основным контрабандным товаром была «мягкая рухлядь» [ПСЗРИ, 1830, Т. 7, с. 722], то в XIX в. таковым сначала был байховый чай, а затем – драгоценные металлы. Это было связано с тем, что в 1855 г. правительство Российской империи дало разрешение на использование серебра и золота для покупки китайских товаров [ПСЗРИ, 1856, Т. 30, с. 528–529]. В XX в. список контрабандных товаров пополнился алкогольными напитками, опиумом, табаком, сахаром-рафинадом и порохом.

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

В инструкции таможенным постам Забайкальской, Амурской и Приморской областей от 18 февраля 1910 г. содержались детальные указания в части пресечения контрабандного ввоза и вывоза. Документ конкретизировал предмет контрабанды: а) иностранные (некитайские) пошлинные товары, а также русские товары, допускаемые к вывозу за границу с возвратом таможенных пошлин или акциза, – в тех случаях, когда те и другие провозятся из-за границы мимо таможенных постов или хотя и через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля; б) китайские пошлинные товары, водворяемые мимо таможенных постов или с сокрытием от таможенного контроля за пределы 50-верстной полосы; в) запрещенные к ввозу и вывозу товары, провозимые из-за границы или за границу мимо таможенных постов или с сокрытием от таможенного контроля. К ввозу в империю были запрещены привозимые из Китая хлебное вино и водка, опиум и другие товары, запрещенные к привозу общим таможенным тарифом, а также тряпье всякое [Сборник узаконений и распоряжений..., 1912, с. 27–32, 93–96].

В материалах фонда 102 «Кяхтинская таможня» Государственного архива Республики Бурятия наиболее часто встречаются дела о задержании таможенными стражниками контрабандного чая. Несмотря на утрату Кяхтой статуса центра чайной торговли и сокращение ее объема с 21747955 руб. в 1899 г. до 8743993 руб. в 1900 г. [Обзор Забайкальской области за 1902 год, 1903, с. 53], чай оставался популярным товаром у контрабандистов. Чаще всего их деятельность была направлена на удовлетворение внутреннего регионального спроса за пределами беспошлинной зоны. Объем задерживаемого чая был разным. Так, в 1901 г. «у крестьянина Баткова и его жены нашли и изъяли 25 фунтов байхового чая», за который нерадивой семье пришлось заплатить штраф в три раза превышающий стоимость изъятой контрабанды [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 102. Оп. 1. Д. 60. Л. 2]. Уличенному в контрабанде казаку Ара-Киретской станицы Ринчину Лупсанову повезло гораздо меньше. В амбаре казака нашли чай, хранившийся в четырех ящиках, общей массой 11 пудов 36 фунтов. В ходе допроса он признался, что товар ему не принадлежит, он лишь должен был «доставить его инородцу Дагбаеву, который платил за доставку каждого ящика по 4 рубля» [ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 56. Л. 2]. Ринчин Лупсанов за хранение контрабандного чая получил огромный штраф, который не смог заплатить. В подобных случаях деньги на покрытие штрафа получали «с молотка». На аукционе часть недвижимого имущества казака была продана для погашения задолженности.

Вывоз драгоценных металлов в Китай также был важной частью контрабандной деятельности, с которой боролись сотрудники Кяхтинской таможни. Однако задокументированных случаев незаконного вывоза драгоценных металлов в Китай нами было обнаружено не так много, хотя очевидцы отмечали, что «ежегодно через Кяхту тайно вывозилось 100–150 пудов краденого золота» [Головачев, 1905, с. 331–332]. Предположительно, такое расхождение связано с тем, что в нелегальной перевозке золота и серебра в Китай участвовали сотрудники таможни. Среди немногочисленных протоколов о задержании драгоценных металлов фигурируют незначительные суммы. Так, в июле 1901 г. таможенными стражникам удалось задержать двух контрабандистов, которые пытались переправить через границу золотой песок общей массой 26 фунтов [ГАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 47. Л. 8].

Настоящим «региональным бедствием» для Забайкалья стала контрабанда алкогольной продукции. Спирт, поступавший из России на оптовые винные склады торговых домов, продавался китайским торговцам, а затем расходился по мелким китайским лавкам, расположенным на китайской (монгольской) территории напротив каждой русской станицы и поселка, где затем нелегально и реализовывался. Популярным предметом контрабандного ввоза становилась китайская водка ханшин, которую провозили в стеклянных бутылках либо в жестяных банках. Изымаемый таможенными стражниками спирт чаще всего предназначался для собственного потребления, а не для дальнейшей продажи. Об этом свидетельствуют объемы конфискуемой алкогольной продукции. Например, в 1915 г.

стражники изъяли у казака Цаган-Усунской станицы Михаила Гаськова одну жестяную банку маньчжурского спирта общим весом в 5 фунтов и 70 золотников [ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 995. Л. 2]. В подобных случаях, когда объем контрабанды был невелик, штраф многие уличенные оплачивали сразу на месте, а контрабандный товар (алкоголь, опиум) уничтожался позже в присутствии специальной комиссии.

Еще одним популярным товаром, упоминаемым в таможенных протоколах начала XX в., был опиум. Причем транзит наркотического вещества осуществлялся в обе стороны. Так, ночью 1 сентября 1905 г. спрятавшимися в окрестностях Пятовского пивного завода таможенниками был схвачен контрабандист, тайно следовавший в г. Верхнеудинск с двумя пудами опиума [ГАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 374. Л. 1, 1об.]. Но не весь трафик опиума через кяхтинскую границу предназначался для продажи. Нередки случаи, когда таможенные стражники в ходе досмотра находили опиум у китайцев в небольших количествах. Скорее всего, он был предназначен для собственного потребления. Учитывая жесткость преследования законами Китая употребления или сбыта опиума в стране, многие китайцы, живущие в приграничье, переходили границу на короткий срок именно с целью употребления наркотиков.

Среди неочевидных товаров, которые задерживали кяхтинские таможенные стражники, выделялся сахар-рафинад. 16 сентября 1906 г. у китайского подданного «Чечена» задержали 24 фунтов данного товара, который затем был продан на аукционе за 4 руб. 98 коп. [ГАРБ. Ф. 102. Д. 240. Л. 2].

После революционных событий 1905 г. Департамент таможенных сборов Российской империи разослал во все таможни, в том числе и в Кяхтинскую, секретные циркуляры, предупреждающие о возможном провозе в страну вещей, способных дестабилизировать порядок в обществе: «литературы революционного характера, замаскированной под бочками с кокосовым маслом или контрабандного оружия с патронами к нему» [ГАРБ. Ф. 102. Д. 269. Л. 7]. Зафиксированных же случаев задержания революционной контрабанды на Кяхтинской таможне нами не обнаружено.

Таким образом, ассортимент контрабандных товаров в российско-китайском приграничье складывался под влиянием специфики торговых взаимоотношений между странами. Несмотря на существование 50-верстной беспроходной зоны торговли чаем, он оставался одним из самых популярных товаров у контрабандистов. Наличие чая в ассортименте контрабанды не удивляет, поскольку история процветания Кяхты была напрямую связана с этим товаром. А вот появление в начале XX в. в протоколах таможенных стражников более опасных товаров – опиума и ханшина – грозило негативными социальными последствиями.

Литература:

- Головачев П. М. Сибирь: природа, люди, жизнь. М.: Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1905. 400 с.
- Наумов И. В. Иркутская таможенная линия в 1900–1916 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 86–89.
- Обзор Забайкальской области за 1902 год. Чита: Тип. Забайкальского областного Правления. 1903. 119 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. 1830. Т. 7. № 4992. 933 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание II. 1856. Т. 30. Отд. I. № 29554. 779 с.
- Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. СПб., 1912. 326 с.
- Суходолов А. П. Иркутская таможня. Этапы становления и развития // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 5. С. 749–756.

Ширапов Алдар Амаголонович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
agmaren@mail.ru

ИСТОРИЯ ЛИКВИДАЦИИ ВЕРХНЕУДИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РУССКО-АЗИАТСКОГО БАНКА (1921–1922 гг.)¹

Данное исследование посвящено заключительному этапу в истории Верхнеудинского отделения Русско-Китайского, с 1910 г. Русско-Азиатского банка (1898–1921 гг.), внесшего заметный вклад в развитие экономики Западного Забайкалья. Автором выявлены обстоятельства, ставшие причиной ликвидации учреждения, и установлена точная дата его закрытия.

Ключевые слова: Русско-Азиатский банк; Октябрьская революция; Верхнеудинск.

Shirapov Aldar Amagolonovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE HISTORY OF THE LIQUIDATION OF THE VERKHNEUDINSKY BRANCH OF THE RUSSIAN-ASIAN BANK (1921–1922)

This study is devoted to the final stage in the history of the Verkhneudinsky branch of the Russo-Chinese, since 1910 the Russo-Asiatic bank (1898–1921), which made a significant contribution to the development of the economy of Western Transbaikalia. The author identified the circumstances that caused the liquidation of the institution and set the exact date of its closure.

Keywords: Russo-Asiatic bank; October Revolution; Verkhneudinsk.

27 (14) декабря 1917 г. декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о «О национализации банков» финансово-кредитная система Российской империи фактически прекратила свое существование. Революционным правительством вводилась государственная монополия в банковском деле, частные кредитные организации упразднялись. Все капиталы и имущество подлежащих ликвидации учреждений передавались в ведение Государственного банка [Декреты Советской власти, 1957, с. 230]. Ввиду того, что практически все центральные офисы частных банков, где находилось их правление, располагались в занятых большевиками Москве и Петрограде, их региональные отделения были вынуждены перейти в автономный режим работы. Часть из них ввиду начавшихся событий Гражданской войны достаточно быстро свернула свою деятельность. Другая часть, несмотря на тяжелое положение в экономике, вызванное военными действиями, продолжила свою работу вплоть до начала 1920-х гг. Одним из таких примеров является Верхнеудинский филиал Русско-Азиатского банка, продолжавший оказывать свои услуги до августа 1921 г.

Русско-Азиатский банк был создан 14 июня 1910 г. в результате слияния Русско-Китайского и Северного банков [Полное собрание..., 1913, с. 787–789]. Под руководством выдающегося российского финансиста А. И. Путилова банк вскоре достиг выдающихся

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

результатов, активно содействуя в развитии отечественных торговли и промышленности. К 1914 г. в числе патронируемых учреждением организаций значились 153 банка и компании. [Петров, 2005, с. 84]. По размеру числящихся на балансе средств активов и пассивов Русско-Азиатский банк по состоянию на 1 января 1914 г. занимал первое место среди частных финансово-кредитных организаций Российской империи [Гиндин, 1948, с. 382].

От своих предшественников в лице Русско-Китайского и Северного, Русско-Азиатский банк унаследовал обширную сеть отделений и агентств – от Лондона до Нагасаки (всего 59 офисов) [Яго, 2012, с. 308]. В том числе, два филиала в Западном Забайкалье – в Верхнеудинске и Кяхте. Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка открыло свои действия в 1898 г. Отделение оказывало своим клиентам следующие виды услуг: выдача ссуд, размещение средств на текущих и депозитарных счетах, прием-отправку денежных переводов, страхование движимого имущества и его хранение на своих складах [Плеханова, Ширапов, 2019, с. 208–209]. За время своей работы, до 1910 г., филиал внес значительный вклад в развитие экономики региона, наладив стабильное кредитование его торгово-промышленного сектора. Например, согласно данным за 1897 г., в г. Верхнеудинск действовало всего 27 промышленных предприятий, где трудилось всего 32 сотрудника, выработавших продукции на 81 тыс. руб. [Обзор..., 1898; Ведомость о фабриках и заводах в Забайкальской области за 1897 г., с. 3]. По итогам 1911 г. число фабрик и заводов уменьшилось до 14, однако число рабочих составляло уже 188 чел. Стоимость произведенной ими продукции превысила 362 тыс. руб. [Обзор..., 1915, с. 44]

После реорганизации банка в Русско-Азиатский Верхнеудинское отделение продолжило свою работу в штатном режиме. Несмотря на наличие серьезной конкуренции в лице Кяхтинского и Верхнеудинского обществ взаимного кредита, филиал в целом занимал ведущие позиции на финансовом рынке Западного Забайкалья [Плеханова, Ширапов, 2020, с. 428–429]. События Первой мировой войны тяжело сказались на работе отделения, как и на всей экономике Российской империи. Нарушение прежних торговых связей, паралич железнодорожных перевозок, чьи мощности были заняты транспортировкой военных грузов, неурожай 1915 г. – все это негативно отразилось на деятельности регионального бизнес-сообщества бывшего основным клиентом банка. Помимо этого, часть высококвалифицированных сотрудников отделения была мобилизована в действующую армию [Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф-630. Оп. 1. Д. 332. Л. 10]. Однако, несмотря на все трудности, учреждение не свернуло свою деятельность, продолжая оказывать услуги свои клиентам в полном объеме.

Революционные события 1917 г. также не смогли остановить работу филиала, хотя и чрезвычайно ее осложнили. Так, к началу 1921 г. в результате военных действий положение в народном хозяйстве региона сложилось крайне тяжелое. Были разрушены сотни предприятий, населенных пунктов, транспорт. Прекратилась добыча полезных ископаемых, посевные площади уменьшились наполовину. В несколько раз сократилось поголовье скота [Актаямова, 2020, с. 7]. Помимо этого, после оглашения в декабре 1917 г. декрета ВЦИК «О национализации банков» единая система филиалов Русско-Азиатского банка была разрушена. После закрытия руководящего офиса в Петрограде региональные филиалы банка оказались предоставлены самим себе, лишившись главного источника капиталов. На Дальнем Востоке сохранившиеся филиалы учреждения объединились вокруг Владивостокского отделения [РГИА. Ф-630. Оп. 1. Д. 332. Л. 17].

Несмотря на все трудности, Верхнеудинский офис продолжил оказывать услуги своим клиентам практически до середины 1921 г. Так, согласно данным на конец 1920 г. отделение выдало под залог 34 тыс. фунтов чая и 3 тыс. пудов кедрового ореха значительную ссуду Верхнеудинскому Торгово-Промышленному Товариществу [РГИА. Ф-630. Оп. 1. Д. 332. Л. 27]. Во многом это стало возможным благодаря самоотверженной работе служащих учреждения и ее многолетнего директора П. Т. Трунева, руководившего офисом с 1897 г.

[РГИА. Ф-630. Оп. 1. Д. 332. Л. 42]. Однако в условиях Гражданской войны и общего коллапса экономики отделение постепенно сдавало свои позиции, теряя клиентскую базу и сотрудников. Так, по состоянию на 1 сентября 1918 г. в штате филиала числилось 18 служащих [РГИА. Ф-630. Оп. 1. Д. 332. Л. 10]. К концу же 1920 г. их оставалось всего четверо, перед которыми банк имел долг по заработной плате в 17 тыс. золотых рублей [РГИА. Ф-630. Оп. 1. Д. 332. Л. 40об. – 41]. В итоге 1 августа 1921 г. в газете «Прибайкалье» было опубликовано объявление, гласившее, что Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка подлежало ликвидации. Всем оставшимся клиентам предлагалось закрыть свои долговые обязательства, текущие и депозитарные счета, получить находящееся на хранении в банке имущество в срок до 1 сентября 1921 г. [РГИА. Ф-630. Оп. 1. Д. 332. Л. 3]. Особо хотелось бы отметить, что даже после своего закрытия Верхнеудинский филиал косвенно продолжил свою работу на финансовом рынке Западного Забайкалья. Его сотрудники активно включились в работу новообразованных кредитных организаций, передавая молодым сотрудникам свой опыт. Так, помощник директора отделения П. Д. Калининский поступил на службу в местное кооперативное товарищество «Экономия» [РГИА. Ф-630. Оп. 1. Д. 332. Л. 7].

Таким образом, за свою практически 25-летнюю историю Верхнеудинское отделение Русско-Китайского, а с 1910 г. Русско-Азиатского, банка смогло внести важный вклад в развитии экономики Западного Забайкалья. Благодаря стабильному кредитованию учреждением местные торговля и промышленность смогли совершить заметный скачок в своем развитии. Учреждение стабильно оказывало свои услуги на протяжении всей своей истории, несмотря на революционные события 1917 г. и Гражданскую войну. Кроме того, отделение заложило основы региональной финансово-кредитной системы Западного Забайкалья способствуя успешному возрождению банковского дела в регионе в первой половине 1920-х гг.

Источники и литература:

- Актаева Н. Н. Деятельность министерства земледелия ДВР в 1920–1922 гг. // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Чита, 6–8 апреля 2020 г. Чита: Заб. гос. ун-тет, 2020. С. 7–12.
- Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России М.: Госфиниздат, 1948. 454 с.
- Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 640 с.
- Обзор Забайкальской области за 1897 г. Чита: Тип. Торгового дома «П.А. Бадмаев и Ко», 1898. 243 с.
- Обзор Забайкальской области за 1911 г. Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1915. 167 с.
- Петров Ю. А. Король банкиров // Родина. 2005. № 5. С. 82–86.
- Плеханова А. М., Ширапов А. А. Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка: направления, специфика и результаты деятельности в условиях трансграничья // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 206–211.
- Плеханова А. М., Ширапов А. А. Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка на кредитно-финансовом рынке Западного Забайкалья в 1911–1914 гг. // Научный диалог. 2020. № 6. С. 416–433.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1913. Т. 30. Отделение 1. № 33788. 1425 с.
- Яго К. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии // Экономическая история: ежегодник. 2012. Т. 2011–2012. С. 293–314.

Винокурова Лилия Иннокентьевна
кандидат исторических наук
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Российская Федерация
lilivin@mail.ru

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЯКУТИИ В XX В.: СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

В статье рассмотрены основные этапы и направления советской модернизации сельского хозяйства Якутской АССР; оценен опыт аграрных реформ, затронувших основы жизнедеятельности коренных народов республики.

Ключевые слова: советская модернизация; сельское хозяйство; Якутия; коренные народы.

Vinokurova Liliia Innokentievna
Candidate of Sciences in History
Institute of Humanities Research and Indigenous Peoples
of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

AGRICULTURE OF YAKUTIA IN THE 20TH CENTURY: SOVIET MODERNIZATION OF TRADITIONAL INDIGENOUS ACTIVITIES

The article considers the main stages and directions of the Soviet modernization of agriculture in Yakutia. The historical results of reforms in the main sphere of indigenous peoples' life are assessed.

Keywords: soviet modernization; agriculture; Yakutia; indigenous peoples.

Россию долгое время обоснованно считали аграрной страной, именно сельское хозяйство было главенствующей отраслью экономики Российской империи вплоть до Первой мировой войны, обеспечивавшей более половины национального дохода. Несмотря на достаточно суровые климатические условия, в XX столетие страна вступила в качестве активного игрока на мировом рынке сельскохозяйственной продукции. И после длительных радикальных реформ Советский Союз до второй половины XX в. оставался больше «крестьянской» страной с преобладающим сельским населением. Поэтому можно говорить, что советская модернизация имела выраженное «сельское измерение». И это справедливо по отношению к северо-восточным окраинам, в которых сельское хозяйство и традиционные промыслы доминировали в качестве традиционных занятий коренных народов.

В силу отдаленности и дисперсности расселения коренные народы Якутии в процессы советизации и сопутствующих социально-экономических преобразований были вовлечены с некоторым временным опозданием. На обширной северной территории гражданское противостояние, укрепление новой власти происходило длительнее, чем в европейской части страны.

На Первом Всеякутском учредительном съезде Советов была принята резолюция «О хозяйственном состоянии ЯАССР и о задачах Наркомторгпрома», ставшая каркасом перспективных планов развития [История Якутии, 2021, с. 129]. Фундаментом экономического прорыва были обозначены расширение и подъем на новый уровень добывающей промышленности. С целью изучения природных и человеческих ресурсов была

организована Комиссия по изучению производительных сил Якутской АССР, работавшая с лета 1925 г. Как результат, был аккумулирован богатый научный материал о природе края, о хозяйственной и культурной ситуации, этно-демографическом облике населения республики [Ермолаева, 2001; Якутия, 1929].

В 1927 г. правительство республики разработало и приняло «Генеральный план реконструкции народного хозяйства...», рассчитанный на ближайшие 10–15 лет. Данный план следует рассматривать как стратегию включения Якутской АССР в общегосударственную модернизацию. Характерно, что в предисловии председателя республиканского Госплана четко обозначалась задача интеграции в модернизационные процессы в качестве составляющей части общего целого, и приоритетами были указаны индустриальное направление развития, быстрейшее использование сырьевых ресурсов. Планировалось, что развитие промышленности создаст эффективную базу прогресса, станет локомотивом реконструкции всей экономики республики. Ожидались грандиозный по сравнению с существующей ситуацией прорыв в поисках и освоении природных богатств, закладка новых индустриальных очагов, преодоление территориальной изолированности, увеличение трудовых ресурсов Якутии. Преобразования должны были охватить и аграрный сектор, признанный как крайне отсталый и неспособный обеспечить текущие и ожидаемые потребности в сельскохозяйственной продукции.

План действий вписывался в программу индустриализации и коллективизации всей страны, отвечал задачам формирования социалистической системы хозяйствования при полном государственном контроле. Предстояло реформировать традиционное сельское хозяйство Якутии, ведущей отраслью которого было животноводство. Административная коллективизация крестьянских хозяйств сопровождалась драматичными событиями, типичными для единоличников-животноводов – попытками сопротивления, сокрытия и забоя поголовья. Власть применила все политические и экономические рычаги, позволившие в целом выполнить программу коллективизации, сначала в центральной и южной части республики [Санникова, 2007]. Следует подчеркнуть, что в северной Якутии сплошная коллективизация формально закончилась лишь в канун Великой Отечественной войны, прервавшей модернизационные процессы в СССР.

В послевоенные годы попытки поднять на новый, более высокий уровень сельскохозяйственное производство были направлены в сторону организационно-хозяйственных усилий, прежде всего, укрупнения якутских колхозов в 1950–1953 гг. Предполагалось, что подорванное войной, потерявшее рабочие руки сельское хозяйство сможет быстро реанимировать мероприятия по увеличению поголовья в колхозах, развертывание племенной работы, направленной на улучшение продуктивности крупного рогатого скота. Всегда актуальной оставалась проблема кормовой базы животноводства, без которой невозможен подъем качества содержания и полноценного нагула скота. В эти тяжелые годы по всей республике были организованы специальные фермы, в которых содержался завезенный из других регионов породный скот.

Модернизация сельского хозяйства Якутии в середине и во второй половине XX в. шла «волнами»: социально-экономические преобразования, включая известное «поселкование» взамен традиционного хуторского расселения и перевод на оседлый образ жизни, были прерваны войной, затем продолжились до конца 1950-х гг. В начале 1960-х гг. прошла спешная массовая подготовка перевода маломощных хозяйств в совхозы; первыми преобразовали колхозы на Севере республики. Все преобразования сопровождались изменениями административного подчинения, структуры расселения, организации труда и быта людей. В этой связи можно говорить о форсированном прессинге на традиционные

занятия, на всю жизнедеятельность коренных народов Якутии, социальные и культурные последствия которого в современной науке обсуждаются по наши дни.

В результате таких реформ в сельском хозяйстве Якутской АССР – образование новых совхозов – расширился государственный сектор в сельском хозяйстве. Если в 1959 г. было 4 совхоза, в 1960 г. – 7, то в 1961 г. были образованы новые 28. Перевод колхозов на правовое положение совхозов продолжался: в последующие годы прошел массовый перевод колхозов в совхозы, к 1974 г. было полностью завершено огосударствление сельского хозяйства. Общее количество совхозов составило 71 в 1975 г., а в конце 1980-х гг. достигло 172. При реализации такой политики руководствовались целью быстрого повышения товарности аграрного производства через унификацию формы собственности и системы управления сельским хозяйством. Административное решение совпадало с необходимостью удовлетворения растущих потребностей в сельхозпродукции – в сырьевой республике период 1960–1970-х гг. ознаменовался резким приростом населения за счет миграции извне. Неотложных мер требовала и реальная ситуация с уровнем и качеством жизни коренного населения.

Мартовский Пленум ЦК КПСС (1965 г.) провозгласил новые подходы в аграрной политике: проведение курса на интенсификацию сельского хозяйства путем его индустриализации, дальнейшей специализации и концентрации производства. При оценке выполнения этих решений надо признать, что в Якутской АССР вплоть до конца 1980-х гг. удалось достичь относительных успехов лишь по двум последним пунктам, индустриального же оснащения ведущих отраслей – животноводства и земледелия – так и не удалось добиться. На модернизацию сельского хозяйства накладывала свой отпечаток стратегическая установка на создание продовольственной базы, ориентированной на обеспечение в первую очередь горнодобывающей промышленности. Такой приоритет вытеснял на второй план многие вопросы развития собственно сельского хозяйства, в том числе материальной базы, кадрового обеспечения и социальной инфраструктуры сельских поселений.

Результаты модернизации экономики выглядели деструктивно: рядом с горнодобывающими гигантами с интенсивным производством сохранялся и функционировал экстенсивный, низкорентабельный аграрный сектор [Аргунов, 1988, с. 180–181]. Сельское хозяйство, в котором трудились в основном представители коренных народов, заметно уступало другим регионам по показателям комплексной механизации, энерговооруженности и темпам вытеснения ручного тяжелого труда в сельском хозяйстве. Последние десятилетия социализма в сельском хозяйстве характеризовались затянувшимися попытками формирования высокотоварного аграрного сектора при снижении экономических показателей ряда совхозов, в свое время созданных на базе крепких коллективных хозяйств. Многолетняя низкая рентабельность и так называемая «плановая убыточность» были типичными для большинства хозяйств. Несмотря на такую социальную и непреходящую актуальность, тема советской модернизации сельского хозяйства как сферы традиционных занятий коренных народов республики остается малоизученной в современной историографии.

Литература:

- Аргунов И. А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1988. 232 с.
- Ермолаева Ю. Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг.: развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 162 с.
- История Якутии: в 3 т. Т. III. Новосибирск: Наука, 2021. 592 с.
- Санникова Я. М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). Якутск: Бичик, 2007. 134 с.
- Якутия: сб. ст. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 746 с.

Балдано Марина Намжиловна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
histmar@mail.ru

УРБАНИЗАЦИЯ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ (1920–1980-Е ГГ.)¹

В статье рассмотрена проблема развития городов в Бурятии в процессе индустриализации, проанализирован характер развития урбанизации как следствия форсированной индустриализации, показан существующий разрыв между этими процессами, продемонстрирована неравномерность промышленного развития и формирования городской системы в республике.

Ключевые слова: Верхнеудинск; Улан-Удэ; урбанизация; индустриализация; город; городские поселения; горожане.

Baldano Marina Namzhirovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

URBANISATION AND INDUSTRIALISATION IN THE RUSSIAN REGION (1920–1980S)

The article considers the problem of urban development in Buryatia in the process of industrialisation, analyzes the development of urbanisation as a consequence of forced industrialisation, shows the existing gap between these processes, and demonstrates the unevenness of industrial development and formation of urban system in the republic.

Keywords: Verkhneudinsk; Ulan-Ude; urbanization; industrialization; city; urban settlements; citizens.

Одними из главных последствий социалистической индустриализации-урбанизации было абсолютное и относительное сокращение сельского населения, сельскохозяйственной занятости и рост городского населения. В Верхнеудинске/Улан-Удэ, как и в других городах республики, численность горожан составила в 1923 г. – 20,5 тыс. чел., в 1926 г. – 28,8 тыс. чел., 1939 – 125,7 тыс., 1959 г. – 174,3 тыс., 1970 г. – 253,6 тыс., в 1980 г. – 303,2 тыс., 1990 г. – 358,3 тыс. [Балдано, 2011, с. 95]. В разные периоды рост числа горожан был обусловлен разными причинами. В 1920–1930-е гг. в основном он объяснялся механическим движением мигрирующего в города населения, вовлекаемого в производство и развертываемое строительство. Заметную роль в процессе увеличения числа горожан сыграло перемещение переселенцев из европейской части страны. При этом доминирующим фактором роста количественного состава городского населения оставался его естественный прирост. В 1960–1980-е гг. росту численности горожан способствовали такие факторы, как социально-экономический, политический, демографический. Изменялся и национальный состав

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

городского населения, подавляющим большинством которого были русские. Наблюдалось увеличение числа бурят-горожан. Главной особенностью миграционных процессов было перемещение в столицу республики г. Улан-Удэ – единственный город на территории Бурятии, обладавший ведущей ролью в социально-экономическом и культурном развитии республики. Удельный вес горожан – улан-удэнцев – поднялся за период с 1931–1937 гг. с 10,4% до 24,6%. Ежегодно численность городского населения увеличивалась на 16,5%. Только в 1935 г. в город прибыло 52,4 тыс. чел., а выбыло 14,2 тыс. чел. Удельный вес жителей села среди прибывших составлял 63%. Механический прирост был равен 38,2 тыс. чел. [Переведенцев, 1963, с. 48].

В 1932 г. в Верхнеудинске было 14 техникумов, 8 рабфаков, где готовили учителей, транспортников, специалистов сельского хозяйства, медицинских и других, работников, в этом же году был открыт первый вуз в республике – Агропедагогический институт. Осуществление индустриализации и успехи культурной революции обеспечили стабильный рост интеллигенции именно в тех отраслях экономики и культурной жизни, где требовались высокая квалификация и специальное образование. В результате социально-экономических преобразований в республике в 1930-е гг. сложилась новая социальная структура: рабочий класс – 36,3%, класс колхозного крестьянства – 42,4%, кооперированных кустарей – 1,4%, единоличники, некооперированные кустари – 1,6%, интеллигенция – 7,3%, служащие-неспциалисты – 11% [Митупов, 1986, с. 52]. Социально-экономическая политика привела к полному вытеснению частного сектора, подчинению промышленности и сельского хозяйства государственному планированию и управлению.

В истории советского общества индустриализация и урбанизация выступают как неразрывный процесс. Индустриальное развитие происходило на основе централизованного планово-директивного, лимитно-распределительного механизма, директивного ценообразования. Соответственно, важной чертой советской урбанизации стало то, что она определялась директивно-плановым характером экономики. Причем ведущей тенденцией было постепенное распространение планового начала из области развития производства, отраслей экономики на все области развития городов, включая социальные, демографические, культурно-бытовые, градостроительные аспекты, но не как имеющие самостоятельное и тем более приоритетное значение, а как средство обеспечения роста производства.

При ограниченности ресурсов главным условием выполнения таких планов стала дешевизна промышленного и иного хозяйственного строительства. Она обеспечивалась своеобразной системой организации производства, включавшей низкий уровень жизни рабочих и своеобразную «городскую политику», сутью которой была минимизация расходов на человека в городе путем жесткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве, социально-культурной сфере, городском транспорте и т.д. Острая нехватка жилья, недостаточный уровень жилищно-коммунального хозяйства вели к строительству домов с «коммуналками» вместо отдельных квартир и барачных, в которых люди жили десятилетиями. При этом пусть на самом низком уровне, проблема обеспеченности жильем все же была решена.

В связи с возрастающей потребностью экономики в рабочих руках проводилась политика максимального «освобождения» людей, особенно женщин, для работы в общественном производстве. Весь быт перестраивался на коллективистских началах. В начале 1930-х гг. сложился механизм городского развития, доживший до конца 1980-х гг. В его рамках градостроительство и архитектура превратились в «государственное дело», подлежащее централизованному нормированию и управлению.

Город как носитель урбанизации характеризует концентрация разнообразия во всех сферах жизнедеятельности, в конечном счете – концентрация культуры, ее высших достижений. Но города Бурятии сохраняли (и продолжают сохранять) исторически сложившийся «поселковый» характер. Все это снижает качество городской среды, консервирует «поселковость» и по сей день остается реальной преградой для развития подлинной урбанизации.

Одной из особенностей советской модели урбанизации является маргинализация городского населения. Массовое перемещение сельских жителей в города не сопровождалось развертыванием социальной инфраструктуры. Потеряв связь с деревенской жизнью, переселенцы не получали возможности полноценно включиться в городскую жизнь. Можно представить всю сложность вхождения в городскую жизнь вчерашних жителей сел и улусов, многие из которых не владели русским языком. Тяжесть физического труда, постоянный недостаток продовольствия, бытовая неустроенность усугубляли психологический дискомфорт, вызванный переменой места, образа жизни и характера труда. Отсюда – неудовлетворенность, огромная текучесть кадров, проявления девиации. Городской житель часто был по своему сознанию и ментальности полугородским, жил сельскими представлениями, а отчасти и трудом, вне урбанистической культуры. Разумеется, по мере укоренения в городах бывших крестьян, крестьянских детей и внуков происходит их вращение в развивающуюся систему городских связей, маргинальность постепенно изживается. Однако скорость этого процесса неодинакова не только в различных социальных условиях, но и у отдельных индивидуумов.

К 1959 г. сеть городских поселений Бурятии включала 5 городов (Улан-Удэ, Гусиноозерск, Кяхта, Бабушкин и Закаменск) и 13 поселков городского типа, где проживало 276,5 тыс. жителей, что составляло 41,1% всего населения республики. К 1975 г. сеть городских поселений республики изменилась в количественном отношении за счет преобразования крупных сел в городские поселения. В 1989 г. в республике насчитывалось 6 городов (в число которых был включен Северобайкальск) и 34 рабочих поселка. Городские поселения стали основными пунктами концентрации промышленного производства и населения, административно-хозяйственными и культурно-бытовыми центрами окружающих их территорий.

Однако разрыв между урбанизацией и индустриализацией свидетельствует о незавершенности процесса промышленного развития и формирования городской системы, современного городского общества, что не создает всех необходимых предпосылок для более или менее равномерного и сбалансированного экономического и социокультурного развития. Незавершенность процесса урбанизации сказывается, прежде всего, на формировании городского общества и его социальной структуре, в которой наряду с современными слоями и группами сосуществует неотрадиционная сословность, клановость, кастовость, этнонациональный коммунизм и другие элементы и черты традиционности и архаики. Иными словами, традиционная, но не в чистом виде, сословность и современная этническая, конфессиональная, социальная и политическая фрагментарность все еще присутствуют в городах республики, в том числе и в Улан-Удэ.

Литература:

Балдано М. Н. Урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 93–100.

Митупов К. Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии (1938–1960 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 133 с.

Переведенцев В. Н. Миграции населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1966. 191 с.

Кириченко Светлана Викторовна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
l-a-n-a@mail.ru

УРБАНИЗАЦИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОЖАН ВЕРХНЕУДИНСКА/УЛАН-УДЭ¹

В статье показаны изменения в бывшем уездном городе под влиянием модернизационных и урбанизационных процессов, трансформации в жизни его обитателей и новых горожан. Особый упор сделан на «крестьянизацию» города вследствие наплыва слишком большого числа сельских жителей с их стремлением сохранить образ жизни, традиционные представления и менталитет.

Ключевые слова: повседневность; модернизация; урбанизация; городская среда; сельские жители; жилищная политика; стратегии выживания.

Kirichenko Svetlana Victorovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

URBANIZATION AND EVERYDAY LIFE OF VERKHNEUDINSK/ULAN-UDE URBANITES

The article shows the changes in the former county town under the influence of modernization and urbanization processes, transformations in the lives of its inhabitants and new townspeople. Particular emphasis is placed on the «peasantization» of the city due to the influx of too many rural residents with their desire to preserve their way of life, traditional perceptions and mentality.

Keywords: everyday life; modernization; urbanization; urban environment; rural dwellers; housing policy; surviving strategies.

1920–1930-е гг. в отечественной истории стали временем перехода от НЭПа с его моделью смешанной экономики к централизованному типу хозяйства и жесткому политическому режиму. Этот период характеризовался глубинными социальными и духовными изменениями в жизни всего населения страны. Главной чертой переходности стало наличие огромных масс людей, изменивших образ жизни под гнетом обстоятельств, в основном в результате миграции из деревни в город. Привлекавшиеся на строительство промышленных предприятий сельские жители уходили в города от коллективизации, резкого падения уровня жизни в надежде что-то заработать. Мучительный процесс «раскрестьянивания», отчуждения труда повлек за собой ломку векового уклада и бытовых традиций. Массовый исход населения в города, где жизнь казалась легче, начался в конце 1920-х гг.

Устройство на работу происходило в основном через биржу труда. По данным Верхнеудинской биржи труда, в 1926–1927 гг. в общем количестве зарегистрированных безработных прибывшие из сельской местности составляли 30,1%, а в 1927–1928 гг. – 43,2% [Балдано, 2001, с. 128]. Дальше количество только увеличивалось. Государственные органы, выполняя решения партии о пополнении рабочего класса представителями коренной

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5).

национальности, активно участвовали в привлечении рабочих кадров из бурятских улусов. Для бурят была введена система льгот – при регистрации на бирже труда, при приеме на работу и увольнении. На учет были взяты сезонные рабочие для последующего их использования на строительных работах. В 1929 г. на учете Верхнеудинской биржи труда числилось свыше тысячи безработных, а к началу 1931 г. имел место дефицит рабочей силы. Безработица в БМАССР, как и в целом по стране, официально была ликвидирована в 1930 г.

Лучшее представление о масштабах миграции в Бурят-Монголии дают сведения об изменении доли городского населения между переписями. За период с 1923 по 1939 гг. численность горожан увеличилась на 353,1% в то время, как общероссийские показатели составляли 208,7%. Лидером прироста населения в республике стал г. Улан-Удэ (до 1934 г. – Верхнеудинск), динамика роста численности его населения к 1937 г. по сравнению с 1926 г. составила 394,2% [Бурятская АССР в цифрах, 1973, с. 64]. Материалы Городской переписи 1923 г. свидетельствуют о том, что в городе проживали представители 34 национальностей: русские (80,3%), евреи (8,7%), буряты (0,2%) и, что интересно – австрийцы, венгры, корейцы, греки и др. [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 3]. Так было до 1926 г., когда доля бурят-горожан возросла до 2,7%.

До революции Верхнеудинск был преимущественно русским уездным торговым городом с кустарной промышленностью, учебными заведениями, театральной и интеллектуальной жизнью. В 1920-е гг. он состоял из одно- и двухэтажных деревянных и каменных домов, построенных верхнеудинскими купцами. Население города составляло чуть больше 20 тыс. чел. Гражданская война, интервенция и разруха в полной мере сказались на состоянии городского хозяйства. В советскую эпоху Верхнеудинск стал столицей Бурят-Монгольской автономной республики и инструментом политики нацистроительства и центром общих для страны модернизационных процессов, происходивших в регионе. Город изменялся этнически за счет притока бурятского населения, значительно сократился еврейский компонент, в основном в связи с отъездом членов купеческих семей в западную часть страны.

За короткий срок произошло изменение социальной структуры города – исчезло мещанство, практически было уничтожено купечество, резко сократилась доля горожан непроизводственных групп. Им на смену пришли вчерашние крестьяне. Население Верхнеудинска / Улан-Удэ быстро росло – с 21,6 тыс. чел. в 1923 г. до 28,9 тыс. в 1926 г., достигнув 125,7 тыс. в 1939 г. [Балдано, Кириченко, 2014, с. 62]. Процесс индустриализации начался с закладки и строительства крупных промышленных предприятий. Его специфика заключалась в том, что стартовые позиции промышленности республики находились практически на нулевом уровне. Но геополитически Бурят-Монгольской АССР определялась роль «плацдарма» для экспорта революции в страны зарубежного Востока.

Поскольку республика не имела технических кадров, на первых порах специалисты приглашались из промышленных центров страны. В 1932 г. на строительство ПВРЗ (паровозовагоноремонтный завод) прибыло около 1300 рабочих из центральных областей СССР – квалифицированные рабочие, инженеры и техники. Полторы тысячи рабочих прибыли по комсомольским путевкам, 5000 человек были направлены в БМАССР Народным комиссариатом путей сообщений СССР. С 1926 по 1939 гг. численность рабочих увеличилась с 22,7 тыс. (4,6%) до 87,8 тыс. чел. (36,3%), в том числе рабочих-бурят – с 1,33 до 10% [Балдано, 2001, с. 92]. Рабочие кадры готовились без отрыва от производства в ходе строительства заводов и фабрик. Но социальная необустроенность, чрезмерная коллективизация быта приводили к прогулам, хулиганству, текучести кадров, доходившей до 80–90% среднесписочного числа рабочих на производстве. Многие вообще не выдерживали и возвращались домой.

Ежегодно в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Верхнеудинск прибывало от 30 до 50 тыс. бывших крестьян, привносящих в городскую среду крестьянские представления и психологию. Они стремились и в городе воспроизвести общинный уклад жизни, укрепляя земляческие отношения. Ответной реакцией городского сообщества на подобные проявления

становилась открытая недоброжелательность, часто с этнической окраской. Однако город имеет обыкновение «перерабатывать» неогорожан, нивелируя культурные различия и снимая этнически окрашенное напряжение [Балдано, Дятлов, Кириченко, 2017, с. 232]. При высокой интенсивности миграционного притока город не в состоянии «переварить» всю массу вчерашних крестьян. Тогда проявляются такие черты урбанизации, как незавершенность, «поселковость» и др.

В русле политики коренизации из бурят формировался слой политической и административной элиты, представителей творческой интеллигенции, учителей, врачей. Коренизация должна была сгладить противоречия между центром и окраинной республикой. Власти не могли не считаться с тем, что к 1920-м гг. неизмеримо возросло национальное самосознание бурятского народа, равно как и авторитет высокообразованных интеллектуалов из его среды. Формирование новых социальных групп – номенклатуры, интеллигенции, городских средних слоев, рабочих – шло в русле политики коренизации, которая была свернута к концу 1930-х гг. Урбанизация стремительно и неоправданно резко порывала с прошлым. Рушились устои и традиции, обгоняя складывание новых форм жизни. И это при том, что социальная политика была направлена на то, чтобы новые горожане могли в более сжатые сроки включаться в городскую жизнь. Это была интеграция в трудовые коллективы через систему профессиональной подготовки кадров, через различные общественные организации и т.д. Вместе с тем коллективы промышленных предприятий становились новой, гораздо более устойчивой общностью, нежели землячества. И именно там довольно рано начали проявляться элементы общинной организации.

Модернизационные программы воплощались в жизнь одновременно. Наряду с коллективизацией и индустриализацией полным ходом шла культурная революция. Запущенная программа всеобщей ликвидации безграмотности привела к тому, что общий уровень грамотности населения Бурят-Монголии к 1939 г. достиг 93%. Появились кадры учителей, врачей, творческой интеллигенции, управленцев и ученых. Город приобретал привлекательность и притягательность. В городе можно было выучиться и найти работу. Поэтому поток мигрантов из села не иссякал. К 1936 г. в Верхнеудинске / Улан-Удэ были возведены соцгородки ПВРЗ, стеклозавода и мясокомбината, представлявшие собой жилые кварталы со своей инфраструктурой – больницей, поликлиникой, детскими садами, школами, магазинами и т.д. Соцгородок был прообразом города-коммуны, образцом советского городского пространства.

1920–1930-е гг. вобрали в себя множество разных событий, рассмотрение которых через призму истории повседневности дает возможность показать разнообразие исторического процесса. Этот период характеризуется социальными экспериментами и трансформациями – новой экономической политикой, урбанизацией, индустриализацией, коллективизацией и культурной революцией. Индустриализация сопровождалась ускоренной урбанизацией и массовой миграцией из сельской местности в города. Ликвидация институтов традиционного общества привела к замене их на новые, определяющие социальный контекст повседневности человека.

Литература:

- Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. 431 с.
- Бурятская АССР в цифрах (1923–1973). Юбилейный стат. сб. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 159 с.
- Балдано М. Н., Кириченко С. В. Этнизация городского пространства Верхнеудинска / Улан-Удэ: город как инструмент выращивания современной городской нации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 50–56.
- Балдано М. Н., Дятлов В. И., Кириченко С. В. Город, ставший Домом // Дружба народов. 2017. № 6. С. 225–236.

Боронова Маргарита Максимовна
доктор исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
mboronova@yandex.ru

ОПЫТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БУРЯТИИ В 1960-1980-Х ГГ.: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье анализируется опыт индустриального развития Бурятии в 1960–1980-х гг. в контексте общего развития страны. Автор отмечает, что задача реиндустриализации страны требует пристального внимания к изучению этого опыта как с точки зрения достижений, так и нереализованных возможностей.

Ключевые слова: индустрия; история; процесс; опыт; производство; тенденции.

Boronova Margarita Maksimovna
Doctor of Sciences in History
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

THE EXPERIENCE OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF BURYATIA IN THE 1960S-1980S: ACHIEVEMENTS AND UNREALIZED OPPORTUNITIES

The article analyzes the experience of industrial development of Buryatia in the 1960s–1980s in the context of the overall development of the country. The author notes that the task of reindustrialization of the country requires close attention to the study of this experience, both in terms of achievements and unrealized opportunities.

Keywords: industry; history; process; experience; production; trends.

Современная постиндустриальная реальность России заставляет по-новому переосмысливать историю недавнего советского прошлого, того, что казалось ранее уже однозначно осуждено, отвергнуто и более не будет востребовано в интересах общественного развития. Сегодня, когда страна столкнулась с серьезными вызовами, несущими в себе экзистенциальную угрозу ее будущему, этот опыт вновь приобретает актуальность и значимость в свете разворачивающихся событий в мире.

Хочется отметить, что последние десятилетия советской истории, как и любой другой ее период, полны внутреннего драматизма, несмотря на отсутствие внешних проявлений вплоть до момента начала горбачевской перестройки. С точки зрения мировой экономики вторая половина XX столетия стала временем радикальной трансформации мирового хозяйства на базе достижений современного научно-технического прогресса. На первый план выдвигались отрасли, связанные с наукоемким производством, процесс труда становился все более сложным и интеллектуально насыщенным, резко возросла значимость качественных показателей. Это был объективный закономерный процесс, который неизбежно привел к формированию новой постиндустриальной реальности на рубеже XX–XXI вв. Страны, по разным причинам не сумевшие встроиться вовремя в этот процесс, оказались в аутсайдерах и попали в технологическую зависимость от тех, кто вырвался

вперед. Как известно, это привело к еще большей поляризации мира, появлению неокOLONиализма, который мы наблюдаем сегодня.

К сожалению, Советский Союз не смог вписаться в процесс постиндустриальной трансформации мира и оказался в состоянии внутреннего кризиса, который завершился развалом государства. При этом хочется подчеркнуть, что трудности, связанные с новыми экономическими вызовами, которые неизбежны и объективны по своей природе, были усугублены субъективными ошибками и просчетами советского руководства. Роль субъективного фактора в исторической судьбе Советского Союза сыграла, по нашему мнению, если не решающую, то во многом определяющую роль. Более подробно об этом написано в публикациях [Халбаева-Боронова, 2005, с. 3–12; Боронова, 2009, с. 33–39; Боронова, 2010, с. 3–11].

Рассматривая в исторической ретроспективе период 1960–1990-х гг. с точки зрения опыта постсоветского тридцатилетия, можно с высокой степенью уверенности сказать, что отказ от развития собственного производства, прежде всего промышленного, обернулся значительной экономической зависимостью России от внешнего мира и нанес огромный ущерб ее международному авторитету. Торговая модель экономики, при которой страна превратилась в поставщика природного сырья на мировой рынок, показала свою историческую бесперспективность. Поэтому сегодня, когда очевидна необходимость реиндустриализации, вновь актуализируется опыт советского хозяйственного развития как с точки зрения достижений, успехов, так и ошибок, просчетов и нереализованных возможностей.

Последние десятилетия советской истории зачастую называют временем стагнации и застоя. С легкой руки журналистов это определение прочно укоренилось в общественном сознании. Однако более пристальный и глубокий взгляд опровергает это определение. Темпы развития экономики страны были достаточно высокими, однако постепенно снижались. Это обуславливалось не столько исчерпанием ресурсов плановой экономики, сколько субъективными просчетами советского руководства, допущенными в тот период. К сожалению, оно оказалось в плену устаревших представлений и не смогло своевременно принять необходимых управленческих решений.

Несмотря на нараставшие трудности, советская экономика вполне успешно развивалась, особенно в 1960–1970-х гг. В эти годы локомотивами экономического роста во многом стали восточные регионы, в том числе и Бурятия. Стимулирующим фактором, безусловно, был значительный рост госинвестиций, которые направлялись на развитие территорий к востоку от Урала с 1960-х гг. До этого времени государство в приоритетном порядке занималось восстановлением европейской части страны, наиболее пострадавшей в период войны.

Известно, что индустриализация Бурятии началась еще в годы первых пятилеток, когда в республике появились первые крупные предприятия. Однако наиболее масштабно этот процесс развернулся в 1960-е гг. и длился до начала горбачевской перестройки. В результате Бурятия стала индустриально-аграрным регионом, где к началу 1990-х гг. действовало 238 промышленных предприятий, представлявших 70 отраслей и подотраслей современной индустрии. Структуру промышленного производства представляли легкая промышленность, машиностроение и металлообработка, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, электроэнергетика, топливная промышленность, индустрия строительных материалов [Халбаева, 1999, с. 6–7].

За эти годы в республике были построены и введены в эксплуатацию десятки промышленных предприятий, появились новые отрасли индустрии – сельскохозяйственное машиностроение, целлюлозно-бумажная промышленность, значительно увеличилось производство в машиностроении, электроэнергетике, легкой промышленности и индустрии строительных материалов. Вместе с тем следует отметить, что в развитии индустрии Бурятии, как и страны в целом, в эти годы наблюдалось немало проблем, трудностей, которые были обусловлены как объективными, так и субъективными обстоятельствами.

Наиболее успешно промышленное производство в республике развивалось в годы восьмой пятилетки. Реформа 1965 г. стимулировала хозяйственную активность предприятий, повышение их заинтересованности в конечных результатах своей деятельности. Среднегодовые темпы прироста производительности труда в промышленности за 1966–1970 гг. составили 7,9% по сравнению с 3,7% в 1961–1965 гг. По этому показателю Бурятия вошла в число передовых территорий, что свидетельствовало о хорошей динамике индустриального развития республики [Народное хозяйство РСФСР в 1970 г., 1970, с. 62–63].

Однако взятый курс на расширение экономической самостоятельности предприятий не получил дальнейшего развития в 1970-х гг. Возврат к старым административно-командным рычагам управления в итоге обернулся нарастанием стагнации общественного производства. Развиваясь в русле общих тенденций, промышленность республики постепенно утрачивала динамизм развития, усиливались негативные процессы. Наиболее опасным становилось нарастание технико-экономического отставания, падение темпов научно-технического прогресса и, как следствие, замедление хозяйственного развития. Особенно отчетливо это проявилось во второй половине 1970-х гг., когда резко снизилась фондоотдача, темпы прироста производительности труда и другие показатели эффективности производства. Так, если в 1971–1975 гг. производительность труда в индустрии выросла на 36% по сравнению с предшествующим пятилетием, то в 1976–1980 гг. – лишь на 8% [Народное хозяйство Бурятской АССР ..., 1981, с. 34].

Неблагоприятные тенденции, проявившиеся в 1970-х гг. усилились в 1980-х гг. и привели к общему снижению темпов экономического развития республики. Кризисное состояние в народном хозяйстве не было преодолено в период горбачевской перестройки. Ошибки и просчеты руководства страны в реализации намеченного курса привели к резкой эскалации всех негативных явлений, итогом чего стал развал государства.

Литература:

Боронова М. М. Комплексное развитие региона: опыт и проблемы (на материалах Бурятии в 1960–1990 гг.) // Освоение Сибири в панораме столетий: опыт, стратегия, проблемы: материалы регион. науч. конф., посв. 80-летию д.и.н., проф. М. Н. Халбаева. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2009. С. 33–39.

Боронова М. М. Несостоявшаяся модернизация // Россия в глобальном мире. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2010. С. 3–11.

Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: стат. ежегодник. М.: «Статистика», 1970. 488 с.

Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке (1976–1980 гг.): стат. сб. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. 174 с.

Халбаева М. М. Бурятия в 1960–1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. 208 с.

Халбаева-Боронова М. М. Бурятия: проблемы комплексного развития региона (исторический опыт исследования. 1960–1990 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2005. 192 с.

Байкалов Николай Сергеевич
доктор исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
baikalov@bsu.ru

СТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ БУРЯТСКОГО УЧАСТКА БАМА (1970–1980-Е ГГ.)

Статья посвящена анализу исторического опыта сооружения новых городских поселений вдоль бурятского участка БАМа в период Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Рассмотрены особенности проектирования и организации строительства, основные направления работы шефских коллективов, выявлены истоки проблем и трудностей, с которыми столкнулись строители при возведении притрассовых населенных пунктов.

Ключевые слова: Байкало-Амурская магистраль; железнодорожное строительство; северные районы Бурятии; урбанизация.

Baikalov Nikolai Sergeevich
Doctor of Sciences in History
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

CONSTRUCTION OF SETTLEMENTS IN THE BURYAT SECTION OF BAM (1970–1980-S)

The article is devoted to the analysis of the historical experience of building new urban settlements along the Buryat section of the BAM during the period of the All-Union shock Komsomol construction. The features of the design and organization of construction, the main directions of work of patronage building companies, the origins of the problems and difficulties encountered by the builders in the construction areas are considered.

Keywords: Baikal-Amur Mainline; railway construction; northern regions of Buryatia; urbanization.

В середине 1970-х гг. советское правительство возобновило строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (далее БАМ), провозглашенной Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В Бурятии магистраль пересекала территории двух слабозаселенных северных районов – Северо-Байкальского и Баунтовского. Строительная программа предусматривала не только сооружение железной дороги, но и создание новых центров хозяйственного освоения края. При этом значительная часть природных ресурсов зоны БАМа оставалась слабоизученной. В проектно-планировочных работах по расселению «была поставлена задача формирования опорной сети центров расселения, стабильной при различных возможных стратегиях хозяйственного освоения зоны БАМ» [БАМ: первое десятилетие, 1984, с. 44–61].

Необходимость быстрого развертывания производственных мощностей строителей привела к тому, что строительство притрассовых городов и поселков опережало проектно-изыскательные работы. Возведение новых населенных пунктов осуществлялось в форме шефской помощи союзных республик, автономий, краев и областей РСФСР. На бурятском участке работало семь шефских предприятий. Северобайкальск возводили строители Ленинграда, Кичеру – Эстонии, Ангою – Азербайджана, Новый Уоян – Литвы, Янчукан –

Армении, Таксимо – Белоруссии и Латвии.

Столицей бурятского участка БАМа стал город Северобайкальск, история которого началась с поселка Новогоднего летом 1974 г. Первый план поселения на 25 тыс. чел. был разработан Ленгипрогором и предусматривал строительство крупного железнодорожного узла. В начале 1976 г. ВостоксибТИСИЗ установил наличие вялой вечной мерзлоты, пестрого состава отложений, разломов в земной коре на месте строящегося города. Госгражданстрой и Госстрой РСФСР приняли решение придать Северобайкальску статус поселка железнодорожников с населением в 14 тыс. чел. [Кривой, 2004, с. 57–58].

Однако выгодное географическое положение, высокая концентрация строительных и административных подразделений, образование Северо-Байкальского отделения БАМ привели к резкому росту населения. В итоге 5 ноября 1980 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Северобайкальск был преобразован в город республиканского подчинения. С 1975 по 1990 г. было введено 42 жилых дома, две общеобразовательные школы, молокозавод, швейная фабрика, хлебозавод и другие объекты [Трасса мужества, 2005, с. 222]. При этом город застраивался некомплексно, вразрез утвержденному генплану. Создание единой коммунальной службы сталкивалось с проблемой ликвидации ветхого и аварийного жилищного фонда и переселением проживающих в нем граждан.

Строительство второго по величине на бурятском участке транспортного узла в пос. Муякан было прервано из-за непригодности местных грунтов. В итоге подрядчик вынужденно перенес «муяканский» проект в Таксимо, который из небольшого рабочего поселка превратился в крупный центр на севере Бурятии. Из Муякана в Таксимо передислоцировался коллектив СМУ «БелБАМстрой», в результате у поселка оказалось две шефствующие республики – Латвийская и Белорусская ССР. Решением обкома ВЛКСМ Бурятской АССР в Таксимо был направлен отряд «Комсомолец Бурятии» в составе 106 чел. [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 27м. Оп. 1. Д. 244. Л. 4].

Силами данных коллективов были построены железнодорожный вокзал, локомотивное депо, дистанция сигнализации и связи, энергетическое хозяйство с крупной подстанцией, жилой поселок железнодорожников, а также средняя школа, больничный комплекс, отделение связи и другие объекты. Планы по сооружению Молодежного горно-обогатительного комбината по добыче асбеста, Мокской ГЭС, близость золотоносных приисков обусловили приток рабочей силы. Численность населения поселка достигла более 12 тыс. чел. 23 октября 1989 г. Таксимо был определен административным центром вновь образованного Муйского района.

Строительство Нового Уояна осуществлялось строителями СМП «ЛитваБАМстрой». В состав пускового комплекса входили вокзал, пост электрической централизации, две трансформаторные станции, детский сад на 280 мест, общеобразовательная школа, общежитие железнодорожников на 120 мест, очистные сооружения, инженерные сети. За семь лет строительства шефский коллектив сформировал собственную строительную базу, в составе которой имелись бетонный узел, арматурный и столярный цехи и другие объекты [Байкалов, 2021, с. 55].

Местом дислокации Всесоюзного ударного комсомольского отряда им. XVIII съезда ВЛКСМ в мае 1978 г. стал пос. Кичера. Жилищно-гражданское строительство и возведение железнодорожной станции осуществлял прибывший в 1981 г. шефский коллектив из Эстонии. Проект включал 11 жилых домов, ТОЦ, амбулаторию, банно-прачечный комбинат, детский сад, школу, котельную [История Северо-Байкальского района, 2015, с. 594].

С марта 1980 г. началось сооружение пос. Янчукан (ст. Кюхельбекерская). В 1985 г. из пос. Звездного (Иркутская область) сюда перебазировался ССМП «АрмстройБАМ», который начал возводить постоянный поселок и вокзал. В строительстве зданий использовались материалы из Армении, в частности наружная отделка производилась из розового туфа. В

1989 г. был сдан в эксплуатацию первый жилой дом, а в 1994 г. – средняя школа на 320 мест. В конце 1980-х гг. в поселке проживало более 1,5 тыс. жителей [История Северо-Байкальского района, 2015, с. 598].

Место будущей станции Ангоя было выбрано строителями СМП-608, десантированными из Кичеры в августе 1981 г. Однако у проектировщиков и застройщиков не было однозначного мнения о целесообразности возведения пристанционного поселка. Решение о его строительстве было принято после посещения Ангои первым секретарем компартии Азербайджанской ССР Г. А. Алиевым в 1984 г. [Дело великой эпохи, 2009, с. 23.] Уже в конце сентября в Ангою прибыла первая бригада СМУ «АзербайджанБАМстрой», завершившего к тому времени строительство Улькиана. За 1987–1989 гг. были построены вокзал, тяговая подстанция, ТОЦ, амбулатория, детский сад с бассейном, восьмилетняя школа, жилые дома в постоянном исполнении [Байкалов, 2021, с. 57].

В ходе строительства БАМа появлялось много временных поселений, чье существование ограничивалось периодом сооружения того или иного крупного объекта. Для строительства Байкальского тоннеля были образованы временные поселки Гранитный, Даван и Гоуджекит. В ходе сооружения Мысовых тоннелей были организованы поселки промбазы «БАМтоннельстроя» и Заречный в пригороде Северобайкальска, а также поселок военизированного горноспасательного отряда рядом с Нижнеангарском.

Медленные темпы проходки Северомуйского тоннеля обусловили превращение временных припортальных поселков Северомуйска и Тоннельного в постоянные. Уже в 1977 г. указом Верховного Совета Бурятской АССР Северомуйск был отнесен к категории рабочих поселков. В проект организации строительства тоннеля были внесены изменения, разрешившие возведение в Северомуйске стационарного поселка на полторы тысячи жителей. Однако фактическая численность поселения всегда превышала проектные лимиты. Размещение здесь изыскательских партий Сибгипротранса, Института инженерных изысканий, Института земной коры, Бурятского геологического управления для поиска путей преодоления ангараканской депрессии и выявленных позднее разломов, а также концентрация подразделений строителей, занятых в сооружении Северомуйских обходов, привели к росту численности населения, которое в 1987–1988 гг. доходило до 14,5–15 тыс. чел. [Там же, с. 61].

Похожая ситуация сложилась на западном портале тоннеля. Указом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР от 12 мая 1978 г. пос. Тоннельный также был отнесен к категории рабочих поселков. В 1978 г. в Тоннельном был организован поселковый совет, в последующие годы построено две средних школы, два клуба, детские сады, торгово-бытовой центр, спорткомплекс, бассейн, ФАП. Население доходило до 8 тыс. жителей [Байкальская Сибирь, 2007, с. 286]. При этом соответствующих изменений в проект строительства внесено не было, что привело к спорам о статусе населенного пункта после завершения строительства тоннеля.

Во второй половине 1980-х гг. по мере нарастания кризисных явлений в экономике страны в строительстве притрассовых поселений БАМа начались перебои. В 1988 г. Минтрансстрой разработал график ввода объектов в эксплуатацию, согласно которому 12 поселков надлежало сдать в 1989 г. и 2 – в 1990 г. Шефским коллективам предстояло освоить за год 137,4 млн руб. При выполнении этих условий к пуску БАМа в постоянную эксплуатацию должны были построить 79,7% от предусмотренного проектом жилья, 79,7% детских садов, 83,3% больниц, 96 % общеобразовательных школ [Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 7000. Л. 10]. Строительство оставшихся объектов намечалось завершить в 1990–1991 гг., однако резкое ухудшение социально-экономической обстановки в стране не позволило осуществить эти планы. Населенные пункты бурятского участка БАМа вошли незавершенными в эпоху рыночных реформ, что предопределило многие трудности в их развитии на современном этапе.

Литература:

- Байкалов Н. С. Байкало-Амурская магистраль и северные районы Бурятии: от всесоюзной комсомольской стройки к постсоветской деиндустриализации. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2021. 232 с.
- Байкальская Сибирь. Предисловие XXI в.: альманах-исследование / под ред. М. Я. Рожанского. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. 304 с.
- БАМ: первое десятилетие / отв. ред. А. Г. Аганбегян, А. А. Кин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 208 с.
- Дело великой эпохи / сост. С. Ю. Петрова. Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2009. 64 с.
- История Северо-Байкальского района / Т. П. Темникова. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2015. 600 с.
- Кривой А. С. БАМ от А до Я / А. С. Кривой. Иркутск: ЗАО «Вост.-Сиб. издательская компания», 2004. 368 с.
- Трасса мужества. Бурятский участок БАМа / ред.-сост. П. Л. Натаев. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 271 с.

Шапошников Георгий Михайлович

кандидат экономических наук

Хакасский научно-исследовательский институт

языка, литературы и истории

Абакан, Российская Федерация

khaltar1947@mail.ru

ЧТО МЕШАЕТ КРЕСТЬЯНСКО-ФЕРМЕРСКИМ ХОЗЯЙСТВАМ РЕСПУБЛИК СИБИРИ ВНОСИТЬ БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СВОИХ ТЕРРИТОРИЙ

В статье анализируется деятельность крестьянско-(фермерских) хозяйств (КФХ) республик Сибири – Алтай, Бурятии, Тывы и Хакасии, в части производства животноводческой продукции. Показана доля КФХ в общем объеме производства продукции сельского хозяйства. Предложен путь увеличения продукции животноводства в КФХ.

Ключевые слова: крестьянско-фермерское хозяйство; продукция животноводства; нормы питания.

Shaposhnikov Georgy Mikhailovich

Candidate of Sciences in Economics

Khakas Research Institute

of Language, Literature and History

Abakan, Russian Federation

WHAT PREVENTS THE PEASANT FARMS OF THE REPUBLICS OF SIBERIA FROM MAKING A GREAT CONTRIBUTION TO THE FOOD SECURITY OF THEIR TERRITORIES

The article analyzes the activities of peasant (farm) farms in Siberia (Altai, Buryatia, Tyva, Khakassia) in the production of livestock products. The share of PF in the total volume of agricultural production is shown. The way of increasing livestock production in PF is presented.

Keywords: peasant farming; livestock products; nutrition standards.

Как мы знаем, КФХ появились на территории России в конце 1980-х гг. Первый закон «О крестьянско-фермерском хозяйстве» в России (в то время еще РСФСР и входил в состав СССР) был принят 22 ноября 1990 г. за № 348-1. Главное, в этом законе впервые было дано понятие крестьянского (фермерского) хозяйства и определено его место в экономической системе республики, а именно сказано, что оно является равноправным звеном экономической системы РСФСР. Шло время, поменялась общественно-экономическая формация, Россия приступила к работе в рыночных условиях. Естественно, ранее принятый закон о КФХ не отвечал требованиям нового времени. И новый закон, теперь уже закон независимого государства, а именно закон Российской Федерации, был принят только в 2003 г.

Когда же началось создание и организация КФХ. Так, некоторые авторы [Бобышева, 2013, с. 70] утверждают, что первоначальной формой организации сельскохозяйственного производства, т.е. предвестником создания КФХ, является община. С точки зрения другого автора [Кузнецов, 2007, с. 116], становление и развитие в России КФХ началось с принятием Манифеста императором Александром II 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. Но формирование и становление фермерства в России в основном, как мы считаем, началось в начале XX в. [Большая советская энциклопедия, т. 41, с. 39]. Особую интенсивность этому процессу придала столыпинская аграрная реформа, так как ее целью было создание крепкого единоличного собственника. Только в период проведения этой реформы впервые за крестьянином закреплялось в личную собственность участки земли. Все это дало свои результаты. За период реформы с 1906 по 1915 гг. валовый сбор зерна удвоился [Бобышева, 2013, с. 72]. Однако первая мировая война, а затем и революции не позволили завершить столыпинскую реформу. С установлением советской власти крепкое крестьянско-фермерское хозяйство (кулацкое хозяйство), которому передали право пожизненного владения использованием земель, стало доминирующим по производству сельскохозяйственной продукции. Кулацкие хозяйства в конце 1920-х гг. составляли 5% всех крестьянских дворов, и на их долю в начале 1920-х гг. приходилось 50%, но к концу 1930-х гг. они уже производили всего 20% товарного хлеба в СССР [Большая Советская Энциклопедия, т. 24, с. 10]. Начался процесс коллективизации и к концу 1930-х гг. крепкие крестьянские хозяйства были ликвидированы, были организованы коллективные хозяйств (колхозы) и советские хозяйства (совхозы).

Возрождение фермерских хозяйств началось в конце 1980-х гг. Особенно бурное развитие они получили после выделения Правительством РСФСР (председатель правительства И. С. Силаев) 1 млрд руб. для поддержки начинающих фермеров. За пять лет количество фермеров в России выросло в 4,5 раза и достигло к 1995 г. 270 тыс.

В начале XXI в. число КФХ в РФ стало сокращаться. К 2000 г. их число по сравнению с 1995 г. сократилось на 3 %, к 2010 г. их число уменьшилось почти на 30 тыс. по сравнению с 2000 г. и составило по РФ 229 тыс. КФХ. В 2020 г. согласно предварительным итогам сельскохозяйственной переписи число КФХ составило 118 тыс. или их число уменьшилось в сравнении с 2010 г. на 100 тыс. [Федеральная служба государственной статистики, 2021, с. 24]. Уменьшается количество КФХ и в республиках Сибири. Их число уменьшилось в республике Алтай по сравнению с 2010 г. на 33%. В республике Хакасия их число уменьшилось в 2021 г. по сравнению с 2000 г. на 44%. По Республике Бурятия их число по сравнению с 1996 г. сократилось на 62%. Сокращается количество КФХ и в Республике Тыва. К 2021 г. количество КФХ в республике по сравнению с 1995 г. сократилось на 52%.

Как же повлияло сокращение числа КФХ в целом по Российской Федерации и отдельно по республикам Сибири на результаты работы аграрного комплекса? Рассмотрим это на производстве животноводческой продукции, так как КФХ на территории Восточной Сибири специализируются в основном на производстве этого вида продукции. В целом по

РФ доля КФХ в производстве продукции животноводства не уменьшается, а с каждым годом растет. Так, в 2020 г. ими было произведено скота и птицы на убой (живой массы 591 тыс. тонн или больше, чем было произведено в 2013 г. на 49%), а в сравнении с 2016 г. рост составил 22% [Министерство сельского хозяйства РФ, 2020, с. 23]. Согласно таблице 1 КФХ не снижает производство животноводческой продукции (скота и птицы на убой), если снизилась, то незначительно, хотя количество КФХ, как мы ранее отметили, сократилось.

Таблица 1

**Производство скота и птицы на убой (в убойном весе) в
КФХ по республикам Сибири (тыс. т.)***

Республики	2017	2018	2019	2020	2021
Алтай	10,2	11,1	10,3	10,6	5,8
Бурятия	–	–	2,6	2,8	3,2
Тыва	17,4	17,6	19,9	22,9	24,3
Хакасия	21,2	21,6	21,5	22,3	22,1
РФ	305	322	336	351	–

*Данные из статистических сборников Республик Сибири

Из таблицы видно, что сокращение числа КФХ не сильно повлияло на объем производства животноводческой продукции по республикам Сибири. Только по республике Алтай сокращение числа КФХ (за 10 лет сократилось на 33%) сказалось на их доле в общем объеме производства продукции сельского хозяйства. Так, по итогам 2021 г. доля КФХ в общем объеме производства продукции сельского хозяйства в Республике Алтай сократилась на 25%.

Таблица 2

**Доля КФХ в общем объеме продукции сельского хозяйства по республикам Сибири
(в %.)***

Республики	2017г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.
Алтай	29	28,3	29,8	23,9	21,5
Бурятия	–	–	8,6	9,1	9,7
Тыва	13,6	14,3	16,4	16,4	17,0
Хакасия	17,9	17,2	18,9	19,6	20,6

*Данные из статистических сборников Республики Сибири за 2017–2021 гг.

Как видно из таблицы 2, сокращение количества КФХ в республиках Сибири не сказалось на их доле (за исключением Республики Алтай) в общем объеме производства продукции сельского хозяйства. Это свидетельствует скорее всего о том, что ушли с поля деятельности по производству продукции сельского хозяйства те КФХ, которые либо не работали, либо числились лишь на бумаге. Несмотря на уменьшение числа КФХ, это не повлияло на общий объем производства аграрного сектора республик Сибири.

Вместе с тем надо увеличивать производство продукции сельского хозяйства, как в целом по всем организациям аграрного сектора, так и по КФХ. Почему? Да потому что на душу населения, согласно данным таблицы 3, в республиках Сибири производство продукции полей и ферм значительно меньше, чем требуется по нормам питания.

Производство продукции сельского хозяйства на душу населения (кг)

Продукция сельского хозяйства	Нормы (кг) Алтухов, 2017, с. 42	Республики (производство на душу населения)				
		Алтай	Бурятия	Тыва	Хакасия	РФ
Скота и птицы (в убойной массе)	73	120	39	37	39	77
молока	325	335	112	199	263	220

Из таблицы 3 видно, что производство продукции сельского хозяйства по итогам 2020 г. в республиках Сибири в части животноводческой продукции значительно ниже рекомендуемых норм питания, за исключением производства картофеля. Его производится больше, чем требуется по нормам. Что необходимо сделать для того, чтобы увеличить производство продукции сельского хозяйства в республиках Сибири, чтобы как-то приблизить производство к нормам питания, особенно в производстве крестьянскими (фермерскими) хозяйствами?

Как нам представляется, для того чтобы нарастить объем производства, надо увеличивать число КФХ, а также в каждом из них увеличивать поголовье и его продуктивность. Продуктивность можно увеличить за счет выращивания более продуктивных и скороспелых пород животных, т.е. за счет пород, которые живую массу, необходимую для забоя, набирают в более короткие сроки. Таких примеров немало. Так, в Хакасии разводят овец эдельбаевской породы, ягнята, которые сразу рождаются весом до 7 кг, к осени их вес достигает более 40 кг в живой массе [Хакасия, 2023, № 5, с. 1]. В Хакасии есть племенное хозяйство по выращиванию этой породы овец. В Хакасии также начали разводить крупный рогатый скот голштино-фризской породы. У коров этих пород надой молока достигает до семи тонн и более в год. Сейчас в среднем надой молока на фуражную корову по республике около 4 тонн в год. Телята этой породы крупного рогатого скота достигают половой зрелости в 12–14 месяцев. Наша (местная) порода достигает этого только через 18–24 месяца.

Начато разведение таких мясных пород крупного рогатого скота, как бельгийские голубые. Масса последних (одного быка) достигает до 1,4 тонны [Хакасия, 2023, № 11, с. 5]. Правда, они требуют сбалансированного рациона кормов и хорошего ухода. Резервы есть, необходима заинтересованность и фермеров, и представителей власти. При этих условиях можно значительно увеличить производство продукции, особенно животноводческой продукции, и тогда в республиках Сибири она будет производиться в пределах рекомендуемых норм питания.

Из приведенного материала можно сделать вывод о том, что резервы у КФХ в плане увеличения производства животноводческой продукции есть, только надо им помочь, чем и занимается в настоящее время государство.

Литература:

- Агропромышленный комплекс России / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. М.: Информагротех, 2000. 563 с.
- Алтухов А. Регионы в обеспечении продовольственной безопасности страны // Экономист. 2017. № 1. С. 38–49.
- Бобышева И. Н. Исторические аспекты развития крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств // Вестник НГИЭИ. 2013. № 5 (24). С. 70–77.
- Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Т. 24. М.: Советская энциклопедия, 1977. 560 с.
- Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Т. 30. М.: Советская энциклопедия, 1978. 631 с.
- Газета «Хакасия», 2023, №5 (24673), 19 янв.
- Газета «Хакасия», 2023, № 11 (24679), 2 февр.
- Кузнецов А. Г. Становление и развитие крестьянского (фермерского) хозяйства в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 19. № 45. С. 116–119.
- Сельскохозяйственная микроперепись 2021 г. Предварительные итоги по крестьянским (фермерским) хозяйствам и индивидуальным предпринимателям / Федеральная служба государственной статистики. М., 2022. 65 с.

Лексютина Яна Валерьевна

доктор политических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация

lexyana@ya.ru

Лагутина Мария Львовна

доктор политических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого

Санкт-Петербург, Российская Федерация

manipol@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ С КИТАЕМ

На основе анализа релевантных статистических данных в статье характеризуется состояние внешнеторговых связей Республики Бурятия с Китаем к 2022 г. В статье фиксируются и характеризуются как особенности внешней торговли республики в целом, так и специфические черты, присущие внешнеторговым связям с Китаем, на протяжении ряда лет выступающим крупнейшим торговым партнером Бурятии.

Ключевые слова: Россия; Китай; Республика Бурятия; торговля; российско-китайские отношения.

Leksyutina Yana Valeryevna

Doctor of Sciences in Political

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russian Federation

Lagutina Maria Lvovna
Doctor of Sciences in Political
Saint-Petersburg State University
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint-Petersburg, Russian Federation

THE CURRENT STATE OF BURYATIA'S FOREIGN TRADE WITH CHINA

Based on the analysis of relevant statistical data, the article characterizes the state of foreign trade of the Republic of Buryatia with China by 2022. The article reveals and characterizes both the features of the foreign trade of the republic as a whole and the specific features inherent in foreign trade with China, which for a number of years has been the largest trading partner of Buryatia.

Keywords: Russia; China; Republic of Buryatia; trade; Russia-China relations.

На протяжении по меньшей мере двух десятилетий динамично развиваются российско-китайские отношения, достигшие уровня всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Особенностью и достижением последнего десятилетия стали форсированное наращивание торгово-экономического взаимодействия между двумя странами и выстраивание тесных хозяйственных и внешнеторговых связей дальневосточных регионов России с Китаем. И хотя Республика Бурятия не стоит в авангарде торгово-экономического взаимодействия с Китаем (на нее приходится менее 1% всего товарооборота России с Китаем, большая часть китайских инвестиций также не идет в эту республику), для ее взаимодействия с Китаем между тем характерна положительная динамика, торговля хорошо структурирована, и уже на протяжении целого ряда лет Китай остается крупнейшим торговым партнером Бурятии с долей 42,5% всего внешнеторгового оборота республики (по результатам 2021 г.) [Торгово-экономическое сотрудничество...].

Для структуры внешней торговли Бурятии характерен целый ряд особенностей. Так, например, как и для многих других дальневосточных регионов России, для Бурятии характерно преобладание азиатских партнеров во внешнеторговых связях. Помимо Китая в семерку крупнейших торговых партнеров Бурятии входят Япония (с долей 18,1% на 2021 г.), Тайвань (6,5%), Эфиопия (4,3%), Мали (4,2%), Монголия (4%) и Южная Корея (3,7%). Другая особенность состоит в том, что подавляющую часть внешнеторгового оборота Бурятии составляет экспорт при минимальных размерах импорта. По результатам 2021 г. на экспорт приходилось порядка 94% всего объема товарооборота (1329 млн долл. экспортных поставок против 88,1 млн долл. импортных) [Статистическая информация...]. При этом основными направлениями экспортных потоков из Бурятии на протяжении многих лет остаются Китай, Япония, Южная Корея и Монголия. Основу экспорта Бурятии составляют: авиационная техника, запасные части и комплектующие (благодаря продукции, выпускаемой Улан-Удэнским авиационным заводом, который входит в холдинг АО «Вертолеты России»), каменный уголь, продукция лесопиления и целлюлозно-бумажная, лесохимия и продовольственные товары. Примечательно и то, что единственными статьями экспорта Бурятии в Японию, Южную Корею и Тайвань в 2021 г. были каменный уголь и твердое топливо из него.

В случае с Китаем в последние несколько лет подавляющая часть экспортных товаров Бурятии приходится на авиационную технику, запасные части и комплектующие к ней (вертолеты, самолеты, космические аппараты и ракеты). Именно эта товарная группа составляет порядка 70% всего экспорта Бурятии в Китай. Резкое увеличение товарооборота в

2020 г. (см. таблицу) – почти вдвое – произошло во многом в результате четырехкратного роста (или на 343,3 млн долл.) поставок авиационной техники. Важно отметить, что всего несколько лет назад продукция машиностроения в целом была нишевой в экспорте Бурятии в Китай. Так, например, в 2017 и 2018 гг. на нее приходилось около 0,2 и 0,03% соответственно от всего экспорта Бурятии в Китай [Суходолов, 2019, с. 5].

Таблица

Внешняя торговля Республики Бурятия с Китаем, 2017–2021 гг., млн долл.

	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Внешнеторговый оборот</i>	297,8	394,2	322,7	607,7	602,8
доля Китая, %	35,5	37,4	32,0	49,3	42,5
<i>Экспорт</i>	244,8	328,4	268,2	574,2	565,8
доля Китая, %	32,4	34,6	29,5	49,4	42,6
<i>Импорт</i>	53,0	65,9	54,5	33,5	37
доля Китая, %	63,8	62,9	56,6	48,6	42

Источник: Торгово-экономическое сотрудничество Республики Бурятия с КНР в 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://invest-buryatia.ru/eksportnyy-portal/eksportnaya-statistika/>; Статистическая информация о внешней торговле по итогам 4 квартала 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic/respublika-buryatiya/2021-god/document/329537>

Следует отметить, что для 2020–2021 гг. ввиду влияния коронавирусных ограничений на трансграничные перемещения товаров характерны некоторые отклонения от общей картины торговли Бурятии и Китая и, главным образом, отклонения наблюдались в экспортных потоках в Китай. Так, например, в 2021 г. основными экспортируемыми в Китай товарами были: авиационная техника с долей 72,5%, каменный уголь с долей 12,2%, древесина и изделия из нее – 12%, картон – 2,5%. А в 2021 г. было зафиксировано резкое сокращение поставок угля (из-за введенных Китаем ограничений на пограничных пунктах пропуска), и экспортная структура изменилась: авиационная техника – 61,9%, пиломатериалы – 14,3%, каменный уголь – 3,6% от стоимостного объема экспорта.

Помимо авиационной техники и угля большим спросом в Китае пользуется древесина и продукция деревообработки из Бурятии. В 2021 г. 90,4% от общего объема экспорта Бурятией этой продукции пришлось на Китай. Среди российских регионов Бурятия занимает 7 место по объему экспорта в Китай древесины и продукции деревообработки, а также 7 место по экспорту картона и бумаги в Китай.

В разрезе импорта Китай является крупнейшим источником импорта Бурятии, хотя с течением времени прослеживается тенденция сокращения доли Китая в импорте Бурятии: с 63,8% в 2017 г. до 42% в 2021 г. Бурятия импортирует из Китая машины, оборудование и механизмы (в 2020 г. на них пришлось 37,1%), шины, продовольственные товары, косметические средства.

В целом можно говорить о том, что Китай прочно занял позиции главного внешнеторгового партнера Республики Бурятия, и, в отличие от некоторых других крупных внешнеторговых партнеров республики (таких как Япония, Южная Корея и Тайвань), структура торговли с Китаем диверсифицирована. Антироссийские санкции и ограничительные меры в области торговли с Россией, в том числе введенные Японией, Южной Кореей и Тайванем, общая перестройка системы внешнеторговых связей России, активизация работы Торгово-промышленной палаты Республики Бурятия и соответствующих ведомств правительства Республики Бурятия на китайском направлении, будут способствовать упрочнению позиций Китая как крупного торгового партнера Бурятии.

Источники и литература:

Статистическая информация о внешней торговле по итогам 4 квартала 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic/respublika-buryatiya/2021-god/document/329537>.

Суходолов Я. А. Современная специфика и перспективы развития внешнеторгового сотрудничества Республики Бурятия с Китайской Народной Республикой // *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 1. С. 8.

Торгово-экономическое сотрудничество Республики Бурятия с КНР в 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://invest-buryatia.ru/eksportnyy-portal/eksportnaya-statistika/>

Свиридова Светлана Васильевна
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
ssv100479@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

В данной статье рассматривается проблема горнодобывающей отрасли – недостаток кадров. Отсутствие четких требований к существующим горным специальностям и слабая финансовая обеспеченность вузов привели к несоответствию требованиям современных предприятий отрасли.

Ключевые слова: горнодобывающая отрасль; подготовка кадров; формирование кадров.

Sviridova Svetlana Vasilyevna
East Siberian State
University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation

PROBLEMS OF PERSONNEL FORMATION FOR MINING ENTERPRISES

This article discusses the problem of the mining industry – the lack of personnel. The lack of clear requirements for existing mining specialties and the weak financial security of universities has led to non-compliance with the requirements of modern industry enterprises.

Keywords: Mining industry; personnel training; personnel formation.

В эпоху империализма, в периоды военных действий, горные специальности не представляли собой престижные и высокооплачиваемые профессии. На работы в рудники и шахты ссылались люди из низших социальных слоев, преступники и политзаключенные. Однако с течением времени облик шахтера-пленника подвергся существенным трансформациям. Горно-геологические профессии получили высокий статус, но в условиях перестройки, смены позиций системы образования и переходом населения в наиболее перспективные виды деятельности горные специальности вновь обесценились.

В настоящее время комплекс горно-перерабатывающих предприятий представляет собой один из ключевых отраслей мировой экономики. В экономике России горнодобывающая промышленность и металлургия занимают одну из ведущих позиций.

Поэтому актуальна проблема усиления конкурентоспособных позиций металлургических предприятий как внутреннем рынке страны, так и на мировой арене.

Нехватка рабочих кадров входит в число самых распространенных проблем, с которыми на сегодняшний день сталкиваются горнодобывающие предприятия. В современном мире быстрыми темпами возрастает конкуренция за получение квалифицированных кадров не только на уровне российских компаний, но и на межгосударственном уровне. При этом процессы усиленной глобализации и развитие технологий предъявляют постоянно растущие требования к качеству трудовых ресурсов, их постоянному квалификационному росту.

Высший горный совет НП «Горнопромышленники России» – организация, которая объединяет наиболее авторитетных и влиятельных промышленников и предпринимателей, ученых и специалистов горного дела России, призывают горное сообщество обратить особое внимание к вопросам формирования кадров горнорудной отрасли. Горнопромышленники считают, что необходима реорганизация вузов, осуществляющих подготовку кадров для горнопромышленного комплекса.

Президент НП «Горнопромышленники России», заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по природным ресурсам, природопользованию и экологии В. А. Язев в своем выступлении утверждал, что отсутствие квалифицированных кадров становится одним из сдерживающих факторов роста российской экономики в последние десятилетия. Для профессионального сообщества очевидно, что решение глобальных задач развития горнодобывающей отрасли, повышение качества выпускаемой продукции не может происходить в отсутствие современной и инновационной системы подготовки высокопрофессиональных кадров.

В 2010 г. в рамках форума «МИНГЕО Сибирь» директор Института геологии, горного дела и геотехнологий СФУ В. А. Макаров говорил об упадке уровня престижа горно-геологических специальностей и нехватке квалифицированных кадров – преимущественно инженеров и технологов. В 2021 г. на той же площадке В. А. Макаров заявил о том, что кадровый голод на сегодняшний день находится в критической точке, и игнорирование проблемы может остановить рост горнодобывающих предприятий. По данным последнего десятилетия в российских учебных заведениях высшего образования на горно-геологических факультетах наблюдается значительный недобор абитуриентов: из поступающих отсеивается около 40–50% чел. Исходя из утверждений В. А. Макарова, сейчас институты геологии, горного дела и металлургии набирают студентов по остаточному принципу: абитуриентов очень мало, конкурс низкий, поэтому приходится брать чуть ли не всех желающих. С течением времени большая их часть осознают, что не способны усваивать знания горно-геологического характера. Также не все студенты, получившие высшее образование, связывают свою будущую деятельность с работой по специальности.

Проблема заключается не только в отсутствии интереса у молодежи, но и в недостатках современной системы образования. Новые технологии стабильно совершенствуют добывающую отрасль, однако программы обучения в вузах практически не видоизменяются. Российская система образования с опозданием отвечает на преобразования, происходящие в экономике. В настоящий момент для решения данной проблемы требуется организовать совместную деятельность государственных структур, учебных заведений и общественных организаций. Также стоит отметить необходимость усовершенствование учебных программ, преобразование профессиональных образовательных стандартов, а также внедрение их в горнодобывающий комплекс страны.

Сегодня идеи высшего образования отличаются от требований современной промышленности – особенности индустрии России заключаются в том, что компании не направлены на реализацию стратегических целей и происходит упрощение технологических задач. Направленность на формальные аспекты привела систему образования к обособленности российских вузов от глобального развития. Университеты не получают средства на реализацию производственных практических занятий, они переполнены административными кадрами, отмечается снижение роли в регулировании учебного процесса специализированными кафедрами и учеными советами.

Стоит отметить важность такой проблемы, как отсутствие четких требований к существующим горным специальностям. На сегодняшний день в России реализуются ФГОС, которые включают все виды профессиональной деятельности в одну специализацию – горное дело. В связи с действующими стандартами в одну группу входят абсолютно разные по специфике специальности, такие как обогащение полезных ископаемых и шахтное подземное строительство. Как результат из университетов выходят специалисты-универсалы, которые в своем багаже имеют только общие знания, не содержащие в себе особенностей работы определенного направления.

Согласно современному регламенту, начать свою деятельность в горнодобывающем секторе можно лишь имея высшее образование – необходимо потратить 4–6 лет на фундаментальное образование. По мнению директора Института геологии В. А. Макарова, необходимо ввести ряд ускоренных образовательных программ или курсов, которые будут способствовать освоению человеком профессии в короткие сроки и дадут возможность начать получать опыт на практике, так как уровень подготовки специалистов должен быть оценен через технологические процессы.

Данный механизм уже частично реализован: большие горнодобывающие предприятия осуществляют программы профессионального старта, а также центры развития компетенций на базе университетов. Зачастую они заключают со студентами договоры на прохождение практики с последующим трудоустройством на своих производственных объектах. Такой механизм дает определенные результаты, так как именно работники данных отраслей имеют наиболее четкое представление о том, какие специалисты им нужны.

Вопрос кадрового голода еще больше обострился на фоне событий последних лет: дефицит горно-геологических специальностей усилили пандемия и введенные санкции. На большинстве российских горнодобывающих производств эксплуатируется импортная техника и оборудование. Сектор в короткие сроки лишился значительной части иностранных специалистов, вносящих большой вклад в содержание и развитие промышленности.

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что из-за несовершенства системы образования и отсутствия коммуникаций между образовательными учреждениями и предприятиями отрасли, к сожалению, мы теряем тысячи высококвалифицированных специалистов. Приток молодых специалистов в отрасль практически прекратился, а ведь на их подготовку требуются годы. Осознавая в полной мере важность профессий горнодобывающей отрасли, государству сегодня необходимо выработать четкую стратегию привлечения в отрасль специалистов, обеспечив надлежащие условия труда, достойную заработную плату, безопасность ведения горных работ, а также повысив социальный статус профессий отрасли. При наличии четкой, продуманной политики государства по развитию горнодобывающей отрасли работать на предприятиях отрасли снова станет престижным, а люди, которые в ней заняты, будут чувствовать себя комфортно и гордиться своей работой.

Источники и литература:

Журнал «Горная Промышленность». 2014. № 2 (114). 93 с.

Кадровые проблемы горной отрасли [Электронный ресурс]. URL: <https://mining-media.ru/ru/article/expo/6444-kadrovye-problemy-gornoj-otrasli>

Латыпова М. М. Современные тенденции в развитии структуры управления на горных предприятиях // Научный вестник Московского государственного горного университета. 2014. № 3. С. 101–108.

Убонова Дарима Зориктоевна
Бурятский научный центр СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
darimaub@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЛЕСНОЙ ИНДУСТРИИ КАК ТРАДИЦИОННОЙ ОТРАСЛИ ЭКОНОМИКИ БУРЯТИИ

Проведен ретроспективный анализ динамики и структуры производства лесной индустрии Бурятии. Исследован процесс развития отрасли в довоенный и послевоенный периоды. Сделан вывод о значительном влиянии на развитие отрасли особого режима использования природных ресурсов в бассейне озера Байкал.

Ключевые слова: лесная промышленность; Республика Бурятия; экономическое развитие; экологические ограничения.

Ubonova Darima Zoriktoevna
Buryat Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

DEVELOPMENT OF THE FOREST INDUSTRY AS A TRADITIONAL SECTOR OF THE ECONOMY OF BURYATIA

A retrospective analysis of the dynamics and structure of the production of the timber industry of Buryatia was carried out. The process of development of the industry in the pre-war and post-war periods has been studied. The author concludes the special regime for the use of natural resources in the Baikal basin impacts the development of the industry.

Keywords: timber industry; Republic of Buryatia; economic development; environmental restrictions.

Одной из базовых отраслей Бурятии традиционно является лесная промышленность, включающая деревообработку и целлюлозно-бумажную промышленность. Зарождение данной отрасли неразрывно связано с созданием Бурят-Монгольской АССР в 1923 г., к моменту образования которой республика являлась экономически отсталой окраиной СССР [Шаповал, 2020]. В те годы вся фабрично-заводская промышленность насчитывала всего лишь 16 предприятий с общей численностью рабочих 854 чел. [Республика Бурятия..., 2018].

Ситуация резко меняется вместе с курсом на индустриализацию страны. В эксплуатацию вступают крупные предприятия союзного значения: паровозовагоноремонтный завод, стеклозавод, мясохладокombинат, мелькомбинат. Возрастает спрос на лесные материалы, что связано с интенсивным капитальным строительством. В республике фактически заново создается лесная и деревообрабатывающая

промышленность, первенцами которой становятся Ключевский и Улан-Удэнский лесопильные заводы. В этот период капитальные вложения в отрасль в основном идут на механизацию лесозаготовок и переработки древесины. Формирование рабочих кадров в лесной индустрии в годы первых пятилеток происходит как в принудительной форме (спецпереселенцы и военнопленные), так и в виде организованного набора рабочей силы из других регионов страны [Новолодская, 2011].

Уже к 1940 г. на долю лесной индустрии приходится около 17,5% валовой продукции промышленности республики [Великая Победа..., 2020]. Среднегодовая численность рабочих предприятий крупной государственной промышленности по лесопереработке, деревопереработке и сплаву в 1940 г. составляет свыше 10 тыс. чел. В результате за годы первых пятилеток лесная промышленность республики прошла путь от мелких, кустарных предприятий до создания мощной, широко механизированной отрасли народного хозяйства. Бурят-Монголия становится одним из ведущих регионов развития лесной индустрии страны.

В связи с восстановлением народного хозяйства после окончания Великой Отечественной войны стране требовалось огромное количество лесоматериала. Так, с 1953 г. комбинат «Забайкаллес» становится крупнейшим лесозаготовителем республики, объединив под своим началом большинство предприятий отрасли. В 1960 г. в составе предприятия действовали 12 леспромхозов, 2 лесозавода, 3 лесоперевалочных предприятия, 26 лесничеств. В 1960-е гг. лесная промышленность превратилась в одну из ведущих отраслей специализации хозяйства Бурятской АССР.

В те же годы произошла стабилизация производства и вывоза древесины, в том числе деловой. В отраслевом производстве стал увеличиваться удельный вес продукции с высокой степенью переработки, включая пиломатериалы. С вводом в строй в 1973 г. Селенгинского целлюлозно-картонного комбината ведущей подотраслью лесопромышленного комплекса Бурятской АССР стало целлюлозно-бумажное производство.

В целом послевоенный период развития отрасли характеризовался модернизацией производства. Постепенно повышался уровень механизации производственных процессов, включая труд на лесосеках и погрузочно-разгрузочные работы. Если в 1940 г. уровень механизации заготовок древесины составлял лишь 3%, подвозки (трелевки) – 4,6%, вывозки – 40%, то к 1956 г. была механизирована валка и вывозка леса, а в 1961 г. – подвозка и погрузка [Васильев, 2006]. В леспромхозы стала поступать производительная техника, в том числе более мощные трактора и автомашины с увеличенной нагрузкой на ось. Внедрение этих механизмов потребовало совершенствование технологии лесозаготовительных, погрузочных и подготовительных работ, строительства дорог с усиленным покрытием.

Однако по мере возрастания значимости экологических факторов все большее внимание в СССР стало уделяться природоохранным вопросам, включая ограничения производств, наносящих вред окружающей среде. В лесной индустрии Бурятии одним из важных производственных процессов был сплав леса, который шел по оз. Байкал и по рекам Турка, Баргузин, Итанца, Уда и Селенга. Данный способ транспортировки был экономически выгоден по сравнению с автомобильными перевозками за счет значительно меньших затрат. Вместе с тем сплав леса приводил к большим потерям древесины от утопа, что приводило к засорению сплавных рек и угрозе экологической безопасности в бассейне оз. Байкал. Брошенная древесина создавала условия для распространения вредителей леса, увеличивала пожарную опасность и ухудшала возобновление леса.

Вследствие этого было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 января 1969 г. «О мерах по сохранению природных богатств бассейна озера Байкал», в соответствии с которым был установлен особый режим использования природных ресурсов [Гайдин, 2008]. Были определены основные мероприятия по улучшению охраны и

использованию природных ресурсов, таких как исключение лесов курортного значения и заповедников на территории бассейна оз. Байкал из состава эксплуатационных, пересмотр состава лесосырьевых баз, усиление контроля за правильным ведением лесозаготовки, запрет на плотовый сплав. Одновременно с этим постановлением вышли сначала временные, а в 1973 г. постоянные Правила рубок главного пользования в лесах бассейна озера Байкал. Согласно данному постановлению был полностью запрещен сплав по рекам Байкальского бассейна [Иванов, 2017].

Это поставило перед лесозаготовительными предприятиями новые задачи в технологии лесосечных работ и транспортного освоения лесосырьевой базы без использования сплава. Необходимо было изменить сеть лесовозных дорог, приспособить существующую технологию лесозаготовок к новым правилам рубок в режимной зоне Байкала с учетом экологических ограничений.

Развитие лесной индустрии имело ярко выраженный экстенсивный характер. Рост производства продукции зависел от увеличения использования ресурсов. Постепенное истощение лесных запасов в центральной части Бурятии привело к перемещению лесозаготовок в труднодоступные местности. Следствием этого стали удорожание хозяйственной деятельности предприятий отрасли и размещение производственных мощностей по освоению лесосырьевых ресурсов на северо-востоке и юго-западе республики.

В целом начиная с 1923 г. лесная индустрия Бурятии прошла большой путь. Довоенный период характеризовался развитием лесозаготовок и первичной переработки древесины, использовавшейся в основном в виде строительных материалов при создании промышленной базы республики в ходе индустриализации. Наибольшее развитие лесная промышленность получила в послевоенные годы, став одной из ведущих отраслей экономики республики. Создавались новые леспромхозы, происходила модернизация производства, увеличивалась доля продукции с высокой степенью переработки. На развитие значительное влияние оказывал особый режим использования природных ресурсов в бассейне озера Байкал.

Источники и литература:

Васильев В. С. История развития лесной промышленности Бурятии 1953–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. С. 14–17.

Великая Победа – 75 лет: стат. сб. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru>. (дата обращения: 08.02.2023).

Гайдин С. Т. Эволюция политики по рациональному использованию и охране природных ресурсов озера Байкал и его бассейна (1946–1991 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4. С. 29–37.

Иванов В. В., Евдокименко М. Д. Роль рубок и пожаров в динамике лесов бассейна озера Байкал // Лесоведение. 2017. № 4. С. 256–269.

Новолодская М. С. Миграционное пополнение рабочих лесной промышленности БМАССР спецпереселенцами (1930–1950-гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 39–42.

Республика Бурятия – 95 лет: юбилейный сб. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru>. (дата обращения: 06.02.2023).

Шаповал Е. Ю. О роли национального представительства в становлении промышленности Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-х гг. // Власть. 2020. № 4. С. 192–198.

РАЗДЕЛ 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Голиусова Юлия Вячеславовна

кандидат социологических наук

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Москва, Российская Федерация

YGoliusova@yandex.ru

Самба Анна Демир-Баадыровна

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Москва, Российская Федерация

sundui2012@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)¹

Авторы анализируют данные социологических исследований, проведенных в Республике Тыве в 2019, 2021 гг. Рынок труда республики рассматривается с точки зрения региональных особенностей формирования новых форм занятости в Тыве.

Ключевые слова: рынок труда; человеческий капитал; занятость; самозанятость; социальные гарантии.

Goliusova Yulia Vyacheslavovna

Candidate of Sciences in Sociology

Institute of Sociology

of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

Samba Anna Demir-Baadyrovna

Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

REGIONAL PECULIARITIES OF THE FORMATION OF NEW FORMS OF EMPLOYMENT (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TYVA)

The authors analyze in the article the data of sociological studies conducted in the Republic of Tyva in 2019, 2021. The labor market of the republic is considered from the point of view of regional peculiarities of the formation of new forms of employment in Tuva.

Keywords: labor market; human capital; employment; self-employment; social guarantees.

В современное время трансформация российского общества не просто изменила его социальную структуру, но со всей остротой поставила перед традиционными общностями вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, системе ценностей. В этом аспекте рассматриваются традиционные особенности тувинского

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 20-511-44011 Монг_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации».

общества, а именно модернизация социального пространства региона. Консолидация усилий инновационного подхода к традиционным ценностям в обществе, мобилизация сознания, поведения не может не затрагивать проблемы традиционных ценностей, поведенческих установок и особых этнических стереотипов.

Возрастная структура населения республики характеризуется тем, что самой многочисленной группой являются молодые мужчины в возрасте около 30 лет. Численность населения в трудоспособном возрасте составляет 54,5%. Число лиц старше трудоспособного возраста составляет 11,1%. Уровень безработицы составляет 16%. Сельское население составляет 47% всего населения республики. Общая доля лиц, занятых в неформальном секторе экономики, составила 30,7% от общего количества занятых в экономике или 32931 чел. На таком социально-статистическом фоне разворачивается картина, которая будет описана по результатам исследования проблем бедности в Республике Тыва, проведенном по заказу Министерства труда и социальной политики республики. Опрос был проведен методом формализованного интервью. Объектом опроса являлись 1200 домохозяйств, расположенных во всех кожуунах республики.

Хотя заказ поступил на изучение структуры бедности в республике, нами была предпринята попытка выявить потенциал развития социально-трудовой сферы Тывы. По результатам обработки половины бланков интервью вырисовываются следующие проблемы и достижения в управлении, касающиеся новых форм занятости населения:

1) В Тыве распространены расширенные семьи, родовые сообщества, которые не только проживают под одной крышей и ведут общее хозяйство (являются домохозяйством), но и трудятся вместе, например, в личном подсобном хозяйстве. При этом в разделении труда принимают участие несколько поколений. Такой уклад жизни продиктован традициями кочевой жизни народа. При этом в суммарном доходе такой расширенной семьи можно выделить пособия на несовершеннолетних детей, пенсии по старости, заемные средства и то, что не подлежит никакому подсчету – продукты натурального хозяйства (мясо, молоко, шерсть и т.д.). Наши респонденты предпринимали попытки найти денежный эквивалент тем доходам животноводства и растениеводства, которые они ежемесячно получают. Это оказалось весьма затруднительно, поскольку часто такого рода продукция подлежит натуральному обмену на продукцию другого хозяйства. По нашим предварительным подсчетам доля таких обменов достаточно велика. Обмен идет как внутри сельских сообществ, так и между городом и селом (некоторые семьи имеют родственников в городе). На наш взгляд, натуральный обмен – основа экономики сельских домохозяйств. Личные подсобные хозяйства не имеют официального юридического статуса. Работающие в них люди не имеют никаких социальных гарантий, не отчисляют взносы в пенсионный фонд и в фонд социального страхования. Они находятся в неформальном секторе экономики. Необходимость узаконивания их существования назрела уже давно. В Республике Тыва был принят вслед за федеральным закон о самозанятых. Реализуется программа вовлечения трудоспособного населения в самозанятость. Однако наше исследование показывает, что многие респонденты не решаются на выход из тени по причине правовой неграмотности, они отмечают недостаточность знаний в этой области, боязнь высоких налогов и сборов.

2) Очень ярко проявляются так называемые «ножницы» между системой образования и рынком труда. Среди безработных велика доля лиц с высшим и средне-специальным профессиональным образованием. Причем это длительная безработица в течение трех последних лет. Велика доля людей с высшим образованием, которые неофициально занимаются извозом, неофициально стоят за прилавками магазинов, неофициально трудятся чабанами и помощниками чабанов в чужих ЛПХ. Депрофессионализация таких людей налицо. Они уже никогда не смогут полноценно трудиться по полученной в учебном

заведении специальности. Виной тому дисбаланс и несогласованность двух социальных институтов. В данном случае можно говорить о прекариате. Преодоление прекарности в социально-трудовых отношениях – одна из важнейших задач. Данная проблема может решаться путем создания новых рабочих мест, путем повышения престижа рабочих специальностей, созданием благоприятного инвестиционного климата в социально-трудовую сферу. Еще раз необходимо взвесить результаты действия программы «Один ребенок с высшим образованием в семье». Следует пропагандировать высшее образование не как терминальную, а как инструментальную ценность.

3) В заключение хотелось бы выразить восхищение работой социального блока. Ведь в республике успешно реализуются такие программы, как «Кыштаг для молодой семьи» (поддержка молодых семей, создание новых рабочих мест), «Корова-кормилица» (поддержка многодетных малообеспеченных семей), «В каждой семье – не менее одного ребенка с высшим образованием» (для детей из малообеспеченных и малоимущих семей республики условия для получения высшего образования, доступность которого в немалой степени определяется ресурсным потенциалом их семей), «Социальный уголь», «Социальный картофель» и др.

Конкретные результаты исследования будут озвучены позже и лягут в основу выступлений на международной научно-практической конференции «Человеческий потенциал населения стран Центральной Азии: перспективы развития», которая пройдет в октябре текущего года в Кызыле.

Литература:

Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Туракаев М. С., Самба А. Д. Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 206–222.

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Самба А. Д. Трансформация регионального социально-профессионального пространства (на примере Республики Тыва) // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 3. С. 167–183.

Орехова Инесса Михайловна

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Москва, Российская Федерация

22376369@mail.ru

РЫНОК ТРУДА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ¹

Автор анализирует в статье данные социологических исследований, проведенных в Республике Тыве в 2019, 2021 и 2022 гг. Рынок труда республики автор рассматривает с точки зрения использования накопленного в Тыве человеческого капитала высокого уровня.

Ключевые слова: рынок труда; человеческий капитал; занятость; форма собственности; профессиональная группа: трудовая миграция.

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 20-511-44011 Монг_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации».

THE LABOR MARKET OF THE REPUBLIC OF TYVA AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT

The author analyzes in the article the data of sociological studies conducted in the Republic of Tyva in 2019, 2021 and 2022. The author considers the labor market of the republic from the point of view of using the high-level human capital accumulated in Tuva.

Keywords: labor market; human capital; employment; form of ownership; professional group; labor migration.

Рынок труда является местом формирования спроса и предложения на трудовые услуги в сфере экономики. Показатели рынка труда – численность экономически активного населения, численность занятых в экономике, уровень безработицы. Рынок труда имеет дело с особым ресурсом, а именно с человеческим капиталом [Рынок трудовых ресурсов]. Социальные компоненты в понятии «человеческий капитал» занимают доминирующее место, однако теории человеческого капитала практически всегда имеют экономическую направленность и рассматриваются в рамках этой парадигмы. Формирование, воспроизводство и использование человеческого капитала имеют также определенные региональные различия [Соколов, 2016].

Статья основана на материалах социологических исследований, проведенных в Республике Тыва в 2019, 2021 и 2022 гг. Исследования были посвящены изучению социально-структурных изменений в республике.

Республика Тыва обладает значительными накопленными как количественными, так и качественными человеческими ресурсами. В Российской Федерации и практически во всех ее регионах в последние три года наблюдается медленное снижение общей численности населения. В Тыве, наоборот, к началу 2022 г. прирост населения составил 2,1% и этот рост продолжается. Численность экономически активного населения в республике составляет 56%. По России в целом этот показатель равен 53,3% [Население регионов...]. Большинство занятых (82,6%) имеют профессиональное образование: 46,7% имеют высшее профессиональное образование и 35,9% – среднее специальное. Данные, полученные в ходе проведенных исследований, позволили определить, в какой степени современное состояние рынка труда Тывы позволяет использовать накопленный образовательный, профессиональный, квалификационный человеческий капитал республики.

Прежде всего обратимся к уровню занятости. В исследовании 2022 г. было выявлено, что постоянную работу имеют 65,1%; не имеют таковой – 34,9%. Полученные данные позволили сделать вывод, что в республике наблюдается рост численности занятых. По сравнению с 2021 г. количество занятых увеличилось на 16%. При этом уровень занятости городского населения на 8,4% выше уровня занятости сельского населения. Эта же тенденция наблюдалась и в 2021 г. Следует отметить, что цифра не имеющих постоянную работу, не является показателем уровня безработицы в республике, поскольку в эту группу могут входить занятые временно, имеющие сезонную работу и т.п. Показателем также следующий факт: практически все постоянно занятые работают официально (94,4%). Официальный статус работы имеют 94,5% постоянно занятого городского и 94,3% сельского населения.

Методика исследования 2022 г. позволила получить данные о количестве имеющих свой бизнес – таких в республике 21,7%. Соответственно 78,3% занятых это наемные работники. Имеют свой бизнес среди занятого городского населения – 25%; среди занятого сельского населения – 16,8%. Соответственно 75% занятых в городах – наемные работники. Среди сельского населения наемных работников 83,2%.

В группе имеющих свой бизнес достаточно большое место занимают самозанятые. Причем характер самозанятости четко дифференцирован в зависимости от местоположения бизнеса. В сельской местности преобладают традиционные для Тувы самозанятые – чабаны и другие сельские работники, занятые в личном подсобном хозяйстве. В исследовании 2019 г. занятые этим трудом относили себя к безработным. Исследование 2022 г. выявило значимую группу официально оформленных сельских самозанятых. В городских условиях сформировалась группа, которую можно отнести к современным самозанятым. Сфера их деятельности находится в третичном секторе экономики. Это торговля, общественное питание, бытовое обслуживание. Самозанятость в этих отраслях деятельности характерна для России в целом. На рынке труда Тувы эта группа самозанятых имеет хорошие перспективы роста.

Подтверждением вывода о том, что частный сектор республики в основном представлен самозанятостью и малым предпринимательством, служат показатели численности занятых в государственных и частных предприятиях и организациях. Работают в организациях государственной и муниципальной форм собственности 86,9% занятых. Среди городских занятых в таких организациях работают 84,2%, среди сельских занятых – 90,4%. В частных организациях работают 11,2% занятых (в городах – 14,5%, в сельской местности – 6,8%).

Уровень безработицы – один из важнейших показателей состояния рынка труда региона. В проведенных исследованиях были выделены две группы безработных: зарегистрированные в службе занятости и не зарегистрированные в службе занятости. В 2022 г. зарегистрированные безработные составили 5,2% – по сравнению с 2021 г. снижение на 1,9%. Незарегистрированные безработные составили 8,4% – по сравнению с 2021 г. снижение на 3,9%. Уровень безработицы в сельской местности на 4,9% выше, чем в городах. Но соотношение зарегистрированных и незарегистрированных безработных в городах и сельской местности практически одинаково – 1:1,4 и 1:1,5 соответственно.

В исследовании 2019 г. к безработным причислили себя 15,4% респондентов; в исследовании 2021 г. – 19,4%; в исследовании 2022 г. – 13,6%. В 2020 г. в России в целом уровень безработицы плавно рос: с 4,6% в январе он поднялся до 6,1% в декабре. С января 2021 г. началось столь же плавное снижение. По данным Росстата в 2022 уровень безработицы составил 3,9% [Численность безработных...]. В Туве в целом повторилась общероссийская тенденция изменения уровня безработицы за период пандемии коронавируса: повышение этого уровня в течение 2020 г. и его снижение в 2021 г. Итог влияния фактора пандемии на уровень безработицы в Туве таков. Пандемия остановила начавшийся в регионе процесс снижения уровня безработицы. Более того, она повернула его вспять. Сейчас процесс снижения восстановился, но он еще неустойчив, поскольку инертен рынок труда республики.

В качестве регулятора трудовых ресурсов на рынке может выступать трудовая миграция, как это и происходит во многих регионах Российской Федерации. Тува в отношении миграционных процессов отличается от России в целом и большинства ее регионов. Это касается как естественного движения населения и миграционного прироста, так и непосредственно трудовой миграции.

В Российской Федерации и в большинстве ее регионов наблюдаются отрицательные значения общего и естественного прироста и положительные значения миграционного

прироста. В России в целом миграционный прирост позволяет снизить отрицательные значения общего прироста в 2,4 раза. В Туве ситуация прямо противоположная – в течение последних 15-ти лет она является одним из лидеров естественного прироста населения. В Туве также сохраняется положительный общий прирост населения несмотря на отрицательные значения миграционного прироста. В 2021 г. из республики выехало большее количество людей, чем в нее въехало [Численность населения...]. Население республики демонстрирует высокий уровень самовоспроизводства.

Что касается трудовой миграции, то в Туве работающие в других регионах среди занятого населения насчитывают менее одного процента (0,63%). Это 71-е место в рейтинге 85-и российских регионов [Трудовая миграция...]. По данным исследования 2022 г. возможность переезда в другой регион республики или страны с целью трудоустройства рассматривают для себя 14,2% респондентов. Твердое «нет» ответили 58,6%. Даже сезонную трудовую миграцию внутри республики считают для себя возможной всего 10,6% респондентов, не считая возможной 58,8%. Разница по этим показателям по группам опрошенных (городского и сельского населения) несущественна.

При общей инерционности рынка труда региона необходимо отметить большую степень однородности поведенческих стратегий респондентов в области трудовых отношений.

Источники и литература:

Население регионов России [Электронный ресурс]. URL: http://www.statdata.ru/largest_regions_russia (дата обращения: 14.02.2023).

Рынок трудовых ресурсов [Электронный ресурс]. URL: https://psyera.ru/rynok-trudovyh-resursov_10233.htm (дата обращения: 14.02.2023).

Соколов А. П. Роль человеческого капитала в обеспечении устойчивого и сбалансированного развития территории // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. № 4. С. 68–75.

Трудовая миграция между регионами: процент работающих в других регионах [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.duck.consulting/maps/194/2018> (дата обращения: 14.02.2023).

Численность безработных [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 14.02.2023).

Численность населения Российской Федерации // Сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 14.02.2023).

Горина Татьяна Ивановна

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Москва, Российская Федерация

tagor03@mail.ru

МОТИВАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ САМОЗАНЯТЫХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ¹

Автор приводит анализ данных опроса самозанятых, жителей Москвы, проведенного в 2021 г. Целью проведения данного проекта было изучение стратегий адаптации предпринимателей к кризисной ситуации – пандемии COVID-19.

Ключевые слова: рынок труда; малый и средний бизнес; занятость; самозанятость; мотивации.

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 20-511-44011 Монг_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации».

MOTIVATIONAL BEHAVIOR OF THE SELF-EMPLOYED DURING THE PANDEMIC

The author provides an analysis of data from a survey of self-employed residents of Moscow conducted in 2021. The purpose of this project was to study strategies for adapting entrepreneurs to the crisis situation – the COVID-19 pandemic.

Keywords: labor market; small and medium-sized businesses; employment; self-employment; motivation.

Напомним события недавнего времени: 31 декабря 2019 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о вспышке пневмонии неизвестного происхождения в г. Ухань (КНР), а 30 января 2020 г. обстановка в мире, связанная с заболеванием, была признана «чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения международного значения» [Экономика и экономическая политика в условиях пандемии, 2021, с. 12]. Коронавирус начал распространяться по континентам, вызывая рост инфицированных и умерших. Первыми, сдерживающими эпидемию, мерами стали локдауны, ввод ограничений на коммуникации и передвижения, всеобщее тестирование, финализировался этот процесс вакцинацией. Данный глобальный перелом мироустройства переформатировал функционирование целых экономических систем. Результирующие последствия проявились в падении ВВП стран, увеличении числа безработных, остановках предприятий, сбое торговых потоков, медицинского обслуживания и т.д. «Вирус дезорганизовал ряд отраслей. Гостиничный бизнес, туризм, розничная торговля, индустрия развлечений, транспорт (особенно авиационный) пострадали от резкого падения спроса из-за социального дистанцирования, карантина и ограничений на поездки» [Кондратьев, 2020, с. 97].

В России последствия эпидемиологического кризиса отразились в сокращении спроса на товары и услуги, предложении (деятельности организаций), падении объемов экспорта и обрушении цен на нефть. «Сильнее всего кризис повлиял на экономику через канал внутреннего спроса со стороны населения и предприятий, прежде всего – через потребительскую активность. Переход к экономии изначально был продиктован не столько снижением текущих доходов или ухудшением ожиданий относительно будущих доходов, как это обычно бывает в кризис, сколько связанным с эпидемией физическим дистанцированием (в том числе на фоне временами жестких ограничительных мер со стороны государства), снижением мобильности и изменением потребительских привычек». «В кризисные периоды малый и средний бизнес испытывает большие трудности по сравнению с крупным: у него пониженные возможности доступа к финансовым ресурсам и более низкие по сравнению с крупным бизнесом возможности создания резервов» [Доклад НИУ ВШЭ, 2021, с. 8].

Актуальность изучения анализа влияния пандемийных ограничений на деятельность предпринимателей, определение мотиваций выбранных стратегий, выявление их ресурсной базы, изучение проблематики ведения бизнеса, оценка эффективности господдержки была продиктована глобальными трансформациями, не имеющих аналогов. Объектом исследования были определены действующие формальные и неформальные предприниматели Москвы, отобранные по факту рекламирования собственных услуг в интернете. Это исследование стало вторым этапом опроса предпринимателей Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством З. Т. Голенковой. Первый этап был реализован в 2019 г. и описан в статье «Портрет самозанятых в современной социальной структуре России». Для

осуществления данного проекта в 2019 г. была сформирована база контактов категории «услуги» из сайтов: Авито, Яндекс, Фриланс.ру и Юла. Всего база насчитывала 1025 контактов, определяющим признаком включения в базу было опубликование объявления не ранее чем, за месяц до проведения опроса (декабрь 2019). Методом сбора информации являлось телефонное интервью, проводившееся по полужформализованному опроснику. В итоге было опрошено 190 чел. В 2021 г. была использована та же база и удалось дозвониться до 269 чел. Предполагалось, что некоторые из них могли уже прекратить свою деятельность на момент опроса, что тоже являлось значимым показателем. Прекратившим свою деятельность задавалось два вопроса: «Скажите, пожалуйста, прекращение Вашей деятельности связано с эпидемией коронавируса?» и «Планируете ли возобновлять свою деятельность в будущем?», также подробно фиксировались комментарии респондентов при ответе на эти вопросы.

Итак, общая выборочная совокупность составила 269 чел., из которых 75 чел. на момент опроса (август–сентябрь 2021 г.) прекратили свою деятельность и ответили только о причинах ее прекращения и далее в опросе не участвовали. В ходе проведения опроса выяснилось, что еще 12 предпринимателей прекратили свою работу в период пандемии и на момент опроса ее не возобновили. В итоге был получен пул опрошенных, состоящих из неформально занятых, индивидуальных предпринимателей и самозанятых, имеющих юридический статус. Все они осознанно занимаются оказанием различных услуг на рынке Москвы уже несколько лет.

В процессе интервью респондентам задавались вопросы о влиянии пандемии на прибыль, изменениях в юридическом статусе, реформатировании работы во время локдауна, примененных нововведениях в бизнес-деятельности. В итоге был получен срез разнообразных стратегий адаптации предпринимателей к внешним условиям ограничений и факторов, позволяющих не только не останавливать деятельность, но и получать прибыль. Основной движущей силой в преодолении всевозможных преград можно с уверенностью назвать мотивацию сохранения и приумножения своего бизнеса. Бизнес выступает не только как способ заработка, но и как возможность самореализации в деятельности, которая была самостоятельно выбрана, которой было отдано предпочтение в выборе между наемным трудом и необходимостью проявлять максимальную активность на рынке. Многие респонденты подчеркивали, что предпринимательство – это не работа, это специфический образ жизни, подчиняющий себе все сферы бытия, причем не только инициатора, но и всей его семьи. Также было зафиксировано, что успешность адаптации респондентов находилась в прямой зависимости от ресурса личности (знаний, умений, практик освоения возможностей цифровизации, интернета и др.). Перевод деятельности в онлайн-пространство являлось самым распространенным способом сохранения существующих заказчиков услуг. Наиболее безболезненно это удалось сделать репетиторам, специалистам IT-сферы, бухгалтерам. Предпринимателям, бизнес которых основывался на личном взаимодействии (строители, кондитеры, парикмахеры и т.д.), было тяжелее всего. Но и в этой ситуации наиболее активные находили нестандартные решения в реализации своей работе. А для некоторых респондентов пандемия проявилась как триггер переосмысления деятельности и изменений в ценовой политике, поиске заказов, продвижении на рынке, взаимоотношений с клиентами. Опрос выявил еще один важный тренд. «Теневых» предпринимателей, нацеленных на развитие и масштабирование бизнеса, статус неформала уже не устраивает. Рыночная ситуация диктует необходимость легализации. Издержки нелегального формата перевешивают возможности деятельности в открытой зоне.

В заключение хотелось бы подтвердить уже известную истину – предпринимательство является фундаментом экономической системы России, двигателем ее развития. «В малом предпринимательстве владелец фирмы обычно не только вкладывает собственные средства, не только контролирует направления их использования, но и

единолично осуществляет руководство всеми основными процессами – маркетингом, привлечением средств и инвестированием, осуществлением сделок и взаиморасчетов и т.д. Он несет все риски и разоряется в случае неудачи. Но зато в случае удачи он один пользуется плодами успеха. Отсюда исключительно сильная мотивация к успешному, энергичному хозяйствованию» [Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее, 2003, с. 7].

Литература:

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Горина Т.И. Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 821–836.

Горина Т. И. Вызовы времени: тернистый путь российского малого бизнеса // Социальные и экономические системы. 2020. № 2. С. 123–147.

Кондратьев В. Б. Коронавирус и мировая экономика // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 3(23). С. 96–116.

Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики: доклад НИУ ВШЭ к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 13–30 апреля 2021 г. / Н. В. Акиндинова, Э. Ф. Баранов, В. А. Бессонов [и др.]; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 96 с.

Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. 220 с.

Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. д-ра экон. наук Кудрина А. Л. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 344 с.

Иванова Сембрика Нимаевна

доктор социологических наук

Байкальский институт природопользования СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

sambrika@binm.ru

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРНОЙ АЗИИ¹

Данная статья является продолжением цикла публикаций, посвященных исследованию социально-экономических процессов в зоне влияния Великого Шелкового и Чайного пути в условиях глобализации и изменения климата. Статья отражает результаты исследования оценки социальной устойчивости и определения путей ее достижения в социуме Северной Азии. Достижение социальной устойчивости территорий Северной Азии является важнейшим условием долгосрочного бескризисного развития этих территорий, поддержания национальной безопасности и обеспечения национальных интересов страны.

Ключевые слова: социальная устойчивость; доступность услуг социальной сферы; социальная безопасность территории; качество социальной среды.

Ivanova Sembali Nimaevna

Doctor of Sciences in Sociology

Baikal Institute of Nature Management

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Ulan-Ude, Russian Federation

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН (проект № АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003)).

ASSESSING THE SOCIAL SUSTAINABILITY OF NORTH ASIAN TERRITORIES

This article continues of a series of publications devoted to the study of socio-economic processes in the zone of influence of the Great Silk and Tea Roads in the context of globalization and climate change. It contains the results of a study of assessing social sustainability and determining ways to achieve it in the society of North Asia. Achieving social sustainability of the territories of North Asia is the most important condition for the long-term crisis-free development of these territories, maintaining national security and ensuring the national interests of the country.

Keywords: social sustainability; availability of social services; social security of the territory; social environment quality.

В регионах Северной Азии отмечаются проблемы и противоречия в развитии социальной сферы, дифференциация городских и сельских поселения по инфраструктурной обеспеченности, транспортной доступности. Для повышения эффективности расходов, направляемых на социальные цели, определение приоритетов достижения социальной устойчивости регионов, становится одной из важных задач государственной социальной политики. В связи с этим актуальны исследования, которые одновременно способны представить целостное видение ситуации, а с другой – детализировать ключевые проблемы в части их пространственной локализации.

Обобщая имеющиеся подходы, социальную устойчивость можно трактовать как такое состояние социума, при котором обеспечиваются высокое качество жизни, социальная справедливость, а будущие поколения имеют не меньший доступ к социальным и другим ресурсам как нынешнее поколение, что в конечном счете обеспечивает дальнейшее существование и развитие социума [Гущина, 2018, с. 113; Иванова, 2022, с. 320; Рябова, 2013, с. 11]. Проведена оценка социальной устойчивости территорий 27 регионов Северной Азии на основе разработанной и апробированной методики, в основе которой лежит расчет интегральных индексов уровня социальной устойчивости. Были определены 16 показателей, которые были объединены в 6 групп, затем в 3 блока по составляющим социальной устойчивости: социальная инфраструктура (здравоохранение, образование – 5 показателей); социальная безопасность территории (рынок труда и материальное благосостояние, безопасность социальной среды – 5 показателей); качество социальной среды (демографическое развитие, жилищные условия – 6 показателей) [Иванова, 2022, с. 323; Российский..., 2020, с. 90–263].

В целях достижения сопоставимости показателей в исследовании применен метод нормирования в интервале от 0 до 1, где 1 соответствует максимальному значению соответствующего показателя регионов Северной Азии.

$$x_{ij}^{\text{норм}} = \frac{x_{ij}}{x_{\text{max}_{ij}}},$$

где $x_{ij}^{\text{норм}}$ – нормированное значение j – го показателя, которым обладает i -й регион-субъект РФ, $x_{\text{max}_{ij}}$ – максимальное j – го показателя среди субъектов РФ, i – номер субъекта, j – номер показателя.

Сравнительный анализ социальной устойчивости территорий Северной Азии за 2010 и 2020 гг. показал (табл.), что группу территорий с наибольшими значениями интегрального индекса социальной устойчивости составляют регионы – лидеры нефтедобычи, трансформирующие в социальный прогресс большую углеводородную ренту; регионы с горнодобывающей промышленностью, а также территории с диверсифицированной экономикой. Группу территорий со средними показателями интегрального индекса социальной устойчивости составляют регионы с высокой вовлеченностью природного капитала в оборот и высоким уровнем производственного потенциала, с развитой промышленностью. Третью группу территорий с наименьшими показателями интегрального индекса социальной устойчивости составляют: Республика Хакасия, Забайкальский край, Республика Тыва, Республика Бурятия, Курганская область и Республика Алтай. В 2020 г. в

данную группу из группы территорий со средними значениями интегрального индекса перешли Амурская область, Еврейский автономный округ и Алтайский край. Основу данной группы составляют приграничные территории, национальные республики и регионы с аграрной специализацией.

Анализ показателей индексов доступности услуг социальной инфраструктуры, социальной безопасности территорий, качества социальной среды за десятилетний период показал рост социальных расходов на одного жителя во всех приграничных территориях. Снижение социальных расходов отмечается на территориях, с ограниченными возможностями селитебного освоения в связи с суровым и экстремальным климатом, конкурентные преимущества которых связаны в основном с богатой минерально-сырьевой базой, водными биологическими ресурсами. В этих регионах характерно широкое использование вахтового метода организации работ (Магаданская область, Чукотский автономный округ, Камчатский край, Республика Саха-Якутия). За анализируемый период снижение значений индекса социальной безопасности отмечается в шести регионах (Чукотский автономный округ, Амурская область, Республика Саха (Якутия), Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва); индекса доступности социальных услуг в двух регионах (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Республика Бурятия); индекса качества социальной среды в двух регионах (Чукотский автономный округ и Еврейская автономная область).

Республика Бурятия характеризуется стабильным ранговым значением в группе регионов с низким интегральным индексом социальной устойчивости.

Таким образом, в регионах Северной Азии необходима разработка и реализация социальных технологий, направленных на повышение социальной устойчивости [Дагбаева, 2019, с. 41; Корчак, 2016, с. 82; Садыков, 2016, с. 613; Скальная, 2018, с. 63].

Таблица

Ранжирование территорий Северной Азии по интегральному индексу социальной устойчивости

Уровень интегрального индекса социальной устойчивости	Ранжирование территорий Северной Азии	
	2010 год	2020 год
Высокий	1. Магаданская область 2. Чукотский автономный округ 3. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра* 4. Томская область 5. Камчатский край 6. Ямало-Ненецкий автономный округ 7. Челябинская область*** 8. Свердловская область 9. Омская область	1. Ямало-Ненецкий автономный округ 2. Магаданская область 3. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра 4. Сахалинская область 5. Чукотский автономный округ 6. Камчатский край 7. Томская область 8. Свердловская область 9. Тюменская область
Средний	10. Сахалинская область** 11. Тюменская область 12. Новосибирская область 13. Амурская область 14. Хабаровский край 15. Республика Саха (Якутия) 16. Еврейская автономная область 17. Алтайский край 18. Кемеровская область	10. Хабаровский край 11. Челябинская область 12. Новосибирская область 13. Республика Саха (Якутия) 14. Приморский край 15. Иркутская область 16. Омская область 17. Красноярский край 18. Кемеровская область
Низкий	19. Приморский край 20. Забайкальский край 21. Красноярский край 22. Иркутская область 23. Республика Алтай 24. Республика Хакасия 25. Республика Бурятия 26. Республика Тыва 27. Курганская область	19. Амурская область 20. Республика Хакасия 21. Алтайский край 22. Еврейская автономная область 23. Забайкальский край 24. Республика Тыва 25. Республика Бурятия 26. Курганская область 27. Республика Алтай

*- регионы со стабильным значением в рейтинге интегрального индекса

** - переход в группу регионов с большим значением интегрального индекса

*** - переход в группу регионов с меньшим значением интегрального индекса

Особое внимание в сфере социальной инфраструктуры на территории Азиатской России необходимо уделить здравоохранению [Иванова, 2021, с. 54–55], [Мигунова, 2016, с. 92].

На повестке дня на сегодняшний момент стоит решение проблем безработицы, наиболее проблемные территории: Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Бурятия, Республика Алтай. Проблема бедности наиболее выражена в Республике Тыва, в которой каждый третий житель за чертой бедности, что 4,5 раза превышает предельно-критический показатель [Российский, 2020, с. 151; Глазьев, 2012, с. 23–39]; в Курганской области, Республике Хакасия, Республике Бурятия, Забайкальском крае, Еврейской автономной области, Республике Алтай.

В регионах Северной Азии актуальна разработка социальных технологий, направленных на повышение социальной устойчивости, среди которых должны быть выделены следующие направления: здоровье и качество медицины; работа и заработок; безопасность социальной среды и демографическое развитие.

Источники и литература:

Глазьев С. Ю., Локосов В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4. С. 22–41.

Гущина И. А., Кондратович Д. Л. Методология и практика оценки социальной устойчивости в Арктическом регионе // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3. № 12. С. 110–120.

Дагбаева С.-Д. Н. Территориальные проблемы развития социальной инфраструктуры // Фундаментальные исследования. 2019. № 4. С. 38–42.

Иванова С. Н. Общественное здоровье и развитие здравоохранения в регионах России // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 2. С. 47–63.

Иванова С. Н., Тулохонов А. К. Социальная устойчивость территорий Азиатской России // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 5. С. 318–336.

Корчак Е. А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни населения регионов Севера России // ЭКО. 2016. № 3(501). С. 80–95.

Мигунова Ю. В. Социальная устойчивость в сфере здравоохранения: критерии, риски и угрозы // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 3. С. 90–96.

Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. / Росстат. 2020. 700 с.

Рябова Л. А. Социальная устойчивость развития муниципальных образований Российской Арктики: теория и практика // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6. С. 4–14.

Садыков Р. М. Жилищная обеспеченность населения как фактор социальной устойчивости территорий // Молодой ученый. 2016. № 14. С. 612–615.

Скальная М. М. Доходы сельского населения как фактор социальной устойчивости сельских территорий // АПК: Экономика, управление. 2018. № 1. С. 62–71.

Бийжанова Элиза Камчыбековна
Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Москва, Российская Федерация
biyzhanova@isras.ru

ГРАНИЦА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В данном материале представлен анализ исследований, проведенных в 2021–2022 гг. на приграничных территориях Приморского и Хабаровского краев, а также Еврейской автономной области о границе в представлениях населения, живущего в непосредственной близости от нее.

Ключевые слова: граница; приграничные территории; мнение населения; социокультурные особенности.

Biyzhanova Eliza Kamchybekovna
Institute of Sociology
of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

BORDER IN THE VIEW OF BORDER TERRITORIES RESIDENTS

This material presents an analysis of studies conducted in 2021–2022 in the border areas of the Primorsky and Khabarovsk Territories, as well as the Jewish Autonomous Region, about the border in the minds of the population living in its immediate vicinity.

Keywords: border; border areas; opinion of the population; socio-cultural characteristics.

Необходимость заботы о приграничных территориях и, соответственно, проживающего там населения была всегда исторически обусловлена, особенно большое внимание этой работе уделялось в советское время. Население приграничья отличалось высоким уровнем консолидированности в силу относительно небольших размеров населенных пунктов, а значит все друг друга знали и являлись наиболее важным ресурсом, способным внести существенный вклад в обеспечение социокультурной безопасности страны.

Советское государство всегда стремилось включать граждан в вопросы конструирования безопасной среды для жизни по всей стране. Так, ЦК КПСС и Совмином СССР в конце в 1950-х гг. принято постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Используя имеющийся опыт, повсеместно организовывались добровольные народные дружины (ДНД), и в это же время было одобрено Временное положение о ДНД, в котором определялись его задачи: охрана общественного порядка, борьба с хулиганством, защита чести и достоинства граждан и т.д. [Систематическое собрание ..., 1967]. Уникальность социально-культурного пространства приграничья [Кравчук, 2010; Новикова, Цимбаева, 2017] актуализировала в этом контексте необходимость проведения мероприятий, способствовавших взаимодействию пограничников и местного населения.

Позитивные результаты такого системного подхода можно увидеть в отдельных

архивных отчетах погранслужб, например, в Дальневосточном пограничном округе (на границе СССР и Китая) в середине 1950-х [см. подр.: Кравчук, 2010]. Это позволяло советским гражданам ощущать и понимать свою сопричастность не только к охране рубежей своей страны, но всей страны в целом. Подобный уровень самосознания граждан нашел отражение и подтверждение в 1969 г., когда начался советско-китайский конфликт на острове Даманском.

Еще одним результатом этой систематической работы властных структур по удержанию и заселению земель стало создание ряда населенных пунктов, которые при этом не являлись преемниками уже существовавших деревень, а строились с нуля как города или поселки городского типа со всей соответствующей социальной и социокультурной инфраструктурой, также повышение качества этих сфер в уже существующих приграничных городах [Власов, 2011].

«До 1966 года Лучегорска не было, здесь было болото. А в 1966 г., вернее 1965 начали строить Приморскую ГРЭС и Лучегорск» (муж., пгт Лучегорск).

Культивировался ли образ врага в Советское время и есть ли он сейчас?

Границы СССР находились под постоянным вниманием со стороны властей как в социальном, так и в политическом планах. В политическом плане это выражалась прежде всего в закрытости территории и не только той, которая была расположена в непосредственной близости от демаркационной линии, но и охватывала почти 100-километровую зону вглубь страны [Халий, 2014]. По воспоминаниям респондентов, живших в других, не приграничных, регионах, для поездки в приграничный регион необходимо было оформлять специальное разрешение с указанием цели поездки. В самом приграничье по приезду обязательно проверялись документы и цель приезда. Такая практика на отдельных приграничных территориях, кстати, сохраняется по сей день, но уже не так строго (например, в г. Суоярви, Карелия).

Учитывая подобное внимание со стороны советской власти к жизни на приграничье, невольно возникает вопрос, существовал и культивировался ли конкретный образ «врага» в сознании населения приграничья. Анализ высказываний наших респондентов показал, что образ врага в сознании жителей приграничья не только не культивировался и не насаждался «сверху», но и не имел какого-то определенного лица или национальности, политических убеждений, скорее он проявлялся ситуативно, если происходили столкновения или конфликты с сопредельной страной и также исчезал из сознания людей, когда конфликты прекращались. Население приграничья не стремилось жить в состоянии форпоста, но готово было в любой момент встать на защиту своих рубежей. Если образ врага и существовал в сознании людей, то он был совершенно безликим. Это был просто субъект, нарушивший закон и порядок.

Несколько строже регламентировались земли для сельскохозяйственных нужд, которые проходили в непосредственной близости от линии демаркации. Работы на таких колхозных землях необходимо было согласовывать с местными властями с указанием имен, всех кто планировал производить там какие-то работы, например, косить сено и др.

Другой пример, который активно декларируется противниками Советского Союза – это полное отсутствие внешних контактов с миром, т.е. с заграницей, так называемый железный занавес. Однако на деле все оказывается не так страшно, как это сразу себе представляет современный человек, не живший в советское время. Да, необходимость оформлять разрешительные документы для выезда и другие формальности существовали. Но

что изменилось после исчезновения СССР? Вместе с исчезновением СССР для бывших его граждан границы не стали прозрачными или более проницаемыми, изменилось только то, что нас здесь теперь никто не держит, а там мы не сильно нужны, если не приносим прибыль, в том числе в виде туристических расходов.

Подводя итоги, можно отметить, не без сожаления, что сегодняшнее приграничье превратилось в периферию страны в буквальном смысле слова, являясь зонами для продовольственно-экономического транзита, при этом не учитывающими нужды людей, пока еще остающихся на местах.

Особая идентичность на советском приграничье выстраивалась на основе убежденности людей в их сопричастности к решениям серьезных вопросов на государственном уровне и эмоционально-личностном осмыслении государственной границы. В этом контексте сопоставление «своих» и «чужих» распространялось не только на жителей сопредельных стран, но отчасти на сограждан из внутренних регионов. Это говорит о наличии ощущения некоей «инаковости» и проявляется в разговорах с нашими респондентами через высказывания «поехать в Россию, на западе» и т.д.

В советское время приграничные сообщества чувствовали заботу по отношению к себе со стороны государства, что проявлялось не только в повышении уровня и качества жизни людей во всех сферах жизни, но и через культивирование сознания своей причастности к решению важных государственных вопросов посредством помощи в охране границ. При этом стоит отметить, что укрепление взаимодействия пограничников и местного населения осуществлялось не только политико-идеологическими инструментами, но и на социокультурном уровне. На заставах регулярно организовывались мероприятия коллективов художественной самодеятельности не только из прилегающих населенных пунктов, но и из областных центров [Кравчук, 2008]. Пограничники посещали открытые уроки в школах, домах культуры и т.д., где детям и взрослым рассказывали о важности защиты своих рубежей и родины.

Конечно, не всегда реальное выстраивание этой работы совпадало с желаемым, однако события, произошедшие на Даманском острове, все же наглядно демонстрируют как высокий уровень готовности людей встать на защиту своих рубежей, так реальные плоды систематической работы государства в повышении этой мотивации у населения.

За последние 30 с лишним лет ситуация изменилась, старые порядки и устои были разрушены. Кто-то может сказать, что, если ни с кем не воевать, то и защищаться ни от кого не надо будет. Однако события, активно разворачивающиеся с 2014 г., наглядно показывают необоснованность данного мнения. Возможно, современная система пограничной защиты и пограничной политики нуждается в пересмотре специфики своей работы, которая допускала бы не только использование современных технологий и технических достижений, которые не будут на 100% эффективными, пока во всяком случае, но следует вспомнить и использовать работающие инструменты и практики, показавшие свою успешность в советскую эпоху.

Граница и приграничные территории и сообщества нуждались и нуждаются во внимании и поддержке властей, ведь даже после распада СССР осталась огромная Россия, которую невозможно защитить ни суперсовременной техникой, ни тем более невозможна полная милитаризация всего периметра, особенно в районных со сложными географическим условиями, где, не зная особенностей местности, без поддержки местного населения просто не обойтись.

Литература:

Кравчук С. А. Исторический опыт взаимодействия советский государственных органов власти, организаций, граждан с пограничными войсками в охране границы СССР на Дальнем Востоке в 1960–1980 гг. // *Власть*. 2010. С. 135–137.

Власов С. А. Роль жилищного строительства в социальном развитии Дальнего Востока (1960–1980-е гг.) // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: История. 2011. № 12 (227). Вып. 45. С. 67–70.

Кравчук С. А. Население приграничья Дальнего Востока в охране государственной границы СССР в послевоенный период (40–70 гг. XX в.) // *Современное образование: инновации, экономика, право*. 2008. № 1. С. 120–125.

Новикова Ю. В., Цимбаева Е. Н. Население Советского приграничья как объект политико-пропагандистской работы // *Вестник Московского университета*. Серия 8: История. 2017. № 4. С. 64–74.

Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. Т. XIV. М.: Юрид. лит-ра, 1967.

Халий И. А. Современное российское приграничье: общие характеристики // *Вестник Института социологии*. 2014. № 11. С. 23–33.

Кефели Валентина Борисовна

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Москва, Российская Федерация

vkefeli@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА К ПОСЛЕДСТВИЯМ РЫНОЧНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Процесс становления российского общества на путь демократических реформ способствовал кардинальным изменениям во всех сферах нашей жизнедеятельности. Радикальные перемены, произошедшие в России, характеризуются изменениями экономических и социальных институтов, политической системы, состояния культуры и т.д. Выявление проблемных аспектов дает возможность сделать обобщенные выводы, способные послужить ориентиром более успешной деятельности в сфере социально экономической политики в регионе, в преодолении создавшихся проблем и достижении уровня комфортности проживания как в городе, так и в сельской местности.

Ключевые слова: социально-экономический кризис; уровень жизни; проблемы городского и сельского населения; причины беспокойства; социальная напряженность.

Kefeli Valentina Borisovna

Institute of Sociology

of the Federal Research Sociological Center

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ 20-511-44011 Монг_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации».

THE ATTITUDE OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF TYVA TO THE CONSEQUENCES OF MARKET TRANSFORMATIONS

The process of the formation of Russian society on the path of democratic reforms has contributed to fundamental changes in all spheres of our life. The radical changes that have taken place in Russia are characterized by changes in economic and social institutions, the political system, the state of culture, etc. The identification of problematic aspects makes it possible to draw generalized conclusions that can serve as a guideline for more successful activities in the field of socio-economic policy in the region, in overcoming the existing problems and achieving a level of comfort of living both in the city and in rural areas.

Keywords: socio-economic crisis; standard of living; problems of urban and rural population; causes of anxiety; social tension.

Центр изучения социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН и Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва провели в 2021 г. эмпирическое социологическое исследование, посвященное изучению социально-экономического положения населения Республики Тыва.

В исследовании была использована модель многоступенчатой стратифицированной выборки на основе статистических данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва по численности постоянного населения на 1 января 2021 г. и распределению численности населения Республики Тыва по полу и возрасту на начало 2020 г. Генеральную совокупность, служащую основой для построения выборочной совокупности при проведении исследования, составило все население Республики Тыва старше 18 лет. Расчет совокупности опрашиваемых по республике был основан на предельном значении ошибки $\pm 2,6\%$. Таким образом был определен необходимый размер выборочной совокупности, который составил 1500 ед. На стадии проектирования выборки было принято решение обеспечить максимальную эффективность сравнения сельской и городской частей выборки путем представленности всех городов, поселков городского типа и каждого муниципального района. В итоге опрос состоялся в столице Республики Тыва Кызыле, малых городах Ак-Довурак, Чадан, Туран, Шагонар и сельских муниципальных районах Пий Хемском, Тандинском, Тоджинском, Тес Хемском, Эрзинском и др. На основе данных Росстата производилось вычисление доли городского и сельского населения республики. Далее определялась численность выборочной совокупности для каждого муниципального образования (пропорционально его численности населения). Из генеральной совокупности были удалены села районов со сложной транспортной доступностью, также были элиминированы села с населением менее 300 чел. В исследовании использовался метод опроса по месту жительства, в домохозяйстве для взятия интервью отбирался один респондент. Отбор респондента проводился в соответствии с заданными квотами. Каждому интервьюеру задавалась квота по половозрастному распределению его объема работы (предусматривалась дифференциация опрошенных на 6 возрастных групп). Непропорциональность в распределении выборки при анализе компенсировалась весовыми коэффициентами. Методом сбора информации являлось 20-минутное личное интервью, которое поведилось по формализованному опроснику.

В представленной работе анализируется отношение населения Республики Тыва к результатам рыночных трансформаций и их последствий с точки зрения качества их жизни и субъективного благополучия [Проект ..., 2008]. Работа посвящена сравнительному анализу мнений жителей городского и сельского населения Республики Тыва по волнующим их многочисленным проблемам, значительно влияющим на качество их жизни, а также анализу полученных количественных оценок основных проблемных аспектов жизни в городе и селе.

Анализ трансформационных последствий преобразований в России в период перехода к рыночным отношениям, приведший к значительному росту дифференциации по уровню денежных доходов населения, качества жизни, образовательных и медицинских услуг, к усилению социальной, напряженности был отражен во многих научных трудах, в том числе А. Т. Аганбеяна [Аганбеян, 2020], З. Т. Голенковой [Голенкова, 2017], А. М. Григорьева [Российские регионы, 2011], Н. В. Зубаревич [Там же] и др.

В перечень исследуемых проблем были включены вопросы о факторах, влияющих на качество жизни населения республики. При анализе результатов были получены количественные оценки основных проблемных аспектов жизни в городе и селе. Достигнутые результаты дают возможность сравнить мнения городских и сельских жителей по волнующим их проблемам, в том числе по вопросам жизнеобеспечения, экологии, доступности медицинской помощи, образования, жилищных условий, транспорта, инфраструктуры мест проживания и т.д.

Если рассмотреть указанные проблемы в разрезе территорий, то можно видеть, что значительно отличаются ответы респондентов городов республики и г. Кызыла (17,8% и 17,7% соответственно) от мнения жителей сельских поселений (4,2% ответов) по вопросам отсутствия капремонта и обветшавшего жилищного фонда (программа переселения граждан из ветхого жилья касается лишь многоквартирных домов, которые имеются преимущественно в городских населенных пунктах).

Кроме того, если в городах на перебои с подачей электроэнергии пожаловались 16,4% респондентов городов республики и 16,8% Кызыла, то в сельской местности об отключении электроэнергии заявили 24% респондентов, что, скорее всего, объясняется изношенностью электросетевой инфраструктуры в сельской местности и отсутствием магистральных линий электропередач в некоторых отдаленных районах республики.

С низким уровнем работы коммунальных служб сталкиваются 10,9% горожан и 8,7% г. Кызыла и только 3,7% сельских жителей. Видимо, в частных домах в сельской местности хозяева самостоятельно справляются со своими задачами.

Не сопоставимой оказалась оценка уровня медицинских услуг. В городах республики недовольных уровнем медицинской помощи оказалось 38,7%, в г. Кызыле – 36,2%, а в сельских поселениях недовольных оказалось значительно больше. Почти половина опрошенных селян – 45,5% – недовольны качеством медицинских услуг, что с большей вероятностью указывает на то, что они не получают необходимую для них медицинскую помощь.

Образование выступает одним из важнейших факторов социального статуса граждан страны. Качество образования зависит от многих составляющих: от образовательных программ, квалификации преподавателей, технической оснащенности классов и т.д. Поэтому неудивительно, что доступностью обучения и качеством уровня преподавания в школах озабочены 8,6% респондентов городов республики и 8,9% г. Кызыла и 9,2% сельской местности. В данном вопросе полученные результаты оказались на редкость сопоставимы.

Однако при ответах на проблемный вопрос о нехватке мест в школах видна значительная разница в ответах респондентов городов (14,3% городов республики и 16,8% г. Кызыла) и поселков (2,4%). Нехватка мест в школах в большей степени характерна для г. Кызыла, являющегося центром притяжения миграционных потоков «село-город» (наибольшее количество респондентов, отметивших эту проблему, проживают в г. Кызыле).

Дошкольное образование закладывает основу для дальнейшего развития ребенка. Однако о нехватке мест в детских садах и яслях заявили треть опрошенных (31,5%) городских жителей республики и 34,5% г. Кызыла в отличие от 16,3% сельских жителей, у которых, вероятно, с этим вопросом меньше проблем, так как в сельских семьях традиционно принято маленьких детей оставлять на попечение родственников.

При ответе на вопрос о невозможности поиска подходящей работы по месту проживания заявили 25,1% жителей городов, 22,8% г. Кызыла и 20,6% сельских поселений. В итоге почти треть опрошенных респондентов сталкиваются с проблемой найти работу в удобном для них месте. Невозможностью найти работу больше всего озабочены респонденты молодого и среднего возрастов (26,2% и 24,8% соответственно) в отличие от 14,7% опрошенных пожилого возраста.

Присутствуют различия и в оценке уровня благоустройства и комфорта мест проживания: низкий уровень благоустройства городов отметили 52,3% респондентов городов Тувы и 51,0% г. Кызыла в отличие от 35,9% сельских жителей. Вероятно, жизнь в городе, осложненная транспортными, экологическими и другими городскими проблемами, заставляет городских жителей быть более активными, чтобы изменить свою жизнь к лучшему.

Загрязненность окружающей среды также является проблемой, беспокоящей население Республики Тыва. Причем городские жители озабочены проблемой экологии в два раза больше, чем респонденты, проживающие в сельской местности: 22,7% в городах Тувы и 24,0% и в г. Кызыле в отличие от 11,3%, проживающих в селе. Данный факт связан, скорее всего, с высокой концентрацией в воздухе городов загрязняющих веществ.

Участвующие в исследовании респонденты заявили и о недостаточной, на их взгляд, в республике организации культурного досуга как детского (16% городов Тувы, 15,1% г. Кызыла и 9% сел), так и взрослого населения (16,3% городов, 14,2% г. Кызыла и 12,3% сел). Как видно из полученных результатов, отсутствие мест отдыха несколько меньше волнует жителей сельских поселений, так как в культурные и развлекательные центры им приходится ездить за много километров в более крупные населенные пункты, где есть развлекательная инфраструктура.

Давая оценку работе общественного транспорта, 25,5% городских жителей Тувы и 27,8% г. Кызыла в отличие от 7,9% сельских жителей отметили неудовлетворительную работу общественного транспорта. Различие в оценках свидетельствует о том, что, вероятно, серьезных проблем с транспортной доступностью в сельских поселениях значительно меньше из-за меньшего количества поездок, поскольку большинству сельских жителей не приходится ежедневно ездить по делам или на работу в другие населенные пункты.

В данном исследовании были также изучены мнения респондентов о волнующих их общественных проблемах в зависимости от сложившихся у них жизненных обстоятельств: образования, возраста, материального обеспечения, наличия постоянной работы и т.д.

Анализ субъективных мнений респондентов о наиболее волнующих их жизненных обстоятельствах высветил основные глобальные проблемы жителей Тувы. Это вопросы материального обеспечения, проблемы в сфере здравоохранения, дошкольного и школьного образования, в развитии социальной инфраструктуры. Выявлено, что наиболее волнующими для всего населения Республики Тыва являются высокая стоимость отопления жилья и низкий уровень зарплат и пенсий, плохое состояние дорог и низкий уровень состояния инфраструктуры и экологической обстановки, низкое качество медицинских, образовательных и культурно-досуговых услуг, плохая работа ЖКХ, необеспеченность работой. Менее значительны по степени важности, по мнению респондентов, оказались невозможность продолжения образования и проблемы, связанные с межнациональными конфликтами.

Сравнив ответы деревенских и городских жителей, можно отметить, что, если судить по объективным показателям – уровню медицинских услуг, качеству дорог, проблемам с электричеством, организацией досуга и т.д., жизнь в сельской местности действительно заметно уступает по качеству жизни городской. Что касается вопросов экологии, работы общественного транспорта, наличия мест в детских дошкольных учреждениях и школах, обветшания жилищного фонда и т.д., то по этим показателям городские жители уступают сельским. Конечно, есть свои недостатки и достоинства и у городской, и у сельской жизни. Однако в то же время сразу по нескольким вопросам, традиционно считающимися проблемными для городов и сел, показатели приближены и не сильно отличаются. Речь, в частности, идет о том, как респонденты оценивали высокую стоимость средств отопления жилья, качество дорог, плохое освещение улиц, отсутствие подходящей работы, низкий уровень преподавания в школах и т.д.

В целом, в оценке существующих в их жизни общественных проблем мнения респондентов городов Тывы и сельских поселений близки по значению. Однако в уровне жизни городского и сельского населения Тувы наблюдается некоторая дифференциация. По большинству рассмотренных проблем, касающихся комфортного проживания респондентов, жители села уступают горожанам по качеству и условиям проживания. Кроме того, наблюдаемый рост цен на средства отопления жилья и энергоносители для жителей сельских поселений еще больше увеличивает социальное неравенство. В итоге рыночные реформы привели к упадку социальной сферы на селе, что серьезно отразилось на системе здравоохранения, образования, культурно-досуговых услугах и т.д., поэтому улучшение инфраструктуры села может позитивно отразиться на качестве жизни сельских жителей. Учитывая, что Тува обладает значительными резервами трудовых и природных ресурсов, в республике имеются все возможности для повышения уровня и качества жизни населения.

Литература:

- Аганбегян А. Г. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 47–69.
- Голенкова З. Т. Социальное пространство российских регионов. М.: ИС РАН, 2017. 256 с.
- Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. 357 с.
- Проект «Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2020 г.». Постановление Правительства Республики Тыва от 21 февраля 2008 г. № 91.

Винокурова Анна Викторовна
кандидат социологических наук
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
vinokurova77@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ¹

Рассмотрены основные тренды развития миграционных процессов в Республике Бурятия (РБ), которые характеризуются неоднородностью. Наблюдается миграционный отток постоянного населения из РБ в другие регионы РФ. В то же время имеет место положительный миграционный обмен со странами СНГ. В перспективе предполагается дальнейшее исследование миграционных процессов в РБ с опорой на качественные социологические методы.

Ключевые слова: демографические процессы; миграция; региональное развитие; Дальний Восток; Республика Бурятия.

Vinokurova Anna Viktorovna
Candidate of Sciences in Sociology
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation

THE MIGRATION PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA: DYNAMICS AND TRENDS OF DEVELOPMENT

The main trends in the development of migration processes in the Republic of Buryatia, which are characterized by heterogeneity, are considered. There is a migration outflow of the permanent population from the Republic of Buryatia to other regions of the Russian Federation. At the same time, there is a positive migration exchange with the CIS countries. In the future, it is planned to further study the migration processes in the Republic of Buryatia based on qualitative sociological methods.

Keywords: demographic processes; migration; regional development; Far East; Republic of Buryatia.

В настоящее время жизнь людей во многих российских регионах затруднена в силу неблагоприятных социально-экономических, социально-политических, эпидемиологических, экологических и прочих процессов, формирующих устойчивые миграционные настроения, тяготению населения к новым местам жительства, интерпретируемым как более привлекательные, перспективные, обладающие более комфортными условиями для полноценной жизнедеятельности. Соответственно, региональные характеристики необходимо рассматривать в контексте демографических и миграционных процессов, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на социально-экономическое и территориальное развитие, уровень и качество жизни населения. Это в полной мере относится как ко всему Дальнему Востоку в целом, так и к Республике Бурятия в частности.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

Часть сведений, характеризующих динамику миграционных процессов в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) и Республике Бурятия (РБ), можно представить через призму официальных статистических данных (см. табл. 1, составлено автором на основе: [Динамика основных показателей, 2022; Территория и население, 2022]).

Таблица 1

Динамика численности населения субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) в 2012–2021 гг. (оценка на конец года; тыс. чел.)

ДФО	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
	8318,5	8290,9	8277,0	8260,3	8245,8	8222,6	8188,6	8169,2	8124,0	8091,2
Республика Бурятия (РБ)	971,8	973,9	978,5	982,3	984,1	984,5	983,3	985,9	985,4	982,6
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	955,6	954,8	956,9	959,7	962,8	964,4	967,0	972,0	982,0	992,1
Забайкальский край	1095,2	1090,4	1087,5	1087,5	1079,0	1072,8	1065,8	1059,7	1053,5	1043,4
Камчатский край	320,6	319,9	317,2	316,1	314,7	315,5	314,7	313,0	311,7	312,7
Приморский край	1947,2	1938,5	1933,3	1929,0	1923,1	1913,0	1902,7	1895,9	1877,8	1863,0
Хабаровский край	1342,1	1339,9	1338,3	1334,5	1333,3	1328,3	1321,5	1315,7	1301,1	1298,9
Амурская область	816,9	811,3	809,9	805,7	801,8	798,4	793,2	790,0	781,9	772,5
Магаданская область	152,3	150,3	148,1	146,4	145,6	144,1	141,2	140,1	139,0	137,7
Сахалинская область	493,3	491,0	488,4	487,3	487,4	490,2	489,6	488,3	485,6	484,1
Еврейская автономная область (ЕАО)	172,7	170,4	168,4	166,1	164,2	162,0	159,9	158,3	156,5	153,3
Чукотский автономный округ (ЧАО)	50,8	50,5	50,5	50,2	49,8	49,4	49,7	50,3	49,5	50,0

Как видим, общая картина такова: население Дальнего Востока продолжает сокращаться. В то же время в ряде субъектов ДФО, наблюдается положительная демографическая динамика, в первую очередь, в Республике Саха (Якутия). В Республике Бурятия также за последние десять лет фиксируется общий положительный прирост численности населения, хотя демографическая динамика здесь неустойчивая. Так, в 2018 г. отмечается снижение численности общей численности населения, затем (в 2019–2020 гг.) наблюдается рост, в 2021 г. – снова снижение. Но в целом за последние десять лет население Бурятии выросло более чем на 10 тыс. чел.

Важно понимать, за счет чего в РБ достигается положительная демографическая динамика: за счет естественного прироста и/или за счет миграционного прироста? Если говорить о миграционной ситуации, сложившейся в Бурятии, то наглядно это представлено на рисунке 1 (составлено автором на основе: [Численность и миграция населения Российской Федерации, 2012–2021]).

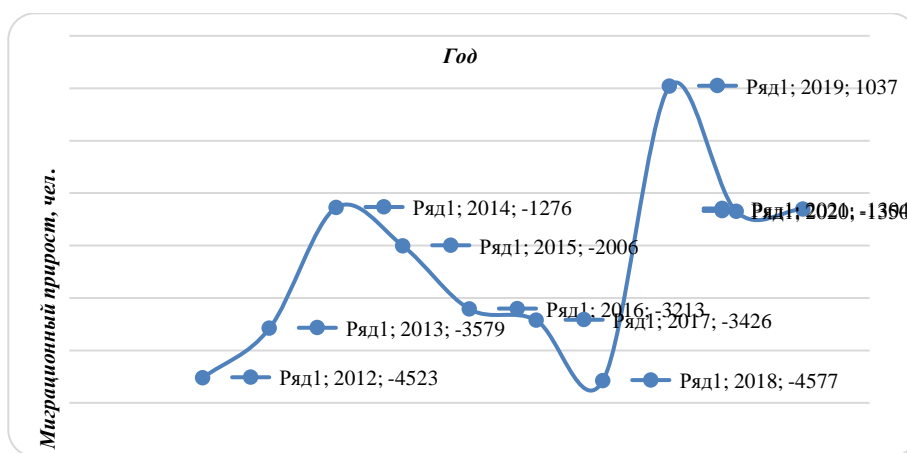

Рис. 1. Миграционная ситуация в Республике Бурятия в 2012–2021 гг.

В целом, за последние десять лет в Бурятии фиксируется отрицательный миграционный прирост. Исключение составляет 2019 г., когда было отмечено положительное сальдо миграции. На основании имеющихся сведений можно сделать предположение, что при сохраняющихся отрицательных значениях все же имеет место замедление темпов миграционной убыли. Но мы полагаем, что для уточнения заявленного тезиса необходимы дополнительные статистические данные за 2022 г., поскольку на показатели миграционной активности существенное влияние могло оказать изменение социально-политической ситуации (объявление специальной военной операции (СВО), частичной мобилизации), но пока официальные оценки в открытом доступе за прошлый год не представлены.

Следующий важный тренд: для Республики Бурятия характерен отрицательный миграционный обмен с другими российскими регионами, что фиксируется не только официальной статистикой, но неоднократно отмечено и нами, и другими авторами [см. подробнее: Ван, 2018; Петрова и др., 2019; Бадараев, 2020; Комбаев, 2021; Винокурова, Ардальянова, 2022; Винокурова, Яковлев, 2022]. Другими словами, местные жители мигрируют за пределы РБ в другие субъекты РФ. Наиболее интенсивные миграционные потоки направлены в регионы Центрального, Южного, Северо-Западного федеральных округов. При этом в Бурятии наблюдается положительный миграционный обмен с зарубежными странами, в первую очередь, с государствами СНГ. Положительный миграционный прирост обеспечивается в основном за счет мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Большинство мигрантов из указанных стран прибывают на территорию Республики Бурятия с целью ведения трудовой деятельности. Главными секторами региональной экономики, в которых заняты трудовые мигранты, являются строительство, оптовая и розничная торговля, транспорт, общественное питание и т.п.

Миграция сама по себе является некоторой опорной точкой в жизненном пути ее участников. Данный выбор становится частью стратегии, интегрирующей жизненные планы и задачи. Соответственно, далее мы ставим ключевой исследовательский вопрос следующим образом: что движет трудовыми мигрантами, почему и зачем они приезжают в Бурятию, каковы их перспективные жизненные стратегии? Полагаем, что жизненные стратегии иностранных мигрантов в Республике Бурятия требуется исследовать более системно, используя не только статистический анализ, но и качественные методы, в первую очередь, интервью как с самими трудовыми мигрантами, так и с предпринимателями, обеспечивающими мигрантов рабочими местами, представителями региональных органов власти, религиозными деятелями, общественными активистами национальных диаспор.

Источники и литература:

- Бадараев Д. Д. Динамика миграционных движений и социально-трудовые установки жителей Республики Бурятия // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 30 окт. 2020 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. С. 34–40.
- Ван И. Д. Демографические и миграционные процессы в субъектах Байкальского региона // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 06–11 авг. 2018 г. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 83–85.
- Винокурова А. В., Ардалянова А. Ю. Республика Бурятия: современные тенденции регионального развития (на материалах социологического исследования) // Банзаровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ–БГУ (Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г.). В 2 ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. С. 46–49.
- Винокурова А. В., Яковлев А. И. Региональные столицы Дальнего Востока: уехать нельзя остаться (где поставим запятую?) // Respublica Literaria. 2022. Т. 3. № 1. С. 67–80.
- Динамика основных показателей социально-экономического положения субъектов Дальневосточного федерального округа. 2022. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю: [веб-сайт]. URL: <https://primstat.gks.ru/folder/78493> (дата обращения: 14.02.2023).
- Комбаев А. В. Региональные проблемы внутренних и международных миграций (на материалах Республики Бурятия) // Социология. 2021. № 4. С. 191–195.
- Петрова Е. В., Жалсанова В. Г., Бильтрикова А. В. Мигранты в Бурятии: оценки принимающего сообщества // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 3 (13). С. 292–298.
- Территория и население ДФО. 2022. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю: [веб-сайт]. URL: <https://primstat.gks.ru/storage/mediabank/%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%8202.pdf> (дата обращения: 14.02.2023).
- Численность и миграция населения Российской Федерации. 2012–2021. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 28.02.2023).

Бадараев Дамдин Доржиевич

доктор социологических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

damdin80@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСТРУКТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ¹

Статья посвящена рассмотрению этнической структуры Бурятии как трансграничного региона. Проанализированы данные ВПН–2020 по национальному составу, а также результаты социологического исследования по этносоциальной стратификации населения республики.

Ключевые слова: этническая структура; Бурятия; трансграничье; полиэтничность; стратификация.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5).

SOCIO-DEMOGRAPHIC FEATURES OF ETHNOSTRUCTURAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article is devoted to the consideration of the ethnic structure of Buryatia as a cross-border region. The data of the All-Russian Population Census 2020 on the national composition, as well as the results of a sociological study on the ethno-social stratification of the population of the republic are analyzed.

Keywords: ethnic structure; Buryatia; cross-border; polyethnicity; stratification.

Современные социальные процессы в трансграничных обществах демонстрируют некоторые тенденции изменения этносоциальной структуры и ее социально-демографических характеристик. Как известно, регионы, расположенные вдоль границ, имеют важное геополитическое значение, выступают своеобразной буферной и транзитной зоной, обеспечивают трансграничное взаимодействие с зеркально расположенными территориями соседних государств. Республика Бурятия является одним из четырех приграничных регионов, расположенных на линии российско-монгольского трансграничья. Сохранение численности населения региона и дальнейшее его увеличение должны стать стратегическим ориентиром для демографической и национальной политики в полиэтничном пространстве Байкальской Азии. Между тем, как показывает практика, обновление региональной кадровой политики на местах, включение Бурятии и Забайкальского края в состав Дальневосточного федерального округа в ноябре 2018 г., глобальные вызовы, связанные с пандемией COVID-19, а также наблюдаемый в мире новый геополитический передел вносят свои коррективы в социально-демографические и социально-экономические пространства глобализирующихся обществ.

Одним из заметных явлений постсоветского периода стало изменение этнической структуры Бурятии, ранее до 2018 г. входившей в состав Сибирского федерального округа. Общей тенденцией для сибирских республик является значительное уменьшение численности русского населения и увеличение титульного населения. По результатам многолетних исследований Е. В. Петровой, для русского населения сибирских республик в конце XX – начале XXI вв., в том числе и Бурятии, характерны низкая рождаемость, малодетность, стареющее население, стабильная миграция из республик [Петрова, 2009, с. 277]. Центростремительные миграционные движения вкупе с межрегиональными миграционными обменов медленно, но верно истощают человеческие ресурсы провинциальных регионов. Как отмечает В. И. Переведенцев, исторический опыт насильственного заселения восточных регионов на современном этапе оборачивается обратным оттоком трудоспособного населения в центральные регионы страны [Переведенцев, 2010, с. 27]. Миграционная политика в стране и в регионах находится в перманентном поиске оптимального варианта балансирования рабочей силы, ситуативно возникают вопросы по регулированию внутренней и внешней миграции, а также квотирования иностранной рабочей силы на региональном рынке труда. В сложившейся

ситуации в ряде отраслей экономики, особенно в ее теневом секторе, получает распространение известная практика замещения рабочей силы мигрантами, в частности, выходцами из бывших союзных республик Средней Азии.

В век развития информационных и цифровых технологий налицо актуализация фриланса, прекаризация рынка труда, развитие и появление новых форм неформальной занятости. Ценностные основы формирования сознания современной молодежи (поколения Z – 1997–2012 г.р.) складываются не в пользу прироста населения региона. Указанные демографические особенности в регионе характеризуются тенденциозностью застойных процессов, ограничивающих качественное воспроизводство и дальнейший прирост населения.

Внимание исследователей привлекают данные Всероссийской переписи населения 2020 г., по факту проведенной из-за пандемийных ограничений в 2021 г. [Всероссийская перепись населения 2020]. Так, численность населения Республики Бурятия за межпереписной период увеличилась на 0,66% – с 972,02 тыс. чел. в 2010 г. до 978,6 тыс. чел. в 2021 г. Среди указанной жителями Бурятии 131 национальности самыми многочисленными являются русские (581,76 тыс. чел.) и буряты (295,27 тыс. чел.). К коренным малочисленным народам Бурятии относятся сойоты (4316 чел.) и эвенки (2995 чел.). В этнической структуре республики по их количеству выделяются татары (4035 чел.), украинцы (2007 чел.), узбеки (1942 чел.), армяне (1639 чел.), азербайджанцы (1433 чел.), киргизы (1343 чел.) и т.д. В сравнительном плане в ВПН–2020 г. высок показатель лиц, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана (7%–68873 чел.). Такие факты, предположительно, могут быть связаны со сложностью этнической самоидентификации таких граждан, распространенностью межэтнических браков, стремлением части населения не демонстрировать свою национальность, особенно тех, кто получил гражданство РФ относительно недавно. Подтверждают высокий уровень межэтнической толерантности в республике результаты исследований по смежным темам – 79% экспертов относятся к межнациональным бракам положительно¹.

В целом, согласно данным переписи 2020 г., за последние 10 лет наметилась тенденция изменения этнической структуры населения Бурятии. Так, численность русского населения уменьшилась с 66,05% в 2010 г. до 63,94%, тогда как бурятское население республики увеличилось с 30,03% до 32,46%. Ситуация с увеличением численности бурят в большей степени связана с ценностными установками многих бурятских семей, особенно сельских, с их традиционными устоями – ориентиром на многодетность, привязанностью к родной земле – *тоонто*, развитием традиционных хозяйственных практик, а также продолжающимся миграционным притоком бурятского населения из соседних регионов – Иркутской области и Забайкальского края, особенно из Агинского и Усть-Ордынского бурятского округов.

По результатам социологического исследования, проведенного в 2020 г., можно выстроить доходную стратификацию населения Республики Бурятия по самоидентификации граждан² (см. табл.).

¹ Экспертные оценки о современном положении и перспективах развития бурятского языка в Республике Бурятия. Опрос проведен в 2021 г. при участии 167 чел., представляющих образовательную сферу.

² Исследование проведено в 2020 г. в Улан-Удэ, а также в Закаменском, Иволгинском, Кабанском, Кижингинском и Тарбагатайском районах Республики Бурятия. Выборочная совокупность составила 1289 чел. и определена по взаимосвязанным параметрам с применением пяти квот – пол, возраст, место проживания, национальность, уровень образования.

**Субъективная доходная стратификация населения Бурятии в 2020 г.,
в том числе по национальности, %**

Значение	%	Распределение по нац-ти, %		
		буряты	русские	др. нац-ти
Денег до зарплаты не хватает на самые необходимые продукты – <i>нищие</i>	6,52	4,8	7,66	6,12
Живу от зарплаты до зарплаты, покупая самое необходимое – <i>бедные</i>	20,64	20,46	21,27	12,24
На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения – <i>средне нижние</i>	15,9	15,66	15,85	20,41
Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуюсь кредитом или беру в долг – <i>средне средние (обеспеченные)</i>	32,51	32,36	33,29	22,45
Покупка дорогих товаров не вызывает затруднений – <i>средне высшие (состоятельные)</i>	7,6	6,68	8,19	8,16
В настоящее время могу почти ни в чем себе не отказывать – <i>богатые</i>	4,27	4,18	3,96	10,2
Затрудняюсь ответить	12,57	15,87	9,78	20,41
Всего	100	100	100	100

Распределение опрошенных по стратам продемонстрировало схожие показатели формирования доходной стратификации населения Бурятии по этническому признаку. В то же время высок показатель затруднившихся граждан с определением своей принадлежности к той или иной доходной страте – 12,57%. Среди опрошенных бурят таковых оказалось 15,9%, русских – 9,8%, а представителей других национальностей – каждый пятый.

Таким образом, социально-демографические особенности этноструктурных процессов в Республике Бурятия детерминированы определенными общероссийскими тенденциями. Изменения связаны с миграционным оттоком населения, притоком граждан из стран Средней Азии, увеличением титульного бурятского населения. Социологические исследования демонстрируют схожесть в формировании социальной стратификации крупных этносов республики – русских и бурят. Вместе с тем на современном этапе увеличилась доля населения, находящегося в пограничном состоянии, что подтверждается данными социологического исследования, так и результатами Всероссийской переписи населения 2020 г. Предположительно, положение с большим количеством «сомневающихся» респондентов связано с новой волной турбулентности и продолжающейся трансформацией ценностной системы регионального общества.

Источники и литература:

Всероссийская перепись населения 2020 г. Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/vpn2020> (дата обращения: 20.02.2023).

Переведенцев В. И. Миграция в ритме времени. М.: МАКС Пресс, 2010. 80 с.

Петрова Е. В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 332 с.

Кышпанакон Владимир Алексеевич
доктор исторических наук
кандидат экономических наук
Хакасский университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Российская Федерация
kyshpanakovv@mail.ru

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ БУРЯТ ПО ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГАМ РОССИИ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ 2002, 2010 И 2020 ГГ.)

В статье рассматриваются вопросы изменения численности бурят по материалам всех трех переписей населения России, проведенных в 2000-е гг. Прослеживается география размещения бурят по федеральным округам страны в сравнении с аналогичными данными по другим коренным народам Сибири – хакасам, тувинцам. Делается вывод о более низком уровне этнической компактности бурят и причинах такой территориальной мобильности.

Ключевые слова: федеральные округа; этническая компактность; буряты.

Kyshpanakov Vladimir Alekseevich
Doctor of Sciences in History
Candidate of Sciences in Economics
N. F. Katanovv Khakass State University
Abakan, Russian Federation

NUMBER AND DISTRIBUTION OF BURYATS IN THE FEDERAL DISTRICTS OF RUSSIA (ACCORDING TO THE DATA OF THE 2002, 2010 AND 2020 CENSUS)

The article deals with the issues of changes in the number of Buryats based on the materials of all three Russian population censuses conducted in the 2000s. The geography of the location of the Buryats in the federal districts of the country is traced in comparison with similar data on other indigenous peoples of Siberia – the Khakass, Tuvans. The conclusion is made about the lower level of ethnic compactness of the Buryats and the reasons for such territorial mobility.

Keywords: federal districts; ethnic compactness; Buryats.

Изучая состав населения Сибири, его численность и географическое распространение, один из организаторов переписи 1897 г. С. К. Патканов выделял в населении региона две категории: коренное население, проживавшее здесь до появления русских (великороссов) в конце XVI – начале XVII в., и пришлое, которое стало переселяться в эти края с того времени.

Рассматривая вопрос о расселении «инородцев» по территории Сибири более детально – по округам, С. К. Патканов отмечал, что по всей северной части Российской империи «инородцы составляют огромное большинство всего их населения» [Патканов, 1912, с. 22]. Так, в Иркутской губернии на них приходилось 22,6% всего населения, в Забайкальской области – 31,6%, а в Якутской области – 87,5% [Там же]. Однако речь шла все же об относительных показателях. Кроме того, на громадных северных просторах существовали лишь «вкрапления» русских поселений, что предопределяло такое относительное превосходство коренного населения над пришлым русским.

В своем анализе размещения населения Сибири автор замечает, что по мере движения от севера России к югу число инородцев возрастает уже абсолютно, уменьшаясь в то же время относительно ввиду того, что в этой полосе с более умеренным климатом «сосредоточено густое земледельческое русское население» [Патканов, 1912, с. 23]. Этот важный и интересный вывод дает понимание того, как происходил процесс освоения Сибири переселенцами.

Современные процессы территориальной мобильности коренного населения Сибири в новейшей истории России 2000-х гг. имеют другие причинно-следственные связи. На примере одного из самых крупных по численности коренных народов макрорегиона – бурят ниже рассмотрим «обратный процесс» – их размещение по территории России по всем федеральным округам и городам федерального значения в динамике по данным переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг.

Таблица

Численность бурят по федеральным округам России, человек

Федеральные округа	Переписи населения, годы			2020 г. к	2020 г. к
	2002	2010	2020	2002 г., %	2010 г., %
Центральный Ф.О.	1015	1270	1871	184,3	147,3
С-Западный Ф. О.	385	431	625	162,3	145,0
Южный Ф. О.	764	613	614	80,4	100,2
С-Кавказский Ф. О.*	-	-	210	-	-
Приволжский Ф. О.	601	444	673	111,98	151,6
Уральский Ф. О.	1049	1126	1029	98,1	91,1
Сибирский Ф. О.	427784	442794	78812**	-	-
Д-Восточный Ф. О.	10532	10942	371697***	-	-
г. Москва	2304	2842	2921	126,8	102,8
г. С-Петербург	1152	1257	1586	137,7	123,2
г. Севастополь	-	-	35	-	-
Всего:	445586	461749	460073	103,3	99,6

*Выделен из состава ЮФО в 2010 г.

** Без Забайкальского края и Республики Бурятия

*** С Забайкальским краем и Республикой Бурятия

Данные переписей населения, проведенных в Российской Федерации в 2002, 2010 и 2020 гг., показывают относительную стабильность численности бурят, проживающих в федеральных округах страны. Если в первый межпереписной период 2002–2010 гг. их численность увеличилась на 3,2%, то за годы между переписями 2010 и 2020 гг. она практически стабилизировалась, уменьшившись всего на 0,4%. Но что же стоит за этими цифрами?

Прежде всего, многочисленные структурные изменения в составе федеральных округов России. На протяжении последних лет начиная с 2007 г. был создан Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), выделенный из Южного федерального округа (ЮФО), Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа вновь вошли в состав Красноярского края, путем слияния Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа был образован Забайкальский край, в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа – Камчатский край, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ вошел в состав Иркутской области. Наконец, в 2018 г. Республика Бурятия и Забайкальский край были переведены из Сибирского федерального округа (СибФО) в состав Дальневосточного федерального округа (ДальФО).

Эти изменения в целом не повлияли, да и вряд ли могли повлиять на общую численность бурят, проживающих в федеральных округах, однако изменили их численность в данных субъектах страны. Федеральный округ – это экономический район высшего звена, представляющий собой крупный территориально-производственный комплекс, в котором сочетаются отрасли рыночной специализации с отраслями, дополняющими территориальный комплекс, и инфраструктурой [Федеральные округа России, 2009, с. 10].

Как видно из приведенной таблицы, численность бурят за период между переписями 2002–2010 гг. по всем федеральным округам и городам увеличилась на 3,3%. Некоторое уменьшение произошло за период между последними переписями 2010 и 2020 гг. Численность же бурят в Республике Бурятия с 2002 по 2020 гг. увеличилась с 271910 чел. до 295273 чел., или на 8,1%. Здесь надо сказать об особенностях последней переписи 2020 г., перенесенной из-за COVID-19 на год, что предопределило низкую лояльность населения к переписчикам и к проведению самой переписи в условиях продолжающейся пандемии [Фарахутдинов, 2022, с. 66]. Это, разумеется, не могло не сказаться на итоговых результатах переписи, что вызывает определенный скепсис у демографов, специалистов, ученых. В частности, сопоставление численности бурят по Российской Федерации и суммарных показателей их размещения по федеральным округам и городам (см. таблицу) показывает некоторое расхождение: в 2002 г. (–411 чел.), 2010 г. (–360 чел.), 2020 г. (–20 чел.).

Наибольший прирост численности бурят за весь рассматриваемый период (2002–2020 гг.) произошел в Центральном и Северо-Западном федеральном округах, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Причем в обоих округах численность бурятской диаспоры увеличивалась наиболее быстрыми темпами – среднегодовой темп прироста по ЦФО составил 3,45%, а в СЗФО – 2,75%. «Аккумулятором» притяжения в Центральном округе является Московская область, в которой число бурят последовательно увеличивалась с 482 чел. в 2002 г. до 757 чел. в 2010 г. и до 1444 чел. в 2020 г., или в 3 раза. Впрочем, аналогичная картина наблюдается и по другим коренным народам Сибири. Так, численность алтайцев в Московской области выросла за этот же период с 40 до 59 чел., хакасов – с 94 до 180 чел., или в 2 раза, тувинцев – с 90 чел. до 317 чел., или в 3,5 раза. По масштабам численности своей диаспоры буряты намного опережают представителей республик Саяно-Алтая, однако привлекают внимание темпы роста их численности в Подмоскovie. Одной из причин такого быстрого роста коренных жителей Сибири (да и не только их) в Московской области является более легкая возможность «легализоваться», т.е. получить прописку здесь значительно легче, чем в Москве. Другая причина – в возможности трудоустройства, наличии большого количества рабочих мест, в том числе и для высокотехнологичных профессий и специальностей. В Московской области сосредоточено значительное количество филиалов и представительств различных зарубежных компаний и фирм (на момент проведения переписи 2020 г.).

Рост численности бурят в Москве и Санкт-Петербурге, очевидно, можно объяснить прежде всего увеличением количества обучающихся в столичных вузах, а также работающих в официальных структурах республики в этих городах и притягательностью этих городов как мест проживания с высоким уровнем жизни.

В Дальневосточном федеральном округе численность бурят многократно увеличилась, как отмечалось выше, благодаря изменениям в составе округов. Республика Бурятия и Забайкальский край заметно усилили позиции бурятской диаспоры в этом округе, удельный вес которой по переписи 2002 г. составлял 0,15%, а по данным 2020 г. – 4,7 % в общей численности всего населения.

В составе самого округа наибольшее число бурят проживает в Республике Саха (Якутия), исключая Республику Бурятия и Забайкальский округ. Однако с 2002 г. их численность неуклонно снижалась – 7266 чел. в 2002 г., 7011 чел. в 2010 г. и 6572 чел. по переписи 2020 г. (–9,6%). На втором месте Хабаровский край, где количество бурят выросло с 793 чел. в 2002 г. до 1143 чел. в 2020 г., или на 44,1%. Самые высокие темпы роста численности бурятской диаспоры за весь период были достигнуты в Сахалинской области – в 2,6 раза, Камчатском крае – в 2 раза, Чукотском автономном округе – в 1,9 раза – со 119 чел. до 229 чел.

Интересно, что в другом, самом западном регионе – Калининградской области (Северо-Западный ФО) численность бурят, также последовательно увеличиваясь, составила 111 чел. (на 65,7%). В этих полярно противоположных субъектах, на территории которых находятся самые крайние точки России, кроме бурят также увеличили свое

представительство народы Саяно-Алтая – алтайцы, тувинцы и хакасы, причем численность некоторых из них, например, алтайцев на Сахалине и в той же Чукотке выросла в десятки раз. Очевидно, что в основе миграций в столь отдаленные и экстремальные места лежат вовсе не романтические начала, а определенные материальные интересы – ведь уровень социально-экономического развития их национальных республик и уровень жизни существенно ниже наиболее развитых регионов России. Для большинства из них, не имеющих престижного образования, наиболее реальным остается выбор пути в восточные регионы.

Литература:

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Сводные таблицы и краткие выводы. Т. 1. СПб.: тип. «Ш. Буссель», 1911–1912. 185 с.

Фарахутдинов Ш. Ф., Хайруллина Н. Г. Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. глазами переписчика // Социс. 2022. № 11. С. 66–73.

Федеральные округа России. Региональная экономика: учебное пособие / под ред. В. Г. Глушковой и Ю. А. Симагина. М.: КНОРУС, 2009. 352 с.

Бреславский Анатолий Сергеевич

кандидат исторических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

breslavsky@imbt.ru

ГОРОДСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАНТАЗИИ» ИЛИ ОТОБРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ?¹

Автором рассмотрены итоги административного и законодательного закрепления за рядом муниципальных образований на территории Дальнего Востока статуса (формирующихся) «городских агломераций». В результате их общее число выросло до тринадцати.

Ключевые слова: городские агломерации (ГА); Дальний Восток; Россия.

Breslavsky Anatoliy Sergeevich

Candidate of Sciences in History

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

Ulan-Ude, Russian Federation

URBAN AGGLOMERATIONS IN THE RUSSIAN FAR EAST: “REGIONAL MYTH” OR THE REFLECTION OF REAL TRENDS?

The author considers the results of the administrative and legislative consolidation of the status of (forming) “urban agglomerations” for a number of municipalities in the Russian Far East. As a result, their total number has grown to thirteen.

Keywords: urban agglomerations; Far East; Russia.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)»), № 121031000243-5).

В 2010-е гг. в текстах практически всех официальных стратегий социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа было заявлено о формировании на территории соответствующих регионов отдельных городских агломераций (ГА) [см., например: Постановление... 2012; Постановление... 2018]. В частности, речь шла о 13 ГА: Авачинской (Петропавловск-Елизовской) – в Камчатском крае, Биробиджанской – в Еврейской автономной области, Благовещенской и Свободненской – в Амурской области, Владивостокской и Находкинской – в Приморском крае, Магаданской – в Магаданской области, Улан-Удэнской – в Республике Бурятия, Хабаровской и ГА «Комсомольск-на-Амуре – Амурск – Солнечный» – в Хабаровском крае, Читинской – в Забайкальской области, Южно-Сахалинской – в Сахалинской области, Якутской – в Республике Саха (Якутия). Десять из них были образованы вокруг региональных административных центров, три – вокруг нестоличных городов. В таблице ниже нами составлен перечень этих агломераций (от наиболее крупных по численности населения к наименьшим) и их территориальный состав: перечень образующих агломерации городских округов (ГО) и муниципальных районов (МР).

Таблица

Территориальный состав городских агломераций ДФО РФ (на начало 2023 г.)

№	Наименование ГА	Состав ГА
1	Владивостокская	ГО «г. Владивосток», ГО «г. Артем», Надеждинский МР, Шкотовский МР Приморского края
2	Хабаровская	ГО «г. Хабаровск», Хабаровский МР, МР им. Лазо Хабаровского края
3	Улан-Удэнская	ГО «г. Улан-Удэ», Заиграевский МР, Иволгинский МР, Тарбагатайский МР, Прибайкальский МР Республики Бурятия
4	Читинская	ГО «г. Чита», Читинский МР Забайкальского края
5	Якутская	ГО «г. Якутск», ГО «Жатай», пгт Нижний Бестях Мегино-Кангаласского МР Республики Саха (Якутия)
6	«Комсомольск-на-Амуре – Амурск – Солнечный»	ГО «г. Комсомольск-на-Амуре», Амурский МР, Комсомольский МР, Солнечный МР Хабаровского края
7	Южно-Сахалинская агломерация	ГО «г. Южно-Сахалинск», ГО «Анивский», ГО «Долинский», ГО «Корсаковский», ГО «Невельский», ГО «Холмский».
8	Благовещенская	ГО «г. Благовещенск», часть поселений Благовещенского и Ивановского района (не обозначены, какие конкретно)
9	Авачинская (Петропавловск-Елизовская)	ГО «Петропавловск-Камчатский», ГО «Вилючинск», Елизовский МР Камчатского края
10	Находкинская	ГО «г. Находка», ГО «г. Партизанск» Приморского края
11	Магаданская	ГО «г. Магадан», ГО «Ольский», ГО «Хасынский» Магаданской области
12	Свободненская	г. Свободный г. Циолковский, часть поселений Свободненского и Шимановского МР Амурской области
13	Биробиджанская	ГО «г. Биробиджан», Биробиджанский МР (конкретные поселения не обозначены) Еврейской автономной области

Мы видим, что, с одной стороны, практически во всех регионах (кроме Чукотки) законодательно было заявлено о формирующихся ГА. Ядрами этих ГА были определены не только административные центры / столицы регионов, но и нестоличные города (г.

Свободный, г. Комсомольск-на-Амуре, г. Находка и пр.), сохранившие перспективы экономического развития. В состав ГА вошли только территории соответствующих субъектов ДФО. Так, например, в границы Хабаровской агломерации не попали расположенные в пригородной зоне Хабаровска поселения Смидовичского района Еврейской автономной области. Муниципальные районы, городские округа включались в состав ГА в большинстве случаев «целиком», вероятно, без учета реальных связей между отдельными населенными пунктами, расположенными в ядре и на границах агломераций. Важно отметить также, что только в трех из тринадцати агломераций (в Улан-Удэнской, Якутской, Благовещенской) в 1989–2020 гг., по нашим подсчетам, был отмечен общий прирост населения (подробные данные по динамике населения по всем ГА будут опубликованы автором в 2023 г.).

Многие, если не большая часть, из перечисленных выше формирующихся ГА были обозначены что называется «на бумаге», получили закрепление в официальных стратегических документах, но, очевидно, не выдерживают основные критерии, традиционно предъявляемые учеными и проектными бюро к ГА в России и мире [Антонов, 2020]. Эти критерии связаны как с численностью населения городского ядра, пригородной зоны, так и, например, с количеством городских населенных пунктов в зоне агломерации и т.д. Если о формировании, например, относительно хорошо осмысленной Владивостокской агломерации можно говорить вполне утвердительно [Бакланов, Авдеев, Романов, 2020], то по отношению к остальным ГА ДФО – не совсем.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: не являются ли обозначенные городские агломерации, перефразируя известное выражение Н. П. Огарева, региональными правительственными «фантазиями»? Или все же они выражают реальные тенденции агломерационного развития в условиях постсоветской трансформации городского и сельского расселения на Востоке России? Окончательный ответ на эти вопросы могут дать лишь дополнительные, в том числе полевые исследования в регионах ДФО.

При меняющихся критериях к определению границ и состава российских агломераций [Райсих, 2020], связанных в том числе с «административной рурализацией» [Алексеев, Зубаревич, 1999, с. 91], часть названных выше дальневосточных агломераций вполне может считаться таковыми с точки зрения академической науки. Особенно если учесть то обстоятельство, что связи внутри этих агломераций, вероятно, будут усиливаться как в силу продолжающейся концентрации населения Дальнего Востока вокруг наиболее крупных региональных городских центров, так и в связи с реализацией государственной политики по поддержке городских агломераций.

Проект федерального закона о «Городских агломерациях», подготовленный Минэкономразвития РФ, появился только в 2020 г. (на начало 2023 г. не рассмотрен). В связи с этим регионы ДФО по своему усмотрению могли определять границы и состав ГА. Но для чего они начали это делать? Импульсом для законодательного оформления ГА в субъектах ДФО, на наш взгляд, стала серия правительственных стратегических инициатив, в которых был сделан акцент на развитии региональных ГА в качестве ключевых центров экономического роста страны, которые получают в обозримом будущем наибольшую поддержку со стороны федерального центра. Речь идет, в частности, об Указе Президента РФ 2017 г. «Об утверждении основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г.», о правительственном постановлении 2018 г. по поддержке центров экономической активности в субъектах РФ, входящих в состав ДФО и Арктической зоны РФ, о «Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г.», принятой в 2019 г., и ряде других документов. Здесь важно помнить: российское бюджетное, муниципальное законодательство создавало и создает ограничения для межмуниципального сотрудничества,

в том числе в границах формирующихся городских агломераций. На решение этих противоречий и был, собственно, нацелен проект ФЗ «О городских агломерациях» 2020 г.

Оформление городских агломераций в региональных нормативно-правовых документах субъектов ДФО оказалось связано, таким образом, на наш взгляд, с решением управленческих задач – созданием возможностей для привлечения дополнительных средств на развитие инженерно-бытовой, социальной инфраструктуры городских агломераций и пр. Иными словами, процесс «создания» и законодательного оформления ГА стал инструментом для решения их инфраструктурных и экономических проблем. Задача академического сообщества в этом смысле может заключаться не столько в оценке обоснованности такого «административного» подхода, сколько в анализе базовых экономических, социально-демографических и иных показателей в развитии в выделяемых ГА.

Источники и литература:

Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Кризис урбанизации и сельская местность в России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е гг. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 83–94.

Антонов Е. В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–202.

Бакланов П. Я., Авдеев Ю. А., Романов М. Т. Новый этап в развитии г. Владивостока и его агломерации // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2017. № 3. С. 27–46.

Постановление Правительства Амурской области от 13.07.2012 г. № 380 «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/961723123> (дата обращения: 31.01.2023).

Постановление Администрации Приморского края от 28.12.2018 г. № 668-па «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322279> (дата обращения: 31.01.2023).

Райсих А. Э. Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 54–96.

Будаев Батор Солбонович

кандидат политических наук

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Улан-Удэ, Российская Федерация

brotabs83@mail.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ В СУБЪЕКТАХ ДФО

Статья посвящена исследованию процесса развития системы управления столичными городами субъектов ДФО. Автор обращает внимание на процесс перехода к системе опосредованных выборов мэра, а также на возможные варианты возвращения к прежней схеме. В статье уделяется особое внимание эволюции партийной составляющей выборов в муниципальные легислатуры.

Ключевые слова: местное самоуправление; региональные столицы; политические партии.

DEVELOPMENT OF THE MANAGEMENT SYSTEM OF CAPITAL CITIES IN THE SUBJECTS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

The article is devoted to the study of the process of development of the management system of the capital cities of the subjects of the Far Eastern Federal District. The author pays attention to the process of transition to the system of indirect elections of the mayor, as well as possible options for returning to the previous scheme. The article pays special attention to the evolution of the party component of elections to municipal legislatures.

Keywords: local government; regional capitals; political parties.

В России на данный момент осталось лишь незначительное число городов, где их жители могут напрямую избирать глав это: Хабаровск, Улан-Удэ, Якутск, Анадырь, Абакан и Новосибирск. Причем из этих 6 городов 4 находятся в составе ДФО. Данный факт не может вызывать таких вопросов: как и почему сложилась такая ситуация? Следует отметить, что ситуация в ДФО тем более показательна, что в части субъектов активно обсуждаются как идеи возвратиться к прямым выборам мэров региональных столиц, так и наоборот – идея перейти к модели их конкурсного отбора. Неоднократно поднимался вопрос возвращения выборов мэра во Владивостоке и Чите. В Хабаровске же прорабатывается вопрос перехода к принципу конкурсного отбора главы города, примерно такая же ситуация в Анадыре.

Интересной является ситуация в Улан-Удэ, где сначала отказались от выборов и перешли к практике назначения, а затем вновь вернулись к выборам. Не менее показательным является пример Благовещенска, где сначала перешли к практике конкурсного отбора, потом вернулись к выборам, а затем вновь вернулись к назначению.

С одной стороны, явным является стремление властей стабилизировать ситуацию на местах путем контроля фигуры столичного мэра, который по определению является первым кандидатом на пост губернатора. С другой стороны, в нестабильных парламентских системах слаба исполнительная власть, и для ее усиления необходима сильная партийная фракция. Второе обстоятельство порождает наш интерес к целому ряду особенностей, касающихся изменения типа избирательной системы на выборах в муниципальные legislatures, и то, как в результате этого изменился расклад фракционных сил в них.

Мы надеемся, что полученные в ходе исследования данные позволят не только оценить ситуацию в ДФО, но и охарактеризовать ее, что поможет понять, какая система организации МСУ наиболее оптимальна и почему для тех или иных регионов.

Когда и почему? Отказ от прямых выборов глав МСУ в России активно лоббировался еще с того момента, как были отменены выборы глав регионов России. Но при этом сама идея во многом исходила из необходимости усиления роли политических партий. Партии превращались в своего рода супер-институт, связующий как все элементы гражданского общества и государства, так и все уровни власти начиная от муниципального, регионального и заканчивая общенациональным.

Наиболее мощным стимулом для внедрения этой системы стало развитие практики назначения глав субъектов, особенно тогда, когда ими становились «варяги». Новые главы дабы закрепить свое положение в системе были вынуждены выстраивать отношения таким образом, чтобы включить в состав своих сторонников мэров столичных городов. При этом формально и та, и другая система нуждалась в легитимации посредством парламентских

структур, в которых наиболее значимое положение занимала доминирующая политическая партия. Вместе с тем, как показывают данные представленной ниже таблицы, в большинстве случаев переход к системе назначения был осуществлен уже после анонса возвращения практики выборов глав субъектов РФ.

Таблица 1

Выборы мэров столичных городов ДФО

№	Название города	Численность жителей	Дата перехода к назначению губернатора (возвращения к выборам)	Дата перехода к новой системе выборов
1	Хабаровск	617 441	2009 (2013)	Прямые выборы
2	Владивосток	603 519	2005 (2018)	Переход в 2014 (реализован в 2017)
3	Улан-Удэ	436 565	2007 (2017)	Переход в 2011, возвращение к прямым выборам в 2019
4	Якутск	355 443	2006 (2014)	Прямые выборы
5	Чита	334 427	2008 (2013)	Переход в 2014 (реализован в 2014)
6	Благовещенск	241 437	2005 (2012)	Переход в 2010, возвращение в 2014, вновь переход в 2015
7	Южно-Сахалинск	181 587	2007 (2015)	Переход в 2014 (реализован в 2019)
8	Петропавловск-Камчатский	164 900	С 2007 (2015)	Переход в 2011
9	Магадан	90 557	2007 (2013)	Переход в 2015
10	Биробиджан	70 064	2005 (2015)	Переход в 2015
11	Анадырь	13 202	2005 (2013)	Прямые выборы

Условно процесс перехода к новой системе в столицах ДФО можно разделить на три группы: плавный, параллельный и конфликтный. Плавный переход – Южно-Сахалинск, Магадан, Чита. Здесь следует отметить, что главой города в случае назначения, как правило, становился действующий градоначальник, сумевший войти в команду «назначенного» губернатора. Параллельный переход – Благовещенск, Петропавловск-Камчатский. Переход к системе опосредованного выбора главы осуществлялся в условиях назначения губернатора, который не всегда мог найти общий язык с действующим накануне перехода градоначальником в результате, чего возникали конфликты. В результате смена руководства города практически совпадала с процессом назначения нового губернатора. Конфликтный переход – Владивосток, Улан-Удэ, Биробиджан. Нестабильная политическая ситуация, когда глава региона – «варяг» – не сумел плавно войти в региональное политическое пространство, что привело к конфликтной линии взаимодействия, где каждый актер стремился усилить свои позиции за счет ослабления оппонентов.

Сама схема перехода к системе опосредованного выбора мэра столичного округа дает скорее возможность оценить масштаб проблем, с которыми может столкнуться руководство региона. Но при этом полученные данные не дают однозначного решения на вопрос, что надо сделать для повышения управляемости городом. Показательным является возвращение к выборам мэра столичного округа в ситуации кризиса власти, как это произошло в Бурятии в 2019 г., и в Благовещенске в 2014 г. Выбивается из этого случай Забайкальского края, когда

в условиях политического кризиса власти на уровне региона ее столица Чита представляла собой островок стабильности. В результате полученных данных явно бросается в глаза обстоятельство того, каким был и является расклад сил в городской легислатуре, которая и принимала ключевое решение о переходе к новой системе опосредованных выборов мэра.

Партийный расклад сил в городских легислатурах столичных центров субъектов ДФО. Переход к новой системе выборов мэра осуществлялся параллельно со сменой механизма формирования городской легислатуры. Так до перехода во всех городах ДФО городские законодательные органы формировались на основе мажоритарной системы. Но с началом муниципальных реформ в качестве основы была использована смешанная избирательная система. Основной задачей перехода к смешанной избирательной системе было, безусловно, стремление властей перевести на партийно-фракционную основу деятельность муниципальных легислатур. В короткий срок почти все муниципальные парламенты стали «партийными». Но если в условиях доминирования «партии власти» схема работала почти без проблем, то в условиях «переходного периода» 2008–2011 гг. это привело к многочисленным акциям протеста, инициированных миноритарными партиями, которые только благодаря пропорциональной части избирательной системы прошли в муниципальные парламенты. Для того периода важен был скорее переход к партийной, составляющей политического процесса, благодаря которому удалось взять под общий контроль всю вертикаль власти. И лишь позже, после «укоренения» партийной составляющей процесса принятия решений регионы отказываются от смешанной избирательной системы. Для этого обратите внимание на приведенные ниже данные таблицы.

Таблица 2

Механизм формирования региональных муниципальных законодательных легислатур, и их партийная составляющая

	Название городов	Кол-во депутатов в	Схема формирования (проп./мажор)	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	НЛ	Пенс.	Другие	Сам
1	Анадырь 2019-2024	11	Мажор	5		2	1				3
	2014-2019	15	Мажор	13		2					
	2009-2014	15	Мажор	13							2
2	Улан-Удэ 2019-2024	30	Мажор	26	2	1	1		0	0	0
	2014-2019	30	Мажор	18	2		2				8
	2009-2014	26	13/13	5/9	4/0	1/0	3/1				3
3	Хабаровск 2019-2024 По итогам выборов в 2019	35	Мажор	2		33					
	На 2022 г.		Мажор	10		13	9				3
	2014-2019	35	Мажор	33	1						1
	2009-2014	35	Мажор	24						1	
4	Якутск 2018-2023	30	15/15	17 6/11)	3 (3/0)	1 (1/0)	3 (3/0)	0	0	ГП 2(1/ 1)	2
	2013-2018	30	15/15	8/10	2/0	1/0	3/1			ГП (1/0)	4
	2008-2013	28	Мажор	14	2						8
5	Владивосток	35	Мажор	28	2	0	0	0	0	0	5

	2022-2027										
	2017- 2022	35	18/17	9/13	5/4	2	1		1		0
	2012-2017	35	18/17	11/1 3	4/3	1/0	2/1				
	2007-2012	35	18/17								
	2003-2007	25	Мажор								
6	Петропавловск Камчатский 2022-2027	30	10/20	23 (6/1 7)	1 (1/0)	2 (1/1)	3 (1/2)		1 (1/1)	0	1
	2017-2022	32	16/16	10/1 6	2/0	3/0	1/0				0
	2012-2017		16/16	11/1 6	2/0	2/0	1/0				
	2008-2012		Мажор								
7	Биробиджан 2019-2024	21	Мажор	16	4	0	0	0	0	0	1
	2014-2019	21	Мажор	11	1				1		8
	2009-2014	20	Мажор	13	1				1		5
8	Чита 2019- 2024	30	Мажор	19	2	2	2	0	0		5
	2014-2019	30	Мажор	21	2	1	2				4
	2009-2014	30	15/15	8/13	2/0	2/0	3/2				
9	Магадан 2020-2025	20	Мажор	15	0	1	1		0	0	3
	2015-2020	28	14/14	9/14	2/0	1/0	2/0				
		28	Мажор	25		1					2
10	Южно- Сахалинск 2019-2024	25	Мажор	16	1		1	3		«Го рсье т» - 4 чел овек а	2
	2014-2019	25	Мажор	16	2		1				6
	2009-2014	26	13/13	6/6	4/2	1/0	2/5				
	2005-2014	26	Мажор								
11	Благовещенск 2019-2024	30	Мажор	25	2	1	1	0	0	0	1
	2014-2019	30	10/20	5/18	2/1	2/1			1/0		
	2009-2014	30	15/15	8/11	3/0	2/2	2/2				
	2005-2009	30	Мажор								

Как показывают данные таблицы, со временем практически везде отмечается тенденция либо сокращения доли парламентариев, избираемых по пропорциональной части, либо полного отказа от использования мажоритарной избирательной системы. В результате данной стратегии действия практически повсеместно повысилась доля членов «партии власти» в столичных муниципальных legislатурах, что, безусловно, сказалось на управляемости городским парламентом.

Это и другие обстоятельства позволяют утверждать, что основным механизмом повышения управляемости городом является наличие «управляемого» партией власти муниципального парламента. В отдельных случаях, когда политический режим стабилизируется и формируется система преемственности власти, политическая элита консолидируется. Эффективным становится и переход к системе выборного мэра столичного городского центра.

Роговая Анастасия Владимировна
кандидат социологических наук
Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Москва, Российская Федерация
av_rogovaya@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МАЛЫХ ГОРОДАХ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ

Анализ деятельности общественных организаций в малых городах позволил увидеть реальное их положение на местах, проблемы и перспективы их развития, взаимодействие с органами местной власти, бизнес-сообществами и другими организациями, гражданами.

Ключевые слова: общественная организация; муниципалитет; гражданское участие; малый город.

Rogovaya Anastasia Vladimirovna
Candidate of Sciences in Sociology
Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

PUBLIC ORGANIZATIONS IN SMALL TOWNS: MAIN PROBLEMS AND POTENTIAL

The author analyses the level of social activity of public organizations in small towns. It made it possible to identify their real situation at the local level, problems and prospects for their development, interaction with local authorities, business communities and other organizations, citizens.

Keywords: public organization; municipality; civic participation; small town.

Малые города с небольшой средой жизнедеятельности местного сообщества, по сравнению с крупными городскими агломерациями, обладают признаками значительного консолидационного потенциала, сложившейся конфигурацией социально-психологической общности жителей, преобладанием традиционного образа жизни, что придает относительную устойчивость городскому социуму, способствуя его самоорганизации. Именно деятельность общественных организаций, местного сообщества, да и самого человека в малом городе более заметна и выражена, чем в среде большого города. При этом очевидной проблемой остается сложный процесс вовлечения населения в вопросы их организации.

Исследование было проведено в рамках темы «Социальное моделирование региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений» ФНИСЦ РАН в 2019–2021 гг.¹. Под малыми городами рассматривают населенные пункты до 50 тыс. чел. К тому же именно в составе Бурятии находятся небольшие города и поселки городского типа.

Поскольку объектом исследования выступали общественные организации, то важно было фиксировать не столько их количество, сколько степень их организованности, участие в проектах, грантах, наличие специальных мероприятий и т.д.

¹ Эмпирические исследования были проведены в малых городах: г. Лихославль и г. Кимры (Тверская обл.); г. Сокол и г. Красавино (Вологодская обл.); г. Аксай и г. Миллерово (Ростовская обл.); г. Изобильный и г. Новоалександровск (Ставропольский край); г. Балахна и г. Заволжье (Нижегородская обл.); г. Среднеуральск и г. Ирбит (Свердловская обл.); г. Шелехов и г. Зима (Иркутская обл.); г. Большой Камень и г. Спасск-Дальний (Приморский край). В качестве экспертов выступили представители федеральных органов исполнительной власти, городских властей, местных бизнес-сообществ и общественных организаций.

Среди зарегистрированных на сайте Минюст общественных организаций [Информация о зарегистрированных некоммерческих...] в исследуемых малых городах больше всего организаций, оказывающих социальные услуги населению, занимающихся деятельностью в области физической культуры и спорта, образования и просвещения, патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. При этом следует учитывать, что не все организации официально зарегистрированы, поскольку многие молодежные, волонтерские и благотворительные организации не готовы регистрироваться по причине отсутствия постоянного штата, а также необходимости платить налоги. Если сравнить зарегистрированные общественные организации в городах Бурятии (Северобайкальск, Кяхта, Гусиноозерск, Закаменск), наибольшую долю занимают: национальные и конфессиональные организации, в том числе казачество, семейно-родовые общины; спортивные организации; социально-ориентированные организации; благотворительные фонды, в том числе попечительские советы (в основном при образовательных учреждениях); молодежные организации. Иными словами, организации, целью которых является сохранение и развитие культуры и традиций различных народов, занимают в структуре общественных организаций Бурятии значительное место.

По данным исследования, большинство респондентов (78,1%) оценивают уровень организации и активность местных гражданских сообществ как «средний» и «высокий». При этом главным условием развития общественных организаций, по мнению их представителей, являются не близость малого города к региональному или федеральному центру, а активная поддержка администрации города, а также активность самих жителей города [Роговая, 2022].

В маленьких городах (например, Красавино, Лихославль с населением до 20 тыс.) фактически отсутствуют препятствия (игнорирование или безразличие со стороны местных властей) для проявления людьми своей гражданской активности, они более социально контактны, открыты и заинтересованы в решении проблем местного уровня. В то же время в других малых городах наблюдается пассивность населения (например, Заволжье, Спасск-Дальний) в организации местных сообществ. Причиной тому является бедность большинства населения, низкооплачиваемая работа, давление со стороны крупных предприятий, страх потери работы, ощущение незащищенности. Как отмечают представители общественных организаций, население думает о выживании и решении повседневных проблем, а не о создании сообщества.

Населением достаточно широко поддерживаются такие формы общественной активности, как добровольчество (волонтерство) и благотворительность. Следует отметить, что в многонациональной Республике Бурятия благотворительность в истории народа продиктована как культурой, так и религиозным наследием [Коновалова, 2018]. Поэтому распространены попечительские советы как эффективный инструмент привлечения внебюджетных финансов и самый удобный способ материальной поддержки образовательного учреждения [Корпусова, 2018].

Активны казахи общества, народные дружины, поскольку выделяется финансирование по федеральной, краевой, а также муниципальной программе по казачеству. На территории Бурятии также распространены казачьи и семейские сообщества, основной целью которых является сохранение и популяризация традиций, истории и обычаев этих организаций [Корпусова, 2018]. Казаки активно участвуют на всех общественных городских мероприятиях, праздниках, проводят различные мероприятия с молодежью по патриотическому воспитанию. Несмотря на энтузиазм некоторых активистов, среди экспертов преобладает более сдержанная критическая оценка, свидетельствующая о том, что одной из серьезных проблем малых городов является низкая социальная активность населения.

Данные исследования позволяют выделить следующие основные факторы, снижающие эффективность работы общественных организаций: экономическая слабость муниципальных образований и отсутствие финансовой базы; сложности во взаимодействии с местными органами власти и бизнес-сообществом в решении проблем города;

неорганизованность и неготовность сотрудничать общественных организаций между собой; отсутствие лидера, готового активно продвигать интересы своей организации [Роговая, 2022].

Муниципалитеты стараются осуществить имеющуюся возможность в имущественной поддержке в форме передачи во владение и пользование нежилых помещений, а также в правовой, консультационной, информационной и организационной поддержке. Большое значение в развитии и взаимодействии общественных организаций оказывает и наличие общественного совета/палаты при администрации, работа которых позволяет решать многие проблемы города. Но не во всех малых городах есть такая поддержка со стороны администрации. Во многом это обусловлено тем, что люди, обращаясь в местные органы власти, видят, что их проблема не разрешается, вследствие чего разочаровываются в возможностях решить вопросы через существующие структуры. Общественные организации пытаются принимать участие в грантах, но не во всех городах администрация идет навстречу. Как отмечают представители общественных организаций, нет специалистов, которые могли бы оформить правильно проекты, программы для участия в грантах. В Республике Бурятия также существует проблема повышения квалификации представителей общественных организаций, поскольку в рамках программы поддержки социально-направленных некоммерческих организаций осуществляются только разовые семинары, направленные на повышение квалификации общественников в области написания грантов и предоставления отчетности [Корпусова, 2018].

Взаимодействие администрации, общественных организаций и бизнес-сообществ не всегда является эффективным. Такая ситуация обусловлена невысокой гражданской активностью, недостаточной готовностью граждан участвовать в формировании органов местного самоуправления, в решении вопросов местного значения, в общественно-политической жизни своих территориальных сообществ. Только в малых городах, где имеются крупные предприятия, развиты средний и мелкий бизнес, бизнес-сообщества готовы помогать общественным организациям, в частности в благотворительных акциях, различных проектах.

Эффективной работе общественных организаций порой мешает их неорганизованность, отсутствие хорошего руководителя. К тому же, по мнению экспертов, взять лидерские функции готов не каждый. Одной из главных проблем развития общественных организаций остается крайне слабая информированность населения об их деятельности, чем на практике занимаются существующие организации и как можно принять участие в их мероприятиях. Недостаточное освещение деятельности общественных организаций отмечается и в Бурятии [Корпусова, 2018].

Таким образом, местной власти важно оценить вклад общественных организаций в решении социально-значимых проблем. Именно обратная связь с общественными организациями обеспечивает более глубокое понимание происходящих процессов, позволяет находить оптимальные пути решения возникающих проблем в малом городе.

Потенциал общественных организаций в малых городах, особенно социально-ориентированных, заключается в их ответственности (как общественной, так и личной), опыте членов сообщества. Такие организации активно участвуют во всех городских мероприятиях, с их подачи открываются музеи, реализуется конкретные проекты, акции, решаются многие вопросы, осуществляется точечная помощь. С другой стороны, по мнению представителей общественных организаций, необходима государственная поддержка (не только на местах) как увеличение финансирования, налоговые льготы, содействие в участии в грантах. Примером могут служить успешно работающий в Иркутской области «Ресурсный центр по поддержке некоммерческих организаций Иркутской области», некоммерческий фонд поддержки социального развития Приморского края «Энергия участия», в которых регулярно проходят обучающие семинары по социальному проектированию и подготовке заявок на участие в грантовых конкурсах.

Источники и литература:

Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях [Электронный ресурс]. URL: unro.minjust.ru/NKO.aspx (дата обращения: 14.12.2022).

Коновалова Ю. Г. Благотворительность как основной фактор деятельности организаций людей с ограниченными возможностями здоровья в Республике Бурятия // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во Байк. гос. ун-та, 2018. С. 319–325.

Корпусова О. Ю., Осинский И. И. Общественные организации в условиях развития гражданского общества. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. 180 с.

Роговая А. В., Бийжанова Э. К., Левченко Н. В. Социальная активность общественных организаций в малых городах: основные проблемы и потенциал // Мониторинг правоприменения. 2022. № 4(45). С. 81–91.

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна

доктор исторических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

zhambalovas@yandex.ru

БОРЬБА С АЛКОГОЛИЗМОМ В МАЛЫХ СЕЛАХ БУРЯТИИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА¹

В статье осуществлена постановка вопроса о перспективности исследования практики борьбы с алкоголизмом в малых селах Бурятии в XXI в. Об этом свидетельствуют создание зоны свободной от продажи алкоголя, возрождение безалкогольных семейных обрядов и праздников.

Ключевые слова: Бурятия; малое село; борьба; алкоголизм; постановка вопроса.

Zhambalova Sesegma Gendenovna

Doctor of Sciences in History

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

Ulan-Ude, Russian Federation

FIGHT AGAINST ALCOHOLISM IN SMALL VILLAGES OF BURYATIA: STATEMENT OF THE QUESTION

The article raises the question of the prospects of studying the practice of combating alcoholism in small villages of Buryatia in the 21st century. This is evidenced by the creation of a zone free from the sale of alcohol, the revival of alcohol-free family rituals and holidays.

Keywords: Buryatia; small village; wrestling; alcoholism, questioning.

Актуальность темы обусловлена тем, что несмотря на мероприятия на государственном уровне по борьбе с алкоголизмом и пьянством, активизировавшиеся с 2009 г., проблема остается нерешенной. В то время, как «алкогольная зависимость является одним из самых сложных и опасных для человечества заболеваний в связи с огромными медико-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

социальными, морально-этическими, экономическими и духовными потерями. <...> алкоголизм назван Президентом РФ одной из угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации» [Кошкина, Павловская и др., 2010, с. 1–2].

Цель статьи – постановка вопроса о необходимости анализа и обобщений практикующейся в малых селах Бурятии борьбы с алкоголизмом в XXI в., зафиксированной в полевых материалах автора и публикациях в СМИ.

Территория Бурятии входит в состав России более трех с половиной веков, из них 100 лет в составе Республики Бурятия, поэтому здесь издавна практикуются все государственные методы и формы борьбы с алкоголизмом, единые для всех регионов и народов страны. Согласно Концепции по профилактике и снижению уровня алкоголизма в РФ 2009 г. планировалось снижение к 2013 г. потребление алкоголя на душу населения до 15 л в год, а к 2020 г. – до 8 л. Законы, изданные для реализации задач Концепции, ввели запрет на торговлю алкоголем в нестационарных торговых точках, на употребление алкоголя за рулем, на рекламу спиртных напитков в СМИ, в интернете и т.п. Регионы, где реализуются собственные программы по профилактике и борьбе с алкоголизмом, могли рассчитывать на специальные субсидии [Борисова, 2012, с. 111–112]. Произошло снижение потребления алкоголя с 15,7 л на душу населения в год в 2008 г. до 9 л в 2021 г. Соответственно сократилась заболеваемость и смертность, ассоциированные с потреблением алкоголя, хотя он по-прежнему вносит наибольший вклад в смертность людей трудоспособного возраста [Карабут].

Помимо федеральных методов и форм наряду с некоторыми дополнительными видами региональной борьбы с алкоголизмом в Республике Бурятия в ходе полевых работ выявлены местные, предпринимаемые общим решением жителей отдельных поселений. Это обусловлено удаленностью сел, до которых не всегда доходят пропагандистско-профилактические и лечебно-профилактические методы борьбы с алкоголизмом из-за отсутствия инфраструктуры. Это побуждает население принимать посильные меры, исходя из имеющихся ресурсов, а именно благодаря сельским сходам, одной из форм местного самоуправления муниципальных образований. Они позволяют путем публичного обсуждения насущного вопроса и последующего голосования принять решение, отвечающее интересам населения [Старосек, 2019, с. 106].

К 2022 г. на территории Республики Бурятия было восемь улусов и сел, жители которых на сельских сходах приняли решение создать в поселениях зоны, свободные от продажи алкоголя. Это улусы Алаг-Шулун Окинского р-на (168 чел.), Бом Мухоршибирского р-на (344 чел.), Тагархай Тункинского р-на (382 чел.), Тохорюкта Хоринского р-на (223 чел.), Улюнхан Курумканского р-на (678 чел.) и села Барыкино-Ключи Тарбагатайского р-на (162 чел.), Каргино Кабанского р-на (89 чел.), Амалатское Баунтовского р-на (183 чел.). В 2022 г. улусы Далахай (338 чел.), Утата Закаменского р-на (435 чел.) и Ехэ-Цаган Селенгинского р-на (363 чел.) примкнули к этому движению [В Бурятии подвели...]. Следует оговориться, что в 2023 г. численность населения поселений может не соответствовать указанным здесь, но в целом приведенная статистика в одних случаях 2010 г., в других 2020 и 2021 гг. отражает тенденцию. Из полевых материалов известно, что численность населения по прописке почти всегда выше фактического числа жителей малых сел: немало людей уезжает надолго, сохраняя за собой закрытый дом, двор и прописку.

Особняком стоит история улусов Далахай и Утата Закаменского р-на, где запрет на реализацию алкоголя принят законодательно Народным Хуралом Республики Бурятия по инициативе жителей. Население вынужденно обратилось к органам власти: на сельском сходе им не удалось договориться с индивидуальным предпринимателем, осуществляющим в улусах розничную продажу алкоголя. Обращение было взвешенным, оценены все риски и последствия принимаемого решения на основании опыта 2021 г., когда несколько месяцев в торговых точках улусов не торговали спиртным и потому ощутимо снизилось употребление алкоголя [Народный Хурал Бурятии].

Как видно, решения о создании зоны, свободной от алкоголя, приняты в одиннадцати населенных пунктах, восемь из которых бурятские улусы. Все поселения за редким исключением моноэтнические и малочисленные. В малых селах в наибольшей степени сохраняются этнокультурная идентичность, национальные традиции и обычаи, традиционные навыки, межпоколенная преемственность, историческая память [Кузнецова, 2019, с. 231]. В Республике Бурятия малое село – это «сельский населенный пункт с численностью жителей не более 350 чел., постоянно проживающих и ведущих хозяйство, с частичным наличием социальной инфраструктуры, образованный для эффективного использования удаленных от основных населенных пунктов земель сельскохозяйственного назначения» [Сохранение и развитие малых сел].

В России немало регионов с зонами, свободными от продажи алкоголя. В 2013 г. в Якутии был принят местный закон об ограничениях при реализации спиртного, регионам разрешали вводить полный запрет на его продажу. В поддержку инициативы Государственное собрание Республики Саха (Якутия) Ил Тумэн издало закон, запрещающий в этих зонах продажу спиртного где бы то ни было, включая магазины и учреждения общепита (кафе и пр.). На его основании 188 сел объявили свои поселения зонами трезвости. Однако в 2017 г. Госдума РФ ограничила право региональных властей на вмешательство в сферу общественного питания: разрешены ограничение и запрет торговли спиртным, за исключением этих предприятий [Таюрский].

Полевые материалы свидетельствуют о том, что среди забайкальских бурят-буддистов борьба с алкоголизмом также проводится под эгидой Буддийской традиционной сангхи России (БТСР). Д. Д. Амоголонова объективно отмечает, что БТСР, успешно возглавляемая Хамбо ламой Дамбой Аюшеевым, «в настоящее время сохраняет культурно-исторические традиции и участвует в политических и социокультурных процессах и практиках современности» [Амоголонова, 2021, с. 394.]. Благодаря деятельности БТСР, как следует из полевых материалов и наблюдений автора, во многих селах возрождена традиция проведения обрядов цикла жизни человека, включая детские праздники, свадебные и погребальные обряды, без употребления спиртных напитков, которые практиковались в советское время.

В настоящее время достаточно достоверных источников для проведения объективного исследования специфики борьбы с алкоголизмом в малых селах Бурятии. Об этом свидетельствует наличие опыта создания зоны свободной от продажи алкоголя, возрождение безалкогольных семейных праздников при проведении обрядов циклов жизни человека. Существенный вклад в развитии борьбы с алкоголизмом на местном уровне вносит БТСР.

Источники и литература:

Амоголонова Д. Д. Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии // Научный диалог. 2021. № 7. С. 381–399.

Борисова Н. В. Политика по борьбе с алкоголизмом в современной России: определение повестки дня // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 4. С. 107–114.

В Бурятии подвели очередные итоги развития «территорий трезвости» [Электронный ресурс]. URL: <https://burunen.ru/news/society/92705-v-buryatii-podveli-ocherednye-itogi-razvitiya-territoriy-trezvosti/> (дата обращения: 08.02.2023).

Карабут Т. Потребление алкоголя в России снизилось на 43 процента за 13 лет. Почему россияне стали меньше пить и как изменилась структура потребления [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/nachali-za-zdravie.html> (дата обращения: 06.02.2023).

Кошкина Е. А., Павловская Н. И., Ягудина Р. И., Куликов А. Ю., Усенко К. Ю. Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в Российской Федерации // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 2 (14). С. 1–12. [Электронный ресурс]. URL: <mediko-sotsialnye-i-ekonomicheskie-posledstviya-zloupotrebleniya-alkogolem-v-rossii.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).

Таюрский В. Почему возвращают алкоголь в якутские зоны трезвости [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/01/01/reg-dfo/pochemu-vozvrashchaiut-alkogol-v-iakutskie-zony-trezvosti.html> (дата обращения: 11.02.2023).

Кузнецова Н. Ф. Малые села России: сущность, особенности, проблемы и пути их решения // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 231–234.

Народный Хурал Бурятии законодательно запретил торговлю спиртным в двух селах [Электронный ресурс]. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2022/04/26/narodnyu-khural-buryatii-zakonodatelno-zapretil-torgovlyu-spirtnym-v-dvukh-selakh.html> (дата обращения: 10.02.2023).

Сохранение и развитие малых сел в Республике Бурятия на 2012–2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.egov-buryatia.ru/index.php?id=584> (дата обращения: 12.08.2019).

Старосек А. К. Роль сельских сходов в обеспечении участия местных сообществ в управлении на местах // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25. № 2. С. 105–113.

Цэвээний Цэцэнбилэг

Ph.D

Институт философии Монгольской академии наук

Улан-Батор, Монголия

Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов

Москва, Российская Федерация

tsetsenbilegts@gmail.com

Ойдов Хатанболд

Ph.D

Институт философии Монгольской академии наук

Улан-Батор, Монголия

khatanboldo@gmail.com

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: СОЦИУМ БУРЯТИИ И МОНГОЛИИ¹

Современные темпы социальной динамики, трансформация процессов глобализации и регионализации мирового пространства, непредсказуемость социальных практик и рисков, повсеместное внедрение цифровых технологий в жизнь общества становятся вызовами. Цифровизация приобрела глобальный характер, что послужило появлению новой области цифровой социологии (digital sociology). В докладе рассматриваются глобальные тенденции цифровизации, начало и обоснование развития цифровой социологии, приводятся статданные по цифровизации в России, Бурятии и Монголии.

Ключевые слова: цифровизация; телекоммуникации; Россия; Бурятия; Монголия; цифровая социология.

Tseveenii Tsetsenbileg

Ph.D

Institute Philosophy Academy

of the Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

Institute of Foreign Languages of Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russian Federation

¹ Статья подготовлена при поддержке совместного гранта Фонда науки и технологии Монголии и Белорусского РФФИ, ШУТ ХТБ-2022/01-“Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации”.

DIGITAL SOCIOLOGY VERSUS SOCIETY OF BURYATIA AND MONGOLIA

Rapid changes and challenges have become the nowadays token of the 21st century. The current pace of social dynamics, the transformation of the processes of globalization and regionalization of the world space, the unpredictability of social practices and risks, the widespread introduction of digital technologies in society have become universal. Digitalization has acquired a global character, which has led to the emergence of a new field of sociology - digital sociology. The paper shows the global digitalization trends, discusses an establishment and ground for emerging new sub discipline of sociology-digital sociology. Also results of concise review on recent Russian publications and some statistical data for Russia, Buryatia and Mongolia has been explored to highlight the latest trend.

Keywords: digitalization; telecommunication; Buryatia; Mongolia; digital sociology.

Сегодня две трети населения планеты пользуется Интернетом. По оценкам Международного союза телекоммуникаций (МСТ) в 2022 г. интернетом будут пользоваться примерно 5,3 млрд чел. или 66% населения мира. Это на 24% больше, чем в 2019 г. По оценкам за этот период к сети подключились 1,1 млрд чел. Однако при этом 2,7 млрд чел. все еще не подключены к сети [International Telecommunication Union, 2023]. По данным «Глобального отчета о подключении 2022 г.» охват подвижной широкополосной связью приближается к 100% во многих регионах мира, а во многих странах этих регионов он составляет 100%. Но в некоторых регионах наблюдается большая задержка в использовании, даже при наличии нескольких подписок, а внедрение ниже, чем доступность, особенно в Африке [The Global Connectivity Report 2022, p. 37]. В отчете отмечается, что с 1990 г. World Wide Web и Интернет в целом превратился из закрытого специализированного источника передачи информации между компьютерными сетями в инструмент взаимодействия между людьми и системой социальных институтов, окружающих современного человека в его повседневной жизни. Внедрение интернета, цифровизация и интенсификация этого процесса с 2010 г. поставила перед осознанием ее насущной необходимости (обучения и использования в повседневной жизни), начиная с финансовой проблемы начисления заработной платы, пенсии и перевода денег, переходя далее в цифровизацию всех видов услуг, особенно госуслуг. Хотя люди вынуждены пользоваться интернетом, данные свидетельствуют о том, что знакомство людей с интернетом обычно побуждает их оставаться в сети. Судя по сообщениям людей, использование интернета приводит к улучшению социальной жизни, при этом использование социальных сетей, интернет-звонки и потоковое видео являются наиболее распространенными видами деятельности [Там же, p. 16]. Пандемия коронавируса значительно форсировала эту тенденцию с 2019 г.

Внедрение цифровых технологий распространяется на все сферы общества, трансформируя социальные институты. Проблемы оцифровки общества относятся к таким актуальным темам, как неравенство, демократия, работа, политическое участие, организации и учреждения, социальный капитал, культура участия и культурное разнообразие и т.д. Как отмечает директор Института социологии НАН Беларуси Н. Л. Мысливец: «Кардинально меняется не только характер труда во всех отраслях и профессиях, но и сами люди, их отдельные фундаментальные характеристики, а также представления об обществе, месте и роли человека в нем. Технологии индустрии 4.0 обеспечивают не только существенное

расширение границ и масштабов человеческой свободы, но и одновременно актуализируют проблему новых рисков, вызовов и угроз, а соответственно, и поиск путей выхода из складывающейся ситуации» [Мысливец, 2022, с. 5].

Цифровая коммуникация и взаимодействие между интернетом, социальными сетями, организациями и обществом находятся в центре внимания как ученых, так и практикуется сегодня повседневно и повсеместно. Социологи занимаются исследованиями, связанными с Интернетом, с момента его появления, рассматривая множество различных социальных проблем, связанных с онлайн-сообществами, киберпространством и кибер-идентификацией. Такие исследования назывались «киберсоциология», «социология интернета», «социология онлайн-сообществ», «социология социальных медиа», «социология киберкультуры» и т.п. Хотя термин «кибер» был в моде в 1990-х – начале 2000-х гг., теперь, когда Интернет стал более распространенным, переходя от настольных компьютеров к устройствам, которые можно носить на теле, что позволяет пользователю быть постоянно подключенным к сети, ссылка на «кибер» в значительной степени была заменена термином «цифровой». «Цифровая социология» – описательный термин, который также относится к другим дисциплинам и их использованию термина «цифровой». «Цифровая социология» связана с другими субдисциплинами, такими как цифровые гуманитарные науки и цифровая антропология.

С 2010 г. проблемы цифровизации стали активно изучаться в социальных науках. Термин «цифровая социология» все чаще используется для обозначения новых направлений в социологических исследованиях цифровых технологий, начиная с Web 2.0.

Первая научная статья, в названии которой фигурирует термин «цифровая социология», появилась в 2009 г. В ней Ж. Винн рассматривает, как цифровые технологии могут влиять на социологические исследования и на преподавание [Wynn, 2009]. В 2012 г. Д. Луптон обосновывала необходимость цифровой социологии следующим образом: «Социология цифровых технологий / цифровая социология или какой бы термин ни был принят, он обязательно должен начать расширяться как субдисциплина в социологии, учитывая растущую распространенность цифровых технологий. Цифровая социология может предложить средства, с помощью которых можно исследовать, анализировать и понимать влияние, развитие и использование этих технологий, а также их воздействие на социальные миры и концепции самости и их включение в них» [Lupton, 2012, p. 5]. В 2013 г. была опубликована первая академическая книга, посвященная теме «цифровой социологии» [Orton-Johnson, Prior, 2013]. Д. Луптон в 2015 г. опубликовала монографию под названием «Цифровая социология» [Lupton, 2015].

С тех пор появилось достаточно много публикаций по цифровой социологии по различным направлениям. 9 сентября 2019 г. вышло первое издание журнала цифровых социальной исследований (Journal of Digital Social Research) на базе Центра цифровых социальных исследований Университета Умео, Швеция (the Centre for Digital Social Research at Umeå University), преподаются курсы по этой дисциплине в вузах.

В России проблеме цифровизации посвящено много публикаций, причем их количество значительно увеличилось за последние 3 года. Автор термина «виртуализация общества» Д. В. Иванов [Иванов, 2000, с. 8] отмечает, что цифровизация стала «модной» темой в российской социологии с представлением социальных изменений как эффектов технологических инноваций и управленческих решений, как формы адаптации к ним, т.е. преобладанием технократического мышления [Иванов, 2022, с. 61]. Он исследовал рутинную цифровизацию, показателями которой были взяты активность и креативность в социальных сетях, функционирующих на интернет-платформах в 2020 г., 2022 г. в Москве и Санкт-Петербурге.

По данным Росстата (Минцифры России) на конец 2021 г. число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 чел. населения в среднем по России составляло 107.5 единиц (в 2011 г. было 47.8). Самое малое число в Ингушетии

Источники и литература:

- Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
- Иванов Д. В. Цифровизация как социальная рутина в российских мегаполисах в условиях постглобализации // Социология в постглобальном мире: материалы всерос. конф. СПб., 2022. С. 61–64.
- International Telecommunication Union [Electronic resource] / ITU-D ICT STATISTICS. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (date of access: 22.02.2023).
- Lupton D. Digital sociology: an introduction. Sydney: University of Sydney, 2012.
- Lupton D. Digital Sociology. London: Routledge, 2015.
- Marres, Noortje Digital sociology: the reinvention of social research / Consultado el 4 de diciembre de 2022 (2017).
- Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 31.03.2023).
- Мысливец Н. Л. Современное общество, искусственный интеллект, традиционные ценности // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы: материалы III междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 3-4 нояб. 2022 г. / ред. кол.: Мысливец Н. Л. (гл.ред.) [и др.]. Минск: Донарит, 2022. С. 5–7.
- Orton-Johnson K., Prior N. (eds) Digital Sociology: Critical Perspectives. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2013.
- The Global Connectivity Report 2022. International Telecommunication Union [Electronic resource]. URL: <https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-global-01-2022/> (date of access: 22.02.2023).
- Wynn J. Digital sociology: emergent technologies in the field and the classroom // Sociological Forum. 2009. № 24 (2). P. 448–456.

Чукреева Лариса Николаевна

кандидат социологических наук

АНО «Диалог регионы»

Улан-Удэ, Российская Федерация

chukreeva_water@mail.ru

Гунтыпова Эржена Саяновна

кандидат социологических наук

АНО «Диалог регионы»

Улан-Удэ, Российская Федерация

erzhena-sg@yandex.ru

ФЕЙКИ КАК УГРОЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Фейки стали реальностью современного информационного пространства, которые несут угрозу социальной стабильности общества. В публикации представлены данные медианалитики региона и результаты социологических исследований по изучению фейков.

Ключевые слова: фейк; информационная угроза; социальная безопасность.

Chukreyeva Larissa Nikolaevna

Candidate of Sciences in Sociology

ANO «Dialog of regions»

Ulan-Ude, Russian Federation

**FAKES AS A THREAT TO SOCIAL SAFETY
(BASED ON THE MATERIALS OF SOCIAL RESEARCH)**

Fake news has become a reality in today's information space, threatening the social stability of society. The publication presents data from the region's media analysis and the results of sociological research on fakes.

Keywords: fakes; information threat; social safety.

В современном обществе информация стала инструментом не только пропаганды, но и инструментом дестабилизации общества. В условиях проведения специальной военной операции борьба с фейками приобретает новые акценты, поскольку общество более резко реагирует на вызовы, которые получает в социальных сетях, мессенджерах. Под фейком понимается информационный вброс специально подготовленной информации заведомо провокационного и резонансного характера. Фейки используются для провоцирования паники, массовых беспорядков, дискредитации публичных политиков и общественных деятелей, пропаганды деятельности террористов и экстремистов. Действенность фейков основана на резонансном характере содержащейся в фейке информации и вирусном механизме его распространения [Манойло, 2019, с. 40–41].

Фейковые новости оставляют в сознании читателя неприятный осадок даже после того, как проверка фактов проведена и подделка разоблачена. Побочный эффект от фейков связан с загрязнением информационной среды и поражением базового доверия аудитории в целом к сообщениям СМИ и органов власти [Ершов, 2018, с. 246]. Распространение фейков негативно отражается на социальном самочувствии, усиливает риски дестабилизации общества. Борьба с фейками является одним из направлений в обеспечении социальной безопасности в современном обществе. Социальная безопасность включает в себя защиту общества в целом и каждого гражданина в отдельности от внутренних и внешних угроз, гарантирует минимальный риск для жизни и развития личности.

Эмпирическая база исследования включает данные организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог регионы» по мониторингу медиапространства Бурятии за 2022 г. и результаты социологических онлайн-опросов, проведенных 14–22 сентября и 5–9 декабря 2022 г. методом ривер-сэмплинг. Опрос проводился в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Генеральная совокупность по данным личных кабинетов пользователей в указанных соцсетях 351 тыс. чел. Объем выборки составил 611 и 606 респондентов соответственно. Полученные данные отражают половозрастную структуру региона. Квоты рассчитаны в соответствии с распределением пользователей по соцсетям.

По данным We Are Social россияне в 2022 г. проводили в интернете по 8 ч. в сутки, при этом уровень распространенности, доступности интернета на территории России составляет 88%, один из высоких уровней в мире. Высокая вовлеченность населения делает киберпространство привлекательным для разных групп, в том числе маргинальных. Что касается устройств доступа к интернету, то 46% россиян используют мобильный интернет и 54% иные девайсы с широким экраном [Интернет и соцсети в начале 2023 г.]. Приведенные данные показывают, что население России имеет возможность просматривать streams,

каналы, чаты и иную информацию в сети в любое время и в любом месте и быстро распространять информацию, в том числе и фейки.

Онлайн-опрос, проведенный в сентябре 2022 г., позволил определить уровень цифровой грамотности населения Бурятии старше 18 лет. Опрос показал, что 43% респондентов оценили свой уровень как высокий. Преимущественно это мужчины (49%), молодежь в возрасте от 18 до 34 лет (61%), пользователи сети «ВКонтакте» (51%). 16% оценили свой уровень как низкий, чаще это люди старше 55 лет (28%). Средняя оценка цифровой грамотности населения республики составляет 3,4 балла. Это создает риск высокого распространения фейков и повышает вероятность социальной дестабилизации. Что подтверждается данными исследования, 65% пользователей социальных сетей еженедельно встречают фейки. Среди опрошенных 83% сталкиваются с проблемами в интернете, 42% сталкиваются с фейками, ложной информацией. Чаще других именно мужчины (49%), респонденты с плохим материальным положением (50%) и граждане, занятые в коммерческом секторе, (56%) осознают, что информация, которую они встречают, является фейковой.

Тематика фейков, которая фиксируется медианалитикой и результатами опросов, практически совпадает. Так, по данным медианалитики в 2022 г. было выявлено 13 тем, по которым чаще всего распространялись фейки: частичная мобилизация (31%), специальная военная операция (23%), политическая сфера и государственная безопасность (15%), социально-значимые происшествия (15%) и др. Данные онлайн-анкетирования показали, что пользователи социальных сетей чаще встречают фейки по темам: частичная мобилизация (64%), СВО (62%), уровень благосостояния граждан (50%), политическая ситуация (50%).

Максимальный всплеск «фейковой активности» пришелся на сентябрь 2022 г. в связи с объявлением и проведением частичной мобилизации в стране. Чаще всего, фейки распространяются на региональных площадках (47%), среди социальных сетей первое место по распространению фейков занимает «ВКонтакте» (40%), на втором – «Одноклассники» (22%). За 2022 г. медиалогия обнаружила более 5 тыс. фейк-постов в республике. И хотя среднее время отработки фейков в регионе занимает три с половиной часа, его успевают просматривать более тысячи чел. Фейк-постинг за год собрал более 2,5 млн. просмотров в регионе. Примерами недостоверной информации стали сообщения в социальных сетях о том, что семьям с детьми начали выдавать 27 тыс. руб. (февраль 2022 г.), о том, что в Бурятии студентов забирают в военкомат с занятий (сентябрь 2022 г.).

Большинство пользователей интернетом запрашивают, смотрят новости и следят за событиями (61%). Среди них 12% смотрит новости в социальных сетях, около половины читают новостные паблики (46%). Среди запросов чаще упоминаются: Байкал-Дейли, Бурятия, Новости 03, Весь Улан-Удэ, Бурятия онлайн, Аноним 03 и др.

Источниками распространения фейков, по мнению опрошенных являются, прежде всего, сайты СМИ (35%) и телевидение (34%), социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» занимают десятую долю (13% и 11% соответственно). Отметим, что 25% доверяют информации, полученной из телевидения, 16% – Telegram и 13% – «ВКонтакте». Однако 23% указали, что не доверяют никакому источнику. Исследование показало, что доверие к новостным ресурсам и интернет-СМИ в республике оценивается респондентами в 3,2 балла из 5, доверие к новостям в поисковиках и телевидению в 3 балла.

Высокая распространенность фейков вызывает социальную напряженность, недоверие, страх и прочие негативные социальные реакции, поэтому так важно противодействовать их распространению.

С целью защиты от информации, угрожающей социальной безопасности, в 2022 г. в России был введен запрет на работу Facebook, Instagram, TikTok. Ограничение в доступе к данным социальным сетям не вызвало трудностей у половины опрошенных (54%). Преимущественно это респонденты старше 55 лет (83%). При этом половина опрошенных не увидели в этом ни позитива, ни негатива (54%).

Региональные органы власти и СМИ стремятся оперативно купировать риск распространения через официальные источники: <https://arigus.tv>, <http://baikal-news.net>, <https://www.baikal-daily.ru>. В 2022 г. запущены специальные антифейк-проекты «Лапша», «Война с фейками», которые стремятся оперативно опровергать фейковые новости. Эффективными средствами противодействия фейкам и минимизации его негативных последствий являются широкая медиаграмотность населения и информационная гигиена медиааудитории. Умение критически оценивать потребляемую информацию, определять качество источника информации, контролировать поведение в информационном пространстве массовой аудитории являются надежным способом противодействия фейкам, угрожающим социальной безопасности.

Источники и литература:

Ершов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 52. С. 245–256.

Интернет и соцсети в начале 2023 г. – главные цифры Global Digital 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/marketing/596126-internet-i-socseti-v-nachale-2023-goda-glavnye-cifry-global-digital-2023> (дата обращения: 02.03.2023).

Манойло А. В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 37–45.

Никулина М. А., Колодиев М. Ю. Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/3/2017/4/43.html (дата обращения: 02.03.2023).

Садыков Р. М. Уровень и качество жизни населения как фактор обеспечения социальной безопасности территориальных образований // Фундаментальные исследования. 2014. № 11(1). С. 201–205.

Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность / С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич, Г. Л. Тульчинский; под ред. Г. Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2021. 288 с.

РАЗДЕЛ 5

КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Тулухонов Арнольд Кириллович
академик РАН
доктор географических наук
Байкальский институт природопользования СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
aktulohonov@binm.ru

К ИСТОКАМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРИРОДООХРАННОЙ ПОЛИТИКИ В БУРЯТИИ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И УРОКИ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО¹

В статье рассмотрена деятельность Бурят-Монгольского научного общества в области естественных наук и значение первой конференции по развитию производительных сил республики. Дана оценка эффективности природоохранной плановой политики и новых экономических реформ.

Ключевые слова: естественные науки; развитие экономики; природоохранная политика.

Tulokhonov Arnold Kirillovich
Academician of the Russian Academy of Sciences
Doctor of Sciences in Geography
Baikal Institute of Nature Management
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

TO THE ORIGINS OF ACADEMIC SCIENCE AND ENVIRONMENTAL POLICY IN BURYATIA: PAST EXPERIENCE AND LESSONS FOR THE PRESENT

The article deals with the activities of the Buryat-Mongolian scientific society in the field of natural sciences and the significance of the first conference on the development of the productive forces of the republic. An assessment of the effectiveness of environmental planning policy and new economic reforms is given.

Keywords: natural sciences; economic development; environmental policy.

Любой юбилей – это прежде всего обращение к прошлому, к использованию его опыта в социально-экономических реформах настоящего времени. С этой точки зрения в истории современной Бурятии есть много интересных событий и процессов, которые стоило бы использовать для повышения эффективности обустройства современного социума.

О Бурят-Монгольском научном обществе. В 2022 г. у Бурят-Монгольского ученого комитета был юбилейный год, а в 2023 г. будет не менее важное событие – столетний юбилей Бурят-Монгольского научного общества. Буручком по своей сути и содержанию ориентировался более всего на изучение социальных процессов, а Б.-М. научное общество на исследования природы региона и развитие ее экономики. Данная статья является продолжением цикла работ, посвященных развитию науки и образования Бурятии в 20–30-е

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН (проект № АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003).

гг. XX в., и показывает роль Бурят-Монгольского научного общества им. Доржи Банзарова в создании академической науки [Тулохонов, 2022].

О высоком уровне Б.-М. научного общества и его роли в жизни республики можно судить по такому факту, что оно возглавлялось М. Н. Ербановым – председателем ЦИК и Совета народных комиссаров Бурят-Монгольской автономии. Его заместителями работали Б. Б. Барадин (председатель Буручкома), М. М. Сахьянова – секретарь обкома ВКП(б), А. Д. Данилов (нарком просвещения), Н. Н. Козьмин (заместитель председателя Госплана), известный эконом-географ М. И. Помус (секретарь Госплана) и Г. Ц. Цыбиков (известный исследователь Тибета и ученый секретарь Буручкома) [Бурят-Монгольский ученый комитет, 2017]. В его составе насчитывалось 323 человека в основном из руководства республики и 36 человек членов – соревнователей (кандидатов). Кроме того, в состав почетных членов были избраны такие известные ученые, как президент Академии наук СССР А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Н. Я. Марр.

В структуре общества работали секции: физико-географическая, историко-этнологическая, экономическая и школьного краеведения. При этом особое внимание уделяется краеведческой работе. Один из его лидеров Н. Н. Козьмин в 1925 г. в журнале «Бурятияведение» писал: «Основная задача краеведения – это опереть государственно-хозяйственное строительство на такое основательное знакомство со страной, которое исключало бы кабинетный, теоретический, не соответствующий местной жизни, местным условиям и интересам подход» [Козьмин, 1925].

В рамках деятельности Б.-М. научного общества проводились экспедиции на Еравнинские озера, на оз. Котокель, по изучению бадана, быта семейских, археологических памятников и даже изучению чумы. Результаты исследований и полевых работ заслушивались на общих собраниях публиковались в двух научных журналах «Бурятияведение» и «Жизнь Бурятии». К числу наиболее важных работ, которые вполне актуальны и для нашего времени следует отнести доклады: Соллертинский Е. С. «Об изучении производительных сил Бурятии» и «О движении материков “теория Вегенера”»; Жинкин В. Н. «О кровяных группах и расово-биохимическом индексе у восточных бурят», «Вопросы курортного строительства в Бурятии»; Данилов А. Д. «О первом сибирском краевом научно-исследовательском съезде и юбилее Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества»; Помус М. И. «Пути сельского хозяйства Бурятии и индустриализация»; Казаринов Н. К. «О сибирской советской энциклопедии».

В январе 1928 г. работа общества была заслушана на заседании Особого комитета Академии наук СССР по исследованию союзных и автономных республик. К сожалению, в том же году произошло слияние Бурятского ученого комитета и Бурят-Монгольского научного общества и в дальнейшем в новой научной структуре естественные направления отошли на второй план [Базаров, 2021].

О первой конференции по развитию производительных сил Бурят-Монгольской АССР. В 1934 г. произошло уникальное для республики событие. По инициативе председателя Совнаркома Д. Доржиева прошла первая научная конференция по развитию производительных сил Бурят-Монголии. Понимая значимость науки для экономики Бурятии и невозможность проведения такого мероприятия в регионе, Д. Доржиев делегировал все руководство в Ленинград, где в то время располагался Президиум Академии наук СССР и работали крупнейшие ученые страны. В официальных документах того времени нет материалов о подготовке этого уникального события. На конференции с участием всего руководства Ленинградской партийной организации и Президиума Академии наук во главе с ее президентом академиком А. П. Карпинским обсуждались самые актуальные проблемы развития производительных сил национальной советской окраины.

По итогам работы конференции была принята большая резолюция, в которой содержались предложения по развитию минерально-сырьевой базы, транспорта, водного, лесного и сельского хозяйства, реконструкции промышленности, национально-культурному строительству и развитию здравоохранения. Данный документ поражает детальным анализом и конкретностью решения поставленных задач, часть которых была выполнена уже к началу войны, но многие актуальны и поныне [Тулохонов и др., 2013].

Из текста резолюции отметим: Особое значение в системе водного хозяйства БМАССР и все Восточной Сибири имеет оз. Байкал со всем прилегающим к нему комплексом районов и ставит задачу разрешения крупных народно-хозяйственных вопросов, связанных с Байкалом, и требует организации широкого комплекса научно-исследовательских работ по этой проблеме. В перспективе основной формой использования Байкала является энергетическая, связанная с проблемой Ангарстроя и включает следующие научно-исследовательские задачи: а) изучение водного баланса и его стока, для чего необходима реорганизация сети гидрометеорологических станций как в бассейне Байкала, так и на его побережье; б) окончательное выяснения Байкала на режим истоковой части Ангары; в) выяснение всех последствий, связанных с поднятием уровня Байкала Ангарстроем на 2 метра и возможности устранения вредных его влияний.

Эти вопросы спустя почти 90 лет, только сегодня оформлены в форме госзадания для институтов Сибирского отделения РАН как необходимого условия для разработки экологобезопасного режима эксплуатации Иркутской ГЭС.

Байкальская проблема наших дней. С 1960 по 1987 гг. на высшем партийном и государственном уровне принято шесть постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР и РСФСР о мерах по обеспечению охраны и рационального использования природных богатств (комплексов) бассейна оз. Байкал. Благодаря этим документам и партийному контролю были реализованы основные мероприятия, обеспечившие современное экологическое состояние на Байкальской природной территории.

Период плановой природоохранной политики завершился в 1987 г. принятием постановления ЦК КПСС «Об ответственности лиц, виновных в невыполнении ранее принятых решений по осуществлению природоохранных мероприятий в бассейне оз. Байкал», в соответствии с которым многие руководители всех уровней понесли должное наказание. К сожалению, такой документ ни до, ни после не принимался в качестве регуляторного механизма.

В постсоветское время внимание к байкальской проблеме перешло больше в область общественных дискуссий и социальных протестов. В 1996 г. оз. Байкал включен в список участков мирового природного наследия ЮНЕСКО. В 1999 г. принят первый и пока единственный федеральный природоохранный закон для отдельного региона – закон «Об охране оз. Байкал», который в нарушение Конституции РФ существенно ограничил права местного населения. Принятые государственные документы и федеральные природоохранные программы не выполнялись в должном объеме, а их эффективность не подвергалась необходимой оценке.

После распада СССР приняты три федеральные целевые программы «Охрана оз. Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории». Однако все они ограничились преимущественно решением проблем отдельных природоохранных объектов и полным игнорированием решения задач экономики.

Обращает внимание, что в первых партийных документах планового периода объектом природоохранной политики являются «природные комплексы» и «природные

ресурсы» и только с началом горбачевских реформ возникает термин «природные ресурсы». Между тем «природные комплексы и богатства» по своей сути принадлежат народу как необходимое условие его существования. Понятие «природный ресурс», по той же логике, это термин рыночной экономики, когда «природное богатство» приобретает свойство товара для продажи или эксплуатации. В сумме эти документы нового времени сводят решение природоохранных задач в регионе, прежде всего, к запретам и ограничениям хозяйственной деятельности местных жителей. Между тем вся история развития российской государственности позволяет утверждать о низкой эффективности любых запретных механизмов в обществе.

С нашей точки зрения необходимо прежде всего решить задачу повышения уровня жизни местного населения за счет рационального использования природных богатств и тем самым заинтересовать его в сохранении окружающей среды как источника существования.

Предложенный краткий экскурс в историю становления науки и природоохранной политики Республики Бурятия к его вековому юбилею свидетельствует о том, что многие события имеют прямое отношение к современным социально-экономическим процессам, и эти уроки прошлого могут быть рекомендованы для реализации в наше время.

При этом природоохранные директивы должны совпадать с интересами общества. Следует помнить фразу короля из сказки А. Сент-Экзюпери «Маленький принц»: «С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть прежде всего должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны». В этом случае есть надежда на использование исторического опыта прошлого для решения современных задач общества, и столетний юбилей государственности Бурятии есть необходимый рубеж для подведения такого итога.

Литература:

- Базаров Б. В., Ванчикова Ц. П., Плеханова А. М., Чимитдоржиева Г. Н. От Ученого комитета к академическому институту: к 100-летию юбилею Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3(43). С. 127–132.
- Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929) / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. С. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 248 с.
- Козьмин Н. Н. Задачи и формы краеведческой работы // Бурятияведение. 1925. № 1.
- Тулохонов А. К., Думнова Т. Г., Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б. Исторические аспекты и современные проблемы развития производительных сил восточных регионов России (на примере Республик Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 196 с.
- Тулохонов А. К., Иванова С. Н. Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова и становление современной академической науки Бурятии // Банзаровские чтения: материалы междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ–БГУ, Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г. Ч. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. С. 7–10.
- Тулохонов А. К., Иванова С. К истокам становления академической науки и высшего образования Бурятии (к 100-летию Республики Бурятия) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2022. № 2(46). С. 30–39.

Жамбалын Цэцэгмаа

Sc.D

Их Засаг их сургууль

Улаанбаатар, Монгол Улс

tsetseg0409@yahoo.com

МОНГОЛЫН БОЛОВСРОЛ, ШИНЖЛЭХ УХААНЫ БАЙГУУЛЛАГЫН ҮҮСЭЛ ХӨГЖИЛД ЖАМСРАНГИЙН ЦЭВЭЭНИЙ ГҮЙЦЭТГЭСЭН ҮҮРЭГ

Монголч эрдэмтэн Жамсрангийн Цэвээний Богд хаант монгол улсад 47 хүүхэдтэй анхны сургууль байгуулсан болон Ардын хувьсгалын дараа шинжлэх ухааны байгууллага болох Судар бичгийн хүрээлэн байгуулж дүрэм журмыг нь боловсруулж гадаадын эрдэмтэн судлаачидтай харилцаж монгол судлалыг хөгжүүлж байсан болон монгол үндэстэн, монголчуудыг соён гэгээрүүлэхийн төлөө хэрхэн ажиллаж байсан талаар улмаар Ц. Жамцарано Монголын боловсрол, шинжлэх ухааны байгууллагын үндэслэгч гэдгийг илтгэлд өгүүлнэ.

Түлхүүр үгс: Боловсрол; шинжлэх ухаан; анхны сургууль; Судар Бичгийн Хүрээлэн; дүрэм журам; анхны сурах бичиг.

Zhambalyn Tsetsegmaa

Sc.D

Ikh Zasag University Chinggis Khaan

Ulaanbaatar, Mongolia

THE ROLE OF TS. ZHAMTSARANO IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM AND SCIENCES OF MONGOLIA

Tseveen establishment in Mongolia. As result of his effort the first school was established in Mongolia with 47 students in 1912 After the People's Revolution Tseveen Jamtsarano founded a scientific organization – Chronicle Script Palace of Mongolia and developed its Charter. He made contacts with foreign scientists and developed Mongolian education. In the report written about that how Tseveen Jamtsarano was engaged in enlightenment of Mongols, did a significant job of translating and publishing scientific literature. He is a founder of Mongolian educational and scientific organizations.

Keywords: Education; first school; science; Chronicle Script Palace; charter; rule; first textbook.

Оросын нэрт эрдэмтэн А. Д. Рудневын хэлсэнчлэн “Төгөлдөр их эрдэмтэй, Монголын төр, нийгмийн соёлд даанч хайртай” [Цэцэгмаа, 2001] энэ хүн бол Монголын нэрт соён гийгүүлэгч, нэрт эрдэмтэн Жамсрангийн Цэвээн юм. Тэрбээр Петербургийн их сургуульд суралцаж байсан цаг үеэс түүний соён гэгээрүүлэх болон эрдэм судалгааны нөр их ажил эхэлсэн юм. Их сургуульд суралцаж байхдаа монгол судлаач А. Д. Руднев, В. Л. Котвич, академич С. Ф. Ольденбург, сибирь судлаач эрдэмтэн Д. А. Клеменц зэрэг томоохон эрдэмтэдтэй багш шавийн харилцаа тогтоон хамтран ажиллаж байсан нь монгол судлалыг Орос болон Монгол оронд буй болгож, цэцэглүүлэн хөгжүүлэхэд ихээхэн хувь нэмрээ оруулсан юм.

Америкийн нэрт монголч эрдэмтэн Н. Н. Поппе бичихдээ “Доктор Жамсрангийн Цэвээн бол манай цаг үеийн хамгийн гарамгай монголч эрдэмтдийн нэг юм” хэмээн бичсэн байдаг. Өнөөдөр Жамсрангийн Цэвээний бүтээлүүд монгол судлалд томоохон байр суурь

эзэлж, түүний олж цуглуулсан, бичиж туурвисан бүтээлүүд судалгаа шинжилгээний арвин их эх сурвалж болсоор байна.

Нэрт эрдэмтэн Жамсрангийн Цэвээний ухамсарт амьдрал XX зууны эхний хагаст болсон хувьсгалт тэмцэл, үймээн самуун, нугалаа, завхарлын хүнд үед өнгөрсөн юм.

Тэрвээр үндэсний эрх чөлөөний хөдөлгөөн ид өрнөж байсан 1911 онд Нийслэл Хүрээн дэх Оросын элчингийн зөвлөхөөр ирсэн хэдий ч Богдын засгийн газрын боловсролын асуудал хариуцсан зөвлөхөөр хавсран ажиллаж эхэлсэн нь билэг оюунаа дайчилж монголчуудынхаа төлөө зүтгэх өргөн их боломжийг түүнд олгосон юм.

1912 оны 3 дугаар сард Жамсрангийн Цэвээн Монгол оронд боловсролын шинэтгэл хийх саналаа Монголын засгийн газарт тавьсан байдаг. Түүндээ аймаг болгонд бага сургууль нээж, улмаар дацангуудын зэрэгцээ дунд сургуулиудыг байгуулан хүн ардын дотор эрдэм мэдлэгийг өрнүүлэн дэлгэрүүлж иргэний боловсрол олгуулах зорилтыг тодорхойлсон байна.

Жамсрангийн Цэвээн 1912 оны тэрхүү саналдаа “Орос, Франц, Англи мэтийн орнуудын жишгээр одоо цагийн бага, дунд, дээд сургуулиудыг байгуулж, тэнд эх хэл, тоо бодлого, газар зүй, бодисын зүй, хувилахуйн ухаан, гадаад хийгээд өөрийн орны түүх, бусад шинжлэхүй ухааныг зааж бас хажуугаар нь цэргийн хэрэг, аж үйлдвэр, худалдаа, эдийн засаг, газар тариалан, мал аж ахуй, анагаах ухаан гэх мэт салбарын мэргэжилтэн бэлтгэх төрөлжсөн сургуулиудыг байгуулан, тэдгээрт англи, орос, хятад, манж хэл бичгийг зааж сургаж, бүх хичээлийг монгол хэл дээр явуулах нь зүйтэй...” [Ренчин, 1964] гэжээ.

Жамсрангийн Цэвээн бага сургуулийн 18 зүйл бүхий, дунд сургуулийн 5 бүлэг, 29 зүйл бүхий, дүрмийг тус тусад нь боловсруулаад Богд хаант улсын гадаад яаманд толилуулсан байна.

Жамсрангийн Цэвээний санаачилгаар, чин ван Ханддоржийн халуун дэмжлэгтэйгээр 1912 оны 3 дугаар сарын 24-нд Өргөө хотноо анхны иргэний бага сургууль 47 сурагчтай нээгдсэн байна.

Өргөө хийгээд өөр гурван аймагт 1912 оны зун сургууль байгуулах тухай засгийн газрын тогтоол гарч гадаад хэргийн яаманд гэгээрлийн хэлтэс байгуулахаар заагаад “яамны дэргэд бага сургууль байгуулахыг Петербургийн их сургуулийн монгол хэлний багш Жамсрангийн Цэвээн үүсгэн санаачлав” [Цыбиков, Чимитдоржиев, 1997] гэжээ. Үүнээс үзэхэд Жамсрангийн Цэвээн нь шинэ цагийн сургуулийг монголд анх санаачилж, шууд гардан байгуулсан хүн гэдэг нь ойлгогдож байна.

Монгол сургуулиудад багшлуулахаар Буриадаас Н. Т. Данчинов, Г. Вамлилов, Д. А. Абашеев нарыг Жамсрангийн Цэвээн урьж ирүүлсэн ба 1913 онд Монголын хөвгүүд, охидыг Эрхүүгийн сургуульд суралцуулахаар дагуулан явж, дунд сургуульд оруулж, байр сууцаар хангах зэрэг ажлыг гардан зохион байгуулж байсан тэр цагаас хойш Жамсрангийн Цэвээний гаргасан эрдмийн гэрэлт замаар олон үеийн хөвгүүд, охид ЗХУ-д эрдэм мэдлэг эзэмшихээр суралцаж эхэлсэн түүхтэй.

Ардын сургуулийг байгуулж, бэхжүүлэх, боловсронгуй болгох, хүүхэд багачуудыг сурган хүмүүжүүлэх гэсэн Жамсрангийн Цэвээний хичээл зүтгэлийг Богд хаант монгол улсын засгийн газар өндрөөр үнэлж байжээ. Богд хаант улсын гадаад хэргийг бүгд эрхлэн шийтгэгч яамнаас 1912 оны 6 дугаар сард гаргасан бичигтээ “Орос үсгийг сургагч Жамсранов сургуулийн гэрт ирснээс нааш сургуулийн хөвгүүдэд бичиг үсэг зааж сургахад өчүүхэн төдий ч залхууран хойргошихгүй өдөр тутам үнэн сэтгэлээр шамдан сургаж буй нь нэн сайшаалтай. Манай улс төрийн хэрэгт бага хөвгүүдийг сурган хүмүүжүүлж сонгон хэрэглэх хэрэгт магад тус болно” [Цэвээний] гэж тэмдэглээд Богд хааны зарлиг” ёсоор дэд зэрэг, жинсээр шагнасан тамга дарсан тэмдэгт бичгийг Жамсрановт гардуулсан нь улсын нийтийн номын сангийн Жамсрангийн Цэвээний хавтаст хадгалагдаж байна. мөн улсад

туслагч гүн цол, эрдэний очир одонгоор шагнаж байсан бөгөөд Богд хан уулын эрдэнэ уулын хошууны эрдэнэ сумын хошууны нутагт газар заан олгож байжээ.

Гамин, бароны харгислалын үед иргэний сургуулиуд хаагдаж багш нарын зарим харгислалд өртөгдөн, зарим нь ийш тийшээ дүрвэн нуугдаж байсан хүнд хэцүү үед ч Жамсрангийн Цэвээн ардын сургуулийг шинэчлэн байгуулах, шинжлэх ухааныг үүсгэн хөгжүүлэх гэсэн ариун зорилгоосоо огтхон ч ухарч байгаагүй юм.

Жамсрангийн Цэвээн 1921 оны ардын хувьсгалын ялалтын дараа Ардыг гэгээрүүлэх яамны зөвлөхийн үүргийг гүйцэтгэж байсан нь нэгэнт байгуулагдсан 93 бага сургууль дээр нэмж дунд сургууль байгуулах ажилд гар бие оролцож, бага, дунд сургуулийн дүрмийг боловсруулсан байна [Цэцэгмаа, 2001].

Ардын засгийн 1921 оны 7 дугаар сарын 31-ний хурлаар Жамсрангийн Цэвээнийг Дотоод яамны дэд сайдын үүргээс чөлөөлөөд эрдэм боловсролын ажил, сургуулийн хэргийг эрхлүүлэн түмэн олны оюун ухааныг нээгдүүлэхэд чухал хэрэгтэй ном судар орчуулах, зохиох, цуглуулах даалгаврыг түүнд өгч байжээ.

Жамсрангийн Цэвээн багшийн сургууль байгуулахад гар бие оролцож, цорын ганц дээд мэргэжилтэй монгол хүн байсныхаа хувьд өөрийн биеэр багшилж, сурах бичиг зохион, гарын авлага боловсруулахад биечлэн тусалж байлаа. Жамсрангийн Цэвээн дунд сургуулийн сурах бичгийг орчуулах, боловсруулах, хэвлүүлэх зэрэг ажлуудыг голчлон санаачилж байв. Түүний зохиосон “Оюун түлхүүр” хэмээх сурах бичиг /1921 онд/ олон үеийн уншигчдын хийгээд монгол хэл соёл судлаачдын ширээний ном болсон юм. Жамсрангийн Цэвээн 1911–12 оны үед 100 орчим ном буюу 8 төрлийн ном хэвлэхээр төлөвлөж, идэвхийлэн ажилласны үр дүнд 1930 оны эхэн хүртэл төлөвлөгдсөн номын 50 орчим нь хэвлэгдэн гарчээ [МАХН-ын түүхэнд..., 1962].

Ийнхүү нэрт эрдэмтэн Жамсрангийн Цэвээн Монгол улсын Боловсрол, соёл, шинжлэх ухааныг шинэ цагийн нөхцөлд үүсгэн байгуулах их үйл хэрэгт гар бие оролцож, сэтгэл санаагаа зориулсан их эрдэмтэн, төр нийгмийн зүтгэлтэн байлаа.

Нэрт эрдэмтэн Жамсрангийн Цэвээн тэртээ 1921 онд Ардын засгийн үйл хэрэгт идэвх зүтгэлтэй, ихээхэн санаачлагатай оролцож олон ажлыг санаачлан хэрэгжүүлж, байсны дотор өнөөгийн шинжлэх ухааны академийн үндэс суурь болсон “Судар бичгийн хүрээлэн” үүсгэн байгуулсан явдал юм.

Жамсрангийн Цэвээний эрдэм судалгааны ажлаа эхэлсэн цаг үеэсээ хүсч мөрөөдсөн хамгийн эрхэм нандин зүйл бол Монгол оронд орчин цагийн шинжлэх ухааны үндэс суурийг тавьж цэцэглүүлэн хөгжүүлэх явдал байлаа. Түүхэнд тэмдэглэснээр 1921 оны 11 дүгээр сарын 9 ны өдөр засгийн газрын 22-р хурлаас “Эрдэмт түшмэл Жамсрановын зааварлан зөвлөснөөр судар бичгийн хүрээлэн байгуулсан ба түүний хэлж зөвлөснөөр анхны даргаар Онходын Жамьянг ажиллуулахаар болж, эрдэмтэн нарийн бичгийн даргаар Жамсрангийн Цэвээнийг томилсон” [Цэвээний] хэмээжээ. Жамсрангийн Цэвээний нэгэн бичигт дурдсаныг үзвээс “хүн төрөлхтөний явдлын магнай суурь нь эрдэм, соёл бөгөөд шинжлэх ухааныг эс эрхэлвээс улс урагш давшихгүй, бас улсад эрдэмтэн үгүй бол шинжлэх ухаанд мэрэгжигсэд гарахгүй... Үүний тулд шинжлэх ухааны газар нь ганц нэг хүний тусын тулд оршин байх бус, энэ газар болбоос харъяат улсаар хязгаарлагдахаар үл барам бүх дэлхий дахинаа тус бүхий ба хүн төрөлхтөний боловсролд хувь нэмэр болох болой” [Цэвээний, 1997] гэжээ.

Шинжлэхүй ухааныг үүсгэн хөгжүүлэх ажил нь олон түмэн огт боловсрол мэдлэггүй байсан цаг үед хэрэгжиж байсан учраас Судар бичгийн хүрээлэнгийн үйл ажиллагаа соён гэгээрүүлэх үйлстэй салшгүй холбоотой байв.

Жамсрангийн Цэвээн судар бичгийн хүрээлэнд 1921–1932 онд эрдэмтэн нарийн бичгийн дарга, жинхэнэ гишүүнээр ажиллаж байхдаа тус хүрээлэнг хэвлэлтэй болгох, улсын номын сан, архив, орон нутгийг судлах музей байгуулах, экспедицийн судалгаа явуулах,

гадаадын шинжлэх ухааны байгууллага, эрдэмтэдтэй холбоо харилцаа тогтоох, хамтран ажиллах зэрэг олон ажлуудыг хийж амжуулж байв. Мөн түүх, монгол хэл, утга зохиолын танхим, цаг уурын станц байгуулсан бөгөөд тэр бүгд нь Монголын шинжлэх ухааны академийн нахиа мөчир болж өгсөн юм.

Зөвлөлт Орос улс эдгээр байгууллагуудыг Монгол улсад үүсгэн байгуулах, боловсон хүчнээр хангах ажилд нь ихээхэн анхаарал тавьж тусалж, дэмжиж байлаа. Улаан-Үдийн Буриад-Монголын шинжлэх ухааны хүрээлэнтэй харилцаа холбоо тогтоох, монголын шинжлэх ухааныг хөгжүүлэхтэй холбоотой зохион байгуулах бүхий л асуудал Жамсрангийн Цэвээн дээр төвлөрч байв.

Монголын Судар бичгийн хүрээлэн Буриад Монголын Судар бичгийн хүрээлэнгийн хооронд бат бэх хэлхээ холбоо тогтоож, судалгаа шинжилгээний ажлыг зохион байгуулах, эртний судлал, хэл шинжлэлийн экспедицид оролцох зорилгоор Монголын Судар бичгийн хүрээлэнгийн гишүүн, Буриад Монголын Судар бичгийн хүрээлэнгийн дарга, профессор Б. Барадин БНМАУ-д хэд хэдэн удаа хүрэлцэн ирж байлаа. Мөн 1927 онд Буриад Монголын хүрээлэнгийн эрдэмтэн нарийн бичгийн дарга профессор Цэвэгийн Гомбожав Улаанбаатарт айлчилж, Буриадын судлаач Г.Р.Ринчин Монголын Судар бичгийн хүрээлэнд удаан хугацаагаар дадлагажиж байв. Буриад Монголын Судар бичгийн хүрээлэнд монголын эрдэмтэн С. Буяннэмэх, Санжмятав нар ажиллаж байлаа. Ийнхүү Буриад Монголын Судар бичгийн хүрээлэнтэй нягт хамтын ажиллагааг тогтоосон байна.

1925 оноос Монголын Судар бичгийн хүрээлэн, Сибирийн шинжлэх ухааны хүрээлэн ба ЗХУ-ын ШУА-ийн Монголын комисстой харилцаа тогтоов (Уг комисс Монгол, Буриад, Тува улсыг шинжлэх ухааны үүднээс гүнзгий судлах, эдгээр бүгд найрамдах улсуудад шинжлэх ухааны боловсон хүчнийг бэлдэхэд нь туслах зорилгоор зориуд байгуулагджээ).

Судар бичгийн хүрээлэн тус хүрээлэнд ажиллах мэргэжилтнүүдийг бэлтгэх зорилгоор Ленинград, Лейпциг, Парис руу залуучуудыг явуулж суралцуулж байв.

Жамсрангийн Цэвээн Монголын шинжлэх ухааны байгууллагыг гадаадын эрдэмтэдтэй холбох ажлыг хийж байсны дотор нэрт эрдэмтэн С. Ф. Ольденбург, А. П. Карпинский, В. Л. Комаров, Б. Я. Владимирцов болон Ф. И. Щербатский, Г. Е. Грумм Гржимайло, В. А. Обручев, П. К. Козлов, В. В. Бартольд, В. Л. Котвич, Н. К. Поппе, Эренжен Хар Даваа, В. А. Рязановский зэрэг олон эрдэмтэдтэй холбоо харилцаатай байж хамтран ажиллаж байсан баримт бичиг, захидал материалууд хадгалагдан үлдсэн байдаг юм [Цэвээний, 1997]. Тэдгээр захидал, бичиг баримтуудад хэрхэн хамтран ажиллаж байсан талаар болон үйл ажиллагааны санхүүгийн тайлан тооцоог хөтөлж, төсвийг зарцуулж байсан тухай тодорхой туссан байдаг. Тэдгээр захидал харилцаанд олон мянган төгрөг, рубль, долларын талаар дурьдаж, төсөв, төсөл, унаа хөсөг гэх мэт асуудлыг тусгасан байдаг нь Монгол оронд шинжлэх ухаан хөгжүүлэх талаар өргөн хүрээнд ажиллаж байсны илэрхийлэл юм.

Гадаад дотоодын олон эрдэмтэдтэй харилцаж байсан нь Жамсрангийн Цэвээний орчин тойронд их соёл, боловсрол, гэгээрлийн өвөрмөц орчин үүсэн бүрэлдэж байжээ. Энэхүү орчинд улс үндсээ мандуулах эх оронч үзэл санаа төлөвшиж, эрдэм шинжилгээний ажил үйлс, Монгол угсаатан улсуудын эх түүх, утга зохиол, аман зохиолын болон эртний олдворын судалгаа шинжилгээний, орчуулгын зэрэг олон төрлийн ажил ундарч, өргөжин хөгжиж, залуу төр улсын хойч үеийнхнийг төгөлдөржүүлэн боловсруулах үйл хэргийн үндэс суурь тавигдаж байсан нь ойлгогддог.

Монголын өргөн уудам нутагт судалгаа шинжилгээ хийж, олсон олдвор, эд өлгийн зүйлийг судалж шинжилсний дараа Монгол улсын мэдэлд шилжүүлэх талаар байгуулсан гэрээнүүд байх бөгөөд Жамсрангийн Цэвээн мөнгө төсөв, хөрөнгө сүйтгэлийг гаргах бүрэн

эрхтэй, нөлөө бүхий хүн байсан болон уг ажилд Жамсрангийн Цэвээн ихээхэн эрч хүч, идэвх санаачилга гаргаж, шинжлэх ухаанчаар хандаж байсан нь харагдана.

Хорин хэдэн оны үед Монгол нутагт тус орны эртний түүх, байгалийг судлах эрдэм шинжилгээний хэд хэдэн экспедицийнхэн ажиллаж байлаа. Тэдний хамгийн том нь 1923–1926 оны үед П.К.Козловын удирдсан ЗХУ-ын ШУА, Оросын геологийн нийгэмлэгийн болон 1922-1925 оны үед Р. Ч. Эндрюсийн удирдсан Америкийн төв Азийн судалгааны экспедицийнхэн байлаа. Жамсрангийн Цэвээн энэ хоёр экспедицийнхэнтэй хэрхэн харилцаж байсан талаар олон баримтууд байдаг.

Ольденбург нэгэн захидалдаа П. К. Козловын Монголд хийсэн судалгааны багийнхны ажлын товч тайлангийн 50 ширхэгийг илгээх [Цэвээний, 1997] тухай, Ноён уулын булшнаас олдсон эд зүйлийг Орост судалж шинжилсний дараа Их хүрээний музейд эргүүлж илгээх шийдвэрийн тухай өгүүлсэн байдаг. Мөн Ноён уулын булшнаас олдсон Хүннү улсын үеийн ховор нандин олдворыг асар үнэ цэнэтэй гэдгийг Жамсрангийн Цэвээн тооцож тэдгээрийг Монголд эргүүлэн авчруулах асуудлыг тавьсан болох нь захидлаас тодорхой байдаг. Энэ нь түүний эх оронч сэтгэлгээг илэрхийлэхээс гадна түүхэн олдворын үнэ цэнийг мэдэж Монголын түүх соёлын нандин өвийг хадгалж үлдэхийн төлөө тэмцэж байсны илэрхийлэл юм. Ноён уулын булшны олдворын ихэнх хувь өдгөө Монгол улсын төв музейд хадгалагдаж байгаа нь Жамсрангийн Цэвээний хүчин зүтгэлийн үр дүн байсан байж болох юм.

Америкийн шинжээч Р. Ч. Эндрюсийн анги Хятадаас Монголын говь нутгийн өмнө хэсгээр орж үлэг гүрвэлүүдийн араг ясыг цуглуулж аваад Америк руу зөөвөрлөн одсон нь Америкийн музейнүүдэд тэр чигээрээ үлдсэн гэж Монголын ихэнх сэхээтнүүд үздэг билээ.

Дээрх захидлаас үзэхэд Р. Ч. Эндрюсийн экспедицийнхэн Судар бичгийн хүрээлэнтэй албан ёсоор харилцаж байсан төдийгүй Монголын засгийн газрын нөлөө бүхий хүмүүстэй ч харилцаж байсан болон тус экспедицийнхэн судалгаа шинжилгээ хийх албан ёсны зөвшөөрөлтэй байсан бололтой. Р. Ч. Эндрюс захидалдаа бичихдээ: “Би хувиасаа танд, танай засгийн газарт чин сэтгэлээсээ хайртай ханддаг юм” [Цэвээний, 1997] гэжээ. Үүнийг батлах мэт холбогдох цуглуулгыг Жамсрангийн Цэвээний нэр дээр юм уу, Монголын Судар бичгийн хүрээлэнд илгээнэ, бас хайгуул судлалын ном, газрын зураг зэргийг явуулна гэж Р. Ч. Эндрюс амлажээ. Үнэхээр тийм бол манайд байгаа газрын зургуудыг Р. Ч. Эндрюс илгээсэн байж таарна.

Жамсрангийн Цэвээн П. К. Козлов тэргүүтэй Оросын, Р. Ч. Эндрюс тэргүүтэй Америкийн судалгаа шинжилгээний хоёр том экспедицийнхэнтэй хэлэлцээ хийхдээ хайгуулын олдворыг хэрхэх талаар маш их анхаарч, нутагтаа зохих судалгаа шинжилгээ хийсний дараагаар тэдгээрийг Монголд буцаан ирүүлнэ гэж амлатал нь тэдэнтэй тийнхүү хэлэлцэн тохиролцож байсан байна. Хүн төрөлхтний өлгий нутаг нь Төв Ази, түүний дотор Монгол орон гэсэн гайхалтай таамгийг Р. Ч. Эндрюс тэр үед дэвшүүлж, дэлхий дахиныг шуугиулж байжээ.

Судар бичгийн хүрээлэн тэр үеийн аль дорвитой бүтээлүүдийг монгол хэл рүү хөрвүүлж шинээр гарч буй сэхээтнүүдэд болон олон түмэнд утга агуулгыг нь танилцуулах зорилгоор их ажил хийж байлаа. Монголын ард түмнийг оюун санааны хувьд дэлхий нийтийн соёлын гольдролд татан оруулах, дэлхий дахинд Монгол улсын байр суурийг буй болгох зорилго тавьж байлаа. 1896 онд Леон Коэний бичсэн “Азийн түүхийн удиртгал” бүтээлийг орчуулсан Жамсрангийн Цэвээний хичээл зүтгэлээр манай өвөг дээдсийг элдвээр гутаан, зэрлэг бүдүүлгээр дуудан “цус урсгадаг зандалчид” хэмээн үздэг Европынхны сэтгэлгээг няцаасан Францын энэ эрдэмтний номыг сонгож авснаар монгол хэл дээрх орчуулгын зохиолын түүхэнд чухал ач холбогдолтой ном болсон юм. Гарамгай монголч эрдэмтэн В. В. Бартольд тэрхүү “Азийн түүхийн удиртгал” зохиолыг “Монголын байлдан

дагууллын талаархи Европынхны хуучин төсөөллийг няцаасан анхны чухал бүтээл” [Монголын түүх I боть, 1966] хэмээн үнэлсэн байдаг.

Жамсрангийн Цэвээн Ф. Энгельсийн “Өрх гэр, өмч хөрөнгө, төрийн үүсэл” Павленкогийн “Соёл, багаж зэвсгийн түүх”, “Хөрөнгө, хөдөлмөр бий болсон түүх”, Хвольсоны “Хүн төрөлхтөнд тустай шинжлэхүй ухааны ач холбогдол”, Кряжиний “Дорнын харуй бүрий”, Л. Тольстой, “Тэнэг Иван”, Л. Коэний “Хөх Монголын хөх туг” (франц хэлнээс орчуулжээ) болон бусад зохиолыг хөрвүүлэн гаргасан байна. 1937 онд Жамсрангийн Цэвээн Ж.Верний “Арван таван наст ахмад” романыг орос хэлнээс орчуулж, монгол хэлээр Москва хотноо хэвлүүлжээ. Жамсрангийн Цэвээн орчуулгынхаа ажилд тэр үеийн хамгийн авьяаслаг сэхээтнүүдийг бараг бүгдийг нь дайчлан оролцуулж, энэ хэрэгт тэднийг сургаж байсан бөгөөд үүний нэг тодорхой жишээ бол Д.Нацагдоржийн хамт К.Марксын Капиталыг 3 сар 10 хоногт орчуулсан байдаг [Лочин, 1985].

Тухайн үед ийнхүү монголын ард түмнийг Европын болон Барууны түүх, соёлтой танилцах, дэлхийн сонгодог зохиолуудыг төрөлх хэл дээрээ унших боломжийг бүрдүүлж, дэлхийн хэмжээний шинжлэх ухааны мэдлэгийг хоцрогдсон буурай ард түмэнд сурталчлах ажлыг өргөн хүрээнд зохион байгуулахад онцгой үүрэг гүйцэтгэсэн анхдагчийн хувьд Жамсрангийн Цэвээнийг орчуулга зүйг үндэслэгч гэж үзэж болно.

Жамсрангийн Цэвээн бүхий л албан тушаалд ажиллаж байхдаа эрдэмтэн хүний ёсоор онолын үндсийг боловсруулахыг гол болгож, олны үйл хэрэгт зөвлөгөө өгөх, туслалцахыг илүүд үзэж, зарим албан тушаалаас татгалздаг байсны нэг жишээ бол Судар бичгийн хүрээлэнгийн захирал биш эрдэмтэн нарийн бичгийн дарга байсан явдал юм.

Хэдэн мянган жил ард түмний дунд хэлэлцэгдэн уламжлагдан ирсэн ардын аман зохиолуудыг олж цуглуулж, судалж, олон арван зохиол бүтээлүүд туурвих зэргээр эрдэм шинжилгээний салбарт Жамсрангийн Цэвээний оруулсан хувь нэмрийг үнэлж Оросын ШУА-аас 1936 онд хэл бичгийн ухааны доктор цол олгожээ. Дараа нь Оросын ШУА-н сурвалжлагч гишүүн болжээ.

Монгол туургатны анхны доктор Их эрдэмтэн Жамсрангийн Цэвээн Лев Гумилев, Б. Ринчин, Ц. Дамдинсүрэн, Д. Нацагдорж нарын зэрэг олон арван эрдэмтэн зохиолчдыг сурган хүмүүжүүлж, эрдэм шинжилгээний ажил, зохиол бүтээлд нь зөвлөгөө өгч, хөлийг нь дөрөөнд, гарыг нь ганзаганд хүргэсэн тухай олон хүн дурсан бичсэн байдаг.

Үнэхээр монголын шинэ цагийн сэхээтнийг сургаж боловсруулах их үйл хэрэгт бие сэтгэл, оюун санаагаа зориулсан, шинэ цагийн боловсрол, соёл шинжлэх ухааны байгууллагыг үүсгэн санаачилсан эрхэм гавъяатай хүн бол 1920, 1930-аад оны дэвшилтэт сэхээтнүүдийн оюун санааны загалмайлсан эцэг нь болсон Жамсрангийн Цэвээн байлаа.

Францын монголч эрдэмтэн А. Морстерт “Би энэ хүнийг маш их хүндэлж, өндөр үнэлдэг. Яагаад гэвэл энэ хүн өөрийн бүхий л мэдлэг чадвараа шинжлэх ухаанд зориулсан аугаа их эх оронч хүн. Зөвхөн эх оронч хүн төдийгүй бүхий л амьдрал, оюун ухаанаа эх монгол хэлэнд зориулсан” [Цэцэгмаа, 2008] юм гэж бичжээ. Энэ бүхнээс үзэхэд Жамсрангийн Цэвээн нь шинэ үеийн Монгол судлалыг хөгжүүлж, дэлхий дахинаа алдаршуулахад үнэтэй хувь нэмэр оруулсан, шинэ үеийн соёлын нэрт төлөөлөгч бөгөөд зохиолч Д.Чимэдийн хэлсэнчлэн “Жамсрангийн Цэвээн бол бид бүгдийн багш томоохон профессор эрдэмтэн байжээ” [Цэцэгмаа, 2008].

Дээрх түүхийн баримтуудаас үзвэл Жамсрангийн Цэвээн анхны сургуулийг үүсгэн байгуулах саналыг дэвшүүлж дүрэм журам, сурах бичгүүдийг зохиож орчуулж, багшлах боловсон хүчнээр хангаж байсан төдийгүй Судар бичгийн хүрээлэн байгуулах тухай санаачлага гаргаж Ардын засгийн газраар дэмжүүлж, уг хүрээлэнгийн даргаар Онходын Жамьянг томилуулж өөрөө эрдэмтэн нарийн бичгийн дарга, жинхэнэ гишүүнээр 10 орчим жил хүчин зүтгэж, судалгаа шинжилгээний нөр их ажил өрнүүлж, эрдэмтэн судлаачдыг

бэлтгэж, гадаад харилцааг хөгжүүлж, дэлхийн монгол судлалын гол төв болж өргөн цар хүрээтэй ажиллаж байсан үйл ажиллагаа нь түүнийг шинжлэх ухааны академи болон боловсролын байгууллагын үндэслэгч мөн болохыг гэрчилж байна.

Ном зүй:

- МАХН-ын түүхэнд холбогдох баримт бичгүүд. 1 дүгээр дэвтэр. Улаанбаатар, 1966.
Жамсрангийн Цэвээн. Түүвэр зохиолууд. Улаанбаатар, 1997.
Цыбиков Б, Чимитдоржиев Ш. Цыбен Жамцарано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 40 с.
Цэцэгмаа Ж. Жамсрангийн Цэвээний Монголд ажилласан он жилүүд. Улаанбаатар, 1999.
Цэцэгмаа Ж. Жамсрангийн Цэвээн Монголын боловсролын байгууллагыг үндэслэгч // Өдрийн сонин. 2001. № 293.
Цэцэгмаа Ж. Монгол оронд Жамсрангийн Цэвээний өрнүүлсэн эрдэм шинжилгээ, соён гэгээрүүлэлт, нийгэм-улс төрийн үйл ажиллагаа (1911–1931). Улаанбаатар, 2008.
Ренчин Б. Монгол бичгийн хэл зүй. I дэвтэр. Улаанбаатар, 1964.
Цэвээний Ж. Улсын төв номын сан. Дугааргүй.
Цэвээний Ж. Түүвэр зохиолууд. Улаанбаатар, 1997.
Цэвээний Ж. Түүвэр зохиолууд. Улаанбаатар, 1997.
Монголын түүх I боть. Улаанбаатар, 1966.
Лочин С. Сарны гэрэл. Улаанбаатар, 1985.

Шагдарова Баярма Баторовна

кандидат исторических наук

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Улан-Удэ, Российская Федерация

bayarma70@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РАДИО В НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ровно 100 лет тому назад радиолюбители Верхнеудинска собрали вручную простой детекторный приемник и провели с его помощью эксперимент по получению радиосигнала из Москвы. Открывшие в Бурятии «эру радио» любители-конструкторы заложили технические основы радиофикации региона и сумели привлечь внимание широкой общественности и руководства республики к радиостроительству.

Ключевые слова: радио; радиолюбители; радиофикация; радиоприемник.

Shagdarova Bayarma Batorovna

Candidate of Sciences in History

D. Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

FORMATION AND DEVELOPMENT OF RADIO BROADCASTING IN THE NATIONAL REPUBLIC

Exactly 100 years ago, radio amateurs of Verkhneudinsk manually assembled a simple detector radio receiver. Radio amateurs of Verkhneudinsk conducted a technical experiment to receive a radio signal from Moscow. Radio amateurs opened the "era of radio" in Buryatia. They organized the Society of Radio Friends in the republic. They organized the «Society of Friends of Radio» in the republic and were able to draw the attention of the leadership of the republic, ordinary citizens to the radio.

Keywords: radio; radio amateurs; radiofication; broadcast.

«Алло! Алло! Алло! Говорит Москва: радиостудией г. Верхнеудинска произведены первые опыты усиления приема радиопередач из Новосибирска. Опыт дал положительные результаты. Радиостудия продолжает свои интересные наблюдения и дождалась... прилетели слова: Алло...алло...алло...говорит Москва. Верхнеудинский громкоговоритель передавал речи, мотив пения... но пока невнятно. Наша радиостудия надеется тесно связать сердце СССР – Москву с далекой окраиной – Бурятией» [Бурят-Монгольская правда, 1927, с. 6]. Об успехах радиоэкспериментов сообщалось в республиканской печати, в том числе о первых опытах радиосвязи республики с центром страны. В начальный (экспериментальный) период становления и развития радиофикации и радиовещания в Бурят-Монгольской АССР первые шаги в области радиостроительства прочно связаны с неустанной деятельностью местных любителей-конструкторов, проводивших со всем присущим им энтузиазмом радиоэксперименты под эгидой созданного ими же в Верхнеудинске Общества друзей радио (ОДР). Первые опыты радиосообщений из Москвы и ряда других городов РСФСР относятся к 1923 г., когда радиолюбители Верхнеудинска вручную собрали четыре радиоприемника. Открывшие в Бурятии «эру радио» любители-конструкторы и в дальнейшем имели особое значение в области освоения эфира и создания республиканской радиосети. В отсутствии материальной базы и финансовых средств энтузиасты радиодела вносили неоценимый вклад в решение радиотехнических проблем, пропаганду радиостроительства.

Активизация движения радиолюбителей в Бурятии и в целом в стране была вызвана принятием в 1924 г. Постановления СНК СССР «О частных приемных радиостанциях», на основании которого всем предоставлялось право проводить радиоэксперименты. 25 марта 1925 г. в Верхнеудинске было созвано первое собрание Общества друзей радио (ОДР), объединившего местных энтузиастов-конструкторов, которые со всей ответственностью подошли к радиостроительству в республике. В уставе ОДР БМАССР содержалось 57 параграфов, закреплявших за членами общества «право строить и устанавливать передающие и приемные радиостанции и пользоваться ими, а также государственными и иными станциями для регулярной передачи и приема заседаний руководящих органов СССР, докладов, лекций, громкоговорящих реклам; приравнивались к государственным рабочим и служащим» [Шагдарова, 2013, с. 45]. Нарком внутренних дел Бурятии после утверждения Устава ОДР вынес определение о том, что «названное общество не преследует цели извлечения прибыли» [Там же, с. 47].

В 1927 г. руководство республики при финансовой поддержке различных организаций, прежде всего Бурятского республиканского союза потребительских обществ (Буркоопсоюза), и активном участии ОДР приобрело первый заводской радиоприемник. Его запуск состоялся 25 марта 1927 г. во время республиканского съезда Советов. Историческое значение этого события заключалось в том, что в Верхнеудинске началась передача в эфир радиогазет. Принцип вещания того времени характеризовался передачей сообщений при помощи «форпостных» телефонов. Рупоры-громкоговорители были установлены на здании Совнаркома на главной улице Ленина, а также железнодорожного клуба. Благодаря успешной работе радистов слышимость и качество звучания отличались достаточно хорошим уровнем. Осенью 1928 г. радиоприемник дополнили комплектом усилительного прибора и передали из Межсоюзного клуба самодеятельного творчества, располагавшегося в доме 46 улицы Ленина, радиогазету по воздушным проводам, что ознаменовало факт зарождения в БМАССР проводного радиовещания – успех, достигнутый радиолюбителями благодаря их годовому радиоэксперименту [Там же].

Радиолюбители республиканского центра – Верхнеудинска – оказывали посильную помощь радиолюбителям в районах и аймаках республики. «ОДР обеспечит развитие радиопромышленности, создает целые полки работников, знающих радио-дело, для того, чтобы бросить их по линии, указанной коммунистической партией, на связь города с деревней, на просветительскую работу и, если придется, на борьбу с классовым врагом»

[Бурят-Монгольская правда, 1926, с. 4]. Организационные и технические усилия радиолюбителей-конструкторов сталкивались с объективными трудностями: практически отсутствовала радиотехническая база для развертывания практической опытно-показательной работы, не было радиоспециалистов, население не владело элементарными понятиями о радиотехнике. В деятельности радиолюбителей помимо инженерных достижений отмечались серьезные промахи и недостатки, к примеру, случаи простоев громкоговорителей или нарушения графика выхода радиогозет. Нередко в печати публиковались подобного рода заметки: «Вот уже вторая неделя, как репродукторы молчат. Никакой системы, плана в радио-передаче нет. И даже больше: радио-передачи как таковой вообще нет. А позавчера, в воскресенье, было еще хуже: просто кто-то что-то кричал в микрофон. О чем? Почему? Неизвестно. Радио-передачи должны проводиться регулярно с объявлением о них заранее в газете» [Шагдарова, Тихонова, 2020, с. 77].

В 1928 г. в СНК БМАССР состоялась встреча членов Общества друзей радио с руководством республики. Она была приурочена к двухлетию ОДР и широко освещалась в местной печати, особое внимание было обращено на количественный рост членов Бурят-Монгольской ячейки ОДР. Так, если в 1926 г. насчитывалось всего лишь 40 членов ОДР, то в 1928 г. в рядах ОДР уже насчитывалось 500 человек, среди них было немало представителей сельских и аймачных ячеек, все сильнее и заметнее проявлявших интерес к радиослушанию и радиоделу. Общество друзей радио использовало любую возможность для пропаганды деятельности своих радиоячеек в селах и аймаках, тем более, что появление каждого нового кустарного радиоприемника становилось событием нерядового масштаба.

В репортаже «Бурят-Монгольской правды» любопытно, местами вольно-оригинально образно освещался воскресник, организованный радиолюбителями в отдаленном селе Кырен Тункинского района: «В 9 часов утра, в воскресенье стали дружно собираться служащие всех учреждений во дворе комендатуры ОГПУ15 для подъема мачты радиоустановки. Посредине двора, как желтый труп, лежит 15-саженная махина. Вокруг толпятся возбужденные радостные люди. Слышится говор на разных наречиях... Шумит кузнечный горн, разогревая скрепы, звенят шипцы, колышутся лестницы и кажутся живыми, исполняющими свое большое дело. Наконец, народ расставлен по местам, к концам веревок, приготовлены багры, проволока... Еще одно дружное усилие и дрогнув в последний раз гибким стволом, мачта встала на место, укрепленная протянувшимися во все стороны проволоками, приветствуя кыренцев взмахом красного флага на вершине. И там, где только два года назад сияла медными украшениями крыша кумирни, теперь высится радио-мачта, один из путей к социализму. Пошли ставить другую мачту во дворе п/т. конторы, а вслед из-за оврага, размытого р. Кыренкой будто с досадой, рвались печальные звуки медных труб из храма Сохиши дацана и ритмичные гулкие удары барабана. Через день кыренцы будут слушать Москву» [Там же, с. 78].

В республиканской газете вскоре отрапортовали северобайкальцы об установке первого приемника, что явилось важным событием в регионе: «БурЦИКом получена от Северо-Байкальского туземного РИКа приветственная телеграмма по случаю открытия в Северо-Байкальском туземном районе первого радио-приемника, установленного Северо-Байкальским интегральным кооперативом. Приветствия переданы от собрания 150 человек – участников радио-приемки» [Там же, с. 79].

История начального периода становления и развития радио в Бурят-Монгольской АССР, носившего ярко выраженный экспериментальный характер неразрывно связана с неутомимой работой радиолюбителей. В 1923 г. в Верхнеудинске ими вручную было собрано четыре детекторных радиоприемника, с помощью которых удалось получить первый радиосигнал из Москвы. По-настоящему радевшие за общее дело радиофикации и радиовещания местные энтузиасты-радиолюбители сумели привлечь внимание руководства республики и ее общественности на острые нужды в сфере радиостроительства.

Источники и литература:

- «Алло! Алло! Алло! Говорит Москва» // Бурят-Монгольская правда. 1927. № 264. Ноябрь, 22. С. 6.
В общественных организациях: друзья радио в Бурятии // Бурят-Монгольская правда. 1926. № 68. Март, 28. С. 4.
Круглова Л. А. О зарождении радиовещания: документы, цифры, даты (1914–1927) // Радио: начало истории. К 120-летию: сб. науч. ст. / под ред. О. В. Тихоновой. М.: Фак. журн. МГУ, 2017. С. 66.
Радио на службе у рабочих и крестьян // Бурят-Монгольская правда. 1926. № 71. Апр., 1. С. 4.
Шагдарова Б. Б. Журналистика Бурятии в первой половине XX в. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. гос. ун-та, 2013. 160 с.
Шагдарова Б. Б., Тихонова О. В. Радиофикация Бурятии в 1920-е годы // Медиаальманах. 2020. № 6. С. 73–82.

Бильдуева Саяна Викторовна
кандидат исторических наук
Этнографический музей народов Забайкалья
Улан-Удэ, Российская Федерация
svbildueva@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье рассматривается история создания Этнографического музея народов Забайкалья, вклад научных сотрудников Бурятского филиала Академии наук СССР в организацию музея и создание его экспозиций.

Ключевые слова: музей; научные сотрудники Бурятского филиала Академии наук СССР; экспедиции; памятники деревянного зодчества; экспозиционные комплексы.

Bildueva Sayana Viktorovna
Candidate of Sciences in History
Ethnography Museum of the Peoples of Transbaikalia
Ulan-Ude, Russian Federation

FROM THE HISTORY OF THE ETHNOGRAPHY MUSEUM OF THE PEOPLES OF TRANSBAIKALIA

This article discusses the history of the creation of the Ethnography Museum of the Peoples of Transbaikalia, the contribution of scientists from the Buryat Branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union to the organization of the museum and the creation of its expositions.

Keywords: museum; researchers of the Buryat Branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union; expeditions; monuments of wooden art of building; exhibition complexes.

Этнографический музей народов Забайкалья – единственный в Республике Бурятия музей под открытым небом паркового типа – относится к так называемым музеям-скансенам, на территорию которых перевезены с мест традиционного бытования и восстановлены историко-архитектурные памятники.

История музея ведет начало с 1968 г., когда приказом министра культуры Бурятской АССР № 201 от 19.08.1968 г. был организован «Этнографический музей-заповедник культуры и быта народов Забайкалья». Этим же приказом с 1 января 1969 г. в ведение Этнографического музея были переданы «все памятники истории и культуры республики и производственная группа охраны памятников Министерства культуры Бурятской АССР» [Архивные материалы Этнографического музея народов Забайкалья. Приказ Министерства культуры Бурятской АССР № 201 от 19.08.1968 г.].

В том же 1969 г. решением заседания исполкома Улан-Удэнского городского Совета депутатов трудящихся Министерству культуры Бурятской АССР был отведен «дополнительный земельный участок площадью 25,0 га в Железнодорожном районе на Верхней Березовке, западнее территории коллективных садов ЛВРЗ, под размещение этнографического музея-заповедника культуры и быта народов Забайкалья с прилегающей зоной массового отдыха» [Архивные материалы Этнографического музея народов Забайкалья. Решение заседания исполкома Улан-Удэнского городского совета депутатов трудящихся № 9 от 22.01.1969 г.].

Генеральный план музея, проекты инженерных сетей и благоустройства территории музея были составлены институтом «Бургражданпроект». Генеральный план застройки музея был рассмотрен и одобрен в мае 1974 г. на заседании комиссии под руководством председателя Совета министров Бурятской АССР Н. Б. Пивоварова. Николай Буинович Пивоваров, видный общественный и государственный деятель, внесший большой вклад в развитие экономики и культуры Республики Бурятия, явился одним из инициаторов создания Этнографического музея под открытым небом. В 1967 г. Н. Б. Пивоваров, будучи в должности председателя Совета министров Бурятской АССР, в составе делегации Верховного Совета СССР посетил Всемирную выставку «Экспо-67» в Канаде, г. Монреаль, где обратил внимание на экспозицию музея под открытым небом, отражающую быт и культуру малых народов Северной Америки и Канады. Вернувшись на родину, Н. Б. Пивоваров через Министерство культуры РСФСР, СССР добился разрешения на организацию строительства Этнографического музея в пригороде г. Улан-Удэ и привлек к своей идее известных ученых Сибирского отделения и Бурятского филиала Академии наук СССР.

В создании и организации музея самое активное участие принял Герой Социалистического Труда, лауреат государственных премий СССР, академик Алексей Павлович Окладников. Будучи директором Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, Алексей Павлович принимал участие в подготовке и подборе специалистов, публиковал в различных изданиях положительные отзывы о создаваемом Этнографическом музее, единственном в то время на востоке страны, а также давал высокую оценку музею в различных выступлениях на радио и телевидении. В частности, он писал о том, что экспонаты музея дают правильное этнографическое представление о Сибири и что забайкальский музей служит этнографическим эталоном, от которого будут отталкиваться при изучении народов Сибири. А. П. Окладников во время полевых работ в Бурятии и Монголии посещал музей, решал на высоком уровне вопросы его развития, интересовался научными планами, давал консультации, предлагал конкретные памятники.

Ведущая роль в организации Этнографического музея и создании его экспозиций принадлежит научным сотрудникам Бурятского филиала Академии наук СССР. Сотрудники филиала (историки, этнографы, археологи) принимали непосредственное участие в сборе экспонатов, разработке и осуществлении экспозиционных проектов. Ученые Евгений Михайлович Залкинд, Тарас Максимович Михайлов, Клара Доржиевна Басаева, Ксения Максимовна Герасимова, Прокопий Батюрович Коновалов, Евгения Алексеевна Хамзина, Александр Сергеевич Шубин принимали активное участие в разработке научной концепции музея и участвовали в его создании. Большой вклад в развитие формирующегося музея внесла Клара Доржиевна Басаева. Во время экспедиции в Закаменском районе в с. Далахай она нашла уникальную бурятскую юрту, которая впоследствии была перевезена в музей. К. Д. Басаева длительное время являлась консультантом музея в области этнографии. Под ее руководством получил развитие Бурятский комплекс.

Также активно участвовал в создании музея Тарас Максимович Михайлов, который выезжал в экспедиции по Бурятии и Иркутской области совместно с директором музея Семеном Романовичем Хомосовым и выявлял уникальные памятники деревянного зодчества, которые впоследствии были перевезены в музей. Т. М. Михайлов оказывал

сотрудникам музея научно-методическую помощь при разработке различных этнографических материалов. Главным консультантом по созданию культовых экспозиций в музее была Ксения Максимовна Герасимова. Под ее научным руководством был обследован и перевезен в музей дуган «Деважин» из Тамчинского дацана.

Археологи Евгения Алексеевна Хамзина и Прокопий Батюрович Коновалов оказывали научно-методическую помощь в создании археологического комплекса музея, заведующим которого был Алексей Васильевич Тиваненко. А. В. Тиваненко на протяжении многих лет планомерно перевозил в музей и восстанавливал наиболее типичные и различные по времени памятники древней культуры. Им перевезены и восстановлены плиточные могилы, «оленный» и «сторожевой» камни, фрагменты скал с древними красочными рисунками и петроглифами. Продолжила работу по созданию комплекса археолог Лариса Геннадьевна Ярославцева, которая перевезла и восстановила херексуры Забайкалья эпохи бронзы.

В создании Эвенкийского комплекса большую помощь оказал Александр Сергеевич Шубин. Под его руководством работала научный сотрудник музея, заслуженный работник культуры Республики Бурятия Тамара Владимировна Гурка, внесшая большой вклад в развитие комплекса и формирование фондовых коллекций. Она побывала в экспедициях по сбору материала в северных районах Бурятии, в Забайкальском и Красноярском крае. Т. В. Гурка является автором и создателем Эвенкийского комплекса.

Практически с периода основания музея начинаются работы по выявлению, обследованию и переносу на отведенную под Этнографический музей территорию на Верхней Березовке недвижимых памятников народного зодчества из Республики Бурятия и Иркутской области, характерных для нашего края в XIX – начале XX в. Были организованы крупные экспедиции с целью комплектования фондов музея, которые на сегодняшний день насчитывают около 19 тыс. единиц хранения.

Открытие музея было приурочено к 50-летию образования Бурятской АССР. Музей был открыт для посетителей 6 июля 1973 г. Музей был создан с целью комплексного показа материальной и духовной культуры, хозяйственного и бытового уклада народов, населяющих территорию Забайкалья: бурят, эвенков, сойотов, русских (старообрядцев (семейских) и казаков). Экспозиция создавалась по принципу показа этнических групп края самостоятельными комплексами. Комплексы расположены в следующей последовательности: археологический, сойотский, эвенкийский, бурятский (забайкальский), бурятский (предбайкальский), русский (старожильческий), старообрядческий («семейский»), городской (старый Верхнеудинск), «Уголок живой природы», в котором находятся представители фауны Байкальского региона.

Каждый комплекс по-своему уникален и интересен. Единый ансамбль под открытым небом вкупе с природным ландшафтом создают многообразную картину жизни и быта эвенков, сойотов, бурят и русских XIX – начала XX вв. Экспонаты показаны в подлинной среде их бытования и типичном окружении, хотя и перевезены сюда из разных мест.

Со дня открытия Этнографический музей пользуется огромной популярностью у населения республики и ее гостей. Интерес к музею не ослабевает с течением времени. Создание новых экспозиций, выставок, организация фольклорных праздников, массовых мероприятий, анимационных программ и, наконец, всеми любимой «Уголок живой природы», открытый в 1976 г. – все это привлекает посетителей разных возрастных и социальных групп.

Сегодня Этнографический музей народов Забайкалья занимает важное место в культурном пространстве Бурятии. Он является хранителем культуры края, местом встречи и взаимообогащения ушедших и современных культур, где каждый посетитель сможет не только окунуться в атмосферу прошлого, но и попробовать свои силы в национальных видах спорта, принять участие в анимационных экскурсиях, просто провести отдых с семьей на свежем воздухе. Музей становится уникальным по своей универсальности и общедоступности узлом культурных коммуникаций с должным уровнем предоставления музейных услуг.

Номогоева Виктория Владимировна
доктор исторических наук
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
nomogoeva67@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БУРЯТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье характеризуются сущность и особенности культурно-национальной политики в России и особенности этнокультурного развития Бурятии. Показано разнообразие этнокультурного развития народов Бурятии на современном этапе.

Ключевые слова: национальная политика; национальные окраины; сибирские этносы; национальная автономия; советский народ; национально-культурное возрождение; этнокультурное развитие; современная Российская Федерация.

Nomogoeva Victoria Vladimirovna
Doctor of Sciences in History
D. Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

ETHNOCULTURAL DEVELOPMENT OF BURYATIA IN POST-SOVIET PERIOD

The article considers the nature and features of the state nationalities policy in the national autonomy regions of Russia and the ethnocultural development specificity of Buryatia during the different stages of history. The author shows the ethnocultural diversity of the Buryatia peoples at the present time.

Keywords: nationalities policy; national outskirts; Siberian ethnic groups; national autonomy; the Soviet nation; national and cultural revival; ethnocultural development; contemporary Russian Federation.

В начале 1990-х гг. Россия вступает в новый этап развития, основанный на Федеративном договоре 1992 г. и Конституции Российской Федерации 1993 г. На основе провозглашенного суверенитета и образования в 1993 г. Республики Бурятия начинаются процессы национально-культурного возрождения. Народным Хуралом республики приняты законы «О языках народов Республики Бурятия», «О культуре», «Об образовании», «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» и т.д.¹

Республика Бурятия – один из наиболее многонациональных регионов Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи 2010 г., на территории Республики Бурятия зарегистрировано более 160 национальностей и этнических групп. Наиболее крупными национальностями являются русские – 64,9%, буряты – 29,5%, татары – 0,7%, украинцы – 0,6%, а также в Республике Бурятия проживает 6553 представителя коренных малочисленных народов – эвенки и сойоты [Государственная программа].

¹ Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия». Принят Верховным Советом Республики Бурятия 10.06.1992 (в ред. Закона Республики Бурятия от 29.09.2003 № 467-III) // Бурятия. 23 июня 1992; Закон Республики Бурятия «О культуре» (в ред. Законов Республики Бурятия от 29.12.2003 № 622-111, от 27.12.2004 № 994-111) // Бурятия. 29 декабря 2004. № 248; Закон Республики Бурятия «Об образовании» (в ред. Законов Республики Бурятия от 25.09.1996 № 382-1, от 14.03.2001 № 642-11, от 29.09.2003 № 434-111, от 07.12.2004 X» 899-III) // Бурятия. 29 сентября. 2003; Закон Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» (в ред. Законов Республики Бурятия от 03.01.2001 X» 568-11, от 28.02.2002 № 941-11, от 06.07.2004 № 780-111) // Бурятия. 07 июля. 2004.

В ситуации культурного многообразия взглядов, идей, форм деятельности заметно повысился интерес к национальным особенностям своей культуры, к ее древним истокам. В 1989 г. по предложению ряда бурятских деятелей культуры впервые было проведено празднование Сагаалгана – традиционного Нового года по восточному календарю. В 1990 г. вышел указ Президиума Верховного Совета Бурятской АССР «О придании национальному празднику «Сагаалган» статуса народного праздника». Еще одним шагом на пути возрождения бурятской национальной культуры было празднование 1000-летия «Гэсэра», которое было проведено циклом мероприятий, в том числе – международным форумом-фестивалем «Эпос Гэсэр» – сокровище народов Центральной Азии» состоявшимся в 1995 г. [Строганова, 2001, с. 100]. В 1998 г. с инициативой проведения мероприятий к 300-летию похода хори-бурят и Указа Петра I выступил Конгресс бурятского народа. Ярким событием явился Международный Всебурятский фестиваль культуры «Алтаргана», зародившийся в Монголии, и впервые проведенный в России 29–30 июня 2002 г. в Агинском Бурятском автономном округе. Фестиваль «Алтаргана» проводится раз в 2 года и стал традиционным мероприятием по возрождению бурятской культуры, укреплению связей между Россией, Китаем и Монголией.

Возрождение национальной культуры эвенков началось в 1990 г. с создания Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Бурятия (АКМНС РБ). В марте 1992 г. учредительным собранием эвенков Республика Бурятия было принято решение о создании Республиканского центра эвенкийской культуры «Арун» (Возрождение) [АУК РБ ГРЦЭК «Арун»]. В 1993 г. создана Ассоциация сойот, которая в 2001 г. на IV конференции АКМНС РБ была официально принята в организацию [Ассоциация сойот]. С этого момента АКМНС РБ объединяет два народа – эвенков и сойотов. В республике стали проводить национальные праздники эвенкийский «Больдер» и сойотский «Улуг-Даг».

Национально-культурное возрождение коснулось и русского этноса, в составе которого в Бурятии выделяются следующие субэтнические группы – казачество, старожилы, староверы (семейские). В 1990 г. состоялся Большой Восстановительный Круг Забайкальского казачьего войска, который воссоздал в Бурятии казачий округ. В начале 1990-х гг. он учредил две казачьи организации: Союз казаков Бурятии и 1-й (Верхнеудинский) казачий отдел Забайкальского казачьего войска [Высотина, Гуршоева, 2003, с. 20–29]. С 2009 г. при поддержке Правительства Республики Бурятия ежегодно проводятся «Республиканские фестивали казачьей культуры». Установилась традиция, что фестиваль каждый раз проводится в новом районе республики, где проживают казаки. Фестиваль проходит в форме полевого лагеря. В V фестивале, проходившем в июне 2013 г. в Бичурском районе, число участников превысило 1 тыс. чел.

Возрождение и дальнейшее развитие культуры старообрядцев началось с I съезда семейских Забайкалья, который состоялся в 1993 г. В 2001 г. была утверждена Республиканская целевая программа «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских (2001–2006 гг.)»¹, а культура забайкальских старообрядцев была объявлена шедевром устного и нематериального наследия ЮНЕСКО [Петрова, 2017, с. 70–76]. Одним из ярких самобытных этнокультурных мероприятий стала международная встреча старообрядцев «Путь Аввакума», проводившаяся с 2007 г.

Национально-культурное возрождение сопровождалось научно-методологическим обоснованием. В 1998 г. в Улан-Удэ состоялась научно-практическая конференция «Возрождение традиционных культур», в 2003 г. – IV Всероссийская конференция

¹ Постановление Правительства Республики Бурятия об утверждении республиканской целевой программы «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских» (2001–2006 гг.) // Бурятия. 2003. 30 июля. № 138.

«Возрождение и сохранение национальных культур народов России: путь к социальному единению и партнерству».

Началом современного этапа в истории государственной национальной политики стало принятие в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., которая провозгласила сохранение и поддержку национально-культурного многообразия народов России при соблюдении единой гражданской идентичности¹. Для обеспечения единства российской нации и развития культуры межнационального диалога немаловажную роль играют такие институты гражданского общества, как национально-культурные общественные объединения. В Бурятии созданы и действуют 46 национально-культурных общественных объединений в различных организационных формах, зарегистрированных в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Открытый в 2011 г. Дом дружбы народов Бурятии является местом консолидации усилий общественных организаций в решении задач по сохранению этнокультурного многообразия. В настоящее время он объединяет 25 общественных организаций, предоставляет ресурсную базу – просветительскую, организационную и материальную, а также обеспечивает согласованную деятельность национально-культурных сообществ в реализации национальной политики Российской Федерации и Республики Бурятия [Государственная программа].

Таким образом, государственная национальная политика в Бурятии в постсоветский период способствует поиску взаимоприемлемых, взаимосохраниющих и взаиморазвивающих форм сотворчества народов и культур. На современном этапе этнокультурная жизнь в национальной республике во всей ее неповторимости и национальном богатстве направлена на формирование у населения российской идентичности путем укрепления единства духовной, нравственной и социально-политической жизни народов.

Источники и литература:

Ассоциации сойот [Электронный ресурс]. URL: <http://csipn.ru/> (дата посещения: проверено 15.02.2021).

АУК РБ ГРЦЭК «Арун» [Электронный ресурс]. URL: <http://arun-rb.ru/> (дата посещения: 15.02.2021).

Высотина Е. А., Гуршоева Т. В. Основные направления возрождения казачества Бурятии // Вестник Бурятского университета. 2003. Серия: История. Вып. 7. С. 20–29.

Государственная программа Республики Бурятия «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России в Республике Бурятия» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата посещения: 15.02.2021).

Даудов А. Х. Сущность и особенности национальной политики России: история и современность // Российское государство в историческом измерении. СПб., 2013. С. 7–15.

Петрова Е. В. Старообрядцы Забайкалья: особенности формирования этноконфессиональной группы и основные направления развития в современных условиях // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т.19. 2017. С.70–76.

Строганова Е. А. Бурятское национально-культурное возрождение. Конец 80-х – середина 90-х гг. XX в., Республика Бурятия. М.; Иркутск: Наталис, 2001.150 с.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Доступ: <http://base.garant.ru/70284810/> (проверено 15.02.2021).

Ванчикова Цымжит Пурбуевна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
vanchikova2@yandex.ru

Аюшеева Марина Васильевна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
ayagma@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЦВРК¹

В статье рассмотрены архивные документы из фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН по истории Государственного института культуры, преемника Бурят-Монгольского ученого комитета. Освещена деятельность Института культуры в социально-политической модернизации общества в первой половине XX в.

Ключевые слова: история науки; Бурятия; архивные документы.

Vanchikova Tsymzhit Purbuevna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

Ayusheeva Marina Vasilievna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE ACTIVITIES OF THE STATE INSTITUTE OF CULTURE BASED ON THE MATERIALS OF THE COMX

The article deals with archival documents from the collections of the Centre of Oriental manuscripts and xylographs of the SB RAS on the history of the State Institute of Culture, the successor to the Buryat-Mongolian Scientific Committee. The activities of the Institute of Culture in the socio-political modernization of society in the first half of the 20th century are highlighted.

Keywords: history of science; Buryatia; archival documents.

В Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН представлены разнообразные документы, отражающие историю создания, функционирования Государственного института культуры, а также полевые, экспедиционные материалы, рукописи статей и монографий, выполненные сотрудниками научной организации.

Как преемник Бурят-Монгольского ученого комитета (Буручком) Государственный институт культуры (ГИК) во многом продолжил направления деятельности по изучению духовной и материальной культуры населения региона. Сотрудниками Буручкома были

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

заложены основы для формирования и дальнейшего развития библиотечного и рукописного фондов, по накоплению источниковой базы для будущих исследований по языку и письменности. При Буручком активно работали терминовтворческая и словарная группа, художественная секция. Буручком, претерпевший несколько реорганизаций своей структуры, уточнений и конкретизации целей и задач, в 1929 г. был переименован в Бурят-Монгольский ГИК [Бурят-Монгольский ученый комитет, 2017, с. 122]. По решению IV съезда Советов БМАССР ЦИК БМАССР постановил 17 мая 1929 г. преобразовать Ученый комитет в Государственный институт культуры [Институт монголоведения..., 2022, с. 19].

В отличие от своего предшественника, который в силу объективных причин уделял большее внимание переводческим и издательским делам, школьному образованию, художественному строительству, институт культуры концентрирует внимание на научно-исследовательской работе. В положении новой организации прописана цель создания в БМАССР центрального научно-исследовательского учреждения, в задачи которого входило плановое исследование республики, ее народного хозяйства, культуры, языка и истории [Центр восточных рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 41. Л. 60].

Круг обязанностей института был очерчен главным образом научно-исследовательскими задачами. Тем не менее, его основная деятельность была направлена на помощь в социалистическом строительстве республики. Институт продолжил заниматься вопросами истории, языка и литературы. Переводческая деятельность была сфокусирована в основном на переводе марксистско-ленинской литературы. Следует заметить, что одним из обсуждаемых вариантов при реформировании научного учреждения рассматривался и вопрос о создании Института марксизма-ленинизма [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 118. Л. 10–13].

В этот период была проведена реорганизация и музейной сети – два краеведческих музея, расположенных в гг. Улан-Удэ и Кяхте, были переданы в ведение института. Ему же было поручено формирование широкой сети краеведческих музеев по районам республики. Укрупнению фондов и научных сил по научно-исследовательскому краеведению в ГИК способствовало упразднение в 1930 г. Научного общества им. Доржи Банзарова. В этой связи на институт была возложена большая ответственность по практическим вопросам культурного строительства в республике.

Среди важных мероприятий, проводимых институтом, следует назвать совещания по латинизации бурят-монгольской письменности, составление грамматических пособий и учебников, перевод художественных литературных произведений на новую графику, составление и издание словарей. В фондах ЦВРК отражены материалы совещания по вопросам латинизации бурят-монгольской письменности, состоявшегося в Верхнеудинске в 1930 г., и лингвистической конференции в Москве в 1931 г. с участием видных монголоведов и востоковедов страны. Вопросам бурят-монгольского языка и письменности, терминологии и словарной работы уделялось пристальное внимание, для разработки языковых вопросов был организован совместный с Академией наук СССР ряд диалектологических экспедиций по районам этнической Бурятии. Все эти процессы нашли отражение в архивных документах института.

Экспедиционная деятельность ГИК охватывала большинство районов республики, она проводилась совместно с центральными академическими учреждениями. Так, осуществлялись сбор и изучение диалектологического материала (экспедиции в Агинский аймак – 1931, Селенгинский – 1931, 1933, Эхирит-Булагатский – 1932, Баргузинский – 1932, Боханский – 1933, Хоринский – 1936 гг.); для изучения словарного состава была организована терминологическая экспедиция; для сбора материалов по устной народной поэзии русского населения была проведена совместно с Институтом этнографии АН СССР в 1934 г. фольклорная экспедиция под руководством А. М. Астаховой; археологическими раскопками в Ацагатском сомоне руководил Г. П. Сергеев; весьма плодотворными были

экспедиции под руководством П. М. Берлинского по изучению бурятской национальной музыки. Следует отметить, что члены экспедиций проводили также и агитационную, научно-популярную работу, занимались сбором смежного научного материала [Плеханова, Ванчикова, 2021, с. 455]. Сотрудниками ГИК проводилась обширная работа по фиксации, изучению колхозного строительства, социальным изменениям в быту, культуре как сельского, так и городского населения.

Отдельно стоит остановиться на печатной продукции института. Помимо научных статей, публикуемых в различных сборниках и бюллетенях, словарей, отдельных монографических исследований Государственным институтом культуры и при содействии ГИК издавались следующие печатные органы: «Культура Бурятии», «Вестник Института культуры», «Бюллетень Терминологической комиссии», «Наука и религия» и др.

При институте продолжили функционирование несколько комиссий: терминологическая, словарная, библиотечная. Была создана секция научных сотрудников, которая среди прочего занималась вопросами рецензирования и оценки научных трудов. Проводились «чистки», «проверки» всего штатного состава института. Особенно показательна в этом отношении работа комиссий по проверке уже изданного научного материала на соответствие его сложившимся реалиям.

Исследовательский потенциал, заложенный Буручком по изучению языка, литературы, истории и культуры, постепенно обретал четкие целевые границы и определения. Так, изучение дацанского искусства было практически свернуто, вместо этого было расширено направление на изучение деятельности священнослужителей, усиление антирелигиозной пропаганды. В фондах ЦВРК сохранились рукописи работ А. Долотова, Б. Жигмидона. В фондах также широко представлены материалы дискуссий по спорным вопросам исторического процесса в Бурят-Монголии (1934 г.).

При анализе документов четко прослеживаются наиболее насущные проблемы, стоящие перед институтом. Прежде всего, нехватка кадрового состава сотрудников, острая необходимость в подготовке новых сотрудников с требуемой согласно духу времени марксистско-ленинской подготовкой. Одним из шагов к решению проблемы подготовки научных кадров стала подготовка и обучение сотрудников на базе центральных научных организаций, также была проведена работа по организации аспирантуры при институте. Продолжая опыт Буручка по организации и проведению краткосрочных курсов по подготовке переводчиков, ГИК инициировал проведение курсов редакторов-переводчиков.

Архивные документы научно-организационного плана (планы работ, протоколы, отчеты, переписка и пр. служебная документация) иллюстрируют масштабность задач, стоявших перед ГИК, а также приоритетные направления работы. В 1936 г. по постановлению ЦИК БМАССР от 19 марта Государственный институт культуры был реорганизован в Бурят-Монгольский институт языка, литературы и искусства (сокращенно ГИЯЛИ) с оставлением его в ведении ЦИК БМАССР. За семь лет своей деятельности Государственный институт культуры продолжил и нарастил научно-исследовательский потенциал.

Литература:

- Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929) / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. С. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 248 с.
- Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук: 100 лет. Т. I. От Буручка к ИМБТ СО РАН / ответ. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2022. 308 с.
- Плеханова А. М., Ванчикова Ц. П. Гуманитарные научные исследования в Бурятии в 1930–1940-е гг.: достижения и проблемы (на материалах Государственного института культуры / Государственного института языка, литературы и истории) // Монголоведение. 2021. № 13(3). С. 450–466.

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
plehanova.am@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В БУРЯТИИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ

В статье проанализированы инфраструктура, условия и задачи развития исторической науки в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. Установлено, что создание сети государственных и общественных научных организаций открыло широкий простор для исследования богатого историко-культурного наследия народов республики и содействовало решению политико-идеологических, социокультурных и хозяйственных задач молодой советской автономии.

Ключевые слова: история науки; историческая наука; Бурят-Монгольская АССР; научная организация; научное общество; музей.

Plekhanova Anna Maksimovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

INSTITUTIONALIZATION OF HISTORICAL SCIENCE IN BURYATIA IN CONDITIONS OF FORMATION OF NATIONAL AUTONOMY

The article analyzes the infrastructure, conditions and objectives of the development of historical science in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s. The creation of a network of state and public scientific organizations has opened up a wide scope for the study of the rich historical and cultural heritage of the peoples of the republic. Historical science contributed to the solution of the political, ideological, sociocultural and economic tasks of the young Soviet autonomy.

Keywords: history of science; historical science; Buryat-Mongolian ASSR; scientific organization; scientific society; museum.

Образование 30 мая 1923 г. Бурят-Монгольской АССР стало значительным событием не только в истории национально-государственного строительства бурят-монгольского народа, но и важной вехой в его социально-культурном развитии. Составной и существенной частью национально-культурной программы стали институционализация исторической науки в молодой Бурят-Монгольской автономии и использование ее возможностей в решении политико-идеологических, социокультурных и хозяйственных задач.

Богатейшее культурное наследие проживающих на территории Бурятии народов наряду с ростом их национального самосознания и первостепенными задачами национально-государственного строительства обострили интерес к историческому прошлому. И если, по утвердившемуся в советской историографии мнению, в царской России дворянско-буржуазная наука отказывала «малым народностям» Сибири в праве на историческое

прошлое в связи с отсутствием у них своей государственности [Хадалов, 1958, с. 11], то с обретением национальной автономии изучение истории и культуры Бурятии стало предметом пристального внимания образованной части общества и объектом целенаправленных усилий со стороны научных учреждений.

Большое значение научно-исследовательской работы в области языка, истории и культуры бурятского народа в деле национально-культурного строительства было обозначено на первом национально-культурном совещании, прошедшем в сентябре 1926 г. в г. Верхнеудинске [Мохосоев, Мантатов, 1982, с. 18–19].

Особо следует отметить задачи, частично или полностью затрагивающие область исторического знания, в проекте комплексного исследования республики, определенные Госпланом БМАССР при обращении в Академию наук СССР в 1925 г. Во-первых, изучение антропологических особенностей местных жителей, предрасположенности к различным заболеваниям, их трудоспособности и предпочтений в сфере труда, с целью предотвращения «вымирания туземцев» и создания из их среды квалифицированных индустриальных и сельскохозяйственных рабочих кадров. Данная задача считалась особенно актуальной в связи с утвердившимся мнением о высокой распространенности социальных болезней среди коренных народов. Во-вторых, хозяйственно-культурное возрождение тунгусов-орочон и других тунгусских групп. В-третьих, изыскания в области этнографии и археологии, имеющие для Забайкалья «жизненный интерес» в условиях опасности повсеместного уничтожения агинских и селенгинских курганов [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 11. Л. 7–11]. Стратегически важное значение имела перспектива изучения дацанов с целью формирования правильного политического подхода к мировоззрению народов Востока, «так как бурятские дацаны являются единственным во всем Союзе ССР очагом, дающим ключ к пониманию того своеобразного мира индо-буддийской культуры, которая охватывает добрую половину востока» [Там же, Л. 20–20об.]. По мнению заместителя председателя Госплана Бурят-Монгольской АССР (одновременно видного историка, этнографа) Н. Н. Козьмина, государственно-хозяйственное строительство должно опираться на основательное знакомство с историей края: «Ясно, что одного изучения сверху для этого недостаточно. Как ставится Советской властью в качестве основного государственного задания вовлечение в дело государственного и хозяйственного строительства самих народных масс, так и в сфере краеведения само население данного края должно дать знание этого края и само получить научные основы для правильного, научного познания его» [Козьмин, 1925, с. 3].

Инфраструктура исторической науки в Бурятии в 1920-е гг. включала научные и образовательные учреждения, общественные организации, архивы и музеи. В 1922 г. был создан Бурят-Монгольский ученый комитет, в состав которого вошли выдающиеся востоковеды Б. Б. Барадин (председатель), Ц. Ж. Жамцарано и Г. Ц. Цыбиков. Согласно проекту положения Буручком должен был стать «высшим учреждением Бурятии, объединяющим все научные и культурные силы бурят-монголов для воплощения научно-теоретических работ в деле проведения в жизнь всех культурно-просветительских задач бурят-монгольского народа» [Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). ОАФ. Д. 118. Л. 100]. Несмотря на немногочисленность штатных научных сотрудников (не более пяти) и привлеченных корреспондентов, сотрудниками Буручка проводилось изучение истории, культуры, религий, быта. Одной из ключевых задач Буручка стало всестороннее изучение Бурятии и Монголо-Тибетского Востока [ГАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10]. Основными направлениями историко-археологических исследований стали: происхождение бурятского народа, экономическое развитие и классовые отношения в бурятском обществе в XVIII–XIX вв., история бурятского казачьего

войска, золотопромышленность Западного Забайкалья в 1840–1880-е гг., народное образование в Прибайкалье в XIX в., революционное движение 1905–1917 гг., а также исследование археологических памятников Предбайкалья и Забайкалья [Балдано, Кириченко, 2022, с. 187]. 1920-е гг. стали периодом интенсивного накопления фактического материала.

В 1924 г. было открыто Бурят-Монгольское научное общество им. Доржи Банзарова, перед которым были поставлены задачи организации краеведческой работы, проведения научных экспедиций, содействия экономическому и культурно-социальному развитию БМАССР, охраны памятников природы, истории и искусства, пропаганды научных знаний. В марте 1925 г. была образована историко-этнографическая секция, составлявшая вместе с физико-географической и экономической секциями основные структурные подразделения общества. Председателем секции был избран Б. Б. Барадин, заместителем председателя – В. П. Гирченко, секретарем – Ф. А. Кудрявцев. Научным обществом в рамках имеющихся финансовых возможностей была организована экспедиционная деятельность, направленная на изучение археологии и этнографии края. С 1925 г. началось издание бюллетеня общества под названием «Бурятиеведение», где наряду со статьями и отчетами публиковались программы, инструкции и методические рекомендации по организации краеведческой работы в аймаках БМАССР.

Активное изучение истории и этнографии края проводилось Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского географического общества, Троицкосавско-Кяхтинским и Прибайкальским (в октябре 1923 г. реорганизованный в Бурят-Монгольский) краевыми музеями, где была организована интенсивная работа по сбору предметов быта, народного ремесла и искусства и проведению этнографических и археологических исследований.

Сотрудниками Антирелигиозного музея изучалась древняя история края посредством организации небольших раскопок и сбора археологического материала, а также формировались коллекции по истории религии, представленные предметами ламаистского и шаманского религиозных культов, рукописями, ксилографами и документами по истории ламаизма и православия в Забайкалье [Мохосоев, Мантатов, 1982, с. 24].

В этот же момент была заложена основа для полноценной научной работы с архивными источниками. С образованием республики было учреждено Центральное архивное управление (ЦАУ). Спустя год при ЦАУ была образована политическая секция, переименованная в «Архив октябрьской революции». К 1928 г. после ликвидации и восстановления Архивное управление при ЦИК БМАССР обрело следующую структуру: Исторический архив с национальным отделом, Архив Октябрьской революции с архивом профсоюзного движения, Секретный отдел и Научно-справочная библиотека [Лыскокова, 1999, с. 13–14].

В 1926 г. по ходатайству Бурят-Монгольской АССР на педагогическом факультете Иркутского госуниверситета было открыто бурят-монгольское отделение, где проходила подготовка высококвалифицированных кадров по истории, русскому и родному языкам и литературе для школ и техникумов республики. Студенты бурят-монгольского отделения принимали активное участие в деятельности бурят-монгольской секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, где проводились исследования в области изучения этнографии, хозяйства и быта бурят. 10 февраля 1932 г. в БМАССР открылся Бурят-Монгольский агропедагогический институт. Историческая наука в структуре института была представлена историко-экономическим отделением [Номогоева, Иванова, 2022, с. 18].

Становление исторической науки Бурят-Монголии в 1920-е гг. проходило в условиях формирования новой научной и идеологической концепции и было нацелено на решение

комплекса задач, включая обоснование социалистических преобразований, национально-культурное строительство, хозяйственное развитие, вовлечение широких народных масс в краеведческую работу и разработку правильного политического подхода к формированию мировоззрения народов Востока. Деятельность научных и образовательных организаций, музеев и архивов способствовала развитию исторического знания.

Литература:

- Базаров Б. В., Плеханова А. М. Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929 гг.): этапы становления и организация первых научных исследований // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 697–709.
- Балдано М. Н., Кириченко С. В. Отдел истории, этнологии и социологии: от истоков до наших дней // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2022. № 1 (45). С. 187–194.
- Козьмин Н. Н. Задачи и формы краеведческой работы // *Бурятиеведение*. 1925. № 1. С. 3–5.
- Лыксокова В. Ц. История организации и развития архивного дела в Республике Бурятия (60-е годы XIX в. – 1991 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1999. 19 с.
- Мохосоев М. В., Мантатов В. В. Основные этапы и итоги исследования истории Бурятии // *Развитие науки в Бурятии*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. С. 5–68.
- Номогоева В. В., Иванова Л. Б. Бурятский государственный университет: история и современность. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. 192 с.
- Хадалов П. И. Деятельность Института культуры за 35 лет // *К 35-летию Института культуры*. Улан-Удэ, 1958. С. 3–56.

Кузьмин Юрий Васильевич

доктор исторических наук

Байкальский государственный университет

Иркутск, Российская Федерация

kuzminuv@yandex.ru

ПРОФЕССОР Н. Н. КОЗЬМИН В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОЗДАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРУКТУР И РАЗВИТИЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ¹

Профессор Н. Н. Козьмин принял активное участие в формировании экономических структур Бурят-Монгольской Республики. Создание общества имени Д. Банзарова, научных журналов, образование Бурятского пединститута, научное изучение экономики, природных ресурсов Республики – сфера административной и научной деятельности Н. Н. Козьмина в Бурятии.

Ключевые слова: Н. Н. Козьмин; экономические организации; планирование; научные общества.

Kuzmin Yuri Vasilyevich

Doctor of Sciences in History

Baikal State University

Irkutsk, Russian Federation

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-59-44008 Монг_а «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

PROFESSOR N.N. KOZMIN IN THE BURYAT-MONGOLIAN REPUBLIC: CREATION OF ECONOMIC STRUCTURES AND DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION

Professor N. N. Kozmin took an active part in the formation of the economic structures of the Buryat-Mongolian Republic. Creation of the D. Banzarov Society, scientific journals, education of the Buryat Pedagogical Institute, scientific study of the economy, natural resources of the Republic are the sphere of administrative and scientific activity of N. N. Kozmin in Buryatia.

Keywords: N. N. Kozmin; economic organization; planning; scientific societies.

Создание Бурят-Монгольской Республики в 1923 г. – важное историческое событие в истории бурятского народа, оформление национальной государственности, давно готовящейся и ожидаемой политической и интеллектуальной элитой древнего народа Сибири. Формирование государственных структур молодого национального государства, систем государственного и общественного управления, создание системы образования, науки, медицины и культуры – сложный процесс, требующий профессиональных кадров. В создании Бурят-Монгольской Республики активное участие приняли профессиональные бурятские революционеры – участники революций и революционного движения в Сибири, организаторы и участники монгольской революции 1921 г. Их практический опыт создания партийных, государственных и общественных организаций и силовых структур был полностью востребован и использован в создании молодой Бурят-Монгольской Республики. В сложном процессе формирования экономических, плановых структур республики были необходимы знания и практический опыт сибирской интеллигенции: преподавателей, журналистов, научных работников Восточной Сибири и Байкальского региона.

Николай Николаевич Козьмин (1872–1938 гг.) – сибирский общественный деятель, областник позднего этапа его развития, один из активных ученых географического и исторического изучения Восточной Сибири, руководитель ВСОРГО. Н. Н. Козьмин в 1896 г. окончил Санкт-Петербургский университет и являлся одним из первых историков Сибири, выходцем из этого региона, автором фундаментальных трудов по новой истории Сибири, ее экономического и хозяйственного освоения в XVII–XIX вв. Его выпускное исследование «Организация служилого продовольствия в Сибири XVII в.», которое сам автор высоко ценил и позднее сожалел, что не издал его полностью [Кузьмин, 2006, с. 10]. Частично материалы были изданы в его книге «Очерки прошлого и настоящего Сибири». Вернувшись в Иркутск, Н. Н. Козьмин устроился работать землеустроителем, что позволило ему вместе с основной работой в Иркутской губернии и Минусинском крае собрать обширный материал по археологии, этнографии, топонимике и истории Сибири, опубликовать значительное число научных статей. В 1903–1906 гг. Н. Н. Козьмин был правителем ВСОРГО, плодотворно изучал этнографию и историю коренных народов Сибири: бурят, якутов, эвенков, хакасов, тувинцев [Свинин, 1994].

Историк, экономист, журналист, организатор научного изучения Сибири Н. Н. Козьмин, имел значительный практический опыт занятий межеванием земель в Восточной Сибири, был членом правительства Сибирского правительства (заместитель министра земледелия), редактор ряда газет и журналов в Харбине. Кроме того, Н. Н. Козьмин имел хорошие отношения с бурятскими учеными, общественными деятелями, как специалист по истории бурят, этногенезу монгольских народов, хозяйственному освоению русскими крестьянами Сибири, взаимоотношению русских и бурят.

Н. Н. Козьмин был подготовлен теоретически и имел значительный практический опыт организации в области земельных отношений и научной деятельности, поэтому был

приглашен в государственные и научные организации и сыграл значительную роль в этих сферах в Бурятии в 1923–1938 гг., особенно на раннем этапе создания Бурят-Монгольской Республики. Профессор Н. Н. Козьмин принял активное участие в формировании экономических структур республики. Создание общества имени Д. Банзарова, научных журналов, образование Бурятского пединститута, научное изучение экономики, природных ресурсов республики: сфера административной и научной деятельности Н. Н. Козьмина в Бурятии [Кузьмин, 2021, с. 172–173].

В 1922 г. Н. Н. Козьмин по приглашению Правительства Бурятии приезжает в Улан-Удэ на должность консультанта по экономическим вопросам в Наркомземе и Госплане БМАССР, а затем он становится заместителем председателя Госплана и ближайшим помощником Н. М. Ербанова. Необходимо отметить, что в автобиографии Н. Н. Козьмин пишет, что «в 1922 г. был приглашен на работу в Бурят-Монгольскую автономную республику Д. В., в Читу в качестве консультанта по экономическим вопросам» [Кузьмин, 2006, с. 12]. Поэтому уже в 1923 г. были подготовлены квалифицированные Записки по экономическим вопросам и районированию республики [Козьмин, 1924].

Н. Н. Козьмин много сил и энергии отдал Бурятии: являлся заместителем председателя Госплана, заместителем народного комиссара земледелия, председателем секции по районированию, членом Ученого комитета при Народном комиссариате просвещения, заместителем председателя комиссии по разработке положения о землеустройстве, членом комиссии по установлению границ с Иркутской губернией и Дальневосточной областью. Ему очень пригодился прошлый опыт межевания земель, но на более высоком уровне. Будучи членом комиссии по проектированию границ Бурят-Монгольской Автономной Республики, он, фактически, стал одним из ее основателей. Его роль в решении границ республики, районирования до сих пор слабо изучена в современной историографии [У истоков федерализма, с. 153–165]. Поразительна высокая компетентность Н. Н. Козьмина в земельных и экономических вопросах Бурятии, что нашло отражение в его служебных записках. Успешно он занимался проблемами образования и науки Бурятии, формированием книжного фонда Комитета наук, научных и образовательных структур. Обосновывал вопросы создания национального музея, библиотеки, педтехникума, пединститута и университета в республике, создания делового бурятского языка, делал реальные шаги в этом направлении.

Н. Н. Козьмин активно занимается научной работой по изучению минеральных и природных ресурсов Бурятии, их размещения, освоения и введения в экономической оборот республики. Он стоит у истоков создания и работы научного общества имени Доржи Банзарова [Бурят-Монгольский Ученый Комитет, с. 88–92], становится председателем экономической секции, заместителем председателя Бурят-Монгольского научного общества имени Д. Банзарова. Значительное число публикаций посвящено проблемам экономики Бурятии: районированию, развитию транспорта, промышленности, имеющие практическую значимость. Одновременно он плодотворно занимается вопросами истории, этнографии и культуры Бурятии: историей декабристов, этногенеза бурят и монголов, публикует и редактирует работы коллег (Богданов, Серебренников, Барадин). В журналах Бурятии постоянно издаются его научные статьи, посвященные самым разнообразным проблемам истории, экономики, географии и этнографии. С 1925 года (избран в 1923 г.) Н. Н. Козьмин становится профессором Иркутского государственного университета (кафедра истории Сибири, кафедра и кабинет монголо-бурятской истории, кафедра краеведения), но продолжает успешно заниматься делами в Республике Бурятия. По обращению Совнаркома для «выполнения срочных работ по ответственным должностям» он оставлен в Бурят-

Монголии еще на год. В 1924 г. Н. Н. Козьмин был председателем Госплана. Только с февраля 1925 г. Н. Н. Козьмину удалось приступить к преподаванию курса по истории Сибири на педагогическом факультете Иркутского университета. Н. Н. Козьмин также работал директором Иркутского государственного областного музея в 1927–1928 гг., где систематизировал материалы фондов, работал в местных отделениях РГО и Общества краеведов, написал научные труды по различным вопросам науки: истории, этнологии, экономики, географии, краеведения.

Профессор Н. Н. Козьмин принял активное участие в дискуссии 1934 г. в Бурятии по сложным проблемам истории бурятского народа, его этногенеза, родословных, исторического развития в новое время. Вопросы монгольского феодализма, его экономические основы длительное время занимали Н. Н. Козьмина, была опубликована книга «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (1934 г.), вызвавшая бурную дискуссию в советской исторической науке. Комитет наук Бурятии также был постоянным предметом его интересов и внимания. Сохранились документы и записки Н. Н. Козьмина, посвященные становлению, развитию и оптимизации научных исследований в Бурятии [Лыксокова, 2017].

Творческая биография профессора Н. Н. Козьмина нуждается в специальном монографическом исследовании. В российской историографии представлены пока только статьи М. Б. Шейнфельда, А. М. Решетова, В. В. Свирина, Ю. В. Кузьмина, В. А. Харитоновой, М. А. Харитоновой, Д. Я. Майдачевского, А. М. Курышова, В. Ц. Лыксоковой, тема заслуживает дальнейшего тщательного изучения, публикации документов и материалов по теме. В 2002 и 2022 гг. в БГУ (Иркутск) были проведены научные конференции, посвященные научному наследию Н. Н. Козьмина, его 130 и 150-летию со дня рождения [Кузьмин, 2002].

Литература:

Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929) / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. С. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 235 с.

Козьмин Н. Н. Бурятия в географическом и экономическом отношении. Верхнеудинск, 1924. 33 с.

Кузьмин Ю. В. Профессор Н. Н. Козьмин: историк и экономист: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. 68 с.

Кузьмин Ю. В. Российские исследователи Монголии. Библиографический словарь. Иркутск: Изд-во БГУ, 2021. 397 с.

Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Профессор Н. Н. Козьмин: историк, экономист и общественный деятель (1872–1938) // Первые востоковедческие чтения ИГАЭ: к 130-летию со дня рождения Н. Н. Козьмина. Иркутск, 2002. С. 4–14.

Лыксокова В. Ц., Базарова Г. Д. «Бурятский период» работы Н. Н. Козьмина (К 145-летию со дня рождения) // Мир Центральной Азии-4: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 242–245.

Свинин В. В. Профессор Н. Н. Козьмин – ученый и общественный деятель // Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1994. С. 216–219.

У истоков федерализма: история представительства Бурят-Монгольской АССР во ВЦИК РСФСР в документах Государственного архива Республики Бурятия. К столетию Республики Бурятия: [сб. документов, перечень документов] / авторы-сост.: Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас, Е. Ю. Шаповал. Иркутск: «Оттиск», 2022. 540 с.

Эрдынеева Снежана Эдуардовна
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Улан-Удэ, Российская Федерация
Snezhanaerdyneeva@yandex.ru

**СТЕНОГРАММЫ ОБСУЖДЕНИЙ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
«ИСТОРИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

В публикации представлен обзор исторических источников, связанных с созданием первого коллективного труда, посвященного истории Бурят-Монгольской АССР. Источниками послужили стенограммы заседаний по обсуждению издания первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР», хранящиеся в общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Дискуссии по изданию первого тома состоялись в 1952 и 1954 гг. в г. Улан-Удэ и г. Иркутске. Изучение стенограмм по обсуждению издания первого тома позволяет получить более полное и детальное представление о процессе подготовки научного издания.

Ключевые слова: исторический источник; стенограмма; история; Бурят-Монгольская АССР.

Erdyneeva Snezhana Eduardovna
East Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russian Federation

**TRANSCRIPTS OF DISCUSSIONS OF THE FIRST EDITION OF THE HISTORY
OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR AS A HISTORICAL SOURCE**

The publication provides an overview of historical sources related to the creation of the first collective work devoted to the history of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. The sources were transcripts of meetings to discuss the publication of the first volume of the History of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, stored in the general archival fund of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the IMBT SB RAS. Discussions on the publication of the first volume took place in 1952 and 1954 in Ulan-Ude and Irkutsk. The study of transcripts to discuss the publication of the first volume provides a more complete and detailed idea of the process of preparing a scientific publication.

Keywords: historical source; transcript; history; Buryat-Mongolian ASSR.

В советский период в делопроизводстве распространенной формой становится особый вид организационно-распорядительной документации – стенограммы заседаний. Это последовательная, наиболее полная запись (особенно при соответствующих технических средствах) всего, что происходит на заседаниях – хода обсуждения вопросов и процесса выработки решений. Комплекс стенограмм различных заседаний, отложившийся в делопроизводственных системах государственных и общественных организаций сегодня довольно широко вовлечен в научную практику и изучен как исторический источник [Русина, 2015, с. 44]

Стенограммы советского периода имеют ряд особенностей. Качество стенограммы зависит от квалификации стенографисток и технического состояния записывающей аппаратуры; случаются и искажения. После расшифровки выступающие просматривали запись своего выступления и устраняли неточности, однако нередко осуществляли и конъюнктурную правку текста. Таким образом, при наличии в архиве правленной и

неправленной стенограммы возникает возможность сравнить оба варианта, чтобы выяснить содержание внесенной правки. Некоторые стенограммы публикуются. Фактически появляется третий вариант, ибо публикуемая редакция не всегда адекватна выправленному и подписанному оратором тексту. Над стенограммой, предназначенной для публикации, ведется еще дополнительная работа, во-первых, самого выступавшего, во-вторых, сотрудников издательства. Причем зачастую правка делается не столько стилистическая, сколько сущностная.

В большинстве случаев стенограммы привлекаются исследователями в качестве источников при изучении политической истории. Однако в нашем распоряжении есть интересный блок документов, раскрывающий один из важных и сложных моментов в истории как науки Бурятии, так и самой республики. Речь идет о подготовке первого фундаментального издания «История Бурят-Монгольской АССР» (в двух томах). Первый том был посвящен периоду с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, второй – истории Бурят-Монголии в эпоху Великой Октябрьской социалистической революции и строительство социализма в СССР. Острые дискуссии, происходившие при обсуждении подготовки издания «Истории Бурят-Монгольской АССР», зафиксировали стенограммы заседаний, проходивших в г. Улан-Удэ и г. Иркутск в 1952 г. В Общем архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН сохранились черновики стенограмм обсуждений [Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК ИМБТ СО РАН). ОАФ. Инв. № 1674].

Согласно документам, заседания проходили в 1952 г. в г. Улан-Удэ и г. Иркутск; в 1954 г. в г. Улан-Удэ. В 1952 г. в Улан-Удэ состоялось 2 заседания, проведенные Бурят-Монгольским обкомом ВКП(б) 27 января и 7 марта 1952 г., на которых присутствовали научные работники, представители партийных и общественных организаций. Текст стенограммы напечатан на 147 листах машинописью. В тексте стенограммы присутствуют исправления, выполненные шариковой ручкой. Определить общее количество присутствовавших на обсуждениях не представляется возможным, но согласно записям стенограмм, на заседаниях 27 января и 7 марта 1952 г. выступало по 16 человек. Среди них: директор Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры П. И. Хадалов, кандидаты исторических наук Н. Д. Шулунов, И. А. Асалханов, П. Т. Хаптаев, кандидат юридических наук А. А. Бартанова, старший научный сотрудник краеведческого музея Ф. М. Шулунов, кандидат исторических наук В. Х. Хомхолов, заведующий кафедрой экономических наук Областной партийной школы Ф. И. Аксенов, кандидат педагогических наук А. Д. Панчуков, старший преподаватель политэкономики Бурят-Монгольского Зооветинститута М. А. Могордоев, преподаватель по экономике сельского хозяйства Бурят-Монгольского Зооветеринарного института П. И. Малахинов, преподаватель Бурят-Монгольского государственного педагогического института Г. П. Бельгаев, заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма Педагогического института им. Д. Банзарова П. П. Тышкилов, кандидат исторических наук П. Н. Матханов, преподаватель Областной партийной школы, кандидат исторических наук А. С. Кузнецкий, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Зооветеринарного института В. И. Шатилов.

Заседания в марте и апреле 1952 г. были организованы в г. Иркутске, Иркутским обкомом ВКП(б). Первое заседание состоялось 12 марта 1952 г., второе – 23 апреля 1952 г. и третье – 26 апреля 1952 г. Машинописный текст стенограммы напечатан на 83 листах [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Инв. №1673]. В тексте первого заседания закреплён конспект выступления доктора экономических наук В. Н. Шерстобоева. Также, согласно аннотации первого заседания, участники выслушали выступление одного из авторов книги Ф. А. Кудрявцева. Определить общее количество участников заседания не удалось, но подтверждается присутствие доктора исторических наук В. И. Дулова, кандидата

исторических наук А. М. Гудошников, преподавателя пединститута Ф. Р. Коняева, заведующего отделом науки и вузов Иркутского обкома ВКП(б) И. Е. Макарова, старшего преподавателя Иркутского госуниверситета П. П. Хороших, доктора исторических наук В. И. Дулова, преподавателя Иркутского госуниверситета С. Ф. Коваль, кандидата исторических наук Ф. А. Кудрявцева, директор Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры П. И. Хадалова.

Одновременной материал для сравнительных исследований авторского видения истории Бурятии дает еще один источник, выпущенный Бурят-Монгольским институтом культуры на правах рукописи в 1952 г.: «Совещание по вопросам истории Бурят-Монголии при Институте истории Академии наук СССР». В нем содержатся тезисы докладов Ф. А. Кудрявцева, А. П. Окладникова, Г. Н. Румянцева, И. А. Асалханова, Н. Д. Шулунова.

Интересно, что помимо черновиков стенограмм заседаний, в общем архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН сохранился рукописная расшифровка стенограммы Совещания по обсуждению рукописи 2 издания I тома «Истории БМАССР» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Инв. №1726], состоявшегося 9–10 февраля 1954 г. в г. Улан-Удэ. Рукопись помещена в тетради в линию на 64 листах. Вероятно, проверка текста и внесение правок в подлинник стенограммы не выполнялись – об этом свидетельствуют пропуски в тексте и отсутствие в нем пометок.

Изученный комплекс исторических источников позволяет зафиксировать круг дискуссионных проблем, обозначившихся при подготовке первого для Бурят-Монголии фундаментального научного исторического труда, основных участников и их точки зрения, замечания и аргументы. Стенограммы обсуждений во многом объясняют сформированные методологические установки, ставшие основополагающими при написании монографии, и не всегда соответствующие современным представлениям.

Литература:

Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России: [учеб. пособие] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.

Куперитох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
nataly.kuper@gmail.com

АКАДЕМИК Н. Л. ДОБРЕЦОВ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ¹

Академик Н. Л. Добрецов в 1980-е гг. внес существенный вклад в развитие науки республики. Бурятский филиал преобразован в Бурятский научный центр СО АН СССР. В Геологическом институте усилены фундаментальные исследования и разработаны новые методы обоснования прогнозов на поиск стратегического сырья.

Ключевые слова: Бурятский научный центр; Геологический институт; академик Н. Л. Добрецов.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИИ СО РАН (проект «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX – начала XXI вв.», № 0261-2021-0003).

ACADEMICIAN N. L. DOBRETSOV AND HIS CONTRIBUTION TO DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Academician N. L. Dobretsov in the 1980s made a significant contribution to the development of science in the republic. The Buryat Branch was reorganized into the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Fundamental research has been strengthened at the Geological Institute and new methods have been developed to substantiate forecasts for the search for strategic raw materials.

Keywords: Buryat Research Center; Geological Institute; Academician N. L. Dobretsov.

Научное наследие основателей и руководителей институтов и научных центров Сибирского отделения РАН – актуальный ресурс современной культуры, который нуждается во всестороннем изучении и освоении. Одним из элементов научного наследия являются именные институты региона в Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске, Якутске [Куперштох, Крайнева, 2022, с. 294]. Недавно в этом перечне (2021) появился Геологический институт (ГИН) им. Н. Л. Добрецова в Улан-Удэ. В биографии Николая Леонтьевича Добрецова (1936–2020) период работы в Улан-Удэ занимает особое место. В 1980-е гг. директор ГИН Добрецов усилил теоретические исследования, на основе которых разработаны новые методы обоснования прогнозов на поиск стратегического сырья. Как руководитель Бурятского филиала он способствовал его реорганизации в Бурятский научный центр СО АН СССР.

Историографический контент проблемы представлен трудами по истории науки в Сибири, биографическими исследованиями о лидерах академической науки. Источниковая база, помимо архивных документов, включает справочные издания о персоналиях, воспоминания участников событий, отчеты научных учреждений.

Какие обстоятельства привели Добрецова в Бурятию? Объяснение следует искать в истории сибирской геологии. Организацию (1973) и развитие Геологического института в Улан-Удэ курировал академик А. А. Трофимук, директор Института геологии и геофизики (ИГиГ) в Новосибирске. Трофимук отвечал в СО АН СССР за назначение руководящих кадров институтов геологического профиля. Первый директор ГИН Ф. П. Кренделев прибыл из новосибирского ИГиГ с группой сотрудников (первым «научным десантом»), укрепив кадровый состав выпускниками вузов Ленинграда и Иркутска, специалистами отраслевых институтов.

Институт успешно справлялся с плановыми темами, предлагал к развитию новые перспективные направления. Бурятский обком КПСС представил в ЦК свои предложения о развитии института [Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 69. Д. 524. Л. 62–63]. Директору Кренделеву такое вмешательство пришлось не по нраву. Чтобы сгладить конфликт, председатель СО АН СССР академик Г. И. Марчук поручил Трофимуку определить кандидатуру нового директора ГИН, а Кренделева направить в Читу с целью организации Института природных ресурсов.

В начале 1980 г. Трофимук предложил возглавить ГИН Николаю Добрецову. После окончания Ленинградского горного института (1957) и работы в экспедиции на Алтае он по совету своего деда, известного ученого Н. Г. Келля, встретился с академиком В. С. Соболевым и получил приглашение на работу в ИГиГ [Академическая когорта, 2011, с. 138]. Под руководством Соболева Добрецов защитил кандидатскую и докторскую диссертации и в начале 1970-х гг. решил попробовать силы в новом Институте тектоники и геофизики в Хабаровске под руководством академика Ю. А. Косыгина [Добрецов, 2002, с. 83–84]. Однако

ожидания молодого ученого относительно перспектив развития интересных для него направлений не оправдались. Он вернулся в ИГиГ, возглавив лабораторию метаморфических формаций и уделив внимание проблемам общей геологической теории и геотектоники.

В 1980 г. Трофимук лично представил директора Добрецова, избранного Общим собранием СО АН, коллективу ГИН и дал несколько советов: директор, прежде всего, должен руководить Ученым советом института и все вопросы решать через Ученый совет; демократия в институте быть должна, но не должно быть разгула демократии [Добрецов, 2002, с. 86]. Вместе с Добрецовым в Улан-Удэ приехала группа сотрудников из Новосибирска (второй «научный десант»). Большую помощь Добрецову оказал председатель президиума Бурятского филиала СО АН М. В. Мохосоев, который «помогал и обжиться на новом месте, и наладить дела в институте» [Из российской глубинки, 2003, с. 147].

В 1980–1988 гг. Добрецову удалось поставить исследования института на мировой уровень: формировались современные представления тектоники и геодинамики, появились фундаментальные работы по палеогеодинамическим реконструкциям Забайкалья и Восточного Саяна, получили развитие гидрогеологическое и радиогеохимическое направления, в том числе метод радиоизотопных индикаторов, что позволило провести первый в Бурятии Международный симпозиум по автордиографии (1988). В сотрудничестве с отраслевыми институтами разработаны новые методы обоснования прогнозов на поиск стратегического сырья – золота, платины, руд редких металлов [Куперштох, 2006, с. 38–39]. Произошел заметный рост числа квалифицированных сотрудников – докторов и кандидатов наук.

Избрание Добрецова членом-корреспондентом АН СССР (1984), а затем академиком (1987) означало признание научным сообществом не только его собственных научных результатов, но также значимых результатов руководимого им института. В 1985 г. ГИН был награжден переходящим Красным знаменем, которое коллективу вручил председатель СО АН академик В. А. Коптюг. После отъезда Добрецова в Новосибирск институт возглавляли д-ра геол.-минер. наук Э. Г. Конников, А. Г. Миронов, канд. геол.-минер. наук Г. И. Татьков, на современном этапе им руководит д-р геол.-минер. наук А. А. Цыганков. На сайте Геологического института им. Н. Л. Добрецова СО РАН [URL: <http://geo.stbur.ru/index.php?pg>] представлены основные направления его деятельности в современный период. Особо подчеркнуты уникальные возможности института: с помощью локальной сети сейсмостанций он осуществляет геофизический мониторинг Байкальского региона.

В 1987–1988 гг. Добрецов являлся руководителем всего сегмента СО АН СССР в Бурятии. После отставки председателя президиума Бурятского филиала чл.-к. АН СССР М. В. Мохосоева (1987) руководство Сибирского отделения рекомендовало на этот пост Добрецова, поскольку связывало с ним реализацию постановления «О перспективах развития Бурятского филиала СО АН СССР на период до 2000 г.» (апрель 1987). Дальнейшим шагом по укреплению науки республики стало преобразование Бурятского филиала (в его составе действовали четыре института и отдел социально-экономических исследований) в Бурятский научный центр (БНЦ) с полномочиями основного координатора научных исследований в регионе (1988).

Во второй половине 1980-х гг. ученые БНЦ выполняли ряд важных программ, одобренных Госкомитетом по науке и технике при СМ СССР, включились в реализацию программы «Сибирь». Основные направления международного сотрудничества дополнили контакты с учеными Швейцарии, Венгрии, Вьетнама, Лаоса, других стран. БНЦ выступал организатором не только всесоюзных, но и международных конференций, а результаты ученых становились неотъемлемой частью экспозиций о достижениях сибирской науки на международных и всесоюзных выставках.

В 1988 г. академик Добрецов вернулся в Новосибирск, чтобы сменить на посту директора ИГиГ академика Трофимука. Научно-организационный потенциал Добрецова во всей полноте раскрылся на посту первого заместителя председателя (1990–1997), а затем председателя СО РАН / вице-президента РАН (1997–2008). На протяжении всей жизни

академик Добрецов поддерживал научные и дружеские связи с учеными Бурятии, содействовал развитию новых научных направлений в статусе председателя СО РАН. Преемники Добрецова на посту руководителя БНЦ профессор В. Ц. Найдаков, чл.-к. РАН И. В. Гордиенко, академик РАН Б. В. Базаров, канд. ист. наук Г. Д. Базарова проводили и проводят политику на дальнейшее развитие научного потенциала Республики Бурятия в направлении создания новых институтов, подготовки кадров, интеграции с образовательным комплексом региона.

Министр науки и образования России В. Н. Фальков во время визита в Республику Бурятия (февраль 2023) выделил три основные точки роста: развитие медицинской школы с опорой на лучшие медицинские вузы страны, подготовку инженерно-технических кадров для промышленных предприятий региона, встраивание социально-гуманитарного аспекта в новые программы научно-технологического развития [URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/64174/>]. Визит министра показал, что современное научно-образовательное сообщество ученых республики, которое постепенно формировалось с участием академических лидеров Сибири, способно решать самые актуальные задачи в интересах развития фундаментальной науки, подготовки квалифицированных специалистов, реализации современных научно-технологических проектов.

Литература:

- Академическая когорта Института геологии и геофизики СО (АН СССР – РАН). Новосибирск: ИНГГ СО РАН, 2011. 237 с.
- Добрецов Н. Л. Роль А. А. Трофимука в моей жизни // Главный геолог. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. С. 83–88.
- Из российской глубинки – в науку: научная династия Келлей – Добрецовых. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 160 с.
- Куперштох Н. А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Академич. изд-во «Гео», 2006. 441 с.
- Куперштох, Н., Крайнева, И. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск: СО РАН, 2022. 320 с.

***Базарова Галина Дашиевна**
кандидат исторических наук
Бурятский научный центр СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
gdbazarova@mail.ru*

***Кузнецова Наталья Александровна**
кандидат исторических наук
Бурятский научный центр СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
n.kuznetsova@pres.bsnet.ru*

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БНЦ СО РАН¹

В статье представлена краткая история развития международных научных связей в БНЦ СО РАН, перечислены основные научные события, рассмотрена перспектива развития двусторонних международных соглашений с учетом новых приоритетов в геополитике, а также инструменты реализации партнерства в области науки.

Ключевые слова: наука; образование; международное сотрудничество; Бурятский научный центр.

¹ При подготовке использованы материалы отчетов БНЦ СО РАН по международным связям за 2009–2022 гг.

Bazarova Galina Dashievna
Candidate of Sciences in History
Buryat Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

Kuznetsova Natalia Alexandrovna
Candidate of Sciences in History
Buryat Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

HISTORY OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE BSC SB RAS

The article presents a brief history of international scientific relations and its main scientific events in the BSC. Besides, the prospects for the development of bilateral international agreements are regarded in the light of new priorities in the geopolitics and the partnership implementation tools in the scientific field are suggested.

Keywords: science; education; international cooperation; Buryat Scientific Center.

История развития международного сотрудничества в нашем регионе связана в целом со становлением государственности. В первые годы существования молодой республики культурные и научные связи с другими государствами, как и в целом по стране, были нарушены и были незначительными, но постепенно они активизировались. Особенно значительное развитие научные связи получили после Великой Отечественной войны.

Для Бурятии это было время больших организационных мероприятий в сфере научного строительства. В созданном в 1958 г. Бурятском комплексном научно-исследовательском институте последовательно началась работа с международными партнерами. На новый уровень вышло международное сотрудничество в созданном в 1966 г. Бурятском научном центре СО АН СССР. Учитывая азиатскую тематику исследований, сотрудничество стало устанавливаться, прежде всего, со странами азиатско-тихоокеанского региона. Так, в 1967 г. состоялся визит делегации Международной академии индийской культуры, возглавляемой профессором Л. Чандра [Научный архив БНЦ СО РАН (НА БНЦ СО РАН). Ф. 3. Оп. 4. Д. 18. Л. 40], а в сентябре филиал посетил президент АН МНР академик Б. Ширэндыб. Отдельно стоит отметить и визит делегации из индийского княжества Сикким, возглавляемой великой княгиней Махарани Гьял-юм и директором Намчжалского института тибетологии проф. Нирман Сингхом [Там же, Л. 40–41].

С 1968 г. тематика контактов значительно расширилась и к гуманитарным добавились и естественнонаучные направления, так в августе профессор О. В. Макеев принял участие в работе международного конгресса почвоведов в Австралии и выступил с докладом «Микроэлементы в почвах Сибири и Дальнего Востока и их роль в питании растений» [Там же, Д. 32. Л. 132]. С середины 1970 гг. осуществлялось международное сотрудничество БИОН, ГИН с учеными Монгольской, Болгарской, Польской Народных Республик [Там же, Д. 150. Л. 82].

В 1980-е гг. основные направления научных связей и сотрудничества с академическими и другими учреждениями социалистических стран разрабатывались БФ СО АН СССР по двустороннему сотрудничеству АН СССР, АН МНР, Болгарской академией наук, по следующим проблемам: высокомолекулярные соединения, геосинклинальный процесс и становление земной коры, идентификация лекарственных растений из арсенала тибетской медицины, исследование радиометеоусловий и особенностей распространения

УКВ в климатических условиях Монголии и разработка методов анализа элементного состава веществ, исследование молибдатов и вольфраматов IV группы периодической системы [Там же, Д. 505а. Л. 3].

В 1982 г. по плану эквивалентного обмена АН СССР и АН социалистических стран были приняты ученые: С. Шинкевич (ПНР), Л. Беше (ВНР) – в ИОН, Х. Лунк (ГДР) – в ИЕН, З. Балла (ВНР) – в ГИН [Там же, Д. 461. Л. 10].

Научные сотрудники также принимали участие в выставках: «Традиционное искусство бурят в XIX–XX вв.» в 1987 г. во Франции [Там же, Д. 539. Л. 15], «Советская Бурятия» в Саппоро (Япония), «Бурятская АССР в братской семье народов СССР» в Дамаске, «Сибирь и наука» в Будапеште (ВНР) [Там же, Д. 604. Л. 12], «Информатика-90» в Болгарии [Там же, Д. 690. Л. 7].

В 1990 г. для участия в работе различных международных научных мероприятий, ведения совместных научных исследований за рубеж выезжало более 150 сотрудников. Президиум и институты приняли 236 гостей и ученых из США, ФРГ, Индии, Японии, Италии, Австралии, Великобритании, КНР, МНР, Польши, Венгрии, Канады, Дании, Южной Кореи, Таиланда и с Филиппин [Там же, Д. 1291. Л. 8].

В 2000-х гг. институтами БНЦ проведено большое количество международных мероприятий, сотрудники выезжали на стажировки в зарубежные страны, выполнялись совместные научные работы. 20–26 октября 2007 г. проведены Дни сибирской науки в Монголии, посвященные 50-летию СО РАН. Председатель Президиума БНЦ, чл.-корр. РАН Б. В. Базаров выступил с докладом перед монгольской научной общественностью [Там же, Д. 1074, Л. 5].

С 2009 по 2022 гг. состоялось более 100 международных научных мероприятий и официальных визитов, в том числе в 2012 г. БНЦ СО РАН с официальным визитом посетил генеральный консул ФРГ в Новосибирске господин Н. Хёфер-Виссинг. В 2014 г. в рамках развития двустороннего сотрудничества между г. Улан-Удэ и г. Дарханом состоялся визит делегации вузов города Дархан («Дархан Дээд», «Мандах Бүртгэл», «Хүмүүнлэг», ПТУ «Дархан Өргөө», Монголия) и визит консула по науке и технике Генерального консульства КНР в г. Иркутске Ли Цинвэя.

В 2018 г. в рамках 22-го заседания Межгосударственного совета по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах (мероприятие организовано Правительством РБ) состоялся визит делегации Республики Беларусь и представителей Республики Казахстан в БНЦ.

Рабочая российско-китайская встреча по обсуждению вопросов сотрудничества по проблемам реализации фундаментальных и прикладных разработок в институтах СО РАН с участием консула по науке и технике Генерального консульства КНР в г. Иркутске Ли Цинвэя и консула по образованию Генерального консульства КНР в г. Иркутске Чжан Сяодуна состоялась в БНЦ 13.06.2018 г.

Все это время сотрудничество в сфере науки и образования со странами Центральной Азии является одним из приоритетов в деятельности академических учреждений Республики Бурятия. Научные связи академических учреждений Сибирского отделения РАН в Республике Бурятия со странами Центральной Азии на протяжении всей истории вполне закономерны в силу нескольких причин: геополитического положения, исторически установленных взаимоотношений научной общественности нашей республики с коллегами из стран Азии, общностью рассматриваемых проблем и т.д. Все это можно объединить в термин «академическая интеграция».

На современном этапе идея региональной академической интеграции остается весьма актуальной. Имеющийся потенциал сотрудничества остается далеко не всегда

реализованным. Совместная работа могла бы быть более взаимовыгодной, особенно в приграничных территориях. Опыт, приобретенный за годы сотрудничества в научном центре с азиатскими странами, несомненно, важен для понимания реальных механизмов развития интеграции не только внутри дальневосточного региона и страны, но и для включения в мировую систему образования и науки.

На протяжении всего времени научный центр оказывал и продолжает оказывать помощь в организации международного сотрудничества научным учреждениям, территориально объединенным БНЦ СО РАН, в том числе при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Ежегодно проводятся информационные семинары и рабочие совещания по общим вопросам международного сотрудничества для научных сотрудников и молодых ученых, оказывается содействие в осуществлении международного сотрудничества. Центр взаимодействует с государственными и регулирующими органами (в пределах полномочий органов обеспечивающих реализацию задач и функций в рамках международного сотрудничества) в области международной деятельности.

Необходимо отметить, что международное сотрудничество в Республике Бурятия осуществляется не только в области научных исследований, но и в сфере образования. В ближайшее время планируется наращивание объемов. Так, в феврале 2023 г. во время рабочего визита главы Минобрнауки России В. Фалькова в г. Улан-Удэ обсуждался проект создания нового международного межвузовского кампуса «Байкал». По словам главы Республики Бурятия А. Цыденова, этот проект не просто объект с хорошей инфраструктурой, а научный центр развития образования, развития личности, социально-экономического роста республики, где студенты будут с удовольствием учиться, куда будут стремиться поступить не только жители республики, но и из других регионов, в том числе из Монголии и Китая [Валерию Фалькову...].

Основным перспективным инструментом реализации международного партнерства в области науки со странами Центральной Азии (в том числе Монголия в рамках Соглашения о научном и научно-техническом сотрудничестве с Монгольской академией наук) и странами СНГ в ближайшее время будут являться различные научные и образовательные программы и соглашения.

Приоритетными направлениями для дальнейшей работы в области международного сотрудничества в БНЦ считаются:

- интеграция в мировое научное пространство, распространение научных знаний и повышение престижа российской науки за рубежом, в том числе активизация участия в международных, междисциплинарных исследовательских программах, конкурсах и грантах;
- увеличение числа приглашенных сотрудников, выступающих с докладами на международных научных конференциях (в том числе в режиме ВКС).

Таким образом, локализация на территории Республики Бурятия крупных международных проектов со странами Центральной Азии и СНГ по вышеуказанной тематике позволит повысить качество организации международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологий, защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки, реализовать научный потенциал академической науки, способствовать социально-экономическому развитию приграничных регионов, обеспечить выход научных организаций на глобальные рынки знаний и технологий.

Источник:

Валерию Фалькову представили планы по созданию масштабного межуниверситетского кампуса в Республике Бурятия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. Новости. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/64156/> (дата обращения: 16.03.2023).

Позднякова Юлия Сергеевна

*Сибирское отделение Российской академии наук
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
mostovichka@gmail.com*

Жимулева Екатерина Андреевна

*Сибирское отделение Российской академии наук
Новосибирск, Российская Федерация
bazidia@gmail.com*

ОБРАЗ НАУКИ И УЧЕНЫХ БУРЯТИИ В СМИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РОССИИ

Доклад посвящен важности формирования образа ученого в публичном пространстве для решения задач создания позитивного имиджа науки и профориентации школьников. Рассматривается образ бурятского ученого в 2022 г.

Ключевые слова: научные коммуникации; образ ученого.

Pozdnyakova Yuliya Sergeevna

*Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Zhimuleva Ekaterina Andreevna

*Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

THE IMAGE OF SCIENCE AND SCIENTISTS OF BURYATIA IN THE MASS MEDIA DURING THE DEVELOPMENT OF SCIENCE COMMUNICATIONS IN RUSSIA

The report provides the importance of creating the image of a scientist in the mass media for building a positive image of science and being guidance for school children. The authors analyze the image of the scientist of Buryatia in 2022.

Keywords: science communications; image of a scientist.

Сам термин «научные коммуникации» в Россию пришел из-за рубежа, однако пока не получил широкого употребления. В английском языке существует два термина [Гурьева, 2019]: scientific communication и science communication. Первый касается коммуникации внутри самого научного сообщества. Второй подразумевает распространение научного знания на целевые аудитории неспециалистов. В нашей стране понятие “научная коммуникация” применяется для всех вышеозначенных ситуаций, хотя в последнее время появилась практика разграничивания и выделения термина “академическая коммуникация” для первого случая. Мы в своей работе приняли определение Сары Девис [Horst, Davies, 2016, p. 881–907]: научная коммуникация – это явные, организованные и спланированные действия, направленные на передачу научных знаний, методологии, методов и практик в тех случаях, когда существенной частью аудитории являются неспециалисты.

Взаимодействие исследователей с обществом подразумевает решение целого ряда задач. В первую очередь, выстраивание такого диалога служит для формирования и увеличения доверия к науке как к сфере деятельности: причем это дает как повышение престижа профессии ученого и исследовательской сферы в целом в общественном сознании, так и весьма конкретное увеличение финансирования тех или иных разработок, технологий

и научных направлений. Ряд грантов на поисковые исследования учитывают присутствие результатов проекта в СМИ, например, гранты Российского научного фонда. Используя инструментарий научных коммуникаций, можно найти партнеров для новых проектов или же организовать более крупные коллективы, вывести проект на междисциплинарный уровень. Презентация своих результатов обществу на понятном обществу языке и с использованием массовых каналов коммуникации может повысить не только узнаваемость ученых или их организации, но и цитируемость научной статьи [Xuan, Liang, 2014]. Кроме того, не стоит забывать и о такой постоянной задаче, стоящей перед научной сферой, как необходимость привлечения новых кадров. Наиболее эффективны в этом случае некие целевые мероприятия, однако можно с уверенностью отметить, что в целом повышение престижа профессии ученого и исследовательской сферы способно позитивно влиять на выбор профессии, если мы говорим о школьнике, той или иной специализации либо даже на продолжение обучения в академическом направлении, если речь идет о студенте.

Образ ученого как актора исследовательской деятельности, несомненно, имеет особое значение в научных коммуникациях. Согласно недавним работам, ученые рассматриваются как члены довольно однородной группы, наделенной, по мнению общества, рядом определенных признаков: высокая компетентность, нравственность и общительность [Gligorić, Kleef, Rutjens, 2022]. Надо отметить, что в основном в общественном сознании со словом “ученый” обычно ассоциируются химики, биологи и физики.

Если говорить о сугубо российской практике, то здесь образ ученого – это чаще всего образ ученого-администратора, который в первую очередь озабочен вопросами научной политики, а не какими-либо конкретными исследованиями. Например, согласно данным 2017 г. по Сибирскому отделению РАН [Позднякова, 2018, с. 84–88], наиболее упоминаемыми персонами были один из основателей отделения – М. А. Лаврентьев (внимание к нему объясняется 60-летием СО РАН), а также председатель СО РАН академик В. Н. Пармон и его соперник на выборах – академик С. В. Алексеенко. Согласно данным 2015–2022 гг. наиболее упоминаемыми персонами в публикациях, имеющих наибольший медийный вес, стали академики-председатели СО РАН (в соответствии с периодом, когда они занимали эту должность), а также губернатор Новосибирской области А. А. Травников, президент РФ В. В. Путин и экс-президент РАН академик А. М. Сергеев. Это соотносится с данными исследований на материале других российских СМИ, проведенном РВК [Динамика развития отрасли...].

При этом с 2010 г. силами соответствующих подразделений СО РАН в публичном пространстве выстраивается собирательный образ сибирского ученого, который представляет собой уже образ исследователя, так как словосочетание “сибирские ученые” чаще всего используется в материалах, содержащих информацию о результатах научных работ. Между тем образ “сибирского ученого” не однороден и закономерно распадается на образы: новосибирского, красноярского, томского, бурятского и других ученых.

В своей работе мы подробно останавливаемся на образе бурятского ученого, используя данные отчетов ГПНТБ СО РАН, учитывающих максимальное количество упоминаний того или иного словосочетания в разных вариациях и дающих оценку принадлежности материалов к той или иной тональности: нейтральной, положительной и отрицательной.

Для анализа мы выбрали временной период с 01 января по 31 декабря 2022 г. Это обусловлено тем, что такой срез, во-первых, позволит проследить наиболее современные тенденции, а во-вторых, даст представление о состоянии информационного поля в заданной области.

Словосочетание “Бурятский научный центр СО РАН” за этот период упоминается в 531 публикации, из них конструкт “бурятские ученые” содержат всего 27 (для сравнения: всего публикаций о СО РАН за этот же период – 34050). В основном материалы размещены в региональных СМИ. Максимальный охват аудитории имело сообщение о том, что в Улан-Удэ изменятся маршруты общественного транспорта, однако сразу после него выделяются материалы о такой особенной научной деятельности бурятских исследователей, как восточная медицина. Следующее по популярности научное направление – это археология региона. Из этих данных видно, что наибольший интерес вызывает то, что является, если можно так выразиться, научной изюминкой Республики Бурятия, тем научным направлением, которое может развиваться лишь в этом субъекте Федерации.

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие в информационном поле инфоповодов, инициированных Бурятским научным центром СО РАН и бурятскими учеными и касающихся озера Байкал. Анализ причин этого любопытного явления остается за рамками нашей работы.

При анализе свода публикаций, содержащих конструкт “бурятские ученые” (напомним, их 27), можно увидеть ту же узкую тематическую направленность. Главными темами года (по убыванию значений) стали цифровизация тибетских рукописей, коллективная монография с биографиями бурятских писателей и новые биофармпрепараты, полученные на основе рецептов из рукописей по восточной медицине.

В официальном издании СО РАН “Наука в Сибири” за этот же период вышло 19 материалов с упоминанием Бурятского научного центра СО РАН, ученых из Улан-Удэ и отдельных научных институтов. В первую очередь этот пул обращает на себя внимание разнообразием тематик: конечно, есть тексты, рассказывающие и о цифровизации тибетских рукописей, и о достижениях в области восточной медицины, однако издание постоянно подчеркивает участие бурятских ученых и в крупных междисциплинарных проектах Сибирского макрорегиона. Специалисты “Науки в Сибири” освещают также прошедшие крупные научные события, такие как международная конференция «Мир Центральной Азии –V», прошедшая в Улан-Удэ в июле 2022 г., а кроме того – присутствие представителей науки из Республики Бурятия на других представительных научных форумах.

Образ ученого создает представление не только об его сфере деятельности, но и о территории, где исследователь живет и работает. Можно констатировать, что, к сожалению, на данный момент Республика Бурятия ограниченно присутствует в информационном поле, касающемся научной карты страны, вероятно, это вызвано отсутствием планомерной работы по формированию и продвижению образа бурятского ученого в СМИ.

Источники и литература:

Gligorić V., Kleef G. A., Rutjens B. T. Social evaluations of scientific occupations // *Sci Rep* 12, 18339 (2022) [Электронный источник]. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-23197-7>

Гурьева А. Зачем ученому научная коммуникация? // «За науку» [Электронный источник]. URL: <https://zanauku.mipt.ru/2019/08/09/zachem-uchenomu-nauchnaya-kommunikatsiya/> (дата обращения: 22.02.2023)

Динамика развития отрасли научной коммуникации в России 2016–2017 гг. Результаты исследования Коммуникационной лаборатории и Университета ИТМО.

Позднякова Ю. С. Сибирские ученые в текстах информационных агентств, печатных СМИ и интернет-изданий в 2017 г. // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 84–88.

Horst M., Davies S. R., Irwin A. Reframing Science Communication (англ.) // *The Handbook of Science and Technology Studies*, MIT Press: 2016. P. 881–907.

Xuan; Liang. Building Buzz: (Scientists) Communicating Science in New Media Environments (англ.) // *Journalism and Mass Communication: journal*, 2014.

Хахинов Виталий Викторович
кандидат физико-математических наук
Институт солнечно-земной физики СО РАН
Иркутск, Российская Федерация
khakhin@iszf.irk.ru

КОСМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ОБСЕРВАТОРИЯХ ИСЗФ СО РАН В ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЕ, РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ

В докладе представлены некоторые результаты активных космических экспериментов, полученных на оборудовании центра коллективного пользования «Ангара» (http://ckp-angara.iszf.irk.ru/index_en.html) и размещенных в обсерваториях ИСЗФ СО РАН в Тункинской долине в Республике Бурятия.

Ключевые слова: космический эксперимент; оптический телескоп; свечение неба.

Khakhinov Vitaly Victorovich
Candidate of Physical and Mathematical Sciences
Institute of Solar-Terrestrial Physics
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Irkutsk, Russian Federation

SPACE EXPERIMENTS AT THE ISTP SB RAS OBSERVATORIES IN THE TUNKA VALLEY, REPUBLIC OF BURYATIA

The report presents the results of active space experiments obtained using the equipment of Shared Equipment Center «Angara» (http://ckp-angara.iszf.irk.ru/index_en.html) located in the observatories of ISTP SB RAS in the Tunka Valley in the Republic of Buryatia.

Keywords: Space experiment; optical telescope; airglow.

В 2007–2014 гг. проведено 86 уникальных активных космических экспериментов (КЭ) «Плазма-Прогресс» и «Радар-Прогресс» с участием транспортных грузовых космических кораблей (ТГК) серии «Прогресс» и научного оборудования центра коллективного пользования (ЦКП) «Ангара» ИСЗФ СО РАН. Постановка КЭ заключалась в том, что во время пролетов ТГК $F2$ -области ионосферы в зоне ответственности оборудования ЦКП «Ангара» включался бортовой жидкостный ракетный двигатель (ЖРД) при разных направлениях вектора скорости выхлопных струй. Время работы ЖРД составляло 8–10 с, что соответствует пролету 64–80 км, масса сгоревшего топлива ~ 8–10 кг, высота орбит ТГК 412–418 км, химический состав выхлопных газов H_2O , N_2 , CO , H_2 , CO_2 , H , NO , OH , O_2 , O , N . Объектами исследований при проведении КЭ являлись:

- отражательные характеристики ТГК в оптическом и радио-диапазонах электромагнитного спектра;
- ионосфера в окрестности ТГК;
- полное электронное содержание (ПЭС) на радиолучах спутник глобальной навигационной спутниковой системы (ГНСС) – наземный приемник ГНСС, проходящих вблизи орбиты ТГК;
- характеристики УКВ сигналов бортового передатчика ТГК;
- интенсивность свечения ночного неба;
- электромагнитное поле в подионосферной точке на поверхности Земли.

Часть задействованного в КЭ оборудования размещено на обсерваториях ИСЗФ СО РАН, расположенных в Тункинской долине в Республике Бурятия.

Саянская солнечная обсерватория (ССО) расположена вблизи п. Монды на высоте 2000 м. Это вызвано спецификой основных задач обсерватории, требующих высокой прозрачности земной атмосферы. В ССО размещены инструменты ЦКП "Ангара":

- горизонтальный солнечный телескоп;
- солнечный телескоп оперативных прогнозов;
- большой внезатменный солнечный коронограф;
- Саянский спектрографический комплекс космических лучей;
- телескопы серии АЗТ-33.

В КЭ привлекался инфракрасный телескоп АЗТ–33ИК с диаметром главного зеркала 1.6 м. Телескоп предназначен для измерений фотометрических и спектральных характеристик различных космических объектов в оптическом и ИК-диапазонах спектра, в том числе космического мусора. Во время включения ЖРД и после ее выключения в процессе продувки топливной системы получены изображения струй выхлопных газов и топливных струй, сопровождавших эти процессы. В разных сеансах КЭ ориентация ТГК относительно телескопа была различной, что позволило определить некоторые параметры наблюдаемых явлений. Полученные параметры оптических сигналов от струй позволяют определить момент включения ЖРД, оценить скорость истечения струй и контролировать геометрию КЭ [Еселевич и др., 2016, с. 24].

В *Геофизической обсерватории* (ГФО), расположенной вблизи с. Торы, размещены:

- радиофизический комплекс ДВ- и КВ-диапазонов;
- оптический комплекс для регистрации эмиссий верхней и средней атмосферы Земли (камера всего неба, спектрограф и интерферометр Фабри-Перо);
- УФ-спектрометр для регистрации солнечной ультрафиолетовой радиации.

При благополучных условиях наблюдений камерой КЕО Sentinel во время работы ЖРД регистрировались области свечения повышенной интенсивности, предположительно связанные с рассеянием солнечного излучения на продуктах работы ЖРД на орбите ТГК и, возможно, появлением дополнительного свечения в эмиссии атомарного кислорода [ОI] 630 нм. Для усиления эмиссии [ОI] 630.0 нм наиболее эффективной является инжекция в атмосферу молекул водорода H_2 и углекислого газа CO_2 . Максимальные наблюдаемые размеры области свечения составили ~ 350 км вдоль орбиты и ~ 250 км поперек. Скорость расширения области свечения в первые моменты времени после начала работы двигателя вдоль орбиты составила ~ 7 км/с, поперек $\sim 3,5$ км/с. Максимальная интенсивность области возмущения оценивается величиной, эквивалентной $\sim 40-60$ Рл в спектральной полосе 2 нм. Еще одним аргументом в пользу модификации ионосферы в КЭ может служить наблюдаемые в отдельные сеансы понижения электронной плотности длительностью до $\sim 10-20$ мин [Хахинов и др., 2013, с. 160, Шпынев и др., 2017, с. 88], которые совпадают с характерными временами существования возмущений в интенсивности эмиссии 630 нм ($\sim 5-15$ мин) [Белецкий и др., 2016, с.85].

Оптического проявления в естественных эмиссионных линиях [ОI] 557.7 и 630.0 нм в дальней зоне от места инжекции продуктов работы ЖРД превышающего естественные вариации яркости ночного неба и связанного с возможной крупномасштабной модификацией ионосферы, отмечено не было [Михалев и др. 2016, с. 113, Михалев и др. 2022, с. 77].

Специально для КЭ в ГФО был развернут интерферометрический комплекс в составе 4-х антенн зенитного приема, фидерных линий и 8-ми канального приемника с рабочим диапазоном 1–170 МГц. Элементом комплекса выбрана антенна «двойной квадрат», рассчитанная на частоту 121,7 МГц. Широкая диаграмма направленности антенн позволяет регистрировать сигнал бортового передатчика от малых углов над горизонтом до зенита. Наблюдения УКВ сигнала были организованы следующим образом. При появлении над горизонтом (угол места 0.50 и дальность > 2000 км) включался бортовой передатчик ТГК в режиме непрерывного излучения на частоте 121,75 МГц. Интерференционные измерения характеристики УКВ сигнала бортового передатчика ТГК показали, что после включения ЖРД возрастают амплитуды вариаций разности фаз радиосигналов принятыми разными антеннами вследствие влияния ионосферных возмущений, сгенерированных выхлопными струями ЖРД [Lebedev et. al., 2011, HG3.11].

Для исследования вариаций ПЭС во время работы ЖРД ТГК использовалась сеть постоянно действующих двухчастотных ГНСС приемников (сеть SibNet), размещенных в ГФО, ССО, радиоастрофизической обсерватории и приемников, временно размещенных в населенных пунктах в Тункинской долине [Ишин и др., 2017, с. 82]. Задача обнаружения отклика ПЭС на работу ЖРД осложнена рядом факторов: 1) воздействие ЖРД на ионосферную плазму сильно локализовано в пространстве и имеет относительно небольшую интенсивность; 2) имеется малое количество радиолучей приемник-спутник, обусловленное малым числом приемных станций ГНСС, особенно до 2013 г.; 3) возможный отклик ПЭС маскируется фоновыми возмущениями ионосферы различной интенсивности. Однако отклики ПЭС уверенно регистрируются в тех случаях, когда радиолуч приемник – спутник пересекает возмущенную область в течение нескольких минут после воздействия. Отклик ПЭС на работу ЖРД ТГК удалось обнаружить в 7 сеансах на радиолучах, проходивших в непосредственной близости от области ионосферы, возмущенной работой ЖРД, или пересекавших эту область. Зарегистрированные отклики ПЭС представляли собой уменьшение значений ПЭС длительностью 3–10 мин и амплитудой 0.03–0.16 TECU. Амплитуды откликов превышали погрешность определения ПЭС (0.01 TECU) и уровень фоновых вариаций. Уменьшение значений ПЭС позволяет сделать заключение, что работа ЖРД вызывает уменьшение электронной концентрации в области полета ТГК с работающим ЖРД. Отклики регистрируются через 0.5–6 мин после включения ЖРД [Там же, с. 93].

Литература:

- Белецкий А. Б., Михалев А. В., Хахинов В. В., Лебедев В. П. Оптическое проявление работы бортовых двигателей низкоорбитальных космических аппаратов // Солнечно-земная физика. 2016. Т. 2, № 4. С. 85–91.
- Еселевич М. В., Хахинов В. В., Клунко Е. В. Параметры оптических сигналов на телескопе АЗТ-33ИК, зарегистрированных в активном космическом эксперименте «Радар-Прогресс» // Солнечно-земная физика, 2016. Т. 2. № 3. С. 24–32.
- Ишин А. Б., Первалова Н. П., Воейков С. В., Хахинов В. В. Первые результаты регистрации ионосферных возмущений по данным сети SibNet приемников ГНСС в активных космических экспериментах // Солнечно-земная физика. 2017. Т. 3. № 4. С. 82–92.
- Ишин А. Б., Воейков С. В., Первалова Н. П., Хахинов В. В. Комплексный анализ реакции ионосферы на работу двигательных установок ТГК «Прогресс» по данным ГНСС приемников в Байкальском регионе // Солнечно-земная физика. 2017. Т. 3. № 4. С. 93–103.
- Михалев А. В., Хахинов В. В., Белецкий А. Б., Лебедев В. П. Оптические эффекты работы бортового двигателя космического аппарата «Прогресс М-17М» на высотах термосферы // Космические исследования. 2016. Т. 54. № 2. С. 113–118.
- Михалев А. В., Белецкий А. Б., Лебедев В. П., Хахинов В. В. Оптические эффекты работы двигателей космических аппаратов на высотах нижней термосферы // Солнечно-земная физика, 2022. Т. 8. № 4. С. 77–82.
- Хахинов В. В., Потехин А. П., Лебедев В. П., Кушнарев Д. С., Алсаткин С. С. Некоторые результаты активных космических экспериментов «Плазма-Прогресс» и «Радар-Прогресс» // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. ак. М. Ф. Решетнева, 2013. Специальный выпуск 5 (51). С. 160–163.
- Шпынев Б. Г., Алсаткин С. С., Хахинов В. В., Лебедев В. П. Исследование реакции ионосферы на продукты горения топлива при работе двигателей транспортных грузовых кораблей серии «Прогресс» по данным Иркутского радара некогерентного рассеяния // Солнечно-земная физика. 2017. Т. 3. № 1. С. 88–96.
- Lebedev V., Khakhinov V., Podlesnyi A., Bryn'ko I. Investigation of spacecraft transmitter VHF signal propagation through exhaust burns of approach and correction engine using the ground-base interferometer // Proc. of the XXX URSI General Assembly. Istanbul, 2011. HG3.11

Бадлаева Татьяна Владимировна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
t_badlaeva@mail.ru

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ У БУРЯТ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)¹

В сообщении рассматривается появление кадров преподавателей, переводчиков, чиновников из бурят, влияние российской революции 1905–1907 гг. на бурятское сообщество, в частности, на молодежь, а также создание ученической организации «Союз учащихся бурят», издание рукописных нелегальных журналов.

Ключевые слова: буряты; образование; революция; журналы.

Badlaeva Tatiana Vladimirovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE DEVELOPMENT OF EDUCATION AMONG THE BURYATS (LATE XIXth – EARLY XXth CENTURIES)

The author considers the appearance of teachers, translators, civil servants among the Buryats, the impact of the Russian Revolution 1905–1907 on the Buryat community, especially on the youth, in particular, the creation of a student organization “Union of students of the Buryats”, the publication of illegal handwritten journals.

Keywords: Buryats; education; revolution; journals.

К концу XIX – началу XX в. в регионе была сформирована сеть начальных школ, в которой обучалась незначительная часть бурятских детей. В эти же годы складывается корпус педагогических кадров, появляются служащие правительственных структур из бурят. Некоторые представители бурятского народа принимали православие, скорее всего, в личных целях, подавая тем самым пример своим соплеменникам. Родовой староста V хонгодорского рода Бажей Хосомов в 1838 г. построил церковь, которая была освящена архиереем в 1841 г. В 1839 г. он крестился в Санкт-Петербурге, Зимнем дворце, воспитанником был император Александр II, воспитанницей княгиня Голицына [Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) Ф. 36. Оп. 1. Д. 1354. Л. 5].

В начале XX в. в Забайкальской области насчитывалось 84 учителя из бурят, которые окончили Иркутские духовную и учительскую семинарии, Нерчинское, Читинские духовное и миссионерские училища [ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1358. ЛЛ. 2–11]. Помимо преподавательской деятельности, некоторые учителя занимались и научными изысканиями, сотрудничали с известными учеными. Например, Ц. С. Сакияев, учитель Анинского приходского училища записывал материалы по фольклору и этнографии бурят. Ф. Галханов, учитель Кударинского приходского училища, собирал фольклор кудинских бурят (сказку «Муу Монтой», улигер «Ан Богдохаан», «Шаман Манжуу») для Г. Н. Потанина.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

Н. Ц. Сахаров из Баргузинского училища также занимался сбором таких материалов и публиковал их в «Иркутских губернских ведомостях». Учитель Агинского училища Б. Норбоев сотрудничал со смотрителем Верхнеудинского уездного училища Н. Першиным. Он издал такие работы, как «Легенды о происхождении хоринских бурят», «Браки хоринских бурят», «Пословицы и поговорки бурят», «Песни и сказки бурят». Н. С. Балданов из Унги, закончив уездное училище, затем Иркутскую духовную семинарию, в 1860 г. занимался сбором материала для бурятского словаря и грамматики, ездил в Агу, Селенгу и Хоринск [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1355. Л. 24].

Что касается женского образования, то в обозначенные годы появляются первые женщины педагоги – дочери миссионеров. Одной из первых была Варвара Миронова из Баргузина. В 1870 г. она была определена в Иркутское епархиальное женское училище на казенное содержание. Окончив его с отличием в 1878 г. начала работать в школе, открытой для нее по распоряжению тайши Сахарова. В 1890–1900-х гг. женское епархиальное училище закончили и служили учительницами: П. и А. Клюкины, А. Норбоева, М. Носырева из Хоринска, А. и А. Машановы, М. Хамуева, М. Ныхлеева из Кудары, К. и С. Чистохины из Аги, М. Барлукова из Бохана [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1355. Л. 7; Д. 1357. Л. 11; Д. 1358. Л. 10, 11, 49].

В конце XIX – начале XX в. в условиях идеологического императива Российской империи появляются кадры переводчиков, преподавателей и чиновников. Одним из первых педагогов был Ф. Санжиханов, имевший чин губернского секретаря. С 1774 по 1780 гг. он преподавал монгольский и китайский языки в Селенгинской пограничной канцелярии, с 1781 г. работал в Иркутском главном народном училище. В 1787 г. был назначен переводчиком монгольского языка при Иркутском наместничестве. Н. Н. Доржиев из Аги, бывший лама Агинского дацана, приняв православие, был назначен преподавателем монгольского языка в духовной семинарии, затем учителем-диаконом в Гужирский миссионерский стан. Переводил Священное писание на монгольский язык. Благодаря поддержке архиепископа Нила был назначен преподавателем монгольского языка в Санкт-Петербургском университете на один год до 1874 г. В дальнейшем, выдержав испытательный срок, стал приват-доцентом университета, где проработал до 1895 г. [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1357. Л. 7, 33]. В 1864 г. А. Бадмаев окончил Санкт-Петербургский университет (маньчжурский язык), служил чиновником в Главном управлении Восточной Сибири. И. Разгильдеев после окончания духовной семинарии в 1888 г. закончил институт в Санкт-Петербурге и работал инженером-архитектором, построил в Иркутске много зданий. Оба из Аги. [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1357. Л. 11].

В административных структурах работали: К. А. Батаров на таможне, Д. Жамцарано – столоначальником Агшинского полицейского управления, А. Санжиев – переводчиком при Троицкосавском полицейском управлении, Л. Б. Цыбыкдоржиев – журналистом Селенгинского полицейского управления, Ч. Чимбеев – столоначальником Троицкосавского уездного полицейского управления, И. Т. Цибикив – членом Мысовского горного управления, Б. С. Ямпиллов – старшим врачом первого отдела Забайкальского казачьего войска, Д. Э. Эрдэниев – канцелярским служителем Забайкальской казённой палаты, И. П. Малков – учителем монгольского и бурятского языков в Читинской учительской семинарии, Ж. Тубанов – секретарем Верхнеудинского полицейского управления, И. Н. Инкижинов – столоначальником Иркутской городской думы и т.д. [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1355. Л. 22–24; Д. 1357, Л. 18].

Российская революция 1905–1907 гг., подъем демократического движения оказали непосредственное влияние на бурятское сообщество, в частности, на молодежь. Это проявлялось в издании учащимися рукописных журналов. В эти годы появился журнал «Очин» – орган всех учащихся бурят г. Иркутска. Всего вышло пять номеров. Первым редактором был В. Л. Егоров, с 1907 г. М. И. Этагоров, затем Е. Д. Ильин, все воспитанники духовной семинарии. В 1906 г. вышел один номер журнала «Үглөөни бүрүүр» (Сумерки). А

в 1912 г. был основан журнал «Товарищ», который издавался воспитанниками Иркутской учительской семинарии. Вышло шесть номеров. Издателем и иллюстратором был А. П. Балдаев, редактором И. Н. Ильин. В нем работали и учителя. В издании другого журнала «Новичок» активное участие принимали учащиеся учительской семинарии. На его страницах обсуждались вопросы просвещения, организации школ на родном языке, издание учебников, учебных пособий и т.д. В 1913 г. его редактором был М. Н. Санжеев, затем А. П. Балдаев. Переписчиком – фельдшер Иркутского военного госпиталя А. О. Назаров. В том же году журнал прекратил свое существование. В 1915 г. учащимися Иркутской учительской семинарии был основан журнал «Дольен». Редактором был Т. В. Баханов. В его издании принимали участие С. Д. Мэрдыгеев, С. Николаев и др. Журнал просуществовал до 1917 г. На страницах этих изданий публиковались статьи на злободневные общественно-политические темы.

Одним из организаторов еще одного такого журнала «Бүрүүр» (Сумерки) был известный бурятский фольклорист и этнограф С. П. Балдаев. В 1912 г. он работал учителем Гуртуйской начальной школы Бильчирской инородной управы Балаганского уезда. Редактором был А. А. Убугунов. Они привлекали грамотных людей к работе над журналом, публиковали свои статьи (А. А. Убугунов «Зэмэхэн», С. П. Балдаев «Гуртуйская начальная школа», И. В. Барлуков «Насущная потребность улуса»). Актив состоял из учителей Бохана: А. И. Бардамова, М. В. Баханова, Н. Ф. Бутуханова, А. И. Герасимовой, В. П. Зангеева, В. Н. Монхоева (Чернинова), М. М. Хамаганова. Эти издания наглядно иллюстрируют чаяния и думы, стремления и надежды учащейся молодежи, свидетельствуют о влиянии политической ситуации в стране на бурят.

В октябре 1905 г. в Иркутске был организован «Союз учащихся бурят», который объединил Балаганское и Верхоленское городские училища, второклассные церковноприходские школы: Ангинскую, Кубуликскую и Малышевскую, а также Иркутское низшее сельскохозяйственное училище. Всего в нем состояло 60 человек. Устав касался поведения и учебы [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1315. ЛЛ. 1–3].

Подводя итоги вышесказанному, нужно отметить, что российская революция 1905–1907 гг. оказала существенное влияние на национальное самосознание бурятского народа, на его стремление к демократическим преобразованиям, национальной автономии и просвещению.

Кружалина Анастасия Алексеевна
кандидат исторических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
klokrua@yandex.ru

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИНИЦИАТИВ СРЕДИ БУРЯТ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Статья посвящена созданию и деятельности «Общества вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии». На основе анализа материалов периодической печати, делопроизводственных документов и источников личного происхождения автор определяет факторы, спровоцировавшие создание данной организации, а также характеризует активные формы деятельности участников последней.

Ключевые слова: буряты; Иркутская губерния; просвещение; общество; взаимопомощь.

ON THE CHARACTERISTICS OF CIVIC EDUCATIONAL INITIATIVES AMONG THE BURYATS OF THE BAIKAL REGION

The article is devoted to the creation and activities of the "Society for Assistance to Buryat students of Irkutsk province". Based on the analysis of periodical materials, office documents and sources of personal origin, the author determines the factors that provoked the creation of this organization, and characterizes the active forms of activity of the participants of the latter.

Keywords: Buryats; Irkutsk province; enlightenment; society; mutual assistance.

Начало XX столетия характеризуется постепенным увеличением доли грамотного населения в провинции, в том числе и среди представителей коренных народов Сибири. Вовлечение провинциальной общественности в общественно-политическую жизнь страны, внедрение современных методик хозяйствования, складывание общеимперской идентичности, – это и многое другое постепенно делало сферу образования все более востребованной не только у столичной, но и провинциальной публики.

По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в Иркутской губернии проживало 110745 бурят, что составляло 21,5% всего населения губернии, или 38,4% бурятского населения Байкальского региона [Патканов, 1912, с. 98]. Неудивительно, что представителей русской, а особенно бурятской интеллигенции, взволновала проблема содействия распространению грамотности среди бурят региона.

27 июня 1908 г. определением губернского по делам об обществах присутствия в реестр было внесено новое общество под названием «Общество вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии». В числе факторов, спровоцировавших появление данной общественной организации следует, прежде всего, отметить неуклонно возрастающий интерес бурят Иркутской губернии к просвещению. По данным корреспондента «Сибирских вопросов» на момент создания общества в учебных заведениях губернии числилось свыше ста бурятских детей, в том числе 60 в Иркутске, еще 30 мальчиков насчитывало Балаганское городское 4-хклассное училище, а также некоторое количество учащихся бурят Агинского второклассного и Малышевского женского второклассного училищ духовного ведомства [М. Б. (Богданов), 1908, с. 57].

При этом перспектива увеличения количества приобщенных к грамоте бурятских детей ограничивалась не только нехваткой учебных заведений, но и во многом зависела от материальных аспектов, так, например, «дороговизна городской жизни» вынуждает бурят, живущих в уездах и отправляющих своих детей на учебу в г. Иркутск «платить только за стол и квартиру минимум 20 рублей в месяц» [Там же, с. 58]. Это второй фактор, побудивший представителей бурятской и русской интеллигенции к созданию «Общества вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии». В уставе организации указывается, что «Общество имеет целью облегчить в материальном отношении доступ к образованию детям малосостоятельных родителей-бурят» [Устав, 1908, с. 1].

Учредителями Общества стали: инородцы Михаил Николаевич Богданов и Николай Алексеевич Ханхасаев, коллежский асессор Филипп Павлович Инкижинов, а также врач Андрей Тимофеевич Трубочеев с женой Марией Петровной. Предполагалось принимать в члены общества неограниченное число лиц без различий по полу, званию и

вероисповеданию, выделяя при этом действительных и почетных членов [Там же, с. 2–3]. Последними становились лица, оказавшие особые услуги Обществу, либо сделавшие значительные материальные пожертвования в его пользу [М. Б. (Богданов), 1908, с. 59].

Первое собрание Общества состоялось 13 августа 1908 г. Оно продемонстрировало интерес бурятской общественности к данной организации, так как на собрании присутствовало до 35 бурят, преимущественно представителей интеллигенции [Там же, с. 60]. На первом собрании были решены организационные вопросы, а также определены размеры пособий для детей бедных родителей: 4 руб. – единовременные и 15 руб. – месячные [Там же]. Также была запланирована помощь в разыскании квартир для учащихся, преимущественно группами в интеллигентных семьях.

На втором заседании 14 августа состоялись выборы членов правления. В состав его вошли: М. П. Трубачеева, М. Н. Богданов, Н. А. Ханхасаев, Н. П. Чайванов, Ф. П. Инкижинов, А. Н. Самсонов, Т. П. Трубачеев, А. Т. Трубачеев, М. Н. Хангалов, Д. П. Першин. Кандидатами в члены правления избраны: И. Н. Инкижинов, В. А. Михайлов, Гр. И. Трубачеев; членами ревизионной комиссии М. П. Бичиханов, П. П. Баторов, В. Л. Егоров; кандидатом к ним И. И. Тунуханов [Иркутская летопись, 2004].

В соответствии с Уставом финансирование общества осуществлялось за счет членских взносов, пожертвований и случайных поступлений [Устав, 1908, с. 4]. Известно, например, о взносе в 500 руб. бурятом Иркутского уезда М. М. Барбаевым. Кроме того, организаторы рассчитывали на дополнительный приток средств от приезжающих из улусов по окончании полевых работ, а также приток средств от некоторых ведомств, выразивших желание назначить ежегодный сбор денег в пользу Общества [М. Б. (Богданов), 1908, с. 60].

Постепенно годовой бюджет Общества вышел на уровень 1500–2000 руб. Активный сбор средств происходил также на благотворительных концертах, которые устраивались ежегодно в марте-апреле. Они представляли собой этнографические вечера с докладами по истории и этнографии бурятского народа, исполнением бурятских хоровых и сольных песен, музыки, танцев, а также инсценировок бурятской свадьбы, обрядов посвящения в «белого шамана», общественно-религиозного женского праздника «Тургэ» или «Тухурэн» [История, 1995, с. 299].

Такие этнографические вечера регулярно устраивались в 1911–1914 гг. и демонстрировали активную просветительскую работу среди молодежи, проводимую при участии прогрессивной русской интеллигенции Иркутска [Балдано, 2011, с. 159], они всегда позитивно воспринимались провинциальной публикой. Например, Н. С. Романов в «Иркутской летописи» фиксирует: «14 апреля в общественном собрании этнографический бурятский вечер в пользу общества вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии. В программу вошли дамское служение, шаманское действие» [Романов, 1994, с. 80].

Деятельность «Общества вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии» безусловно позитивно сказалась на формировании образовательного пространства региона и отражала стремление просвещенных кругов содействовать развитию системы начального образования сибирской окраины, изменению представлений об уровне и формах реализации образовательных инициатив в этой сфере, а также распространению просвещения среди коренных народов региона. Обладая незначительными финансовыми возможностями, Общество смогло привлечь на свою сторону прогрессивную общественность региона и оказать посильную помощь развитию образования среди прибайкальских бурят.

Литература:

- Балдано С. В. Формирование национальной интеллигенции и становление художественной культуры Бурятии (XVIII – начало XX вв.) // Власть. 2011. № 6. С. 157–160.
- История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М.: ПрогрессКультура, 1995. 544 с.
- Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков, ред. А. Н. Гаращенко; Администрация г. Иркутска [и др.]. Иркутск: Отгиск, 2004. 847 с.
- М. Б. (Богданов). Культурные начинания среди бурят Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1908. № 23–24. С. 57–60.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. III. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб., 1912. 708 с.
- Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 г. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1994. 559 с.
- Устав Общества вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии. Иркутск: Тип. И. С. Коковина, 1908. 11 с.

Куфтарева Венера Вячеславовна
Иркутский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
buzayevavv@mai.ru

УЛАН-УДЭНСКИЙ МОНГОЛРАБФАК В СУДЬБЕ АКАДЕМИКА БАЗАРЫН ШИРЕНДЫБА (1912–2002)

Взаимодействие России и Монголии имеет богатую историю. Именно взаимные интересы определяли архитектуру наших отношений. Пример качественно выстроенных коммуникаций – создание Улан-Удэнского монголрабфака. Среди его выпускников известный ученый, академик Базарын Ширендыб.

Ключевые слова: Монголрабфак; подготовка специалистов; СССР; Монголия; Базарын Ширендыб.

Kuftareva Venera Vyacheslavovna
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

ULAN-UDE MONGOLRABFAK IN THE FATE OF ACADEMICIAN BAZARYN SHIRENDEV (1912–2002)

The interaction between Russia and the history of Mongolia is rich, mutual interests that reach the architecture of our relations. An example of well-built communications is the creation of the Ulan-Ude Mongolian Labor Faculty. Among its graduates is a famous scientist, academician Bazaryn Shirendyb.

Keywords: Mongol Rabfak; training of specialists; USSR; Mongolia; Bazaryn Shirendyb.

Мероприятия Народного правительства МНР значительным образом изменили жизнь общества. В 1920–1930-х гг. продолжалось налаживание народного образования в стране: открывались школы и курсы, народный университет, появились газеты и журналы. «8 марта 1922 г... было принято постановление о приглашении советских педагогов-консультантов... К этому периоду относится начало подготовки монгольских национальных кадров в учебных заведениях Советской России» [История МНР, 1983, с. 340].

В СССР создавались учебные заведения, в которых обучалась монгольская молодежь: в Москве (монгольский сектор при КУТВе), в Ленинграде (монгольский сектор при ИЖВЯ), в Иркутске (двухгодичные курсы при педфакультете ИГУ), в Кяхте (монгольское отделение в педучилище), в Улан-Удэ (Монгольский рабфак) [Чимитдоржиев, 2014, с. 29]. Программа обучения соответствовала программе старших классов советской полной средней школы. На Монголрабфаке она была рассчитана на четыре года и год-два на подготовительном отделении. Сильные выпускники рабфаков поступали в вузы и после окончания с дипломом о высшем образовании возвращались на Родину.

Роль Улан-Удэнского Монголрабфака, открывшегося в 1930 г., в деле подготовки монгольских специалистов трудно переоценить. Для студентов «были построены помещения для учебных занятий, общежитие и библиотека» [Зайцева, 2021, с. 74]. В 1940 г. рабфак был преобразован в педучилище. «В числе первых выпускников... были Ю. Цедендал, председатель правительства МНР и академик Б. Ширендыб» [Там же].

В 1931–1932 гг. Б. Ширендыб жил и успешно учился в Улан-Баторе. В 1932 г. он вошел в состав группы, командированной на учебу в СССР. На учебу отправляли успешных учеников, имеющих положительные отзывы и рекомендации. В семье Б. Ширендыба новость об отъезде была воспринята неоднозначно, с волнением – в доме нужен был помощник. Но сопротивляться и оставлять его в родном кочевье не стали.

«После того, как я получил немного денег на дорожные расходы, еду и одежду, я обошел с моим другом магазины для покупки европейского костюма, пары ботинок и двух рубашек, которые я упаковал в чемодан, не разворачивая. И только по приезду обнаружил, что все вещи мне велики» [Shirendev, 1997, р. 69]. В речпорту Улан-Удэ ребят встретили представители Монголрабфака и Союза молодежи. «Верхнеудинск был большим чистым городом, непохожим на те, что я видел. Небольшие дома, прямые и солнечные улицы. Мы остановились в двухэтажном общежитии для монгольских студентов... На следующий день началось знакомство с городом. Мы провели несколько дней с экскурсиями и гуляя по окрестностям» [Там же, р. 67].

Рабфаковцев обеспечили общежитием, учебниками, литературой, одеждой [Чимитдоржиев, 2014, с. 29]. Б. Ширендыб вспоминал: «Дети в нашей школе ходили в коротких пальто зимой и в зеленых хлопчатобумажных штанах и рубашках летом. Кормили нас хорошо, но чувствовался общий дефицит». Преподавали лучшие педагоги Улан-Удэ и Улан-Батора: Ш. Лувсанвандан (составитель монгольского словаря) и Д. Чойжилсурэн (в дальнейшем он преподавал монгольский язык в МонГУ), Чимид, Доржо-Батор. «Ш. Лувсанвандан читал много книг, а по выходным рассказывал нам интересные факты из древней истории, литературы, биографии ученых. Учитель Чойджилсурэн рассказывал об истории Монголии, монгольской литературе» [Ширэндэв, 2012, с. 111]. Учителя советовали «сосредоточиться на изучении русского языка, арифметики, физики и химии. Многие из студентов последовали их совету» [Там же]. Но были, конечно, и те, у кого из-за слабых знаний русского языка к возвращению домой образовательные достижения были низкими.

Б. Ширендыбу очень хотелось освоить русский язык для хорошей успеваемости и ему это, безусловно, удалось: на факультете он все время учился отлично и несколько раз был премирован за отличную учебу. Студенты изучали также монгольский язык, историю,

географию, биологию, обществоведение, агротехнику, основы животноводства, трудовые ресурсы, геологию. Они участвовали в субботниках и на стройках Улан-Удэ. Обязательными были практические занятия и практика. В 1934 г. учащиеся проходили практику в сельхозкоммуне «Улаан Готол» Боханского аймака БМАССР, где почти половина студентов научились управлять трактором. «За оказанную помощь ... студенты были премированы коммуной 2500 рублями» [Чимитдоржиев, 2014, с. 31]. Из монгольской прессы студенты узнавали о событиях на Родине. «В 1931 г. был создан Монгольский театр, труппа которого в 1933 г. выступила на международном конкурсе революционных театров в Москве и на обратном пути дала концерт перед рабфаковцами, чем вдохновила многих ребят» [Shirendev, 1997, p. 70].

Монголрабфаковцы принимали участие в различных кружках, спортивных соревнованиях. Вместе с учениками других школ разучивали национальные и европейские танцы и песни, посещали музеи и театры, совершали экскурсии по памятным местам Бурят-Монголии, отмечали праздники (включая Сагаалган, Сурхарбаан), смотрели фильмы. Во время учебы Б. Ширендыб был делегатом IX съезда Союза молодежи (в г. Улан-Батор), на котором он впервые выступил с докладом, и даже получил в подарок карманные часы. Обрато он вернулся с подарками для друзей и новостями из Монголии, которые студенты слушали несколько вечеров, собираясь в комнате Б. Ширендыб-гуая [Там же]. Улан-Удэнским Монголрабфаком Б. Ширендыб был награжден грамотой «за хорошие показатели учебно-воспитательной работы и активное участие в общественной работе среди студентов и коллектива Монголрабфака». Учебу он совмещал с работой: «в прошлом (1936 г. – В. К.) году в Монголии работал учителем на курсах по подготовке курсантов в СССР» [Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-842. Оп. 84. Д. 4176. Л.5].

«В первую группу закончивших рабфак вошли мои друзья Раднаабазар (который возглавил наш Госцирк), Дашиимаа (преподаватель МонГУ) и Ю. Цеденбал. Я был в третьем выпуске после Ю. Цеденбала» [Ширэндэв, 2012, с. 114]. После сдачи выпускных экзаменов летом 1937 г. Б. Ширендыб вместе с друзьями поехал в Москву и Ленинград. Поездка оставила «неизгладимое» впечатление [Новгородова, 1976, с. 82]. «Москва казалась нам большой, непредсказуемой и головокружительной... Для тех из нас, кто ходил в школу в небольшом городке, увидеть два больших города было мечтой» [Ширэндэв, 2012, с. 114].

«После посещения посольства в Москве и неоднократных встреч и переговоров я отправился в Иркутск» [Shirendev, 1997, p. 72]. Именно с этих студентов, принятых в Иркутский педагогический институт в 1937 г., началось обучение в вузе иностранных граждан. «Это были студенты из Монголии. Их было немного, но они отличались большим упорством в овладении знаниями» [Татаринев, 2008, с. 60]. В заявлении Б. Ширендыб-гуай просил принять его на историческое отделение.

После получения диплома Б. Ширендыб в 1941 г. возвратился в домой, где министр просвещения МНР Т. Машлай направил его преподавателем истории в Улан-Баторское педагогическое училище, созданное путем присоединения к нему Улан-Удэнского Монголрабфака (ставшего в 1940 г. Улан-Удэнским монгольским педагогическим училищем). В этот момент пути будущего академика Б. Ширендыба с Монголрабфаком снова пересеклись, но уже в новом качестве. В это время по намеченным Правительством МНР программам в стране шла планомерная работа по ликвидации безграмотности. Выполнению задач способствовала активная работа, вернувшейся на Родину, «новой молодой интеллигенции» [Шинкарев, 2006, с. 281]. В тяжелых условиях в стране создавалась многоступенчатая системы светского образования, открывались первые профессиональные учебные заведения, включая созданный в 1942 г. Монгольский государственный университет, ректором которого был назначен Базарын Ширендыб.

Источники и литература:

- Джагаева О. А., Манжиков Э. Б. Сотрудничество СССР и МНР в области образования и науки в 1940-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-sssr-i-mnr-v-oblasti-obrazovaniya-i-nauki-v-1940-e-gg> (дата обращения: 06.06.2022).
- Зайцева Л. А., Даваажав Б. Вклад СССР в развитие и становление высших учебных заведений Монголии // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. Ст. / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: СО РАН, 2021. С. 73–75.
- История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1983, 661 с.
- Новгородова Э. А. Сын Хангайских гор. М.: Наука, 1976. 168 с.
- Советско-монгольские отношения, 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1: 1921 – 1940. М.: Междунар. Отношения–Улаанбатор: Улсын хэвлэлийн газар, 1970. 589 с.
- Татаринов В.И. Сотрудничество Иркутского государственного педагогического университета с Монголией в подготовке научных и педагогических кадров // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: мат-лы междунар. Гуманит. Конф. / сост. М. А. Ушакова; ред. Е. П. Малованюк. Иркутск: Изд. Иркут. Обл. гос. Универс. Науч. Б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2008. С. 60–63.
- Хишигт Н. Базарын Ширэндэв // Монгол Улсын Шинжлэх Ухаан. Улаанбаатар: Монг. Акад. Наук, 2003. Вып. 3. 176 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Б. Ширендыб: учеба на Монголрабфаке (Улан-Удэ) // Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков в памяти родственников, коллег, друзей / сост. В. В. Грайворонский. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. С. 29–32.
- Шинкарев Л. И. Цеденбал и его время: в 2 т. Т. 2: Документы. Письма. Воспоминания М.: Собрание, 2006. 424 с.
- Ширендыб Т. Базарын Ширендыб в воспоминаниях родственников. Из воспоминаний Т. Ширендыб // Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков в памяти родственников, коллег, друзей / сост. В. В. Грайворонский. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. С. 23–25.
- Shirendev B. Through the Ocean Waves: The Autobiography of Bazaryn Shirendev. Translated by Temujin Onon Bellingham, Washington: Center for East Asian Studies at Western Washington University, 1997. 280 p.
- Ширэндэв Б. Далайн давалгаанаар // Академич Базарын Ширэндэвийн бүтээлийн чуулган: 10 боть. Боть. 8: Дурдатгал, хэлсэн үг, ярилцлага. Улаанбаатар, 2012. С. 11–281.

Бадмацыренов Тимур Баторович

доктор социологических наук

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Улан-Удэ, Российская Федерация

batorovitch@mail.ru

ЭКСПОРТ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОНГОЛИЮ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Экспорт российского образования как направление государственной политики связан с общенациональными интересами и с потребностями регионального развития. Цель статьи состоит в изучении экспорта российского образования в Монголии и потенциала региональной системы образования Бурятии.

Ключевые слова: экспорт образования; Монголия; российско-монгольские отношения.

RUSSIAN EDUCATION EXPORT TO MONGOLIA: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

The export of Russian education as a direction of state policy is associated with national interests and with the needs of regional development. The purpose of the article is to study the export of Russian education in Mongolia and the potential of the regional education system of Buryatia.

Keywords: education export; Mongolia; Russian-Mongolian relations.

Экспорт российского образования как комплексное направление государственной политики тесно связан как с общенациональными интересами, так и с потребностями регионального развития. Образование занимает особое место во внешнеполитической практике России среди инструментов гуманитарной политики, включающих широкий спектр политических и неполитических средств, направленных на формирование привлекательного образа государства. Вместе с тем стоит отметить, что национальные стратегии развития интернационализации высшего образования, несмотря на всю актуальность вопроса, не отличаются высокой степенью проработанности [Николаев, 2022, с. 149].

Цель статьи состоит в изучении возможностей и ограничений экспорта российского образования в Монголии и потенциала региональной системы образования Бурятия. Монголия как стратегический партнер Российской Федерации является пространством устойчивых внешнеполитических интересов России, хотя при этом нельзя не отметить противоречия в их формулировании и отстаивании в постсоветский период. Так, российско-монгольские отношения в течении длительного периода характеризовались тесными экономическими, военно-политическими, культурными и иными связями. После существенного отхода от этой модели в 1990-е гг., в последнее время монгольское направление становится все более актуальным для российской внешней политики.

На рынке образования в Монголии можно констатировать возрастающее соперничество между глобальными и национальными образовательными акторами, прежде всего российскими, китайскими и «западными», в котором все большее значение приобретают политические и экономические факторы. Привлекательность российского образования в постсоветский период существенно снизилась, и «возвращение» России в Монголию сталкивается с острой конкуренцией со стороны иных образовательных систем.

Образ России по-прежнему положительно воспринимается гражданами Монголии. Многолетние исследования фонда Сант Марал показывают, что Россия лидирует в общественном мнении монгольского общества как лучший партнер, а россияне воспринимаются как наиболее хорошо сотрудничающие с монголами.

В настоящее время реализуется ряд направлений совместной российско-монгольской деятельности в сфере образования и науки. Это развитие гуманитарных проектов, направленных на повышение уровня преподавания русского языка и общеобразовательных предметов на русском языке, в рамках которых обеспечивается работа российских педагогов и методистов в заинтересованных организациях. С 2017 г. Минпросвещения России реализует гуманитарный проект «Русский учитель за рубежом». 16 декабря 2021 г. была подписана Программа сотрудничества между Минобрнауки России и Министерством образования и науки Монголии в области высшего образования и науки на 2022–2024 гг.

Ежегодно по линии Россотрудничества выделяются квоты для обучения монгольских студентов в вузах России за счет средств бюджета, включая вузы Министерства обороны. В рамках приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (2017–2025) число иностранных студентов в 2021/2022 уч. Г. составило уже 370,5 тыс. чел. Из 170 стран мира – это более 9 % от общего числа студентов в России [Доклад..., 2022, с. 157]. Для сравнения: в 2013/2014 уч. Г. число студентов – граждан других государств составляло 148 тыс. чел.

Граждан Монголии в 2021/2022 уч. Г. в российские вузы поступило 360 чел. Квота на обучение иностранных граждан в российских вузах за счет российского бюджета увеличится до 18 тыс. чел. В 2021 г., до 23 тыс. – в 2022 г. и до 30 тыс. – в 2023 г. [Постановление..., 2020]. В том числе с 500 в 2021 г. до 700 в 2023 г. увеличится квота, выделяемая для монгольских граждан. В 2017–2018 академ. Г. из 3198 обучающихся из Монголии 1810 чел. (56,6 %) учились в российских вузах очно и на бюджетной основе.

По данным Министерства образования и науки Республики Бурятия на 09.06.2022 г. в вузах и учреждениях СПО РБ обучается 134 учащихся из Монголии. Из них в вузах РБ 59 чел. (ВСГИК – 1 чел., БГСХА – 29 чел., ВСГУТУ – 11 чел., БГУ – 18 чел.), из них по квоте Россотрудничества 7 чел. (ВСГУТУ – 2 чел., БГУ – 5 чел.). В СПО РБ обучается 78 чел.

В последние несколько лет можно отметить некоторое повышение активности вузов и академических институтов России на монгольском направлении. Так, ряд вузов России (Бурятия, Москва, Алтайский край и Калмыкия) и Монголии заключили соглашения о сотрудничестве, проводятся совместные научно-образовательные мероприятия.

Можно констатировать существенное обострение международной конкуренции на рынке высшего образования Монголии. Согласно данным ЮНЕСКО в 2019 г. число выехавших за рубеж монгольских граждан с целью получения образования составило 10598 чел., из них 2707 обучаются в Южной Корее, 1438 – в Японии, 1335 – в США [Доржиева, Цыремпилова, 2020, с. 50].

В 2020 г. в рамках проекта РФФИ–Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии «“Мягкая сила” в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ» под руководством В. А. Родионова был проведен опрос российских и монгольских экспертов по вопросам российско-монгольских отношений. В исследовании приняли участие 44 российских и 49 монгольских экспертов. Согласно данным экспертного опроса, происходит ослабление сотрудничества в образовательной сфере между государствами вследствие сокращения политических, торгово-экономических и культурных связей в 1990-х гг. и усиления влияния третьих стран. Так, 36,7 % монгольских и 40,9 % российских экспертов считают, что в советско-монгольских отношениях сотрудничество в области образования было достаточно интенсивным. Что касается российско-монгольских отношений, то только 12,2 % монгольских и 6,8% российских экспертов считают, что сотрудничество в сфере образования имеет динамичный характер.

Несмотря на некоторый спад интереса к российскому образованию, по мнению монгольских экспертов, Россия все равно является наиболее предпочтительной страной для получения образования гражданами Монголии и в рейтинге стран разделяет 1 место с США. Интересно, что большинство российских экспертов считает, что для граждан Монголии получение образования в Китае и США предпочтительнее, чем обучение в России.

В 2021–2022 г. А. В. Комбаевым и Д. Мунгуншагай был проведен опрос 122 монгольских учащихся, обучающихся в вузах Бурятии, Иркутской области и Тувы. На вопрос «Как вы считаете, что нужно предпринять для того, чтобы популяризировать российское образование и российскую культуру в Монголии?» респонденты ответили, что следует: «проводить информационную работу на всех уровнях, увеличить образовательные

квоты, повысить стипендии, улучшить качество языковой подготовки»; «хорошо ознакомить выпускников средних школ в Монголии с вузами России, показать перспективы и возможности выбора в многообразии российского образования»; «показать реальные результаты, например, тех, кто окончил российские вузы, показать, что эти люди работают в той сфере, где хотели»; «как можно больше рекламировать русский язык не только в столице, но и в отдаленных местностях» [Комбаев, Мунгуншагай, 2022, с. 219].

Востребованность российского образования среди граждан Монголии связана с действием нескольких факторов. Во-первых, в Монголии до сих пор присутствует инфраструктура, созданная на «советских/российских стандартах». В связи с этим возникает потребность в обслуживании многих объектов специалистами, получивших соответствующее образование в России. Во-вторых, сохранение тесных связей в области науки и образования, наработанных за советский период. В-третьих, российское образование по соотношению «цена-качество» более доступно, чем обучение в других странах. Также интерес к российским вузам обусловлен программой предоставления квот на обучение иностранных граждан в российских вузах за счет бюджета.

Таким образом, очевидна необходимость поиска наиболее эффективной стратегии России по выстраиванию политики экспорта образования в Монголии. В свою очередь, стратегия должна включать в себя определенный набор методов и средств ее реализации.

Источники и литература:

Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. М., 2022. 142 с.

Доржиева И. Ц., Цыремпилова Э. В. Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 46–52.

Комбаев А. В., Мунгуншагай Д. Российское образование как «мягкая сила»: образовательные стратегии монгольских студентов // Власть. 2022. № 3. С. 216–220.

Николаев В. К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 2. С. 149–166.

Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Гыргенова Баирма Сергеевна

кандидат исторических наук

Министерство образования и науки Республики Бурятия

Улан-Удэ, Российская Федерация

g_bairma_s@mail.ru

О ПРОВЕДЕНИИ СРЕДИ ГРАЖДАН МОНГОЛИИ КОНКУРСА ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ И ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена краткому анализу конкурса 2022 г. среди граждан Монголии на право обучения в учебных заведениях Бурятии. Все затраты образовательного характера для победителей конкурса осуществляются за счет средств республиканского бюджета.

Ключевые слова: Министерство образования и науки Республики Бурятия; конкурс; кампус.

ON HOLDING A CONTEST AMONG MONGOLIAN CITIZENS TO PROMOTE AND STUDY THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to a brief analysis of the 2022 competition among the citizens of Mongolia for the right to study in educational institutions of Buryatia. All educational expenses for the winners of the competition are carried out at the cost of the republican budget.

Keywords: Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia; contest, campus.

В октябре 2022 г. Министерством образования и науки Республики Бурятия (далее – Министерство) был проведен международный конкурс среди граждан Монголии на право обучения за счет средств бюджета Республики Бурятия в ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова» (далее – БГУ) и ГБПОУ «Бурятский республиканский педагогический колледж» (далее – БРПК). Цели и задачи конкурса: укрепление позиций русского языка, формирование положительного образа России в Монголии, расширение целевой аудитории, совершенствующей уровень владения русским языком. Участниками конкурса стали граждане Монголии в возрасте от 15 до 35 лет. Конкурс был проведен дистанционно на интернет-платформе <https://my.bsu.ru/lwb/> в два этапа: отборочный и финальный. Задание отборочного этапа заключалось в написании эссе «Почему я хочу изучать русский язык» (на монгольском языке). Необходимо отметить, что часть конкурсантов представили эссе на русском языке. Финальный этап проходил в виде собеседования дистанционно.

Конкурсные испытания были организованы для двух целевых аудиторий:

- конкурс среди граждан Монголии в возрасте от 15 до 35 лет, кто желал получить образование в БРПК по специальностям «Преподавание в начальных классах» с дополнительным модулем «Русский язык и литература»; «Дошкольное образование» с дополнительным модулем «Русский язык и литература»;

- конкурс среди граждан Монголии в возрасте от 18 до 35 лет, кто хотел бы учиться в БГУ по направлению Филология (образовательная программа «Преподавание филологических дисциплин, русский язык и литература»).

Всего участниками конкурса стали 68 чел., из них изъявили желание поступить на обучение в БРПК 35 чел., в БГУ 33 чел. География участников конкурса охватывала 4 города и 13 аймаков Монголии: города Улан-Батор, Дархан, Булган, Сухбаатар, Селенгинский, Архангайский, Дархан-Уульский, Дорнодский, Баянхонгорский, Увур-Хангайский, Хубсугульский, Завханский, Хэнтийский, Центральный, Орхонский, Булганский, Орхонский аймаки. В конкурсе приняли участие обучающиеся школ, лицеев, колледжей, университетов Монголии, а также граждане, имеющие высшее образование. По итогам конкурсных испытаний были определены 40 победителей, рекомендованных жюри к зачислению в БГУ и БРПК (по 20 чел. в каждое учебное заведение). В настоящее время все 40 граждан Монголии начали обучение в БГУ и БРПК. Обучающиеся в вузе летом 2023 г. сдают тестирование на знание русского языка и при успешной сдаче будут зачислены на 1 курс бакалавриата.

Министерство разработало нормативно-правовую базу для проведения конкурса. Необходимо отметить, что оплата расходов на проведение конкурса, включая визовое оформление, проезд, страховку, а также финансирование стоимости обучения в учебных

заведениях, проживание в общежитии, выплата стипендии осуществляются за счет средств республиканского бюджета. Опыт Республики Бурятия по обучению иностранных граждан за счет средств субъекта на сегодняшний день является единственной практикой из всех регионов РФ. Было подготовлено постановление Правительства Республики Бурятия № 796 от 20.12.2022 г. по утверждению порядка предоставления из республиканского бюджета грантов в форме субсидий образовательным организациям высшего образования, расположенным на территории Республики Бурятия, на возмещение части затрат, связанных с мероприятиями образовательного характера, направленными на популяризацию и развитие русского языка.

Проведение конкурса является одной из составляющих большого проекта под названием кампус. В 2022 г. Правительство Республики Бурятия совместно с вузами Бурятии приступило к реализации масштабного проекта по строительству в центральной части г. Улан-Удэ современного студенческого кампуса мирового уровня. В соответствии с заявкой к 2027 г. будут построены учебно-лабораторные корпуса и общежития для проживания 2500 студентов из 5 вузов Бурятии, в том числе для 500 иностранных студентов. Межвузовский студенческий кампус «Байкал» станет центром формирования современной научно-образовательной среды в интересах развития региона и международного сотрудничества с Монголией.

Источники:

Граждане Монголии приедут в Бурятию изучать русский язык [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/444930/> (дата обращения: 26.02.2023).

Материалы заседания Совета по науке и инновациям при Главе Республики Бурятия от 03.11.2022 г.

Текущий архив Министерства образования и науки Республики Бурятия за 2022 г. // Международное сотрудничество вузов.

Цыбикова Сэсэгма Жигжитовна

кандидат филологических наук

Бурятский республиканский институт образовательной политики

Улан-Удэ, Российская Федерация

symfonia60@mail.ru

ВОСПИТАНИЕ ЛЮБВИ К РОДИНЕ ЧЕРЕЗ АУДИОУРОКИ «ЮСЭН ЭРДЭНИ – ДЕВЯТЬ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ»

Аудиокурс бурятского языка для детей «Юэн эрдэни – Девять драгоценностей» будет способствовать повышению мотивации к изучению родного языка, культуры, всемерно содействовать расширению сферы использования бурятского языка, повысит уровень мотивации к изучению бурятского языка, культуры и что немаловажно, формирует гражданско-патриотическую позицию детей. Мобильный и доступный онлайн-курс с видео новых детских песен и рассказов, сочетает в себе подход к изучению бурятского языка, культуры и традиций, на которых формируются нравственные ценности народа, без которых невозможно формирование чувства патриотизма у детей.

Ключевые слова: чувство патриотизма; формирование; бурятский язык; обычаи и традиции, аудиоуроки; познавательный потенциал текстов.

Tsybikova Sesegma Zhigzhitovna

Candidate of Sciences in Philology

Buryat Republican Institute of Education Policy

Ulan-Ude, Russian Federation

THE DEVELOPMENT OF A PATRIOTIC SENSE THROUGH THE AUDIO COURSE «ЮСЭН ЭРДЭНИ – NINE JEWELS»

The audio course of the Buryat language for children “Юсэн эрдэни – Nine Jewels” will increase motivation to study the native language, culture, promote in every way the expansion of the sphere of the use of the Buryat language, increase the level of motivation to study the Buryat language, culture and, importantly, it forms the civil-patriotic position of children. A mobile and accessible online course with videos of new children’s songs and stories, combines an approach to the study of the Buryat language, culture and traditions, on which the moral values of the people are formed, without which it is impossible to form a sense of patriotism in children.

Keywords: feeling of patriotism; formation; Buryat language; customs and traditions, audio lessons; cognitive potential of texts.

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования имеют место такие требования, как «воспитание чувства гордости за национальные свершения, открытия, победы; сформированность уважительного отношения к родному краю, своей семье, истории, культуре, природе нашей страны» [Федеральный государственный..., 2010, с. 5]. В связи с этим следует подчеркнуть, что текстовый, песенный материал курса «Юсэн эрдэни – Девять драгоценностей» воспитывает любовь к малой Родине, к семейным ценностям. Все онлайн-уроки, являясь частью большого образовательного процесса, подчиняются триединой цели: обучающей, развивающей и воспитательной.

Создание цикла аудиоуроков «Юсэн эрдэни» будет всемерно содействовать расширению сферы использования бурятского языка, сыграет свою положительную роль в обучении родному языку подрастающего поколения бурятского народа. Данный курс предполагает повышение уровня мотивации к изучению бурятского языка, культуры и что немаловажно, формирование гражданско-патриотической позиции детей. Аудиокурс мотивирует и позволяет детям овладеть языком быстро и свободно, «способствует формированию у учащихся интерес и положительное отношение к бурятскому языку, к культуре народа» [Нанзадай, 2009, с. 201].

Аудиокурс состоит из 9 блоков, в каждом блоке 10–15 уроков. Игровой и креативный подход в обучении языку обеспечивает получение удовольствия при изучении языка. Хронометраж одного аудиоурока составляет 15–20 минут. Общий хронометраж всего цикла – не менее 1800 минут. После каждого блока спрограммирован тест – все 9 проверочных тестов выполнены в виде компьютерной игры, где дети будут собирать драгоценные камни, по числу камней в конце игры будут получены определенные награды. Также во время детского часа в эфире радиоканала «Буряад ФМ» будет запущена радиовикторина среди детей по данному онлайн-курсу. Обучающиеся проверяют себя, насколько далеко они могут действовать в рамках данной темы. При этом они собирают соответствующие каждому блоку драгоценные камни. Тестовые вопросы дублируются в онлайн-курсе. Изучение языка методом погружения приводит к радости и успехам учеников. Дети могут не только слушать и повторять уроки, но и смотреть клипы, видео, играть в тестовые игры.

Аудиоуроки онлайн курса бурятского языка для детей «Юсэн эрдэни – Девять драгоценностей» разделены на 9 блоков. Почему число «9»? Число «9» – сакральное число у бурят-монголов. В бурятском фольклоре дающее тепло и жизнь солнце и луна имеют 8 и 9 лучей. Самые почитаемые предметы ассоциируются с числом «9», например, 9 видов белой

пищи и. т.п. Каждый из девяти блоков назван именами драгоценных и полудрагоценных камней: золото, серебро, медь, коралл, бирюза, малахит, жемчуг, перламутр и лазурит. Темы по блокам, включающие материалы по истории и культуре, расширяют знания о традициях и обычаях народа, являются одной из эффективных форм воспитания патриотизма.

Говоря о роли аудиотекстов в формировании мировоззрения детей, Е. И. Пассов и Н. Е. Кузовлева отмечают: «Мировоззрение – это система тех ценностей, которые присвоил человек. Именно они руководят всей жизнедеятельностью человека. А присваиваются они только через культуру, которая, как мы знаем, и есть система ценностей» [Пассов, 2010, с. 29]. В систему ценностей в первую очередь входит «воспитание патриотизма как потребности и способности к деятельной любви к своей Родине» [Там же, с. 30]. Например, песня «Баяртайб» (Радуюсь) включает в себя проявление гражданских чувств: *Нарата дэлхэйдээ нютагтай ябаһандаа, баяртайб, баяртайб. Буряадтаа, арадтаа, Бархандаа, Саяандаа, Байгалдаа* [Дарибазарова, 2014, с. 32] ‘На солнечной земле родимый край имея, радуюсь, радуюсь. Моей Бурятии, своему народу, Бархан-горе, Саянам, Байкалу’ (здесь и далее перевод наш. – С. Ц.). В аудиокурсе множество заданий к стихам, песням, клипам, содержание которых связаны с развитием патриотических чувств. Например, песня «Минии баялиг» (Мое богатство) вселяет гордость за красоту родного края, родной природы: *Алтан наран, арюун дэлхэй – Минии баялиг* ‘Солнце золотое, земля широкая – Мое богатство’.

Аудиоуроки также затрагивают тематику культурных и религиозных традиций. Например, во время Белого месяца – Сагаалгана существует традиция развешивать древо удачи – *хиш морин*. На стихи Ц.-Х. Дарибазаровой написана песня и снят клип. Дается полезная информация, какого цвета древо соответствует твоему году: *Дурбэн үнгын хиш морид / Дүүлээ сэбэр агаараар. / Найдал зориг үршөөгөөл / Нангин тугай чандмани. / Хүхэ – хулгана, луу, бишэн, / Ногоон – туулай, хонин, гахай, / Шара – бар, нохой, морин, / Сагаан – үхэр, тахья, могой* ‘«Кони удачи» четырех цветов / Развешаются на свежем воздухе. / Надежду и смелость вселяет / Драгоценность священного флага. / Синий – Мышь, Дракон, Обезьяна. / Зеленый – Заяц, Овца, Свинья. / Желтый – Тигр, Собака, Лошадь. / Белый – Бык, курица, Змея’.

Что касается новизны текстов, 80% текстового материала впервые применяются в данном курсе. Курс в основном состоит из стихов, написанных специально для данных аудио уроков поэтами Ц.-Х. Дарибазаровой, Н. Артугаевой, и около 60 новых песен, созданных именно для этого курса композитором Наранбаатарай Нар-Оюу.

В аудиокурсе предлагаются такие типы текстов, как песни, стихи, рассказы, короткие диалоги познавательного, страноведческого характера с содержанием незначительного количества незнакомых языковых средств. При аудировании данного материала формируются учебные, компенсирующие умения. «Компенсирующие (адаптивные) умения позволяют учащимся понимать звучащий текст при условии ограниченного языкового и речевого опыта. Например, пользоваться языковой и контекстуальной догадкой; узнавать типы предложений по интонации» [Гальскова, Гез, 2006, с. 179]. Также содержание материала играет большую роль в патриотическом воспитании школьников, формирует у детей правильные отношения к истории своего народа, любовь к языку и культуре. Можно бесконечно перечислять темы, работая над которыми, учащиеся могут увидеть красоту родной природы, оценить ценность бурятской культуры, прикоснуться к подвигу предков.

Созданный онлайн-курс будет предложен педагогам-предметникам и заинтересованным родителям через сайт: <https://buryadxelen.com/>. Раздел сайта будет пополняться материалами для уроков.

Итак, авторский, мобильный и доступный онлайн-курс с видео новых детских песен и рассказов сочетает в себе подход к изучению бурятского языка, культуры и традиций, на которых формируются нравственные ценности народа, без которых невозможно формирование чувства патриотизма у детей. Данный проект имеет образовательное, развивающее и воспитательное значение и, безусловно, является очень своевременным.

Источники и литература:

Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учебное пособие. М.: ИЦ Академия, 2006. 336 с.

Дарибазарова Ц.-Х. Булжамууртын орондо. В стране жаворонка. Улаан-Үдэ: Нова Принт, 2014. 192 с.

Минии баялиг – Мое богатство: песня // Министерство культуры Бурятии [YouTube- канал], 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u513Qsyc7fo>

Нанзадай Д. Ц. Формирование фонетических навыков и умений на уроках бурятского языка как государственного // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 15. С. 200–205.

Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д: Феникс; М: Глосса-Пресс, 2010. 640 с.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Просвещение, 2010. 31 с.

Хий морид – Кони ветра: песня // Министерство культуры Бурятии [YouTube-канал], 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7eRXjtyjyxI>

Юсэн эрдэни – Девять драгоценностей: цикл аудиоуроков бурятского языка: проект // Фонд президентских грантов. URL: <https://xn—80afcdbalict6afooklqi5o.xn—p1ai/public/application/item?id=FF2EB6E9-F880-442A-9C04-E4342BA5E61A> (дата обращения: 19.10.2022).

РАЗДЕЛ 6 ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В ВОСТОЧНОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

努尔宝

哈萨克斯坦阿布赉汗国际关系与外语大学
阿拉木图市, 哈萨克斯坦
zhanadil.nurbol@mail.ru

初探汉语和哈萨克语中的社交称谓词

中国和哈萨克斯坦是友好邻邦, 随着中国倡议“一带一路”新的经济政策的大背景下中哈之间的人文交流日益密切, 但有关称谓词领域的研究还处于初步阶段, 本论文初步弥补双语之间该空白。

关键词: 中国; 哈萨克斯坦; 称谓词.

Zhanadil Nurbol
Kazakh Ablai Khan University
of International Relations and Foreign Languages
Almaty, Kazakhstan

A PRELIMINARY EXPLORATION OF SOCIAL APPELLATIONS IN CHINESE AND KAZAKH

China and Kazakhstan are friendly neighbors. With the new economic policy of China's initiative of "One Belt, One Road" and the background of "the common destiny of mankind", the cultural exchanges between China and Kazakhstan are getting closer. However, the research in this field is still in the preliminary stage, this thesis initially explores the terminology between bilinguals.

Keywords: China; Kazakhstan; appellation.

语言是重要的思维工作和交际工具, 称谓语是语言词汇的重要组成部分之一, 也是富含民族文化特色的语言成分。称谓语是人际称谓系统的一个重要组成部分, 与社会结构和社会文化密不可分。不同民族社会有着各自的复杂性和独特性, 导致不同语言的称谓语也是极其复杂和独特。然而汉哈社交称谓系统中的通用社交称谓语有极其相似的地方, 当然也有一定的差异。

中国和哈萨克斯坦是友好邻国, 随着中国国际地位的稳步提升及全球化进程的加快, 以及“一带一路”的建设开展, 近几年两国之间的政治、经济、文化交流日益加深, 往来愈发紧密, 有更多像我一样的哈萨克斯坦留学生来到中国, 中国也有更多的人到哈萨克斯坦生活工作。哈萨克斯坦人与中国人的文化和思维模式不同, 因而体现在语言上也各不相同。

社会交往是在一定的条件下, 个体间相互往来, 进行物质和精神文化交流的社会活动。社交称谓语是人际互动中的重要组成部分, 是除去亲属称谓语以外的反映人们在社交活动中相互关系的表达方式。汉语中部分亲属称谓可直接用作社交称谓, 如: 阿姨、叔叔等。而在哈萨克语中一般需要在亲属称谓词后加词缀才可用来称呼, 如: *ana* (妈妈) 在社交中变为 *anaï* (阿姨), *aza* (哥哥) 在社交中变成 *azaï* (叔叔或大哥), *ama* (爷爷) 在社交中变成 *amaï* (大爷) 等。称谓语研究是社会语言学的重要课题之一, 在过去的几十年时间里,

中哈学者都对这一语言现象作过系统性的研究。把老前辈语言学家们的研究成果作为自己的理论基础，在看到汉哈称谓语复杂性的同时，也会发现汉哈称谓语都在经历新的变化，而其主要原因是面临着全球化、强势语言和互联网等的冲击。

主要用于社会场合，应用广泛。现代汉语常用的社交称谓有：主人、先生、女士、同志、小姐等。这些地址可以直接用作个人地址，经常是别人的，也可以根据情况用于其他地址，如小林同志，张师傅，先生但这些名称的使用有其自身的局限性，不像哈萨克语中的“*мырза*”，几乎可以称呼所有男性，用“*ханым*”来称呼所有的女性。“同志”这个词曾经是中国社会通用语言中使用的最广泛的名称，几乎每个人都能称得上同志，不论年龄、职业、性别。后来逐渐被“师傅”取代，然后因为可以说同性恋而被贬抑。现在使用的越来越少了。

中文参考文献：

刘知几：《唐书》。

词源》，商务印书馆，1915年。

杨应芹，诸伟奇：《古今称谓词》黄山书社，1989年。

孙维张《佛源语词典》，语言出版社出版，2007年1月。

《现代汉语词典》，商务出版社，2021年1月。

王冠宇：《从社会称谓词中的通称词看汉民族的文化心理》，旬刊：《文化创新比较研究》。

Морозова Ольга Николаевна
доктор филологических наук
Амурский государственный университет
Благовещенск, Российская Федерация
morozova_olga06@mail.ru

ТУНГУССКИЙ МИР РОССИИ И КИТАЯ: РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕГИОНЕ ТРАНСГРАНИЧЬЯ

В статье представлен анализ речевой коммуникации тунгусских малочисленных народов, проживающих на территориях российско-китайского трансграничья Верхнего Амура. Показана специфика артикуляционной трансформации речи эвенков и ороочонов в начале XXI в.

Ключевые слова: тунгусы России и Китая; трансграничье; эвенкийский; ороочонский.

Morozova Olga Nikolaevna
Doctor of Sciences in Philology
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

THE TUNGUS WORLD OF RUSSIA AND CHINA: CROSS-BORDER VERBAL INTERACTION

The article presents an analysis of the Tungus peoples communication living in the Russian-Chinese cross-border area of the Upper Amur. The specifics of the articulatory transformation of the Evenks' and Oroqens' speech in the 21st century are shown.

Keywords: Tungus of Russia and China; cross-border; Evenki; Oroqen.

Тунгусский мир, тунгусская цивилизация в нашем понимании – это гипотетическое международное трансграничное сообщество, объединенное общей причастностью к тунгусской культуре (как материальной, так и духовной) и говорящее на тунгусских языках России и Китая. В нашей статье мы будем рассматривать тунгусский мир как явление исключительно культурной сферы, как социокультурную реальность сегодняшнего дня, имеющую свою историю, традиции, меж- и внутривидовую коммуникацию.

В настоящее время тунгусская цивилизация, основанная на общей этничности, религии и историческом наследии, объединяет в зоне российско-китайского трансграничья эвенков России, с одной стороны, и солонов (эвенков-солонов), тунгусов-хамниган (эвенков-хамниган), эвенков-якутэ (эвенков-яко, эвенков-якутов, проживающих в Аологуе), ороحوнов Китая – с другой. Все вышеперечисленные тунгусские группы разговаривают на северной разновидности тунгусских языков. Имеется также трансграничное сообщество южных тунгусов, в которое входят нанайцы России и хэджэ Китая.

Все без исключения языки тунгусско-маньчжурской языковой семьи относятся к языкам исчезающим, терпящим бедствие. Старшее поколение тунгусов 60+ России и Китая усвоило этнический язык в детстве и еще использует его в своей коммуникации. Среднее поколение понимает язык родителей, но его не использует в повседневной речи, предпочитая доминирующий язык своих государств. Молодежь и дети тунгусов России и Китая не говорят и не понимают (за редким исключением) язык своих предков.

По мнению китайских экспертов [Ли, 2022], у ороحوнов уже среднего возраста (от 35 до 60 лет) приграничной к России провинции Хэйлунцзян КНР произошла полная языковая ассимиляция, в их китайской речи нет ороحوнского акцента, их китаеязычная коммуникация не имеет отличительных черт, которые бы выдавали их этническое тунгусское происхождение.

Тем не менее, ороحوнский язык КНР показывает свою устойчивую жизнеспособность при речевом взаимодействии старшего поколения. Носители ороحوнского языка 60+ являются активными коммуникантами на культурных мероприятиях как межрегионального характера (национальные праздники «Ороحوнский костер», юбилеи оседлой ороحوнской жизни), так и международного уровня (Российско-китайская ярмарка культуры и искусства, Международная олимпиада «Турэн», Эвенкийские праздники «Бакалдын», «День оленевода и охотника» в приграничной Амурской области РФ). Пожилые ороحوны, владеющие родным языком с детства, становятся «катализатором» развития тунгусского приграничного этнотуризма. Так, китайско-орочонские группы участников Международной олимпиады по языку и культуре эвенков, эвенков России и ороحوнов Китая «Турэн» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет) состоят наполовину (62%) из ороحوнов, которым более 55 лет. Общение на родных тунгусских языках ороحوнов Китая и эвенков России в зоне трансграничья имеет место главным образом благодаря инициативному старшему поколению, которое популяризирует этнический язык среди молодежи.

В эпоху развития интернета необычным является отсутствие международной сетевой электронной коммуникативной культуры российско-китайских тунгусских сообществ, думающих и говорящих на тунгусских языках (за исключением единичных примеров). Тунгусское электронное зарубежье Китая сосуществует отдельно от российского тунгусского веб-сообщества. Российские эвенки, эвенки, нанайцы включены в солонские, ороحوнские, хэджэские группы китайского мессенджера Wechat, но активного участия в электронной голосовой коммуникации не принимают, поскольку звучащая речь тунгусов России и Китая претерпела значительную артикуляционную трансформацию в течение последнего столетия.

Понимают ли речь друг друга эвенки России и орочны Китая, проживающие на приграничных территориях Верхнего Приамурья? Понимают, но с трудом. А многие носители эвенкийского языка РФ откровенно говорят, что не понимают. Другими словами, речевое взаимодействие тунгусов, проживающих в зоне российско-китайского трансграничья, выявило трудности общения на их генетически родственных языках, обусловленные различием на всех уровнях языковой структуры (в фонетике, грамматике и лексике). Именно поэтому изучение трансформационных процессов тунгусских языков различных регионов (включая трансграничный) в фокусе последнего столетия (XX–XXI вв.) требует особого внимания. Как показывают наши экспедиционные данные, на территории российско-китайского трансграничья проходит амурская изоглосса (изофона) северо-тунгусского языкового континуума. Более того, лингвистические ситуации у эвенков РФ и орононов КНР представляют собой «зеркальное» билингвальное пространство, где наблюдается широкая палитра звуковых изменений, произошедших с эвенкийским языком под влиянием русского и якутского, с орононским языком под влиянием солонского, даурского, китайского, маньчжурского, монгольского [Морозова, 2021, с. 340]. Следовательно, звучащая речь тунгусов правого и левого берегов Амура претерпела значительные преобразования в ситуации разных языковых контактов и в настоящее время обладает следующими отличительными признаками.

Так, орононская фонетика, в отличие от эвенкийской, в контактной ситуации с китайским и монгольским (даурский диалект) языками не потеряла свойственную тунгусским языкам придыхательность или, другими словами, аспирацию (акустический эффект, который состоит в щелевом шуме после окончания смычной консонантной артикуляции) смычно-взрывных глухих согласных /p^h, t^h, k^h/. Инструментом поддержки и сохранения орононской придыхательности, по нашему мнению, послужило наличие сходной фонетической характеристики китайских аналогичных инициалей, которым также свойственны большая интенсивность и длительный выдох воздуха в период фазы смычного сегмента – раскрытия смыка [Каверина, 1998, с. 81]. В языке же эвенков России аспирация у рассматриваемых согласных слабее. Различие между эвенкийскими парами альтернирующих смычно-взрывных согласных /p-b, t-d, k-g/ заключается не в придыхании, а в звонкости; придыхание же регистрируется у глухих пар рассматриваемых согласных в качестве сопутствующего признака (вплоть до его полного отсутствия) [Морозова, 2021, с. 342].

Кроме того, говорить об общем артикуляционном укладе речи китайских орононов и российских эвенков не приходится: у орононов он апикулярный, у эвенков – дорсальный. Однако апикулярный артикуляционный уклад, свойственный речи тунгусов РФ (ербогачёнский эвенкийский), все же был зарегистрирован в лаборатории фонетики в Ленинградском государственном университете [Матусевич, 1960, с. 138]. К 80-м гг. XX в. конкурирующие апикулярные и дорсальные варианты переднеязычных согласных стали фактом звукового строя эвенкийского языка России [Андреева, 1988, с. 62]. А в начале XXI в. эвенкийские переднеязычные согласные по типу настройки основного произносительного органа (языка) определялись как дорсальные; кончиковых же апикулярных в эвенкийском языке уже не было обнаружено [Селютина и др., 2014, с. 190].

Также для орононского и эвенкийского языков российско-китайского трансграничья существует специфика в реализации законов фонотактики, которая определяет правила сочетаемости фонем. В области консонантизма в речи орононов и эвенков реализуются разные стратегии при дистрибуции гуттуральных фонем, эллиптирования интервокальных согласных, палатализации консонантной настройки. Вокализм орононского языка показывает стечение гласных, приводящее к образованию контекстуальных дифтонгов.

Фактом ороchonско-китайской интерференции является самостоятельное мелодическое оформление ороchonского слога.

Таким образом, анализ речевого взаимодействия тунгусов, проживающих в зоне трансграничья, демонстрирует факты трансформации речи эвенков России и ороchonов Китая. Значительная дивергенция звуковых систем тунгусских идиомов Амура, зафиксированная нами в начале XXI в., несет в себе неразрешимые трудности для понимания звучащей связной речи при вербальной ороchonско-эвенкийской коммуникации двух стран.

Источники и литература:

Ли Ифан. Экспертиза речи ороchonов провинции Хэйлуцзян КНР (рукопись). 16.05.2022. Лаборатория экспериментально-фонетических исследований Амурского гос. ун-та, 2022.

Каверина В. В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 6. С. 78–92.

Матусевич М. И. Очерк системы фонем ербогочёнского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1960. Вып. 40. № 237. С. 132–169.

Морозова О. Н. Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков): дисс. ... д-ра филол. наук. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2021. 481 с.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Добринина А. А. Типологическая специфика эвенкийского консонантизма (по данным рентгенографирования и МР-томографирования) // Сибирский филологический журнал. 2014. С. 186–191.

Тишин Владимир Владимирович

кандидат исторических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

tihij-511@mail.ru

Нанзатов Баир Зориктоевич

кандидат исторических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

nanzatov@yandex.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII В. КАК ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ФОНЕТИКИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В докладе предлагается обратить внимание на потенциальные возможности интерпретации сведений русскоязычных документов XVII в. как источника по истории бурятской фонетики. Авторами приведены некоторые примеры зафиксированных имен собственных, свидетельствующие о локально неравномерном развитии фонетических особенностей бурятского языка на территории Западного Прибайкалья, по меньшей мере, уже к середине XVII в.

Ключевые слова: бурятский язык; историческая фонетика; этнонимика; личная ономастика.

Tishin Vladimir Vladimirovich
Candidate of Sciences in History
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

Nanzatov Bair Zoriktoevich
Candidate of Sciences in History
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

ON PROSPECTS FOR STUDYING 17TH CENTURY RUSSIAN DOCUMENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF PHONETICS OF THE BURYAT LANGUAGE

The paper attempts to draw to the potential possibilities of interpreting data from Russian documents of the 17th century as a source on the history of Buryat phonetics. They are given some examples of proper names attested, demonstrating that the development of the phonetic features of the Buryat language in the territory of the Western Baikal region, at least by the middle of the 17th century, had local features.

Keywords: Buryat language; historical phonetics; ethnonymy; onomastics.

Введение. Бурятский язык неоднороден и состоит из ряда говоров, которые, следуя наиболее традиционной классификации, подразделяются на восточные (в том числе хоринский, в 1936 г. утвержденный в качестве литературного языка), западные (довольно разнородная группа) и южные, более тесно исторически связанные с халха-монгольскими диалектами.

Восточные и западные говоры, иногда именующиеся «традиционными бурятскими (с точки зрения лингвистической идентификации) говорами», содержат ряд фонетических характеристик, отличающих бурятский среди остальных монгольских языков.

письм.-монг. *si* > бур. *šV*

письм.-монг. *-s* > бур. *-d* (в конце слов или основ)

письм.-монг. *s* > бур. *h* (в инициальной или интервокальной позиции, не перед *i*)

письм.-монг. *č* > *s* (в позиции не перед *i*)

письм.-монг. *či* > бур. *šV*

письм.-монг. *ǰ* > бур. вост. *z*, бур. зап. *j* (в позиции не перед *i*)

письм.-монг. *ǰi* > бур. *žV*

письм.-монг. *q, k* > бур. *χ*

письм.-монг. *gi* > бур. *ji*

Наиболее яркими отличительными чертами бурятского языка являются наличие фарингального *h* (< **s*) и отсутствие (кроме южных говоров) аффрикат *ts*, *dz* в позиции не перед *i* и *č*, *dž* в позиции перед *i*, которые перешли соответственно в *s*, *z* (бур. зап. *j*) и *š*, *ž*. Достаточно отчетливо эти и другие фонетические особенности оформились уже во второй половине XVIII в., хотя некоторые приведшие к ним процессы проходили неравномерно и были растянуты во времени, продолжаясь и сегодня.

Последовательность и логика фонетических изменений в известной степени исследованы и объяснены [Рассадин, 1982; Бураев, 1987]. Некоторые дискуссии вызывает начальный этап этих изменений. Это обусловлено недостатком источниковой базы.

Дискуссия. Самыми ранними источниками, достоверно упоминающими бурят – и в смысле идентификации названия населения занимаемых территорий, и в лингвистическом смысле – выступают русскоязычные документы XVII в., так называемые «отписки» сибирских служилых людей и казаков вышестоящему начальству (прежде всего: [Сборник..., 1960]; и др.). Привлечение исследователями зафиксированных в них форм племенных названий, личных имен, топонимов, некоторых терминов носит случайный характер. Это отчасти обусловлено самими особенностями источников. Интерпретация орфографически зафиксированных в текстах форм иноязычных слов не всегда однозначна, в ряде случаев требуя внимательного отношения в связи с возможными искажениями, вызванными своеобразной адаптацией воспринятого передатчиком или писцом оригинального звучания, особенностями речи переводчиков (если их наличие вообще удастся установить), элементарными описками (которые не всегда можно идентифицировать).

Г. Д. Санжеев на основе этих документов утверждал, что в бурятском языке к началу XVII в. еще не произошло изменений $s > h$, $ts > s$, $\check{c} > \check{s}$ [Санжеев, 1953, с. 9], в то же время он предложил теорию, согласно которой исчезновение аффрикат должно быть отнесено к XIV–XV вв. [Там же, с. 91–114], оговариваясь, что эти процессы могли быть протяженными во времени [Там же, с. 96]. Следовавший ему Ц. Б. Будаев отнес завершение всех основных процессов ко времени не ранее XVIII в. [Будаев, 1992, с. 44, 47, 49 и др.]. Л. Кларк условно поместил процесс развития письм.-монг. $s > *\theta >$ бур. h между 1660 и 1720 гг., отнеся к последней хронологической границе и завершение дезаффрикатизации [Clark, 1979].

Подробное рассмотрение материалов XVII в. позволяет сделать некоторые дополнительные наблюдения относительно хронологии развития фонетики бурятского языка и ее локальной специфики.

Анализ. Формально можно выделить по разным берегам р. Ангары два территориальных ареала бурятского населения – чисто географически, без увязки с какими-либо племенными объединениями и безотносительно к состояниям говоров, изученных и классифицированных в XX в. – демонстрирующих уже к первой половине XVII в. фонетические признаки, различающиеся с точки зрения стадияльных закономерностей развития языка.

Левобережный ареал

Первыми подданные российского царя столкнулись с бурятским населением к западу от р. Ангары: заочное знакомство произошло в 1609 г., когда в русскоязычные документы попало закрепившееся название *браты*, *бра(м)цкий*, отражающее уже редуцированное произношение $br'ād \sim bar'ād < bur'ād (< *buriyad)$, характерное для некоторых современных говоров (аларский, нижеудинский, окинский).

Отмечены другие характеристики, демонстрирующие уже довольно продвинутое с точки зрения законов бурятской фонетики состояние.

$si > \check{si}$: племенное название *ашахабат*, *ашехабат* (уп. 1652–1653 гг.): уже вторичное метатезированное произношение от исходного $*asibuyad$.

$-s- > -h-$: имя «князца» $*Kохоня$, $*Kохонь$ (уп. 1628–1629 гг.): письм.-монг. *qoγusun*, халх. *хоосон*, бур. *хоохон*, калм. *хоосн*, дагур. *хōсон* 'пустой, порожний'.

Эта интерпретация приводит к таким выводам: (1) изменение $*q- > \chi-$ не произошло (затянутый характер этого процесса подтвержден тем, что латинская *k* или кириллическая *к* отмечаются в записях заднерядных слов вплоть до конца XVIII в.); (2) осуществление развития $s > h$, где звук $*[h]$ отражен кириллической литерой *х*; (3) исторический комплекс -VgV- представлен долгим гласным, который не отражен русскоязычной записью; (4) смягчение концовки в русскоязычной записи может отражать форму родительного падежа: $*qoohon > *qoohoni$.

***j > džV > dzV:** имя «князца» *Изень* (уп. 1647 г.): письм.-монг. *ejen*, халх., бур. *эзэн*, бур. *эжэн*, калм. *эзн*, дагур. *эджин*, дунс. *эджэн* ‘хозяин, владелец; (ист.) господин, владыка, повелитель’.

Правобрежный ареал

Записи, относящиеся к бурятскому населению восточнее р. Ангары, в частности в долинах р. Куды и верховий р. Лены, показывают более консервативные фонетические характеристики и их развитие именно в течение второй половины XVII в.

а) Не произошло таких изменений:

si > ši: племенное название **осибугатский*, **супугайский*, **супогайский*, **сипугайский*, **сипугаи* и др.: **asibuyad*.

či- > šV-: имя *Чевдоком*, **Чевдок* (уп. 1641 г.): письм.-монг. *čibday*, халх. *чавдаг* ‘скупой; медлительный; текущий тонкой струей; текущий еле-еле (*о моче при болезни*)’, бур. *шабдаг* ‘редкий; немного, мало’.

č- > *ts- > s-: имя *Чокор*, **Чекор*, *Чакур*, *Чокур* (уп. 1645–1647 гг.): письм.-монг. *čoyoqir* ‘пестрый’, халх. *цоохор*, бур. *соохор* ‘пестрый, чубарый (*о масти*)’; ср. эвенк. баргуз. *чōкур* ‘пестрый’ (< монг.).

-s- > -h-, что вытекает логически.

б) Незавершенное состояние процессов:

-s > -d: **икереженский*, *икереженский*, *икиреженцы* (уп. 1641 г.), *икиреж*, *икирежей* (уп. 1642 г., Асс.), *икирежан* (уп. 1645 г., Ген.), *икирежский* (уп. 1642 г.), и др.: **ikereθ* (< **ikeres*). Ср. в материалах Я. И. Линденау, собранных в окрестностях Качуга (уп. 1745 г.), наряду с формой *Ikirit* именованная *Atschebagas* (**Ačibagas*), *Abanagas* (**Abaganas*), *Charanus* (**Xaranus*).

***j > džV > dzV:** имя *Жаяка*, *Заякай* (уп. 1641 г.): письм.-монг. *jaγaγan*, халх. *жаяа*, *заяа(н)*, бур. *заяа*. Интерпретация кириллических *ж* и *з* как отражающих аффрикаты подтверждается их использованием в записях имен и титулов халха-монголов.

Заключение. Углубленное изучение лингвистического материала русскоязычных документов XVII в. и его интерпретация в историческом контексте позволяет рассчитывать на уточнение хронологии и локальных особенностей развития исторической фонетики бурятского языка.

Литература:

Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.

Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с.

Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 (1609–1700) / сост. Г. Н. Румянцев, С. Г. Окунь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 493 с.

Clark L. V. A Problem in Buryat Historical Linguistics // Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies / ed. by H. G. Schwarz. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. P. 14–25.

A STUDY ON THE SPECIFIC LEXICAL FEATURES OF THE SHINEKHEN BURYAD DIALECT

This thesis is based on the Shinekhen Buryad dialect corpus, and counts the special words in this dialect. The purpose is to show its characteristics and applications and explain the reasons for borrowing foreign words in these corpora from the aspects of phonetic characteristics, lexicological characteristics, and corpus characteristics.

Keywords: Buryad dialect; unique words; characteristics.

بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشى

شىنكەن

[شىنكەن دىئالېكتى] بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

[ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشى] بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

[ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشى] بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

[ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشى] بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

[ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشى] بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز. بۇرۇت دىئالېكتىدىكى بىر قىسىم تىپىك سۆزلەرنىڭ ئىشلىتىلىشى ۋە ئىشلىتىلىشىنى تەتقىق قىلىشقا بۇرۇنلا باشلىغانمىز.

פִּיטְיָה לִבְיָה לִסְחָה

לִבְיָה לִסְחָה

לִסְחָה רִכְחִימִי/י: -i: /-gʰi: -awdʒi / -mi: -gʰi: רִכְחִי לִסְחָה רִכְחִימִי (2)

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה) רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (1)
רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)
רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)
רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)
רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)
רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה (2)

רִכְחִימִי פִּי לִבְיָה פִּי פִּיטְיָה

524373616@qq.com . אתר האינטרנט של משרד החינוך ורוחניות ישראל ואתר משרד החינוך והרוחניות של מדינת ישראל

- [4] .. אתר משרד החינוך והרוחניות , «התורה והמצוות» : אתר משרד החינוך והרוחניות . 2019
- [3] .. אתר משרד החינוך והרוחניות , «התורה והמצוות» : אתר משרד החינוך והרוחניות . 2009
- [2] .. אתר משרד החינוך והרוחניות , «התורה והמצוות» : אתר משרד החינוך והרוחניות . 2005
- [1] .. אתר משרד החינוך והרוחניות , «התורה והמצוות» : אתר משרד החינוך והרוחניות . 2009

מקורות

... אתר משרד החינוך והרוחניות , «התורה והמצוות» : אתר משרד החינוך והרוחניות . 2019

... אתר משרד החינוך והרוחניות , «התורה והמצוות» : אתר משרד החינוך והרוחניות . 2009

... אתר משרד החינוך והרוחניות , «התורה והמצוות» : אתר משרד החינוך והרוחניות . 2005

... אתר משרד החינוך והרוחניות , «התורה והמצוות» : אתר משרד החינוך והרוחניות . 2009

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ھەممەي ئىشقا ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىش ئارقىلىق ئۇنىڭدىن پايدىلىنىشقا بولىدۇ ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

- ئىشەنچ : مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان
- _____ مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان
 - _____ مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان
 - _____ ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان
 - _____ مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان
 - _____ مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

مەنەئىكىنى ئۆز ئىچىگە ئالىدىغان ۋە ئۇنىڭ ئارقىلىق ئۆز ئىشلىتىش ھەققىدە ئىشەنچ بىلەن ئىشلىتىشقا بولىدۇ.

مسكاً تُسَمِّعُ حَيْثِيَّةً مَدْرِمَا رَكْرَا وَفَرٍ شَتَايَا لَدُنَّ زَمِيحِيَّةَ بَدْرَا . مَدْرِيحِيَّةَا . رَسِيكَا هِيَكَا وَبَدْرَا فَوَ . يَلْبَدَاكَ لَمَرَسَا رَمْتَمَعِيَّةَا هِيَعَا نَبِيكَمَا
هِيَوِيَرَمَكْسِيَّةَا مَسِيئِيَّةَا هِيَمَسِيَّةَا وَ . يَرَهِيَّةَا . يَلْبَكَا لَمَرَكَا وَبَدْرَا فَوَ . يَلْبَدَاكَ .. مَهْمَا . يَمْتَمِرَا فَوَ هِيَوِيَرَمَكْسِيَّةَا لَمَرَسَا رَمْتَمَعِيَّةَا هِيَمَسِيَّةَا وَ مَكْسِيَّةَا
نَمُوهَا . يَمْتَمِرَا . نَدْرَا . يَمْتَمِرَا فَوَ . يَلْبَدَاكَ .. »

مَهْمَا . مَهْمَا . يَمْتَمِرَا فَوَ وَبَلَدِيكِيَّةَا وَبَدْرَا لَدُنَّ . يَدُنَّ زَمِيحِيَّةَا

« يَمْتَمِرَا مَدْرِمَا هِيَا مَرِيَّةَا رَكْرَا مَدْرِمَا مَدْرِمَا وَبَدْرَا .. مَكْلَمَا لَدُنَّ زَمَعَا وَرَا لَرٍ وَبَدْرِمَا مَكْسِيَّةَا نَا مَرِيحَا رَكْرَا لَرٍ مَدْرَمَا رَكْرَا نَا مَرِيحَا رَكْرَا
بَلَا فَوَ نَا مَسْتَمِرَا لَدُنَّ لَدْرَمَا رَكْرَا وَبَلَدِيَّةَا يَمَلَا مَرٍ لَدُنَّ مَرِيحِيَّةَا يَمَلَا لَدُنَّ مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا هِيَمَسِيَّةَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا » رَكْرَا لَبَدِيَّةَا
كَلَاكَ وَبَلَا .. يَمَلَا وَ مَسْمُورِيَّةَا وَبَلَدِيَّةَا لَرٍ . يَمْتَمِرَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا هِيَمَسِيَّةَا وَبَلَدِيَّةَا وَبَلَدِيَّةَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا هِيَمَسِيَّةَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا
هِيَمَسِيَّةَا وَبَلَدِيَّةَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا . يَمْتَمِرَا . يَمْتَمِرَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا هِيَمَسِيَّةَا وَبَدْرَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا وَبَدْرَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا .. يَمْتَمِرَا مَدْرِمَا
دَ مَهْمَا . يَمْتَمِرَا فَوَ وَبَلَدِيكِيَّةَا وَبَدْرَا نَا نَمَتَا لَرٍ مَرِيحَا وَبَدْرَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا مَدْرِمَا دَ مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا .. مَدْرِمَا . يَلْبَدَاكَ لَدُنَّ نَا
بَلَدِيكِيَّةَا مَدْرِمَا . يَلْبَدَاكَ لَدُنَّ مَسْمُورِيَّةَا مَدْرِمَا رَكْرَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا مَدْرِمَا دَ مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا .. يَمْتَمِرَا مَدْرِمَا دَ مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا فَوَ
وَ بَلَدِيكِيَّةَا وَبَدْرَا نَا رَكْرَا . يَدْرَا . مَرِيحَا دَ مَرِيحَا مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا . مَدْرِمَا مَرٍ زَمُوَا . يَلْبَدَاكَ . مَدْرِمَا مَدْرِمَا دَ مَدْرِمَا هِيَمَسِيَّةَا لَرٍ
رَكْرَا مَرٍ هِيَمَسِيَّةَا فَوَ مَرِيحَا وَبَلَا .. »

Тагарова Татьяна Бороевна
доктор филологических наук
Иркутский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
boroevna@yandex.ru

СЛЕДЫ ШАМАНСКИХ ОБРЯДОВО-РИТУАЛЬНЫХ ФОРМ В БУРЯТСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Статья посвящена отражению обрядово-ритуальных форм шаманизма во фразеологических единицах (ФЕ) бурятского языка. Актуальность темы связана с недостатком исследований в этой области, несмотря на большие успехи в изучении развития бурятской фразеологии. Фразеология вызывает большой интерес в аспекте лингвокультурологии в силу того, что именно ФЕ наиболее способны сохранять и передавать информацию о культуре народа-носителя языка, его миропонимании. Выявляется, что ФЕ данной сферы обладают большими когнитивными, стилистическими возможностями, с течением времени семантика ФЕ может меняться.

Ключевые слова: фразеология; бурятский язык; шаманизм; обряд.

Tagarova Tatiana Boroevna
Doctor of Sciences in Philology
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

TRACES OF SHAMANIC RITUAL FORMS IN BURYAT PHRASEOLOGICAL UNITS

The article is devoted to the reflection of ritual and ritual forms of shamanism in phraseological units (FU) of the Buryat language. The relevance of the topic is due to the lack of research in this area, despite the great success in studying the development of Buryat phraseology. Phraseology is of great interest in the aspect of linguoculturology due to the fact that it is the FU that is most capable of preserving and transmitting information about the culture of the native-speaking people, their worldview. It is revealed that the FU of this sphere have great cognitive, stylistic capabilities, and the semantics of FU may change over time.

Keywords: phraseology; Buryat language; shamanism; ritual.

Бурятской и монгольской фразеологией занимались Ц. Б. Будаев, Ш.-Н. Р. Цыденжапов, Чой. Лувсанжав, Г. Ц. Пюрбеев, Ж. Баянсан, Н. Б. Бадмацыренова и др. Суть определений фразеологической единицы сводится к тому, что это устойчивое словосочетание, семантика которого сформирована в результате развития переносного значения одного компонента или всего словосочетания, бывшего некогда прямым наименованием фрагментов окружающей действительности.

В данной статье рассматриваются мифологизированные культурно-языковые единицы, отражающие некоторые фрагменты религиозных обрядов. У бурят бытует древнейший вид религии – шаманизм – наряду с буддизмом, получившим развитие с XVII в. В основании шаманизма лежит вера в контакт шамана с духами в состоянии транса. Настоящие медиумы входят в транс, посещают верхний, нижний и средний миры (согласно наивной картине мира), способны получать ответы на важные вопросы, лечить людей. Считается, что такой человек может даже видеть нечисть, богов, души усопших. На шаманизм опираются некоторые анимистические религии, по учению которых все

существующее в природе – одушевленное. Источником материала послужил фразеологический словарь бурятского языка (2014).

Высокочастотны ФЕ с образами мифических существ. В бурятской фразеологии имеются ФЕ, в лексический состав которых включаются образы черта, ведьмы и т.д. При этом наблюдается бытование синонимов, которые могут составлять биномы или парные слова:

ада үзэхэ. Разг. Экспрес. Букв. Черта видеть. Ненавидеть. *Абгын хойто, дахуул ерэнэн басагад хуу бээ хүсэиэнхэй, хадамтай болошоһон, абгыем үлүү хаража, ада үзэжэ эхилбэд.* В. Петонов. Минии абга; ... *Нюдэдын мүнөө шүбгэ мэтэ хурса боложо, ада шүдхэрые хараһан мэтээр зээ хүбүүгээ харадаг болоо һэн.* Ц. Шагжин. Сэлмэг тэнгэри.

айран хүндэ ада шүдхэр олон. Разг. Ирон. Букв. у труса много чертей. ≈ У страха глаза велики. При испуге все кажется увеличенным. – *Айран хүндэ ада шүдхэр олон гэдэг энэ болобо гээшэ ааб даа, – гэжэ бээдээ голхоронгёор дуугараа һэн.* Б. Санжин. Зунай үдэшэ.

Часто ФЕ с негативными образами выполняют функции бранных междометий, ругательств. При этом подобные ФЕ служат эмоциональной разрядкой говорящего:

холтоһон шолмо. Бран. Букв. Кора, ведьма. Черт! Чертовка! – *Ай, холтоһон шолмо, эндэ ерээд ябахашу!* Яяр яндан, хомхой хуурай холтоһон даһаа! Х. Намсараев. Тахуунай.

холын бурханһаа (сахюусанһаа) ойрын шүдхэр (ороолон) дээрэ. Букв. Ближний черт лучше дальнего бога. *Холын сахюусанһаа ойрын ороолон дээрэ гэхэхээ удхатай Манжа-Хитад, Монгол-моёо, хаяа хадхажэ һууһан уласуудаар үгээ ойлголсожо, оромоо олоод байгаа болболнай, орогуй дээрэ байшаба гү?* Б. Пурбуев. Бадан Тураахин.

шүдхэр мэдэхэ. Бран. ≈ Черт знает! *Хожом маанадые үргэхэ юм гү, үгы гү, шүдхэр мэдэхэ.* Ш-С. Бадлуев. Түхэрээн жэл.

шүдхэр абаг! Бран. Букв. Черт пусть возьмет. ≈ Черт возьми! *Заа, аха захаяа мэдэхээ болиһон, дэмы табиһан дээһэн, һула табиһан һур болоһон үхин даһаа. һуларһан, яндан хуули болоод байна даа, шүдхэр абаг...* С. Цырендоржиев. Үбгэдтэ – мэндэ.

амиды ороолон. Бран. Букв. Живой оборотень. Упырь. *Наанаһааһни мишл энэ хальбагар нялуун хамарыешни нязэ ёборжорхихоб! Тишхэдэмни гэнтэ һанаа орохош, амиды ороолон!* Б. Мунгонов. Баян зүрхэн.

Следующая ФЕ, как мы предполагаем, изначально имела форму словосочетания негативного характера, несущего пожелание чего-то плохого – *эз(ж)ээ алда* (букв. хозяина-духа потеряй):

эжээ алда. Бран. Букв. Хозяина потеряй. ≈ Черт побери! *Хулай! Яагаа үйлэ муута малнууд гээшэб, эжэ эхией алдаһайт!* Х. Намсараев. Үүрэй толон. Затем данная ФЕ получила оттенок значения сожаления. Наблюдается фонетическое изменение, стяжение двух слов в одно:

жаалда ехэ. Междом. Выражение сожаления. ≈ Вот беда-то! Ах, черт возьми! *Хүсэд һайнаар юу хэхьень, шигээд хэлэжэ шадахагүй байналби. Жаалда ехэ! Орхигты!* Ц. Цырендоржиев. Хүнэй эрэн зосоогоо.

сабдигшанайнгаа хазайһан тээшэ. Разг. Экспрес. Неодобр. Букв. Куда дух-гений повернет. ≈ Куда глаза глядят. ... *Сэлезн соогуураа сабдигшанайнгаа хазайһан тээшэ харайлган, дайралдаһан лэ хүндөө хатуу харые балгуулаар, арсабалнь, баалаһаар, өөрөө нилээдгүй халамгай болоһон ...* С. Цырендоржиев. Шобоодой.

ФЕ, *отражающие ритуалы*, также часто употребляются в бурятском языке. Можно предположить, что ФЕ *ама тоһодохо* ‘рот маслом намазать’ имеет происхождение от ритуала кормления идола, божка у бурят – онгона. С течением времени фразеологическое значение развивается, меняется, получает новые оттенки:

ама тоһодохо. Разг. Букв. Рот смазать маслом. **1.** Отблагодарить. «Танайнгаа ама тоһодохо уялгатайб. хайн унаатай болгобо ха юмта» ... Ш.-Н. Цыденжапов. Хүлээгдээгүй айлшан. **2.** Давать взятку. Магад, харгын мүнгэн, дээдэ ноёдой ама тоһодохо бэлэгэй мүнгэн ... элбэг дэлбэг зөөри хэрэгтэй ... Б. Цыбиков. Түгэлдэр тайшаа.

ФЕ отражают ритуальные действия пожертвования масла или другого продукта духу-хозяину огня с целью задобрить его и тем самым выпросить благополучие для дома, семьи:

галда үргэхэ. Этнограф. Букв. Совершить обряд подношения духу огня. Энэ хубааршин һүүлээр галша эрхим хайн мяхануудһаа хэршэмэгүүдые отолоод, дээдын хаан тэнгэринэртэ, заяашанарта, галда үргэбэ... Б. Санжин, Б. Дандарон. Заяанай зам.

Так же со временем развилось новое значение – ‘усилить какой-либо процесс’:

гал дээрэ тоһо адхаха. Экспрес. Букв. В огонь масло подлить. Усилить какой-либо процесс. Теэд нүгөөдэнь гал дээрэ тоһо адхаһан шэнгээр гомдол, гажаралыень бүришье ехээр шатаажархиба. Б. Ябжанов. Һэшхэлэй олзо; Угайдхадаа энээн тухайда эжынь ганиран донгодожо, гал дээрэ дабирхай нэмэлсэнэ бшуу. М. Осодоев. Баршуудхын дүүхэй. В последнем контексте ФЕ получила авторскую трансформацию, заключающуюся в замене лексической единицы тоһон ‘масло’ на дабирхай ‘смола’. Этот прием усиливает экспрессивность ФЕ, вызванную более интенсивным по сравнению с маслом горением смолы.

сэржэм үргэхэ. Этнограф. Сэржэм (водку, чай, молоко) преподносить духам. Газаа гараад, архяар сэржэм үргөөд орхил даа ... Х. Намсараев. Үүрэй толон.

ФЕ долиг хэхэ ‘сделать долиг’ отражает особый обряд ламского и шаманского лечения больных, заключающийся в замене больного здоровым. Данный обряд функционирует и при выполнении буддийских ритуалов. Очевидно, это можно отнести к синкретизму. В художественном контексте встречается ФЕ в обновленном значении:

д(з)олиг хэхэ. Разг. Экспрес. Букв. Замену, откуп делать. ≈ Делать козла отпущения. Сваливать чужую вину на кого-л. Яахадаа минии хубүүгээр долиг хэбэй?!.. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан.

хара золиг. Бран. Букв. Черный «золиг» (рел. выкуп за больного) ≈ Что за черт! Ай, хара золиг, нэгыень эдижэрхийэн байбалтайш! Х. Намсараев. Тахуунай. Отметим, что прилагательное хара выполняет усилительную функцию.

ФЕ отражают древние ритуалы захоронения, так, следующий контекст свидетельствует, что хоронили на восточной стороне. Известно, что смерть понималась как переход человека в иной мир. Иной мир обозначен в двух видах: на небесах и в нижнем мире, где верхние пределы топографически неопределенны, а потусторонний мир чаще маркируется восточными пределами земли [Дампилова, 2012, с. 234]:

зүүн боори ошохо. Букв. К восточному подножью пойти. На тот свет отправиться. Умереть. Теэд яахаб, хэрзэгы шэрүүн абари зантнай араг яһантайгаа суг зүүн бооридо ошолсоно бээ. М. Осодоев. Орхигдоһон худагай хажууда.

Частотны ФЕ семантического поля «смерти» **хада гэртээ бусаха.** Букв. В горный дом вернуться. Умереть, быть похороненным; **хада гэртэ хадагалха.** Букв. В доме на сопке сохранить. Похоронить и т.д.

шархияа хатааха. Разг. Ирон. Букв. Ичиги свои сушить. ≈ Лапти сушить. Умереть. Үни хада түрмын оёрто шэнгэһэн гү, али шархияа хатааһан байха һэн ааб даа. Г. Дашабылов. Харгын бэлшэр. Данная ФЕ связана с обычаем сушить обувь покойника.

Ярким примером развития фразеологического значения служит следующая ФЕ:

нара буляаха. Букв. Солнце отбирать. **1.** Дорогу пересекать. Сагаан бэшэ, хара миисгэй нара буляахадаа, ехэл муу юумэ гэгшиэ. Ч. Цыдендамбаев. Холо ойрын түрэлнүүд. **2.**

Выигрывать состязание. *Алтан медаль адхажса халабалши даа, Виля. Грузденеэ «бэрхэшээлые» дабааш, нараяа буляагааш.* В. Петонов. Арбан табадахи раунд.

онго орохо. Букв. Духу-гению входить. **1.** Входить в состояние экстаза, в транс. О шамане во время камлания. *Энээнэй урда хүлээгдээгүй сагта онгошинь орожо, Тогтоа-бэхи ехэ хонин үзэгдэл харахан байгаа.* Ц. Цырендоржиев. Гурбан мэргэд. **2.** Перен. Шутл. О бурном движении. *...Цэрэн... гуталайнгаа түриие альгадажа байгаад, тэбжэсэнэсэ дэбхэрдэг байгаа. «Цэрэмнай онгоёо оруулбал», – гэлдээжэ нүхэдынь хүхилдэдэг ... нэн.* Ж. Балданжабон. Паровоз хуугайлна.

Во время камлания шаман проводит языком по раскаленному ножу или камню – Отсюда произошла ФЕ *халуун шулуу долёохо*, активно используемая в речи бурят:

халуун шулуу долёохон. Экспрес. Букв. Горячий камень лизавший. ≈ Прошедший огонь и воду. *Иигээжэ дайнай «халуун шулуу долёогоод» лэ халабабди.* Ц. Галсанов. Гурбалжан шэгшэгтэ бэшэгүүд.

Таким образом, еще раз подтверждается функция ФЕ – кумуляция и сохранение фрагментов культуры народа, языковой картины мира древних людей, создававших религию как систему мировоззрения, отражающую понимание окружающего мира на том уровне развития общества. ФЕ сферы шаманизма активно бытуют в речи. Наблюдается появление новых оттенков значения ФЕ в результате развития фразеологической семантики. ФЕ сферы шаманизма являются единицами исконно бурятского происхождения. *Сэржэм, золиг,* связанные и с буддизмом, заимствованы из тибетского языка.

Источники и литература:

Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. М.: Вост. лит., 2012. 263 с.

Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 565 с.

Шаманские ритуалы и атрибуты – шаманизм как религия [Электронный ресурс] // URL: <http://grimuar.ru/ritualy/shamanizm-kak-religiya.html>

Бадмаева Лариса Батоевна

доктор филологических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

lorabadm@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА РАДОСТЬ В СОЧИНЕНИИ ВАНДАНА ЮМСУНОВА

В статье впервые рассматриваются лексические средства, транслирующие эмоцию РАДОСТЬ в мемуарном сочинении В. Юмсунова (1873), посвященного неординарному событию в истории хоринских бурят – приезду в Забайкалье цесаревича Алексея Романова – сына Александра II.

Ключевые слова: эмотивы; концепт РАДОСТЬ; мемуарное сочинение; монгольское письмо.

Badmaeva Larisa Batoevna

Doctor of Sciences in Philology

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

Ulan-Ude, Russian Federation

VERBALIZATION OF THE CONCEPT JOY IN THE COMPOSITION OF VANDAN YUMSUNOV

The author for the first time considers lexemes, which express the emotion JOY in V. Yumsunov's memoir (1873), dedicated to an extraordinary event in the history of the Khori Buryats, i.e. the arrival of the prince Alexei Romanov, the son of Alexander II, in Transbaikalia.

Keywords: emotives; JOY concept; memoir essay; the Old Mongolian script.

В конце XX в. в российском языкознании проявилась тенденция к антропоцентрическому описанию лингвистических явлений. Эмоции – это переживания человеком своего отношения к событиям, к окружающим людям, к самому себе. Эмоции представляют собой внутренний мир человека, недоступный непосредственному наблюдению, тем не менее, при помощи языковых средств люди могут обмениваться своим эмоциональным опытом, осмысливать и транслировать его. Отсюда следует, что исследование языковых средств способствует пониманию форм категоризации и концептуализации эмоций в виде эмоциональных концептов в картине мира социума. Адекватное восприятие этого субъективного мира возможно только через интерпретацию текста.

В отечественном языкознании разработка лингвистики эмоций связана с именем В. И. Шаховского, чьи работы являются основополагающими в этой области. Результаты исследований по вербализации эмоций отражены в работах отечественных лингвистов: Н. Д. Арутюновой [1990], Ю. С. Степанова [1994], С. В. Ионовой [1998, 2015], Н. А. Красавского [2001], Т. В. Лариной [2004, 2009, 2015], Я. А. Волковой [2014] и др. В бурятском языкознании исследования на эту тему посвящены работам Е. В. Сундуевой [2018], Н. Б. Даржаевой [2021], Ю. Д. Идымовой [2022] и др.

Материалом для исследования послужил текст мемуарного сочинения Вандана Юмсунова (1823–1883) на монгольском письме «*Tede ayui yeke degedü ejen imperatur ... 1873 on-a*» – ‘Воспоминания о радостном часе ... 1873 г.’, который впервые рассматривается в бурятском языкознании. Письменный памятник на 24 листах хранится в Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН (СПб) под номером Ms E 219. Автор текста – бурятский летописец В. Юмсунов [Бадмаева, 2012, с. 24–26] – глава цаганского рода, шуленга, написавший в 1875 г. труд по истории хори-бурят «*Qori-yin arban nigen eçige-yin jон-и иу içayur-un туији*» [Летописи хоринских бурят, 1935, с. 49–172]. Он, безусловно, был незаурядным представителем своего времени, окончил одну из английских миссионерских школ, открытой в 1828 г. в Кудуне Сарой и Эдвардом Сталлибрасс [Bawden, 1982, p. 226].

Сочинение имеет все соответствующие признаки мемуарного жанра: достоверность, документальность, историзм, которые основываются на свидетельствах очевидцев описываемого события, поэтому мы относим данное произведение к мемуарному жанру бурят. В. Юмсунов был непосредственным очевидцем неординарного события в истории бурят – приезда принца А. А. Романова в бурятские степи после своего двухгодичного кругосветного путешествия в 1871–1872 гг. На фрегате «Светлана» он совершил плавание в Северную Америку, обогнув мыс Доброй Надежды, посетил Японию, Китай, затем по приглашению хори-бурят – Забайкалье.

Эмотивный тон текста от начала до конца пронизан искренней радостью от встречи с юным принцем. Чувствуется, что автор, являясь очевидцем этого поистине исторического события, сам испытал немало душевных волнений и переживаний от увиденного и услышанного. Следует отметить, что автору удалось передать то приподнятое воодушевленное настроение, которое царило в обществе в тот памятный день – 8 июня 1873

г. Он буквально пошагово описал события того дня: описал *дуган*, который был специально построен в честь приезда царевича, обстановку в нем, вплоть до обивки сидений для высоких гостей; обрисовал подарки, которые были приготовлены и преподнесены князю, описал церемонию вручения подарков высокому гостю и протокол их принятия и т.д. Мемуарное сочинение написано именно в день приезда принца Алексея – 8 июня 1873 г. Об этом автор отмечает в своем колофоне [Рукопись, 1873, л. 6а].

К тому же мужественный образ принца Алексея, простота его манер пробудили живой интерес народа к нему, усилили симпатии к нему. В целом визит миссии имел большое дипломатическое значение, он способствовал укреплению взаимоотношений зарубежных стран с Россией, повышению ее престижа на международном уровне. А приезд князя Алексея в Забайкалье стал важнейшим общественным событием в жизни хоринских бурят в конце XIX в.

При помощи эмотивной лексики говорящие или пишущие не только называют различные предметы, явления, действия, но также выражают определенное отношение к ним. Рассмотрим лексический фонд эмотивных средств языка автора текста. «Именно слово указывает на смысловое содержание концепта и является его материальным знаком – символом, который замещает эту абстракцию, изреченную с помощью этого слова. Изречение концептуального знания о той или иной эмоции как об эмоциональном концепте осуществляется с помощью процесса лексикализации» [Шаховский, 2008, с. 25].

В нашем тексте выявлены следующие эмотивные глаголы, транслирующие концепт РАДОСТЬ: *bayasulčiq* ‘радоваться’ (*masi yeke bayasulčin* ‘чрезвычайно обрадовавшись’); *kübkinekü* ‘колыхаться, шевелиться; находиться в приподнятом, радостном настроении’ (*ilangγuy-a bayasqulang dügürejü kübkineged* ‘наполнившись огромной радостью’); *gegergülekü* ‘озарять’ (*bayiyal-un emüneki oblusti-yin nituγ-ud-iyar jalaran gegeggülegsen bayasqulang-tu čay-un učira* ‘событие радостного часа его (Алексея Александровича – Л. Б.) пребывания, которое озарило земли Забайкальской области’); *bayasqulang soyurqaqu* ‘соблаговолить, соизволить, выразить благодарность и признательность’ (*qori-yin jon-du öberün bayasqulang-iyar soyurqaγad* ‘выразив свою благодарность и признательность хоринскому народу’) и др.

О позитивном характере монгольских народов свидетельствует наиболее частотное употребление в речи лексемы *баяр* ‘радость’, например, по данным монгольского корпуса, в современном монгольском языке зафиксировано употребление 532 словоформ данной лексемы [Крылов, 2014, с. 351]. В нашем тексте концепт РАДОСТЬ выступает в качестве ключевой категории, реализуемой в сценарии мемуарного жанра, в котором отражено представление народа об этике и культуре приема высоких гостей в бурятском обществе XIX в. В тексте В. Юмсунова лексемы *баяр*, *bayasqulang* ‘радость’ и их производные использованы 11 раз: *bayasqulang (tede-i bayasqulang-tai uγtuqu-yin küseleng-iyer* ‘с желанием встретить их с радостью’); *yeke күндүтеи ба bayasqulang-tai-bar uγtun küliyejü abuγad* ‘встретили их с большим почетом и радостью’); *баяр (yeke баяр-tai ningtaldan jöbsilelčejü* ‘с большой радостью вместе договорившись’); *yeke баяр kögjim-ün nayir nayadan-iyar күндүлен* ‘почтили его празднеством с радостью и музыкой’) и др.

Использованы и другие эмотивы, выражающие чувство симпатии, уважения к объекту почтения: *ergüče* ‘подношение’ *sayiqan sedkil-ün duran-u ergüče* ‘подношение с любовью от чистого сердца’); *qadaγ* ‘сложенная вдвое узкая шелковая ткань, которая преподносится почетным гостям’ (*urtu sayiqan torγun qadaγ deger-e* ‘на длинном красивом шелковом *хадаке*’).

От лексем *баяр*, *bayasqulang* образованы имена прилагательные *баяр-tai* ‘радостный, жизнерадостный, счастливый’, *bayasqulang-tai* ‘радостный, счастливый, восторженный,

торжественный’: *egünče urida čay-tu ućirayday-a-ügei γayiqamčiy-tai yeke üjšeküleng ba bayasqulang-tai boluysan jol-tai edür* ‘доселе невиданный, удивительный, прекрасный и радостный, счастливый день’; *üjšegdege-ügei, eyumü bayasqulang-tai ba jol-tai edür* ‘невиданный, такой радостный и счастливый день’. Как мы наблюдаем, отбор лексических текстообразующих единиц продиктован эмоциями автора, который с их помощью передает эти эмоции адресату.

В качестве эмотивных средств в языке В. Юмсунова использованы лексические эмотивы *bayar, bayasqulang* ‘радость’ и их производные (глаголы, имена прилагательные), вербализующие концепт РАДОСТЬ. Эмотивный текст создан на основе и других лексем, которые не называют сами эмоции, но эти эмоции отражены в их семантике.

Источники и литература:

Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 296 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. 1948 с.

Даржаева Н. Б. Синтаксические средства выражение эмоций в бурятском языке // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 14. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. С. 89–97.

Крылов С. А. Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 2. М.: Наука–Вост. лит., 2014. 638 с.

Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. IX. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 172 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Bawden Charles R. English Mission Schools among the Buryats, 1822–1840 // Zentralasiatische studien. V. 16. Wiesbaden, 1982. P. 211–250.

Рукопись Вандана Юмсунова на монгольском письме «Tede ayui yeke degedü ejen imperatur ... 1873 on-a» – «Воспоминания о радостном часе ... 1873 г.». РФ ИВР РАН, СПб. Ms E 219. 24 лл.

Сундужева Екатерина Владимировна

доктор филологических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

sundueva@mail.ru

СЕМАНТИКА СЛОВА *НЭРЭ* В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Доклад основан на материалах ко второму тому «Толкового словаря бурятского языка» (Е–Р), издание которого запланировано на этот год. Уделено внимание сложным словам с данным существительным в бурятском языке, рассмотрена этимология слова *нэлдэр*, выделено дополнительное значение *нэрэ* ‘степень, ранг’.

Ключевые слова: бурятский язык; значение; сложные слова; толкование; звукоподражание.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

SEMANTICS OF THE WORD NERE IN THE BURYAT LANGUAGE

The paper is based on materials for the second volume of the "Explanatory Dictionary of the Buryat language" (E–R), the publication of which is scheduled for this year. The author pays attention to compound words with this noun in the Buryat language, considers the etymology of the word *nelder*, and reveals the additional meaning of *nerе* ‘degree, rank’.

Keywords: Buryat language; meaning; compound words; interpretation; onomatopoeia.

В монгольских языках значения ‘имя, наименование’ реализуются с помощью лексемы ср.-монг. *nerе* [Поппе, 1938, с. 248], прекл.-монг. *ner-e, nере* [Тумуртоого, 2006, р. 480], п.-монг. *ner-e* [Kowalewski, 1849, р. 641], монг. *нэр*, бур. *нэрэ*, калм. *нерн*, ойр. Синьцз. *нер*, орд. *nerе*, мог. *nerа, nira*, даг. *ner, nере*, дунс. *niere*, бао. *nerе, nare*, ж.-уйг. *nerе*, монгор. *nerе* [Starostin etc., 2004, р. 973]. В бурятском языке можно дать следующее толкование лексемы: хүнэй түрэхэдэ гү, али ямар нэгэ юумэнэй бии болоходо тэрээниие онсолон тэмдэглэһэн үгэ; үсөөн ара нэрэ, хүнэй али нэгэ шэнжээр нэрэ гаргажа, нютаг нугадаа суурхаһан нэрэ ‘имя, название, наименование; редко прозвище, кличка’: *Баярмаа «Надя» гэхэн нэрыень «наада», «наадаха» гэхэн үгэдэл адлишаан, энеэбхилэн хууба* (Ц.-Ж. Жимбиев)¹; *Бидэ сэрэгүүдэй дабшаха замда ушарһан нютагуудай олохон нэрэнүүдые мэдэжэ абанабди* (Н. Дамдинов).

В данном значении лексема часто сочетается с существительными *обог, алдар, томьёо*: *нэрэ обог* ‘имя и фамилия’; *нэрэ алдар* ‘имя и отчество’; *нэрэ томьёо* ‘термин’. Также слово *нэрэ* может сочетаться с компонентом *хура* в наречии *нэрэ хурагуй* ‘вовсю, сильно; то и дело, без конца; внезапно, вдруг, без причины; совершенно, совсем, полностью’. Т. Б. Тагарова видит во втором компоненте усеченную форму соединительного деепричастия *хурангуй*, переводя наречие дословно ‘имя не спрашивая’ [Тагарова, 2014, с. 221]. На наш взгляд, *хура* действительно семантически связан с глаголом *хураха* ‘спрашивать’, однако здесь он изначально мог выступать как в форме основы как «отклик» на первый компонент *нэрэ*. Как отмечает Г. А. Дырхеева, в парных словах с незначимым вторым компонентом в качестве второго компонента здесь обычно выступают слова либо совсем не обладающие назывной функцией и не имеющие лексического значения, либо имевшие или имеющие таковые, но в данной паре употребляемые без них [Дырхеева и др., 2014, с. 50]. Схожая структура наблюдается в *хураг жараггуй, хураг жэрэбгуй* ‘ни слуху, ни духу; безвестно, бесследно’, где *хураг* ‘весть, известие, слух’, вторые же части не имеют самостоятельного значения. Однако иногда именно слово-«эхо» позволяет выявить мотив номинации в главном компоненте, как, например, в сложном слове *убшэ хабшан* ‘болезнь’. Сам по себе компонент *хабшан* семы ‘болезнь’ не содержит. Глагол же *хабшаха* имеет значение ‘сжимать, сдавливать’, здесь основную семантическую нагрузку несет доминантный согласный [b], точнее, такая его артикуляционная характеристика, как сжатие губ. Соответственно, в слове *убшэн* ‘болезнь’ согласный [b] так же передает щемящий, давящий характер боли.

¹ Здесь и далее примеры с сайта «Бурятский корпус». URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru.

Также в лексеме *нэрэ* развился комплекс близких значений ‘известность, авторитет, репутация’: *Нэрэ олохо – наһанай, нэрэ алдаха – үдэрэй*, в котором она сочетается с существительными *хүндэ, түрэ, соло*: *нэрэ хүндэ, нэрэ түрэ* ‘авторитет, почёт; честь’; *нэрэ соло* ‘звонкое имя’. В данном значении она используется во фразеологизмах: *нэрэ хухалха* ‘компрометировать кого-л.’, *нэрээ хухарха* ‘срамиться, дискредитироваться’.

Привлекает внимание сложное слово *нэрэ нэлдэр*, встречающееся в основном в фольклорных текстах: *Аба ехэтэ тоймогтой, / Архан хара шүдхэртэй / Анда худа болоё, / Нүхэр һүүдэр болгожо, / Нэрэ нэлдэрээ нэгэдэе* (Гэсэрһээ). Словосочетание *нэрэ нэлдэрээ нэрлүүлхэ* имеет значение ‘получать известность, приобретать хорошую или дурную славу’: *Шарай голый хаашуулай / Одхон хаанинь боложо, / Хара-Гэрэл хаан гэжэ / Нэрэ нэлдэрээ нэрлүүлбэ, / Соло солдороо сололуулба* (Гэсэрһээ). Для выявления этимологии слова *нэлдэр*, на наш взгляд, значимо прилагательное *нэлдэрмэ* ‘прославленный, знаменитый, известный’, которое в эпических формулах чередуется с прилагательным *солдормо* ‘славный, прославленный’: *Одоо даа, нэлдэрмэ нэрэмни, солдормо солонни дэлхэйн дүрбэн түби тээшэ сасаран, дээрэ дэһэлжэ, доро доһолхол байха...* (А. Шадаев). Если морфологическая структура прилагательного *нэлдэрмэ* не столько очевидна, то *солдормо* легко распадается на *солодо оромо* ‘такой, которого стоит прославлять, достойный прославления’. Соответственно, *нэлдэрмэ* так же произошло от сложного прилагательного *нэрэдэ оромо*, пройдя ступени: *нэрэдэ оромо* → *нэрдормо* → *нэрдэрмэ* → *нэлдэрмэ*. Затем, вероятно, в результате отсечения аффикса *-мэ* появилось существительное *нэлдэр*, равно как и *солдор*. В эпическом тексте они могут выполнять функцию заполнения строки, не неся семантической нагрузки: *Газарһаа гансахан ашамни / Нэрэгүй нэлдэр, / Сологүй солдор / Ябаха юм гү?* (Гэсэрһээ) ‘Разве может мой единственный внук / ходить без имени и без славы?’ (перевод наш. – Е. С.).

Кроме того, нами выделено третье значение лексемы *нэрэ* ‘степень, звание, чин, ранг, титул’, например, в словосочетании *нэрэ абаха* ‘получать звание’: *«Буряад республикын соёлой габьяата хүдэлмэрилэгшэ» гэһэн хүндэтэ нэрэ абаха*. В этом значении *нэрэ* сочетается с существительным *зэргэ*: *нэрэ зэргэ* ‘звание’: *Энээнэй хойно тэбхэр таба хоноод байхада, курсын экзамен дүүрэжэ, курсантнарта офицернүүдэй нэрэ зэргэ олгогдобо* (Ж. Тумунов). В «Бурятско-русском словаре» дано два основных значения слова *нэрэ*: ‘имя, название; редко прозвище, кличка’ и ‘честь’ с пометой *редко* [Шагдаров, 2006, с. 626]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» у слова *нэр* и в «Калмыцко-русском словаре» у слова *нерн* также два основных значения: ‘имя, название, наименование’ и ‘честь, репутация, авторитет, престиж, известность, популярность’ [БАМРС II, с. 444; КРС, 1977, с. 376].

Известно, что процесс называния окружающих предметов или призыва окружающих людей неизбежно связан с голосом: ‘звать кого-л.’ значит ‘голосом просить откликнуться или приблизиться’, ‘называть что-л.’ значит ‘произносить название’. В связи с тем, что вокативная функция является одной из основных функций имени в любой культуре, на наш взгляд, допустимо, что п.-монг. *ner-e* ‘имя, название, наименование’ также представляет собой древний ономотоп, характеризующий коммуникативную сторону речи.

В тунгусо-маньчжурских языках данная сема реализуется с помощью корня с инициальным [g]: эвенк. *гэрби* ‘имя, прозвище, кличка; название’, *гэрбий-* ‘назвать, наименовать’, сол. *гэрбий* ‘имя’, эвен. *гэрбь* ‘имя; наименование’, *гэрбэт-* ‘назвать, прозвать; окликать’, нан. *гэрбу* ‘имя, кличка; название’ [ССТМЯ, 1975, с. 180]. Заслуживают внимания параллели, данные в Алтайском словаре: Пяп. **nər-* ‘возвещать, приказывать’, Пкор. **(n)ir(h)-* ‘имя; сказать’ [EDAL 973], а также эвен. *нирълън* ‘лепет’ [ССТМЯ, 1975, с. 599]. Связь лексемы ‘имя’ с глаголами говорения прослеживается и в тюркских языках. Так, по предположению Э. В. Севортяна, к тюрк. *a:t ~ at* ‘имя; наименование’ имеет отношение *at*

‘зов, клич, призыв’ и образованный от него глагол *ata-* ‘звать, кричать’. Г. Вамбери сравнивал *aj, ej, at, ät* ‘говорить, сказать’ с уйг. *at* ‘крик, призыв’, чаг. *at* ‘имя’ [ЭСТЯ, 1974, с. 198–199].

Таким образом, обработка большого массива вхождений при составлении «Толкового словаря бурятского языка» позволяет выделять дополнительные значения слов, их оттенки, при этом следует подчеркнуть, что первостепенную роль играют материалы электронного ресурса «Бурятский корпус», без которого работа над словарем была бы значительно затруднена. Кроме того, привлекаются материалы средств массовой информации, сайтов Бурятского драматического театра, Министерства культуры Республики Бурятия и др.

Литература:

- Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2. Д-О. 536 с.
- Дырхеева Г. А., Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А. Парные слова и парное словообразование в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 208 с.
- Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 765 с.
- Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I–II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 453 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. I. 672 с.
- Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. 565 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. Т. I. А-Н. 636 с.
- Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Авт. сл. статей Э. В. Севортыян. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I-III. 2690 p.
- Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Tumurtoogoo D., Cecegdari G. Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI centuries) Introduction, Transcription and Bibliography, Academia Sinica, Institute of Linguistics. Taipei, Taiwan, 2006. 726 p.

Дамбуев Игорь Александрович

кандидат филологических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

igor_dambuev@mail.ru

ТОПОНИМИЯ БУРЯТИИ: СТАТИСТИКА ТОПООСНОВ¹

Статья содержит сводные данные по лингвостатистическому исследованию русских, бурятских и эвенкийских топонимных основ в топонимии Бурятии. Отмечаются особенности в номинации географических объектов у разных народов, обусловленные культурой имядателя.

Ключевые слова: топонимия; Бурятия; топооснова; лингвостатистика.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258–9).

TOPONYMY OF BURYATIA: STATISTICS OF TOPONYMIC STEMS

The article contains summary data on the linguistic and statistical study of Russian, Buryat and Evenk toponymic stems in the toponymy of Buryatia. The peculiarities in the nomination of geographical objects among different peoples are due to the culture of these peoples.

Keywords: toponymy; Buryatia; toponymic stem; linguistic statistics.

Частные лингвостатистические исследования русской, бурятской и эвенкийской топонимии Бурятии последних лет, представленные в [Дамбуев, 2015; Дамбуев, 2018; Меркель, Дамбуев, 2023], ставят задачу полного описания региональной топонимии. В статье даны по сто самых частотных русских, бурятских и эвенкийских топооснов. Частотные топоосновы являются слагаемыми системности региональной топонимии, отражают особенности жизнедеятельности и мировосприятия имядателя. Выявление количественных характеристик топонимной лексики способствует дальнейшим исследованиям топонимии в типологическом, географическом, этнолингвистическом, психоллингвистическом и др. аспектах.

В таблице даны по сто самых частотных топооснов с установленным значением. Индекс частотности указан в скобках. Русские основы-прилагательные даны в мужском роде. Основы-существительные могут также быть в составе топонимов, имеющих форму прилагательных. У бурятских основ через косую черту даны монгольские и диалектные варианты, представленные в топонимии. У эвенкийских основ через косую черту даны диалектные варианты и однокоренные слова, осложненные словообразовательными суффиксами.

Таблица

Наиболее частотные топоосновы в топонимии Бурятии

Русские топоосновы	Бурятские топоосновы	Эвенкийские топоосновы
большой (291), малый (276), верхний (157), левый (139), ключ (138), правый (137), нижний (132), камень (110), сухой (86), средний (71), берёза (66), черёмуха (55), старый (48), озеро (47), осина, усть- (46), лог, река (45), мыс, широкий (42), белый (40), гора (39), крутой, новый (38), голец, красный, поперечный, прямой (34), грива, черемша (33), чёрный (32), долгий (31), Иван/Ваня (30), кривой, круглый (29), безымянный,	жалга (201), нуур (187), гол (183), дабаан (182), баруун (178), горхон (175), зүүн (162), сагаан / цагаан (161), хара (157), хүнды (126), ара, шулуун / чулуу(н) (110), нарин (108), улаан (97), булаг (76), бэлшэр / бэлчир (74), аршаан, тала (71), байса, ехэ (69), үбэр (66), шэбэр (62), толгой (61), шара (58), хужар (54), баян, хойто (52), үлэн, үндэр (49), мухар, урда, хүл (47), дунда, харьдаг, халаа / салаа(н),	бира (49), амнүнна, тала (35), мār / māрикта (34), бугар, хаку, якча (27), кэвэр (26), дипкэ, нирӯ (24), байча (23), амут, делй (20), гулэ, олло / олло (18), ймā (17), окто (16), иңā, тукала (15), горба, илэкэн / нилэкэн, мэгдын, улу (14), гирамна / герамда, кадар / када (13), аян (12), аһикта, давāн, дагалдын, кулйн (11), буктэ, гулйк, сйвэг (10), колемтэ, дулй, йкэн, майгу, сики, юктэ (9), бугу, дёло, каравкйт, чālбāн,

<p>глубокий, грем-, грязь (28), вершина, поле (27), калтус (26), холодный, яр (25), лес (24), угол (23), луг, песок, узкий, медведь (22), исток, кедр, солонец, яма (21), крест, мост, падь, сопка (19), брат, горелый, гусь, первый (18), бугор, север (17), золото, Михаил/Миша, светлый, скала (16), елань, степь, утёс (15), бор, быстрый, горячий, дальний, коврига, талый, тал, три, шаман (14), второй, дикий, ручей, стрелка, тонкий (13), глухой, голый, ель, зелёный, камыш, карась, куржавка, лёд, Романов, Семёнов, шум, южный (12), длинный, заимка, зимовье, листовен-, Макаров, малина, Никол-, окунь, остров, перевал, поляна (11)</p>	<p>хада (42), аса / ац(ан), тарбаган (41), харгана (40), ухан / ус(ан) (39), бүтүү / битүү, нуга (37), шабар (36), бага (34), обоо, хүтэл (33), дээдэ (32), доодо, хухюур (31), уула, хасуури (30), майла (29), мойл, хуурай (28), хушуун (26), тоором (25), могой, хүхэ (24), алтан, болдог, бургааһан, жаргал (23), бэрхэ / бэрх, сарам, үлзы, хоолой (22), булан(г), бүлюу / билүү (20), арал, дархи, хандагай (19), наран, хүндэлэн, хүрээ / хорёо (18), амбан, модон, ута, үхэр, хаан, хонхор, эхин (17), ганга, нарһан / нарс(ан), халзан (16), бунхан / мунхан, буурал, гозогор, нюрган, ямаан (15), бууса / бууц, нүхэн, сахюур / цахиур, хүбэ / сүв, таһархай / тасархай, томог, уляаһан / улиас(ан), хуша, шэнэнэн / шинэс, эрээн (14), адха, буга, сайдам / цайдам, хабтагай, хамниган, хэлтэги, шанаа (13)</p>	<p>чувэр / чувакан (8), алан, анһэ, дблгу, кочо, сэн, турākй, үксэ (7), ббм, булэ, гāг, илий, иһэ / হিসэ, кумака, мй, мӯ, нюнжакй, орэ, орочён, токчоко / чокчокон, тукшакй, уа, һэкүһй, чўка, саман / шаман (6), авлан, букачан, ирэг, истэн, камнйгā, сайва, тōкй, турку, үкэчиктэ, урэ, аикта, һэјум, чипичā (5), аōли, буру, демку, диктэ, итык, моңо, мўрэн, бран, сигй, тākса, тākтыкан, талй, туңукэ, турй, улāн, чокчо, шёнан, шурй, эгье (4)</p>
--	--	---

Сопоставление лексико-семантических групп (ЛСГ), в которые могут быть сгруппированы топоосновы, позволяет выявить общее и специфическое в номинации географических объектов у разных народов. Если общее определяется по типовым основам и степени их частотности, то специфическое – по несовпадению и разному наполнению ЛСГ и разной частотности основ. При этом специфическое объясняется как различием культуры имядателя, так и языковыми особенностями. Последние проявляются, например, в возможности передавать в эвенкийском языке крупный/малый размер объекта морфологически – *Бира+мия* / *Бира+кāн*, в связи с чем основы *хэгды* ‘большой’ / *никўн* ‘малый’ встречаются один-два раза в отличие от рус. *большой* (291) / *малый* (276) и бур. *ехэ* (69) / *бага* (34).

Общим для всех языков является широкое употребление географических терминов, объективно отражающих ландшафт: рус. *ключ, озеро, река, ручей* и др.; бур. *нуур* ‘озеро’, *гол* ‘река’, *горхон* ‘речка’, *булаг* ‘ключ’ и др.; эвенк. *бира* ‘река’, *якча* ‘ключ’, *амут* ‘озеро’, *юктэ* ‘родник’ и др. Бурятские топоосновы отличаются активным употреблением соматизмов в качестве географических терминов: *толгой* ‘голова; вершина’, *хушуун* ‘морда; выступ’, *хоолой* ‘горло; приток, рукав; пролив’, *нюрган* ‘спина; хребет’, *шанаа* ‘скула; вершина, гребень’, что свидетельствует об особенностях мировосприятия. Эвенкийские основы

выделяются обозначениями ледового покрова: *амнүнна* 'наледь; выносы камней в устье горной реки, на которых летом задерживается нерастаявший лед', *буктэ* 'ледяная сосулька', *мүрэн* 'наледь', *улаан* 'наледь', указывая на среду обитания.

В ЛСГ «Ориентация в пространстве» наблюдаются значительные различия. Если среди русских основ наиболее употребительны *верхний, левый, правый, нижний, средний*, привязывающие объекты по отношению к течению реки, то в бурятской топонимии идет ориентация по сторонам света: *баруун* 'западный; правый', *зүүн* 'восточный; левый', *ара* 'задняя (или теневая) сторона; северная сторона (горы)', *үбэр* 'южный склон (горы); передняя (или солнечная) сторона', *хойто* 'север; северный; задний', *урда* 'юг; южный; передний'. В ЛСГ «Животные» эвенкийские основы особо выделяются обозначениями крупных копытных таежной зоны: *дикэ* 'дикий бык-олень шести лет', *бугу* 'лось, лосиха', *кумакэ* 'изюбр', *төкй* 'лось', *итык* 'табуированный олень', *турй* 'стадо диких оленей, лосей во время гона'. В ЛСГ «Рыбы» наибольшее разнообразие видов рыб у эвенкийских основ: *нирү* 'хариус', *делй* 'таймень', *колемтэ* 'карась', *майгу* 'ленок (вид форели)', *турку* 'омуль', *шёнун* 'налим', *шурй* 'сиг'. В ЛСГ «Цветобозначения» особую активность проявляют бурятские основы: *сагаан / цагаан* 'белый', *хара* 'черный', *улаан* 'красный', *шара* 'желтый', *хүхэ* 'синий, голубой', *буурал* 'седой; пепельный (о цвете); чалый (о масти)', *эрезн* 'пестрый, пестроцветный'. Русские топоосновы выделяются наличием антропонимов, что не свойственно бурятской и эвенкийской топонимии. В свою очередь, топонимия коренных народов Бурятии, будучи более древней, в наибольшей степени отражает особенности традиционного уклада жизни, материальной и духовной культуры.

Литература:

- Дамбуев И. А. Типовые русские топоосновы в топонимии Бурятии // Русский язык в современном мире. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2015. С. 86–90.
- Дамбуев И. А. Типовые бурятские топоосновы в топонимии Бурятии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 44–53.
- Меркель Е. В., Дамбуев И. А. Типология и прагматика эвенкийских топооснов в топонимиконе Бурятии // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37).

Бадмаева Любовь Дашинимаевна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
ldbadm@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: ИХ СВЯЗИ С ВОСПРИЯТИЕМ И ПОНИМАНИЕМ¹

Данная работа посвящена определению: связей когнитивных междометий бурятского языка с восприятием и пониманием; значений результатов докогнитивных и когнитивных процессов; разграничению видов и типов понимания, передающихся когнитивными междометиями.

Ключевые слова: бурятский язык; когнитивные междометия; восприятие; понимание; семантика.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

BURYAT COGNITIVE INTERJECTIONS: THEIR RELATIONSHIP WITH PERCEPTION AND UNDERSTANDING

This work deals with connections of the Buryat cognitive interjections with perception and understanding, meanings of the precognitive and cognitive processes results, differentiation of understanding types transmitted by considered interjections.

Keywords: The Buryat language; cognitive interjections; perception; understanding; semantics.

Междометия любого языка, как известно, тесно связаны с эмоциями человека, независимо от того, как они называются в тех или иных языках (например, их могут называть частицами, относя при этом к служебным словам). Если говорить вообще о словах, связанных с эмоциями, то следует отметить, что подобная связь проявляется двояко. Названная двоякость позволяет подразделить лексику, связанную с эмоциональными состояниями человека на две группы. В первой группе наблюдаются лексемы, называющие эмоции, а во второй – выражающие те или иные эмоции. Так, в бурятском языке *баяр* ‘радость’, *гуниг* ‘грусть’, *гайхал* ‘удивление’ будут относиться к первой группе, а такие слова, как междометия будут относиться ко второй, поскольку они не называют эмоцию, а лишь выражают.

В данной работе делается попытка рассмотрения междометий в бурятском языке в их связи с такими процессами психической деятельности человека, как восприятие и понимание. В бурятском языкознании междометия в целом не лишены исследовательского внимания со стороны его представителей. Тем не менее их статус четко до сих пор не очерчен. Можно отметить при этом различающие названия междометий, например, *аянгалхан үгэнүүд* – Д. Д. Доржиев, класс междометных слов – В. И. Рассадин [цит. по: Шагдаров, 2011, с. 6]. В работе Л. Б. Бадмаевой дается описание с примерами выделенных когнитивных междометий (далее КМ) и справедливо указывается, что данные междометия выражают модально-логическую оценку речевой ситуации [Бадмаева, 2011, с. 125].

КМ, или междометия понимания, давно привлекли внимание исследователей, среди них К. Бюлер, А. Вежбицкая, Ф. Амека, Н. Р. Добрушина, Б. Л. Иомдин, И. А. Шаронов, И. М. Кобозева, Л. М. Захаров [цит. по: Шаронов, 2008, с. 71].

Русско-бурятский словарь [Шагдаров, Очиров, 2008, с. 157] к слову ‘восприятие’ дает три лексемы как *ойлголго* ‘понимание’ [Шагдаров, Черемисов, 2008, с. 18], *ухаалдилга* (отсутствует русская параллель в словаре Л. Д. Шагдарова, К.М. Черемисова), *мэдэрэлгэ* ‘1) филос. ощущение, чувство; 2) переживание’ [Шагдаров, Черемисов, 2006, с. 573]. *Мэдэрэлгэ* передает чувственное восприятие. Вышеперечисленные бурятские лексемы условно можно принять за обозначения форм восприятия. Данные формы передаются в бурятском языке такими глаголами, как *мэдэрхэ*, *бээдээ үзэхэ* ‘почувствовать’ [Шагдаров, Очиров, 2008, с. 615], *мэдэхэ*, *хүрэхэ*, *мэдэрэл түрэхэ*, *ханаха* ‘ощутить’ [Там же, с. 547], *дуулаха*, *абяа абаха*, *абяархаха* ‘услышать’ [Там же, с. 852], *таниха*, *мэдэжэ абаха* ‘узнать’ [Там же, с. 846],

hanaха, дурдаха ‘вспомнить’ [Там же, с. 162], *ойлгохо* ‘понять’ [Там же, с. 602], *тааха, тухайлха* ‘догадаться’ [Там же, с. 214] и т.д. Значения лексем со значениями ‘почувствовать, ощутить, услышать’ как *мэдэрхэ, бээдээ үзэхэ, хүрэхэ, мэдэрэл түрэхэ, ханаха, дуулаха, абья абаха, абьярхаха* показывают «докогнитивные формы контакта с действительностью» [Шаронов, 2008, с. 73], или иначе *мэдэрэлгэ*. Когнитивные процессы посредством восприятия выражают лексем *мэдэхэ, таниха, мэдэжэ абаха, hanaха, ойлгохо*. Подобное подразделение словарных значений рассматриваемых лексем подтверждает «структурную неэлементарность», «предварительный этап, заключительный этап» акта понимания [Там же, с. 73]. Понимание проявляется как результат обработки новой информации, поступившей посредством докогнитивных форм контакта, т.е. через ощущения и т.п. Представим пример с междометиями с совмещением докогнитивных и когнитивных процессов:

(1) *Холошье бэшэ, буугай хүрэхэ сууряаташаба. – А-һаа, тудaa! – гэжэ Уканчин үбгэжөөл тэрэ зүг руу шэхээ табин хэлээд, хүнгэхэнөөр хүрэхэ бодоод: – Моршеш, коёр ороёо асаркам, – гээд, ябашаба* (Цырендоржиев С. Шулуун хадын хойморто, 1985) ‘Недалеко раздался выстрел. – Ага, попал! – сказал дед Уканчин, наострив свои уши в ту сторону, легко вскочил, – Приведу твоего коня, двух своих оленей – и ушел’ (здесь и далее перевод наш. – Л. Б.).

При рассмотрении и выделении по данным контекста КМ важным представляется подразделение таких видов понимания, как неэмоциональное и эмоциональное [Шаронов, 2008, с. 73]. Последнее сопровождается, как правило, психическим переживанием, которое может не встречаться при неэмоциональном виде понимания. Покажем примеры на оба случая, начиная с неэмоционального вида понимания:

(2) «...*Ойлгоо?* – *А-һаа, – гээд, Ринчин нэгэ хэхэ абяагүй болошобо* (Цырендоржиев С. Мүнхэ эрьесэ, 2000) ‘...Понял? – Ага, – проговорив, Ринчин на некоторое время замолчал’.

(3) – *А-а, ши дуулаха шэхэтэй, хараха нюдэтэй хадаа амидыб гэжэ hanанаш. Байза даа, гүлгэхэн, – гэжэ бандит шүдэнэйнгөө забһараар дуугаржа, бэшэндээ захиралта үгэбэ: – Сэргэдэ абашажа хүлигты энээниие!* (Хамаев Ц.-Д. Наранай хэлтэрхы, 1978) ‘– А-а, думаешь, что ты жив, раз можешь слышать и видеть. Погоди-ка, щенок, – процедил сквозь зубы бандит и приказал своим, – Привяжите его к коновязи’.

В примере (2) наблюдается неэмоциональный вид понимания, что видно по контексту в целом. Здесь персонаж лишь подтверждает одним междометием свое понимание. В примере (3) контекст подтверждает в КМ «А-а» такое психическое переживание у персонажа, являющегося главарем бандитской группировки, как злоба, последнее говорит об эмоциональном понимании. И. Шароновым справедливо указывается, что значение КМ «с необходимостью совмещает информацию о понимании и связанном с ним эмоциональном состоянии субъекта» [Шаронов, 2008, с. 73].

Нет строгой границы между междометиями, выражающими эмоциональное и неэмоциональное понимание. Как можно видеть, одно и то же междометие может быть использовано для обоих вышеназванных видов понимания. Определение же данных видов понимания происходит с помощью контекста всего предложения, а также слов, глаголов, следующих за междометием или, находящихся при междометии. В примере (3) автор описывает, как персонаж, переживая такое чувство, как «злоба», проговаривает вслед за своим междометием слова сквозь зубы (*шүдэнэйнгөө забһараар*).

В языковой модели рационального понимания известны его такие типы, как понимание-знание и понимание-мнение. Думается, что рассмотрение контекстов к междометиям бурятского языка позволит определить, какими из них передаются понимание-знание и понимание-мнение, выражая одновременно и определенные эмоции. Например, в вышеназванном примере (3) с чувством злобы можно сказать, что междометие «Ага» передает понимание-мнение. Пример передачи междометием понимания-знания:

(4) – *Теэд тэрэ докторнай талаар ябашаһан, үгы байгаал даа. – Һэ ямар бузар юумэ гээшэб – гэжэ хараал шэрээл табяад, валенкаараа гүнзэгы саһа оймон, шарга тээшээ ябашаба* (Жамбалдоржиев А. 1964) ‘Но тот ваш доктор уже ушел, его не было. – Һэ, как всё ужасно, – ругаясь и загребая снег своими валенками, пошел в сторону своих саней’.

Междометие *Һэ* в (4) передает понимание-знание вместе с чувством глубокого огорчения на грани озлобления, что видно, как по собственным словам персонажа, так и по авторской речи. Данное междометие произносится человеком на выдохе, путем выталкивания воздуха как естественная его реакция, чаще на неприятное обстоятельство.

(5) *Хэзээ Һаса хүрэхэ зон гээшэбибди? – Һэ-э, Дунганай дайнһаа хойшо тонуулиад олошороо гэхэдэнь айна гүш?* (Цыдендамбаев Ч. Төөригдэһэн хуби заяан, 1959–1965) ‘Когда же доедем до Лхасы? – Һэ-э (Э-э??), испугался, когда сказали, что после дунганской войны много развелось разбойников?’

Здесь в примере (5) междометие *Һэ-э* со значением сомнения можно охарактеризовать, как передающее понимание-мнение.

Работа показывает опыт выделения значения междометий, передающих ими вместе с их словарным окружением виды и типы понимания с разных оснований посредством анализа контекстов предложения, в котором встречается междометие. Анализ говорит о необходимости расширения контекста в сторону предыдущего или предыдущих 1–2 предложений.

Литература:

Бадмаева Л. Б. Функционально-семантические разряды бурятских междометий в прагматическом аспекте // Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 120–130.

Шагдаров Л. Д., Очиров Н. А. Русско-бурятский словарь. Улан-Удэ: ИД «Буряад үнэн», 2008. 904 с.

Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелого, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с. Т. 2. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. 708 с.

Шаронов И. А. Когнитивные междометия: проблемы выявления и описания // Русский язык в научном освещении. № 2 (16). 2008. С. 71–88.

РАЗДЕЛ 7
ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ:
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Кляус Владимир Леонидович
доктор филологических наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Российская Федерация
v.klyaus@mail.ru

К ИЗУЧЕНИЮ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ И МОНГОЛИИ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАБАЙКАЛЬСКИХ» ДИАСПОРНЫХ
ГРУПП, ВОЗНИКШИХ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ)¹

Фольклорно-обрядовая традиция русского старожильского населения Забайкалья и Прибайкалья при эмиграции ее носителей в Китай и в Монголию в первой трети XX в. оказалась не просто в иноэтническом окружении, а в специфических политических, социальных и экономических условиях. В целом эти условия оказали существенное влияние на бытование на приграничных китайской и монгольской территориях русской традиционной культуры, и определили характер происходящих в ней трансформационных процессов.

Ключевые слова: фольклор; обрядовые традиции; русские в иноэтническом окружении; китайские русские Хулунбуира; «местнорусские» Монголии; Байкальская Сибирь, Китай, Монголия.

Klyaus Vladimir Leonidovich
Doctor of Sciences in Philology
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

TO THE STUDY OF FOLKLORE TRADITIONS
RUSSIAN POPULATION OF CHINA AND MONGOLIA:
GENERAL AND SPECIAL (BY THE MATERIAL OF THE «TRANS-BAIKAL»
DIASPORA GROUPS THAT ARISED IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY)

The folklore-ritual tradition of the Russian local population of Transbaikal and Baikal, when Russians emigrated to China and Mongolia in the first third of the 20th century, was not just in a foreign ethnic environment, but in specific political, social and economic conditions. In general, these conditions had a significant impact on the existence of Russian traditional culture on the border areas of China and Mongolia and determined the nature of the transformational processes in it.

Keywords: folklore; traditional rituals; Russians in a foreign ethnic environment; Chinese Russians in Hulunbuir; “local Russians” in Mongolia; the Baikal Siberia; China; Mongolia.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 23-18-00478 «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)».

Гражданская война в Забайкалье и Прибайкалье и особенно поражение Белого движения в 1922 г. привели к массовому исходу в Китай и Монголию населения этих регионов России, в первую очередь, с их приграничных территорий. В социальном отношении большинство ушедших за границу составляли забайкальские казаки, но кроме них от репрессий, преследований, разрухи, голода бежали также крестьяне, приисковые рабочие, представители купеческого сословия, городские мещане, интеллигенция. В религиозном и этническом составе эмигранты представляли всю палитру населения дореволюционной Байкальской Сибири, которое имело довольно сложный состав – коренные народы края, русское старожильческое население (включая старообрядцев), новые насельники, как подневольно оказавшиеся здесь, так и добровольно переселившиеся «из России» по Столыпинской реформе и в поисках лучшей доли и удачи.

Этническая принадлежность влияла на жизнь российских эмигрантов. И если буряты и тунгусы оказывались в целом в родственном для себя окружении, то русские попадали во многом чужой для себя мир Монголии и Китая. Монголия как государство по тем временам было довольно молодым – прошло буквально всего десять лет после Национальной революции 1911 г. В первые годы она представляла собой монархию, высшим правителем которой был Богдо-гэгэн, и в социокультурном отношении во многом в ней сохранялся тот же образ жизни, как и во времена Цинской империи, в составе которого она была несколько столетий. Существенные изменения произошли как раз в начале 1920-х гг. после прихода к власти Сухэ-Батора со своими сподвижниками по МНРП и провозглашения Монгольской Народной Республики.

Русские эмигранты в просоветской МНР по определению не могли воссоздать свой дореволюционный образ жизни в его хозяйственной и культурно-духовной целостности, как это произошло на соседних территориях Китая – в Хулунбуире (Барге), где, как известно, довольно быстро выросли многочисленные поселения, социально-общественная жизнь которых была организована по образцу забайкальских казачьих станиц, с церквями, проведением престольных праздников, русскими школами и т.д. Оккупация Маньчжурии японцами, начавшаяся с 1931 г. и продолжавшаяся до 1945 г., только регламентировала эту жизнь, внося в нее военную составляющую, что не противоречило казачьему бытовому укладу, а лишь цементировало его.

Относительно благополучная жизнь русской эмиграции в Хулунбуире была нарушена в 1945 г. после поражения Квантунской армии, нанесенного советскими войсками в Маньчжурской операции, ликвидации Маньчжоу-Го и образования Китайской Народной Республики. К началу 1960-х гг. из многочисленных поселений Хулунбуира, основанных выходцами из Забайкалья, выехали все русские насельники: большинство в Советский Союз, незначительная часть продолжила эмигрантскую жизнь, переселившись в Австралию, Новую Зеландию, США и другие страны.

Для русских Монголии, наоборот, в середине XX в. произошло улучшение в социально-общественной жизни, чему немало способствовало участие многих из них в Великой Отечественной войне в рядах Красной Армии и активное включение в хозяйственно-экономическую жизнь МНР. Но в 1990-е гг. после развала СССР образовалось новое государство – современная Монголия, и подавляющее большинство этнических русских выехало в Российскую Федерацию.

В настоящее время в Китае и Монголии потомки русских эмигрантов из Прибайкалья и Забайкалья составляют незначительные по численности группы населения. Китайские русские Хулунбуирского аймака автономного района Внутренняя Монголия КНР полностью интегрированы в жизнь своей страны, они полноправные граждане, более того – одно из многочисленных национальных меньшинств со всеми вытекающими отсюда последствиями,

а именно существованием конкретной поддержки со стороны государства в образовании и финансово-экономической сфере. Старшее поколение еще сохраняет язык русских предков, но среднее поколение и молодежь им не владеют. Иная ситуация среди «местнорусских» Монголии: практически все они билингвы, немалое их число имеет российское гражданство, но в силу разных причин они не уезжают из родной для себя страны.

Ушедшие в 1920-е гг. в Монголию и Китай жители Южного Прибайкалья, Западного и Восточного Забайкалья унесли с собой свой фольклорный репертуар и обрядовую культуру, находившиеся на тот момент в активном бытовании, обеспечивая социальные, эстетические и духовные потребности человека и общества в целом. По существу, схожие во многом традиции русского населения обширной приграничной территории Байкальской Сибири оказались в Монголии и Китае в разных политических, социальных, экономических, хозяйственных, этнических и иноязыковых условиях. При том, что эти условия не были застывшими, а развивались на протяжении последних ста лет, так как менялись государственно-политические системы и взаимоотношения русских диаспорных групп с властями и народами, живущими рядом. И все это непосредственно сказалось на судьбах их фольклорно-обрядовых традиций, опирающихся практически на одну «материнскую», но развивавшихся самостоятельно, независимо друг от друга почти столетие.

«Материнская» фольклорно-обрядовая традиция русского старожильческого населения приграничья с Монголией и Китаем при все своем единстве обладает рядом локальных особенностей. Одна из наиболее ярких – это фольклорная культура семейских (старообрядцев) Южного Прибайкалья и Западного Забайкалья. Семейские в силу ряда причин, как и их соседи казаки, уходили в 1920-е гг. в Монголию. В социалистической МНР они не могли открыто придерживаться старообрядческих традиций, что к началу XXI в. привело к обмирщению и утрате ими значительного пласта духовной культуры. Нужно также учитывать тот факт, что между семейскими как представителями крестьянского сословия и забайкальскими казаками еще на территории России в XVIII–XIX вв. складывались довольно напряженные отношения, имевшими не столько религиозные, сколько хозяйственно-экономические причины. В условиях Монголии эти причины отошли на второй план, но по инерции сложности во взаимоотношениях оставались, что не способствовало слиянию этих двух локальных забайкальских фольклорных традиций. Вопросы возникают и относительно песенной культуры тех семейских, которые оказались в Монголии. В Советской России она культивировалась с 1930-х гг., что дало известные результаты. А в социалистической МНР ничего подобного не происходило, что, видимо, и привело к затуханию здесь семейской песенности.

Старообрядцы были и среди эмигрантов в Хулунбуире. В так называемом Трехречье (бассейн рек Ган, Хаул и Дербул, правых притоков Аргуни) существовало несколько поселков, где они проживали компактно и имели свои храмы – Верх-Кули, Усть-Кули, Покровка. В основном это были казаки-старообрядцы, выходцы из Донинской, Калгинской станиц и других поселений современного Калганского района Забайкальского края. Общий сословный статус объединял их с казаками господствующей церкви, и в фольклорном отношении за редкими исключениями, восходящими к религиозной сфере, они были носителями практически одной локальной традиции. Показательно, что в конце 1950-х – начале 1960-х гг. последние два священника РПСЦ и РПСЦЗ объединились в своих заботах об еще оставшихся в поселках Трехречья русских людях.

Кроме принадлежности к православию между китайскими русскими Хулунбуирского аймака АРВМ КНР и «местнорусскими» Монголии, современными носителями русской фольклорно-обрядовой культуры, существующей в иноэтническом окружении в этих двух странах, есть еще одна общая черта, которая пока еще не в достаточной степени осмыслена –

влияние на нее китайской фольклорно-обрядовой культуры. В отношении китайских русских причины этого лежат на поверхности – своим происхождением данная метисная группа обязана довольно многочисленным русско-китайским семейным союзам, которые стали складываться в начале XX века на забайкальских приисках и затем совершенно закономерно продолжили появляться в Китае. А вот китайско-русская метисность некоторой части «местнорусских» Монголии исторически затушевывалась. Причины этого могут быть разными, но нельзя игнорировать того факта, что в 1920–1940-е гг. в Монголии и, прежде всего, в Улан-Баторе между эмигрировавшими из России русскими женщинами и проживавшими здесь еще со времен Цинской империи китайцами семейные союзы не были редкостью. Браки русских с монголами – это довольно позднее явление, возникшее на исходе социалистической эпохи.

Некогда единая региональная фольклорно-обрядовая традиция русского старожильческого населения приграничных с Монголией и Китаем российских территорий Байкальской Сибири в связи с эмиграцией в начале 1920-х гг. в эти страны оказалась в чем-то в сходных, но в большей степени различных условиях бытования. Сама жизнь поставила очередной «эксперимент» выживаемости, эволюции и трансформации фольклорного мира русского народа, в данном случае – на примере «забайкальских» диаспорных групп и их потомков.

Скрынникова Татьяна Дмитриевна
доктор исторических наук
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
skryta999@mail.ru

СИМВОЛИКА БУРЯТСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОСЕ «АЛАМЖИ МЭРГЭН»

В статье анализируется сложный образ Аламжи Мэргэна: предок, демиург, культурный герой (определил социальную структуру, свадебные правила, формы инициации) и кузнец, функция которого – преодоление хаотичного состояния мира и обустроить (сделать своим) его.

Ключевые слова: буряты; традиционная культура; предок; кузнец; культурный герой.

Skrynnikova Tatiana Dmitrievna
Doctor of Sciences in History
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russian Federation

SIMBOLISM OF THE BURYAT TRADITIONAL CULTURE IN THE EPOS “ALAMJI MERGEN”

In this article the complicated image of Alamji mergen is analysed: ancestor, demiurge, cultural hero (introduced social structure, wedding rules, mode of initiation) and smith, who had the aim to overcome the chaotic state of the world, arrange (make own) it.

Keywords: The Buryats; traditional culture; ancestor; smith; cultural hero.

Изучение фольклорных текстов представляет большой интерес для выявления представлений бурят, характерных черт традиционной бурятской культуры, которые в фольклорных текстах находят отражение. И эпос «Аламжи Мэргэн» не является исключением.

Прежде всего привлекает внимание характер самого главного героя: все в тексте указывает на него как на предка – демиурга. В тексте эпоса мы обнаруживаем практически все географические объекты (гора, дерево, родник, перекресток трех дорог и пр.), которые маркируют собой архетип Центра, который в свою очередь характеризуется способностью порождения. Для Центра характерна высокая семиотическая коннотация. Так, после того как Аламжи Мэргэн «взбирается на самый верх собора из узорчатого серебра, ...на тридцати трех холмах, у развилки трёх дорог, с сорока четырьмя колокольнями, четырьмя тысячами колоколов. ... Направив к западу свой чудесный манок, ...он заиграл на нем» [Бурятский героический эпос, 1991, с. 89]. После этого: «Стародавняя земля вся задрожала; все выжженные холмы зеленой травой покрылись; все деревья засохшие молодой листвой покрылись, все ключи пересохшие заструились, забили!..» [Там же]. Это свидетельство того, что ритуал поклонения Солнцу завершен, природа расцветает. Это происходит в центре Мира, обозначенном как «развилка трех дорог», т.е. место, где происходит разрыв пространства (профанное – сакральное) через иерофанию и где возможен переход от Среднего мира к Верхнему и Нижнему. В числовых символах зафиксирована динамика вертикальной (три) и статики горизонтальной (четыре) модели мира. Пересечение трех дорог также может быть точкой спуска в нижний мир, что подтверждается сюжетом того, как Аламжи Мэргэн наказал двух своих дядей, повесив их головой вниз [Там же, с. 277, 279]. То, что проходящие мимо люди отрезали от них куски и бросали их в бочки (сырой = низ) доказывает, что это ритуал низу. Эти три дороги могут пересекаться как в центре собственного мира, так и на его границе: «От дома [родного] она подъехала к краю спускающейся долины, до перекрестка трех дорог» [Там же, с. 179], чужая земля и где жил ее хозяин местности – бородатый старик.

Герой, который согласно традиционным представлениям, обладает огромной сверхъестественной силой, способен выполнять функции демиурга. Именно этим качеством и обладал Аламжи Мэргэн. Согласно эпосу, находясь в сакральном Центре социума, Аламжи Мэргэн совершил обряд вызывания кузнецов, которые, как известно, тоже обладали сакральными качествами и могли совершать ритуалы. Аламжи Мэргэн поднялся «на холм из цельного серебра, на котором никто еще не бывал... Вслед за тем он собирал деревья в большую кучу (бур. *обоо* – Т.С.) и сваливая на холме из цельного серебра... Со всех сторон света (бур. *дайда*) он собрал и привез семьдесят кузнецов. После всего этого на просторной светлой земле ... без цепей с высокого светлого неба [дворец] он воздвиг» [Там же, 1991, с. 61, 63]. Таким образом с помощью кузнецов он освоил, цивилизовал неосвоенное пространство. Кузнец вообще может выступать в роли «божественного мастера», который в состоянии создавать все, от своего дома до своего космоса. Список деяний Аламжи Мэргэна [Там же, с 61–69] иллюстрирует создание мира от порождающего сакрального центра до периферии [Там же, с. 69]. Появляется и реплика сакрального Центра: «На тридцати трех холмах, у развилки трех дорог со звоном вознесся, с шумом поднялся собор из узорчатого серебра» [Там же, с. 67]. «Он родился хозяином земли, не имевшей хозяина, он утвердился ханом у подданных без хана» [Там же, с. 69]. Эпос отмечает мироустроительные функции Аламджи Мэргэна как на родной земле, так и за ее пределами, когда все его сражения закончились [Там же, с. 271–275].

Другой архетип кузнеца-демиурга – мотив его борьбы со змеем (мангадхай в образе многоглавого дракона) как мотив борьбы между огнем и водой, результатом которой было

сотворение мира. Сцена битвы описывается так: на месте их борьбы «мясные холмы там выросли, кровавые реки там потекли» [Там же, с. 131], что может рассматриваться как кровавое жертвоприношение. Вороны, уносящие куски мяса в разные стороны, наблюдая за этой битвой «юроол говорили: пусть эти двое так вот и бьются – до разрушения земли нынешней, до сотворения новой земли!» [Там же]. После того как Аламжи Мэргэн снес среднюю голову мангадхая своей стрелой, из ран на его теле «матери с детьми, держа их за руки, выходили. Люд-народ выбирался, стада выходили, всю долину заполнив. “Здравствуй сынок, сотворивший добро”» [Там же, с. 139].

Действия Аламжи Мэргэна можно рассматривать как ритуальные, поскольку они связаны с его статусом: предок и кузнец (культурный герой и демиург) и старший хан. Аламжи Мэргэн выступал в роли маркера Центра, благодаря его способности притягивать солнечные лучи, ухватившись за которые он мог подняться на небо [Там же, с. 263]. Как уже отмечалось, герой способен выполнять мироустроительные функции посредством ритуальных действий. Бой героя с мангадхаем можно расценивать как ритуальный код. Во-первых, он проходил перед домом героя, т.е. на сакральной стороне [Там же, с. 136], во-вторых, стрельба в ту же сторону – вперед – приводит к смерти мангадхая (т.е. уничтожению хаоса) и возникновению нового мира. В-третьих, сжигание мангадхая в течение трех дней и ночей означает его окончательное уничтожение [Там же, с. 141] и очищение, за которым следует ритуальное выкуривание трубки: «...то поднимая, то опуская ее» [Там же, с. 143]. В тексте мы встречаем и другие свидетельства того, что курение трубки является частью ритуала. Агуй-гохон курила трубку, приговаривая: «Трехлетняя моя земля, прими, покури, четырехлетняя моя земля, отведай, покури» [Там же, с. 161].

Очищение, сакрализация и обустройство пространства – эти действия Аламжи Мэргэна постоянно отмечается в тексте: очерчивание земли, создание стад и скота [Там же, с. 243, 253]. Аламжи Мэргэн – хан – как исполнитель ритуала превосходит шамана: он уничтожил шаманку, которая была близка к клану тестя, утопив ее в курунге [Там же, с. 233–235] (мотив очищения чужого молоком). Сверхъестественная сила есть и в его правом мизинце: разрезав мизинец, он оживил трех заключенных мангадхая, обрызгав их головы живой водой [Там же, с. 143].

Как мы видели, объектами, которые Аламжи Мэргэн использовал в качестве помощников, были молот, нож, ножницы, трубка, дерево. Амулетом и помощником могли служить перстень [Там же, с. 109, 237], кусок темно-синего шелка [Там же, с. 225, 227]. Качества, которые обеспечили человеку жизнь, могут содержаться в других сакральных атрибутах. Например, душа (амин) Булад Хурай находилась в сабле, которую «она спрятала в своей оболочке печени. ...золотое зерно души (aminaa altan тооноуе) она спрятала в своем позвоночнике» [Там же, с. 171].

Два атрибута – стрела и дерево – могут выступать в качестве символов (= заместителей) героя. Стрела играла роль символа Аламжи Мэргэна (заместителя): когда он уехал на войну с красноголовым мангадхаем, он дал стрелу своей сестре Агуй Гохон [Там же, с. 199]. Агуй Гохон также связана со стрелой, когда она исполняла роль молодого Аламжи Мэргэна: когда она воткнула стрелу в правую стену дома, чтобы старик (70 лет) и старуха (80 лет), охранявшие дом, могли знать о ее состоянии, стрела «поднялась и с самой выемки расцвела как девятицветный цветок» [Там же, с. 173].

Дерево также может быть символом героя и, вероятно, его заместителем, например, на свадебной церемонии [Там же, с. 239]. «Целебная красная лиственница» упоминается в первых творческих актах героя [Там же, с. 61]. Из установления барисы видно, что она является родовым символом и, соответственно, маркером центра с космогоническими и гармонизирующими функциями. Во-первых, территория находится за пределами родной

земли [Там же, с. 113], во-вторых, это сосновый (чужое дерево) лес, где солнечные лучи не падают и отсутствуют дороги, т.е. есть все характерные черты хаоса, который подлежит космологизации. В то время как лиственница – дерево героя и его рода, осина, например, символизирует двадцатитрехголового змея [Там же, с. 185–193].

Синтагматическая структура эпоса «Аламжи Мэргэн» может пониматься как закодированная символами традиционной культуры ритуала инициация и связанный с этим послесвадебный переход молодого человека в другую социальную группу – главу семейства. Во-первых, извлечение героя из организованного космоса и помещение его в хаотичное пространство, пребывание в котором связано с испытаниями разного рода как в его собственном образе, так и в образе его сестры. Во-вторых, смерть героя в собственном образе отмечается в двух формах: смерть и помещение костей в пещеру (= утроба для следующего рождения), а также изменение образа и пола. Продолжение проверки в образе сестры на свадебном турнире. В-третьих, очищение после пребывания в хаосе через купание на утреннем солнце в большом желтом море с тремя богатырями, которые также приняли участие в свадебном турнире [Там же, с. 231]. Здесь демонстрируется гиперсексуальность героя, он утверждает, что его фаллосом является березовая палка длиной в аршин [Там же, с. 233]. В результате он возвращается в социум в новом теле, созданном его женой Булад Хурай, и в новом качестве – главой семейства.

В соответствии с синкретическим характером традиционного мировоззрения, мы видим сложный образ Аламжи Мэргэна, который выполняет функции архаичного предка (первого хана), демиурга, культурного героя (медиатор и мироустроитель: определил социальную структуру, свадебные правила, формы инициации) и кузнец, функция которого – преодоление хаотичного состояния мира, обустроить (сделать своим) и сразиться с монстрами, нарушившими установленный порядок.

Литература:

Бурятский героический эпос: Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 312 с.

***Баатаржав Мөнхбаяр**
Ph.D*

*Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Хэл зохиолын хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
bayar0127pak@gmail.com*

БУРЯАД ЗОНД ЗОРИУЛСАН МОНГОЛЫН ОРЧИН ҮЕИЙН НЭРТ ЗОХИОЛЧДЫН БҮТЭЭЛҮҮД-I

Дэлхийн уран зохиол, утга соёлд өргөн дэлгэрсэн уран зохиолын нэг төрөл бол зохиолч уран бүтээлчээс өөрийн анд найз нөхөд, хамт олон, аймаг хот, улс гүрэнд зориулж, тэдэнд хандаж байгаа дотно сэтгэлээ илтгэсэн зориулалт бүтээл байдаг билээ. Ийм уран бүтээлийн тогтолцоо нь: 1. Зохиолч найрагчаас шууд тодорхой улс үндэстэн, ард түмэн, хамт олонд хандсан сэтгэлгээ илтгэсэн байдалтай байна. 2. Тухайн улс үндэстний үндэсний соёлын өв, үнэт зүйлээр нь дамжуулан өөрийн үзэл санаа, хүсэл сэтгэлээ илэрхийлсэн байна. 3. Дотно найз, анд нөхрийнхөө тухайт үнэлэмжээр дамжуулан, тэр улс үндэстний мэдрэмж, ахуй соёл, түүхэн замналаар бахархсан үзэл санаагаа илэрхийлэх гэсэн, хэв маягтай нь Монголын зохиолчдоос Буриадын ард түмэнд зориулан бичсэн бүтээлээс харагдаж байна.

Түлхүүр үг: Буриад улс; Монгол яруу найраг; үнэт зүйл; Байгал далай; ёохор.

**WORKS OF MONGOLIAN CONTEMPORARY FAMOUS WRITERS
DEDICATED TO THE BURYATS-I**

In world literature, one of the most widely circulated categories is works written by writers for their own friends, groups, tribes, cities, and countries. This type of work is known as an offering. This poetic system: 1. Writers and editors directly and clearly express their feelings towards the country, the nation, the people, and the collective; 2. Through the basic cultural heritage of their country and nation, valuable items demonstrate their thoughts and wishes; 3. Through the evaluation of close friends and friends, he expressed his appreciative thoughts from the perspectives of national identity, realistic culture, and historical path;

Keywords: Buryatia; poem; value; lake of Baikal; round dance *yokhor*.

Дэлхийн уран зохиол, утга соёлд өргөн дэлгэрсэн уран зохиолын нэг төрөл бол зохиолч уран бүтээлчээс өөрийн анд найз нөхөд, хамт олон, аймаг хот, улс гүрэнд зориулж, тэдэнд хандаж байгаа дотно сэтгэлээ илтгэсэн зориулалт бүтээл байдаг билээ. Уран зохиолын энэ төрөл зүйл аль ч улс үндэстний уран зохиолд түгээмэл нэгэн заншил болж хэвшин тогтжээ.

Монголын орчин үеийн нэрт зохиолчдоос Монгол угсаатан Буриадын зон олонд зориулж олон шүлэг зохиол бичсэн байна. Тухайлбал Монгол Улсын Ардын уран зохиолч, академич Ц. Дамдинсүрэн “Монголын циркийн жүжигчид Зөвлөлт Буриад Монголд очиж тоглоход зориулсан шүлгүүд” [1942] гэх бүтээлдээ:

“Байгал далайд нутагтай
Баян буриад нөхдөдөө
Баярын мэндийг хүргэе
Бадрахын ерөөлийг тавьяа
Монголын Сэлэнгэ мөрөн
Буриадын Байгал далайд
Үргэлж урсан ирсээр
Үүрд харилцан найрамдсаар
Монгол ардын сэтгэл
Сэлэнгийн урсгалаар дамжиж
Зөвлөлт орны зүрхэнд
Нийлж ирээд нэгдэнэ
Алтай Хангайд нутагтай
Алдарт Монгол орны
Анхны циркийн жүжигчид
Алиа бүжгээ эхэлнэ” [Дамдинсүрэн, 1998]

гэжээ. Энд үзүүлсэн туурвил зүйн сэтгэлгээний онцлог нь угаас байгалийн зохилдлого, зүй тогтлыг хүний сэтгэлийн илэрхийлэл болон хувирч буйг үзүүлжээ. Сэлэнгэ мөрөн Байгал далайд цутгадаг нь зөвхөн их усны цутгал бус Монгол хүн сэтгэлийн их мөрний цутгал болж, найрсан найрамдалтайгаар хамтдаа аж төрөхийн бэлгэдэл болгон үзүүлжээ. Тэгвэл Монгол Улсын Төрийн шагналт яруу найрагч Д. Нямаа “Буриад бүжиг” [1983] шүлэгтээ:

“Сайхан Ононы хөвөөн дээр
Ёохор бүжиг хатирлаа
Сарны мөнгөн туяан дор

Салхи татуулж хатирлаа
Тохойд ассан галыг
Тойрон тойрон хатирлаа
Толгойд гарсан охийг
Үрэн таран хатирлаа
Нарс модны мөчир дор
Найган найган хатирлаа
Дулаан шөнийн өвөр дээр
Дуулан дуулан хатирлаа
Үдшийн Ононы хөвөөн дээр
Үлдэн завдан хатирлаа
Үүрийн шаргал туяатай нь
Уулзан завдан хатирлаа”

гэж дүрсэлжээ. Энэ бол Буряад зоны үндэсний соёлын үнэт зүйлээр нь дамжуулан, үндэстнийг бахдан сайшаасан сэтгэлээ илэрхийлсэн сэтгэлгээ мөн. Буряад зоны хувьд ёохор гэдэг бол амьдрал, аз жаргал, баяр баяслын гэрэл гэгээ юм. Тэд баярлан наадахдаа, хурим төрөө гүйцэтгэн найрлан хөгжихдөө ёохороо хатирч, бие сэтгэлийн амар амгалан эдэлдэг байна. Тэгвэл яруу найрагч энэ бүтээлээ соёлын энэ үнэт зүйлийг бие, сэтгэлээрээ танин мэдэрснээ дүрслэн өгүүлсэн байна.

Тэгвэл Монгол Улсын төрийн шагналт яруу найрагч Н. Нямдоржийн “Дондог” (1985) шүлгийг авч үзэж болно. Найрагчийн шүлгээ нэрлэсэн “Дондог” бол Буряадын ардын уран зохиолч Дондог Аюушеевич Улзытуев юм. Н. Нямдорж эл бүтээлдээ:

“Москва орчин үлгэрийн орон Переделкино
Монгол нутгийг минь гэнэ гэнэхэн санагдуулсан
Уйлагнасан хар бороотой
Урт намар
Угтаа оюутан миний анхны намар.
Дэнжийнхэндээ сэтгэлээ хүргэж чадахгүй байж
Дээж найргийн
Дээдийг бүтээгчидтэй
Бараг хамт “ууж”, “идэж” явсан гэж
Бардамнах нь холгүй
Онгироо хэдэн буриад хөвгүүдийн нэг нь
Омог бардам Дондог минь байлаа.
Бичүүр аймгийн “Шивэр” нутагт
Бие олж сэтгэл дэлгэсэн
“Би” хорь буриад гэж хэлэх дуртай
Билэгт хөвүүн гэвэл Дондог минь байлаа,
Цуут Пушкин чамайг таньж тодруулаагүй ч
Цул их билгээр нь
Андуураагүй таньсан
Ард нь буриад байв.
Найргийн алтан цэцэг
Найгуулан ургуулсан
Буурал тал нь
Буриад байв.
Хараад хайлж явсан
Хань басган нь буриад байв
Утсан бүсэндээ суйвдсан
Урт мөнгөн хутга нь буриад байв.
Уянга найргаа ундраасан
Унаган төрөлх хэл нь буриад байв.

Өнөд мартагдахгүйг бүтээсэн
Өөрөө ч тэр буриад байв”.

Эндээс итгэлт дотно анд нөхрөөрөө бахархсан, түүнийгээ хайрлан дээдэлсэн үзэл санаа нэвт мэдрэгдэнэ. Яагаад анд нөхрөөрөө бахархах болов гэвэл, Дондог найз нь үндэсний соёлынхоо өв уламжлалаас цогцолсон хүн байжээ. Түүний авьяас билгийг андууралгүй таньсан зон нь буриад зон, найраг зохиолынх нь орчин орон зай нь буриадын тал нутаг, хайрт хань ижил нь буриад охин, эрхэмлэдэн дээдэлдэг соёл нь буриад хийц, эх хэл нь буриад хэл энэ бүхний эцэст тэр өөрөө буриад байсан тухай, энэхүү буриад авьяастныг өсгөн бойжуулсан, хүн болгосон, алдаршуулсан нийгмийн орчин нь Буриад зон байсан тухай бахархсан сэтгэлээр өгүүлжээ. Энэ талаас нь харвал, хэдий найздаа хандсан сэтгэлийн дуулал мэт байвч, тийм биш, ерөөс нийт буриад зон олонд үндэсний мэдрэмжээ авч явахын уриа дуудлага болсон гүн санаа, нарийн утга агуулгыг дэвшүүлсэн байна.

Энэчлэн Р. Чойномын “Буриад”, Дан. Нямаагийн “Сэмжүүдэй” зэрэг олон бүтээлийг авч үзэж болно. Эдгээр шүлэг найргаас үзэхэд, хүн зоны бие биендээ зориулж туурвисан уран бүтээлийн тогтолцоо нь:

1. Зохиолч найрагчаас шууд тодорхой улс үндэстэн, ард түмэн, хамт олонд хандсан сэтгэлгээ илтгэсэн байдалтай байна.

2. Тухайн улс үндэстний үндэсний соёлын өв, үнэт зүйлээр нь дамжуулан өөрийн үзэл санаа, хүсэл сэтгэлээ илэрхийлсэн байна.

3. Дотно найз, анд нөхрийнхөө тухайт үнэлэмжээр дамжуулан, тэр улс үндэстний мэдрэмж, ахуй соёл, түүхэн замналаар бахархсан үзэл санаагаа илэрхийлэх гэсэн хэв маягтай нь харагдаж байна.

Ном зүй:

Дамдинсүрэн Ц. “Монголын циркийн жүжигчид Зөвлөлт Буриад Монголд очиж тоглоход зориулсан шүлгүүд”, Ц. Дамдинсүрэн “Бүрэн зохиол” хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар, 1998.

Сабрукова Светлана Санджиевна
кандидат филологических наук
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ssabrukova@yandex.ru

НАУЧНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ Т. А. БУРДУКОВОЙ (1912–1987) ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ ИВР РАН

Статья посвящена научной переписке Бурдуковой с коллегами из Москвы, Иркутска, Бурятии, Калмыкии, Монголии, Венгрии. Всего в разделе «переписка» 64 ед. хр., где представлены письма как самого фондообразователя, так и адресованные ей.

Ключевые слова: Т. А. Бурдукова; письма; монголоведение; монгольский язык и литература.

Sabrukova Svetlana Sandjievna
Candidate of Sciences in Philology
Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation

SCIENTIFIC CORRESPONDENCE OF T. A. BURDUKOVA (1912–1987) FROM THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS AT THE IOM OF THE RAS

This article presents a collection of scientific correspondence from the personal archive of T. A. Burdukova. She corresponded with colleagues from Moscow, Irkutsk, Buryatia, Kalmykia, Mongolia, and Hungary. In total, there are 64 cases in the "correspondence" section, where there are both the founder himself and those addressed to her.

Keywords: T. A. Burdukova; letters; Mongolian studies; Mongolian language and literature.

Т. А. Бурдукова (1912–1987), специалист в области монгольской филологии, преподаватель монгольского языка и литературы на Восточном факультете ЛГУ (1949–1976), оставила после себя большое творческое наследие. В Архиве востоковедов ИВР РАН хранится коллекция материалов Т. А. Бурдуковой, которая отражает все аспекты ее трудовой деятельности. Это научные труды и материалы к ним, документы к биографии и деятельности, переписка, труды других лиц, коллекции печатных изданий. Не менее интересным по содержанию и объемным по количеству корреспонденций является раздел «переписка». Таисия Алексеевна вела активную переписку с родственниками, друзьями, коллегами, монгольскими учеными и писателями, со студентами и с их родителями. Раздел «переписка» состоит из двух подразделов: 1) письма Т. А. Бурдуковой; 2) письма, адресованные ей. У Таисии Алексеевны была привычка писать письма на пишущей машинке в 2-х экземплярах. Один отправлялся адресату, второй оставался ей. Поэтому не удивительно, что сохранились письма, которые она писала сама. Она переписывалась с Е. М. Даревской, историком, монголоведом; монгольским ученым, фольклористом У. Загдарсурэном; калмыцким писателем С. К. Каляевым; венгерским монголоведом Д. Карой; историографом истории Монголии Н. П. Шастиной; бурятскими учеными В. Э. Раднаевым и Б. Д. Цибиковым. Сохранились письма от Д. А. Алексева, заведующего кафедрой монгольской филологии ЛГУ; П. Б. Балданжапова, историка-монголоведа; Т. М. Болдановой, фольклориста; Г. И. Михайлова, специалиста в области монгольской филологии; У. У. Очирова, калмыцкого ученого; В. И. Рассадина, лингвиста, монголоведа; Н. О. Шаракшиновой, монголоведа, фольклориста.

В истории отечественного монголоведения Бурдукова, прежде всего, известна как преподаватель монгольского языка и литературы, который начинал свой профессиональный путь в стенах Института востоковедения АН СССР, в настоящее время Института восточных рукописей РАН. Таисия Алексеевна пользовалась огромным уважением и расположением со стороны своих коллег, учеников и родственников. Не все письма носят сугубо научный характер, но в них присутствуют упоминания о текущей работе исследователя, о новостях в мире науки, которые как выразилась Н. П. Шастина в статье «Ученая корреспонденция монголоведа О.М. Ковалевского» отражают «интимную сторону научной жизни в востоковедении, которая не всегда находит воплощение в трудах исследователей, но которая занимает их умы и наполняет их бытие» [Шастина, 1956, с. 156].

Таисия Алексеевна поддерживала контакты с учеными из Калмыкии, Бурятии, многие из которых были ее учениками. Так, например, в связи с открытием в 1970 г. Калмыцкого государственного университета, ей написал письмо декан филологического факультета У. У. Очиров (1911–1994) с просьбой помочь в организации чтения отдельных спецкурсов по монгольскому языку и литературе, а также содействия в поиске учебной литературы для кафедры калмыцкого языка [Архив востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 165. Оп. 2. Д. 249. Л. 1]. В ответе своем она рекомендует пригласить на работу своих бывших студентов и

сетует на отсутствие у нее специальной литературы, но советует попробовать приобрести книги Г. Н. Румянцева (1903–1966), его личная библиотека была в то время выставлена на продажу [АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Д. 217. Л. 1]. Для того чтобы помочь калмыкам приобрести эти книги, Бурдукова пишет письмо Б. Д. Цибикову (1912–2002) с просьбой помочь с покупкой библиотеки Румянцева и также советует защитить докторскую диссертацию: *«докторская тебе под силу..., наличие собственной позиции, на мой взгляд, и есть та самая зрелость, которая отличает в общем-то ученические работы кандидатов от докторской»* [АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Д. 219. Л. 1].

За заслуги в воспитании квалифицированных специалистов, за свой вклад в развитие и популяризацию монгольской культуры Т. А. Бурдукова в 1967 г. была награждена медалью Монгольской Народной Республики «Найрамдал» («Дружба»). Через два года, в 1969 г., Союз писателей МНР удостоил ее Почетным дипломом за вклад в развитие монгольской художественной литературы. В 1972 г. президиум Верховного совета Бурятской АССР наградила Т. А. Бурдукову Почетной грамотой за заслуги в деле подготовки кадров востоковедов для республики [Сабрукова, 2020, с. 129].

Из писем бывших учеников и выпускников особое место занимают письма В. И. Рассадина (1939–2017), монголоведа, тюрколога, специалиста в области алтайских языков. Валентин Иванович после окончания университета как молодой специалист, преподаватель монгольского языка поехал работать в город Дархан, который тогда начал строиться как промышленный центр Монголии. В своих письмах Рассадин впервые излагает свою методику изучения языков [Сабрукова, 2019, с. 88]. Также в архиве Бурдуковой сохранились письма В. Э. Раднаева за 1970-е гг., Т. М. Болдоновой (1922–1991) за 1969 г., Е. В. Мальцевой (1929–1972) за 1956–1958 гг. В них они пишут о своей работе, о перспективах на будущее, просят совета по той или иной теме исследования, делятся своими достижениями. К примеру, Болдонова отправила «Сборник трудов по филологии», где были опубликована ее статья о судьбах богатырского эпоса в советский период. Она просит Бурдукову прочитать и написать отзыв о ней, сообщает, что, будучи в Ленинграде, слушала превосходные лекции В. Я. Проппа¹ по фольклору и считает себя последователем методики изучения народного творчества по Проппу.

У Таисии Алексеевны были так называемые «подруги по цеху» – Н. П. Шастина (1898–1980), Н. О. Шаракшинова (1915–2000). Нина Павловна и Надежда Осиповна защитили свои диссертации, первая как историк, вторая как филолог в 1950 г. В личном деле Шастиной хранится выписка из приказа по Институту востоковедения АН СССР от 5 апреля 1950 г., где к защите диссертаций допускаются 5 человек и среди них Шастина и Шаракшинова [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 671. Л. 63]. Все письма Шастиной носят сугубо научный характер и посвящены обсуждению всевозможных тем, связанных с профессиональной деятельностью: востоковедением, монголоведением, с рецензиями к публикациям, последними новостями в мире науки, о текущих планах работы [АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Д. 261]. Письма Надежды Осиповны датируются 1956–1964 гг., их 7, в них она пишет, что погрузилась в преподавательскую работу в Иркутском государственном университете, разработала курс по бурят-монгольской литературе и фольклору. В 1959 г. подготовила к печати небольшое пособие по бурятскому фольклору, проявляет интерес к состоянию здоровья Бурдуковой, просит совета по поводу курсов чтения монгольской литературы.

¹ В. Я. Пропп (1895–1970), филолог, фольклорист, основоположник сравнительно-типологического метода в фольклористике.

Есть в архиве Бурдуковой письма Е. М. Даревской (1919–2010), которую в свою очередь рекомендовала Таисии Алексеевне Н. П. Шастина в одном из своих писем как свою ученицу и молодую исследовательницу культурных связей России и Монголии. Переписку Бурдуковой с Даревской составляют 15 писем с 1973 по 1981 гг. [АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Д. 204. Л. 10]. Бурдукова пишет о работе на кафедре, о своем здоровье, о последних новостях в мире науки, в монголоведении. В письме от 16 мая 1981 г. она пишет: «*посмертное опубликование мемуаров А. В. Бурдукова после реабилитации в 1969 г. расцениваю как признание невиновности автора и как желание или необходимость сделать его мемуары доступными для историков младших поколений*». Елена Марковна писала Таисии Алексеевне о своих планах, расспрашивала об известных ей публикациях или архивных материалах по новой истории МНР.

Корреспонденция Т. А. Бурдуковой имеет большое значение для истории отечественного монголоведения. Работа над эпистолярным наследием ученого позволяет выяснить некоторые вопросы по истории нашей науки, уточнить ряд данных, так как с развитием технологий письма в бумажном варианте почти изжили себя.

Литература:

Сабрукова С. С. Письма В. И. Рассадина из Дархана (по материалам АВ ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16. № 4 (вып. 39). С. 88–99.

Сабрукова С. С. Российские монголоведы А. В. и Т. А. Бурдуковы (обзор фонда из Архива востоковедов ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. № 1 (вып. 40). С. 119–134.

Шастина Н. П. Ученая корреспонденция монголоведа О. М. Ковалевского // Советское Востоковедение. Вып. 1. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. С.155–161.

Самбуу Алтанцэцэг

Ph.D

Хөлөнбуйр дээд сургууль

Чойбалсан, Монгол Улс

altaahai1@gmail.com

ЧИНГИС ХААНТАЙ ХОЛБООТОЙ БУРИАДЫН ТҮҮХЭН БОЛОН ДОМОГ ДУУНД ХИЙСЭН СУДАЛГАА

Аливаа үндэстэн угсаатан бүрэлдсэн цагаасаа бүтээн цогцлуулж, өвлүүлэн уламжлуулж ирсэн оюуны соёлын сан хөмрөг нь ардын аман зохиолын хэлбэрээр буюу дуу шүлэг, ерөөл магтаал, тахилга тайлгын үг хэллэг, зүйр цэцэн үг, өвөрмөц хэллэг, элдэв сэдэв өгүүлэмж бүхий үлгэр домог, туульс зэрэгтээ хадгалагдан илэрч байдаг. Зохиогч энэ удаад Чингис хаантай холбоотой буриад ардын түүхэн болон домог дуунуудаас гурвыг сонгон авч тайлбарлахыг оролдлоо.

Түлхүүр үгс: буриад дуу; домог дуу; түүхэн дуу; Чингис хаан.

Sambuu Altantsetseg

Ph.D

Khulunbuir Institute

Choibalsan, Mongolia

THE STUDY OF BURYAT HISTORICAL AND LEGENDARY SONGS RELATED TO GENGHIS KHAN

Every country and nationality creates their intellectual heritage through the form of folklore such as the form of songs, praises, sacred words, proverbs, unique expressions, myths and epics with various themes. The author explains three of the historical and legendary songs of the Buryat people related to Genghis Khan.

Keywords: Buryat songs; legendary songs; historical songs; Genghis Khan.

Эртнээс нааш уламжилж ирсэн элдэв зан үйл, иргэний ба шашин суртахууны үзэл баримтлал, сургаал нЭомлол, ёс заншил, домог түүх, нэн эртний сэтгэлгээний үлдвэр, хэв маяг зэргийг ардын дууны шүлгээс олж харж болно. Тухайлбал, Монголын эзэнт гүрнийг нэгтгэн байгуулсан Чингис хаан, харийн дайсны эсрэг эх орноо өмгөөлөн тэмцсэн өөлдийн ноён Амарсанаа, хотгойдын ноён Чингүнжав, Шилдээ занги, Гаадаа мэйрэн гэх мэт олон арван түүхт хүмүүсийн тухай аман, бичгийн түүхэн домгоос гадна ардын дууны олон хувилбараар тархсан байдаг нь монгол аман зохиолын бас нэгэн өвөрмөц үзэгдэл, онцлог билээ.

Чингис хааны баруун зүгт хийсэн аян дайны түүхтэй холбоотой буриадын эртний домог дуу “Заян наваа”

Буриадууд уг гарвалынхаа тухай дурдсан өнө эртний дуунуудыг олон зууны турш хадгалан дуулсаар иржээ. үүний нэгэн жишээ “Заян наваа”, “Наян наваа” хэмээх хоёр уул, Бада, Ёго нэртэй хоёр голоо санагалзан дурсаж дуулсан утгатай маш эрт цагийн дуу бий. Энэ дууны тухайд, эрт цагт ямар нэгэн шалтгаанаар эх нутгаасаа дүрвэж нүүсэн буриадууд хожмын нэгэн цагт гарсан нутагтаа буцаж харих учиртай тул хойч үедээ нутгаа мартуулахгүй гэж дуундаа шингээн үеэс үед дамжуулан дуулсаар өнөөг хүрч ирсэн гэдэг домогтой. Энэ дууны нэрийг “Наян наваа” хэмээх бөгөөд үг нь: *Наян Наян Наялай / Наян наваа миний гү / Заян заян заялай / Заян наваа миний гү / Байдан байдан байдалай / Байдан ёго миний гү* гэсэн зургаахан мөрөөс бүтнэ.

Гэтэл энэхүү дуунаас маш олон хувилбар салбарлан гарсан байдгийн нэг нь: Жишээ 2. *Заян наваа / Заян заян заялай / Заянаймнай нютаг лэ / Заян наваа хоёрнай / Жааханаймнай аянга / Байдан байдан байдалай / Бааханаймнай нютаг лэ / Байда, Ёго хоёрнай / Баахамнаймнай аянга...* хэмээх хоёр бадаг дуу болно. Энэ “Наян наваа” дуу бол одоогоор мэдэгдэж байгаа хамгийн эртний буриад дуу бөгөөд эдгээр нэр бүхий уул ус нь одоо яг хаана оршдог тухай эрдэмтдийн өөр өөр санал судалгаанууд бий. Эндээс бидний сонирхож буй сэдэвтэй буюу Чингис хаантай холбогдох нэгэн тайлбарыг нь сонгон авч үзвэл, тэрхүү Ная Нава гэдэг нутаг нь эдүгээ Иракийн нутагт Тигр, Евфрат хоёр хоёр мөрний дунд байдаг гэж зарим судлаачид [Жимбиев, 2003] тогтоосон байна. Үүнийг лавшруулан тайлбарласан нь, XIII зууны тэртээ Монголын их эзэнт гүрэн тогтоход түүний бүрэлдэхүүнд хори буриадууд багтаж, агуу их цэргийн соёл иргэншлийг цэцэглүүлэхэд гар бие оролцож явжээ [Ишбалжир, 1995, х. 10].

Персийн Рашид-ад-Дины бэлтгэсэн угийн бичигт тэмдэглэснээр, Чингис хааны алтан ургийн эх нутаг буюу Онон, Хэрлэн гол орчмын газар нутаг, иргэд нь Чингис хааны отгон хүү Толуйн угсааны хан хөвгүүдийн хувь өмч болжээ. Энэ тухай МНТ-ны 242-р зүйлд; “Толуйд таван мянган иргэнийг өгөв” гэж тэмдэглэсэн нь бий. Тэдгээрийн дотор хори-түмэд багтаж байлаа.

Толуйн хүү, Чингис хааны ач Хүлэг хаан баруун урд зүгт өөрийн улсыг байгуулж, 1256-1353 он болтол тэр нутгийг монголчууд эзэмших болсон тэр цаг үед хорийн буриадууд монгол гэдэг нийтлэг нэрийн дор баруун зүг алслан дайтаж, нүүдэллэн олон он жилийг өнгөрөөжээ. Гэтэл тэр XIII-XV зууны үеийн Монголын эзэнт гүрний хүн амын болон цэргийн гол хүч нь стратегийн гурван чиглэлд төвлөрсөн байлаа. Үүнд:

а) Хятадын их цагаан хэрмийн дагуу, урд тал нь Юнань мужид толгойн хэсэгтэйгээр байрласан

б) Ижил мөрөн-Хар далайн шугам

в) Самарканд–Хоросан, Най Нава мужийн чиглэлд тус тус байрласан байжээ.

Энэхүү урт бөгөөд өргөн байлдан эзлэлтийн давалгаан дунд Чингис хааны ач Хүлэг хааны цэргийн бүрэлдэхүүнд явсан хорийн буриадууд эзлэн авсан нутагтаа буюу Най Нава мужид үлдэн суусан ажээ. Хэрвээ хоёр зууны туршид хорийнхны 7-9 үе төрж өссөн гэж үзвэл Ная Нава нь тэрхүү түүхэн цаг үед тэдний өвөг дээдсийн хэдэн үеэрээ оршин амьдарсан нутаг ажгуу [Жимбиев, 2003, 553-р тал]. Харин аян дайнд явалгүй нутагтаа үлдсэн хори буриадууд нь дорнод монголын нутагтаа нүүдэллэн амьдарч байжээ [Дамдинжав, 2012]. Ийнхүү дээрхаян дайны түүхээс улбаатайгаар Ная нава гэдэг дуунд гардаг нутаг усны нэрийн утга тайлагдаж бас болох юм.

“Зэрилгээтын шэлэ” дууны тухайд

“Чингисийн эр хоёр загалын тууж” нь бичгийн зохиолын тууж хэмээх төрлөөс гадна ардын дууны төрлөөр монголчуудын дунд эртнээс түгэн дэлгэрчээ. Тухайлбал, энэ дуу нь Хөлөнбуйрын буриадуудын дунд “Зэргэлгээтийн шил”, Алашаа нутгийн хошууд, өөлдүүдэд “Хоёр загал”, Ордост “Эзэн богдын хоёр загал”, Халх монголд “Зээргэнэтийн шил” гэсэн нэрээр тархжээ. Харин энэ дууны буриад хувилбар нь агуулгын хувьд бусдаасаа арай баялаг байгаа нь сонирхол татаж байгаа юм.

Монгол улсын буриадуудын дунд “Зэрилгээтын шэлэ” гэдэг дуу байгааг бид Дашбалбар сумын 82 настай Цэдэвийн Базар гэдэг буриад өвгөнөөс 1986 онд тэмдэглэж авсан юм. Энэ дууны үгийг “Зээргэнэтийн шил” гэдэг халх хувилбартай нь харьцуулж харвал:

“Зээргэнэтийн шил” (халх хувилбар)	“Зэрилгээтын шэлэ” (буриад хувилбар)
Зээргэнэтийн шилд Зэрлэг буга урамдлаа Зэрэгцүүлээд өсгөсөн Хоёр загал минь ойллоо Их загал байзаач Энд жаахан саатаач Бага загал байзаач Балай юунд ойлно вэ Алтай гэгчийн шилд Арван буга дуудна Адилтгаж ирэхэд минь Авын хоёр загал бий Өндөртэйхэн газар Харууслан барин явъя Өвстэйхэн газар Хазлан барин явъя	Зэрилгээтын шэлэдэ Зэрлиг буга дуудана Зэргэшүүлэхэдэжэ харахадам Богдын хоёр загал лэ Бага загал байзыш Балай юундэ л яарабаш Ехэ загал байзыш Ехээр юундэ л яарабаш Алтайрагшын шэлэдэ Арбаадхан буга дуудана Адлидхажа харахадам Богдын хоёр загал лэ Ама сагаан хуланийе Амые нь дахуулан намная Аба л хаанай албанда Агсахадажа мордоё Хушуу сагаан хуланийе Хушууруулахадажа намная Хуушан хаанай албанда Хуяглахадажа мордоё Хажа л мүнгэн хаадагни Хажуу газар жэбэрбэл Хайран бага наһамни Харийн газар нүгшэбэл Хүжэ л мүнгэн хаадагни Хүдөө газар жэбэрбэл Хүбүүн жаахан бээмни Хүнэй газар нүгшэбэл

Энэхүү “Зэрилгээтын шэлэ” хэмээх буриад хувилбар нь халх зэрэг бусад дууны нөлөөн дор зохиогдсон нь тодорхой юм. Харин уг дууны бусдаасаа ялгарах онцлог нь:

(буриадаар)	(халхаар хөрвүүлбэл)
Ама сагаан хуланийе	Ам цагаан хуланг нь
Амые нь дахуулан намная	Амыг нь дагуулаад намная
Аба л хаанай албанда	Аав л хааны албанд нь
Агсахадажа мордоё	Агсасхийгээд мордьё
Хушуу сагаан хуланийе	Хушуу цагаан хуланг нь
Хушууруулахадажа намная	Хушууруулсхийгээд намная
Хүгшэн хаанай албанда	Хөгшин хааны албанд нь
Хуяглахадажа мордоё	Хуягласхийгээд мордьё
Хаж л мүнгэн хаадагни	Хаж мөнгөн саадаг минь
Хажуу газар жэбэрбэл	Хажуу газар зэвэрлээ л
Хайран бага наһамни	Хайран бага нас минь
Харийн газар нүгшэбэл	Харийн газар нөгцлөө л
Хүжэ л мүнгэн хаадагни	Хүж мөнгөн саадаг минь
Хүдөө газар жэбэрбэл	Хөдөө газар зэвэрлээ л
Хүбүүн жаахан бэемни	Хөвүүн жаахан бие минь
Хүнэй газар нүгшэбэл...	Хүний газар нөгцлөө л ...

гэх зэргээр хаан эзний албанд хоёр загал морь мэт үнэнчээр зүтгэх тухай хийгээд басхүү алс холын газар дайн тулаанд эрсдэж болох гуниг, захиас үгийн аястай утга нэмэгдсэн байгаа нь ажээ.

Яагаад зөвхөн хоёр загал морины тухай бус, цэрэг эрийн гуниг, сэтгэлийн өчил болсон мөр бадгууд буриад хувилбарт нэмэгдэв. Бусад монголын олон ястанд тархсан хувилбарт ийм мөр бадаг байхгүй байгаа нь сонирхол татна. Гэтэл энэ дууны ийм санааг батлах чухал баримт бас Монгол улсаас олдож байна.

Монгол улсын буриадуудын дунд дээрх дуутай холбоотой аман домог одоо хүртэл байдаг бөгөөд доктор Л.Эрдэнэчимэг Дорнод аймгийн Дашбалбар сумын малчин Базарын Гатавын 1934 онд бичиж авсан гэх уг дууны домог, урьд мэдэгдээгүй байсан долоон бадгийг олж авснаа 1992 онд “Ардын эрх” сонинд анх нийтлүүлсэн юм. Уг домогт: «Эрт цагт Чингис хааны цэрэгт явж байсан нэг анчин ан хийж яваад бугатай андуу харж эзэн хааныхаа хөдөөлж явсан хоёр загалын нэгийг харваж шархдуулжээ. Хаан эзэн хилэгнэж анчинд алах ял оноож гэнэ. Хаан анчинг өмнөө авчруулаад: – За хө, эцсээн хэл дээ! Ямар учраас хоёр загал морийг минь харсаар байж харваж шархдуулав? гэсэн юмсанж. Хааныхаа өмнө сөгдсөн анчин залуу “Зэрилгээтын шэлэ” хэмээх дуугаараа өчиг өргөн дуулсанд хаан эзэн сонсоод сэтгэл уяран зөөлөрч... – За, миний морины шарх илаарших биз ээ. Харин чи энэ дуугаа ард олондоо дуулж яваарай! хэмээн зарлиг болоод амийг нь өршөөсөн гэдэг домогтой ажээ». Энэхүү домог нь буриадын “Зэрилгээтын шэлэ” хэмээх дуу хэрхэн үүссэн тухай өгүүлснээрээ ихээхэн үнэ цэнэтэй юм.

Мөн хөгжим судлаач, доктор Л. Эрдэнэчимэг Дорнод аймгийн Дашбалбар сумаас энэ дууны буриад хувилбарыг тэмдэглэн авч аялгууг харьцуулан судлаад, буриад, алашаа, хорчин, халх, торгууд хувилбарууд өөр хоорондоо ялангуяа аялгуугаараа ихэд ялгардаг байна гэж тэмдэглэжээ.

“Зэрилгээтын шэлэ” хэмээх буриад хувилбар нь ийнхүү уг дууны анхны эх, үндсэн эхээс өөр, шинэ утга агуулгатай болж, бас домгийн хамт нэгэн утгыг илтгэн, уг дуугаа үүсэл гаралтай нь хамт ярьж дуулж ирснээрээ бусад хувилбаруудаасаа ихээхэн өөр, онцлог ялгаатай болж байна [Алтанцэцэг, 2008, 215-р тал].

Чингис хааны сэдэвтэй буриад ардын түүхэн домог дуу нэлээд хэд байдаг бөгөөд тэдгээр дууг зохиогдож гарсан домогтой нь цуг одоо хүртэл ярьж дуулж ирсэн нь эдүгээ түүхийн ховор чухал баримт юм. Эдгээр домог дуунуудаас үзвэл буриадууд уг гарвал, түүх намтраа хойч үедээ мартуулахгүйн тулд дуундаа шингээн дуулж үеэс үедээ дамжуулан авч ирсэн уламжлалтай юм байна. Үүнийг бичигч вээр түүхч хүн биш учраас судалгааны ном зохиолд гарсан баримтыг иш татах төдийгөөр орхисон болно. Харин мэргэжлийн судлаачид энэхүү дуунуудын баримтыг гүнзгийрүүлэн судалбал сонирхолтой байх болов уу гэж бодно.

Ном зүй:

Жимбиев Ц. А. Песня Наян-Нава и «Сокровенное сказание монголов» // Чингисхан и судьбы народов Евразии Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. С. 551–558.

Алтанцэцэг С. «Чингисийн эр хоёр загалын тууж», «Зэрилгээтын шэлэ» хэмээх дууны холбоо харьцаа // Баяртуевские чтения-I. Мир бурятских традиций в контексте истории и современности: материалы междунар. науч. чтений, посв. 10-летию каф. бурятской литературы. Улан-Удэ, 2–3 окт. 2008 г. С. 215–219.

Дамдинжав Д. Барга буриадын түүхийн сэдэв. УБ., 2012.

Ишбалжир С., Гомбосүрэн Р. Өнгөрсөн үеэ санан дурсахуй. УБ., 1995.

Смирнов Сергей Ростиславович

доктор филологических наук

Иркутский государственный университет

Иркутск, Российская Федерация

ssrisu@yandex.ru

Р. А. ШЕРХУНАЕВ – БУРЯТОВЕД, ПЕДАГОГ, ЖУРНАЛИСТ

Статья посвящена ученому-фольклористу Раднаю Андреевичу Шерхунаеву. Рассматриваются основные работы ученого, его методологические принципы. В качестве основных параметров деятельности Шерхунаева выявляется опора на факты и события.

Ключевые слова: Шерхунаев; Иркутский университет; востоковедение; бурятский фольклор.

Smirnov Sergey Rostislavovich

Doctor of Sciences in Philology

Irkutsk State University

Irkutsk, Russian Federation

R. A. SHERKHUNAEV – BURYATOLOGIST, TEACHER, JOURNALIST

The article is devoted to the scientist-folklorist Radnay Andreevich Sherkhunaev. The main works of the scientist, his methodological principles are considered. As the main parameters of Sherkhunaev's activities, reliance on facts and events is revealed.

Keywords: Sherkhunaev; Irkutsk University; Oriental studies; Buryat folklore.

В 2020 г. научная общественность отметила 100-летие со дня рождения известного сибирского ученого-бурятоведа Радная Андреевича Шерхунаева (1920–2008). Как профессиональный журналист Шерхунаев состоялся во время службы в армии на Дальнем Востоке (1940–1948). Об этом периоде жизни он интересно и увлекательно рассказывал в своих книгах, помяная добрым словом многих однополчан.

Многие годы связывают Р. А. Шерхунаева с Иркутским университетом. В нем он обучался после армии на бурятском филологическом отделении, заканчивал аспирантуру, на протяжении двух десятков лет осуществлял успешную педагогическую деятельность. И не случайно во многих его публикациях находим благодарные слова коллегам, поддержавшим направление научных исследований ученого. Р. Шерхунаев поддерживал постоянные дружеские и творческие связи с профессорами и доцентами литературоведческих кафедр ИГУ – Н. О. Шаракшиновой, В. П. Трушкиным, А. П. Селявской, Р. И. Смирновым. Ему принадлежит подробное исследование родословной всемирно известного драматурга Александра Вампилова. Знаменательной для Радная Шерхунаева стала встреча с Аполлоном Тороевым – «бурятским Гомером». В одном из своих интервью Шерхунаев живо

рассказывает о совместном исполнении со знаменитым сказителем бурятских народных песен как проявлении знака душевной близости поэта и ученого.

Итогом этого общения стали ряд статей, монография (1964) и успешная защита кандидатской диссертации на тему «Аполлон Тороев – бурятский народный поэт» (1965). Улигершины были главным объектом научных изысканий Радная Шерхунаева. Одна за другой в Иркутске и Улан-Удэ появляются книги о Пёохоне Петрове (1969), Парамоне Дмитриеве (1970), Папе Тушемилове (1973), монографии «Певцов благородное племя» (1977) и двухтомник «Бурятские народные сказители» (1986, 1987). А в Кызыле двумя изданиями (1975, 1977) выходит подготовленная Раднаем Шерхунаевым книга «Сказки и сказочники Тофаларии» (в 1989 г. книга под названием «Тофаларские сказки» будет издана в Улан-Баторе на монгольском языке).

В 2008 г. в Иркутске вышел двухтомник статей и заметок Р. Шерхунаева, названный «Под солнцем сибирским» и ставший продолжением предыдущей книги автора «Сыны славные Бурятии» (1999). Его лейтмотив определен бурятской пословицей, вынесенной в качестве одного из эпитафов: *Һайн нэрэ – һара наран* ‘Доброе имя человека, что луна и солнце сверкает’. В нем с присущей Р. Шерхунаеву обстоятельностью рассказывается об известных сибирских ученых и деятелях культуры и искусства.

Большой интерес представляет обзорная статья Р. Шерхунаева «Востоковедов славные имена» как отклик на изданную в 1997 г. в Улан-Удэ книгу «Российские монголоеды (XVIII – начало XX вв.)», которая, по словам автора, «во многом открывает новые страницы в изучении истории Монголии, Калмыкии, Бурятии, Тибета» [Шерхунаев, 2008а, с. 15]. Среди героев биографических очерков партийный деятель Михей Ербанов, известные фронтовики, участники пешельжного перехода 1936 г. Улан-Удэ – Москва, выдающийся оперный певец Лхасаран Линхвоин, русские и бурятские ученые и педагоги.

Особой теплотой пронизаны очерки об ученых-филологах. Так написан очерк о профессоре Иркутского университета Г. В. Тропине, который «был внимательным и терпимым к студентам <...>, как лектор обладал высоким педагогическим мастерством, умело руководил работой диалектологических экспедиций, организуемых и возглавляемых им» [Шерхунаев, 2008, с. 189]. И в этом, и в других очерках автор, опираясь на историко-документальные источники, активно использует личные воспоминания. Таково повествование о семействе Найдаковых: «В бурятском литературоведении и искусствоведении В. Ц. Найдаков и его сестра Валентина Цыреновна выступают масштабно, серьезно, основательно, как истые ученые, образованные, эрудированные, крупные исследователи, корифеи науки» [Там же, с. 233].

Подробно анализируются достижения в области изучения бурятского фольклора профессора Надежды Осиповны Шаракшиновой. Ее «след на земле» охарактеризован следующими словами: «Пером фольклористки водила любовь к своему народу, восхищение его трудом и талантом, стремление увековечить творческие достижения гениальных предков. В трудах ученой отразились вдохновение красотой внутреннего мира народных певцов, их благородством и величием. Моральная сила, большие чувства, преклонение перед чистотой духа одаренных творцов песен и сказаний – улигеров жили в душе автора этих книг и двигали ее энергией» [Там же, с. 241]. А об известном исследователе сибирской литературы Василии Прокопьевиче Трушкине сказано буквально следующее: «Это был удивительный человек. Крупный ученый-литературовед, великий труженик науки, выдающийся исследователь культуры народа, он в жизни был самым что ни на есть земным человеком. Приветливым и внимательным. Чутким и отзывчивым. Добрейшей и красивой души» [Там же, с. 284].

В одном из очерков Р. Шерхунаев приводит текст шуточного экспромта, написанного в день его отчета о научной командировке на заседании кафедры ИГУ 31 мая 1965 г. Р. И. Смирновым:

Улигер (подстрочник)

Молодой, но мудрый Шерхунаев Раднай
О себе, стоя, повествовал на кафедре:
– Был я в командировке двадцать дней
и еще десять дней,
На дорогу ушло четыре дня
и еще четыре дня.
С мудрым своим научным руководителем
встретился я,
В богатых столичных архивах
упорно работал я,
Десять тысяч строк и еще десять тысяч
прочитал там я.
И вот мой отчет:
Диссертацию на кафедре
нынче принес я... [Там же, с. 209].

Как о своем любимом педагоге пишет Р. Шерхунаев об А. П. Селявской: «Чуткость души Анны Петровны была подкупающей, а осведомленность в вопросах литературы – поразительно глубокой. Всегда выдержанная, степенная, внимательная, она представлялась нам особенно привлекательной и душевно обаятельной. Как-то в беседе со мной народный писатель Бурятии Африкан Бальбуров <...> отозвался о Селявской так: «Это – светлая личность!» [Там же, с. 295]. Р. А. Шерхунаев вспоминает и о том, как он консультировал по бурятскому фольклору известного поэта и переводчика национальных литератур Анатолия Преловского, проникновенно пишет об осуществленном Баиром Дугаровым двуязычным сборнике песен, благопожеланий и триад под названием «Алтаргана» (1998).

Красной нитью через все материалы двухтомника проходит законная гордость за выдающихся представителей бурятского народа разных профессий, чувство особой гордости за земляков-аларцев (их внушительный перечень найдем во всех работах Радная Шерхунаева). Неоднократно упоминается пошедшая по стопам Радная Андреевича доктор филологических наук, фольклорист Евгения Кузьмина, ставшая в составе творческого коллектива лауреатом Государственной премии Российской Федерации за цикл работ из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (разработка концепции и ее реализация в выпущенных в свет 18 томах). Особое место принадлежит очерку «Профессор Людмила Шулунова», с теплотой рассказывающему об авторитетном бурятском ученом и педагоге, специалисте по ономастике.

И сегодня мы полностью разделяем слова известного ученого-бурятоведа: «Спасибо, что у нас неусыпно работает память – наша чудесная спутница и благо, двигатель жизни человека. В народе справедливо говорят: без памяти разум туп. Время идет, как и течение реки, безостановочно. Подрастает новое поколение людей, – оно, естественно, в силу преемственности, будет интересоваться жизнью предшественников – память заставляет думать и мыслить! И это не может не вызвать у потомков добрых чувств, истинной радости и восхищения. Уверен, дела и слава дедов и прадедов, как златоглавое и вечное солнце, будут также сиять и в будущем, и делать свое благое дело» [Там же, с. 7].

Литература:

- Смирнов С. Р. Доброе имя человека: ученый-фольклорист Радная Шерхунаев (к столетию со дня рождения) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 343–346.
- Шерхунаев Р. А. Корни и ветви: слово о предках и родителях выдающегося драматурга А. Вампилова. Улан-Удэ: Соёл, 1994. 39 с.
- Шерхунаев Р. А. Под солнцем сибирским: статьи и заметки. Т. 1. Иркутск: Изд-во ООО «Мегапринт», 2008. 311 с.
- Шерхунаев Р. А. Под солнцем сибирским: статьи и заметки. Т. 2. Иркутск: Изд-во ООО «Мегапринт», 2008а. 317 с.

Носов Дмитрий Алексеевич
кандидат филологических наук
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
dnosov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ СКАЗОЧНОГО СЮЖЕТА ATU 981 У МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

В докладе рассматриваются особенности бытования в фольклоре бурят, калмыков и халха-монголов народных рассказов, основанных на сюжетном типе ATU 981 «Мудрость спрятанного старика спасает королевство». У всех трех народов присутствует вариант сюжета, помещенный в религиозный контекст.

Ключевые слова: буряты; калмыки; халха-монголы; народная этиология.

Nosov Dmitriy Alekseevich
Candidate of Sciences in Philology
Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russian Federation

ATU 981 FOLKTALE TYPE IN FOLKLORE OF MONGOLIAN PEOPLES

The essay examines the features of the existence in the folklore of the Buryats, Kalmyks and Khalkha-Mongols of folk stories based on the fairy-tale type ATU 981 "The wisdom of the hidden old man saves the kingdom." All three peoples have a variant of the type, placed in a religious context.

Keywords: Buryats; Kalmyks; Khalkha Mongols; folk etiology.

В известной статье бурятского ученого и просветителя М. Н. Хангалова (1858–1918), посвященной обрядовой охоте *зэгэтэ-аба*, упомянут обычай *ухэ унгулхэ*. Он состоял в том, что старика, достигшего преклонного возраста (около 70 лет), необходимо было определенным образом умертвить [Хангалов, 1958, с. 11]. В качестве приложения к этой, впервые опубликованной в 1888 г. статье, М. Н. Хангалов привел три легенды, две из которых подтверждают, а третья отрицает наличие данного обряда у бурят [Там же, с. 29–32].

Эти тексты были использованы исследователем в качестве вспомогательного источника для исторической реконструкции обряда. В публикации отсутствуют данные об информантах, времени и месте записи. Оценивать приведенные тексты как фольклорные произведения позволяет данное М. Н. Хангаловым жанровое определение – «легенды».

Все рассказы обладают единой повествовательной структурой:

Трудная задача, невыполнение которой может грозить неминуемой смертью – Соккрытие юношей своего отца от исполнения обычая ухэ унгулхэ – Совет спасенного старика – Решение трудной задачи – Диалог правителя и юноши с объяснением появления у последнего особого знания – Отмена обычая.

В них всегда присутствует взаимодействие двух персонажей: *Правителя, устанавливающего трудную задачу и Юноши, прячущего отца от смерти.*

Опора только на русские тексты легенд, приведенные в публикации, дает возможность рассмотреть лишь самые общие художественные особенности. Но и этого достаточно для попытки найти сходные сюжеты в фольклорных традициях других народов мира.

В каталогах международных и восточнославянских сказочных сюжетов истории о том, как перестали убивать стариков имеют шифры АТУ980 «Неблагодарный сын» / СУС980 А «Дедушка (бабушка) и внучек» и АТУ981 «Мудрость спрятанного старика спасает королевство» / СУС981 «Почему перестали убивать стариков» [Белова, Кабакова, 2015, с. 443–445].

Бурятские рассказы представляют варианты сюжета, обозначенного как АТУ/СУС 981, в котором спрятанный от смерти старик помогает сыну решить трудные задачи [Там же, с. 444].

Вторая и третья легенды, опубликованные М. Н. Хангаловым, основаны на мотиве решения трудной задачи с отражающимся в воде золотым предметом. Они во многом сходны с рассказом № 443 «Почему стариков перестали убивать», приведенным О. В. Беловой и Г. И. Кабаковой в сборнике русских народных этиологических рассказов [Там же, с. 285], что открывает обширные возможности для выявления повествовательных констант и элементов, трансформирующихся под влиянием культурного контекста.

У другого монгольского народа Российской Федерации – калмыков – также был зафиксирован этиологический рассказ на сюжет АТУ/СУС 981. Его записали от известного сказителя Санджи Ивановича Манджикова, уроженца Донской области, и опубликовали в 1968 г. Ц.-Д. Номинханов и А. Ц. Бартунова [Басангова, 2016, с. 115]. Текст под заглавием «О хане, который стал кочевать, бросив стариков» отличается от бурятских легенд глубиной проработки этнографических и художественных деталей, что можно объяснить принадлежностью информанта к профессиональным исполнителям фольклора. Второй из приведенных в публикации Т. Г. Басанговой рассказов на сюжет АТУ/СУС 981 записан в Западной Монголии и носит схематический характер [Там же, с. 118].

Тексты на сюжет АТУ/СУС 981, приведенные в публикациях М. Н. Хангалова и Т. Г. Басанговой, позволяют выявить его подвижные элементы. На уровне содержания к ним относятся, во-первых, характер трудной задачи, которую необходимо решить главным персонажам, во-вторых, наименование правителя, взаимодействующего с юношей, спасающим своего отца от смерти. На контекстуальном уровне легенды могут признавать или отрицать наличие данного обычая у народа в прошлом.

Вторым подвижным контекстуальным элементом является религиозный, либо светский характер рассказа. Первая из приведенных М. Н. Хангаловым легенд повествует о состязании в строительстве *Девяти сыновей Западного Хата* и *Эсэгэ Малане*. Первые живут на небе и пытаются построить чугунный мост, второй – на земле, где пытается соорудить дворец Бэжин-суглан. Противоборствующие стороны никак не могут закончить начатое. *Эсэгэ Малану* не удастся завершить крышу. Только с помощью юноши, воспользовавшегося советом спрятанного от *ухэ унгулхэ* отца, работа оказывается выполненной до конца. В результате выигранного спора *Эсэгэ Малан тэнгри* отменяет обычай убивать стариков, отправляется на небо, а сыновья *Западного Хата* – на землю [Хангалов, 1958, с. 29–31]. Контекст данного рассказа можно считать религиозным, поскольку в нем дается объяснение установленной иерархии божеств.

В том же контексте бытовал и рассказ, записанный В. А. Казакевичем (1896–1937) предположительно 6 сентября 1924 г. на территории Халхи в местности Йихэ-хонгордже в пустыне Гоби. Русский пересказ этого произведения был включен исследователем в отчет, представленный Ученому Комитету МНР. Он повествует о том, как в древние времена «когда не было религии» *Батор-хара-дэжанджин* упал с коня и произнес незнакомые ему слова. На просьбу объяснить их смысл откликнулся молодой человек, поведавший, что это основные понятия буддийской веры. Знаниями поделился с юношей отец, которого любящий сын прятал от традиционного убийства родителей по достижении ими преклонного возраста.

В результате в Халхе был установлен буддизм [Архив института истории и этнологии АН Монголии. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1в. ЛЛ. 63–64].

В фольклоре калмыков также был зафиксирован вариант сюжета АТУ/СУС 981 в религиозном контексте – это рассказ, записанный от Б. Г. Гедеева. Он повествует о том, как кошка спасла священные книги от съедения мышью, внезапно появившейся в монастыре. Знание о существовании кошки, зверя, способного победить мышь, передал своему сыну отец, спрятанный от обычая умерщвлять старых людей. После упоминания об отмене обычая убивать стариков Б. Г. Гедеев приводит объяснение одной из физических особенностей кошки [Басангова, 2016, с. 119–120]. Это позволяет сравнить три упомянутых выше текста на единый сюжет с целью выявить, какие его элементы являются неизменными, а какие подвижными при смене религиозного контекста.

Неизменными элементами сюжета о том, как перестали убивать стариков в религиозном контексте, являются:

Подробное описание обычая убивать стариков.

Мотив милосердного сына.

Трудная задача.

Мотив благодарного старика, подсказывающего решение трудной задачи.

Утверждение социальной роли стариков как носителей мудрости.

Этиологический финал – утверждение современной рассказчику религиозной традиции или объяснение физических особенностей животного.

Подвижными элементами сюжета являются:

Отсылка ко временам, когда не была установлена существующая на момент исполнения рассказа религиозная традиция.

Наличие/Отсутствие инициативы правителя при постановке трудной задачи.

Характер трудной задачи.

Наличие/Отсутствие мотива неминуемой смерти милосердного сына в случае неудачи при решении трудной задачи.

Следует отметить некоторые особенности бытования сюжета АТУ/СУС 981 в религиозном контексте. Во-первых, информанты встраивали их в произведения других жанров. В случае с историями о происхождении религии это является обязательным условием бытования данного сюжета. Во-вторых, тексты, записанные в конце XIX – начале XX вв., служили источниками для этнографических исследований, поэтому фольклористическая атрибуция их неполная.

Сравнение бурятского, халха-монгольского и калмыцкого рассказов на сюжет АТУ/СУС 981 показывает, как религиозный контекст влияет на процесс трансформации единого фольклорного этиологического сюжета у родственных народов.

Литература:

Басангова Т. Г. Сюжет АА № 981 в калмыцкой бытовой сказке // Монголоведение: сб. науч. трудов. Вып. 8. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 114–121.

У истоков мира: русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М.: Неолит, 2015. 525 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Том I. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 551 с.

Список сокращений:

АТУ – Uther H.-J. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Parts I–III. Helsinki, 2004.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.

Рагчаа Бигэрмаа

Ph.D

Шинжлэх ухаан технологийн их сургууль

Улаанбаатар, Монгол Улс

bigermaa@must.edu.mn

“ЁОХОР” БҮЖИГ БУРИАД СОЁЛЫН ИЛЭРХИЙЛЭЛ БОЛОХ НЬ (“Ёохор” болон “Еэхэр” дуут бүжгийн дууны үгийн харьцуулал)

Аливаа ард түмэн бүр өөрийн өвөрмөц зан заншил, соёл, түүхийн онцлогтой, түүгээрээ бусад улс үндэстнээс ялгарч байдаг билээ. Монгол угсаатны дотроос буриад монголчуудын соёлын томоохон өвийн нэг нь ёохор дуут бүжиг юм. Иймд зохиогч энэ өгүүллээрээ энэхүү дуут тойрон бүжгийн дууны үгийг харьцуулан ажиглаж, судалгаа хийхийг хичээлээ. Тэгэхдээ “Ёохор” болон “Еэхэр” дуут бүжгийн шүлгийг ажиглан, хоёр дууны шүлгийн агуулга, үзэл санаа, соёл, зан заншлын уламжлал, онцлог, үгийн сангийн өвөрмөц шинж зэргийг тодруулж, олон нийтэд таниулах, цахим орчинд түгээх зорилготой билээ.

Түлхүүр үг: Буриадын соёл; дуут тойрон бүжиг; уламжлал; шинэчлэл; хэл найруулга.

Ragchaa Bigermaa

Ph.D

Mongolian University of Science and Technology

Ulaanbaatar, Mongolia

“YOKHOR” DANCE IS AN EXPRESSION OF BURIAD CULTURE (Comparison song’s lyrics of “Yohor” and “Yeher”)

One of the great cultural heritages of the Buriad Mongols among the Mongolian ethnic group is yohor song dance. This round dance, which is one of the intangible cultural heritage, has an ancient tradition. In this paper the author compares and researches the lyrics of this round dance song. However, by observing the song and dance poems "Yohor" and "Yeher", the content, ideals, culture, customs, traditions, characteristics, and unique features of the vocabulary of the two songs are clarified, and the aim is to make them known to the public and spread them online.

Keywords: Buriat culture; round dance; tradition; reforms; language composition.

Удиртгал. Судалгааны зорилго. Аливаа ард түмэн бүр өөрийн өвөрмөц зан заншил, соёл, түүхийн онцлогтой, түүгээрээ бусад улс үндэстнээс ялгарч байдаг билээ. Бүжгийн урлаг нь ард түмэн, үндэстэн ястнуудын ахуй амьдрал, ёс заншлыг илэрхийлдэг урлагийн нэг хэлбэр хэмээн үздэг. Ийм учраас дэлхийн улс үндэстэн бүр өөрсдийн ёс заншил, амьдралын онцлог, түүх соёл, сэтгэлгээний онцлог мэдрэмжийг тусгасан, үндэсний бүжигтэй байдаг. Жишээ нь: Оросын кадрил, сербийн коло, румыны хора, грузиний перхули, буриадын ардын тойрон бүжиг ёохор гээд олныг дурдаж болно. Монголын уламжлалт бүжгийн онцлог, төрх, монгол хүний сэтгэлгээ, сэтгэл хөдлөлийн онцлогийг бүжгийн урлагаас нь харж болно.

Монгол угсаатны дотроос буриад монголчуудын соёлын томоохон өвийн нэг нь ёохор дуут бүжиг юм. Соёлын биет бус өвийн нэг болох энэхүү тойрон бүжгийг буриадуудан ав, тайлга тахилгын эхэнд эсвэл дууссаны дараа, тэгш талбарт гарч том түүдэг асаан, идээ ундаагаа өргөж үүр цайтал, олноор хөтлөлцөн тойрч дуулан бүжиглэдэг уламжлалтай бөгөөд

бидний үе хүртэл улам олон хувилбартай болж, боловсронгуй болон хөгжиж ирсэн бүжиг юм. Эртний уламжлалтай гэдгийг бид Монголын уран зохиолын сонгодог өвийн нэг болох “Монголын нууц товчоо”-ны (XIII зууны үе) 57-р зүйлээс харж болно. Үүнд: “Онон мөрний Хорхунагийн хөндийд “Хабиргата хаулаха, эбүдүг-тэ үлхэг болитала дэвсэн бүжиглэж хуримлав. Монгол-ун жиргалан дэбсэн хуримлан жаргах бүлгээ” [Оюунцэцэг, 2019] хэмээн өгүүлснээс харж болно. Мөн шөнөөр эхэлж нар мандтал хатирдаг байсныг “Нарахан модоной орой дээгүүр Наян хөхүй донгодно Наранай гарахын урдахантээ Наадам зугаагаа гаргая” гэсэн дууны үгийг [Оюунцэцэг, 2019] харахад ойлгомжтой юм. Сүүлийн үед буриадын энэхүү сонирхолтой, дуут бүжгийг дэлхий нийтээр сонирхож, ОХУ, АНУ, Австрали улсад судалж, флэйш моби зохион байгуулж бүжиглэх, Индианагийн ИС-д сургалт, судалгаа хийж байгаа ажээ.

Иймд бид энэ өгүүллээрээ энэхүү дуут тойрон бүжгийн дууны үгийг харьцуулан ажиглаж, судалгаа хийхийг хичээлээ. Тэгэхдээ “Ёохор” болон “Еэхэр” дуут бүжгийн шүлгийг ажиглан, хоёр дууны шүлгийн агуулга, үзэл санаа, соёл, зан заншлын уламжлал, онцлог, үгийн сангийн өвөрмөц шинж зэргийг тодруулж, олон нийтэд таниулах, цахим орчинд түгээх зорилготой.

Судалгааны арга. Судалгааны ажлын зорилгод хүрэхийн тулд бид онол, практикийн судалгааг хийсэн бөгөөд ажиглах, харьцуулах, задлан шинжилж нэгтгэн дүгнэх зэрэг аргыг хэрэглэсэн болно.

Үндсэн хэсэг. Өнөөгийн байдлаар, монголчуудын язгуур хэв шинжийг бүжиг, бий биелгээг: Хүрээ хошууны андай бүжиг, барга бүжиг, ойрадын бий биелгээ, дагуу бүжиг, буриадын ёохор наадаан, ордос бүжиг, шинжаан монголын савардан бий, халимаг бий хэмээн ангилда [Эрдэнэцэцэг, 2019, х. 25]. Эдгээрийн дотроос ёохор бүжиг нь буриадын үндэсний соёл урлагийн чухал төрлийн нэг юм. Энэ нь найрал дуу, тоглоом, бүжиг гурав нэгдмэл байдгаараа нэг цогц болдог онцлогтой.

Буриад ардын уламжлалт наадам дуу бүжиг бүр нь өвөрмөц аястай, ёс горимтой. Буриадын хуримын зан үйл нь эрт дээр үеэс эхлэн, их бүжгийн наадам болдог байжээ. Бэр хүргэх, нар тойрох, бэрийн морь харах, дэр булаалдах, ниргэлгээн дуу, галын наадам, ууцын дуу, ёохор хатирах гэх мэтээс үүдэн ёохор, тойрох бүжиг, ээрэмших, хатирах бүжиг, цонгоол буриадын еэхэр зэрэг олон төрлөөр ард түмний бүжиг болж, бидний үе хүртэл уламжлагдан иржээ.

Энэхүү уламжлалт дуу бүжиг нь буриад үндэстний дунд нутаг, нутгийн онцлогийг хадгалсан, өвөрмөц шинжтэйгээр хөгжиж ирсэн байна. Тухайлбал, баруун буриадад “Еэхэр”, зүүн буриадад “Ёохор” гэж нэрлэн, дуулж буй үг хэллэг, хүүрнэл бага зэрэг өөр байх боловч ая дан нь хурдан түргэн, аажим удаанаар аялах, ниргэх, үзүүлж буй зүйлийнхээ агуулгад таарсан дэг хөдөлгөөнийг харуулахдаа гараа урдаа, хажуудаа, ардаа барин хөтлөлцөх, таран гүйлдэх, бие биеэ шахах, цуван хатирах, хөлийн олон тавилт, бэлхүүс бүсэлхийний өвөрмөц хөдөлгөөнүүдээрээ өөр өөр онцлогийг харуулахаас гадна үндэсний хувцсаа өмсөж, түүнийгээ магтан дуулсан, гоёл зүүсгэлээ нэгтгэн харуулж чаддагаараа соёлын өвөрмөц цогц болдог. Ёохор нь буриадчуудын түүх соёлыг өөртөө шингээсэн ардын бүжгийн нэг юм. Өөрийн гэсэн утга агуулга, хөгжим, хөдөлгөөнтэй, хувилбаруудтай бөгөөд бусад угсаатны бүжгээс ялгарах өвөрмөц онцлогтой. Ёохор бүжгээс буриад хүний зан заншил, ёс журам, амьдралын онцлог, баяр баясгаланг ойлгохын зэрэгцээ бүжгийн урлагаар дамжуулж, хойч үедээ эх орон, байгаль дэлхий, урлаг, ёс заншлаа хүндлэн дээдэлж, хайрлан хамгаалах үзэл, өв уламжлалаа өвлүүлж иржээ.

Цонгоол (сонгоол) буриадын еэхэр нь нутаг нутгийн заншил, тэрнуггийн ардын дууны намба эгшигт тохирсон зан заншлаар бүжиглэдэг. Ёохор нь тайван намуухан дуулж, хөгшин залуу хэн боловч нааддагаараа олныг хамарсан, жинхэнэ буриад ардын, дуулалт тойрон бүжиг болжээ. Харин хатирах бүжиг нь залуус цовоо сэргэлэн үсэрч, хөлөө шидлэн бүждэг цэнгээнт бүжиг юм [Наид, 1998, х. 28].

Энэхүү ёохор (еэхэр) бүжгийн бүтэц дэх дууны үгийг одоо ажиглая. Бид судалгаандаа “Монгол туургатны аман зохиолын чуулган” (2009) бүтээлд орсон ёохор бүжгийн (баруун ба зүүн буриад) бүжгийн дууны үгийг авч үзэв. Үүнд:

Ёохор	Еэхэр
Ширтэй мөнгөн эмээлээ	Алтайя хангайгаа дабахатаа
Шилгүүлж цааш нь мориндоо	Алаг жороодоо найдаеэ
Сэлмэг залуу насандаа	Еэхэр еэхэр еэхэр
Сурьяа цааш нь сургуулиа.	Эргэжий эргэжий наадаеэ
Эргэлдэн наадъя	Хөвч хангайгаа дабахатаа
Элдвээр зугаалъя	Хүрэн жороодоо найдаеэ
Мушгиралдан наадъя	Еэхэр еэхэр еэхэр
Мэдэнгээрээ зугаалъя	Эргэжий эргэжий наадаеэ
Тохойн чинээ газартаа	Алс хойшоогоо дабахатаа
Тойрон байж хатиръя	Алаг нүдэндээ найдаеэ
Толгой дээрх гоёлоо	Еэхэр еэхэр еэхэр
Ханчир янчир хатиръя	Эргэжий эргэжий наадаеэ [Ловор, 2009, х. 41]
Дахилт	
Гэрийн чинээ газартаа	
Гишгэн байж хатиръя	
Гэггэн дээрх гоёлоо	
Ханчир янчир хатиръя	
Дахилт	

Дээрх буриад ардын тойрон бүжгийн дууны шүлэг нь толгой, сүүл холбож, 4 мөрөөр шадалсан бөгөөд буриад угсаатны соёл, зан заншил, хэл найруулгын онцлог, урлаг, гүн ухааныг тусгаж, өдөр тутмын зан үйлийн хэрэгцээг ханган, наадан цэнгүүлэх зорилготой аман зохиолын өв уламжлалын нэг юм. Ажиглавал, “Ёохор” болон “Еэхэр”-ийн агуулга, үзэл санаа нь өөр байгаа нь харагдаж байна. Тухайлбал, “Ёохор”-ыг шүлэгт залуу насандаа эрдэм ном сурахыг уриалан дуудсан, харин “Еэхэр”-ийн шүлэгт алс холын зам, агуу их ажил хэргийг морины сайн, хань ижлийн сайхнаар бартаа саадгүй туулах залуу насны зориг, сэтгэлийг магтан дуулж, хоёр шүлгийн аль алинд энэхүү үйл хэргийг энэхүү тойрон бүжиг наадмаар наадах, хөгжүүлэх, хойч үедээ өвлүүлэх санааг агуулсан байна.

Шүлэглэлийн хэлбэрийн хувьд 4 шадаар бадагладаг монгол шүлгийн уламжлалын дагуу, толгой сүүл холбохдоо ихэвчлэн 2-3 шадыг ижилсүүлж холбосон онцлогтой. Дууны шүлгийн дүрслэх ур маягийн хувьд тойрог хэлбэрээр нар зөв тойрон, буриад аялгаар аялгуулан дуулж, бүжиглэх онцлогт тохирсон, үг нь 2 эсвэл 3 дахь үеэс бүтэж, төгсгөлийг сунжруулан уртаар дуудахад тохиромжтой, хүсэн захирах буюу уриалсан утгатай үйл үгээр төгсгөн бичсэн нь хөдөлгөөн, хөгжим, дууны шүлгийн уялдаа холбоог харуулжээ.

Мөн хэмжээ богино, ёохор 3 бадгаас, харин еэхэр 2 бадгаас бүтжээ. Аялга ба холбоцын нэгэн хэмд захирагдаж, тодорхой утга төгссөн 4 шадаас бүрдсэн бадагтай.

Тэгэхдээ монгол яруу найргийн дүрслэлийн нэгэн өвөрмөц онцлог болох тэгш хэмийн зарчмаар бадгийн зохион байгуулалт бүтсэн нь сонирхолтой. Өөрөөр хэлбэл, бадаг тус бүрийн үг, үгийн бүтэц адил тэгш байх зарчмыг баримтлан, тухайлбал,

“Тохойн чинээ газар дээр – Гэрийн чинээ газар дээр”

“Тойрон байж хатирья – Гишгэн байж хатирья” (Ёохор)

“Алтайя хангайгаа дабахата – Хөвч хангайгаа дабахата”

“Алаг жороодоо найдая-Хүрэн жороодоо найдая” (Еэхэр) гэх мэтчлэн дүрсэлсэн нь дууны шүлгийн хэмнэл, хэмжээг тохируулах, бадгийг журамлан зохион байгуулах, хэлэгдэх байдал, хөг аялгууг жигдлэхэд чухал үүрэгтэй ажээ.

Энэ 2 дууны шүлэг дэх яруу хэрэглүүрийг ажиглавал, давталт ихээхэн үүрэгтэй байна. Жишээ нь: Давталт нь дахилтын нэг өвөрмөц хэлбэр бөгөөд ёохорын шүлэгт:

“Эргэлдэн наадъя

Элдвээр зугаалъя

Мушгиралдан наадъя

Мэдэнгээрээ зугаалъя” гэсэн 4 шад бүхий дахилттай. Харин еэхэрийн шүлэгт дахилт байхгүй боловч давталт илүү олон, бадаг тус бүрийн сүүлийн 2 шад

“Еэхэр еэхэр еэхэр

Эргэжий эргэжий наадаеэ”... хэмээн дахин давтагдахаас гадна бадаг тус бүрийн 3 дахь шад “Еэхэр” гэсэн нэг үгээр давтагдаж байна. Эдгээр давталт нь бадаг тус бүрийнхээ утгыг тодруулах, санааг гүнзгийрүүлэх, байгуулалтыг жигдлэх, журамлан цэгцлэх, шүлгийн утга санааг нэгтгэх үүрэг гүйцэтгэж байна.

Бас нэг сонирхолтой зүйл нь өгүүлбэр дэх үгийн байрлал, монгол хэлний өгүүлэгдэхүүн-өгүүлэхүүн гэсэн бүтцийн онцлогийг зөрчсөн, өөрөөр хэлбэл,

“Шилгүүлж цааш нь мориндоо...

Сурьяа цааш нь сургуулиа” хэмээсэн бүтэцтэй байгаа нь ёохорын дууны шүлгээс харагдаж байна.

Дүгнэлт. Энэ бүхнээс харвал:

1. Буриадын ёохор дуут тойрон бүжиг нь хөдөлгөөн, аялгуу, дууны шүлгийн нэгдлээр буриад зоны зан үйл, бэлгэдэл зүйг илэрхийлсэн, соёлын биет бус өвийн нэг юм.

2. Энэ нь олон хувилбарт дуут бүжиг бөгөөд еэхэр бол түүний нэг хувилбар ажээ. Еэхэрийн шүлэг дэх агуулга, утга санаа, бэлгэдэл, онцлог зэрэг нь ёохорын шүлгээс ялгаатай боловч буриад ястны сэтгэлгээ, ахуй соёл, зан заншлын онцлог харагдаж байна.

3. Ёохор болон еэхэрийн дууны шүлгээс харахад, учир зүй, гүн ухааны бодролыг агуулсан, зүйр цэцэн үгээр амьдралын үнэнийг илэрхийлэхээс гадна аливаа сайн сайханд бусдыг уриалан дуудаж, тэр нь шүлгийн шад тус бүрийн төгсгөлийн үгийн эцэст аялгуулан сунжруулж дуудах байдлаар илэрч байна.

4. “Ёохор”, “Еэхэр” хэмээх нэрлэлт нь буриад хэлний нутгийн аялгуутай холбоотойгоор үүсчээ.

Ном зүй:

Нанжид Д. Монгол бүжгийн намба төрх, үндэсний өвөрмөц онцлог. Улаанбаатар, 1998.

Эрдэнэхорлоо Ж. Монгол бүжиг судлал. Улаанбаатар, 2020.

Одмандах О. “Нүүдлийн соёл иргэншил ба буриад-монголчууд” сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2010.

Оюунцэцэг Л. “Ёохор хатар–2019” наадмын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2019.

Левченко Наталья Валерьевна
кандидат социологических наук
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
Москва, Российская Федерация
natalya_levchenk@mail.ru

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И КИНО В БУРЯТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С этапа становления профессионального театра и до сегодняшних дней спектакли ставятся по мотивам русской, киргизской и зарубежной классики, а также на основе повестей и рассказов местных писателей и драматургов. Активно развивается национальный кинематограф.

Ключевые слова: театральное искусство; спектакль; балет; кинематограф.

Levchenko Natalia Viktorovna
Candidate of Sciences in Sociology
Institute of Sociology of the Federal Research
Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

THEATRICAL ART AND CINEMA OF IN BURYATIA: HISTORY AND MODERNITY

From the stage of the formation of professional theater to the present day, performances are based on Russian, Kyrgyz and foreign classics, as well as on the basis of novels and stories by local writers and playwrights. The national cinema is actively developing.

Keywords: theatrical art; performance; ballet; cinematography.

История развития театрального искусства в регионе неразрывно связана с его многонациональной культурой. Истоками бурятского театра выступают игры, песни, групповые хороводные танцы и обряды. В начале XIX в. начинает складываться любительский театр. Одну из ключевых ролей в его возникновении сыграли политические ссыльные и местная интеллигенция. «Самодеятельный театр, улусная драматургия, являясь самым доступным видом искусства, получили наибольшее развитие из-за отсутствия общенациональной письменности, издательской базы, общей неграмотности масс» [Кириченко, 2015, с. 138]. Среди первых пьес бурятских авторов можно выделить такие, как «Смерть» (Д. Абашеев), «Два мира» (М. Салтыкова), «Вино виновато» (М. Барлуков) и пр. Актерами постановок в то время выступали преимущественно учащиеся школ, училищ и духовных семинарий. В дореволюционной Бурятии «существовал особый вид театральных зрелищ – буддийская мистерия Цам, унаследовавшая традиции древнейшего танцевального и театрального искусства Востока, в ней были заключены определенные эстетические ценности, близкие народному духу» [Кириченко, 2015, с. 138]. Мистерия Цам (с тибетского ‘танец’) – это «красочное, многосоставное театрализованное действие, разыгрываемое ламаистскими монахами» [Жигмитова, 2017, с. 135]. Помимо буддийской мистерии получило особый размах и самодеятельное театральное творчество. В годы революции и гражданской войны «широкая потребность в национальном репертуаре породила такое художественное явление, как рукописная улусная драматургия. Тексты оригинальных сочинений бурятских авторов переходили из улуса в улус, обновляя репертуар местных драматических кружков» [Старкова и др., 2022, с. 80]. После Октябрьской революции самодеятельность продолжает активно развиваться. Пьесы середины 20-х гг. включали в себя

демонстрацию угнетающего положения бурят в дореволюционную эпоху, а также пропагандировали советский строй и основные идеологические элементы советского режима.

В конце 20-х – начале 30-х гг. открываются первые профессиональные театры Бурятии: Государственный русский драматический театр им. Н. А. Бестужева и Государственный бурятский академический театр им. Хоца Намсараева. В середине 30-х гг. начинают работать первые профессиональные бурятские режиссеры. Среди основных спектаклей того времени выделяются: «Рычи, Китай!» (С. Третьяков), «Один из многих» (Н. Балдано) и др. Также в бурятских постановках этого времени прослеживаются идеи построения и развития колхозного строя, борьба с кулачеством и т.п. В конце 30-х гг. создаются пьесы по мотивам героического национального эпоса. Особое значение получила музыкальная постановка «Баир» (Г. Цыдынжапов и А. Шадаев), в основу которой лег местный фольклор.

Во время Великой Отечественной войны в бурятском театральном искусстве основная тема была патриотическая. В основе сюжетов пьес «Рыбаки Байкала» (Н. Балдано) и «Снайпер» (Г. Цыдынжапов) лежит участие бурят в борьбе против фашистских захватчиков. «С 1943 по 1948 гг. были поставлены оперные спектакли: “Русалка” Даргомыжского, “Фауст” Гуно, “Травиата” и “Риголетто” Верди, “Чио-Чио-сан” Пуччини, “Севильский цирюльник” Россини. Балетная труппа под руководством балетмейстеров М. С. Арсеньева и Т. К. Глязер подготовила и показала балеты “Бахчисарайский фонтан” Б. Асафьева, “Тщетная предосторожность” Гертеля, “Корсар” Адана» [Старкова и др., 2022, с. 82].

В 1950-е гг. продолжается активное развитие театрального искусства в Бурятии. Выходят спектакли по мотивам народных сказок, о колхозах Бурятии и др. С середины XX в. в регионе начинают действовать такие профессиональные театры, как Государственный бурятский академический театр оперы и балета, Государственный бурятский театр кукол «Ульгэр» и Городской молодежный художественный театр. В 2005 г. открывается Государственный театр песни и танца «Байкал». В 1970-х гг. был поставлен спектакль «Тополек мой в красной косынке» Ч. Айтматова. В конце XX в. среди наиболее выдающихся спектаклей можно выделить «Чингисхан» по одноименной пьесе Булата Гаврилова и «С.С.С.Р.» по пьесе современного бурятского драматурга Геннадия Башкуева.

В XXI в. в театрах Бурятии продолжают выходить спектакли как по мотивам русской, киргизской и зарубежной классики, так и по мотивам повестей и рассказов местных писателей и драматургов. Например, в 2014 г. в Государственном бурятском академическом театре драмы имени Хоца Намсараева вышли спектакли: «Наһанай намар» («Августовские киты»), «И дольше века длится день», «Гамлет». В 2015–2017 гг. выходят такие спектакли, как «Ромео и Джульетта», «Шэнхинүүр шулуунууд» («Поющие камни»), «Полет. Бильчирская история», «Аба эжын үргынүүд» («Не оставляй, мама»), «Земля Эльзы» и др. В 2023 г. в театре проходят такие спектакли, как «Шутки Чехова. Предложение», «Сказка о потерянном времени», «Улейские девушки» (спектакль с элементами обрядов, игр и танцев иркутских бурят и фольклора) и др.

В Бурятском театре оперы и балета в 2023 г. ставятся такие постановки, как «Волшебник изумрудного города», «Тысяча и одна ночь», «Красавица Ангара», «Бальжан Хатан» и др. В основе сюжета балета «Красавица Ангара» – легенда о богатыре и его дочери Ангаре, полюбившая молодого человека и решившая сбежать к нему от строгого отца. В основу рок-мюзикла «Бальжан Хатан» была положена легенда о предводительнице бурят, история о женщине, поставившая интересы своего народа выше своих собственных.

Бурятское кино

Наряду с развитием театрального искусства в середине XX в. стали появляться фильмы о Бурятии, а в XXI в. формироваться собственный кинематограф. Одним из первых фильмов, где можно увидеть Бурятию, народные обряды и ритуалы, является фильм «Потомок Чингисхана», главную роль в котором сыграл Валерий Инкижинов. В 1960-е гг. выходят такие фильмы, как «Песня Табунщика» (режиссер А. Фролов, 1956), снятая на

киностудии «Мосфильм» про талантливого певца из глубинки, по мотивам повести бурятского писателя Д. Батожабая. В 1958 г. выходит киноповесть Свердловской киностудии «Пора таежного подснежника» (режиссер Я. Лапшин). Фильм о жизни в бурятских степях после Октябрьской революции. В 1960 г. состоялась премьера фильма «Золотой дом» (режиссер В. Басов) о судьбе бурятского мальчика в период Гражданской войны. По сценариям бурятских писателей были созданы такие картины, как «Крик тишины» (1981), «Утро обреченного прииска» (1985) режиссера Арьи Дашиева и др.

Первый фильм именно бурятской киностудии «Урга» вышел в 2006 г. «Первый нукер Чингисхана» (режиссеры С. Жамбалов, Э. Жалцанов) по мотивам одноименного рассказа Алексея Гатапова «Сокровенного сказания монголов» и романа «Жестокий век» Исая Калашникова. Сюжет основан на повествовании об одном эпизоде из юности Чингисхана (Темуджина). У героя украли лошадей и, погнавшись за ворами, он знакомится со своим первым нукером – Боорчу. Картина показывает неспешную жизнь, древние обычаи и степные просторы. В картине «Эхо» (режиссер Э. Жалцанов, 2009) главный герой теряет память после драки с друзьями во время совместного отдыха. Герой оказывается в тайге и его решает приютить женщина с ребенком. Он начинает новую жизнь, однако его тянет к своему непонятному прошлому.

В 2008 г. выходит мелодрама «Улан-удэнская история» (А. Баторов, А. Колодченко) – история о трагической любви. В этом же году прошли совместные российско-монгольские съемки короткометражного фильма «Улыбка Будды» (Б. Дышенов). Фильм о мальчике, которому захотелось съесть чего-нибудь сладкого, не найдя в доме ничего, он решает взять конфету, которая лежала около статуи Будды. «Наказ матери» (режиссер Б. Дышенов, 2011) снят по мотивам бурятской буддийской притчи. Активно развиваются в Бурятии и съемки боевиков. В малобюджетном фильме «Решала» (режиссер Р. Асхаев, 2012) показаны взаимоотношения двух братьев в Бурятии и освещается социальная проблематика криминального мира. Далее выходит фильм «Решала 2» (Р. Асхаев) – продолжение истории о двух братьях, и в 2019 г. выходит «Решала. Нулевые» (Ж. Бадмацыренов, А. Кузьминов). Здесь иллюстрируется история о «лихих» нулевых годах. Журналисты отмечают, что «благодарные зрители “на ура” принимают что-то свое, родное на большом экране. Большинство фильмов снимается с известными молодежи участниками КВН-движения» [Дымчикова, 2014].

Театральное искусство Бурятии послужило развитию культуры в регионе. С этапа зарождения профессионального театра и до сегодняшних дней он соединяет в себе основы национального народного фольклора, европейское, русское и советское наследие. В бурятских фильмах снимаются актеры драматических театров, а также обычные жители деревень и городов. Так же как и театральные постановки, фильмы снимаются по притчам, повестям и рассказам бурятских писателей и драматургов. Фильмы, а также часть спектаклей, проходят на бурятском языке, однако с русским переводом. В картинах освещаются социальные проблемы региона, то, чем живут местные жители, что является залогом успеха местного кинематографа.

Источники и литература:

Дымчикова Ж. История бурятского кино. Обзор кино в Бурятии и его перспективы // soyol.ru. 5 июля 2014. URL: <https://soyol.ru/art/kino/705/> (дата обращения: 30.01.2023).

Жигмитова А. А. Эволюция мистерии Цам в театрализованное действо // Вестник культуры и искусств. 2017. №1 (49). С. 135–140.

Кириченко С. В. Профессиональный театр Бурятии: от истоков до первой декады искусства в Москве // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: История. 2015. Вып. 7. С. 137–142.

Старкова И. И., Аюшева С. С., Доржиева Л. Г., Эрхеев С. В. Театральное искусство Бурятии как экскурсионный ресурс // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2022. № 1. С. 77–88.

Серебрякова Зоя Александровна
доктор филологических наук
Восточно-Сибирский государственный институт культуры и искусств
Улан-Удэ, Российская Федерация
serebryakovaza@mail.ru

ТЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В БУРЯТСКОМ РОМАНЕ О СОВРЕМЕННОСТИ

В докладе рассматривается воплощение темы преемственности поколений в бурятском романе о современности 1950–1980-х гг. Предметом анализа являются романы «Голубые сопки» Ж. Балданжабона, «Степные дороги» Ц.-Ж. Жимбиева, «Вечный цвет» А. Ангархаева.

Ключевые слова: бурятский роман; история; современность; герой; поколение; преемственность.

Serebryakova Zoya Alexandrovna
Doctor of Sciences in Philology
East Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russian Federation

THE THEME OF INTERGENERATIONAL CONTINUITY IN THE BURYAT NOVEL ABOUT MODERNITY

The paper considers the embodiment of the theme of generational continuity in the Buryat novel about modernity of 1950–1980s. The subject of the analysis are the novels "The Blue Sops" by J. Baldanjabon, "Steppe Roads" by C.J. Zhimbiyev, "Eternal Color" by A. Angarkhaev.

Keywords: Buryat novel; history; modernity; hero; generation; continuity.

Одной из черт бурятского романа является неизменное внимание к ходу времени и связи поколений, нацеленность на постижение бытия героя как неотъемлемой частицы своего рода и народа. Несмотря на негативное отношение к прошлому, несколько десятилетий доминировавшее в советском литературоведении [Постоутенко, 2000, с. 483], романисты Бурятии воплотили идею уважения к истории своего народа, воспроизвели многие элементы его традиционной культуры, неизменно обращались к народному творчеству, выразили любовь к родной земле и т.д.

Наибольшие возможности для этого предоставляет жанр исторического романа, предполагающий художественное освоение соответствующих реалий и воплощение авторской концепции истории, успешно реализованные в романах «Доржи, сын Банзара» (1952) Ч. Цыдендамбаева, «Поющие стрелы» (1963) А. Бальбурова, «Год огненной змеи» (1972) Ц.-Ж. Жимбиева, «Аларь-гол» (1979) П. Малакшинова и др. Среди произведений, совмещающих исторический и современный ракурсы, необходимо отметить, прежде всего, роман «Долина бессмертников» (1975) В. Митьпова.

Появившийся в конце 1950-х гг. бурятский роман о современности, для которого естественным был приоритетный интерес к реалиям сегодняшнего дня, чаще всего знакомым читателям, не отошел от историзма, ибо «подлинно художественное произведение всегда глубоко современно; оно воссоздает существеннейшие черты своего времени вне зависимости от того, какой теме посвящено» [Кожин, 1966, с. 227]. Полагаем, что у

талантливому творцу сквозь современное высвечивается нечто общезначимое и вечное, через конкретику повседневного проступает сущностное.

Уже первые национальные романы о современности отличались точным анализом генезиса и предпосылок изображаемого, органичностью включения прошлого в актуальный контекст. Многопланово разрабатывается эта тема в романе Ж. Балданжабона «Сэнхир хаданууд» («Голубые сопки», 1962). Взволнованные строки посвящены достойному и материальной основе жизни народа – родной земле, где «далекие горизонты, текучий дымчато-голубой простор; отовсюду: с Байкала, из Монголии, с Яблонового хребта – прилетают в Агу ветры, звенящие, как струны хура, и по распадкам и падам плывет гонимый этими ветрами хмельной дурман ая-ганги. В белесом, чуть мерцающем мареве дремлют подпаленные солнцем курганы». Усиливает масштабность описания образ кружащего в поднебесье орла [Балданжабон, 2006, с. 161].

Большинство героев унаследовали традиционный вид хозяйствования: это чабаны разных поколений, развивающие трудовой опыт предков, хранящие основы народного бытия и сознания. Составляющими творческой удачи прозаика стали «искренний интерес ... к реальной жизни тружеников села, и точность описаний, свидетельствующая о хорошем знании изображаемого, и ряд убедительных образов» [Серебрякова, 2009, с. 30]. Исследователи справедливо подчеркивают новаторство прозаика, мастерство и авторская свобода которого «позволили по-настоящему прикоснуться к миру современной бурятской реальности, приоткрыть многие стороны жизни простых скотоводов в интересных деталях и подробностях, всегда сопряженных с человеческой субъективностью» [Скрынникова, 2004, с. 179].

Панорама родной земли в романе «Талын харгынууд» («Степные дороги», 1967) Ц.-Ж. Жимбиева складывается из емких деталей. Во-первых, она названа «Золотой нашей землей», над которой «безоблачное небо, ясное. И солнце-то здесь светит по-особому, веселее, добрее, что ли» [Жимбиев, 1980, с. 189]. Важен и исторический план характеристики степи, немало повидавшей за долгие века: «Знала она и голод, и засухи, и гололеды, и пожары. Войны тоже не обходили ее стороной. Звенели по ней копыта скакунов лихих баторов» [Там же, с. 224]. В-третьих, символом древности является возвышающееся над окрестностями каменное изваяние. Наконец, показано многоцветье степи, и здесь приоритетна эстетическая оценка, весомая и в лирическом отступлении о ценности ручьев и родников, к которым тянутся со всех сторон тропы.

Подчеркивается традиционность занятий героев, потомственных чабанов, крепких и отважных табунщиков, укрощающих диковатых скакунов, успешно осваивающих новое. В структуре текста органичны зримо выписанные пейзажи, интерьер юрты, национальная одежда и украшения, празднование Белого месяца, народные песни, любимый чабанами зеленый чай и другие приметы традиционной культуры как выражение «чувства тоски по этническому» [Имихелова, 2020, с. 35]. Им же питаются сожаления об утраченных традициях культивирования земель, приведшие к их оскудению.

Авторы романов о современности позднесоветского периода разрабатывали разные ее аспекты. В романе «Мүнхэ ногоон хасуури» («Вечный цвет», 1982) А. Ангархаева предметом художественного анализа стал широкий круг проблем духовной жизни личности, в котором буддийские мотивы и новейшие научные идеи сопрягаются с утверждением извечных нравственных ценностей.

В центре повествования – два поколения, яркими представителями которых являются друзья Шаралдай и доктор Аюша и их сыновья Дэбшэн и Таряша. Одним из узлов сюжета является тема рода, в интерпретации которой акцент сделан не на гордости, возвеличивании,

а на ответственности Шаралдая за свой род, за сыновей. И если наличие одного из них, гонящегося по Северу за длинным рублем лишь констатируется, то личность другого, Дэбшэна, навестившего родное село в попытке выйти из кризиса в научной работе, служит стимулом для ряда событий и раздумий персонажей. Отец и сын – «неплакатные, думающие, мучительно переживающие герои, страдающие от ощущения неприкаянности, тупика» [Серебрякова, 2009, с. 173].

Надежду на то, что наследие предков, в том числе родная и любимая всеми земля, сохранится и для будущих поколений с ее «цветущими заливными лугами, лесами, обильными ягодами, орехами и грибами, полноводными реками с хариусом и тайменем, голубым золотистым прозрачным воздухом, вечным темно-зеленым цветом тайги» [Ангархаев, 1982, с. 286], внушает образ талантливого изобретателя передового механизатора Таряаши. Основную мысль романа исследователи усматривают в «поиске вечных истин жизни», отображения «способности человека перевоплощаться нравственно» [Балданов, 2008, с. 122, 245–246].

Таким образом, в бурятском романе о современности 1950–1980-х гг., благодаря вниманию писателей к ходу времени, убедительному воспроизведению генезиса изображаемого, глубине анализа личности в контексте эпохи, в связи со своей страной и народом, уважению к традиционной культуре, ярко и многогранно воплощается идея связи времен и преемственности поколений.

Литература:

- Ангархаев А. Л. Вечный цвет: роман / пер. с бурят. И. Булгаковой и Н. Очирова. М.: Современник, 1982. 335 с.
- Балданжабон Ж. Голубые сопки // Антология бурятского романа: в 10-ти т. Т.1. Улан-Удэ: Изд-во Респ. типогр., 2006. С. 159–332.
- Балданов С. Ж., Бадмаев Б. Б., Буянтуева Г. Ц.-Д. Литература народов Сибири: этнотрадиция, фольклорно-этнографический контекст. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 304 с.
- Жимбиев Ц-Ж. Степные дороги. Перев. А. Китайника // Жимбиев Ц-Ж. Год огненной змеи. Романы. М.: Известия, 1980. С. 189–439.
- Имихелова С. С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы). Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-та, 2020. 216 с.
- Кожин В. В. Историзм в литературе // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 227–230.
- Постоутенко К. Исторический оптимизм как модус сталинской культуры // Соцреалистический канон / сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 481–491.
- Серебрякова З. А. Пути воплощения национального характера в бурятском романе о современности. Улан-Удэ: Изд-во полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 94 с.
- Серебрякова Ю. А., Серебрякова З. А. Национальный характер и история в бурятском романе 1940–1980-х гг. // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 5 (56). С. 167–175.
- Скрынникова Т. Д., Батомункуев С. Д., Варнавский П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период): кол. моногр. / сост. Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 216 с.

Цзю Юэ
Бортохой их сургууль
Хөххот, Бүгд Найрамдах Хятад Ард Улс
39359878@qq.com

БНХАУ-ЫН ОДОО ҮЕИЙН, МОНГОЛ УЛСЫН ОРЧИН ҮЕИЙН УРАН ЗОХИОЛЫН ХАРИЛЦАА, НӨЛӨӨЛӨЛ

Харьцуулсан уран зохиолын онолын үүднээс авч үзсэн байна. Хоёр орны уран зохиол нь туурвил зүйн сэтгэлгээний талаараа он удаан жилийн харилцаатайгаар оршиж иржээ. Ялангуяа Монгол Улс ба Өвөр Монголын уран зохиолчдын зохиол бүтээл дэх арга, агуулга, утга санааны ижилслийн байдал, уран сайхны туршлагын нийтлэг талыг тодорхойлох нь нийт Монгол үндэстний уран сайхны сэтгэлгээний хөгжлийг үнэлэн дүгнэж буй хэрэг болох юм.

Түлхүүр үг: Монгол уран зохиол; туурвил зүй; сэтгэлгээний ижилсэл; харилцаа холбоо; харьцуулсан уран зохиол.

Jiu Yue
Bortohoi University
Hohhot, People's Republic of China

THE RELATIONSHIP AND INFLUENCE OF CONTEMPORARY CHINESE AND MONGOLIAN LITERATURE

This article examines the relationship between Mongolian and Chinese literature in the context of literary theory. The literature of the two countries has a long history of literary thinking. In particular, identifying commonalities in the methods, content, semantic similarities, and artistic experiences of Mongolian and Inner Mongolian writers is an assessment of the development of the artistic thinking of the entire Mongolian nation.

Keywords: Mongolian literature; biography; sameness of thought; communication; comparative literature.

Монголын академич Х. Сампилдэндэв нэгэн бүтээлдээ: *“Даширамд тэмдэглэхэд манай эрдэмтэд Энэтхэг, Төвөд, Монголын уран зохиолын харилцааны асуудлыг дэлхий дахинаа хүлээн зөвшөөрөгдөх түвшинд зэгсэн сайн судалсан боловч, Хятад-Монголын уран зохиолын харилцаа холбооны талаар Бэнсний үлгэр, сургуулийн хөтөлбөрийн хэмжээнд мэдлэгтэй байна гэхэд хилсдэхгүй. Иймд энэ чиглэлээр судалгаа нэн шаардлагатай байна”* [Сампилдэндэв, 1999] гэж бичсэн байдаг. Тэгвэл, Хятад-Монголын уран зохиолын харилцаа холбооны судлал ямар түвшинд хүрсэн бэ?

Монгол Улсын ШУТС-ийн мэдээллийн санд бүртгэгдсэн, нийгмийн ухааны чиглэлээр ажилладаг Монгол Улсын Хятад судлаач нарын 2000 оноос хойш хийсэн монографи 23 [Диссертацийн бүтээлийн сан] байгаагийн, 10 судалгааны бүтээлд нь утга зохиол, уран зохиолын зүйл нь хэл зүйн жишээ баримт нотолгоо, түүхэн цаг үе дэх ард олон нийтийн санаа сэтгэл, хүсэл мөрөөдөл, гоо зүй уран сайхан, үзэл бодлын илэрхийллийн үүргээр хэрэглэгдсэн байх бол, 2 нь “Монгол -Хятад зүйр цэцэн үгийн харьцуулсан судалгаа”, “Хятад Монгол зүйр цэцэн үгийн зэрэгцүүлсэн судалгаа”, 2 нь “Хятадын сонгодог зохиолын орчуулга, хэлний онцлог”, “Хятадын сонгодог уран зохиолын Монгол орчуулгын уран чадварын асуудалд” гэсэн сэдвийн хүрээнд байна. Эндээс харахад өнөө хэр Монгол Улсын эрдэмтэд, судлаачдаас Хятад-Монголын уран зохиолын харилцаа холбооны асуудлыг задлан

шинжилсэн, тогтолцоо бүхий онолын суурь судалгаа хараахан хийгээгүй байгаа, энэ чиглэлийн судалгаа шаардлагатай байгааг сануулсан хэрэг мөн.

Гэсэн ч, өнгөрсөн хорь гаруй жилийн хугацаанд энэ чиглэлийн судалгаа огт гараагүй биш, тодорхой сэдвийн хүрээнд туурвил зүйн харилцаа холбооны асуудлыг шинээр авч үзсэн, судалгаанд шинэ эх хэрэглэгдэхүүн оруулж ирэх зэргээр ажил өрнөж байсныг тэмдэглэх ёстой. Үүнд доктор Д. Цэдэв, Өвөр Монголын зохиолч На. Сайнцогтын 1940-өөд онд Монгол Улсад суралцаж байхдаа бичиж туурвисан шүлэг зохиолын гар бичмэл дэвтрийг олж, судлан “На.Сайнцогтын Монгол Улсад байсан “Гар дэвтэр”-ийн шүлгүүд” (1999, ӨМАХХ) хэмээх ном хэвлүүлсэн нь Өвөр Монголын орчин үеийн уран зохиолын хөгжил, түүний судлалын хүрээ хэмжээг гүнзгийрүүлсэн чухал алхам болсон билээ.

Доктор С. Байгалсайхан, БНХАУ-ын НШУА-ийн ҮҮЗСХ-ийн эрдэмтэн Ринчиндоржтой хамт “Алтан морины намтар” (2014) бүтээл хэвлүүлсэн ба удиртгалд “... Монгол-Хятадын уран зохиолын харилцаа холбоонд бэнсний үлгэр хэмээх ардын аман зохиолын хэлбэр агуулгыг ашиглан, хятадын түүхэн романуудын өгүүлэмж, түүхэн үйл явдлуудад дулдуйдан үүсэн буй болсон төрөл онцгой байр эзлэхийн төдийгүй өнөөдөр ч үе залгамжлан хөгжсөөр байгаа нь нэгэнт тодорхой юм байна” [Байгалсайхан, 2014] хэмээн тэмдэглээд, Германы Боннын Их сургуулийн сан хөмрөгт буй туульч Дамираны хэлсэн “Алтан морины намтар” бэнсэн үлгэрт туурвил зүйн задлал хийхдээ хуучнаас “Монголын нууц товчоо”, шинэ үеэс Д. Нацагдоржийн “Миний нутаг”, Ц. Дамдинсүрэнгийн “Гологдсон хүүхэн”, Д. Пүрэвдоржийн “Хөх даалимбан тэрлэг” зэрэг бичгийн зохиол дахь дүрслэлийн сэтгэлгээтэй харьцуулан шинжилж, улмаар туурвил зүйн сэтгэлгээний эл ижилслийг академич Б. Я. Владимирцов, Бартольд, Лауферын зэрэг өрнөдийн, Б. Ренчин Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэрэнсодном, Л. Хүрэлбаатар, Р. Нарантуяа зэрэг үндэсний эрдэмтдийн дэвшүүлсэн аман ба бичгийн зохиолын харилцаа холбооны тухай үзэл баримтлалаар баталж нотлон авч үзсэн байна. “Алтан морины намтар” бүтээл гарснаар БНХАУ, Монгол улсын уран зохиолын харилцаа, туурвил зүйн сэтгэлгээний байдлыг тодруулах асуудалд судалгааны нэгэн шинэ үүдийг нээсэн явдал болсон билээ. Үүнээс гадна доктор профессор С.Байгалсайхан “Ц. Дамдинсүрэнгийн хүүрнэл зохиолын уламжлал” (2018) өгүүлэлдээ “... Хориод оны дундуур миний уншсан хуучин уран зохиолын ном бол Шагж багшийн Өвөр Монголоос олж ирсэн “Орогсодын ерөөл” гэдэг нэн онцгой ном юм. Энэ номын гол баатар нь феодал ангийн төлөө зүтгэж явсан залуу түшмэл байв. Би тэгэхээр ардын ангийн төлөө зүтгэж явсан залуу эмэгтэйн тухай бичнэ. Тэгэхдээ уг зохиолын зохиомж нь “Орогсодын ерөөл”-өөс доргүй байна гэж “Гологдсон хүүхэн” туужаа бичиж эхэлсэн билээ” [Дашдорж, 1998] гэсэн Ц. Дамдинсүрэнгийн дурсамжид тулгуурлан, “Гологдсон хүүхэн” тууж дахь хятад уран зохиолын нөлөөг авч үзжээ. “Орогсодын ерөөл” бол, Өвөр Монголын Улаанхад хотын Харчин хошуунд 1888–1939 оны хооронд амьдарч байсан, ном бичиг хэвлэлийн нэрт хүмүүн Тэмгэт (Ван Рүй Чан)-ийн анх удаа хэвлэсэн, өдгөөг хүртэл хятад эх нь олддоогүй зохиол бөгөөд орчуулгын чанар, уран зохиолын үнэ цэнийн хувьд судлаачдаас өндөр үнэлгээ авсан бүтээл гэлээ ч, эл номын талаар манай судлаачид хараахан дуугараагүй байгаа энэ үед доктор С. Байгалсайхан, эл хоёр зохиолыг туурвил зүйн сэтгэлгээ, уран сайхны залгамж чанар чанарын үүднээс харьцуулан судалсан байна. Эл өгүүллийн гол дүгнэлтийг үзвэл: “Нэгд: Зохиолын зохиомж бүтцийн хувьд нөлөө авсан гэж хэлж болохоор байна. Хоёрт: Өгүүлэмжийн хувьд “Орогсодын ерөөл”-д ...гол баатруудын үйл хэрэг нь Ц. Дамдинсүрэн зохиолчид гүн сэтгэгдэл төрүүлж “Гологдсон хүүхэн” туужаа бичих сэтгэл санааг бэлдэж өгсөн бололтой. “Гологдсон хүүхэн” туужийн гол баатар нь тухайн үеийн монголын нийгмийн амьдралын тодорхой нэгэн түүхийн бодит зураглалыг үлдээж эцэстээ сайн сайхантай золгож байгааг үзүүлсэн нь нэг талаас тухайн үеийн бодит байдал, амьдралын үнэн, нөгөө талаас “Орогсодын ерөөл” зохиолын өгүүлэмжийн үндсэн шугамыг

уламжлан сэдэл санаа олжээ гэж хэлж болно. Гуравт: Өгүүлэмж үйл явдлын хувьд төсөөтэй санаа сэдэл авсан байж болох элементүүд ч олон байна. ... Зохиолын дүрийн тодотгох, тухайн нийгмийн амьдрал үнэн байдлыг илтгэн үзүүлэхэд шашин шүтлэг, лам нарын тухай дүрсэлсэн хэсэгт бас адил төсөөтэй зүйл ажиглагдана” [Байгалсайхан, 1998] гэж байгаа нь хоёр орны уран зохиолын уран сайхны сэтгэлгээний байдлыг нарийн тодруулсан хэрэг юм.

Үүнээс гадна Монгол Улсад суралцаж буй БНХАУ-ын магистр, докторант, судлаачдын судалгааны ажил, бүтээлийг үзвэл, Гү Хэ “Лу Суны “Галзуу хүний өдрийн тэмдэглэл”-ийн анхны судалгаа” (2008), Хувьсгалт “Д. Бодоо “Үзэмжит өгүүлэл” ба Хятадын “Сувдан цамц” зохиолын орчуулгын найруулгын тухай” (2010), Мао Ян Ли “С.Удвал ба Сувдын туужид гардаг эмэгтэйчүүдийн дүрийн шинжлэл”, Сурнаа “Тансан ламын үлгэр, зохиолын судалгаа” (2013), Б. Оюун “Монгол үндэстний “Жангарын тууль” ба Хэжэ үндэстний “Имакан” туулийн дүрийн харьцуулалт”, Э. Бадрангуй “Монголын зохиолч Р. Чойном Өвөр Монголын зохиолч Л. Чулуунбаатарын яруу найргийн харьцуулсан судлал” ... зэргийг дурдаж болно. Энэ асуудлыг:

1. Зохиолчийн туурвил зүйн Хэвшил тогтолцоо (formulaic system)-г тодорхойлох. Зохиолчоос амьдралыг дүрслэхийн тулд сонгож авдаг дүр, хэлбэр, дүрс, санааг зохион байгуулах, төлөвлөх, сонгох, сэтгэц, сэтгэхүйн хэвшил тогтолцоо (formulaic system) гэж байдаг. Энэ нь зохиолчийн сэтгэхүйн хувийн онцлогийг илэрхийлдэг.

2. Зохиолчийн уран сайхны сэтгэлгээ (artistic thoughts)-ний хэв маягийг тодорхойлох. Энэ нь хэвшил тогтолцоо (formulaic system)-ндөө тулгуурлан, урлан бүтээх үйл ажиллагааг жинхэнэ бодит зүйл болгож илэрхийлэх, ургуулан бодох, зохиох явцад төлөвшсөн зохиолчийн хувийн ур чадварын тогтвортой хэв шинжийн тухай цогцолбор ойлголт. Зохиолчийн уран сайхны сэтгэлгээний хэв маяг өөрчлөгдөх эсэх нь түүний гүн ухаан-ертөнцийг үзэх үзлийн өөрчлөлтөөс шалтгаалдаг.

3. Зохиолчийн гүн ухаан-ертөнцийг үзэх үзэл (world view)-ийг тодруулах. Энэ нь зохиол бүтээлийг туурвих явцад зохиолын үйл явдлын хэлбэршлийг даган бүрэлдэж байдаг утга агуулга-үзэл санааны чиглэлийг тодорхойлогч гол хүчин зүйл бөгөөд, уран бүтээлчийн өөртөө цуглуулж авсан үнэмшил итгэлийн цогцолбор юм. Энэ нь өөрчлөгдөн хувирч болохын хамт зохиолчийн уран сайхны сэтгэлгээний хэв маяг өөрчлөгдөх, тогтворжих суурь болдог онцлогтой.

гэсэн 3 талаас нь авч үзвэл сонирхолтой. Жишээ нь: Д. Нацагдоржийн уран бүтээлээс На. Сайнцогт, Б. Бүрэнбэх нарын уран бүтээлд нөлөөлсөн нөлөөг тодруульа гэвэл дээрх гурван асуудлын хүрээнд авч үзнэ үг болно. Үүнчлэн Монгол сентиментализм уламжлал хэрхэн илэрч байгааг Ц. Цолмонгийн “Ээжийгээ би шүлгээр зурлаа”, монгол романтизмын хэв маяг өдгөө хэрхэн хөгжиж байгааг зохиолч Дорнотэнгэрийн “Нисэн одсон болжмор”, энэчлэн монгол экспрессионы хэв маягийг эрдэмтэн зохиолч Д. Батын өгүүллэг, шүлэг зохиолоос, импрессионизмыг А.Хилэнгийн өгүүллэг туужаас, символизмыг На.Бийр, Нарантэнгэрийн шүлэг зохиолд яаж биеллээ олсныг тодруулна гэсэн үг болох юм.

Ном зүй:

Байгалсайхан С. Ц. Дамдинсүрэнгийн хүүрнэл зохиолын уламжлал, Монгол улсын Төрийн гурван удаагийн шагналт, Ардын уран зохиолч, Академич Цэндийн Дамдинсүрэн-110 жилийн ой. Улаанбаатар, 2019.

Байгалсайхан С., Ринчиндорж Алтан морины намтар. Улаанбаатар, 2014.

Дашдорж Д. Да багшийн дурсамж яриа. Улаанбаатар, 1988.

Сампилдэндэв Х. Монголын орчин үеийн уран зохиолын түүхэн сургамж. Улаанбаатар, 2, 1999.

ШУТС, Диссертацийн бүтээлийн сан. URL: <http://stf.mn/infodb/list/3>

Исаков Александр Викторович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
alexandr_isakov98@vk.com

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЕ Б. БАРАДИНА «ВЕЛИКАЯ СЕСТРИЦА-ШАМАНКА»

Статья посвящена изучению национально-политического содержания пьесы Базара Барадина «Великая сестрица-шаманка» (1921) с точки зрения теории исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память; бурятское национальное движение; литература бурятского просветительства; поход хори-бурят к Петру I; образ шаманки Эрехэн.

Isakov Aleksandr Viktorovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

NATIONAL IDEA IN THE HISTORICAL DRAMA OF B. BARADIN “THE GREAT SHAMAN SISTER”

The article is devoted to the study of the national and political content of the play by Bazar Baradin "The Great Shaman Sister" (1921) from the point of view of the theory of historical memory.

Keywords: historical memory; Buryat national movement; literature of the Buryat enlightenment; Khori-Buryat campaign to Peter I; image of the shaman Eryekhen.

Пьеса Базара Барадина «Великая сестрица-шаманка» («Ехэ абжаа удаган», 1921), изображающая поход хори-бурят к Петру I в начале XVIII в. и основанная на народных преданиях об этом событии, стала важной вехой в истории бурятской литературы. Среди прочих аспектов данного произведения представляет интерес его связь с национально-политическим контекстом эпохи. Необходимо учитывать, что автор этой исторической драмы был одним из лидеров бурятского национального движения. В период создания пьесы он участвовал в установлении новой бурятской государственности в форме Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной республики, а главной сферой его деятельности стала национальная идеология. Пьесы Б. Барадина в исполнении Агинского народного театра были, безусловно, одним из средств продвижения его идей в бурятском обществе того времени. Национально-политическое содержание драмы «Великая сестрица-шаманка» уже было рассмотрено в работах А. Б. Соктоева и П. К. Варнавского, и оба автора пришли к выводу, что пьеса стала ярким выражением идеологии национального проекта бурятской интеллигенции [Соктоев, 1976, с. 385–402; Варнавский, 2003, с. 114–115]. В пьесе отразились такие важные для бурятских националистов идеи, как объединение бурят, обретение национальной независимости, борьба с политическим и экономическим гнетом имперской России. В данной статье мы хотели бы посмотреть на произведение Б. Барадина с точки зрения теории исторической памяти и выяснить, как образ прошлого используется в нем для выражения национальной идеологии.

Взяв за основу своего произведения фольклорный сюжет, Б. Барадин придал ему отчетливо политическое звучание. В интерпретации драматурга становится легко провести параллели между событиями предания и политическими процессами, протекавшими в

период создания пьесы. Действие пьесы разворачивается в тяжелый период политической нестабильности, каким являлись и первые послереволюционные годы. Как и в начале XVIII в., после революции бурятскому народу пришлось искать новые варианты политической организации, испытывая давление со стороны внешних сил. Бесчинства русских казаков, изображенные в пьесе, для бурятского зрителя в 1921 г. могли перекликаться с ужасами Гражданской войны, а поход хори-бурят к Петру I в поисках государевой защиты находил современную параллель в виде поездки Элбек-Доржи Ринчино и Агвана Доржиева к Ленину в конце 1920 г. для отстаивания идеи бурятской автономии. Чтобы подчеркнуть необходимость борьбы за национальное достоинство и независимость, автор начинает пьесу с яркого эпизода «взятия в аманаты», где нарочито патетически изображены унижения, которым подвергались буряты в период колонизации их земель. В уста одного из персонажей вложена речь, живописующая национальную катастрофу:

Орон нютагаарнай
Ород мангад дүүрэбэ.
Захааамнай залгижа,
Үзүүрһээмнай үмхэжэ байна.
Адууһа малыемнай абаашажа,
Ами бэеьемнай алажа байна.
Гэрымнай галдажа,
Газарымнай баллажа байна.
Галымнай унтаргааж,
Гуламтымнай худхаж,
Орохо оронгүй,
Байха газаргүй,
Мүртөө үмдэхэ хубсаһагүй,
Амандаа эдихэ эдээгүй болообди
[Барадин, 1993, с. 84–85].
Увидел я,
Что земли наши
От края и до края
Чужие захватили.
От переселенцев нет добра,
Обидам нашим нет числа,
И скверне предана земля –
Врагом распахана она.
В плену томятся люди,
Захвачены в степи стада,
В дыму пожарищ юрты,
Залиты в очагах огни.
Отныне будем мы сироты,
Без родины и без земли.
Отныне будем мы скитальцы
Без крова, без еды [Барадин, 2011, с. 17].

В свете такого пролога дальнейшие события выглядят как волевая попытка бурят остановить катастрофу, заявить о своем национальном достоинстве и добиться его признания со стороны Российского государства. Намекая на параллели между событиями пьесы и актуальной действительностью, автор изображает поход хори-бурят в Москву как эпизод борьбы за достоинство и независимость бурятского народа, в результате которого была предотвращена национальная катастрофа, и тем самым преподносит эту историю как образец для подражания в новую кризисную эпоху, когда опять решается судьба бурятской нации.

Таким образом, сюжет о походе к Петру I в пьесе Б. Барадина превращается в национально-исторический миф, который, конструируя прошлое, «проливает оттуда свет на настоящее и будущее» [Ассман, 2004, с. 83].

Немаловажно, что центральное место в пьесе занимает образ шаманки Эрехэн, которой народная память приписывает ведущую роль в успехе хоринской делегации. Вслед за фольклорными нарративами, Б. Барадин изображает Эрехэн как могущественную шаманку-провидицу, совершившую сакральное самопожертвование во имя народа. В контексте идеологии бурятского национализма этот мотив самоотверженного служения народу вплоть до самопожертвования тоже звучит как установка на политическое действие. Интересно противопоставление образов Эрехэн и Бадана Туракина, которое драматург также заимствовал из фольклорных преданий. В эпизоде приема у царя Бадан Туракин, едва начав свою речь, сбивается и не может подобрать слова. Вместо него к царю обращается Эрехэн, которая искусной речью склоняет Петра I к выгодному для бурят решению. В другом эпизоде пьесы, где истощенные путники бросают жребий, чтобы решить, кто из них пожертвует собой ради успеха всей миссии, жребий выпадает Бадану, но он подбрасывает его Эрехэн. Эрехэн же в финальном монологе дает понять, что ее решение пожертвовать собой – сознательное, поскольку среди остальных участников похода нет никого, «кто может тело отдать за народ» (зоной түлөө зоболгоёо үгэхэ) [Барадин, 2011, с. 56]. В этом противопоставлении проявляются такие черты главной героини, которые, видимо, привлекают в ней автора: инициативность, решительность, умение достигать цели и готовность пожертвовать всем ради лучшей жизни для нации. Получается, что в образе Эрехэн воплощен идеал борца за бурятскую нацию. Мотив жертвы также становится дополнительным побуждением к действию: приняв жертву Эрехэн, бурятский народ как бы оказывается в долгу перед ней и обязан довести начатое ей дело до конца. Не случайно в конце пьесы перед зрителями появляется призрак Эрехэн – она будто и после смерти остается со своим народом и вдохновляет его на дальнейшую борьбу.

Можно заключить, что в пьесе «Великая сестрица-шаманка» Б. Барадин через исторический нарратив выразил национальную идею для бурятского общества периода послереволюционных преобразований и построения национальной государственности. Сюжет о походе хори-бурятской делегации к Петру I в интерпретации драматурга был сопряжен с актуальной действительностью, и поступок бурят из начала XVIII в. стал восприниматься как эпизод борьбы за национальное достоинство и независимость, подающий пример для подражания бурятам начала XX в. В образе шаманки Эрехэн воплотился идеал деятельного борца за национальное будущее, а ее жертва преподнесена так, чтобы вызвать у зрителей чувство долга и вдохновить на служение нации.

Литература:

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Барадин Б. Великая сестрица-шаманка / пер. с бур. Б. Цыденовой // Антология литературы Бурятии XX – начала XXI в. Т. 3. Драматургия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 11–64.

Барадин Б. Б. Зүжэгүүд. Улан-Удэ: Сибирь, 1993. 130 с.

Варнавский П. К. Конструирование бурятской этничности в первой трети XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 201 с.

Соктоев А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 492 с.

Цыбикова Сэсэгма Жигжитовна
кандидат филологических наук
Бурятский республиканский институт образовательной политики
Улан-Удэ, Российская Федерация
symfonia60@mail.ru

СИМВОЛИКА ПРИМЕТ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

В статье рассмотрены приметы в культуре бурят как некий знак, интерпретация которого моделирует поведение человека. Проанализированы приметы через взаимодействие различных элементов природного и культурного окружения человека. В зависимости от характера этих элементов сделана попытка классифицировать приметы по семи типам. Большинство примет связаны с окружающей средой; эти приметы создавались на основе наблюдений; в сравнительном аспекте бурятские приметы имеют общие корни с приметами сибирских народов.

Ключевые слова: приметы; бурятская культура; типы примет; природа; животные; различные предметы.

Tsybikova Sesegma Zhigzhitovna
Candidate of Sciences in Philology
Buryat Republican Institute of Education Policy
Ulan-Ude, Russian Federation

SYMBOLIC OF THE SIGNS IN THE SPIRITUAL CULTURE OF THE BURYATS

The author considers signs in the Buryat culture as a kind of sign, the interpretation of which models human behavior. Signs are analyzed through the interaction of various elements of the natural and cultural environment of a person. Depending on the nature of these elements, the author classifies signs into seven types. Most signs are related to the environment; these signs were created on the basis of observations; in a comparative aspect, the Buryat signs have common roots with the signs of the Siberian peoples.

Keywords: signs; Buryat culture; types of signs; nature; animals; various objects.

Приметы воспринимаются как зашифрованные сообщения, от правильного прочтения которых зависела дальнейшая судьба человека. Приметы более непосредственно отражают символическое мышление человека. «Архаическому человеку более свойственно видеть за проявлениями окружающего мира волю и сознание множества существ, с которыми он постоянно находится во взаимодействии ... от этих существ человек ждал и получал для себя важную информацию» [Христофорова, 1998, с. 69]. Интерес к народным приметам, их живучесть объясняется, как нам думается, тремя функциями народных примет, которые определяют и особенности этого фольклорного жанра.

Главной функцией, отличающей народную примету от поговорки, загадки, является *прогнозирующая функция*. Деревенские жители следят за изменениями погоды, чтобы знать, «когда сеять, когда жать, когда и скирды метать». Второй функцией народной приметы следует считать ее *регуляторную функцию*. Приметы помогают ритмически организовывать трудовые процессы. Соблюдение сроков работ, соблюдение определенных ритуалов в быту дает человеку надежду на хороший урожай, на достойную, ладную жизнь. Третьей функцией народных примет, на наш взгляд, является *воспитывающая функция*. Воспитывающим фактором становится сама по себе боязнь несчастий. Это хорошо видно на материале примет, запрещающих ссоры: *Хэрүүлэй үзүүртэ – шуһан, Үрэлэй үзүүртэ – тоһон* 'На острие ссоры – кровь, на острие благопожеланий – масло'.

Приметы представляют собой однофразовые тексты, состоящие из двух частей. В левой содержится описание реальной ситуации, в правой раскрывается смысл этой ситуации, сообщается, что она означает. Правые части всех примет условно можно назвать «прогнозами», а описываемые в левой части ситуации – «прогнозирующими ситуациями».

Эти ситуации связаны с «поведением» различных элементов природного и культурного окружения человека. В зависимости от характера этих элементов приметы мы можем свести их к 7 основным типам.

1. Природные приметы. Сам образ жизни и род хозяйственной деятельности скотовода предопределили его глубокую связь с природой. Жизнь человека прежде всего зависела от благополучия стада, а благополучие стада – от капризов и сюрпризов природы. «Дождь, начинавшийся после обеда или к вечеру, продолжается всю ночь, и даже сутки. Утренний дождь длится недолго. Если во время заката солнца, небо краснеет, и эта краснота исчезает в нисходящем порядке, то будет дождь (снег)» [Линховоин, 1972, с. 15]. «С детства мы судим о дожде по поговорке *Орохо тэнгэриин орой соорхой, хариха тэнгэриин хаяа соорхой*. Что значит, если по небу тучи не по нижнему краю тянутся, имеется по краям светлая безоблачная каемка, значит дождя не будет. Ветер, дующий с севера, не приносит дождя, а летний теплый ветер с юга означал, что дождь будет. Если при замерзании рек лед бугрится, то всего будет вдоволь; если лед вогнутый, год будет скудным» [Там же].

С огнем связано достаточно много поверий, запретов и суеверий. Считалось хорошей приметой, «если на одежду супругов, во время моления огню бездетными супругами при испрашивании сульдэ ребенка, попадали угольки. Сколько угольков попало, столько будет детей» [Галданова, 1987, с. 33]. «Потушить огонь очага водой – означало прервать жизнь человека, семьи» [Там же, с. 60]. В качестве сравнения можно привести следующую примету: «Если во сне погаснет огонь в очаге, то не быть потомству» (якуты) [Кулаковский, 1979, с. 63]. Почти каждая бурятская семья знает, что огонь может предсказать приезд гостей. «Дух-хозяин огня предоставляется провидцем, умеющим говорить. Если он говорил утром – к плохим вестям, вечером – к хорошим вестям и гостям. По виду продолговатого уголька в очаге определяли, толстый или худой, большой или маленький человек едет в гости. Если уголек напоминал человека, сидевшего на кресле, говорили, что придет нойон или лама. В любом случае хозяева дома готовили «постель» (собирали кучку золы, в «изголовье» помещали уголек – подушку и аккуратно укладывали уголек – гостя на эту постель. Рассказывают, будто однажды недобрая женщина, увидев в очаге уголек, очень рассердилась: «Ах, эти гости, как они мне надоели!», воскликнула она, схватила щипцами уголек и выкинула в ведро с водой. На другой день пришла весть: дочка ее ехала в гости к родителям, но утонула в реке. Так огонь наказал за непочтение к нему» [Галданова, 1987, с. 23]. «Треск в печи – к беседе с гостем» (эвенки) [Николаев, 1964, с. 194]. Также и буряты по поводу треска огня говорят, что будут гости.

2. Приметы, связанные с растениями. Особо почитались у бурят кедры и ели – «вечные деревья». «Считалось, что рубить эти деревья сверх меры – значит укорачивать и свою жизнь и жизнь своих потомков» [Галданова, 1987, с. 31]. «Если листья на деревьях долго не желтеют, будет снежная зима» [Линховоин, 1972, с. 15].

3. Космогонические приметы. «Своеобразным текстом, повествующим о состоянии изменчивости погоды, выступают небо и облака» [Содномпилова, 2007, с. 169]. Опираясь на этнографические заметки Л. Линховойна, опишем приметы, связанные с небом. «Если при заходе солнца между ним и горизонтом оказывается облачко, будет непогода. Если в течении нескольких дней на небе будут вертикальные полосы туч, то ожидается буря. Если вечером на краю неба окажется сплошная горизонтальная туча с ровными верхними краями, можно не беспокоиться, туча осядет и дождя не будет» [Линховоин, 1972, с. 15].

4. Приметы, связанные с животными, птицами, насекомыми. Предсказывают погоду по поведению животных. «Когда козлята и ягнята начинают играть, а овцы бодаться, надо ждать непогоды. Если коровы в ясный летний день начинают бегать, приподняв хвосты, жди дождя. Лошадь храпит – к непогоде. Если лягушка выползает на сухие места, а у муравьев появляются крылья и они летают, надо ждать обложных дождей и разлива рек» [Там же].

В охотничьей практике бурят сложилось множество примет, когда на основе наблюдения за поведением отдельных представителей животного мира (вороны, зайца, собаки и др.) пытались предугадать события, удачу в охоте. Проиллюстрировать сказанное можно приметами, связанными с зайцами. Если заяц перебежал дорогу в левом направлении, то будет удача в охоте (она забежала в карман). Если наоборот, то успеха в охоте не жди. Также в дороге первым увидишь животных с горячим дыханием (*халуун хушуута мал*) – лошадей, овец, то жди удачи.

5. Приметы, связанные с различными предметами. Нельзя отдавать пустую посуду. Нужно обязательно в посуду что-нибудь положить, чтобы счастье из юрты не было унесено в пустой посуде. Когда кипит чай или готовится еда, в это время заходит гость, то это считается хорошим знаком. Согласно представлениям монголоязычных народов, «счастье и благополучие направляются в юрту, как река течет по руслу, и через порог вливаются в жилище. Потревожив порог, можно перебить, прервать русло, и счастье потечет мимо юрты». Поэтому понятен запрет стоять на пороге. У тувинцев существует запрет не садиться на порог. «Под порогом находится дух-покровитель жилища» [Потапов, 1969, с. 161].

Символика одежды: представление о сакральности головы сохранялось в приметах. Если у человека сгорит его шапка или потеряется, то его ожидали большие неудачи. Аналогичный пример приводит Г. Галданова из «Сокровенного сказания монголов»: «Во время борьбы шамана Тэб тэнгри с братом Чингис-хана шапка шамана упала перед самым очагом, что было предвестником его смерти» [Галданова, 1987, с. 50]. Также класть шапку вверх дном – просить себе болезнь. Неправильно надевать шапку – призыв к кривизне в жизни.

6. Приметы, связанные с поведением людей. Сидеть, облокотившись (*шанаагаа тулаха*), у еравнинских бурят строго запрещалось. Это примета больного человека. Свистеть, плакать, кричать дома – к ругани, к ссоре. Стоять, опершись о дверную притолоку, – к несчастью. Просто так раскрывать ножницы – к уменьшению скота. Лежа в постели петь или плакать – значит призывать несчастье.

7. Приметы-предчувствия, основанные на ощущениях тела. Издавна известно, если звенит в ухе, то просят угадать всех в каком ухе звенит. Ответ «в правом ухе» означает, что хорошие вести будут. Если звенит в левом ухе, то плохо. Подергивание и зуд на различных участках тела – также фактор разных примет. Дергается правое веко у мужчин, а у женщин левое – говорят: «К удаче, к какой-то хорошей новости». Пятка чешется – к путешествию и дальней дороге. Чешутся ладони – верят, что это к деньгам, к идущему в руки богатству. Чешется нос – повод к обильному пиршеству.

Из вышесказанного сделаем выводы: большинство примет связаны с окружающей средой; эти приметы создавались на основе наблюдений; в сравнительном аспекте бурятские приметы имеют общие корни с приметами сибирских народов. Итак, приметы имеют символизирующую, объясняющую, подразумевающую функции. Особенность таких примет в том, что акцент в них делается не столько на «поведении» элементов окружающего мира, сколько на взаимодействии человека с этими элементами. Несомненно, также большое значение примет для духовной культуры, так как они раскрывают содержание архаических верований на уровне повседневности и отражают мифологическое представление древних. Примета есть некий знак, интерпретация которого моделирует поведение человека.

Источники и литература:

- Баторов П. П. Белкование у аларских бурят и народные поверия // Бурятияведение. Верхнеудинск, 1925. № 1. С. 9–12.
- Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.
- Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. 202 с.
- Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Содномпилова М. М. Атмосферные явления // В мире традиционной культуры бурят. Сб. ст. Вып. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 242 с.
- Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 100 с.
- Потапов П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Христофорова О. Б. Логика толкований: фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М.: РГГУ, 1998. Вып. 25. 80 с.

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна

кандидат филологических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

bch58@yandex.ru

ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХОРИ-БУРЯТ: ТРАНСЛЯЦИЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

На основе сравнительного анализа эпической традиции хори-бурят в трех ветвях бурятского этноса прослеживается характер трансляции общей модели сюжетики восточно-бурятских улигеров, имеющих единые истоки; выявлена общность семантики образа главного персонажа; рассматривается эволюция и преемственность духовных приоритетов, востребованных самой этнокультурной традицией.

Ключевые слова: эпос; улигерная традиция хори-бурят России; Монголии и Китая.

Tsybikova Badma-Khanda Badmadorzhievna

Candidate of Sciences in Philology

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

Ulan-Ude, Russian Federation

THE EPIC HERITAGE OF THE KHORI-BURYATS: TRANSMISSION IN TIME AND SPACE

On the basis of a comparative analysis of the epic tradition of the Khori-Buryats in the three branches of the Buryat ethnos, the nature of the transmission of the general model of the plot of the East Buryat uligers, which have common origins, is traced. The similarity of the semantics of the main character's image is revealed. The evolution and continuity of spiritual priorities demanded by the ethno-cultural tradition itself are considered.

Keywords: epic; uliger tradition of the Khori-Buryats of Russia; Mongolia and China.

Улигеры хори-бурят, по мнению большинства исследователей эпических сказаний бурят, являются лаконичными по объему (до трех тысяч строк) по сравнению с эхирит-

булагатскими и унгинскими эпopeями, достигающими до десятка тысяч строк. Они могут бытовать в смешанной стихотворно-прозаической форме, что не характерно для западно-бурятского эпоса. Основное отличие улигеров восточных бурят заключается в наличии стихов-монологов персонажей или героев улигера, именуемых *туурээлгэ* (*туурээлгэ* от *туурээхэ* 'говорить речитативом; рассказывать, кланяясь и напевая') [Черемисов, 1973, с. 448], чего не наблюдается в улигерной традиции предбайкальских бурят. Кроме того, восточно-бурятские улигеры испытали влияние ламаизма, получившее широкое распространение в Забайкалье. Под запретом оказались присутствующие в них многие архаические мотивы, мифологические и шаманские представления, что привело к постепенному сужению традиции эпического сказительства. Прежде всего, негативное отношение вызывало со стороны духовенства исполнение «Гэсэра» в силу своего архаического происхождения: «Ламаизм, проникший в конце XVII и в начале XVIII в. в Забайкалье, отрицательно повлиял на развитие и распространение улигеров хоринских бурят» [Хундаева, 1999, с. 32].

Едиными чертами эпических произведений хори-бурят, зафиксированных в начале XX в., является общность сюжетной структуры улигеров, объединенных в следующие сюжетно-тематические блоки. Основу большинства текстов в ранних записях [Улигеры хори-бурят, 1988, с. 22–45; Руднев, 1913, с. 1–29, 30–39; Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 7–55, 56–94] неизменно составляет мотивы недостачи – исчезновение зверей во владениях героя; поединок с хозяином/хозяйкой чужой территории, куда он отправился на охоту; манипуляции жены героя, направленные на подавление ее мужа противником; участие в состязаниях за руку небесной девушки; оживление сестрой брата. В текстах позднего периода фиксации завязкой служат другие мотивы: нарушение запрета брата сестрой – не допустить угасания огня; конфликт сыновей двух братьев; конфликт трех братьев, два из которых не являются родными главному герою и т.д. Сходны в большинстве вариантов мотивы борьбы и уничтожения мифических персонажей (мангадхая, женщины-шолмоса), идентичны мотивы превращения героя в неказистого сопливца, коня – в серого лончака, особенно устойчив мотив женитьбы героя на небесной деве, что позволяет в варианте улигера, записанного в Монголии, подчеркивать происхождение хори-бурят от праматери-лебеди.

Установлено, что наибольшей архаичностью по своей стадильно-типологической характеристике среди улигеров хори-бурят выделяется тексты, в которых преобладают черты «охотничьего» эпоса, что сближает их с «эхирит-булагатской этнорегиональной группой улигеров». Вместе с тем основное отличие от этой общности эпических произведений заключается в том, что в хоринских циклах произведений эпического характера весьма ощутимы буддийские напластования. В целом значимость буддийского фактора в сюжетике эпических текстов бурят подчеркивается в трудах известных отечественных эпосоведов. Вместе с тем в улигерных произведениях бурят восточных регионов этнической Бурятии, бурят Монголии и Китая явно ощутимы буддийские мотивы и персонажи, каковых нет в эпосе западных бурят, где ламаизация культуры не была столь ярко выраженной.

Унаследованные из общего эпического фонда хори-бурят сюжетные семантические структуры, преобразовавшись в определенную схему, нашли свое отражение и в эпических текстах бурят Монголии, Китая. Так, в этом плане характерными являются обнаруженные в рукописном отделе государственной библиотеки Академии наук Монголии два текста улигера хори-бурят на старомонгольском письме, которые были записаны кириллицей и опубликованы в 1992 г. Датой фиксации, как указано в конце текстов, является 12 июня 1916 г. Они были записаны «простолюдином Санжайжин Данзано со слов бедняка Бурятского хошуна Хан Хэнтэй аймака реки Керулена Дугара Манзарона» [Монголдохи буряадуудай

үльгэрнүүд, 1992, с. 94]. По композиционному построению эти записи близки к завязке, развитию действий, кульминации, развязке большинства хоринских улигеров. Характерной особенностью является ярко выраженная буддийская направленность, насыщенность персонажами из пантеона божеств, мотивы просьбы о помощи, покровительства, обращения к священнослужителям, буддийской книге и т.д. Эти моменты наводят на мысль о том, что привезенные с исторической родины улигерные произведения ярко иллюстрируют естественные условия бытования традиции в начале прошлого столетия, когда фольклорная культура процветала, когда утверждалась новая религиозная система, являясь составной частью быта и жизнедеятельности аратов, и улигеры исполнялись в своих повествовательно-эпических формах в полном объеме и широкой аудитории слушателей.

Что касается эпической традиции бурят Китая, то необходимо подчеркнуть, что в устной прозе шэнэхэнцев особое место занимают повествования о Гэсэре, являющиеся вариантами пекинской книжной версии монгольской Гэсэриады. Они отличаются оригинальной трактовкой эпического сюжета, по жанровым особенностям тяготеют к богатырской героической сказке. Зафиксированный во время экспедиций сказочный фольклор бурят Внутренней Монголии говорит о том, что улигеры, очевидно, претерпели со временем жанровую эволюцию, трансформировавшись в сюжеты меньшего объема. В качестве примера можно привести сказки «Трехлетний Гунан Улан батор» (*Гурбан наһатай Гунан Улаан баатар*); «Эрхи Мэргэн» (*Эрхи Мэргэн*); «Парень Андир Зади» (*Андир Зади хүбүүн*) [Цыбикова, 2016, с. 87–106]. Ключевыми элементами развития сюжета, роднящими указанные тексты с эпическими произведениями, является воспевание подвигов героев, борющихся за освобождение близких, родных. В них непременно присутствует борьба с противниками, в качестве которых выступают *алтаг шара мангад* (пестро-желтый мангад) и вкупе с ним его железный сын (*түмэр хүбүүн*), шолмос из нижнего мира (*доодо түбиин шолмос*) и шолмос в женском облиции. Присутствуют в качестве основных и другие мотивы о поисках невесты, и борьба за нее сопряжена с преодолением трудностей и препятствий. Кроме того, сохранились и нашли яркое воплощение мотивы описания жилища, жены, коня, скота, родных земель главного героя, как в улигерах. Это лишний раз свидетельствует о существовавшей богатой эпической традиции со множеством улигерных сюжетов и мотивов, но модифицированных по истечении времени в жанр сказки.

На основе сравнительного анализа эпической традиции хори-бурят в трех ветвях бурятского этноса прослеживается характер трансляции общей модели сюжетики восточно-бурятских улигеров, имеющих единые истоки; выявлена общность семантики образа главного персонажа; рассматривается эволюция и преемственность духовных приоритетов, востребованных самой этнокультурной традицией.

Литература:

- Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд. Бүридхэгшэ Ц.-А. Дугар-Нимаев (Улигеры бурят Монголии) / сост. Ц.-А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 96 с.
- Руднев А. Д. Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты и перевод). Вып. 2. Тексты. СПб: тип. В. Ф. Киршбаума (отд-ние), 1913. 129 с.
- Улигеры хори-бурят / отв. ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев; вступ. ст. подг. текстов, перевод и прим. М. Н. Намжиловой. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1988. 174 с.
- Хундаева Е. О. Бурятский героический эпос «Гэсэр (знаковая система, традиции, поэтика)»: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 38 с.
- Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2016. 312 с.
- Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 803 с.

Кушнарёва Людмила Леонидовна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
makosh76@mail.ru

Бураева Светлана Валерьевна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
ladys@inbox.ru

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.¹

В публикации представлена «хроника» собрания фольклора семейских Забайкалья в исторической ретроспективе. Отмечены персоналии ученых, тематика исследований, основные издания. Обращено внимание на изменение методики и методологии изысканий.

Ключевые слова: русский фольклор; фольклор семейских Забайкалья; Сибирь; экспедиционные исследования; собиратели.

Kushnareva Ludmila Leonidovna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

Buraeva Svetlana Valerievna
Doctor of Sciences in History
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

HISTORY OF STUDYING THE FOLKLORE OF THE SEMEYSKYS OF TRANSBAIKALIA IN THE 2 HALF XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

The publication presents a "chronicle" of the collection of folklore of the Semeyskie Transbaikalia in historical retrospect. Personalities of scientists, research topics, main publications are marked. Attention is drawn to the change in the methodology and methodology of research.

Keywords: Russian folklore; folklore of Semeiskie Transbaikalia; Siberia; expedition research; collectors.

В 1959–1961 гг. в Забайкалье под эгидой Института этнографии АН СССР, Института истории искусств и Института истории, филологии и философии СО АН СССР проводились комплексные экспедиции с участием этнографов, историков, архитекторов, фольклористов-словесников и музыковедов. Вплоть до 60-х гг. XX в. большой материал, записанный у семейских разными собирателями в разное время, оставался не опубликованным и не введенным в научный оборот. Первой крупной публикацией произведений устно-поэтического творчества семейских стал сборник «Фольклор семейских», составленный Л. Е. Элиасовым и И. З. Ярневским. В нем представлены различные жанры фольклора семейских с

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

примечаниями к каждому тексту и нотным приложением музыковеда Н. И. Дорофеева; заметим, что в 1989 г. музыковед Н. И. Дорофеев подготовил и опубликовал сборник «Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев», где помещены 97 песен с нотными расшифровками и комментариями [Дорофеев, 1989, с. 39].

В 1960–1970-х гг. под руководством Л. Е. Элиасова велись интенсивные полевые исследования фольклора во многих селах Республики Бурятия. В 1969 г. вышла научно-популярная книга «Народная поэзия семейских», обобщившая взгляды ученого на культуру своеобразной группы русского населения Забайкалья. В середине 1970-х гг. была опубликована монография ученицы Л. Е. Элиасова Р. П. Потаниной «Свадебная поэзия семейских Забайкалья», основанная на конкретном фольклорно-этнографическом материале [Потанина, 1977].

Большая заслуга в изучении народной культуры семейских принадлежит известному этнографу Ф. Ф. Болоневу. В его исследованиях духовной культуры и быта семейских приводятся произведения устно-поэтического творчества разных жанров [Болонев, 1978]. В 2002 г. вышла книга Ф. Ф. Болонев и этномузыковеда О. И. Выхристюк «Певцы и песни Большого Куналея», где впервые авторы рассматривают локальную песенную традицию от ее истоков [Болонев, Выхристюк, 2002, с. 102].

Песенная культура семейских Забайкалья находится в центре внимания Т. М. Зенковой, которая анализирует народную песенную культуру семейских с историко-культурологических позиций, сочетая исторический и проблемно-логический подходы. Исследования Т. М. Зенковой показали функциональную трансформацию песенной традиции семейских: внеобрядовые жанры в настоящее время занимают главенствующее положение, тогда как обрядовые песнопения уходят на периферию песенной культуры, становятся менее значимыми в быту и семейных ритуалах [Зенкова, 1999, с. 136]. Региональную традицию русских лирических протяжных песен Забайкалья исследовала О. Н. Судакова, установившая у семейских сохранность самобытных специфических черт песнопения, особенно протяжных песен с многоголосным распевом. Автор считает это в том числе и результатом новых форм бытования [Судакова, 2001, с. 199]. Заметной публикацией песен семейских в записи последних десятилетий стал вышедший в 2007 г. сборник «Цветок в янтаре. Песни семейских Забайкалья» (сост. В. С. Решикова, Н. И. Решиков). В него вошли 47 песен с нотными транскрипциями звукозаписей.

В конце XX в. продолжалась собирательская и исследовательская работа по изучению культурных традиций старообрядцев Забайкалья, в науку вводились новые материалы. В 2002 г. в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» вышел том «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Свадебная поэзия. Похоронная причеть», в котором опубликовано более 50 фольклорных произведений семейских. Корпус текстов похоронной причети подготовлен Т. И. Матвеевой [Русский семейно-обрядовый фольклор ..., 2002].

Исследование культуры старообрядцев-семейских Байкальского региона в начале XXI в. стало важным направлением работы для Р. П. Матвеевой. В 2005 г. вышла в свет ее монография «Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских)», в которой фольклор семейских рассматривается как органическая часть духовной культуры, исследуются вопросы традиции бытования различных жанров [Матвеева, 2005]. В последующие годы работа по изучению духовной культуры старообрядцев Бурятии продолжилась. Итогом стала коллективная монография «Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований кон. XX – нач. XXI вв.)», опубликованная в 2008 г.

Е. Л. Тихонова в преданиях и в устных рассказах современных старообрядцев Забайкалья нашла отражение исторически сложившихся межэтнических контактов семейских и бурят. По мнению автора, предания и устные рассказы семейских выполняют функцию межпоколенной передачи этнически важной информации и в то же время являются

формой оценки старообрядцами себя и своего прошлого и настоящего [Тихонова, 2015, с. 192].

Исследования Н. А. Мироновой посвящены художественному воплощению культа предков в календарно-обрядовом фольклоре старообрядцев Забайкалья. Доказано, что художественное воплощение культа предков в фольклоре семейских выражено через систему поэтических средств, через принцип построения текста, а также через воспроизведение обрядов «вторичной ритуализации». Происходит процесс утраты некоторых жанров; видоизменяется песенный репертуар за счет внедрения необрядовых песен и частушек [Миронова, 2000, с. 499].

Христианские и мифологические сюжеты в несказочной фольклорной прозе старообрядцев (семейских) Забайкалья изучает Л. Л. Кушнарёва. Выявлено, что христианские легенды, находящиеся в живом бытовании, сохраняют обширный сюжетно-мотивный фонд, на который оказали влияние книжные христианские представления. В современных легендах сохранились многие апокрифические сюжеты, сюжеты духовных стихов, в настоящее время практически утративших свое бытование [Кушнарёва, Улан-Удэ, 2004].

На протяжении всего XX в. менялся подход исследователей к трактовке сущности народной традиционной культуры, в том числе и фольклора, на их взгляды оказывали влияние меняющиеся общественные идеи. Реализация комплекса организационных, практических, образовательных, культуротворческих мер позволила продолжить кропотливую собирательскую и аналитическую деятельность, а также определила перспективы дальнейшей работы по изучению народного традиционной культуры семейских Забайкалья уже во второй четверти нового века.

Литература:

Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1978. 159 с.

Болонев Ф. Ф., Выхристюк О. И. Певцы и песни Большого Куналея. Новосибирск: Книжица, 2002. 207 с.

Дорофеев Н. И. О певческих традициях семейских // Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. Москва: Советский композитор, 1989. С. 9–41.

Зенкова Т. М. Традиционные формы свадебной обрядности у семейских в Читинской области // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 136–137.

Кушнарёва Л. Л. Христианские и мифологические сюжеты в несказочной фольклорной прозе старообрядцев (семейских) Забайкалья: конец XX – начало XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004. 246 с.

Матвеева Р. П. Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 123 с.

Миронова Н. А. Пасхальные обряды и обрядовый фольклор старообрядцев Забайкалья // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2002. С. 498–508.

Потанина Р. П. Свадебная поэзия семейских Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 160 с.

Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Свадебная поэзия. Похоронная причетъ. Новосибирск: Наука, 2002. 551 с.

Судакова О. Н. Песенная традиция семейских: корневые истоки // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. С. 199–201.

Тихонова Е. Л. 250 лет на земле Бурятии: предания и устные рассказы старообрядцев семейских как отражение субэтнической общности // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 190–193.

Элиасов Л. Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 175 с.

Миягашева Суржана Борисовна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
surjana.miyagasheva@imbt.ru

КУЛЬТ АРЮУНИ ТЭНГРИ КАК ФЕНОМЕН ОБЫЧНОГО ПРАВА ЗАПАДНЫХ БУРЯТ¹

В статье рассматривается сакральное правосудие предбайкальских бурят, сформировавшееся в период введения новых органов самоуправления бурят на основе архаичных правовых элементов.

Ключевые слова: сакральное правосудие бурят; присяга.

Miyagasheva Surjana Borisovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE CULT OF ARYUNI TENGRI AS A PHENOMENON OF THE CUSTOMARY LAW OF THE PRE-BAIKAL BURYATS

The article is devoted the sacred justice of the pre-baikal buryats, formed during the introduction of new self-government bodies of the buryats on the basis of archaic legal elements.

Keywords: sacred justice of the buryats; oath.

Буряты считали, что воровство, ложь, насилие, клеветничество и другие человеческие пороки наказуемы высшими эжинами и заянами [Михайлов, 1976, с. 316]. Поэтому в кодексе сакрального правосудия предбайкальских бурят особое место занимал культ божеств, именуемых *арюуни тэнгри* (досл. 'очистительных божеств').

Арюуни тэнгри представляли собой пантеон восточных небожителей, управлявших подземным миром во главе с Эрлэн ханом. Они считались грозными сакральными судьями, проводившими суды и разбиравшие тяжбы тех, чьи души попадали к ним после смерти человека. Одновременно в их обязанности входило визирование клятвы или присяги живых людей, за неподобающее соблюдение и нарушение которых они сурово наказывали провинившихся. Предбайкальские буряты проводили обряды торжественной клятвы, называемые *арюуни хэрэг* (*арюун* 'чистота, неповинность', *хэрэг* 'дело') – дело чистоты, беспорочности, ничем незапятнанности, призывая в свидетели *арюуни тэнгри* [Урбанаева, 2000, с. 76].

В первую очередь, обряды *арюуни хэрэг* представляли собой очистительные клятвы, которые давались в случае криминальных и исковых дел, при которых не было достоверных свидетелей. В правовой норме монгольских народов само понятие невинности и непричастности обозначалось словом *арюун*, а получить оправдание суда именовалось *арюунда гараха* букв. 'стать очищенным' [Пюрбеев, 2012, с. 30]. Поэтому если при возникновении распрей и судебных тяжб обвиняемый произносил очистительную клятву, считалось, что он оправдан, так как не всякий осмеливался рискнуть произнести ложную клятву из-за боязни наказания божеств [Хангалов, 2004, с. 160].

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

Однако наиболее масштабные обряды *арюуни хэрэг* были связаны с произнесением клятвы/присяги должностного характера и проводились бурятами при вступлении на административную должность. Так, согласно устоявшейся традиции, каждое должностное лицо, избираемое в административный аппарат – голова, родовой староста, выборный инородной управы или тайша, были обязаны устроить жертвоприношение Эрлэн хану и его штату *арюуни тэнгри* [Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064].

В этнографической литературе подобный обряд был зафиксирован в архивных материалах фольклориста-этнографа С. П. Балдаева. За время полевых экспедиций 1930–1950-х гг. по Иркутской области Сергею Петровичу удалось выявить ритуал поклонения восточным небожителям у западных бурят и записать о нем сведения со слов кудинского шамана Степана Тугулова. Он по памяти рассказал исследователю обряд *арюуни хэрэг*, проводившийся в 1887 г. его дедом Тугулом для головы Ангинского инородческого ведомства Пидуса Елбоевича Халбанова¹. 15-летний Степан помогал деду-шаману во время жертвоприношения, поднося ему конные трости, шлем, плащ и бубен [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Л. 24].

Приведем описание ритуала: «для обряда *арюуни хэрэг* требовалось подготовить в жертву одну лошадь, одного быка, трех козлов, трех баранов и 100 котлов молочной водки. Первое жертвоприношение посвящалось Эрлэн номон хану и его жене Эхэлур хара хатан, которым индивидуально приносили в жертву каурую лошадь и черного барана. Шаман произносил камлание:

Альбани хэрэг хүтэлхэн

Эрлэн номон хан,

Эхэлүүр хара хатан

Хирани гол гүйдэл, Хиһайн хушуун намналга,

Эрлэн номон хан, Эхэлүүр хара хатан. Сөөг!

Затем следовало перейти к обращению в честь его трех писарей *бэшээнгуудов*» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Л. 24]. К сожалению, дальнейшее описание обряда в материалах исследователя не приводится, кроме заметок о том, что традиционно ритуальные обряды *арюуни хэрэг* сопровождалась кровавыми жертвоприношениями и обильным подношением молочной и заводской водкой. Они проводились непосредственно черными шаманами, так как считалось, что только они имели доступ к представителям подземного мира и могли обращаться к ним с просьбами [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Л. 24]. Отметим, что подобные обряды в честь *арюуни тэнгри* относились к категории сложных для исполнения, и не каждый шаман мог рискнуть его провести, опасаясь кары восточных небожителей в случае незначительного промаха при проведении ритуала. Также трудности предостерегали и самого заказчика, так как при вступлении в должность человек должен был совершить жертвоприношение всем представителям пантеона *арюуни тэнгэри*, которых насчитывалось большое количество, и в связи с этим ритуальные обряды могли тянуться годами. Доходило до того, что если должностное лицо умирало, не успев устроить всем восточным божествам жертвоприношения, то дело переходило к его потомкам – сын был обязан продолжить и докончить ритуальную процедуру, хотя сам не являлся должностным лицом [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048].

Согласно мифологическим воззрениям западных бурят, пантеон *арюуни тэнгри* был весьма многочислен и представлял собой целый штат духов, в который входили различные министры, помощники, писари, доносчики, агенты, управлявшие разного рода делами, ведавшие душами всех существ и проводившие над ними суды как при их жизни, так и после их попадания в мир мертвых [Манжигеев, 1978, с. 104].

¹ Глава Верхоленинских бурят Пидус Халбанов в составе делегации был удостоен чести быть принятым Его Императорским Высочеством Николаем Александровичем, будущим Российским императором Николаем II (URL: <http://mungen-tobsho.com/archives/5785>).

Во главе очистительных божеств стоял Эрлэн хан со своей супругой Эхэлур хара хатан, далее по иерархии значились заведующий серебряной печатью Толи Сагаан нойон с женой Толто хатан, заведующий собранием нойонов и шаманов Харши Минаа хубуун с женой Харалтур Хара хатан, заведующий собраниями простолюдинов Эржен Хара хубуун с женой Эрхэ Суйбэн хатан. Следующими по важности перечислялись штатные писари Эрлен хана, а также их помощники [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048].

В основном в качестве помощников восточных небожителей выступали потомственные черные шаманы, которые прославились при жизни и после своей смерти были объявлены духами-покровителями рода или племени. Таковым являлся Уха Тоголдор Холдуев, при жизни являвшийся большим черным шаманом [Хангалов, 2004, с. 373]. Также к пантеону *арюуни тэнгри* примыкали исторические герои эхиритов и булагатов Ажарай Бухэ, Харамцай мэргэн и Дошхон нойон, которые были убиты в борьбе с врагами [Михайлов, 1976, с. 296]. После смерти они были возведены в ранг духов-покровителей, и обрели статус верных слуг владыки мира мертвых, получив общее название *хара моритон* ‘черные всадники’ [Манжигеев, 1978, с. 85].

В пантеон *арюуни тэнгри* были включены не только герои, убитые в бою, но и исторические личности, несшие государственную службу. Среди них значатся шуленги Верхоленской степной конторы Хойлонго Бойрдоев и Барлак Турунхаев, которые являлись первыми родоначальниками бурят при установлении административного управления русскими. В сонм очистительных божеств входили и государственные служащие, которые при жизни трудились в качестве писарей и толмачей (переводчиков). Так, согласно историческому преданию, упоминаемые в шаманских призываниях сакральные писари подземного мира Ухэр хара Тундупов и Ходой бэшээшэ в юности были взяты в плен в качестве аманатов. За сроки аманатства они выучили русский язык, овладели грамотой и в последующем служили при Верхоленской степной конторе. После смерти они были удостоены чести возведения в ранг духов категории *арюуни тэнгри* [Миягашева, 2018].

По сведению Т. М. Михайлова, после присоединения Бурятии к России разряд великих эжинов, ханов и нойонов, представляющих души выдающихся людей, перестал пополняться, так как с установлением границ не стало выдающихся полководцев [Михайлов, 1976, с. 296–297]. Тем не менее, приведенные выше материалы показывают, что подобная традиция продолжала существовать, и пантеон восточных небожителей *арюуни тэнгри* продолжал пополняться шаманами, нойонами, шуленгами и писарями. Таким образом, в период присоединения Сибири к России формирование инородческого чиновничества в административном аппарате государства нашло отражение в сакральном правосудии предбайкальских бурят и явилось регулятором общественных отношений в правовом устройстве родоплеменного общества.

Литература:

- Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Изд-во «Наука», 1978. 127 с.
- Михайлов Т. М. Анимистические представления бурят // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири. Л., 1976. С. 292–319.
- Миягашева С. Б. Культ родоначальников у предбайкальских бурят: обряды главным шуленгам Верхоленской степной конторы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 86–100.
- Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». М.-Калуга: Изд-во «Эйдос», 2012. 270 с.
- Урбанаева И. С. Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тэнгрианство в свете духовных учений. Ч. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 204 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 508 с.

Гымпилова Сэсэгма Дмитриевна
кандидат филологических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
gymps70@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КОМПОНЕНТА «РЕБЕНОК» В БУРЯТСКИХ ПАРЕМИЯХ¹

Данная статья посвящена исследованию особенностей образа ребенка, специфики взаимоотношения членов семьи на примере пословиц, поговорок бурят. В статье рассматриваются основные группы бурятских паремий, характеризующих непосредственно образ ребенка, так и различные ситуации людей сквозь призму данного образа. В результате выделены и охарактеризованы два основных типа паремий: изречения, описывающие ребенка, его особенности, взаимоотношения с родителями, жизнь в семье; пословицы, говорящие о различных жизненных ситуациях при помощи образа ребенка.

Ключевые слова: ребенок; родители; взаимоотношения; воспитание; пословицы и поговорки бурят.

Gympilova Sesegma Dmitrievna
Candidate of Sciences in Philology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

FEATURES OF THE “CHILD” COMPONENT IN BURYAT PAROEMIAS

This article is devoted to the study of the features of the child's image, the specifics of the relationship of family members on the example of proverbs, sayings of the Buryats. The article examines the main groups of Buryat paremias that characterize both the image of a child and various situations of people through the prism of this image. As a result, two main types of paremias are identified and characterized: sayings describing a child, his characteristics, relationships with parents, life in the family; proverbs connected with various life situations using the image of a child.

Keywords: child; parents; children; upbringing; proverbs and sayings of the Buryats.

Известно, что материальная и духовная культура является ценностью любого народа, общества. В современном обществе в силу актуализации сохранения, развития традиционной духовной культуры все более возрастает ценность произведений устного народного творчества. Особенно ярко процесс актуализации отражается в малых жанрах фольклора бурят – пословицах, поговорках.

Афористическая поэзия монгольских народов является одной из развитых и мобильных жанров фольклора, неотъемлемой частью духовной культуры и речевого богатства этноса. В паремиях можно уловить все тонкости оценочного отношения людей к реальной действительности. В связи с этим рассмотрим особенности образа ребенка, его взаимоотношения с другими членами семьи на материале бурятских паремий.

Отметим, что «анализируя варианты бурятских пословиц, наблюдая их функции в непосредственных речевых ситуациях, подходя к паремиям как к многоуровневым конструкциям, мы проникаем в их языковую суть, в ту сферу модели мира, которая соответствует мышлению человека на разных этапах развития общества» [Гымпилова, 2005, с. 9].

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

В паремиологическом пространстве бурят, характеризующем ребенка, можно условно выделить два типа изречений. К первому типу относятся изречения, характеризующие ребенка, его особенности, взаимоотношения с родителями, жизнь в семье. Второй тип включает пословицы, говорящие о различных жизненных ситуациях при помощи образа ребенка, т.е. содержащие метафорический подтекст. Например, к пословицам с прямым значением мы относим изречения такого рода:

*Басаган балшарһаан,
Хүбүүн хүбшэргэйһөөн.*
[Оньһон үгэ оностой, 1979, с. 129]

Девочку [видно] с младенчества,
Мальчика [видно] по натянутой тетиве¹.

*Басаган хүн – бардам,
Хүбүүн хүн – хүрдэм.*
[Мадасон, 1960, с. 114]

Девушка – горделива.
Парень – груб.

*Табгай ехэтэ – баатар болохо,
Хүхэ ехэтэ – эхэ болохо.*
[Мадасон, 1960, с. 122]

Обладающий ступней большой богатырем станет,
Обладающая грудью большой матерью станет.

В паремиях такого рода представлены определенные характеристики ребенка, а также жизненные ситуации, связанных с детьми, поскольку жизнь ребенка в семье является важной сферой, что, несомненно, требует обращения к образцам афористической поэзии народа. В нижеприведенных примерах говорится о сходстве характеров, поведения родителей и детей и т.д.

*Басаган баримтаһаан,
Хүбүүн хүбшэргэйһөөн.*
[Абай Гэсэр..., 1995, с. 22, 108]

Девушку [видно] с детства,
Парня [видно] с пуповины.
[Перевод Л. Санжеевой]

*Ёро ёргоотойһоон,
Дүрэ долоотойһоон.*
[Абай Гэсэр..., 1995, с. 26]

Повадки с шести лет,
Умение с семи лет.

К пословицам, характеризующим различные жизненные ситуации при помощи образа ребенка, относятся изречения, в которых проявляется метафорический перенос на образ ребенка. Они могут быть поняты буквально и употреблены в прямом значении, но могут быть осмыслены метафорически и отнесены к жизненным ситуациям, не связанным с детьми. В таких паремиях образ ребенка выполняет в них только вспомогательную функцию – служит основой для построения метафоры. Например:

*Наран гарбал – набиша сэсэгэй тэжээл,
Наадаха сэнгэхэ – нарай хүүгэдэй тэжээл.*
[Оньһон үгэ оностой, 1979, с. 133]

Появление солнца – основа жизни зелени,
Игры и развлечения – основа жизни детей.

*Үндэһэтэй модон хатахагүй,
Үритэ хүн хосорхогүй.*
[Оньһон үгэ оностой, 1979, с. 136]

Дерево, имеющее корни, не засохнет,
Человек, имеющий детей, не пропадет.

В соответствии с тематикой и проблематикой изречений нами условно выделено несколько групп бурятских пословиц с компонентом «ребенок».

К первой группе относятся паремии, в которых наблюдается противопоставление ребенка и взрослого, пожилого человека, например:

*Хүүгэд уйлахаараа айлгадаг,
Хүгшэд үхэхөөрөө айлгадаг.*
[Мадасон, 1960, с. 136]

Дети плачем пугают,
Старики смертью пугают.

*Үбгэн хүндэ ургэмжэ хэрэгтэй,
Залуу хүндэ һургаал хэрэгтэй.*
[Мадасон, 1960, с. 126]

Старику уход нужен,
Молодому воспитание нужно.

¹ Здесь и далее перевод наш. – С. Г.

Следующая группа изречений включает в себя пословицы, которые не содержат антитезы по признаку возраста, так как в них лишь подразумевается противопоставление или характеризуется только второй период – состояние «взрослости», например:

Эшэгэн эбэрээ ургабал эхэ хэрэг үгы, Когда у козленка рога вырастут, мать не нужна,
Үхин эхэ болобол эсэгэ эхэ хэрэг үгы. Когда девушка станет взрослой, родители не нужны.

[Онъһон угэ оностой, 1979, с. 146]

Түрэнэн басаганда түрхэм хэрэггүй. Родившей девушке родня не нужна.

[Пословицы и поговорки..., 2018, с. 256].

Отметим, что в отдельную группу можно выделить пословицы и поговорки, отражающие сходство родителей и детей:

Һайн эхэтэй хүүгэд У хорошей матери дети
Шэмхэжэ үгэхэдэ сададаг, Шепоткой еды наедаются,
Шэбэнэжэ хэлэхэдэ дууладаг. Шепотом говоришь, слышат.

[Пословицы и поговорки..., 2018, с. 264]

Муу эхэтэй хүүгэд, У плохой матери дети
Обооложо үгэхэдэ садахагүй, Горой еды не наедаются,
Орилжо хэлэхэдэ дуулахагүй. Криком говоришь, не слышат.

[Пословицы и поговорки..., 2018, с. 254]

Эти изречения по своей структуре являются двухчастными, но при этом носят сопоставительный характер: в одной части сопоставительной конструкции – обозначение родителей (родителя), а в другой – детей.

Кроме этого, также выделяются пословицы, которые определенно характеризуют людей, имеющих детей:

Хүбүүтэй хүн хүдэр, Имеющий сына силен,
Басагатай хүн бардам. Имеющий дочь горделив.

[Пословицы и поговорки..., 2018, с. 263]

Үхитэй һаа хурьгэнтэй, Имеешь дочь – [будешь] с зятем,
Хүбүүтэй һаа бэритэй. Имеешь сына – [будешь] с невесткой.

[Пословицы и поговорки..., 2018, с. 259]

В отдельную группу включены пословицы и поговорки об отношении родителей и детей друг к другу. Эта группа довольно разнородна как в структурном плане, так и в смысловом отношении. Все же абсолютное большинство паремий отражает «родительскую» позицию, которая может быть двоякой.

Эхэ эсэгын һанаан үрэ бээдээ, Мысли родителей о детях,
Үрэ бээын һанаан ой тайгада. Мысли детей о лесе.

[Мадасон, 1960, с. 139]

Эхын һанаан үридөө, Мысли матери о детях,
Үриин һанаан уулада. Мысли детей о горах.

[Онъһон үгэ оностой, 1979, с. 144]

Исследование образцов афористической поэзии бурят показало, что самой многочисленной группой пословиц и поговорок о детях является группа, посвященная вопросам воспитания детей. Эти паремии в некоторой степени отражают кодекс наставлений и практических советов родителям. Большинство бурятских изречений говорит о воспитании детей как родительском долге, подчеркивает их ответственность. К примеру:

Алтан дэлхэйн ургаса – Растения золотой земли –
Амитанай тэжээл, Пища для живых существ,
Аба эжын һургаал – Поучения отца и матери –
Ашатын тэжээл. Основа для внуков.

[Онъһон үгэ оностой, 1979, с. 128]

Хүбүүдые һургажа, эсэгэ болодог, Воспитывая сыновей, отцом становятся,
Хүлһөө гаргажа хүн болодог. Пот проливая, человеком становятся.

[Пословицы и поговорки..., 2018, с. 262]

Таким образом, можно сделать вывод о том, в пословичном фонде бурят мы находим такие социально значимые особенности образа ребенка, как тесная связь с родителями, социальная несамостоятельность, несформированность личности, потребность в заботе (вскармливание) и воспитании. Изучение особенностей образа ребенка на примере бурятских паремий показало, что компонент «ребенок» является семантически богатым и сложным по структуре, обладает развитой системой образных парадигм, характеризуется культурной значимостью в целом.

Литература:

Абай Гэсэр Богдо хаан. Бурядай морин ульгэр / сост. С. П. Балдаев; подгот. текста М. И. Тулохонов, Д. Д. Гомбоин; науч. ред. А. И. Уланов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН, 1995. 525 с.

Гымпилова С. Д. Пословицы в системе жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 144 с.

Мадасон И. Н. Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 1960. 401 с.

Онһон үгэ оностой. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 1979. 219 с.

Пословицы и поговорки на калмыцком, бурятском, монгольском языках // Памятники фольклора монгольских народов. Т. VIII. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 628 с.

Николаева Наталья Никитична

кандидат филологических наук

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Российская Федерация

natanika80@mail.ru

ОППОЗИЦИЯ СВОЙ – ЧУЖОЙ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ¹

Рассмотрена оппозиция «свой – чужой» в мифологическом фольклоре, реализованная на уровне противопоставления персонажей по этническому признаку и, напротив, объединения персонажей в едином мифо-семантическом поле вне зависимости их этнокультурной принадлежности.

Ключевые слова: фольклор; мифологическая проза; демонология; буряты.

Nuikolaeva Natalia Nikitichna

Candidate of Sciences in Philology

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Ulan-Ude, Russian Federation

OPPOSITION OWN – OTHERS IN THE MYTHOLOGICAL PROSE OF THE WESTERN BURYATS

The article considers the opposition of “own – others” in mythological folklore implemented at the level of contrasting characters by ethnicity and, on the contrary, combining characters in a single mythosemantic field regardless of their ethno-cultural affiliation.

Keywords: folklore; mythological prose; demonology; Buryats.

В мифологическом фольклоре предбайкальских бурят были довольно популярны рассказы об оборотничестве – превращении человека в какое-либо домашнее животное, чаще всего свинью, и бинарная оппозиция «свой – чужой» в них имеет довольно интересное

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

выражение. Для анализа привлечены современные полевые материалы, собранные нами в 2009–2010 гг. в экспедиционных исследованиях (Иркутская область); архивные источники, представляющие собой материалы экспедиционных отрядов 1960–1970 гг. (Республика Бурятия) и сведения более раннего времени из фондов собирателей фольклора.

Сюжеты подобных рассказов обычно лаконичны, построены на мотиве встречи человека-свидетеля и животного-оборотня. Ядро нарратива – встреча с оборотнем, далее типичная сюжетная линия: попытка бегства от необычного преследующего животного – избивание его – на следующий день обнаруживается человек с такими же травмами, которые были нанесены свинье. Как и во всех подобных рассказах, большую роль играет установка на достоверность, поэтому нередко указываются имена и фамилии людей, якобы превращавшихся в свинью.

Причины оборотничества, обстоятельства, приведшие к нему, в нарративах не раскрываются. Предполагается, что у человека-оборотня «такая судьба» (*тиимэ табятай*), а кроме того, подобная способность может передаваться по наследству – от матери к дочери. Именно женщина может обращаться в свинью, а не мужчина. Иногда она якобы обладает некими сверхъестественными способностями, иногда представляется обычным человеком, единственным отличием которого является склонность к оборотничеству.

Свинью-оборотня называют *аб гахай* букв. ‘волшебная, колдовская свинья’. Как персонаж, имеющий отношение к иному, потустороннему миру, она отмечена рядом особенностей, по которым ее можно идентифицировать:

- необычная масть (черная, пестрая);
- отсутствие части тела, обычно хвоста;
- повадки, отличающиеся от обычных животных: она преследует человека, бежит за ним не отставая, трется об ноги;
- время ее появления всегда ночью, в новолуние или на ущербном месяце;
- обстоятельства встречи: человеком овладевает беспричинный сильный страх.

В рассказах нередко представлены апотропейные рекомендации защиты, так как по поверьям действия оборотня носят негативный характер. Регламентировалось поведение человека, призванное защитить его: следовало не дать свинье пробежать между ног человека, поскольку считалось, что в этом случае оборотень похитит его душу и, соответственно, этот человек умрет. В этом аспекте функции свиньи-оборотня близки к функциям «ловца душ» (*һүнэнэ баряаша*), помогающего духам [Манжигеев, 1978, с. 96].

Судя по некоторым сюжетам, подразумевалось, что в оборотня превращается физиологически не сам человек, а его душа во время сна, т.е. оборотничество – материальное воплощение нематериальной субстанции в измененном ментальном состоянии, и оно не зависит от воли и желания человека. Иногда действие полностью перемещается в мир снов, т.е. человек видит свинью-оборотня во сне, а не встречается с ней наяву. Таким образом, человеку, превращающемуся в свинью, в некотором роде отказано в сознательном и целенаправленном характере негативных и враждебных для окружающих действий.

Представления об *аб гахай*, женщинах-оборотнях, очевидно, восходят к бытовавшим представлениям об *ороолон* – шаманках, души которых во время сна, приняв образ бесхвостой свиньи (*ороолон гахай*) или комолой коровы (*ороолон үнеэн*), нападали на тех людей, которым предстояло вскоре умереть [Манжигеев, 1978, с. 65].

Поверья о людях-оборотнях встречались и в Забайкалье, среди бурят – переселенцев из предбайкальских родов. Например, в материалах экспедиции 1970 г. в Кабанский район РБ содержатся следующие сведения: «Вера в оборотничество также существует у некоторых людей. В старину рассказывали, об этом можно было услышать довольно часто. Ночью, особенно летом, этот баран или свинья может забежать в дом. Если ему через дорогу кинуть *хэдэргэ* – своеобразное орудие труда женщин, которым обрабатывают кожу (шкуру), то баран убегает» [Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Общий ф. Инв. № 2115/б. Папка № 3. Л. 111]. Способ борьбы с оборотнем довольно оригинален – закрыть ему дорогу, осквернив (?) предметом женского обихода – кожемялкой.

Мифологические рассказы со сходными сюжетными ситуациями – превращение людей, обычно женщин-ведьм (реже мужчин-колдунов), в домашнее животное и чаще всего именно в свинью – бытовали у старообрядцев (семейских) и русского старожильского населения Восточной Сибири и Забайкалья [Зиновьев, 1987, с. 157–158; Традиционный фольклор..., 2008, с. 179–188, 190–191]. Совпадают основные мотивы: наделение человека способностью к оборотничеству, выявление оборотня (нанесение побоев и увечий животному, следы которых обнаруживаются на человеке, превращающемся в него). Подобное совпадение наводит на мысль о заимствовании из русской традиции. При этом заимствованные сюжеты о ведьмах-оборотнях довольно легко могли войти в бурятский фольклор, поскольку в нем уже имелись представления о волшебных силах служительниц культа, которые позволяли им оборачиваться животными.

Оппозиция «свой – чужой» в подобных нарративах реализуется на уровне этнической принадлежности предполагаемого оборотня. Так, в некоторых проанализированных рассказах женщина, которая считается оборотнем, идентифицируется как бурятка. В части других утверждается, что в свинью может превращаться человек другой национальности – русская, татарка и т.д. Более того, высказывается категоричное мнение, что буряты не могут быть *аб гахай*. Очевидно, здесь имплицитно проявляется мифологическое мировосприятие, подразумевающее отнесение чужака – человека иной этнической принадлежности, имеющего другую внешность, язык, уклад жизни, мировоззрение, религию и т.д., к разряду неизвестного, чуждого, враждебного и опасного, а значит не-человеческого, иномирного, потустороннего.

Несколько по-иному представлена оппозиция «свой – чужой» в рассказах о встречах с духами *бохолдоями*, т.е. душами умерших людей. Подобные рассказы также строятся по определенным шаблонам, сюжетобразующим является мотив встречи субъекта-свидетеля со сверхъестественным существом, реализуются различные варианты контакта с духом и его результата. В рассмотренных нами сюжетах не так часто фигурируют иноэтнические персонажи, но при этом, безусловно, наблюдается их инкорпорированность в сферу событий, действий и явлений демонологических рассказов бурят. Например, в одном из записанных нами рассказов информант рассказывает об односельчанине, услышавшем ночью на крыше амбара шум и звуки возни, в которых он ясно различил голос другого односельчанина, татарина по национальности. Он сообщает, что тот спустя некоторое время умер, и резюмирует, что это духи, победив его, забрали его душу. В других сюжетах приводятся сведения о встрече с духом человека иной этнической принадлежности. Сюжеты подобных рассказов обычно крайне лаконичны и малоинформативны, но примечателен сам факт включения «другого-чуждого» в мифологическую сферу традиционного мировоззрения. Из рассказов понятно, что односельчане – буряты и не буряты – входят в одно и то же пространство «нашего» мира, оппозиция не идет на уровне «бурят / не бурят», здесь скорее противопоставляется человеческий мир и мир духов. Получается, что люди другой этнической принадлежности, придерживающиеся иных вероисповеданий или иных верований, носители другой культуры, но проживающие с информантами-бурятами в одной местности на протяжении длительного времени и образовавшие определенную социокультурную общность, неосознанно включаются ими в мифо-семантическое пространство, идентифицируемое как «свое», «наше», «традиционное».

Литература:

- Зиновьев В. П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.
- Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 126 с.
- Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX – начала XXI в.) / отв. ред. Р. П. Матвеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 316 с.

РАЗДЕЛ 8

РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БУРЯТИИ

Амоголонова Дарима Дашиевна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
amog@inbox.ru

КОНКУРЕНЦИЯ БУДДИЗМА И ПРАВОСЛАВИЯ В БУРЯТИИ В КОНТЕКСТЕ УКАЗА ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ¹

В статье рассматриваются причины массового отпадения бурят от православия в пользу буддизма после вступления в силу Указа от 17 апреля 1905 г. Автор доказывает, что провал окрестительной деятельности явился следствием бюрократизации миссионерства.

Ключевые слова: буддизм; православие; Российская империя; миссионерство; духовное пространство.

Amogolonova Darima Dashievna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

COMPETITION BETWEEN BUDDHISM AND ORTHODOXY IN BURYATIA IN THE CONTEXT OF THE SUPREME DECREE FROM APRIL 17, 1905

The paper discusses the reasons for the large-scale falling away of the Buryats from Orthodoxy in favor of Buddhism after the Supreme Decree of April 17, 1905. The author argues that the failure of baptizing policy followed from bureaucratization of missionary work.

Keywords: Buddhism; Orthodoxy; Russian Empire; missionary work; spiritual space.

Окрестительная деятельность Империи среди инородческого населения была обусловлена стремлением властей гомогенизировать неправославных с религиозным большинством с тем, чтобы новокрещенные отказались бы от собственной культурной идентичности и стали бы по духу людьми русскими и православными, убежденными в превосходстве русского быта и мышления [Вениамин, 1882, с. 3–5].

В этнической Бурятии наиболее перспективными объектами крещения считались предбайкальские буряты, среди которых буддизм получил слабое распространение, а традиционные шаманские верования, по мнению священников, миссионеров и светских властей, не могли противодействовать православному прозелитизму. Окрестительная деятельность приняла довольно широкие масштабы, о чем иркутские архиепископы Нил, Евсевий, Парфений, Вениамин и Тихон докладывали Святейшему Синоду, приводя данные о массовых крещениях бурят и тунгусов, иногда по несколько сот человек за один раз.

Для руководства Иркутской епархии и православных миссий оказалась неожиданной ситуация, когда в связи с публикацией Именного Высочайшего Указа «Об укреплении начал

¹ Исследование выполнено по гранту РФФИ № 21-18-00074 «Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов».

веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. большинство крещеных бурят Предбайкалья выразили желание «отпасть» от православия в пользу буддизма, называвшегося религией предков и национальной религией [Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 197. Д. 311. Л. 3 об.].

Свобода вероисповедания пришла в момент, когда буддизм уже занял прочные позиции среди бурят: буддийские проповедники легко находили общий язык с шаманистами и крещеными бурятами, которые, согласно свидетельству миссионеров, «не тверды в убеждениях и нередко поддаются соблазну воспитать потомство совершенно вне христианства. У младенцев на люльках часто висят ламайские талисманы, в жилищах хранятся ламайские идолы, и т.д. Шаманствующие буряты оттого еще склонны симпатизировать буддизму, что он позволяет им оставаться бурятами и не обуславливает, как православие, слияния и отождествления с русскою народностью» [Ухтомский, 2011, с. 182].

Возможность открыто отказываться от православной религии привела к демонстративному противостоянию в вопросах крещения новорожденных детей и причащения больных родственников; то же касалось православных похоронных обрядов. Иконы выносили из домов и либо возвращали миссионерам и священникам, либо оставляли в степи, либо уничтожали. На сходах принимались решения о выходе из православия, причем в коллективных прошениях на имя генерал-губернатора, в которых необходимо было поставить подпись, неграмотные ставили крестик. Сугланы показывали единодушие бурят в их стремлении стать буддистами, однако с точки зрения православного руководства, эти сходы не отражали реальных желаний бурят, а больше подчинялись идейным противникам христианства, а потому священники и миссионеры активно использовали свое право на «увещевание» и на отсрочку в принятии прошений [РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 7837. Л. 1–1 об.].

В ряде случаев увещевания возымели действие, и некоторые из подавших прошение вернулись в лоно христианства, однако в целом отпадение от православия было необратимым. Выяснить причины и представить объективную картину религиозной ситуации в Предбайкалье попытался архиепископ Иркутский и Верхотурский Серафим, возглавивший Иркутскую епархию в 1911 г. Положение Серафима было выгодным, поскольку лично он ошибок не допускал и мог возложить всю ответственность на своих предшественников и на условия, в создании которых сам он участия не принимал. Поэтому Серафим взял на себя труд проанализировать с разных сторон причины провала окрестительной деятельности. Охарактеризовав разные аспекты проблемы, состоявшие в деятельности лам, упорстве крещеных бурят в их приверженности родовым культам и верованиям, неправильной позиции гражданских властей, Серафим уделил самое большое внимание конкретным фактам, из-за которых когда-то успешная окрестительная работа погрязла в бюрократической рутине и стала препятствием в выполнении миссии по христианизации бурят. Серафим полагал, что большинство миссионеров считали крещение достаточным свидетельством того, что буряты признавали себя православными и русскими, а православное христианство – лучшей религией по сравнению с буддизмом и шаманизмом. Отсюда вытекала необходимость представлять свою работу в количественных характеристиках, а цифры в отчетах о состоявшихся крещениях, часто с приписками, свидетельствовали об успехах миссионерской работы.

На основании уведомления от Иркутского генерал-губернатора, ведомство православного исповедания канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сделало вывод о ряде факторов, сыгравших негативную роль в том, что крещеные буряты не укоренились в православной вере. К таким факторам относилось отсутствие духовной литературы на

бурятском языке, а также проведение богослужений на церковнославянском языке, которого буряты не понимали. Более того, буряты очень редко посещали православные храмы. В этих условиях свобода вероисповедания была понята ими как «разрешение возвратиться в прежнюю ламаитскую веру, с которой они были знакомы и которой в сущности держались» [РГИА. Ф. 796. Оп. 197. Д. 311. Л. 2 об.].

Вместе с тем более негативную роль, чем отсутствие религиозной литературы и незнание миссионерами бурятского языка, сыграло отношение к бурятским детям со стороны миссионеров и учителей в школах при миссиях. Для иллюстрации сложившейся ситуации архиепископ Серафим приводит примеры, когда перед приходом ревизоров миссионеры и учителя сажали в классы случайных детей, которые не могли ответить ни на один вопрос проверяющих, поскольку не знали русского языка. Существовало и активно использовалось зазубривание наизусть, когда непонятные слова учителя бурятские мальчики повторяли до тех пор, пока не запоминали в определенной последовательности.

Еще более показательна история так называемого пансионерства. Идея выделения стипендий от Миссионерского Общества мальчикам-сиротам или сыновьям бедных родителей была нацелена не только на обучение детей в собственно образовательном смысле: подразумевалось, что поскольку пансионы, как и школы, помещались в доме священника, то дети и подростки, находясь там становились бы сознательными христианами с соответствующими русскими навыками, овладевали бы русским языком, поведением и образом мыслей. Поэтому во взрослой жизни они, как мыслилось, не вернулись бы к прежним верованиям и обычаям, а, напротив, стали бы проводниками христианской жизни среди своих соплеменников. Первоначально многие родители, стесненные в средствах, охотно отдавали детей в пансион, будучи уверенными, что дети там будут сыты и под присмотром. В реальности детей очень скудно кормили, они ночевали на полу, их заставляли заниматься всякого рода работой, а обучения не проводилось. Из-за всего этого дети убегали домой, а школы пустовали. Рассказы пансионеров и их родителей создавали миссионерам и в целом православию негативную репутацию в бурятской среде. Миссионеры, не желавшие и не умевшие стать духовными наставниками, проигрывали буддийским проповедникам, а дети, отданные в дацанские школы, получали буддийское образование: ламы обучали монгольской и тибетской письменности, давали знания о буддийской религии и «в силу национального и религиозного родства все более и более усиливались в своем влиянии на инородцев, завоевывали их доверие и симпатии» [РГИА. Ф. 796. Оп. 197. Д. 311. Л. 9 об.].

Таким образом, православные деятели вынуждены были признать, что фиаско православной агитации среди бурят явилось следствием внутренних проблем миссионерства, первоначально нацеленного на сознательную христианизацию и русификацию инородческой паствы, но постепенно превратившегося в организацию, лишь формально связанную с первоначальными задачами. Большинство миссионеров не хотели работать как проповедники, вдобавок относились к бурятам свысока, отказываясь овладевать бурятским языком и знаниями о бурятской культуре и быте. Культурное отчуждение, согласно которому шаги по сближению должны были предприниматься только бурятами, привело к занятию буддизмом главенствующих позиций в мировоззрении и идентичности бурят.

Литература:

Вениамин (Благодоров В. А.) Обязанности русского государства по обращению раскольников и иноверцев к православной русской церкви. Иркутск: тип. Н. Н. Сеницына, 1882. 18 с.

Ухтомский Э. Э. Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним // Материалы по истории буддизма в Забайкалье (XIX – нач. XX вв.) / сост. и автор введения Н. В. Цыремпилов. Улан-Удэ–СПб.: 2011 (эл. книга). С. 167–195.

Доржиева Доржема Лубсановна
кандидат философских наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
dorzhema@rambler.ru

РОЛЬ БУРЯТСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ В ИСТОРИИ ТРАДИЦИИ *РИМЕ*¹

Рассматривается буддийская традиция *рима*, известная своим несектарным почерком, однако в работе показаны аспекты ее деятельности, связанные с возрождением основных школ тибетского буддизма на территории Бурятии. В статье предпринята попытка показать, как мастера бурятского духовенства вновь оживляют медитационные практики и отшельнический путь времен индийских и тибетских йогов.

Ключевые слова: традиция *рима*; школы тибетского буддизма; Лубсан-Самдан Цыденов; Бидия Дандарон.

Dorzhiyeva Dorzhema Lubsanovna
Candidate of Sciences in Philosophy
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE ROLE OF BURYAT THINKERS IN THE HISTORY OF THE *RIME* TRADITION

The Buddhist tradition of *rime*, known for its non-sectarian style, is considered, however, the work shows aspects of its activities related to the revival of the main schools of Tibetan Buddhism in the territory of Buryatia. The author shows how the masters of the Buryat clergy revive the meditation practices and the hermitic path of the times of the Indian and Tibetan yogis.

Keywords: tradition of *rime*; schools of Tibetan Buddhism; Lubsan-Samdan Tsydenov; Bidia Dandaron.

Буддийское движение *рима* (от тиб. *ris-med* ‘неделимый, неуклонный, непредвзятый’) является неотъемлемой частью тибетской традиции, зародившейся во второй половине XIX в. в восточной области Тибетского плато, в местности Кхам, в независимом княжестве Деге (*sDe dge*), где ценилась религиозная терпимость к основным традициям Тибета – бон (*bon*), ньингма (*rNying ma*), сакья (*sa skya*), кагью (*bKa' brgyud*).

Основной идеей *рима* является постулирование абсолютной открытости любой традиции для каждого последователя буддизма, независимо от его изначальной принадлежности к какой-либо конкретной школе, беспристрастное отношение к философским взглядам, возврат к индийскому буддийскому образу йогина-ученого и сохранение письменной и устной линии передачи.

Основоположниками движения *рима* традиционно считаются духовные лидеры королевства Деге – Джамгон Конгтрул Лодро Тайе (1813–1899), Джамьянг Кхенце Вангпо (1820–1870), Чогьюр Дечен Лингпа (1829–1870). Первоначально у них не было плана инициировать общественное движение, в своей автобиографии Джамгон Конгтрул поясняет свое непредвзятое отношение [Jamgon Kongtrul Lodro Thaye, 2003, p. 86]. Их подход был связан с желанием сохранить разнообразие традиций близких к исчезновению, поиск, сбор и передачу различных учений. В своих трудах Джамгон Конгтрул собрал обширные

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

ритуальные тексты, включающие традиции основных направлений тибетского буддизма. Мастера *риме* проявляли непредвзятый подход и толерантность всем видам доктрин, они не принимали никакой определенной позиции к той или иной школе.

В то время, когда движение *риме* стало активно распространяться в Восточном Тибете, в конце XIX в., в глубинке Российской империи в далекой Бурятии стала зарождаться подобная традиция во главе с Лубсан-Самданом Цыденовым (1851–1922?), незаурядным мыслителем, мастером духовной практики, реформатором буддизма. Он был организатором и лидером уникального в российской истории теократического (балагатского) движения (1919–1926), создателем теократического государства, основанного на принципах буддийской концепции власти.

С самого детства Л.-С. Цыденов обучался в монастырях Бурятии, в 1880 г. получает звание габжи – доктора богословских наук. Позже он решает уйти из монастыря и погрузиться в медитативную практику. Его не удовлетворял образ жизни в монастыре, так как много времени занимали административно-хозяйственная деятельность и ежедневная ритуальная служба, и почти не уделялось внимания медитативной практике.

Самдан Цыденов с близким учеником Агван-Силнам Тузол Доржи Бадмаевым вышли из состава лам Кижингинского дацана и со своими сторонниками поселились в тайге на склоне Кудунского хребта. Действуя таким образом, он старался вернуть практическому буддизму строгость правил и интенсивность духовной практики времен индийских йогов. Л.-С. Цыденов считал, что в меняющихся условиях жизни монастырская форма учения будет нежизнеспособной, и перешел к нетрадиционным, с точки зрения доминирующей в Бурятии школы гелугпа, видам практики и установил внешкольные правила устройства сангхи, которые могли бы помочь устоять учению в будущем [Баяртуева, 2012, с. 67].

Избрав отшельнический путь со своими последователями, Лубсан-Самдан Цыденов начинает распространять нетрадиционную немонастырскую форму буддизма в Бурятии. Идея «модернизации» буддизма предполагала два направления. Первое направление возникло в недрах бурятского просвещения, идейным вдохновителем которого был ученый, политик, дипломат Агван Доржиев. Второе зародилось в монашеской среде в 1896 г. в первый приезд настоятеля тибетского монастыря Гумбум Джаяг ринпоче в Кижингинский дацан. Инициатором реформационного движения здесь был Лубсан-Самдан Цыденов. Оба движения преследовали одну цель – приспособление буддизма к новым условиям жизни наступающего XX в. Пышной обрядовости ламаизма и монастырской форме учения они противопоставили философско-этические принципы раннего буддизма [Баяртуева, 2012, с. 67].

Создание своего рода движения *риме* Л.-С. Цыденовым и его сторонниками объяснялось необходимостью иных форм учения буддизма, предполагающих также и жизнь в миру, посвященную духовному совершенствованию. Л.-С. Цыденов пришел к пониманию необходимости изменить устоявшуюся форму бурятского буддизма таким образом, чтобы он мог развиваться в новой для себя социокультурной среде, в контексте российской действительности и культуры. К тому же Л.-С. Цыденов был лично знаком с представителями западной культуры и науки и на личном опыте знал, что западных адептов отличает большая интеллектуальная подготовка: обширные знания в области различных наук, знания языков и т.д. Так же, как и представителями тибетской традиции *риме*, им были собраны тексты не только традиционной гелугпы, но и других основных школ тибетского буддизма. Для реализации своей практики в затворничестве он также использовал основные учения Хеваджра-тантры, Чакрасамвара-тантры, Гухьясамаджа-тантры, махамудры, которые практиковались в школах ньингма, сакья, кагью [Баяртуева, 2012, с. 67].

Учение школы ньингма привлекло Л.-С. Цыденова и его последователей, поскольку в основе этой школы лежит традиция тантры. Теоретической основой этой практики является учение дзогчен. Его оформление в Тибете было осуществлено известным философом и йогом Лонченпой (Нацог-Рандоллом), оставившим многотомное собрание сочинений. Итоговую работу Лонченпы «Карнатантра...», объединившую учения дзогчен и

махамудры, ученик и сподвижник Л.-С. Цыденова Агван Силнам Доржи (Д. Бадмаев) перевел на бурятский язык. В круг практики было также введено учение махамудры традиции шижедпа. Другой школой, учение которой было значимо для Л.-С. Цыденова, является сакьяпа. Основное учение этой традиции трактуется как Путь-Плод, что значит в развернутом виде «Путь, в самом себе заключающий Плод». Основной практикой сакьяпы является практика божества Хеваджры, в которой методически осуществляется Путь, состоящий из двух ступеней – зарождения и завершения, включающих отдельные звенья. Таким образом, Самдан-лама, осуществляя практику созерцания божества Хеваджры, руководствуется сакьяпинской садханой (методом) «Способ осуществления Хеваджры». Созерцая божество Чакрасамвару, Л.-С. Цыденов руководствуется основными принципами школы кагьюпа. Так же как и в традиции кагьюпа основные принципы Л.-С. Цыденова базировались на устной традиции учителя. Основным учителем, давшим посвящение по практике Ямантаки Самдан-ламе, является Джаяг ринпоче [Баяртуева, 2012, с. 67]. В свою очередь, Л.-С. Цыденов передал эти наставления своим ученикам, одним из которых был Б. Д. Дандарон – известный бурятский ученый-востоковед, наставник, буддист и религиозный деятель.

Традиция Л.-С. Цыденова была воспринята и развита в необуддизме Б. Д. Дандарона. Его работы заключают в себе попытки создать философскую систему «необуддизма» в качестве «буддизма для европейцев». Б. Д. Дандарон явился первым российским ученым, использовавшим компаративистский метод в философском анализе основных положений буддизма. Одним словом, «с середины 60-х гг. Дандарон занимается истолкованием основных положений буддийской философии для обогащения и развития современного философского и научного знания. Одновременно он занимается истолкованием ряда основных положений современного философского и научного знания в смысле и для освоения их в духе буддизма, стремясь выработать новое осмысление традиционной буддийской метафизики». [Дандарон, 1995, с. 19]. Продолжая дело своего учителя Л.-С. Цыденова, Дандарон создает собственное синтетическое учение, объединявшее в себе несколько разных традиций тибетского буддизма. Изучая аутентичные источники, он смог доказать, что все противоречия носят формальный характер. «Я объединяю все школы – и гелуг, и кагью, и сакья, и ньингма», – таковы его слова, такова его уникальность. [Дандарон, 1995, с. 19]. Таким образом, Б. Д. Дандарон продолжил традиции своего учителя, которые заключались в особенной передаче тантрийского учения, самого сложного и опасного, но самого быстрого пути достижения Просветления. Следуя заветам Л.-С. Цыденова, Б. Д. Дандарон практиковал в миру, а не в монастырских стенах, проповедовал мирянам, обучая их сочетать повседневную жизнь с тантрийской практикой. Многие его западные ученики предпочли городской суе уединенную жизнь в селе, где образовали свои небольшие общины [Аюшеева, Доржиева, 2014, с. 54].

Таким образом, созданная в середине XIX в. в Восточном Тибете традиция *риме* нашла свое продолжение в XX в. на территории еще тогда Российской империи, а позже в СССР в умах и трудах бурятских мыслителей, духовных лидеров своего времени.

Литература:

- Аюшеева Д. В., Доржиева Д. Л. Жизнь и деятельность известного буддолога, философа и духовного наставника Дандарона Б. Д. // Религиоведение. 2014. № 4. С. 48–57.
- Баяртуева Д. Л. Буддийское учение как философская основа духовной деятельности Лубсан-Самдана Цыденова // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 3. С. 66–69.
- Дандарон Б.Д. 99 писем о буддизме и любви (1956–1959 гг.). – СПб.: Издательство «Дацан Гунзэчойнэй», 1995. – С. 19.
- Jamgon Kongtrul Lodro Thaye The autobiography of Jamgon Kongtrul: a gem of many colors. Trans. Richard Barron. Ithaca: Snow Lion, 2003. 544 p.

Гомбоев Баир Цыремпилович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
barguten@mail.ru

ШАМАНСКИЕ ПРИЗЫВАНИЯ КАЧУГСКИХ БУРЯТ: 100 ЛЕТ СПУСТЯ¹ **(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ С. П. БАЛДАЕВА)**

Статья посвящена известному шаманскому культу почитания «духов-хозяев» реки Лена у качугских бурят (Шишкинские писаницы), получившему наибольшее распространение в конце XIX – сер. XX вв., в частности, культу Ажирай бүхэ. Прошло около 100 лет, обрядовая традиция поклонения одному из влиятельных «духов-хозяев» реки Лена (Зүлхэйн ноёд) вновь стала актуальной и активно возрождается местными шаманами в Качугском районе Иркутской области. Изучение обрядовых текстов/призываний современных шаманов проводится в сравнении с архивными материалами.

Ключевые слова: качугские буряты; шаманские тексты/призывания; этнокультурная идентичность; современная шаманская практика.

Gomboev Bair Tsyrempilovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of Siberian Branch of Russian Academy Sciences
Ulan-Ude, Russia

SHAMANIC APPEALS OF KACHUG BURYATS: 100 YEARS LATER **(BASED ON ARCHIVAL MATERIALS BY S. P. BALDAEV)**

The article is devoted to the famous shaman cult of veneration of the "host spirits" of the Lena River at the Kachug Buryats (Shishkin Scribes), which became most widespread at the end of the 19th – mid. 20th centuries, in particular, the cult of Azhirai buhe. About 100 years have passed; the ritual tradition of worship of one of the influential "host spirits" of the Lena River (Zulhejn Noyod) has again become relevant and is actively revived by local shamans in the Kachug district of the Irkutsk region. The study of ritual texts/appeals of modern shamans is conducted in comparison with archival materials.

Keywords: Kachug Buryats; shamanic texts/calls; modern shamanic practice.

Шишкинские скалы, согласно работам Окладникова [Окладников, 1959], широко известны в контексте этнокультурной истории Центральной Азии. Эти скалы хранят древнюю историю заселения края, а особые символы наскальных рисунков и фигур характеризуют исторические периоды и ритуально-обрядовую специфику. Природная рекогносцировка (скалы, правый берег р. Лена, красивый окружающий ландшафт), этнокультурная специфика (исконные территории эхиритских родов, древние рисунки с сакральными символами, ритуальные объекты в виде коновязей), административно-территориальное взаимодействие соседних муниципальных районов, представляют особый колорит и специфику по актуализации воссозданной ритуально-обрядовой практики почитания «духов-хозяев» реки Лена.

В архивных записях С. П. Балдаева зафиксированы основные моменты относительно происхождения и истории самого культа «духов-хозяев реки Лена», текст призывания Ажарай бүхэ и его товарища Харамцай мэргэна, а также некоторые обрядовые моменты при

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона, № 121031000259-6»).

проведении религиозного мероприятия (первая половина XX в.). Спустя 100 лет, обрядовая традиция поклонения одному из влиятельных «духов-хозяев» реки Лена (Зүлхэйн ноёд) вновь стала актуальной и активно возрождается местными шаманами в Качугском районе Иркутской области.

Для сравнительного историко-археологического анализа мы обращались к работам [Окладников, 1959, 1976], [Алексеев, 1975], [Михайлов, 1987], [Мельникова и др., 2011, 2012], [Дугаров, 1991], [Цыбикдоржиев, 2003], [Дампилова, 2007], [Цолоо, Гантогтох, 2007]. Наряду с этим, в работе были использованы архивные источники и собственно полевые материалы.

Время, когда человек начал использовать поверхность скал над рекой Леной как пространство для художественного отображения действительности и мировосприятия, определить невозможно, так как скалы обрушались, их рельеф менялся в течение тысячелетий. Установлено, что писаницы представляют собой разновременный комплекс. Исторический экскурс в прошлое края позволяет выявить самые ранние сохранившиеся петроглифы, которые датированы периодом позднего неолита (5200–4200 лет до н.э.), и на протяжении эпохи бронзы, железа, средневековья вплоть до этнографического времени человек продолжал наносить изображения на поверхность скальника. Самые поздние рисунки относятся к XVI–XIX вв. н.э.

Приведенная в работе А. П. Окладникова бурятская легенда о Ажирай бүхэ гласит: «Богатырь Ажирай бүхэ жил в верховьях Лены со своим товарищем Харамцай мэргэном. Совершив невероятное количество военных подвигов, оба друга погибли в бою, сражаясь с преследующими их монголами. После смерти их тела были выброшены в разных местах на берег реки Лена» [Окладников, 1959, с. 183–185].

Тексты/призывания бурятских шаманов занимают особое место в обрядовой практике бурят. Наиболее характерными моментами в тексте призываний являются локативный и агентивный коды.

При проведении обряда жертвоприношения шаманы обращались с просьбами Ажарай бүхэ (Ажирай силач) и его товарищу Харамцай мэргэну. В призывании, записанном в 20-х гг. XX в. С. П. Балдаевым, шаман указывает о небесном происхождении Ажарай бүхэ, о его земном пристанище, о его одеянии, доспехах и средствах передвижения. В продолжении текста указываются его местопребывания в летнее и зимнее время, его помощники-духи и последнее местопребывание: *Нажаритнай һуудал, / Гушан гурбан хушуутай, / Үндэр һайхан Ойхон бэлэй, / Үбэлитнай һуудал, / Үндэр һайхан Гүрбээхэн, / Гушан гурбан хушуудтнай, / Яхадай улаан хадатнай, / Дээрэ һайшааһантнай, / Острогой улаан хада* [Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064] *‘Ваше летнее пристанище, / С тридцатью тремя мысами, / На высоком прекрасном Ольхоне, / Ваше зимнее пристанище, / Высокая прекрасная Гурбээхэн, / Тридцать три ваших мыса, / Якутская красная гора, / Особо облюбованная вами / Острожья красная гора’* [здесь и далее перевод наш. – Б. Г.].

Отметим, что в настоящее время шаманы уже не упоминают трехуровневое перемещение, однако указывают современные локации (Москва/метро, Нью-Йорк/самолет, Байкал/пароход, на двух берегах Байкала и т.д.), прося «духа-хозяина» даровать богатую жизнь и безопасность потомкам, детям и внукам участников обряда.

В завершающей части призывания шаман (XX в.) упоминает «духов-хозяев» реки Лена (Шишкинских скал), описывает их боевое снаряжение, предметные украшения, их возможности и силу: *Ажарай бүхэ, / Үхэрэй хүбүүн, / Алмай түргэн, / Мэргэн дэгээ, / Хөө хара моритон, / Хүжэ мүнгэн тэргэтэн, / Олони ударидагша, / Түмэни түрүүлэгшэ, / Үхэрэй хүбүүн / Ажарай бүхэ, / Булад хуурай, / Мэргэн дэгээ, / Ханилһан ханитнай, / Нүхэржэһэн нүхэртнай, / Үнэгэнэй хүбүүн / Харамцай мэргэн! Соог!* [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064]. – *‘Ажарай силач, / Сын Үхэра, / Алмай тургэн, / Мэргэн дэгээ, / На черных как сажа лошадях скачущие / Телегами из чистого серебра управляющие, / Многих за собой ведущие, / Тысячи возглавляющие, / Сын Үхэра, / Ажарай бухэ, / Булад хуурай, / Мэргэн дэгээ, /*

Попутчик ваш верный, / Друг ваш надежный, / Сын Үнэгэна, Харамцай мэргэн! Соог!' Основными сакральными персонажами выступают: 1) Үхэр как отец/предок самого Ажирай бүхэ; 2) Ажирай бүхэ как главный адресат; 3) Алмай түргэн как его супруга; 4) Харамцай мэргэн как его близкий друг.

В современной обрядовой ситуации шаманские тексты уже не вбирают в себя подробные предметные описания, а всего лишь ограничиваются просьбой о постоянном покровительстве: *Сагаан эдээнэй дээжэ, / Архиин дээжэ хүртэгтүүн, / Манаа хойно наана хуу харагтуун!* 'Первинки молочной пищи / И архи отведайте, / Со всех сторон нас защищайте!' [ПМА, 2021].

Важные сведения С.П. Балдаева действительно являются уникальными, и что интересно, зафиксированные материалы относительно культа отражают религиозную ситуацию I пол. XX в., когда традиции были актуальными. В советское время данный обряд не проводили, а некоторые элементы обрядовой традиции были забыты, тексты шаманских призываний, зафиксированные С. П. Балдаевым, в том же виде уже не используются. Однако зафиксированный нами летом 2021 г. спустя 100 лет шаманский обряд, посвященный культу Ажарай бүхэ и его помощнику Харамцай мэргэну, частично подтверждает пространственно-временную связь. Краткий анализ показал, что шаманские культы и обрядовые традиции, пусть в упрощенном виде, но все же соблюдаются, что же касается шаманских текстов/призываний, в них уже отсутствуют подробные характеристики локативного характера и персонажного кода, предметные описания одежды, орудий и других сопутствующих ритуальных объектов. Тем не менее, в современном тексте качугских шаманов четко присутствует характеристика сложного времени (оставление родовых земель, незнание родного языка и т.д.), суровой жизни потомков (безработица, пьянство, деградация) и просьба к «духам-хозяевам» оказать особое покровительство для успешной жизни. В последнее время шаманы молятся за тех, кто участвует в СВО, желая им скорейшего возвращения домой с победой.

Источники и литература:

- Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX вв. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1975. 197 с.
- Дампилова Л. С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 244 с.
- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Мельникова Л. В. Шишкинская писаница. Т. 1. История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание иероглифов / Л. В. Мельникова, В. С. Николаев, Н. И. Демьянович. Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2011. 426 с.
- Мельникова Л. В. Шишкинская писаница. Т. 2. Природные условия формирования плоскостей, основные сюжеты и датировка, семантика древних образов и объекта в целом / Л. В. Мельникова, В. С. Николаев, Н. И. Демьянович. Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2012. 288 с.
- Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 287 с.
- Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1959. 214 с.
- Окладников А. П. История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 458 с.
- Полевые материалы автора (ПМА 2021). Экспедиция в Качугский район, Иркутская область, 2021 г. (информант: Алхунов Александр Борисович, 1971 г.р. из рода шоно).
- Полевые материалы автора (ПМА 2021). Экспедиция в Качугский район, Иркутская область, 2021 г. (информант: Хунгеев Борис Николаевич, 1958 г.р. из рода абзай).
- Цыбикдоржиев Д. В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 292 с.
- Цолоо Ж., Гантогтох Г. Арван гурван ноёдын дуун. Улаанбаатар: Бит пресс ХХК, 2007. 627 х.

Цыремпилова Ирина Семеновна
доктор исторических наук
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Улан-Удэ, Российская Федерация
irina161073@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ В 1917–1930-Е ГГ.: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье рассматривается эволюция государственно-конфессиональных взаимоотношений на территории Бурятии в 1917–1930-е гг. На конкретных примерах показано, что политические и историко-культурные особенности региона определяли характер этих взаимоотношений: от партнерства до противостояния.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные взаимоотношения; церковь; антирелигиозная политика; Бурятия.

Tsyrempilova Irina Semyonovna
Doctor of Sciences in History
Eastern-Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russian Federation

STATE-DENOMINATIONAL RELATIONSHIPS ON THE TERRITORY OF BURIATIA IN 1917–1930S: COMMON AND DIFFERENT

The article examines the development of state-denominational relationships on the territory of Buryatia in 1917–1930s. Based on the concrete examples, it showed that political and historical-cultural features of the region determined the character of relationships: from cooperation to opposition.

Keywords: state-denominational relationships; church; anti-religious policy; Buryatia.

В современных условиях вопросы государственно-конфессиональных взаимоотношений не потеряли своей актуальности и исследовательского интереса. Значимость религиозной проблематики обусловлена тем, что сегодня она глубоко интегрирована в спектр проблем общественно-политической и социокультурной направленности. В связи с этим видится необходимым взвешенный анализ регионального опыта взаимодействия государственных, общественных и религиозных структур.

На территории Бурятии геополитические и историко-культурные особенности определяли эволюцию государственно-конфессиональных взаимоотношений. При этом необходимо отметить, что взаимное сосуществование основных вероисповеданий оказало серьезное влияние на формирование и развитие системы духовно-нравственных ценностей. Во многом именно через выяснение региональной специфики и соотнесения ее с данными других территорий возможен объективный анализ политической и конфессиональной составляющих общественной жизни. Поскольку именно эти аспекты наиболее рельефно проявили свою суть во взаимодействии между собой.

После свержения самодержавия и революционных событий 1917 г. внутрицерковные процессы продолжали осознаваться как дело государственной значимости; власть продолжала вершить судьбы церкви и в политике ее подавления, и в стремлении использовать ее в своих интересах для признания политического режима, достижения внешнеполитических целей и др.

На территории Бурятии 1917–1922 годы характеризовались как период перманентной смены власти и политических режимов, постоянных административно-территориальных трансформаций, что естественным образом сказывалось на положении религиозных институтов. Так, первоначально свержение самодержавия нашло поддержку среди

православных верующих и духовенства, затем мероприятия первой советской власти, направленные на изъятие церковных земель и имущества, события Гражданской войны усугубили положение приходов Иркутской и Забайкальской епархий. Были предприняты и первые репрессивные меры по отношению к священнослужителям. Этот период был также отмечен неудавшимися попытками создания в 1919 г. при активном участии буддийского духовенства панмонгольского государства и буддийского теократического государства под руководством Лубсан-Самдана Цыденова.

В начале 1920-х гг. одним из показателей партнерских государственно-конфессиональных взаимоотношений можно рассматривать совместную организацию добровольной помощи органов местной власти, общественных и религиозных организаций голодающим Советской России. Реализация известного декрета ВЦИК РСФСР 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей», приведшего в других регионах страны к эскалации государственно-церковных взаимоотношений, на территории Бурятии не приняла масштабов массовой кампании. Этот вопрос был специально рассмотрен на заседании Бурят-Монгольского обкома РКП(б) 3 марта 1922 г., где было принято решение: «Впредь до утверждения Сиббюро ЦК РКП(б) от проведения в жизнь декрета воздержаться» [Цыремпилова, 2008, с. 92]. Это решение позволило на этом этапе избежать обострения столкновений между властью и церковью. Однако в это же время органами власти Дальневосточной республики был начат процесс лишения юридической силы права всех религиозных учреждений на ведение актов гражданских состояний и передачи их местным властям.

Следует отметить, что местным властям на начальном этапе предоставлялась некоторая степень самостоятельности в принятии решений по религиозным вопросам с учетом специфики региона. Это касалось, в первую очередь, буддийской конфессии, по отношению к которой предпринимались осторожные шаги, что объяснялось внешнеполитическими интересами страны (близость Монголии, Китая и Тибета).

Сразу после образования Бурят-Монгольской АССР (1923 г.) стала проводиться регистрация религиозных обществ как «обществ, не преследующих целей извлечения прибыли». Власть, оформляя таким образом правовые взаимоотношения, стремилась ввести учет религиозных организаций и верующих и наладить надзор за их деятельностью. Единственное сообщество, которое отрицательно восприняло решение государственных органов о регистрации, стали старообрядческие общины, которые объясняли свою позицию тем, что «регистрировать культ не позволяют канонические правила». Это стало предметом обсуждения на специальном закрытом заседании бюро Бурят-Монгольского обкома РКП(б), 15 января 1924 г., где было предложено «в целях воздействия, прибегнуть к опечатыванию двух-трех молельных домов» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 377. Л. 5]. Однако во избежание открытого противостояния власти вынуждены были уступить, и регистрация старообрядческих общин стала проводиться только с 1926–1927 гг.

Одним из противоречивых сюжетов, характеризующих особенности государственно-конфессиональных отношений, стал обновленческий раскол, который проявился в православии и буддизме. Развернувшаяся с 1922 г. борьба обновленцев (живоцерковцев) и староцерковцев (тихоновцев) в РПЦ, обновленцев и консерваторов среди ламства была вызвана не только стремлением государства раскатать церковь изнутри, но и реакцией духовенства на политические события и попытками приспособиться к историческим реалиям. В дальнейшем развитии обновленческого движения ведущую роль начинает играть политический фактор, движение не получило широкой поддержки у верующих, но в деле «отмирания религии» сыграло свою определенную роль.

По отношению к буддийской конфессии продолжали действовать особые установки. Так, на закрытом заседании президиума Бурят-Монгольского бюро РКП(б) 23 октября 1923 г. особо отмечалось, что «...принимая во внимание положение Бурятии как культурно-политического буфера между СССР и Дальним Востоком необходимо в деле борьбы с

ламством подойти к делу с особенной чуткостью и осторожностью политического такта». Этим объясняется то, что постановление ЦИК и СНК БМАССР № 221 о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви было принято только 17 декабря 1925 г. Большинство пунктов документа было посвящено правовому положению буддийского вероисповедания, однако основные положения постановления распространялись и на все конфессии [История Бурятии, 2011, с. 177]. В качестве комплекса мер СНК Буреспублики поручалось: «а) уничтожить право собственности и право юридического лица религиозных обществ и организаций; б) идти к уничтожению всяких принудительных сборов, собираемых этими организациями и отдельными лицами; в) к прекращению участия духовных лиц в воспитании и образовании молодежи; г) создать гарантию недопущения светского образования в религиозных школах и наоборот религиозного образования в светских школах» [ГАРБ. Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 2].

С рубежа 1920–1930-х гг. нарастает конфронтация государственно-конфессиональных взаимоотношений, обусловленная реализацией нормативно-правовой базы по отделению церкви от государства. Жизнь религиозных общин попадала под абсолютный контроль государственных органов, антирелигиозная борьба становится одной из составляющих политической культуры и спутником экономической и социокультурной модернизации. Ликвидационный процесс 1930-х гг. не отличался от других регионов и включал в себя комплекс стандартных мероприятий. Усиление финансового давления, жесткое администрирование, регулирование внутренней жизни религиозных общин, закрытие культовых зданий, секуляризация религиозного сознания населения и др. в полной мере проявились и на территории Бурятии. Если в 1922 г. действовало 357 религиозных объединений и 299 культовых зданий; в 1930 г. функционировало 305 объединений и 247 зданий, то к 1935 г. их число сократилось до 129 и 151 соответственно [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 5263. Оп. 1. Д. 130. ЛЛ. 59–60]. Начались широкомасштабные репрессии духовенства и верующих; согласно базе данных «Книги памяти жертв политических репрессий», в период 1929–1941 гг. были репрессированы: 1701 лама, 101 православный священник, 24 старообрядческих служителя культа.

Особенностями региона были обусловлены и сфабрикованные дела, так в г. Улан-Удэ были обнаружены две контрреволюционные ламские организации. Одна из них вела шпионско-диверсионную работу по подготовке взрыва и крушения на железной дороге и на ЛВРЗ, а другая вела шпионскую работу, одновременно проводя подготовку и организацию повстанческого движения, с расчетом на японскую интервенцию против СССР. Деятельность этих организаций охватывала ряд аймаков, особенно приграничные – Кяхтинский, Селенгинский и др. [Архив Управления ФСБ России по Республике Бурятия (АУФСБ РФ по РБ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 207–208].

К 1940 г., по мнению властей, был окончательно решен религиозный вопрос, основными результатами стали ликвидация религиозной инфраструктуры, национализация церковного имущества, репрессии духовенства и верующих. При этом большинство населения продолжало оставаться верующим, сохраняя религиозные традиции и ценности, что свидетельствует об уникальном опыте выживания в условиях антирелигиозного государства. Региональные политические и социокультурные особенности, а именно трансграничное положение, специфика общественно-политических событий, сложность конфессионального пространства определяли и эволюцию государственно-церковных взаимоотношений на территории Бурятии в 1917–1930-е гг.: от партнерства и компромисса до борьбы и противостояния.

Литература:

История Бурятии: В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.
Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 300 с.

Михалев Максим Сергеевич
доктор исторических наук
Институт Китая и современной Азии РАН
Москва, Российская Федерация
maxmikhalev@yahoo.com

БУРЯТИЯ КАК ФОРПОСТ МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИИ НА ВОСТОКЕ

Бурятия – двойной фронт Внутренней Азии и России. Этот статус всегда являлся основой ее развития. В настоящее же время связанный с этим потенциал не используется. Экспорт модели «суверенного буддизма», сформировавшейся недавно в Бурятии, сделает вновь возможным превратить ее в форпост России на Востоке.

Ключевые слова: Бурятия; Внутренняя Азия; фронт; буддизм; международное сотрудничество.

Mikhalev Maxim Sergeevich
Doctor of Sciences in History
Institute of China and contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

BURYATIA AS RUSSIA'S SOFT POWER OUTPOST IN THE EAST

Buryatia is a double-frontier for both Inner Asia and Russia. This status has always been the basis of its development, but nowadays it is out of use. The export of “sovereign Buddhism” model that has been developed in Buryatia will allow it to regain its status as Russia’s outpost in the East.

Keywords: Buryatia; Inner Asia; frontier land; Buddhism; international co-operation.

Со второй половины XVII в., после того как все Забайкалье стало ареной противостояния Цинской и Российской империй, Бурятия превратилась в уникальный в своем роде *двойной* фронт. Не утратив своего звания окраины кочевого мира, она также стала окраиной европейского по своей культуре и укладу жизни государства. Подобное двойственное положение не привело к маргинализации региона, а стало источником его рывка в будущее. Статус двойной окраины – монгольского мира и России – оказался выгодным. Умело воспользовавшись возможностями, которые предоставило существование между мирами, буряты вступили в период затяжного роста.

Среди факторов, обеспечивших прогресс коренного населения Забайкалья, можно выделить следующие. Во-первых, возможность несения военной службы по охране границ государства, которая была институализована в Забайкалье в форме бурятских казачьих войск [Маргоева, 2022, с. 101–102]. Во-вторых, формирование крупных центров международной торговли, таких как Кяхта, которые не только предоставляли местным скотоводческим народам новые экономические возможности, но и способствовали распространению европейского образования [Необычайная Кяхта..., 2018, с. 114]. В-третьих, фактическая автокефалия под защитой российского государства, бурятского буддизма, которому была гарантирована независимость от Тибета и Монголии, но который при этом поддерживал с ними тесные отношения. Хозяйство кочевых бурят стало в результате приобретать черты товарности, а их доходы и качество жизни резко возросли. Уникальный же сплав восточной культуры, на страже сохранности которой продолжал стоять буддизм, и западного образования, которое пришло в регион вместе с крупной торговлей, позволил им взять на себя роль посредника во взаимоотношениях России со своими соседями в Восточной Азии. Основой успеха бурят при этом стало то, что они могли наладить связи между хорошо им

знакомыми и понятными русскими и теми народами Востока, что оставались им близкими по вере, по языку и по культуре.

Двадцатый век принес в жизнь национальных окраин важные перемены, и далеко не все из них были к лучшему. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали привело к постепенному затуханию трансграничной торговли в Забайкалье, что в свою очередь сказалось и на уровне образования, доступного коренному населению. События Гражданской войны в России привели к тому, что бурятское казачество сошло с исторической арены. Антирелигиозная кампания 30-х гг., сопровождавшаяся репрессиями против духовенства, означала, что роль тибетского буддизма в жизни простых бурят была сведена к минимуму. Несмотря на то, что в период демократизации страны в конце прошлого столетия многие перекосы были устранены, речи о том, чтобы вернуться в прошлое, быть не могло. Попытка возрождения казачества потерпела неудачу. Современные бурятские казаки, лишённые социальной функции и утратившие традиции, представляют собой скорее элемент фольклора, чем реальную силу [Маргоева, 2022, с. 107]. Несмотря на постоянный рост торговли с Монголией, а также планы Китая возродить континентальные торговые коридоры, надежда на то, что Забайкалье вернет себе славу крупнейшего торгового центра, призрачна. Высокий уровень интеграции транспортной сети республики в общероссийскую означает, что она при любом сценарии остается лишь транзитным коридором. В сфере образования, несмотря на то что буряты продолжают оставаться одним из самых образованных народов России, процент владеющих родным языком ныне один из самых низких в стране [Буряты стали вторыми..., 2012]. Это означает, что они достигают успеха не за счет умелой конвергенции культур и традиций, а за счет полного забвения одной из своих ипостасей в пользу другой.

В этих условиях единственной силой, способной вернуть Бурятии статус двойного фронта и стать основой для такой модели развития, которая позволяла бы жителям республики использовать свое уникальное географическое положение и особенности прошлого ради строительства будущего, становится буддизм. В 80-х–90-х гг. прошлого столетия он пережил ренессанс, триумфально возвратившись в жизнь простых жителей республики, в ее политику и даже в экономику. Во многом подобный успех стал возможен благодаря активной деятельности XXIV Пандито Хамбо-ламы Д. Аюшеева, реорганизовавшего сангху таким образом, что она стала ведущей силой процессов национального возрождения. С одной стороны, он смог добиться административной и духовной самостоятельности от внешних сил, включая Далай-ламу XIV. Значительную роль в суверенизации бурятского буддизма сыграло обретение в 2002 г. нетленного тела Хамбо-ламы Итигэлова, что позволяло Аюшееву претендовать на особый статус в буддистском мире. В то же время рост социальной, политической и даже экономической роли буддизма в республике был обусловлен тем, что духовный лидер республики активно вмешивался во все сферы жизни. «Половина людей, которые приходят ко мне, приходят не как к ламе-священнослужителю, а как к общественному деятелю», не без гордости заявлял глава бурятских буддистов [Хамбо лама..., 2017, с. 101]. Вовлеченность главы буддистов в развитие традиционного животноводства, в вопросы сохранения бурятского языка [Амоголонова, 2017, с. 39], а также в поддержку национальных видов спорта [Амоголонова, 2009, с. 131] привела к тому, что буддизм стал восприниматься в качестве единственной силы, способной сплотить бурятский народ на базе народных традиций и обеспечить его дальнейшее развитие на основе традиционной культуры [Хамбо лама..., 2017, с. 5]. Можно проследить определенные аналогии с теократической монархией средневекового Тибета, когда духовный лидер исполняет еще и функции верховного администратора, а видные священнослужители являются участниками и бенефициарами любых экономических проектов.

Подобная модель актуальна и по-своему эффективна. Вместе с тем следует признать, что подобный, «суверенный буддизм» может превратиться в тормоз дальнейшего развития

республики. Фактическая инкапсуляция региона и стремление к полной автономности не позволяет актуализовать ресурс изначально присущей Забайкалью периферийности. Границы, которые помогают Хамбо-ламе Д. Аюшееву достигать независимости в вопросах веры и национального возрождения, способствуют накоплению Бурятией потенциала и предотвращают его присвоение внешними силами, выполняя, таким образом, защитную функцию. В том случае, однако, если они остаются *полностью* непроходимыми, этот потенциал никак не реализуется вовне и в результате не трансформируется в полезную работу на благо страны и на благо республики.

Думается, что в этих условиях требуется сохранить те социальные и политические достижения, что явились следствием консолидации населения республики на основе идеологии «суверенного буддизма», но при этом дополнить их некоторыми шагами, которые смогли бы направить аккумулированный в ходе этого процесса потенциал вовне. С этой целью успехи, достигнутые в вопросах сохранения народной культуры и языка, следует сформулировать в виде уникального рецепта развития на основе религии и «подавать» их таким образом, чтобы это выглядело как ноу-хау, предназначенное на экспорт. В результате принципиально изменится и характер взаимодействия России с Далай-ламой XIV и со стоящими за ним силами. Вместо глухой обороны, которая характеризует политику российских властей и БТСР на современном этапе, возможным будет приступить к трансляции на зарубежную аудиторию плодов того сплава европейского и восточного образования, который до сих пор является визитной карточкой Бурятии. Подавать его при этом следует в качестве альтернативы коммерциализированному и политизированному образу современного тибетского буддизма.

В конечном счете поколение современных бурятских священнослужителей, вооруженное грамотно сформулированной идеей «северного возрождения» [Соколова, 2022] и рассчитывающее на всестороннюю поддержку государства, может стать новым «проводником» российского опыта и в Восточной Азии, и за ее пределами. Оно в результате сможет, как в свое время Агван Доржиев, стать *учителями* большого буддистского мира, а не довольствоваться в уютном уединении гарантированной государством автокефалии, скромной ролью его *учеников*. В этом будущем духовном прорыве на Восток, основу для которого подготовили процессы возрождения буддизма в Бурятии, видится и будущее Баргуджин-Токума, который, оставаясь краем мира, обладает достаточным потенциалом для того, чтобы в очередной раз трансформировать себя из осажденной крепости в форпост духовного влияния.

Источники и литература:

Амоголонова Д. Д. Улан-Удэ – «буддийская столица России»: отражение религиозного возрождения в образах городского пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 119–140.

Амоголонова Д. Д. Хамбо лама Дамба Аюшеев и его роль в современном буддийском возрождении Бурятии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 33–42.

Буряты стали вторыми по образованности и последними – по владению родным языком [Электронный ресурс] // БМК. 2012. 26 июня. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/society/210996/>

Маргоева А. Р. Казаки-буддисты: трансформация традиционной культуры в современных условиях // Традиционная культура. 2022. № 4. С. 101–110.

Необычайная Кяхта / автор-сост. Л. Б. Цыденова. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. 176 с.

Соколова С. А. Буддистские реликвии как основа создания политического мифа: новый взгляд на особенности религиозного возрождения в Бурятии // Традиционная культура. 2022. № 4. С. 92–100.

Хамбо лама. Мысли наедине / сост. А. Махачкеев. Улан-Удэ: Новапринт, 2017. 144 с.

Дроботушенко Евгений Викторович
кандидат исторических наук
Забайкальский государственный университет
Чита, Российская Федерация
DRZZ@yandex.ru

**ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ
БЕЗБОЖНИКОВ М. П. КУЗНЕЦОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ
В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.**

В статье рассматриваются докладные записки представителя Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников М. П. Кузнецова, дающие богатейший материал по истории религий в регионе во второй половине 1930-х гг. Записки информативны, содержат достаточно много фактической информации. Как и любой документ, содержащий, помимо статистических данных оценочные характеристика автора, они субъективны.

Ключевые слова: религия; комиссия по вопросам культов; Бурят-Монгольская АССР.

Drobotushenko Evgeny Viktorovich
Transbaikal State University
Candidate of Sciences in History
Chita, Russian Federation

**MEMOS OF THE REPRESENTATIVE OF THE UNION OF MILITANT ATHEISTS
M. P. KUZNETSOV AS A SOURCE ON THE HISTORY OF RELIGIONS
IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN THE SECOND HALF OF THE 1930S**

The article examines the memos of the representative of the Central Council of the Union of Militant Atheists M.P. Kuznetsov, providing the rich material on the history of religions in the region in the second half of the 1930s. The notes are informative, contain a lot of factual information. Like any document containing, in addition to statistical data, the estimated characteristics of the author, they are subjective.

Keywords: religion; commission on cults; Buryat-Mongolian ASSR.

История религий на территории Бурят-Монгольской, а с 1958 г. Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики в разные периоды советской истории становилась предметом научного анализа исследователей [Боронова, Степанова, 2012; Васильева, Бураева, 2012; Злыгостева, 2011; Митыпова 2006а; 2006б; Цыремпилова, 2017; Цыремпилова, Злыгостева, 2010 и др.].

При наличии определенного количества научных и научно-популярных публикаций по проблематике можно констатировать, что советское время в плане истории религий на территории Бурятии изучено меньше всего. В то же время в архивных хранилищах встречаются отдельные интереснейшие документы, позволяющие заполнить существующие пробелы. Такими являются докладные записки, по сути, отчеты представителя Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников (СВБ) (в ином написании – Союза воинствующих безбожников) М. П. Кузнецова. В середине четвертого десятилетия XX в. он совершил поездку по ряду регионов Восточно-Сибирского края с целью инспектирования работы местных комиссий по вопросам культов и горсоветов. Предпосылкой к организации «рейда» стало письмо на имя секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М. О. Разумова от Председателя Союза Воинствующих Безбожников Е. М. Ярославского, в котором шла речь о важности развертывания религиозной пропаганды. Продолжением переписки стало появление идеи об инспекции ситуации. Возможность проинспектировать

Восточно-Сибирский край на предмет антирелигиозной работы была поддержана Постоянной центральной комиссией по вопросам культов. В одном из документов сам М. П. Кузнецов писал, что он действовал именно по поручению комиссии [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 60].

Возникает вопрос, так ли это было на самом деле, однако еще больший вопрос в том, почему был выбран именно Восточно-Сибирский край. Из иных регионов речь шла о Хакасской АССР и Красноярском крае. По иным регионам на сегодня в архивных хранилищах информация не встречена [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 60–96]. По какой-то причине Бурят-Монгольская АССР в рамках предметного поля исследования оказалась «в привилегированном положении» по отношению к иным инспектировавшимся регионам? Она заслужила характеристику религиозной ситуации и антирелигиозной работы в двух докладных записках. Одна из них полностью посвящена Бурят-Монголии. Следует отметить, что из представленных это наиболее объемный документ [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 69–82]. Еще одна докладная записка посвящена поездке по Бурят-Монгольской АССР и инспекции антирелигиозной работы в Зиминском и Черемховском районах Восточно-Сибирского края и Иркутского Горсовета [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 91–96].

В одном из документов М. П. Кузнецов описал цель «обследования», которая заключалась в изучении «...состояния работы комиссии по вопросам культа при Президиуме Восточно-Сибирского крайисполкома и на местах в порядке проверки правильности проведения в жизнь законодательства о культах» [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 60]. Общая социально-политическая парадигма развития советской государственности, включавшая в себя антирелигиозность и атеистичность, очевидно, предопределяла тональность отчетности представителя прогосударственной общественной организации. Докладные записки ярко антирелигиозны, написаны в рамках атеистического мировосприятия.

Поездка М. П. Кузнецова по Бурят-Монгольской АССР была осуществлена с 28 января по 17 февраля 1937 г., а одна из докладных записок, наиболее объемная, составлена 20 февраля [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 69, 82]. Меньшая по объему записка, в которой сочетались отчеты по двум регионам, составлена 26 марта 1937 г. [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 96]. Здесь следует акцентировать внимание на том, что Восточно-Сибирский край прекратил свое существование в начале декабря 1936 г., когда Бурят-Монгольская АССР стала самостоятельной территориальной единицей.

В данной статье мы не станем подробно останавливаться на всех фактах и явлениях, описанных в рассматриваемых документах. Это материал для отдельного, очень объемного исследования. Мы выделим общие характеристики, приводимые автором докладных записок и приведением в отдельных случаях примеров. Одним из ключевых, на наш взгляд, замечаний автора записок является мысль о том, что «начиная с 1933 г. антирелигиозная работа в республике все спадает и спадает и очевидно совсем замрет при таком безразличном отношении к ней» [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 60]. С позиций представителя Союза Воинствующих Безбожников и советской власти, это было неприемлемо, налицо были недоработки.

В документах встречаем указание на то, что присутствовали факты нарушения законодательства о культах. Приведем несколько примеров: 1. «В Баргузине задумали закрыть церковь, установили сумму ремонта в 9000 руб., хотя и ремонтировать нечего, но община, рискуя лишиться здания, закупила стройматериалы». Для районного исполнительного комитета это стало неожиданностью и тогда «он составляет смету на 29.965 р.». 2. «В Улан-Удэ осенью 1936 г. по распоряжению председателя Горсовета Буянцева милиция закрыла и опечатала церковь, прокурор вынужден вмешаться в это дело и потребовал открытия». 3. «При закрытии дацанов наблюдается хищение культового имущества (Амагалантуйский дацан) акт от 20.IV.37 г.». 4. «Отсутствуют договора на пользование культовым имуществом и по линии дацанов, и по линии церквей и

молитвенных домов ... и целый ряд других недостатков» [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп.1. Д. 11. Л. 95].

Автор докладных записок отмечал, что вместо ведения систематической антирелигиозной пропаганды отдельные работники сводили свою деятельность в лучшем случае к закрытию церквей и дацанов. Это, по мнению М. П. Кузнецова, наоборот способствовало оживлению деятельности религиозных организаций в республике и «подогревало религиозные настроения» [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 78].

«Классовые враги» использовали «бесхозяйственное отношение» руководителей аймачных исполнительных комитетов к культовому имуществу. Так, в 1936 г. в Бичурском районе был закрыт дацан (акт от 20 апреля 1936 г.) в связи с тем, что не было надлежащей охраны, стали пропадать предметы культа, исчезла «богатая библиотека». Аналогично дела обстояли с Ацайским дацаном [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 79].

М. П. Кузнецов на протяжении всего текста двух докладных записок проводит мысль о том, что в сложившейся ситуации виноваты аймачные и районные исполнительные комитеты, исполком г. Улан-Удэ. Слабо представлена работа местных комиссии по вопросам культов, они, по мнению автора документов, «не осуществляли достаточного руководства и контроля над правильным проведением в жизнь законодательства о культах» [ГАРФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 79]. Следует отметить, что рассматриваемые документы содержат большое количество отсылок к тем или иным фактам, при этом автор достаточно часто делает отсылку к актам о закрытии того или иного культового здания, изъятия культового имущества.

Анализ двух докладных записок представителя Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников М. П. Кузнецова по антирелигиозной работе в Бурят-Монгольской АССР показал, что они дают богатейший материал по истории религий в регионе во второй половине 1930-х гг. Записки информативны, содержат достаточно много фактической информации. Как и любой документ, содержащий, помимо статистических данных оценочные характеристика автора, они субъективны. Плюс к этому значительный отпечаток на них наложил антирелигиозный настрой М.П. Кузнецова, что могло привести к еще большему искажению ситуации.

Литература:

Боронова М. М., Степанова Т. Г. Политика властных структур по отношению к православной и буддистской конфессиям в Бурятии (1943–1961 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Педагогика. Филология. Философия. 2012. № 7. С. 135–139.

Васильева С. В., Бураева С. В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 166 с.

Злыгостева Ю. Г. Документы Национального архива Республики Бурятия по истории государственно-церковных взаимоотношений в середине 1940-х–1980-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник, 2011. С. 389–393.

Митыпова Г. С. История становления и развития православной традиции в Бурятии: XVII–XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ: БГУ, 2006а. 387 с.

Митыпова Г. С. Православная церковь в Бурятии (XX–XXI вв.). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2006б. 110 с.

Цыремпилова И. С. Русская Православная Церковь на территории Бурятии в 1940–1980-е гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 2 (2). С. 37–43.

Цыремпилова И. С., Злыгостева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940-х–1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47–50.

Лугавцова Алёна Петровна
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
alena.karnap@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯПОНСКОГО БУДДИЗМА В ИНСТИТУТЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН¹

В статье представлен анализ развития исследований японского буддизма ИМБТ СО РАН, представленных в научных проектах отдела философии, культурологии и религиоведения. Выделены важнейшие научные результаты сотрудников института в хронологической последовательности, а также дается их оценка с учетом проблематики исследований в этой области и их современного состояния. Показано, что работа по изучению японского буддизма, которая велась и ведется сотрудниками, играет существенную роль в работе отдела и раскрытии его объекта исследования.

Ключевые слова: востоковедение; Япония; буддология; философия; религия; институт.

Lugavtsova Alena Petrovna
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

STUDIES IN JAPANESE BUDDHISM AT THE INSTITUTE FOR MONGOLIAN, BUDDHIST AND TIBETAN STUDIES OF SB RAS

The article analyses the development of studies in Japanese Buddhism at the IMBTS SB RAS, presented in the scientific projects of the Department of Philosophy, Cultural and Religious Studies. The article presents the most important scientific results of the Institute's employees in chronological order, and gives their assessment, taking into account the research agenda in this area and its current state. It is shown that the current studies of Japanese Buddhism, which were and are being conducted by employees, play a significant role in the work of the department and help to more fully disclose its object of study.

Keywords: Oriental studies; Japan; Buddhology; philosophy; religion; institute.

В настоящее время буддологические, востоковедные и философские исследования в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН представлены в научных проектах отдела философии, культурологии и религиоведения. История этих исследований восходит к самому раннему периоду истории Института – к деятельности Буручкома (начало XX в.) [Янгутов, 2021, с. 140]. За время существования Института была проделана огромная работа в области изучения философии, социальной роли, истории, источниковедения буддизма, которая нашла свое закономерное продолжение в работе отдела. Основным объектом исследования отдела стал буддизм России, Центральной и Восточной Азии. В рамках исследования этого объекта оформилось четыре направления по страноведческому

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)», № 121031000261-9).

принципу: китаеведное (дальневосточное), тибетологическое (индо-тибетское), монголоведное, российское (на примере буддизма Бурятии) [Янгутов, 2021, с. 144–145].

География дальневосточного направления работы отдела на сегодняшний день расширяется, захватывая также Японию и Корею. Включение Японии обусловливается тем, что начавшееся с VI в. распространение буддизма в этой стране было теснейшим образом связано с проникновением его традиций и направлений из Китая. Китайские буддийские традиции, перенятые напрямую у носителей, переносились на японскую почву в основном нетронутыми, с сохранением доктринальных положений и ключевых особенностей, с целью постижения которых японские монахи и прибывали в Китай. Однако, несмотря на то, что изначально Япония только непосредственно заимствовала китаизированный буддизм Махаяны, который пользовался огромной популярностью у властей и населения, будучи на протяжении нескольких веков официальной религией государства, материковые традиции через определенное время неизбежно приобретали новые черты, взаимодействуя с местными религиозными традициями, встраиваясь в мировосприятие японцев, что привело к складыванию феномена «китайского буддизма с японской спецификой». Подобная тесная связь двух стран и многовековая история культурного донорства Японии, ярко проявившая себя в религии, позволяют гармонично включать результаты исследований по японскому буддизму в общее русло научной деятельности отдела.

Пионером в исследовании японского буддизма в Институте стал старший научный сотрудник отдела востоковедения, позже отдела философии и религиоведения, кандидат исторических наук И. Е. Гарри, работавший в Институте в 1989–1990, 1994–2004 гг. [Ассоциация искусствоведов: эл. ресурс]. В 1987 г. окончил восточный факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета им. А. А. Жданова по специальности «восточные языки и литература (японский язык и литература)». Проходил обучение в аспирантуре Института востоковедения АН СССР (отдел сравнительного культуроведения, научный руководитель – д.ф.н., проф. Т. П. Григорьева) в 1990–1994 гг. Кандидатскую диссертацию «Дзэнский путь Догэна» защитил в 2000 г. в диссертационном совете Института востоковедения РАН (г. Москва). В 2003 г. опубликовал монографию «Дзэн-буддийское мирозерцание Эйхэй Догэна», где им впервые в отечественной востоковедной науке было рассмотрено становление Эйхэй До:гэна (1200–1253), основателя школы Со:то:-дзэн и одного из виднейших японских мыслителей как философа, его мирозерцание и вероучение [Гарри: эл. ресурс]. В 2004–2005 гг. обучался в докторантуре восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель – д.ф.н., проф. Л. Н. Меншиков). В 2005–2008 гг. прошел полный курс докторантуры второй высшей ступени по специальности «буддология» (научный руководитель – проф. К. Mitomo) в буддийском университете Риссё (Токио).

Область научных интересов И. Е. Гарри отличается удивительной широтой и включает в себя вопросы японской филологии, традиционные системы оздоровления Дальнего Востока, историю и философию буддизма, учение и практика Чань- и Дзэн-буддизма, буддизм Сутры Лотоса, учения и практики новых японских религиозных движений на фундаменте Сутры Лотоса, чаньскую и дзэнскую поэтику и поэзию. Переводы произведений До:гэна со старояпонского языка («Драгоценная зеница истинного Закона» (яп. 正法眼蔵, «Сё:бо:гэндзо») и «Записи годов Драгоценной Радости» (яп. 寶慶記, «Хо:кё:ки»), а также комментарии к ним, выполненные И. Е. Гарри, имеют особую ценность для развития всего отечественного японоведения, поскольку перевод и текстологический анализ данных источников были осуществлены автором впервые.

В настоящее время активное участие в проектах, реализуемых отделом, принимает Э. Л.-Д. Нанзатова, кандидат философских наук, методист, преподаватель ГБПОУ «Бурятский аграрный колледж им. М. Н. Ербанова». В 2004 г. Э. Л.-Д. Нанзатова окончила восточный факультет Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова по специальности «востоковедение, африканистика». Проходила обучение в аспирантуре Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (отдел философии, научный руководитель – д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов) в 2004–2007 гг. Кандидатскую диссертацию «Учение амидаизма в дальневосточном буддизме» успешно защитила в 2007 г. в диссертационном совете Читинского государственного университета. Научные интересы Э. Л.-Д. Нанзатовой сосредоточены на различных вопросах китайских и японских школ буддизма: их истории, философии, современном состоянии, а также взаимопроникновении и взаимовлиянии буддийских школ в эпоху средневековья в Китае и Японии. В своих работах Э. Л.-Д. Нанзатова уделяет особенное внимание развитию амидаизма, анализируя укрепление и укоренение учения в новых социокультурных пространствах, способствовавшие распространению и приобретению новых черт, а также эволюции амидаизма в Японии, в особенности его взаимодействию со школой Тэндай, оказавшей значительное влияние на многие религиозно-философские течения японского буддизма, в том числе и Дзё:до (школа «Чистой Земли»).

Помимо этого, также исследованием японского дзэн-буддизма занимается автор данной работы А. П. Лугавцова, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела. В 2016 г. окончила магистратуру восточного института Бурятского государственного университета по специальности «востоковедение и африканистика», в 2017–2021 гг. проходила обучение в аспирантуре Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В 2021 г. успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Школа О:баку в истории Японии периода Эдо (1603–1868)». В область научных интересов входит японский дзэн-буддизм периода Эдо (1603–1868), в особенности направление О:баку-дзэн, а также японская культура периода Эдо. Школа О:баку представляет собой третье крупное направление японского дзэн-буддизма наряду с Риндзай и Со:то:, основанное в период Эдо монахами-эмигрантами из Китая, что обуславливает его уникальность и самобытность, демонстрируя тесную взаимосвязь с духовным наследием минского Китая.

Таким образом, разносторонняя работа по изучению японского буддизма, которая велась и ведется сотрудниками, играет существенную роль в работе отдела философии, культурологии и религиоведения Института, поскольку дает возможность более полно раскрыть его объект исследования и, в соответствии с выполняемым проектом государственного задания, показать особенности трансформации отдельных школ и направлений китайского буддизма во взаимодействии с местными религиозными традициями.

Источники и литература:

Ассоциация искусствоведов / Гарри Игорь Евгеньевич [Электронный ресурс]. URL: <https://ais-art.ru/2011-01-23-07-11-18/2011-01-23-08-57-08/2011-02-06-17-16-20/1269-2011-02-28-09-13-32.html> (дата обращения: 14.01.2023).

Гарри И. Е. / Книги онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://www.koob.ru/harry/> (дата обращения: 08.01.2023).

Янгутов Л. Е. Буддологические, востоковедные и философские исследования в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. №3 (43). С. 140–147.

Траудт Егор Андреевич
Алтайский государственный университет
Барнаул, Российская Федерация
golnigluhs@gmail.com

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИЙ
СОДЕЙСТВИЯ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ В БУРЯТИИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-Х ГГ.¹**

В статье рассматриваются основные направления деятельности комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах на территории Бурятской АССР. Кроме этого, проанализированы общие результаты работы таких учреждений и сделан вывод о целесообразности их создания.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика; Бурятская АССР.

Traudt Egor Andreevich
Altai State University
Barnaul, Russian Federation

**SOME ASPECTS OF THE STUDY OF THE ACTIVITIES
OF THE COMMISSIONS FOR ASSISTANCE IN COMPLIANCE WITH
THE LEGISLATION ON RELIGIOUS CULTS IN BURYATIA IN THE SECOND HALF
OF THE 1960S – THE FIRST HALF OF THE 1970S**

The article discusses the main activities of the commissions on compliance with the legislation on religious cults in the territory of the Buryat ASSR. In addition, the general results of the work of such institutions are analyzed. The author concludes that their creation was expedient.

Keywords: State-confessional policy; Buryat ASSR.

История государственно-конфессиональных отношений на всем периоде существования любой государственности является важным объектом изучения, так как религиозные верования играют большую роль в мировоззренческой основе любого общества. Особенно актуальна данная проблематика для периода существования Советского Союза, так как в этой стране религиозная политика была одной из методов распространения атеистической идеологии.

В 1964 г. в СССР произошла смена власти, и должность Генерального Секретаря занял Л. И. Брежнев. Считается, что государственно-конфессиональная политика правительства в этот период становится более конструктивной, однако, не становится полностью однородной [Дашковский, Дворянчикова, 2022, с. 20]. С этого периода главной инстанцией, занимавшейся вопросами религии, становится Совет по делам религий при СМ СССР, созданный в 1965 г. В регионах проводниками государственно-конфессиональной политики стали уполномоченные Совета по делам религиозных культов, которые на местах осуществляли контроль над религиозными объединениями.

В 1966 г. произошло еще одно важное событие для регуляции деятельности религиозных объединений на территории Советского государства. Именно в этом году Совет по делам религий разработал и отправил в регионы образец положения о комиссиях

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект №23-18-00117).

содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культах. Такие организации были созданы по всей территории Советского государства [Беликов, Дворянчикова, Шершнева, 2019; Белоусов, 2017; Дашковский, Гончарова, 2021; Зинкина, 2014 и др.]. В Бурятской АССР данные учреждения, как и по всему СССР, создавались на общественных началах. Комиссия содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах состояла из депутатов местных Советов, представителей общественных организаций, трудовых коллективов. Количественный состав не был фиксированным, а определялся из наличия в данной местности действующих религиозных организаций и степени религиозности населения [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 37].

Главной задачей новообразованного органа стало «оказание помощи исполкомам Советов народных депутатов в осуществлении контроля за соблюдением Конституции СССР, Конституции РСФСР и Конституции Бур. АССР, гарантирующих свободу совести, за правильным применением и использованием законодательных актов РСФСР о религиозных объединениях, за тем, чтобы деятельность религиозных организаций и служителей культа проводилась в рамках законодательства, а использование гражданами свободы Совести не наносило ущерба интересам общества и государства, правам других граждан, чтобы не нарушились права верующих и религиозных объединений и не допускалось незаконное вмешательство в их каноническую деятельность» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 37].

Состав и количество комиссии утверждал исполком районного Совета народных депутатов. Для повышения продуктивности работы комиссии составляли себе план мероприятий, рассчитанный на короткий промежуток времени (обычно на год или два), который помогал координировать деятельность и делегировать обязанности разным членам комиссии. Как правило, мероприятия были направлены на проблемные места атеистической работы в конкретном месте. Например, одной из важных сторон деятельности названных комиссий на территории Бурятии были проверки и инвентаризация культурного имущества Иволгинского дацана [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 29]. В конце периода установленного плана комиссия обязательно предоставляла отчет о своей деятельности, содержащий информацию о проведенных мероприятиях, нарушениях, а также состоянии религиозности в аймаках.

Деятельность новообразованных органов часто была связана с внедрением в жизнь населения новых гражданских обрядов, которые приходили на место религиозных. В числе таких можно отметить регистрацию брака, выдачу паспортов, призыв в Советскую армию и т.д. Именно для этого в Еравнинском аймаке была создана комиссия в количестве 7 человек. В этом им помогали также отделы культуры, разрабатывавшие сценарии по их проведению. В репертуары художественной самодеятельности многих творческих коллективов в обязательном порядке стали входить номера, «бичующие религиозное одурманивание верующих» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 52. Л. 7].

Следует отметить и тот факт, что часто эффективность таких комиссий была не особо высокой, так как на местах имели место быть различные проблемы. В частности, в Еравнинском аймаке в период 1969 по 1974 гг. трижды сменился председатель комиссии. Примечательным является тот факт, что все они выбыли по разным причинам. После двух первых председателей был назначен зав. отделом культуры, что противоречит положению о комиссиях содействия, так как, следуя этому документу, председателем комиссии содействия может быть только руководящий работник, имеющий административную власть. После назначения новоиспеченный председатель не был ознакомлен с решением исполкома аймачного Совета по созданию комиссии и выполнению законодательства о религиозных культах, заявляя, что это решение он видит впервые. По этой причине он никакой атеистической работы в вверенном ему аймаке не проводил. Именно это бездействие связывалось уполномоченным по делам религии с активизацией деятельности различных религиозных шарлатанов [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 52. Л. 8–9].

Похожая ситуация имела место и в других аймаках Бурятской АССР. Так уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Бурятской АССР Д. Б. Очиржапов отмечал, что в Тункинском аймаке деятельность комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах с 1969 по 1975 гг. была неудовлетворительной. Этим учреждением не был проведен учет бывших лам и шаманов, а по имевшимся нарушениям законодательства о религиозных культах меры не принимались, карты и описания особенных культовых мест также не составлялись. Кроме того, уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР сообщал, что за все эти пять лет комиссия содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах данного аймака не представила ни одного серьезного предложения по борьбе с религиозностью населения в регионе [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 71. Л. 13–14].

Важной частью деятельности данных государственных образований стала атеистическая пропаганда среди населения. Такие мероприятия находили свое отражение в форматах прочтения лекций, показов фильмов на атеистические темы. Важными участниками антирелигиозной пропаганды стали представители общества «Знание». В Кижингинском аймаке, например, за 1967 г. ими было прочитано 47 лекций. Еще одной важной частью антирелигиозной работы стал выпуск антирелигиозных журналов. В указанном аймаке таковыми были «Наука и религия», «Наука и жизнь» и др. [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 56. Л. 7–8].

В целом создание комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах сыграло, скорее, вспомогательную роль для религиозной политики правительства. Кроме уполномоченного Совета по делам религии при СМ СССР по Бурятской АССР комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах координировали свою работу с деятельностью постоянных комиссий соответствующего Совета народных депутатов и с постоянной комиссией Совета по социалистической законности и охраны общественного порядка [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 75. Л. 39].

Комиссия по соблюдению законодательства о религиозных культах, хотя имела очень широкие и многоплановые права и обязанности, так или иначе была подотчетна уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СМ СССР по Бурятской АССР и поэтому была обязана находиться с ним в тесном взаимодействии, что значительно сказывалось на независимости и эффективности ее деятельности.

Литература:

- Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культах в Западной Сибири во второй половине 1960-х – начале 1980-х // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 100–111.
- Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 гг.). Элиста: КалМНЦ РАН, 2017. 342 с.
- Дашковский П. К., Гончарова Н. С. Деятельность комиссий содействия по контролю соблюдения законодательства о религиозных культах в середине 1970 – начале 1980 гг. в Хакасии (Южная Сибирь) // Религиоведение. 2021. № 1. С. 51–63.
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. унт-а, 2022. 152 с.
- Занкина А. С. Влияние Комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах на татарскую умму Лямбирского района Мордовской АССР // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3. С. 146–149.
- Ибрагимов Р. Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2005. 182 с.

РАЗДЕЛ 9

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ-МОНГОЛИИ-КИТАЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Намсрайн Ням-Осор

Sc.D

Чингис хааны нэрэмжит

Их Засаг Олон Улсын Их Сургууль

Улаанбаатар, Монгол Улс

nyamosor@ikhzasag.edu.mn

БУРИАДЫН СОНГООЛ ОВГИЙН ТУХАЙ

Сонгоол овог Цахарын гул шарын хошуунаас үүссэн бөгөөд Цогттайжийн ач хүү Охин хун тайж 150 цэрэг ах дүү садан төрлийн хамт Оросын Баатар Цагаан хаанд дагаар орж 300 гаруй жил амьдарсан бна. Өмнө нь Сонгоол овог нь Шилийн гол аймгийн Дорж вангийн нутагт хоргодож байгаад Орос руу явсан. Дорж ван нь Билгүүтэй ноёны хойчис тул Чингисийн үр сад тэднийг авга нар гэдэг бжээ. Сонгоол овог нь Чингис хааны хэвтүүл цэргээс үүссэн бөгөөд Манжид дагаар орохгүй гэж тэмцсэн Цахарын Лигдэн хаан Цогтхун тайжийн үнэнч цэргүүд нь байсан тухай . Хэвтүүл цэрэг Чингис хааны аравт зуут түмтийн ноёдын үр хүүхэд, тэдний дотнын найз нөхдөөс бүрдэж байсан учраас Сонгоол овогтон Чингис хааны алтан ургийн хүмүүс байх магадлал байгаа юм.

Түлхүүр үг: Сонгоол овогтон; Халхын хун тайж; Цахарын Лигдэн хаан; Гүл шарын хошуу.

Namsaray Nyam-Osor

Sc.D

Ikh Zasag University Chinggis Khaan

Ulaanbaatar, Mongolia

ABOUT THE BURIAT SONGOOL TRIBE

Origin of Songool stirpes belongs to Gul Shar promontory. Grandson of Tsogt Khong Tayiji Okhin Khong Tayiji voluntarily accepted citizenship of Russian King Nikolai with 150 soldiers and close relatives, and have been living there for 300 years. Before Songool stirpes had hidden in the homeland of Dorj-van of Shiliin gol province, and later went to Russia. Since Dorj-van was a relative of Bilguutei, the descendants of Chinggis khaan called them uncles. Origin of Songool stirpes belongs to Chinggis Khaan's 'hevtuul' soldiers who were the honest soldiers of King Ligden of Tsachar Tsogt Khong Taiyiji who fought not to join the Manchu. There is a possibility that the Songool stirpes are the golden kinship of Chinggis Khaan, since the 'hevtuul' soldiers consisted of children and their close friends of Kings for Desimals, Hundreds and Myriads.

Keywords: Songool stirpes; Khalk's Khong Tayiji; King Ligden of Tsachar; promontory Gul Shar.

Сонгоол овгийг манай өмнөх үеийн эрдэмтэд Халх Монголын Түшээт хан аймгаас ирж Хаант Орост дагаар орсон хүмүүс хэмээн үзсээр иржээ. Уг судлаачид Сэлэнгийн буриадуудын түүхэн сурвалж бичиг “Бяцхан записка”д үндэслэн ийм дүгнэлт гаргасан байна. Уг сурвалж бичигт Сонгоол овог нь Монголын гүл-шар хошуунаас Сахулагийн хөвүүн Заяа, Омболын хөвүүн Заяахан хоёр 1694 онд Оросын баатар Цагаан хааны албат болохоор ирсэн тухай өгүүлсэн байдаг бөгөөд мөн онд (1696) Монголын түшээт ханы мэдэлд байсан Охин

Хун тайж 150 албат ардаа дагуулан Шар далай, Шажихай эрх хэмээх хоёр хөвүүдийн хамтаар Оросын Цагаан хааны албат болохоор ирсэн түүх бий.

Энэ түүхэнд үндэслэн Сонгоолуудыг Түшээт хан аймгийн Гүл-шарын хошуунаас Галдан бошигт хааны довтлогооноос дүрвэн Оросын нутагт ирсэн халхчууд гэсэн өрөөсгөл дүгнэлт хийгдсэн байж болох юм. Гэтэл тэр үед Түшээт ханд байтугай Халх, Өвөрмонголд ийм нэртэй хошуу байгаагүй болно.

Ингээд бид Цахарын баруун гарын Шулуун шар хошуунаа Сонгоол овогтон сууж байсан болохыг судлаж үзвэл: Одоогоос 300 жилийн өмнө манай өвөг дээдэс Монгол нутагтаа амгалан тайван амьдран сууж байтал харь дайснууд довтлон ирж хот айлаар нь алж хядан хүйс тэмтэрчээ. Ганцхан өвгөн хоёр ач хүүгээ мориндоо дүүрэн тэр дайснуудаас зугтаасан байна. Тэгээд өвгөн нэгэн гол дээр тулж ирэн голыг мориороо гаталж цаад эрэг дээр нь гартал дайсны тавьсан сум бороо шиг асгаран бууж мориных нь хондлойд зоогдсон байсан хийгээд өвгөний хэлснээр тэр дайснууд нь манж нар байсан байна.

Ийнхүү манай өвөг дээдсээс Заяа, Заяахан хэмээх хоёр хүү амьд гарсан нь манай Сонгоолын өвөг дээдэс юм. Үүнээс үзвэл Сонгоол овогтон Галдан бошигтын дайны хөлөөс бус Өвөрмонголын Цахар 8-н хошуунаас зугтаасан нь илхэн байна.

Сонгоолууд Цахарын гүл шар хошуунаас гарч, Оросын зүг оргох болсон нь Охин хун тайж, Заяа дүү, Заяахан нар “1685 онд баруун зүгт Манж түвдийн мэдэлд байснаас Оросын баатар Цагаан хааны мэдэлд байх нь зөв” хэмээн ярилцаж, 3 жил дотор унах сайн морь, идэх хоол хүнсээ бэлдэж Оросын зүг нүүхээр шийджээ.

Тухайн үед Хар мөрөн орчмоор суурин байгуулж, хамниган нараас алба гувчуур татан манжийн хаантай тэмцэлдэн дайн байлдааныг үүсгэж Оросын зүг одоогоор шийдвэрлэсэн байна.

Өвөрмонголын Ар элстэйд болсон Халх ноёдын Чуулган дээр халх ноёдууд бүгд Манжид дагаар орохоор шийдсэнд Охин хун тайж ганцаараа эсэргүүцэж “би Манжид дагаар орохгүй” хэмээсэнд түүнийг барьж аван манжийн шоронд хорьсон байна. Охин хун тайж сайн санаат нөхдийн дэмжлэгтэйгээр Манжийн шоронгоос оргож гараад 150 цэргээ ар гэрийн хамтаар дагуулан, нэхүүл цэрэгтэй тулсаар Мэнэнгийн талыг туулж Хаант Оросын нутагт ирээд Цагаан хаанд дагаар орж, хил хязгаарыг сахин суухаар болж нэгэн дов газар өвөлждөг болсон нь “Охин дов” гэж нэрлэгдэж, үр удмаараа тахидаг болсон байна. Битүү модтой булаг оргилон гардаг энэ сайхан нутагт амьдарч 1929 он хүртэл тахиж шүтэж ирсэн байна. Охин хун тайж найман хөвүүнтэй, долоон эхнэртэй байв.

Сонгоол хэмээх овог хэдийнээс Цахарт буй болсон, Авгын ноёдтой ямар учраас холбогдох болсон тухай энд цухас дурдая. Цахар түмэн гэдэг нь Чингис хааны байгуулсан хишигтэн цэргийн удам угсаа гэж үздэг. “Чингис хаан 150-аад мянган хишигтэн цэрэгтэй байгаад Их Монгол улсаа байгуулсны дараа түм болгон өргөтгөв” хэмээн түүхэнд өгүүлдэг. Хубилай хааны үед тэднийг хишигтэн отог болгож Цахарт харьяалуулдаг. Цахарууд хас төрийн тулгуур багана болж хаан эзэндээ үнэнчээр зүтгэдэг байсан гэдэг.

Монголын нууц товчоо зэрэг сударт өгүүлснээр бол:

Мянган шадар хишигтэнг ялгаж өг, миний хишигтнийг томилоход түмт, мянгат, зуутын ноёдын хөвгүүд, сул /чөлөөт/ хүний хөвгүүдийн дотроос миний дэргэд тэнцэх билэг эрдэмтэй, бие сайтайг нь ялган оруултугай, миний шадар цэрэгт орохдоо мянганы ноёдын хөвгүүд арван нөхөр /цэрэг/, нэг дүүгээ дагуулан иртүгэй, зууны ноёдын хөвгүүд таван нөхөр нэг дүүгээ дагуулан иртүгэй, аравны ноёдын хөвгүүд бас сул хүний хөвгүүд гурван нөхөр нэг дүүгээ дагуулан иртүгэй. Ингэж ирэхдээ тэд уг газраасаа уналга морио бэлтгэж иртүгэй.

Миний шадар цэрэгт ирэх мянганы ноёдын хөвгүүд арван нөхөд хэрэглэх юмаа харьяат мянганы дотроосоо татаж авагтун. Эцгийн өгсөн хувь хишиг, бусад өөрийн олсон зөөсөн морь, юм хэдийд байвч өмч хувиас ангид бидний заасан хэмжээгээр авч бэлтгэж

иртүгэй. Нэгэн мянган баатар цэргийг шилж, Архай Хасараар захируулаад энгийн өдөр ээлжлэх торгон цэрэг болгож, хатгалдан байлдах өдөр хамгийн түрүүнд баатарлуулан явуулья. Бидний шадар түмэн хишигтнийг бэхжүүлж их галын цэрэг болгоё... гэж бичжээ.

Дорнын их талын зүүн бие, Хөлөн буйр, Шилийн гол, шар мөрөн хүртэлх уудам нутагт нүүдэллэн амьдарч асан Цахарууд зургаан түмэн Монголын нэгэн болж Батмөнх даян хааны үед монголчуудын бутрал хагарлыг таслан зогсоох үйлсэд оройлон зүтгэсэн байна. Цахарын Лигдэн хааны бодлогыг талархан дэмжиж хүчээ өргөж байсан цөөн хүний нэг нь Халхын Цогт хун тайж байсан ажээ. Цогт хун тайж Ар Халхын бусад ноёдтой санал зөрөлдөж 1630 онд өөрийн албат ардуудыг аван, Хөх нуурын зүг одож, тэнд байгаа Монголчуудыг хураан дагуулж хүчээ зузаатгаад Лигдэн хааныг хүлээн суужээ. Гэвч Лигдэн хаан Цахар түмнээ дагуулан баруун зүг нүүж явах зуур Шар талд өвчнөөр өөд болоод хатан, хүүхдүүд нь манжийн цэргийн олз болсноор урдын уламжлалтай сахьяагийн ёсны улаан шашны тугийн дор Монголчуудыг нэгтгэх гэсэн оролдлого ийнхүү нуран унасан байна. Тэртээ он жилүүдэд Цогт хун тайж Банчин эрдэнэ, Далай лам тэргүүтэй шарын шашны эсэргүүцлийг сөрж, манжийн эсрэг тэмцэх зорилго өвөрлөн явсан ажгуу.

Хошуудын Гүүш хаанаар удирдуулсан Ойрад-Халхын их цэрэг Хөх нуурын хойнох Улаан хошуу хэмээх газар Цогт тайжийн цэрэгтэй тулалдаж Цогтыг дараад түүнийг хороож, албат ардыг нь алж хядан Ойрадын зүг хүргүүлсэн байна. Энэхүү дайны хөлөөс зугтан амь гарсан Цогтын хүү Хонтогор албат ардын хамт Өвөр Монголд ирж авга хошуунд хоргодсон байх бөгөөд Цогтын эх Чин тайху хатан болон түүний гуравдугаар хатан Цэрэнжид нар авгын ноёдын охид байснаас ийнхүү Цогтын хүү нагацын төрөл дээрээ ирж хоргодсон байна. Цогтын эх нь Онниудын Бэрхийн охин Чин тайху, Цогтын бага хатан Цэрэнжид бэйжи боржигины Доржигир Хөнхөрийн охин ажээ.

Онон Хэрлэн дагуу нутаглаж байсан Бөх Бэлгүтэйн хойчис Чингисийн хойчист авга болох тул авга нар хэмээгдэн хүндлэгдэх болжээ. Авгын Дорж эцэг Зоригт ноён 1639 онд албатаа аван Манжийн хаанд дагаар орж 1641 онд түүнийг Зоригт ван цол өргөмжилж албат ардыг нь мэдүүлэн Шилийн голд суулгасан бөгөөд энэхүү Дорж нь Цогт хунтайжийн “халуут авга эгчээс” төрсөн хөвүүн бөгөөд нэг охин нь Лигдэн хааны хатан болж хааныг тэнгэрт халихад Цогт хун тайжийн хатан болсон ажээ. Хонтогор Цогтын хатан Цэрэнжидээс төрсөн байх магадлалтай юм. Аман домогт Хонтогорын хүү Охин хун тайжийг хааны охиноос төрсөн гэж бичсэн буй. Цогт хунтайжийн хүү Хонтогор Лигдэний ач охиныг эхнэр болгож тэдний дундаас төрсөн хүү нь Охин хун тайж болой.

Хонтогороор толгойлуулан Өвөрмонголд ирж нутагласан энэхүү хэсэг Монголчууд Сонгоол хэмээх овгийг үүсгэн бүрдүүлсэн байна. Сонгоол овогтны нэг хүүхэн сайхан монцгор хүүтэй болов гэж зүүдлээд хүүгээ Сонгоол гэж нэрлэн тэр хүүгийн удам Сонгоол овогтон болов гэх буюу “Из Монголии” буюу Монголоос ирсэн хэмээх орос үг сунжраад Сонгоол болов гэсэн яриа ч байдаг байна. Хожим сонгоол хэмээх нь “ᠰᠠᠭᠤᠯᠠ” - Хөх нуур хэмээсэн түвд үг болохыг олж тогтоосон байна. Мөн түвд хэлний амдуу нутгийн аялгаар Хөх нуур болон одоох Хөх нуур мужийг Сонгоол хэмээн дууддаг байна.

Эдүгээ Сонгоолын бүрэлдэхүүнд: 1.Урианхайд 2.Булингууд 3.Баатуд 4.Ашибагад 5.Авгачууд 6.Шарнууд 7.Номход 8.Хамниган 9.Аршаантан 10.Хорчид 11. Наймантан 12.Юншөөбү 13.Хотгойд 14.Элжигэд 15.Өрлүүд 16.Тавнангууд 17.Оронгой 18.Цоохор 19.Сартуул 20. Шарайд 21.Тэмдэгтэн зэрэг хориод овог буйгаас үзэхүл гол төлөв халхын овог байх бөгөөд зарим ойрад, Өвөрмонгол овог ч байна.

Одоо бидэнд энэ бүлэг Монголчууд ямар учраас Манж Чин улсын төрийн эсрэг босож, түүний дайсан гэгдсэн хаант Оросын зүг оргон очсон нь ойлгомжтой болж байна.

Сонгоол нар Цахарын Бүрни ван 1675 онд манжийн эсрэг бослого гаргахад оролцож явсан тухай дам мэдээ буй. Охин хун тайж амьд сэрүүн ахуйдаа 1720 онд Цагаан хаанаас Чин

улсад томилсон элчин төлөөлөгчдийн бүрэлдэхүүнд орон Чин гүрнийг чиглэн явахдаа Орос, Монголын хил Сэлэнгийн шивээнд уулзсан Британийн эмч Жон Биллийн аяллын тэмдэглэлд дурьдсаныг энд сийрүүлбэл: "...14-ний өдөр Цагаан хааны албат тайж хэмээх ноён элчинд хүндэтгэл үзүүлэхээр ирж бараалхсан, элчин бээр түүнийг ихэд найрсаг хүлээн авч хүндлээд зоог барьсан. Тэр тайж гэдэг нь (Охин хун тайжийг хэлж байна.) 80 гаруй насалсан хүн байсан ч залуу хүн мэт их л хөнгөн шаламгай мориндоо шалавхийн мордож байлаа. Тэр бээр өөрийн таван хөвүүд болон бусад бараа бологчдоо дагуулан ирсэн бөгөөд тэд нь түүнд эзэн хаан мэт хүндлэл үзүүлж байсан ба эцэг нь сууж болно гэхээс нааш хөвүүд нь түүний дэргэд сууж зүрхлээгүй билээ. Тэдний ааш зан надад тун их таалагдсаныг энд хэлье" гэсэн байна.

Манай элчин төлөөлөгчдийн нэгэн, их л тарган эр түүнээс ямар учраас өдий насанд ийм хөнгөн шаламгай байна вэ? хэмээн асуухад "Бага идэж их хөдөл, тэгвэл чи ч гэсэн над шиг байхгүй юу" гэж хариулж байсан. Залуудаа тэр бээр өөрийн үзэн яддаг манжийн эсрэг олон дайн тулаанд орж явжээ. Тэр бас их идтэй ангууч гэж алдаршсан тул элчин түүнтэй цуг авд мордох өдөр товлож болзсоны эцэст тайж бараа бологчдоо дагуулан өргөөндөө буцсан байна.

Үүнээс бид Манжийн хааны дайсан гэгдсэн Цахарын хаан угсаа лугаа холбоотой мөн ч шарын шашны дайсан гэж хараагдсан халхын Цогт хунтайжийн ач Охин хун тайж Чингийн төрийн эсрэг босож Оросын зүг оргохдоо, авга хошууны гурван тайжийг өдөөн хамтаар босож одсоны учрыг олж тодруулахыг оролдсон байна. Охин хун тайжийн тэргүүлсэн Сонгоол нар Мэнэнгийн талыг туулан одоогийн буриадын нутагт ирэхэд, халхын дотоод үймээн самуун эцэстээ хүрч, Зүүн гарын Галдан Бошигт хаан "Зонховын шашны" төлөө хэмээн халхад цэрэглэж, Түшээт хааны цэргийг дараад Сэцэн хааны нутгийг уулгалан дайрч явсан үе тохиолдсон бөгөөд халхад хоцорсон авга нарын удмын Тавнангууд нар дайны хөлөөс зайлж Хилго мөрөнд очоод байсантай таарч, бодохул нагац зээгийн харилцаагаар түрий барин тавнангууд нарт багтан орж толгой хоргодоод удалгүй анхны зорьж ирсэн хэргээ бүтээж тухайн үеийн халхын ноёдод "Бүдүүн ноён" хэмээн алдаршсан, Чин гүрэнтэй хил хайч тогтоохоор ирээд байсан Цагаан хааны элчин Ф.А.Головинтой уулзаж Сонгоол отгоороо дагаар орж оросын цэрэгт хүчин өргөөд саяхан өөрийг нь хүлээж авч толгой хоргодуулсан Тавнангууд нарыг хамтран довтолж Оросын мэдэлд оруулсан тухай "Тойн гүүшийн дурдатгал"-д тэмдэглэгджээ.

Ф. А. Головин 1689 онд Нэвчүүгийн шивээнд Манж Чин гүрэнтэй найрамдлын гэрээ байгуулж, хил хязгаарыг тогтоогоод төдөлгүй хойтон жил нь нийслэлдээ буцсанд түр цагийн гачигдлын эрхэнд арга буюу Оросын Цагаан хаанд дагаар орсон Түшээт ханы засаг Даш хунтайжийн хөвүүн Цэрэнжав бинт ахай тэргүүтэй Халхын тайж нар болон Цэрэн цөхүр тэргүүтэй авга – Тавнангуудын тайж нар босож Халхын нутгийн Гүн рүү оргон зайлжээ. Цэрэн цөхүр нарын бүлгээс хоцорсон Тавнангуудыг бас халхын зүг босох вий хэмээн Эрхүүгийн орос захиргаанаас тэднийг 1692 онд Байгал далайн наад эрэг Баргажин голын тэнд нүүж очихыг тушаасанд үлдсэн Тавнангуудын тэргүүлэгч Жав эрдэнэ тайж зам зуур босож, дагалдан явсан оросын хасаг цэргийг бут цохиод Охин хун тайж нарыг барьж хүлэн Сонгоол овгийнх нь хамт Халхын Сэцэн хааны засаг Цэвдэн бэйлд аваачин тушаажээ.

Төдөлгүй 1694 онд тус хошууны засаг Цэвдэн нас барсанд түүнийг залгамжилсан бага настай Ванжил бэйл түүний эмэг эх авга-Тавнангуудын Бодиства хатан болон авга-Тавнангуудын тайж нар хошууны эрхийг захирч байхад Охин тайж нар тус хошууны хойд хөвч газар нутаглахыг гуйн зөвшөөрүүлээд Галдан бошигтын 1695 онд Халхын зүүн гарт дахин довтлон ирэхийг далимдуулан хоёр дахь удаагаа Оросын цагаан хаанд дагаар оржээ. Тийм учраас Сонгоол нарын түүхэн сурвалжид тэднийг 1696 онд Цагаан хаанд дагаар орсон хэмээн тэмдэглэсэн байна.

Миний өвөг эцэг 1900 оны үед амьдарч байсан Гачин гэж хүн байсан бөгөөд өвөг эцэг маань Сүхээ голын Долоон нуурын эрэг дээр олон өрх сонгоолууд байсан бөгөөд тэр тосгоны Ширээт лам нь байсан юм. Гачин нь Ёндон гэж хүүтэй. Ёндон хүү нь 1929 онд 33 настай, эхнэр нь 23 настай өөрөөс нь 10 дүү Содном гэж хүн байсан байна. Тэд нэг настай Доржпалам гэж хүүтэй байжээ. Доржпалам нь Уулаа/Мөнхтөр/-ийн аав юм. Доржпалам нь “Хан Хэнтий уулын аймгийн Онон голын хошууны Онон голын сум, 5-р баг гэж...” Улсын архивын лавлагаанд байна.

Миний бие Гачингийн Ёндон, Ёндонгийн Цэдэн, Цэдэнгийн Ням Осор ажээ. Тэр үед аав маань төрөөгүй, ах нь Дорпалам 1 настай байсан байна.

Манай Гачин өвөг эцэг 9 охин, 3 хүүтэй байсан бөгөөд тэд хойноос ходоог тэрэгтэй орж ирсэн. Хүүгийн том нь Бадам, дараагийнх нь Ёндон дараагийнх нь Раднаа гэж байсан байна. Раднаа нь бага байсан харин Ёндон, Бадам нар нь 1937, 1938 онд хэлмэгдсэн юм билээ. Гачин өвөг эцэг маань Батширээтэд Ашингийн дуган байгуулаад тэндээ ажиллаж байгаад Хар хоринд очиж мөргөөд буцах замдаа Мөнгөн морьтод байсан өөрийн охиныдоо насан эцэс болсон байна.

Өвөөгийнхээ ГАЧИН гэх нэрийн лавлагааг хайтал Гачин гэдэг нь ИХ ГАВЖ гэсэн үг юм байна. Харин уг өөрийнх нь нэр олдсонгүй. 1929 онд хүн амын тооллогоор Гачин гэх нэрээр бүртгүүлсэн байгаа нь Гачин нэрээрээ алдаршиж нэрлэгдэж байжээ хэмээн ойлгогдлоо.

Их эрдэмтэн Б.Ренчин аругай өөрөө сонгоол хүн. Тэгээд өөрийн овогийнхоо удам угсааг тодотгон “Цогт хун тайж” киноны зохиол бичиж түүхэн сэдэвт уран сайхны кино бүтээснээр ард олон маань Цогт хун тайжийнхаа тухай ойлголтыг авсан юм. Тэр кинонд Цогт Хун тайж цагаан ордондоо сургууль байгуулж, том номын сантай байсан нь гардаг. Миний тухайд Чингис хааны Их засаг хуулиар нэрлэгдсэн Их засаг их сургууль байгуулсан нь 400 жилийн өмнө амьдарч байсан Цогт хун тайж, түүний ээж Чинтайхуу хатан нарын ерөөл буян буй за хэмээн билэгшээв.

Манай Сонгоол овог Чингис хааны хэвтүүл цэргүүдээс үүссэн гэдэг түүхэн сурвалжид гүнээ хүндэтгэлтэй хандаж байна. Миний бие Манжаас Охин хун тайжийг дагаж Оросын Цагаан хаанд дагаар орсон алтан ургийнхны удам судар байхыг ч үгүйсгэхгүй улмаар энэ талаар нарийвчлан судлах зайлшгүй шаардлага буйг энэхүү илтгэлийг бичих явцад улам бүр ойлголоо.

Ном зүй:

Ням-Осор Н. Их Засаг хуулийн тайлбар, 1-р боть, 65-р хуудас, 9-р зүйл.

Их Британийн эмч Жон Биллийн аялалын тэмдэглэл.

Тойн Гүүшийн дуртатгалаас.

Головин Ф. А. Нэвчүүгийн шивээнд Дай-Чин гүрэнгэй найрамдлын гэрээ байгуулав. 1689 он. Сэлэнгийн Буриадын түүхэн сурвалж “Бяцхан запискэ”.

Чимидоржиев Ш. Б. Буряадай түүхэ бэшэгүүд.

Цэрэннадмид Д. Халхын Цогт хун тайжийн түүх, соёлын өв дурсгал 2022 он Улаанбаатар хот.

Оюун С. Сэтгэшгүй чандмань сүмийн дууль. Роман 2022 он.

Батын Ч. Ган-Өлзий. Монголын буриад ертөнц. 2017 он.

Аким Г. Билгүүн номч Бямбын Ренчин. УБ, 1990.

Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты. Вып. 2. М., 1965.

Очир А., Сэржээ Ж. Монголчуудын овгийн лавлах. УБ, 1998 он.

Хурц Э. Авга авганар хийгээд бөх Бэлгүтэйн харьяат улс. Вкн. Очир А., Зоригтуев Б. Р. Төв Азийн нүүдэлчдийн түүхэн унсаатны зүйн асуудалд. УБ, 2002 он.

Русско-китайские отношения в XIII в. (1700-1725). Т. 1. М., 1972.

Залкинд Е. М. Присоединение Бурятий к России. М. 1958.

Гарри Ирина Регбиевна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
irina.garri@imbt.ru

ХОРСКИЕ КНЯЖЕСТВА ВОСТОЧНОГО ТИБЕТА И МОНГОЛЫ (XIII–XVII ВВ.)

Автор рассматривает историю Хорских княжеств Восточного Тибета в контексте их взаимоотношений с монголами-чингисидами. Особое внимание уделяется истории происхождения княжеств и распространению в них буддизма традиции школы Гэлукпа.

Ключевые слова: княжества Хор; Кхам; Восточный Тибет; монголы.

Garri Irina Regbievna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE HOR STATES OF EASTERN TIBET AND THE MONGOLS (XIII–XVII CENTURIES)

The author examines the history of the Horstates of Eastern Tibet in the context of their relations with the Chinggisid Mongols. Particular attention is paid to the history of the origin of the states and the spread of Buddhism of the Galuk school.

Keywords: Principalities of Khor; Kham; Eastern Tibet; Mongols.

Княжества Хор Восточного Тибета – это автономное политическое образование пяти кланов Хор Восточного Тибета, существовавшее с XIII в. до падения Цинской империи в 1911 г. Словом Хор в тибетском языке в разные времена обозначались разные понятия. Во времена тибетской империи VII–IX вв. им обозначали уйгуров, затем оно стало использоваться для монголов империи Чингисхана [Stein, 1972, p. 34], а позже для таких политий Восточного Тибета, как княжества Хор и 39 племен Хор [Karmay, 2014].

Пять Хорских княжеств: Дранго (тиб. Dranggo, кит. Zhanggu), Трехор (тиб. Trehor, кит. Zhuwo), Кансар (тиб. Khangsar, кит. Kangsa, Kongsas), Масур (тиб. Mazur, кит. Mashu) и Бери (тиб. Beri, кит. Baili) находились на севере Кхама на территории современных уездов Кандзе (тиб. Dkarmdzes, кит. Ганьцзы), Трехор (тиб. TreHor, кит. Лухо) и Тау (тиб. Rtau, кит. Даофу) Тибетского (кит. Цзанцзу) автономного округа Ганьцзы провинции Сычуань в плодородной долине Кандзе верхнего течения реки Ньячу (иначе Дзачу, кит. Ялунцзян), притока Янцзы. Как писал Тейчман: «Эта долина, обычно называемая тибетцами Хорко (долина Хор) ... является самой большой культивируемой землей во всем Восточном Тибете. Ее высота чуть больше 11000 футов (3352,8 м). Река Ялун струится по ее середине, фермы, селения и монастыри густо рассыпаны по ней. Жители – процветающие и богатые, занимаются как выгодной китайско-тибетской торговлей чаем, так и земледелием [Teichman, 1921, p. 75].

Сведения о происхождении Хорских княжеств скорее легендарны, чем исторически реальны. По местным преданиям, эти княжества обязаны своим происхождением любви

между монгольским принцем из двора Хубилай-хана по имени Хор Сэвэн и местной девушкой [dPal 'byorphuntshogs, 2002]. Хубилай-хан послал в те места Хор Сэвэна для основания монастыря. Прибыв на место и начав строительство, принц познакомился там с красивой и доброй местной девушкой. Молодые люди полюбили друг друга, и девушка вскоре забеременела. После отъезда принца девушка родила в 1278 г. мальчика, которого называли Хор Масанбу (тиб. Нежданный ребенок монгола).

В течение последующих трех столетий до XVII в. происходило утверждение представителей клана Хор в качестве правящей знати местного населения. Существуют разные версии генеалогии клана. По одной из них, у Хор Масанбу было трое жен и шестеро сыновей, от которых распространился род [Mengguhoudai, 2016]. Раздел владений между потомками клана Хор привел к образованию так называемых пяти княжеств Хор – Дранго, Кансар, Масур, Трехор и Бери – весьма любопытному политическому образованию Кхама, в котором наследование передавалось не на земли, а на находившиеся у предводителей в подчинении семьи, так что между княжествами не было четких границ, находившиеся в одном месте семьи могли относиться к разным княжествам [Rockhill, 1891, p. 253].

Среди наследников клана Хор больше всех прославился второй сын Намкха Гьялцена из 8-го колена Хор – Нгаванг Пунцог. В китайских источниках приводится только краткая информация о том, что по поручению Далай-ламы V он построил в Кхаме в 1660-х гг. 13 Хорских монастырей школы гелукпа [Zhou Xiying, Jia Guangrong, 1989, p. 169, 185]. Есть информация о Нгаванг Пунцого в автобиографии Далай-ламы V [Nag-dban-blo-bzan-rgya-mtsho, 2014].

Эта информация обнаруживает, что жизнь Нгаванг Пунцога пришлась на самый турбулентный период средневековой истории Тибета. Центральный Тибет впервые после Ярлунгской династии объединяется под властью иерарха гелукпы – Далай-ламы V Нгаванга Лобсанга Гьяцо (1617–1682). Своим возвышением Далай-лама всецело обязан своему ревностному последователю – предводителю монголов-хошутов Гуши-хану (1582–1654), который завоевал Амдо, Кхам и Центральный Тибет и преподнес их своему религиозному наставнику в качестве дара [WangFuren, 1985; Shakabra, 1967; Karma, 2009]. Важным в данном контексте является то, что Гуши-хан в 1639 г. совершил поход в Кхам против царя Бери, союзника царя Цзана и приверженца Бон. Бериже, как известно, частично вошло в состав 5-ти княжеств Хор и частично в царство Дэргэ. При таких обстоятельствах Нгаванг Пунцог и его сородичи, будучи потомками монголов, стали наряду с различными монгольскими и амдосскими племенами приверженцами Далай-ламы и Гуши-хана.

Таким образом, Нгаванг Пунцог, получив в 1654 г. посвящения Далай-ламы V, прибыл в Кхам и в 1655 г. при поддержке князя Дэргэ основал первый гелукпинский монастырь на севере Кхама – Гонсар и стал его первым перерожденцем – тулку. Затем сделав Гэнсасы материнским монастырем, начал строить другие монастыри и распространять влияние гелукпы в Кхаме. Эти монастыри получили название 13 монастырей Хор, они располагались на территории современных уездов Дэргэ (кит. Дэгэ), Кандзе (кит. Ганьцзы), Трехор (кит. Лухо) и Тау (кит. Даофу).

Среди них самыми большими и влиятельными стали монастыри Даргье (Dargyas, кит. Дацзинь), Кандзе (Dkarmdzes, кит. Ганьцзы), Ньенцо (Gnyanmtsho, кит. Линцюэ) и Дранго (Brag 'go, кит. Шоулин). Не вызывает сомнения, что распространение монастырей гелукпы в Кхаме так же, как и в Амдо, произошло исключительно благодаря поддержке Гуши-ханом Далай-ламы V. Впоследствии влияние 13-ти монастырей Хор в политическом, экономическом и даже военном отношении все более возрастало, и они сыграли большую роль в распространении гелукпы во всем Кхаме различными способами, в том числе

подавлении или насильственном преобразовании монастырей Бон и «красной традиции» в «желтую».

Таким образом, можно сказать, что к середине XVII в. произошли основополагающие события в становлении хорской идентичности, как то: утверждение клана Хор в качестве светских предводителей местного населения, образование пяти княжеств Хор и принятие ими буддизма традиции гелук. Монгольский фактор имел большое влияние в регионе в XIII и XVII вв. Китайские источники отмечают, что вторжению Гуши-хана в 1639 г. сопутствовало массовое переселение монголов-хошутов в Кхам [Mengguhoudai, 2016]. В течение последующих веков, однако, эти монгольские пришельцы практически полностью ассимилировались, когда экспедиция Петра Козлова появилась в регионе в 1900 г., она нашла в некоторых кхамских политиях, например, в царстве Лхаток, население, еще помнившее о своих монгольских корнях, но забывшее свой язык и полностью перенявшее тибетскую культуру. Этот процесс тибетизации автохтонных и пришлых этнических групп на окраинах тибетского культурного мира отмечался многими исследователями [напр.: Samuel, 1993; Karmay, 2014], так что Джеффри Сэмюэл даже отмечал: «Возможно, что современное тибетское население Кхама является результатом подобных процессов тибетизации, начиная с XVII в. или раньше» [Samuel, 1993, p. 85]. И вполне очевидно, что главным фактором ассимиляции было принятие этими группами тибетского буддизма и отказ от своих автохтонных верований.

Источники и литература:

dPal-'byor-phun-tshogs. Chos sde chen po rTau Nyin mtsho dgonpa'i lo rgyus dang brag dkar gnyis kyi gnas yig sogs bzhugs so. 2002.

Karmay S. G. The Fifth Dalai Lama and his Reunification of Tibet. In Karmay, S. G. The Arrow and the Spindle. Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet, Kathmandu, Nepal, Mandala Book Point, 2009. Vol. 1. P. 504–517.

Karmay S. G. The Thirty-Nine Tribes of Hor: A Historical Perspective (Paper presented at the conference on Myth, Territoriality and Ritual in Tibetan Areas, Vienna, 2–5 December 1999). In Karmay S. G. The Arrow and the Spindle. Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet, Kathmandu, Nepal, Mandala Book Point, 2014 [2005]. Vol. 2. P. 504–517.

Menggu houdai 2016 – Menggu houdai zai Zangqu Kangbei Zangqu Huoer yuanlai shi zheme laide // Ganzixinwenwang [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ganzixinwen.com/wh/kzrw/rwls/n5716.html> (дата обращения: 01.03.2016.)

Nag-dban-blo-bzan-rgya-mtsho. 2014. The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai Lama, transl. by S. G. Karmay. Serindia Publications.

Rockhill W. W. The Land of the Lamas: Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet. New York: Century, 1891.

Samuel J. 1982. Tibet as a Stateless society and some Islamic Parallels // Journal of Asian Societies. 1982. 41 (2). P. 215–229.

Samuel J. Civilized shamans. Buddhism in Tibetan societies. Washington and London: Smithsonian Institution Press, 1993.

Shakabpa Ts. W.D. Tibet. A Political History. Yale University Press, 1967.

Stein R. A. Tibetan Civilization. Stanford, California: Stanford University Press, 1972.

Teichman E. Travels of a Consular Officer in North-West China. Cambodge: University Press, 1921.

Wang Furen Meng-Zang minzu guanxi shilüe. Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1985.

Zhou Xiying, Jia Guangrong (zhubian). 1989. Zangchuan fojiao siyuan ziliao xuanbian [Selected materials on the Tibetan Buddhist Monasteries]. Chengdu: Sichuan sheng minzu shiwu weiyuanhui.

Цэндмаа Энхчимэг

Ph.D

Институт истории и этнологии Монгольской академии наук

Улан-Батор, Монголия

rigvady@yahoo.com

К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАНИИ АГИНСКИХ БУРЯТ В МОНГОЛИИ

Начало XX в. стало переломным моментом не только для Монголии, но и для всего остального монгольского мира. В это время Монголия сбросила чужеземное владычество и приобрела свою независимость. Этот процесс оказал непосредственное влияние на судьбы монголов, обитавших на территории сопредельных стран. В результате борьбы за консолидацию и суверенитет всего монгольского мира, начиная с середины 1910 гг., в Монголию стали переселяться и внутренние монголы, и буряты, что явилось отражением процесса возрождения национального самосознания монгольского мира. Проблема миграции бурят вообще и агинских бурят в частности вызывает интерес у многих исследователей наших стран. В данном докладе сделана попытка осветить миграцию агинских бурят в Монголию и вклад Нанжины Санжаа, который сыграл решающую роль в переходе агинских бурят в монгольское подданство и создании первой административно-территориальной единицы агинских бурят в Монголии. Являясь инициатором миграции своих земляков, Нанжины Санжаа стал признанным главой агинских бурят-переселенцев. Чтобы обосноваться на новой исторической родине им пришлось не единожды откочевывать к югу из одного места на другое, пока они не добрались до Халхин-Гола, где усилиями Н. Санжаа удалось не только обосноваться там на законных основаниях, но и создать первую в Монголии административно-территориальную единицу – бурятский хошун Халха-Нумруг. Но агинским переселенцам не суждено было долго оставаться на землях Халхин-Гола. Начиная с 1930-х гг. внешнеполитическая ситуация в районе Халхин-Гола обострилась, в связи с чем пришла директива Правительства о выселении бурят назад на север. Только к 1935 г. агинские буряты-переселенцы добрались до земель своего нового поселения, где на основе бывшего хошуна была воссоздана административно-территориальная единица агинских бурят – сомон Цагаан-Овоо.

Ключевые слова: Нанжины Санжаа; Халхин-Гол; хошун Халха-Нумруг.

Tsendmaa Enkhchimeg

Ph.D

Institute of History and Ethnology of Mongolian Academy of Sciences

Ulaanbaatar, Mongolia

ON THE QUESTION OF SETTLEMENT OF AGA BURYATS IN MONGOLIA

The problem of migration of the Buryats in general and the Aga Buryats in particular is of interest to many researchers in our countries. This paper attempts to highlight the migration of the Aga Buryats to Mongolia and the contribution of Nanzhiny Sanzhaa, who played a crucial role in the transition of the Aga Buryats to Mongolian citizenship and the creation of the first administrative-territorial unit of the Aga Buryats in Mongolia. Being the initiator of the migration of his countrymen, Nanzhiny Sanzhaa became the recognized head of the Aga Buryat settlers. In order to settle in their new historical homeland, they had to migrate south from one place to another more than once, until they reached the borders of Khalkhin-Gol, where, through the efforts of N. Sanzhaa, they managed not only to settle legally, but also to form the first administrative-territorial unit of the Aga Buryats in Mongolia – khoshun Khalkh-Numrug. But the Aga settlers were not destined to stay on the lands of river Khalkhin-Gol for a long time. Beginning in the 1930s, the foreign policy situation in the Khalkhin-Gol region escalated, so the Government issued a directive to evict the Buryats back to the north. Only by 1935, the Aga Buryat settlers reached the lands of their new settlement, where, on the basis of the former khoshun, the administrative-territorial unit of the Aga Buryats, the Tsagaan-Ovoo somon, was recreated.

Keywords: Nanjin Sanzhaa; Khalkhin-Gol; khoshun Khalkh-Numrug.

Цыбенов Базар Догсонович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
bazar75@mail.ru

ДАУРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ МАНЬЧЖОУ-ГО¹

В статье кратко рассматривается следующий круг вопросов: формирование даурских хошунов в провинции Хинган, социально-экономические реформы, «дело Линшэна», помощь китайским партизанам, участие даурских военных в антияпонских мятежах августа 1945 г.

Ключевые слова: дауры; Маньчжоу-Го; хошуны; реформы; Линшэн; партизаны.

Tsybenov Bazar Dogsonovich
Candidate of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

DAUR SOCIETY IN MANCHUKUO

The article analyzed the following topical issues: the formation of Daurian khoshuns in Khingan province, socio-economic reforms, the "Lingsheng case", assistance to Chinese partisans, and participation of the Daurian military in the anti-Japanese mutinies of August 1945.

Keywords: Daur; Manchukuo; khoshuns; reforms; Lingsheng; partisans.

Планы Японии по формированию федеративного маньчжуро-монгольского государства нашли отклик у хулун-буирской элиты, направившей в конце ноября 1931 г. специальную делегацию в Мукден. После создания Маньчжоу-Го во главе с Пу И в марте 1932 г. была образована провинция Хинган, разделенная на четыре области. В двух из них (Северной и Восточной) компактно проживали дауры. Хайларские населяли солонский хошун Северной области провинции Хинган, а бутхаские и цицикарские – Восточную. Несмотря на малочисленность, хайларские дауры руководили Хулун-Буиром на протяжении первой трети XX в. Их элита возглавляла также солонский и ороchonский хошуны. Поэтому не случайно именно даур Линшэн был объявлен 29 марта 1932 г. главой Северной области провинции Хинган, с 1934 г. – губернатором провинции Северный Хинган. При его содействии бурят Уржин Гармаев в феврале 1933 г. стал начальником охранных войск региона [Базаров, 2001, с. 12; Базаржапов, 2005, с. 64].

Даурская элита стояла во главе Восточной области провинции Хинган. Из трех губернаторов двое были даурами, один – монголом. Во всех пяти хошунах области (Бутха, Арун, Морин-Дава, Баян, Хизагар) проживали дауры. Их чиновники руководили хошунными администрациями. Например, в хошуне Морин-Дава с августа 1932 г. по август 1945 г. у руля власти находились дауры Ба Цзиньбао, Эрдэн-Мэнгэ, Тарияту, Жидату, Санжижаб. Частую смену хошунного руководства, очевидно, можно объяснить японской практикой перевода чиновников на новое место работы, лишавшей их возможности обрасти нужными связями. В годы Маньчжоу-Го продолжилось переселение цицикарских дауров, начавшееся в период Китайской Республики. Они заселяли территории вновь созданных хошунов Арун, Бутха, Баян и Хизагар. По подсчетам, около 12 тыс. чел. покинули уезд Лунцзян – основное место проживания цицикарских дауров [Цыбенов, 2019, с. 84]. Во всех вышеуказанных хошунах

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

руководителями были назначены дауры. Так, в хошуне Арун главами являлись Тарияту, Цяо Шужэнь, Ду Цзочэнь; Бутхе – Цзинь Яочжоу, Жидату, Собо; Баяне – Чжужэньтуобу, Ахантай, Го Синъюань, Тарияту; Хизагаре – Э Фаньгу, Мо Цзюйю, Го Синъюань, Ао Юйсян [中国达斡尔族通史, 2018, p. 386–387].

В даурских хошунах активно проводились социально-экономические мероприятия. После выхода официального постановления «Временный закон о “баоцзя”» в декабре 1933 г. началось ее претворение в жизнь и на землях бутхаских дауров. Первым населенным пунктом, где был внедрен институт «баоцзя», явилась деревня Гоничен в волости Дэнтэкэ [莫力达瓦, 1998, p. 23]. В 1935 г. для сбора продовольственного налога были созданы 8 общественных зернохранилищ. Предпринимались меры по предупреждению наводнений. В 1936 г. сооружена защитная дамба протяженностью более 8 км от сел. Инхэ до Вонюту. В феврале 1936 г. открыто почтовое отделение в пос. Буси. В том же году установлены столбы линии телеграфной и телефонной связи, соединившие Нэхэ и Буси. Марионеточные власти использовали организацию «Сехэхуэй» (Общество согласия) для призывов к активизации сельского кооперативного движения и земледельческих работ, внедрения различных программ развития [莫力达瓦, 1998, p. 24–25].

Даурская элита, пошедшая на сотрудничество с японцами и марионеточной администрацией, со временем осознала истинную колониальную сущность намерений японских оккупантов. Губернатор провинции Северный Хинган Линшэн со своими соратниками попытался противодействовать им. По данным японского историка Като Киефуми, Линшэн выступал против заселения региона китайскими и японскими иммигрантами и руководство Квантунской армии опасалось его. Используя генерала армии Маньчжоу-Го Уржина Гармаева, вступившего в явный конфликт в Линшэном, японцы пытались ограничить его влияние [Победа на Халхин-Голе, 2021, с. 168]. По мнению даурских историков, Линшэн передавал информацию о японских войсках в Хулун-Буире советским и монгольским спецслужбам [История дауров, 2018, с. 424]. Эти данные не основаны на конкретном фактическом материале, поэтому их достоверность остается под вопросом. По «делу Линшэна» в апреле 1936 г. были взяты под стражу около 10 чел., в их числе Шадалту, Хуалинтай, Рунъан, Эрхимбаяр. Все они обвинялись в связях с МНР и СССР [Abida, Bodo, 2017, с. 32]. Линшэн и три его сподвижника были казнены, остальные приговорены к длительным тюремным срокам. На наш взгляд, эта показательная казнь возымела обратный эффект: даурское общество, недовольное решением японцев, большей частью обращается в сторону китайских партизан, СССР и МНР. На передний план выступают бывшие студенты советских и монгольских учебных заведений; лица, так или иначе связанные с этими странами. Именно они становятся в авангарде антияпонского движения.

В сентябре 1939 г. под руководством КПК и Комитета области Бэй Ман (Северная Маньчжурия) был образован Хулун-буирский партизанский округ. Было принято решение о превращении местностей Загдагачи, Алихэ и других таежных районов северо-восточного Китая в базу третьего направления объединенного войска антияпонского сопротивления. Места компактного проживания даурского народа – хошуны Баян, Мориндава, Нэхэ-сянь – стали одними из мест подготовки для нанесения ударов по японским оккупантам. В это тяжелое время даурский народ, не страшась невзгод, встал на путь сопротивления японцам на северо-восточных землях и по мере сил помогал объединенным войскам [Даур..., 1989, с. 221–223]. Активную деятельность развернули хайларские подпольщики. Среди них можно отметить Найралту (кит. Го Вэнгуэй), в середине 20-х гг. XX в. работавшего в кооперативном движении Хулун-Буира. Он стал руководителем подпольной группы Хайлара. Костяк подпольной организации Хайлара составили дауры пос. Баян-Тохой (Нантун). Эта группа собирала сведения о военных аэродромах, стратегически важных укрепленных пунктах, военных предприятиях, местах дислокации воинских частей, складов.

В августе 1945 г. офицеры и курсанты пехотного училища в Ваньмяо под руководством даура Ван Хайшаня подняли мятеж и, уничтожив японских инструкторов, добровольно сдались в плен советским войскам, стремительно преодолевшим хребты Большого Хингана. Примерно в это же время генерал армии Маньчжоу-Го Го Вэньгун (даур по национальности) также поднял мятеж и добровольно сдался советским войскам. Другой генерал, выходец из дауров Го Вэньлин известен как организатор вооруженного мятежа 11 августа 1945 г. в районе р. Шэнэхэн Солонского хошуна [Abida, Vodo, 2017, с. 34]. В течение 10 минут все японцы численностью более 20 чел. были перебиты. Затем Го Вэньлин распорядился отправить парламентаря, бурята Жамсарана к частям Красной Армии с предложением сдаться в плен [中国达斡尔族通史, 2018, р. 440].

Таким образом, выяснено, что в годы Маньчжоу-Го даурская элита назначалась японцами на руководящие должности на провинциальном и хошунном (районном) уровнях. Но все же в даурском обществе росло недовольство колониальным режимом. Казнь в 1936 г. губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и его чиновников явилась катализатором роста антияпонских настроений в даурском обществе, со временем проявившегося в создании и активизации подпольной группы в Хайларе и усилении помощи китайским партизанам.

Литература:

Базаров Б. В. Генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 37 с.

Базаржапов В. Б. Буряты на службе Отечеству. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 2005. 152 с.

Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины / отв. ред. А. С. Железняков, Е. Л. Катасонова. М.: ИВ РАН, 2021. 348 с.

Цыбенков Б. Д., Ли Пин. Национальные меньшинства Китая на изломе эпох: цыцикарские дауры в 1913–1945 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 27. С. 80–89.

Abida, Vodo. Qingyan qoyitu muji-yin toyimu bayidal // Qayurmay Manču ulus-un Qingyan-u teüke-yin material. Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2017. P. 29–34.

Dayur ündüsüten-ü tobči teüke / naiyayulan biçikü duyuyilang naiyayulaba; Men Zhidun, Üljejitü, Bayar. Kökeqota: Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1989. 300 p.

莫力达瓦达斡尔族自治旗志. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1998. 1149 p.

中国达斡尔族通史: 全3册 / 孟志东主编. 沈阳: 辽宁民族出版社, 2018.

Нилогов Алексей Сергеевич

кандидат философских наук

Хакасский научно-исследовательский институт

языка, литературы и истории

Абакан, Российская Федерация

nilogov1981@yandex.ru

ОБЩИЕ ПРЕДКИ РУССКИХ И БУРЯТ, БУРЯТ И ХАКАСОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ

В статье рассматривается вопрос определения общих генетических мужских предков у современных русских и бурят, бурят и хакасов по данным генетической генеалогии. В результате сравнения преобладающих гаплогрупп, характерных для русских и бурят, бурят и хакасов удалось установить приблизительное время жизни их ближайших общих предков по прямым мужским линиям.

Ключевые слова: генофонд; русские; буряты; хакасы; генетическая генеалогия; снп-мутация; гаплогруппа; Y-хромосома; ближайший общий предок.

COMMON ANCESTORS OF RUSSIANS AND BURYATS, BURYATS AND KHAKAS FROM THE POINT OF VIEW OF GENETIC GENEALOGY

The article considers the issue of determining the common genetic male ancestors of modern Russians and Buryats, Buryats and Khakas according to genetic genealogy. As a result of comparing the prevailing haplogroups characteristic of Russians and Buryats, Buryats and Khakas, it was possible to establish the approximate life time of their recent common ancestors in direct male lines.

Keywords: geen pool; Russians; Buryats; Khakas; genetic genealogy; SNP; haplogroup; Y-chromosome; recent common ancestor.

Введение. Современные ДНК-генеалогические исследования призваны продемонстрировать определенную степень генетического родства всех людей, помогая найти место для каждого на родословном (филогенетическом) древе жизни. В наших предыдущих работах был рассмотрен вопрос определения общих генетических мужских предков у современных русских и хакасов, русских и тувинцев, хакасов и тувинцев по данным ДНК-генеалогии [Нилогов, 2019, 2022]. Мы решили продолжить серию статей по установлению общих генетических предков – на этот раз для русских и бурят, бурят и хакасов, используя новую научную информацию.

В работе мы будем использовать такие научные понятия, как ДНК, гаплогруппа, гаплотип и снип-мутация. ДНК – это дезоксирибонуклеиновая кислота, сложная молекула, в которой содержится наследственная информация об организме. Гаплогруппа – это группа схожих гаплотипов, имеющих общего предка, у которого произошла мутация, унаследованная всеми потомками. Термин «гаплогруппа» широко применяется в популяционной генетике и генетической генеалогии (ДНК-генеалогии, молекулярной генеалогии). Генетическая генеалогия изучает генетическую историю человечества с помощью исследования гаплогрупп Y-хромосомы (Y-ДНК) и митохондриальной ДНК (мтДНК). Генетические маркеры Y-ДНК передаются с Y-хромосомой исключительно по отцовской линии, т.е. от отца – сыновьям, а маркеры мтДНК по материнской линии – от матери всем детям. Таким образом, мужчины являются носителями маркеров Y-ДНК и мтДНК, а женщины – только мтДНК [ISOGG]. Вторым важным термином – снип (снип-мутация, снип-маркер; от англ. SNP – Single Nucleotide Polymorphism, то есть «одионочная нуклеотидная вариация»). Это необратимая метка в ДНК, фактически помечающая роды и племена, которые состоят из потомков одного общего предка – патриарха рода.

Структура генофонда бурят. Коллектив ученых из Научно-исследовательского института медицинской генетики СО РАМН (Томск) и Бурятского государственного университета (В. Н. Харьков, К. В. Хамина, О. Ф. Медведева, К. В. Симонова, Е. Р. Еремина, В. А. Степанов) в 2014 г. опубликовал обобщающую статью «Генофонд бурят: клинальная изменчивость и территориальная подразделенность по маркерам Y-хромосомы» [Харьков и др., 2014]. В ходе экспедиции было протестировано 298 мужчин из восьми географических групп Республики Бурятия и бывшей Читинской области (ныне Забайкальский край), охватывающих коренное население региона. В результате были получены следующие данные о распределении гаплогрупп по Y-хромосоме (табл. 1):

Таблица 1. Распределение гаплогрупп Y-хромосомы в популяционных выборках бурят

206

Гаплогруппа	Частота встречаемости, % (N)								Всего (N = 298)
	Запад		Юг			Восток			
	Окинский р-н (N = 53)	Курумканский р-н (N = 23)	Улан-Удэ (N = 26)	Кяхтинский р-н (N = 27)	Джидинский р-н (N = 31)	Кижингинский р-н (N = 64)	Еравнинский р-н (N = 30)	Агинский АО (N = 44)	
C3*	1.9 (1)	8.7 (2)	23.1 (6)	11.1 (3)	22.6 (7)	1.5 (1)	–	4.5 (2)	7.3 (22)
C3c	3.8 (2)	–	7.7 (2)	3.8 (1)	3.2 (1)	1.5 (1)	6.7 (2)	4.5 (2)	3.7 (11)
C3d	58.5 (31)	73.9 (17)	30.8 (8)	18.5 (5)	19.3 (6)	12.6 (8)	30.0 (9)	4.5 (2)	28.8 (86)
E	–	–	–	–	–	4.7 (3)	3.3 (1)	–	1.3 (4)
N1b	–	4.3 (1)	–	–	–	–	–	–	0.3 (1)
N1c1	22.6 (12)	8.7 (2)	38.4 (10)	37.0 (10)	19.3 (6)	78.2 (50)	60.0 (18)	77.4 (34)	48.0 (142)
O3a*	–	–	–	11.1 (3)	3.2 (1)	–	–	2.3 (1)	1.7 (5)
O3a3c*	7.5 (4)	–	–	–	–	–	–	–	1.3 (4)
O3a3c1	1.9 (1)	4.3 (1)	–	–	–	1.5 (1)	–	–	1.0 (3)
R1a1a	3.7 (2)	–	–	18.5 (5)	9.8 (3)	–	–	4.5 (2)	4.0 (12)
R2a	–	–	–	–	22.6 (7)	–	–	2.3 (1)	2.6 (8)
<i>H</i>	0.6089 ± ± 0.0623	0.4545 ± ± 0.1234	0.7262 ± ± 0.0423	0.7977 ± ± 0.0479	0.8387 ± ± 0.0266	0.3770 ± ± 0.0724	0.5632 ± ± 0.0720	0.4027 ± ± 0.0928	0.6799 ± ± 0.0203

ХАРЬКОВ и др.

ГЕНЕТИКА том 50 № 2 2014

Примечание. N – объем выборки.

Табл. 1. Распределение гаплогрупп Y-хромосомы у бурят [Харьков и др., 2014, с. 206]

Итак, у бурят обнаружено 11 гаплогрупп по Y-хромосоме, 2 из которых являются преобладающими: C3* (7,3%, N = 22), C3c (3,7%, N = 11), C3d (28,8%, N = 86), E (1,3%, N = 4), N1b (0,3%, N = 1), N1c1 (48%, N = 142), O3a* (1,7%, N = 5), O3a3c (1,3%, N = 4), O3a3c1 (1%, N = 3), R1a1a (4%, N = 12), R2a (2,6%, N = 8). По словам генетиков, «в целом буряты отличаются очень специфичным составом гаплогрупп и пониженным генетическим разнообразием по сравнению с представителями других южносибирских этносов (алтайцев, телеутов, хакасов, тувинцев)» [Харьков и др., 2014, с. 207].

Расчетно-методологическим аппаратом для филогенетического сравнения выбрана база данных YFull, в которой аккумулируются генетические образцы из лабораторий со всего мира.

Ближайшие общие предки русских и бурят. Как известно, среди современных русских мужчин мажорной (преобладающей) Y-гаплогруппой является – R1a (в среднем – 48% мужской популяции) с характерными «европейскими» снип-мутациями Z280 и M458 [Yfull]. Лишь у 4% бурят также выявлена гаплогруппа R1a1a-M198 (3-я по численности после C и N). Это означает, что и у половины современных русских, и у 4% современных бурят несколько тысяч лет назад жил общий генетический предок по прямой мужской линии. Снип-мутации M458 и Z280 являются дочерними снип-мутации Z282, а она, в свою очередь, дочерней снип-мутации Z283, которая возникла примерно 5 тысяч лет назад. Снип-мутация Z93 появилась также приблизительно 5000 лет назад, являясь дочерней, как и снип-мутация Z283, для предковой снип-мутации Z645, возникшей около 5,4 тысяч лет назад [YFull]. В

итоге, имеем следующий фрагмент родословного (филогенетического) дерева снип-мутаций Y-хромосомной гаплогруппы R1a (рис. 1):

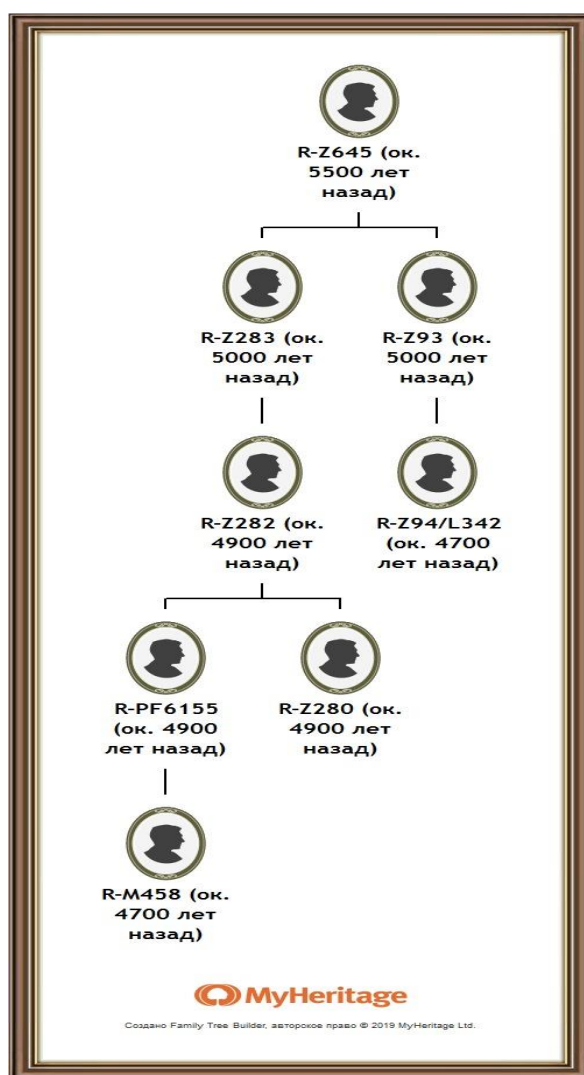

Рис. 1. Фрагмент филогенетического дерева снипов Y-хромосомной гаплогруппы R1a [Нилогов, 2019]

Снип-мутации Z283 и Z93 аналогичны родным братьям в классическом генеалогическом древе, тогда как снип-мутация Z645 аналогична отцу. Следовательно, общий предок по прямой мужской линии для 48% русских и 4% бурят жил примерно 5,5 тысяч лет назад [YFull].

Теперь обратимся к самой преобладающей гаплогруппе, выявленной у бурят (48%). Речь идет о гаплогруппе N, а именно о субкладе – N1c1-M178 (в современной номенклатуре – N1a1). Гаплогруппа N1c1-M178 найдена у 48% протестированных (N = 142) [Харьков и др., 2014, с. 206]. Эта 3-я по численности гаплогруппа у русских – ее доля в среднем составляет 16–20%. По расчетам YFull общий предок по этой гаплогруппе для 16–20% русских и 48% бурят жил примерно 16 тысяч лет назад [YFull]. Субклад N1c1-M178 образовался около 16 тысяч лет назад, тогда как сама гаплогруппа N сформировалась приблизительно 36,8 тысяч лет назад [YFull]. Из фрагмента филогенетического дерева Y-гаплогрупп мы видим (рис. 2), что общим предком для гаплогруппы N и R является гаплогруппа K2, которая образовалась около 45,4 тысяч лет назад [YFull].

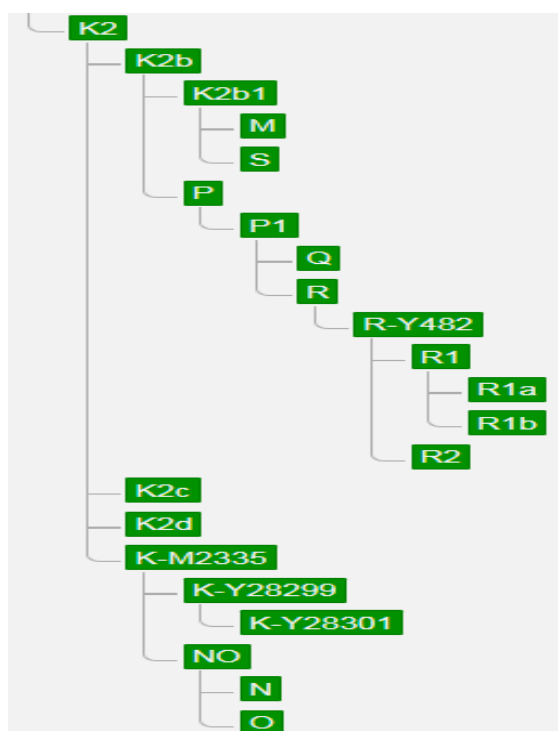

Рис. 2. Фрагмент филогенетического дерева гаплогрупп Y-хромосомы [YFull, 2019]

Ближайшие общие предки бурят и хакасов. Теперь выясним ближайших общих предков для современных бурят и хакасов по Y-хромосоме. Генофонд хакасов изучался такими российскими генетиками, как О. В. Штыгашева, В. Г. Волков, В. Н. Харьков, В. А. Степанов и др. ([Штыгашева и др., 2010], [Харьков и др., 2011, 2012, 2017, 2020]; см. также: [Деренко и др., 2006]). В 2007–2008 гг. ими был проведен сбор ДНК-материала у хакасских мужчин ($N = 251$), проживавших в трех районах Республики Хакасия – Аскизском, Таштыпском и Ширинском. В результате были получены следующие данные о распределении гаплогрупп по Y-хромосоме (табл. 2):

Таблица 1. Распределение гаплогрупп Y-хромосомы у хакасов

Гаплогруппа	Частота встречаемости, % (N)							
	Аскизский район			Таштыпский район		Ширинский район		Всего (N = 251)
	Полтаков (N = 44)	Усть-Чуль (N = 41)	Кызлас (N = 34)	Магур (Сагайцы/Шорцы) (N = 46)	Бутрахты (N = 35)	Спирин (N = 22)	Топанов (N = 29)	
C3 (xM77)	–	–	–	–	–	–	7 (2)	0.8 (2)
E (M1)	–	–	–	–	3 (1)	–	–	0.4 (1)
N* (xP43, M178, M128)	4.5 (2)	–	–	–	–	–	–	0.8 (2)
N1b (P43)	34.5 (15)	56 (23)	50 (17)	15.2 (7)	11 (4)	86.5 (19)	89.5 (26)	44.2 (111)
N1c (M178)	25 (11)	24 (10)	15 (5)	39.2 (18)	14 (5)	4.5 (1)	–	19.9 (50)
Q (xM3)	–	–	–	2.1 (1)	28 (10)	–	3.5 (1)	4.8 (12)
R1a1a (xM458)	36 (16)	20 (8)	32 (11)	43.5 (20)	36 (13)	9 (2)	–	27.9 (70)
R1b1b1 (M73)	–	–	3 (1)	–	6 (2)	–	–	1.2 (3)
H	0.703 ± 0.027	0.602 ± 0.055	0.642 ± 0.052	0.663 ± 0.036	0.765 ± 0.042	0.255 ± 0.116	0.197 ± 0.095	
H YSTR	0.942 ± 0.019	0.931 ± 0.024	0.959 ± 0.021	0.957 ± 0.017	0.985 ± 0.011	0.792 ± 0.086	0.704 ± 0.081	

Примечание: H – генное разнообразие по гаплогруппам; H YSTR – генное разнообразие по микросателлитным гаплотипам.

Табл. 2. Распределение гаплогрупп Y-хромосомы у хакасов [Харьков и др., 2011, с. 449]

Итак, у хакасов обнаружено 9 гаплогрупп по Y-хромосоме (C3, E, N*, N1b, N1c, Q, R1a1a, R1b1b1), 2 из которых являются доминирующими: N (субгаплогруппы N1b (44,2%, N = 111), N1c1 (19,9%, N = 50)) и R1a1a (27,9%, N = 53). В целом на эти 2 гаплогруппы приходится 92% (N = 214). У бурят на 2 преобладающие гаплогруппы приходится 88,1% (N = 262). Следовательно, мы можем определить ближайших общих предков для бурят и хакасов по нескольким гаплогруппам.

По расчетам YFull последний общий предок для 19,9% хакасов и 48% бурят по гаплогруппе N1c1-M178 жил около 15,8 тысяч лет назад [YFull]. Несмотря на то, что сегодня можно установить общих предков для любых людей по Y-хромосоме (патрилинейно), митохондриальной ДНК (матрилинейно) и аутосомной ДНК (смешанно), генетические маркеры позволяют выявлять и различия между представителями того или иного этноса, включая родоплеменную структуру. Так, исследование 2014 г. показало генетическую подразделенность бурят на три популяции – западную, восточную и южную, а также на сильную генетическую близость бурят к монголам: «Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что на границе Саян и Забайкалья в генофонде коренных южносибирских этносов проходит сильный генетический барьер, отделяющий популяции Алтая, Саян и всей Западной Сибири от более восточных соседей, с преобладанием центральноазиатского генетического компонента» [Харьков и др., 2014, с. 212].

Что касается полногеномного секвенирования Y-хромосомы у бурят, то в базе YFull имеются данные по мутациям всего нескольких доноров, чья филогения имеет следующую цепь снипов, которую в перспективе необходимо изучить по устно-документальным родословным с целью их верификации.

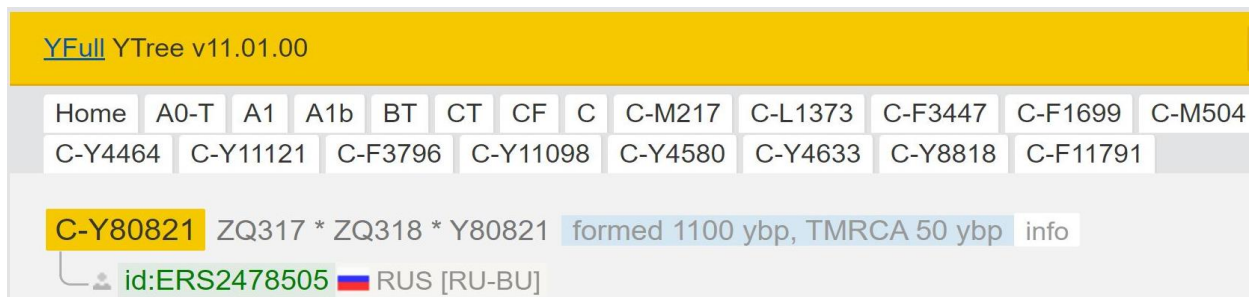

Рис. 3. Фрагмент филогенетического дерева Y-гаплогруппы C [YFull, 2023]

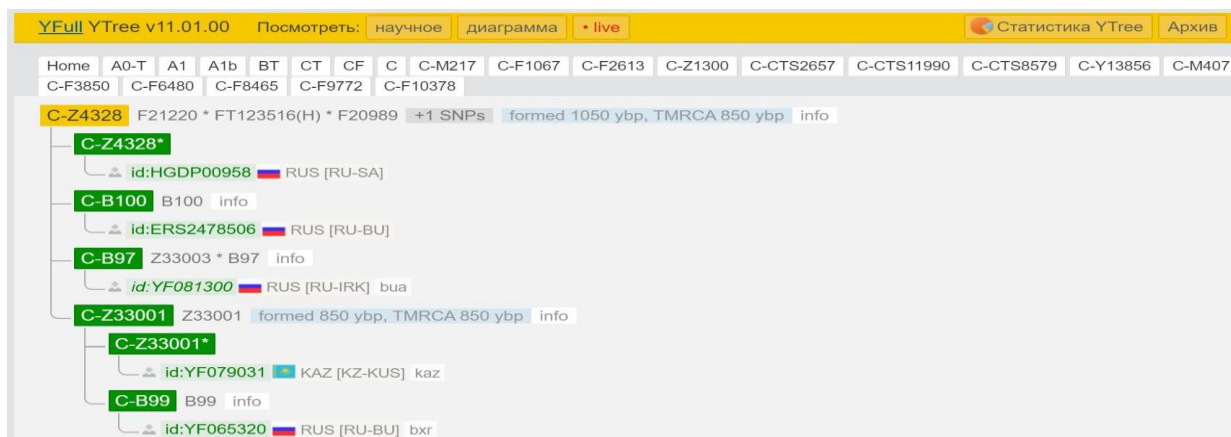

Рис. 4. Фрагмент филогенетического дерева Y-гаплогруппы C [YFull, 2023]

Дальнейшие ДНК-исследования по Y-хромосоме русских, бурят и хакасов позволят уточнить хронологию и детализировать филогению снип-мутаций для определения ближайших общих предков этих трех народов (см. также: ([Tambets K. et al., 2018], [Клесов, 2021, с. 395–396]).

Источники и литература:

International Society of Genetic Genealogy (ISOGG) [Электронный ресурс]. URL: <https://isogg.org/tree/> (дата обращения: 01.03.2023).

Tambets K. et al. Genes reveal traces of common recent demographic history for most of the Uralic-speaking populations // *Genome Biology*. 2018. V. 19. № 1.

YFull Tree v.11.01.00 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yfull.com/tree/> (дата обращения: 01.03.2023).

Деренко М. В., Малярчук Б. А., Возняк М., Дамбуева И. К., Доржу Ч. М., Лузина Ф. А., Ли Х. К., Мишчицка-Шлипка Д., Захаров И. А. Разнообразие линий Y-хромосомы у коренного населения Южной Сибири // *Доклады Академии наук*. 2006. Т. 411. № 2. С. 273–277.

Клессов А. А. Народы России. ДНК-генеалогия. СПб.: Питер, 2021. 784 с.

Нилогов А. С. Ближайший общий предок русских и хакасов по данным ДНК-генеалогии // *Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посв. 75-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (26–27 сентября 2019 г.)*. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2019. С. 79–83.

Нилогов А. С. Ближайший общий предок русских, тувинцев и хакасов по данным генетической генеалогии // *Материалы международной научно-практической конференции «Вековой путь развития Тувы: политический, экономический, социокультурный, правовой и экологический аспекты» (08 декабря 2021, г. Кызыл)*. Кызыл, 2022. С. 58–68.

Нилогов А. С. ДНК-генеалогия народов // *Материалы III межрегиональной Западно-Сибирской родоведческой научно-практической конференции (27 ноября 2022 г., г. Новосибирск)*. Новосибирск: печатное изд-во «Агро-Сибирь», 2023. С. 85–89.

Харьков В. Н. Структура и филогеография генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы: дис. ... докт. биолог. н. Томск, 2012. 397 с.

Харьков В. Н., Новикова Л. М., Штыгашева О. В., Агеева Е. С., Волков В. Г., Хитринская И. Ю., Степанов В. А. Анализ родоплеменной структуры хакасов по маркерам Y-хромосомы // *Медицинская генетика*. 2017. Т. 16. № 12. С. 35–38.

Харьков В. Н., Новикова Л. М., Штыгашева О. В., Лузина Ф. А., Хитринская И. Ю., Волков В. Г., Степанов В. А. Генофонд хакасов и шорцев по маркерам Y-хромосомы: общие компоненты и генетическая структура родов // *Генетика*. 2020. Т. 56. № 7. С. 826–833.

Харьков В. Н., Хамина К. В., Медведева О. Ф., Симонова К. В., Ерёмкина Е. Р., Степанов В. А. Генофонд бурят: клинальная изменчивость и территориальная подразделенность по маркерам Y-хромосомы // *Генетика*. 2014. Т. 50. № 2. С. 203–213.

Харьков В. Н., Хамина К. В., Медведева О. Ф., Штыгашева О. В., Степанов В. А. Разнообразие генофонда хакасов: внутриэтническая дифференциация и структура гаплогрупп Y-хромосомы // *Молекулярная биология*. 2011. Т. 45. № 3. С. 446–458.

Штыгашева О. В., Агеева Е. С., Харьков В. Н., Степанов В. А. Гены и болезни хакасов. Красноярск: Поликолор, 2010. 296 с.

Чанкова Ирина Викторовна
кандидат философских наук
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Российская Федерация
chanari@mail.ru

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И КИТАЯ
(ПО КИТАЙСКИМ ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ И
АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)**

Сведения о взаимодействии народов Южной Сибири и Китая, содержащиеся в китайских письменных источниках, подтверждаются археологическими материалами с древнейших времен до средневекового периода. По мнению автора, расцвет взаимодействия этих народов приходится именно на период эпохи Тан.

Ключевые слова: китайские письменные источники; археологические материалы; народы Южной Сибири; перевод китайских письменных источников.

Chankova Irina Viktorovna
Candidate of Sciences in Philosophy
Khakass Research Institute
of Language, Literature, and History
Abakan, Russian Federation

**INTERACTION OF PEOPLES OF SOUTH SIBERIA AND CHINA
(ACCORDING TO CHINESE WRITTEN SOURCES AND
ARCHAEOLOGICAL MATERIALS)**

The data on interaction of peoples of South Siberia and China in Chinese written sources are confirmed by archaeological materials from the most ancient times to the medieval period. The author considers it is the Tang period when the peak of interaction of these peoples took place.

Keywords: Chinese written sources; archaeological materials; peoples of South Siberia; translation of Chinese written sources.

Сведения для данной статьи мы черпаем из работ Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера, а также из археологических материалов Л. Р. Кызласова, Л. А. Евтюховой и др. Из имеющихся китайских письменных источников наиболее содержательные сведения о народах Южной Сибири начинаются с эпохи Хань, связанные с китайским ханьским полководцем Ли Лином. Считается, что Ли Лин проживал на современной территории Хакасии и, возможно, в «ташебинском дворце». Китайцы связывались с Ли Лином после его пленения гуннами и отражали некоторые события в своих письменных источниках, попутно излагая сведения о народе, быте, среди которых проживал китайский полководец Ли Лин. В переводе Н. Я. Бичурина сообщается, что в последующем было четыре посольства в Китай (эпоха Тан), подробных сведений об этих посольствах в научном обороте на русском языке не имеется.

Взаимодействие между народами Южной Сибири и Китая также проходило и по другим сферам, в частности в торговле. Из Южной Сибири предполагается, что в Китай отправлялись железо, лошади, оружие, различные орудия. В одном из отрывков переводов сообщается, что у проживавшего в Южной Сибири китайцы выведывали происхождение так называемого оружия «железного дождя», но переводчик так и не сумел описать производство «железного дождя», кроме того, что собирают «железо дождя» сразу же

окончанию дождя, в процессе сбора «железо дождя» много людей ранятся и умирают, но, если не собрать в течение какого-то времени после дождя, этот материал уже сложно найти. Данные о «железе дождя» отражены в китайских письменных источниках династии Тан и Сун (VII–XIII вв.) и это оружие было хорошо известно в раннем средневековом Китае.

Л. Р. Кызласов по результатам археологических раскопок приходит к выводу, что в таштыкскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.) черная металлургия выделилась в особую отрасль, возникли специализированные поселения рудокопов, металлургов и кузнецов, где одновременно действовали десятки плавильных горнов. Выплавлялся металл высокого качества, было налажено производство цельнокаменных, наварных и цементированных орудий, производство среднеазиатского металлургического центра отличалось большой самобытностью и высокоорганизованностью. Тагарское производство оказало заметное воздействие на ряд культур восточных областей. В Дунбэе встречаются бронзовые и каменные подражания тагарскому оружию, украшениям и предметам быта. Существовали бронзолитейные мастерские, где были особые горны для выплавки меди из руды и тигельные печи для приготовления сплавов с добавлением олова, мышьяка, никеля, цинка, свинца и т.д. [Кызласов, 1993, с. 30, 41]. Также были найдены бронзовые зеркала с иероглифическими надписями, отлитые в древнекитайском царстве Чу, что свидетельствует об установлении прямых связей и создании первого меридионального торгового пути между Южной Сибирью и некоторыми царствами Древнего Китая. Также предполагается, что в обмен на предметы роскоши из Южной Сибири скорее всего поставляли пушнину, золото и другие товары. Знать того времени носила одежду из ценных мехов зимой и шелковых тканей летом, также были в обращении бронзовые монеты эпохи Хань. Л. Р. Кызласов предположил, что найденные предметы с текстами на китайском и других языках появились на территории Южной Сибири в IV–III вв. до н.э. [Там же, с. 29, 42]. Следует отметить, по шелковому пути, проложенному Чжан Цянем в 138–126 гг. до н.э., верблюжьи караваны шли с шелком и бронзовыми зеркалами через Турфанскую впадину [Кольцов, Кольцова, Эрдни-Горяев, 2015, с. 15]. Предполагаем, что Турфанская впадина была географически доступна народам Южной Сибири и в древности.

П. И. Шульга сравнил конструкцию найденных на территории минусинских «скребниц» с шипастыми псалиями из Северного Китая, найденными в захоронении XII–XI в. до н.э. у деревни Мэйюаньчжуан в Аньяне в Китае. Всего выделяются 4 типа таких изделий, два из них представляют собой известные типы псалиев для Китая. Два других совершенно необычны для Китая и представлены единичными экземплярами. Они являются разновидностями ажурных рамочных шипастых псалиев («скребниц»), в большом количестве представленных на территории Южной Сибири [Шульга, 2022, с. 156–157]. Археологами Китая находились и другие элементы, присущие культуре Южной Сибири, что подтверждает взаимосвязь, взаимообмен товарами народов Южной Сибири и Китая с самой древности, не только из Китая шли товары на территорию Южной Сибири, но и в Китай. В переводах китайских источников содержится буквально пара предложений об отправке лошадей с территории Южной Сибири в Китай, но на сегодня других сведений, подтверждающих данную запись, в научном обороте не имеется.

Китайские отвалы плугов, найденные в Южной Сибири, традиционно датируются эпохой Тан (618–907), при этом авторы ссылаются на работу Л. А. Евтюховой 1948 г. Обращение к первоисточнику показывает, что эта датировка основана на устном сообщении китайских ученых, участвовавших в подготовке выставки китайского искусства в Москве и ознакомившихся с единственным образцом из коллекции Государственного исторического музея [Евтюхова, 1948, с. 82]. С. В. Киселев в своей работе указал, что в 1940 г. предмет осмотрели хранители пекинского музея бывшего императорского дворца искусствовед Фу Чжэнлун и палеограф-каллиграф Ли Найчжи. На основании эпиграфических данных они датировали орудие дотанским периодом, с наибольшей вероятностью V в. н.э. Сообщается также, что на тыльной стороне отвала «читается рельефная надпись “человек сделал”, но не указано, когда и кем был сделан перевод» [Кудинова, 2022, с. 271]. Предполагается, что

отвалы плугов были произведены в деревне Циянцунь провинции Хэбэй. Споры о датировке данного изделия продолжаются.

Серебряный кубок, который принесли 19 февраля 1722 г. Д. Г. Мессершмидту с несколькими медными вещами из «курганов» для продажи, им не был куплен, но был сделан рисунок в трех плоскостях и помещен в альбоме «Sibiria perlustrata». Ученые подобные кубки связывают с Китаем, но датировка отличается. Б. И. Маршак енисейский кубок относит ко второй половине VII в., А. А. Гаврилова датировала этот кубок концом IX – началом X вв. [Митько, 2022, с. 275–276]. К сожалению, кубок утерян, сохранился только рисунок.

В Уйбатском Чаа-таса была найдена китайская лаковая чашечка, предполагаемая датировка относится к периоду эпохи Тан, также там было найдено стремя, совпадающее по форме со стремями из Северного Китая. Л. А. Евтюхова приходит к выводу, что анализ орнамента, украшающего поверхность стремя, приводит к произведениям искусства эпохи Тан. У села Малые Копёны, расположенного вблизи Копёнского Чаа-таса была найдена золотая бляха от пояса. Ее орнамент схож с цветами, изображенными на стенках фарфорового китайского кувшина эпохи Тан, еще были собраны обломки дерева, покрытого красным китайским лаком [Евтюхова, 1948, с. 12, 30, 34].

Все эти археологические находки китайских предметов подтверждают взаимодействие народов Южной Сибири и Китая, начиная с древнейших времен до средневековья, этот процесс был непрерывным, постоянным. Наиболее тесные взаимодействия народов Южной Сибири и Китая начались с эпохи ранняя Хань, а расцвет пришелся в эпоху Тан, что является закономерным историческим процессом. Такое взаимодействие народов Южной Сибири и Китая подтверждают китайские письменные источники и археологические материалы, однако, степень глубины взаимодействия следует еще исследовать.

Литература:

- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 471 с.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: тип изд-ва «Совет. Хакассия», 1948. 111 с.
- Кольцов П. М., Кольцова К. П., Эрдни-Горяев Е. Э. Дорогами Великого шелкового пути – региональные аспекты // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 4 (28). С. 15–22.
- Кудинова М. А. О датировании средневековых отвалов плугов, найденных в Южной Сибири // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности тезисы междунар. науч. конф., посв. 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 271–274.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 390 с.
- Кызласов Л. Р., Копкочев К. Г., Быконя Г. Ф. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. 523 с.
- Митько О. А. «Этот кубок господин доктор очень хотел купить...»: к началу изучения средневековой посуды из драгоценных металлов с территории Минусинской котловины // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности тезисы междунар. науч. конф., посв. 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 275–276.
- Шульга П. И. О шипастых псалях на востоке Евразии (Северный Китай, Минусинская котловина) и расположении ранних псаляев II тыс. до н.э. // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тезисы междунар. науч. конф., посв. 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 156–157.

Siren Batu
Hulunbuir University
Hulunbuir, China
Srbt081@126.com

ENTERTAINING FOLK CUSTOMS IN BURYAT MONGOLIAN TRADITIONAL WEDDINGS

In traditional Buryat Mongolian wedding various entertainment activities are held. People of all ages, from teenagers to the elderly, actively participated; a focus was on the entertainment activities of young people. The main contents of the entertainment activities include folk entertainment projects that test their intelligence, strength, and skilled labor techniques. These entertainment projects are divided into three categories: symbolic programs, entertaining programs, and sports programs, based on their form, meaning, and characteristics.

Keywords: entertainment; Buryat Mongolian wedding; folk customs.

斯仁巴图
内蒙古自治区呼伦贝尔学院
呼伦贝尔市, 中国

布里亚特蒙古族传统婚俗中的娱乐性民俗

布里亚特蒙古族传统婚礼娱乐各项目进行时,从青少年到白发苍苍的老人都积极参加。其中,青少年的娱乐节目偏多,并以测试他们的灵活敏捷的智慧、强健的力量及娴熟技巧的民俗性娱乐项目为主。现将这些娱乐项目以其形式、意义和特征分为象征性的节目、欢乐性的节目和体育竞技性的节目等三种节目,并加以具体分析和探讨如下。

1、象征性的节目

在任何民族、部族的传统婚俗中,有很多纪念他们历史上发生的若干事件或具有告诫性的角度演化的习俗与礼节。这些习俗久而久之就演变成象征性娱乐节目习俗的事也是有的。所有这些可以从布里亚特蒙古族传统婚俗中的《换前槽肉》、《抢枕》等节目以及鄂温克族、达斡尔族传统婚俗中不理睬接媳的男方人的节目……等娱乐项目中得知或可见一斑。在布里亚特人的《换前槽肉》的传统节目中,双方打头阵的舅舅“搏克”摔跤时,在旁边各领一个人,这四个人都背背篓,双方的舅舅摆出摔跤的架势,一个对另一个轮番空转后便停止摔跤,双方都从背篓里拿出前槽肉互换后回原座坐着。在此娱乐性的习俗中,具有象征模仿古代蒙古人摔跤的场面,并且互换前槽肉的习俗,表达双方已有了亲戚关系。布里亚特人中很早以来就存在婚礼中尊敬舅舅的传统习俗。在《换前槽肉》的习俗中让双方的舅舅出来《摔跤》和《换前槽肉》是象征和表达双方都永远被得到尊重、有了亲戚永久性深情厚意的意思。在布里亚特人的《大婚礼》中,新娘进新房时必须进行《抢枕》节目。抢枕是由新郎和新娘双方抢新娘从娘家带来的枕头,并且有哪一方把枕头先抢去放到新娘的床上哪一方就能兴旺发达的说法,尔后新娘才能进新房。布里亚特人原来在嫁女时,非常注意让子女多的妇女刺绣枕头。从这里看出蒙古人把枕头当做头来重视,尤其是成为新娘的枕头象征着姑娘和姑爷的美好婚姻和生活,故把它拿去放到新房看成是最光彩、最有意义的事情,从而产生了《抢枕》节目,这

就逐渐成为一种传统的婚俗节目。换一句话来说,这就成为祝福和象征姑娘、姑爷美好生活的节目。除此以外,在布里亚特人传统婚俗中有的《把羊油和稀牛粪故意抛向姑爷衣服》的节目是从食祭演变而成的节目。这可能也就是象征新姑爷吉祥或取笑姑爷慌张的一种习俗吧。

2、欢乐性的节目

呼伦贝尔布里亚特蒙古族婚俗中,有一种叫“巴斯干宅呼”(让姑娘游玩)的习惯,它是姑娘在出嫁前要完成的一项活动。布里亚特蒙古人把未婚女子叫“巴斯干”。“宅呼”蒙古语,意思是游玩、游逛、窜门或作客,也有避、躲、逃等含意。这一风俗的具体内容大体上是这样:当姑娘临近结婚日期时,一名德高望重的长辈男人,领着将要出嫁的姑娘以及她的几位同龄女友和一位男朋友,到一家一户的亲朋好友家作客。所到之处,家家热情欢迎,杀羊备席,举行隆重的家宴。直到出嫁前几天才回到家里在布里亚特人传统婚礼中有的“巴斯干宅呼”习俗是一种具有欢乐性的节目。布里亚特人传统婚俗中最有特点的节目是《姑娘大那达慕》。它是姑娘出嫁的前一天晚上举行的。从古老遗传下来的习俗来说,姑娘那达慕是分《截下荐骨部》、《欢乐》、《藏戒指》等三个阶段进行的。姑娘那达慕上唱歌是最要的特征,且具有边唱边跳舞的辅助特点。以《藏戒指》中的歌舞为例,姑娘们进屋分两列坐定后,从某一列中一个姑娘拿戒指后,这一列的姑娘全体把手背到后边,并有节奏地晃着身体唱歌时,对方那一系列的姑娘们猜测戒指在谁手里若猜中的话就认为赢了,另一方承认输了以后就唱《藏戒指》歌。若这一方没猜中的话,也承认输了,并给对方唱歌。这样,就具有相互挑逗唱歌的习俗。所以,《藏戒指》歌舞是布里亚特部落传统婚俗中具有欢乐性的节目。

3、体育性节目

布里亚特蒙古族在婚礼结束时进行的《抢太阳》(新巴尔虎人叫《取太阳》)节目是测试骏马奔驰速度的具有赛马比赛特征的项目可谓一目了然。其中,女婿方面若提前跑到女方马队前边就算《夺得了太阳》,从而非常高兴地回来。具有这样体育性质的婚俗同样在鄂温克族中流传至今。所有这些都是自古传来的《男子汉的三大那达慕》的遗留痕迹。也是具有体育性婚俗的娱乐项目。这种传统婚礼的娱乐项目已经成为这些民族和部落民众的文化生活之主要内容之一。

在大力发展民族文化艺术的今天,把传统婚俗中的娱乐项目更好地挖掘创新,做为民族文化和经济的发展事业献上的一束鲜艳夺目的花朵,这是时代对我们的迫切要求所以,恢复和发展民族优秀的传统习俗问题,全社会应予以更加重视才对。

综上所述,与婚俗相关的娱乐项目是随着各民族婚礼的演化发展而逐渐形成的。在抢婚时期的婚礼民俗具有简单粗俗特点,因此,可能没有过与其相关的娱乐项目。由于某种原因人们的物质生活需求和精神生活的要求,随着社会生活的发展,某些婚俗和与其相关的娱乐项目自然而然得到了传承和发展。但是,变化发展过程中,物质生活需求越来越减少,有了主要满足精神生活的趋势。因此,各民族婚俗中的娱乐项目演化具有与本民族、本部族的历史文化相关的传统特征的娱乐项目。

参考文献:

石双柱 主编. 中国·布里亚特蒙古族民族文化研究[M] 中文版. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 2008年。

扎木苏 著.锡尼河布里亚特[M].海拉尔: 内蒙古文化出版社, 2010年。

Толон
Хөлөнбуйр дээд сургууль
Хөлөнбуйр, Хятад Улс
20d1num0085@stud.num.edu.mn

ШИНЭХЭЭН БУРИАДЫН УЛАМЖЛАЛТ ХУРИМ ДАХЬ БАСГАНЫ ИХ НААДМЫН ЗАН ҮЙЛИЙГ ШИНЖЛЭХ НЬ

Шинэхээн Буриадын уламжлалт хурим дахь басганы их наадам нь “ууц тавих”, “ниргэх”, “бэһэлиг нуух”, “ёохор хатирах” зэрэг дөрвөн шатаар явагдаж, сургаал захиа хайрлах ёслол үйлийн шинж ба наадан тоглож, дуулан бүжиглэх найр наадмын шинжийг уялдуулсан онцлогтой. Тус өгүүлэлд басганы их наадмын эдгээр үйл явцыг дэлгэрүүлэн өгүүлэхээр дамжин түүний соёлын утга агуулгыг шинжлэхийг зорив.

Түлхүүр үг: шинэхээн буриад; уламжлалт хурим; басганы их наадам.

Tolon
Khulunbuir Institute
Khulunbuir, China

THE STUDY OF SHINEKHEN BURYAT TRADITIONAL PRE-WEDDING CEREMONY FOR BRIDE

The traditional bride pre-wedding ceremony among Shinekhen Buryats takes place in four stages: *uuts* placement, revelry, ring hiding and *yokhor* dancing. Meanwhile, they have dedicated songs for each stage: the song of *uuts*, song of revelry, song of ring and song of *yokhor*. In general, bride's pre-wedding ceremony serves not only as a recreational source, but also as a means of imparting wisdom. This article aims to analyze the cultural meaning of the Shinekhen Buryat traditional bride pre-wedding ceremony by detailing each process.

Key words: Shinekhen Buryats; traditional wedding; bride pre-wedding ceremony.

Шинэхээн буриадуудын нутагшин суурьшиж байгаа газар орны байгалийн нөхцөл ба эрхэлж байгаа малжих үйлдвэрлэлийн бодит байдлаас шалтгаалж, төр хурим нь нэйдэмдээ жил бүрийн зургаа, долоо, найман сард төвлөрөн явагддаг зуршилтай. Хадамд мордох басганы их наадмыг их хуримын өмнө орой эцгийнх нь гэрт явагдуулдаг. басганы төрөл садан, найз нөхөд, хөрш зэргэлдээ хот усны хинь оройн нарнаар хуран цугларч ирэхэд гэрийн гадна том дүхриг засаж, гол дунд нь түүдэг гал асаагаад баруун талаар нь эрэгтэйчүүд нь, зүүн талаар нь эмэгтэйчүүд гэхчилэн нас эрэмбийн дараагаар тойрон сууна. Хадамд очих басган нөхдийнхөө хамт дүхригийн дотор талд зүүн талыг барьж дэс дараагаар сууна.

Басганы их наадам нь “ууц тавих”, “ниргэх”, “бэһэлиг нуух”, “ёохор хатирах” зэрэг дөрвөн шатаар явагдаж, сургаал захиа хайрлах ёслол үйлийн шинж ба наадан тоглож, дуулан бүжиглэх найр наадмын шинжийг уялдуулсан онцлогтой.

Нэг. Ууцын дуу: Басганы их наадмын нэгдүгээр шатанд хадамд мордох басганы өмнө, хонины ууц тавьдаг. Хонины ууц бол хатан хүний хүндэтгэлийн зоогт тооцогддог болохоор буриадууд хадамд мордох басгандаа хонины ууц тавьж, Энхрий хүүхэндээ хүндэтгэл дэвшүүлж, хүндлэн зочилдог. Үүний зэрэгцээгээр хадамд мордох басганы нагац буюу тусгай уригдан ирсэн дуучныг залж, “Ууцын дуу” дуулуулна. Тус дуу нь хадамд мордох басгандаа анхааруулан сануулж, сурган захих агуулгаар голдуулсан сургаалын дуу болно.

“Оргилоо булгийн усанд Ундлахын тухайд бугаарай, Орны холыг очв чи, Олон бүгдийн ёс юм...” гэж басган хүн хадамд очих бол амьдралын ёс зүй болохыг ойлгуулна.

“Алтан сувд эрдэнийг Арчин угаан хадгалаарай, Аав ээж хоёроо Ачлан туслан хүндлээрэй...” гэж айлын сайн бэр, амраг нөхрийн сайн хань болж явахыг сургана. “Хөвч газар бартаатай, Хүлэг морио татаарай, Хүний газар хэцүүтэй, Сэрэмжтэй л суугаарай...” гэж амьдралд тохиолдож мэдэх бартааг болгоомжлан сэрэмжилж явахыг сануулна. “Ардаг ардаг морин чинь Адуугаа гэж санах, Айдар баахан бие чинь Ааваа гэж санах, Эмнэг эмнэг морин чинь Ижлээ гэж санах, Эрх баахан бие чинь Ээжээ гэж санах, Хадын өндөр модонд Хан хөхөө донгодно, Хайрлан тэжээсэн аав чинь Хүүхнээ гэж санах, Хөвчийн өндөр модонд Хөхөө шувуу донгодно, Хөхүүлэн тэжээсэн ээж чинь Хүүхнээ гэж санах...” гэж эх эцэг, охин үр харилцан бие биеэн санаж мөрөөдөх сэтгэлийг элэг зүрх шимшрэн уйлж хайлтал дуулна. “Аав ээжийн сургаалиар Алдалгүй яваарай, Ах дүү олныг Атаархамаар Аятайхан нэрийг дуулгаарай...” гэж аав ээжийнхээ сургаалаар алдар нэрээ мандуулж явахыг захимжилна. “Төлгөн төлгөн хониороо Төөлэйлүүлхэдч мордав л чи, Төр засаг хоёроо шүтэхэдч яваарай...” гэж хайрт хүүхнээ хүндэтгэлтэйгээр хадамд мордуулж байгаа ба төр засаг, хууль ёсыг дагаж явах хүний нийгмийн ёс зүйг мэдрүүлн. “Хүрэгч үнээний саамалхан, Хөгшин ээжийн нэрэмлэхэн, Хүнсний дээж тохуриаг Хүндэт худ нартаа барий...” гэж хурим найрын дээж дугараа барих ёсоор наадмын олонд хандуулан дуулж төгсгөнө.

“Ууцын дуу”-г иймэрхүү аяархан намбалаг хөг аясаар сурган захиж, утга ухааруулж дуулахад хадамд мордох басганаас эхлэн аав ээж, цугларсан бүгдээрээ цөм тэсгэлгүй уйлж гардаг. “Ууцын дуу” дуулж барвал, өвгөн төрүүгээс төөлэй хөндөж, хадамд мордох басганаас ууц хөндөж, дээжийг нь өргөөд, харилцан “баригты!” гэлцэн тавагнаас хөндөж, ам хүрдэг.

Хоёр. Ниргэлгийн дуу: Ниргэлгийн дуу нь өмнөх “Ууцын дуу”-ны уй гашуу тайлж, хүмүүсийн сэтгэлийг аргадах тайвшруулах зорилгоор олуулаа гарч дүхргийн дунд зогсоод, нурууныхаа араар гараа сүлжин адхаж, дунд зэргийн хөг айзмаар биеэ найгаж дуулдаг дуу болон. ниргэлгийн дуу нь голдуу бурхан шашны магтаал буюу аав ээжийн тухай дуунууд байдаг тул дуулах үед хүний сэтгэл аятайхан тайвширч уужирна. “Өндөр уул” гэх ниргэлгийн дуунд “Өндөр уулын оройгоор Үүрийн туяа мандана, Өндөр хөлтэй ширээнд Зулын туяа мандана. Навтар уулын оройгоор Нарны туяа мандана, Навтар хөлтэй ширээнд Зулын туяа мандана...” гэж дуулна.

Гурав. Бэһэлиг нуух наадам: Буриад хэл ярианд “бэһэлиг” гэгч нь бөгж, бөлзөгийг зааж буй юм. Бөлзөг ба бөлзөгийн цагираг хэлбэр бол эрт цагаас эмэгтэй хүний бэлгэдэл тэмдгээр танигдаж байсан юм. Басганы их наадам дахь бөлзөг нууж эрэх тоглоом нь бэр эрэх ёсон дахь “Эрээд олдохгүй эрдэнэ, сураад олдохгүй сувд” гэх ойлголттой золгодож, охин эрдэнийн бэлгэдэл болж байгаа нь тодорхой. дахивл бөлзөг нь хайр сэтгэлийн холбоосын илэрхийлэл болж, дэлхийн олон үндэстний хуримын ёслолд шинэ хосын харилцан бэлгэдэл хуримын бэлэг болдог. Ийм болохоор басганы их наадам дахь бэһэлиг нууж, бэһэлигийн дуу дуулах ёс заншил нь буриад монголчуудын охин эрдэнээ хайрлах, ургийн холбоог дээдлэх бэлгэдэл болж, уламжлагдан ирэв. Бэһэлиг нуух наадмыг тоглохдоо хүмсийг зүүн баруун хоёр тал болгон суулгаад, бэһэлигээ нууж таалгана, тааж чадахгүй бол дуу дуулуулна. дуу дуулж чадахгүй хүлээлгэж удаан байвал “Баруун нуурын бах /мэлхий/ шиг бархиралдсан болооч, Даага идсэн чоно шиг даргилдсан болооч” гэх буюу “Улаан хоолойгоо мухудаа бол уураг сүүлээр зүлгээч, Хонгио хоолойгоо мухудаа бол хонины сүүлээр зүлгээч” гэж хорыг нь малтаж шоглон дуулдаг.

Дөрөв. Ёохор хатирая наадам: Ёохор хатирая наадам бол гар гараа холбон, түүдэг галыг нар зөв тойрч, газар дэвсэж байгаад үсрэн дуулан бүжиглэдэг наадам болно. Эхлэхдээ удаан аажуу байснаа явах тусмаа түргэн хурдун болно. “Арван цагаан хуруугаа атган байж хатирая, аман соохи зуугаагаа хэлэлцэн байж хатирая, яван хатирая, үшээ хатирая...” гэж бүгдээрэн дуулан бүжиглэсээр, үүрийн цолмон гарахад басганы их наадам өндөрлөж төгсдөг.

Шинээхэн буриадын уламжлалт хурим дахь басганы их наадам гэх өвөрмөц онцгой

зан үйл нь дээрх мэт дөрвөн агуулгаар явагдахдаа хөг айзам, хөдлөл үйл, сэтгэл нөлөөллийн хувьд шат шатаар хувиран өөрчлөгдөж байгаа нь ил тодорхой харагдаж байгаа бөгөөд хадамд өгөх басганаа хүндлэн зочилж, захимжлан сургаж, наадуулан наргиулж, баясуулан жаргааж үдэн мордуулах нь буриад монголчуудын охин эрдэнээ энхрийлэн хайрладаг үзэл сэтгэхүйг илтгэж байгаагаар барахгүй хожимын амьдралын сайн сайхныг зөгнөн бэлгэдэж байгаа утга учиртай юм.

Ном зүй:

Аюултгүйн Нүмэ. Буриад ардын дууны түүвэр. Хайлар: Өвөр монголын соёлын хэвлэлийн хороо, 2017. 320 х.

Хорлоо П. Монгол туургатны хуримлах ёсны уламжлал ба зан үйл. Улаанбаатар: Үндэсний хэвлэлийн хороо, 2003. 118 х.

Толон, Энхэцэцэг, Баярма. Шинэхээн буриад зан үйл. Улаанхад: Өвөр Монголын Шинжлэх ухаан техник мэргэжлийн хэвлэлийн хороо, 2019. 525 х.

He Qun

Inner Mongolia Normal University

Hohhot, China

hequn6934400@163.com

FEEL AND EXPERIENCE THE NATIONAL IDENTITY OF RUSSIA IN TUVA

More than 90% of the countries in the world today are multi-ethnic countries, and the ethnic structure is mostly composed of a main ethnic group and several ethnic minorities (including immigrant groups). In recent years, many multi-ethnic countries have faced a prominent problem: how do multi-ethnic countries achieve national social cohesion, and how national identity and national identity are consistent. This article proposes and makes use of the “review of the field” knowledge and research methods. Starting from the reality of life, Tuva whether it is on the edge of Russia’s geography or the edge of humanities, looking back at Moscow, looking back at Russia, looking back at the central. Feeling the recognition of Russia’s national countries, and focused on the Russian society’s cohesion in Tuva. It was initially held that the traditional cultural functions of the Tuva ethnic group still played a significant role, and at the same time absorbed a large number of Russian culture and modern cultural elements; “Tuva” – “We are Tuva people.” The consciousness of national consciousness, national sentiment, and national identity is still very strong. At the same time, Russia's national identity is clear and it is eager to achieve high-speed development in this ethnic group and region. The Tuva case shows that the mainstream of Russian national relations in the 21st century is the development trend of national symbiosis, cultural absorption, national identity and national identity.

Keywords: Russia; Tuva; National and Nation identity.

何群

内蒙古师范大学

呼和浩特, 中国

俄罗斯图瓦人的民族国家认同

当今世界 90% 以上的国家是多民族国家，民族结构大多由一个主体民族与数个少数民族（包括移民群体）组成。近些年来，众多多民族国家面临一个突出问题，即多民族国家如何实现国家社会凝聚，民族认同与国家认同如何一致起来。本文提出和利用“田野回望”这一认识和研究方法，从生活实际出发，在无论是作为俄罗斯地理的边缘，还是人文的边缘——图瓦，回望莫斯科，回望俄罗斯，回望中央、核心，在图瓦感受俄罗斯民族国家认同，把脉俄罗斯社会凝聚状况，初步认为：图瓦族传统文化功能依然发挥核心作用，同时大量吸收了俄罗斯文化及现代文化要素；“图瓦族”——“我们是图瓦人”的民族意识、民族情感、民族认同意识尚很浓厚，同时俄罗斯国家认同明确，并迫切希望本族、本地区获得高速发展。图瓦个案表明，二十一世纪俄罗斯民族关系的主流表现为民族共生，文化吸收，民族认同与国家认同日益一致的发展趋势。

关键词：俄罗斯 图瓦 民族国家认同。

一、多民族国家民族国家认同问题的提出及讨论

据统计，当今世界 90% 以上的国家是多民族国家，其民族结构大多由一个主体民族与数个少数民族（包括移民群体）组成¹。近一些年来，众多多民族国家面临一个突出问题：多民族国家如何实现社会凝聚？民族认同与国家认同如何一致起来？因极为现实并事关重大，这一问题，成为学界恒久的热点，众多研究涉猎这一领域。与民族国家认同问题相关，有研究提炼出民族凝聚力源泉包括“原发基础的”、“利益的”和“特征”因素三种因素。“原发基础的”代表“纯粹的文化”，人们因是有共同祖先的“文化集合体”而凝聚并成为“文化抗争”的力量；“利益的”指“社会分层现象”，共同的社会地位与共同的利益追求促使凝聚；“特征”因素是强调每个个人的经历与倾向会影响族群成员之间的凝聚力和族群的整体力量。²以上影响民族关系的三种因素，其影响、呈现，事实上经常发生于与一定的“对方、对象”——如国家——互动或对应的关系场域之中，事实上常常指向民族国家认同。“国家将人民分门别类，可以对‘族群的’身份认同有所影响。另外一方面，族群可以利用国家作为权力资源或者工具，不让其他人获取资源。”³也就是说，民族国家认同状况与所在国家民族政策、制度安排存在密切相关。这表明，“族群也好，民族国家也好，这些社会范畴都有一定的构建性，但绝不是任意可为的。它们都基于一定的现实，至少它们会带来真实性的效果。”⁴对此，有评论认为：“……作者提出一种‘决策理论’，其目的在于解释哪些类型的身份认同在何种条件下才更容易成为优选对象，也就是说，包括民族认同与宗教认同在内的各种认同都不是绝对的，都是人们在不同场景下生活的一种策略和方式。”⁵民族凝聚力的基本源泉——“原发基础的”，即文化、文化差异，无疑影响与外界的关系，而问题常常是，“对于矛盾甚至冲突双方影响更大的是各种实际的利益，如经济利益、政治权利、（个

¹参见朱伦：“仁政善治：当代多民族国家少数民族政策的基本趋向”，中国民族宗教网，2011年9月21日。

²马戎：“族群关系变迁影响因素的分析”。《西北民族研究》，2003年冬季卷。第12页。

³[德]李峻石著、吴秀杰译：《何故为敌：族群与宗教冲突论纲》，社会科学文献出版社，2017年3月。第19页。“中译本导言”。

⁴[德]李峻石著、吴秀杰译：《何故为敌：族群与宗教冲突论纲》，社会科学文献出版社，2017年3月。第88页。

⁵杨圣敏：“民族和宗教差异并非冲突的根本原因（代序）”。[德]李峻石著、吴秀杰译：《何故为敌：族群与宗教冲突论纲》，社会科学文献出版社，2017年3月。

人和群体)社会发展的机会等。”¹ 这一点,与上述“利益的”因素内涵接近,即危害较大的结构行差别(民族社会分层)。“结构性差别主要指社会、经济地位的差别”²因而,如何总结民族关系历史经验,客观地把脉并积极作出制度、政策调整,无疑构成包括俄罗斯在内的各多民族国家民族事务治理能力的考验。20世纪90年代以来,俄联邦政府积极反思历史,探寻适合当前实际、利于国家长治久安的民族理论、政策,倡导多元文化共荣、共存,努力促进各个民族及所在地区经济社会与主流社会同步发展。

考察一个民族对所在国家的认同,需要对这个民族的特殊性有所了解。可以认为,地处中西伯利亚的俄罗斯图瓦共和国,图瓦族社会,这个政治命运坎坷的社会,或许对国家之于一个民族、族群的意义,会有非凡的理解。从国家、主流地位与边远少数民族地区、弱势地位——这一关系出发,会带给人认识、观察一个多民族国家,各个民族对国家认同情况的方法论上的联想,也就是“田野回望”。“田野回望”,从远处、在现场,回望中央、核心,在这种来-回、往-复中,获得一些验证、启发和反思。而笔者在俄罗斯期间的图瓦调查,体会俄罗斯边疆民族地区社会,“在现场”观察,“从远处”回望,探索图瓦民族国家认同实际和多重影响因素,认识俄罗斯民族关系主流及发展趋势。

二、作为影响民族国家认同直接因素的社会、文化状况及图瓦族人迫切发展意愿

俄罗斯图瓦共和国是较为典型的边疆民族地区。从位于东欧的莫斯科向东南飞行五小时抵达哈卡斯共和国首都阿巴坎,再乘坐长途汽车穿越萨彦岭、向东南方向行进八小时,便抵达图瓦共和国首都克孜勒市。³这次调查,除在首都克孜勒市⁴及郊区参观、考察,走访图瓦国立大学等单位,图瓦东部重镇托金斯克区(Тоджинский р.)是我们田野工作地点。该区政府所在地,当地人称其为“托志”⁵。托金斯克区覆盖图瓦东北、东萨彦岭⁶南麓及广大延伸部分,翻过此岭,很快便进入伊尔库茨克州境内。当地图瓦族人主要从事放牧驯鹿、狩猎业。除在区政府所在地托志活动,主要采用参观社区,走访家庭,访谈老人调查方法,我们深入了四个村落,即坐落在深山密林、河流湍急并间或有恬静而起伏的草原中的托志村、

¹ 杨圣敏:“民族和宗教差异并非冲突的根本原因(代序)”。[德]李峻石著、吴秀杰译:《何故为敌:族群与宗教冲突论纲》,社会科学文献出版社,2017年3月。

² 杨圣敏:“质性与量化研究的关系——从一个案例看如何分析调查材料”。人类学在线,2009年7月8日。

³ 图瓦南部、东南部接壤蒙古国,东北部临伊尔库茨克州,西北部临哈卡斯共和国,北部临布里亚特共和国,西部为阿尔泰边疆区,北部为克拉斯诺亚尔斯克边疆区。本人留学莫斯科大学期间,于2012年7月底至8月中旬,应图瓦国立大学阿列娜教授的邀请,赴图瓦东部以狩猎、驯鹿为主要生计的图瓦村落,即一般称之为高山森林中的狩鹿者(东部图瓦人)社会进行实地调查,接触图瓦各个阶层人士,特别是村落基本群众,随课题组参加座谈会、访谈、入户参与观察。

⁴ Кызыл, 克孜勒(也有汉译“克孜尔”,俄罗斯图瓦共和国首府,始建于1914年。据研究“昌奇克山麓贝克木河与哈克木河汇合处。革命前在此地附近建了一座别洛查尔斯克城(意即白沙皇城),是俄国沙皇政府对图瓦实行殖民压迫的中心。现在,在从前的别洛查尔斯克城那个地方建起了共和国首都克孜勒。”——资料来源:[苏]P.卡鲍著,辽宁大学外语系俄语专业七二级工农兵学院译,翻译教研室校:《图瓦历史与经济概述》,商务印书馆,1976年,第44页。

⁵ 托金斯克区前身是清末民初当地九个旗中的一个——“托锦旗”。据记载:当时托锦旗范围在贝克木河流域,西起乌特河东至萨彦岭,北界也是萨彦岭,南至奥图格塔希(贝克木河与哈克木河的分水岭),见[苏]P.卡鲍著:《图瓦历史与经济概述》,辽宁大学外语系俄语专业七二级工农兵学员译,翻译教研室校,商务印书馆,1976年。第79页。“萨彦岭南坡广袤山地的密林地帯,大部分分布在图瓦东北部的托锦旗,一部分分布在萨拉克旗。这里的居民以狩猎为生,兼营畜牧业。畜牧业主要是繁殖北方鹿。”(出处同上,第82页。))。“在托锦旗贝克木河流域,居民主要以狩猎为生。这里捕捉松鼠、黑貂、狐狸、貂、水獭,还获得麝香和鹿角。”(出处同上,第121页。))

⁶ 萨彦岭,俄罗斯西伯利亚南部山系,西北-东南走向。西起叶尼塞河中游左岸,东至贝加尔湖南端,直抵蒙古边境,长1000多公里。西北部山势较缓,海拔500~1500米,东、西萨彦岭会合处及其以东,海拔2000~3000米。最高峰蒙库-萨尔德克山,海拔3491米,人称“亚洲的脊梁”。所山间盆地,生长有云杉、冷杉、雪松、落叶松,福含云母、金、铝土矿、石墨、石棉、磷钙石及稀有金属等矿藏。

宜村、阿得类村，以及那个紧邻叶尼塞河以狩猎为生的小村。

就作为影响图瓦族民族国家认同直接因素，图瓦经济社会发展、文化变迁形态，笔者初步感到，交通等基础设施不发达，图瓦族人尤其是知识分子阶层表现出强烈发展意愿。在实地不难体会，与俄罗斯东欧部分城市如莫斯科、克维尔、图拉比较，与中国同类规模城市比较，图瓦首都克孜勒市现代化程度不高。到达图瓦地区，很快便感觉出当地图瓦人，特别是知识分子阶层希望本地能够尽快改变旧貌、加速发展的强烈意愿。

我们调查所到的托金斯克区，区政府所在地及人们称之为“托志”的地方，社区及行政规模类似笔者所比较熟悉的中国内蒙古旗、县政府所在地城镇规模。从托志社区建设及所到四个村情况看，交通、通讯等基础设施建设落后，村民主要从事较为粗放、小规模畜牧、驯鹿饲养以及狩猎、捕鱼、采集等多种经营。上述生产方式在四个村各有侧重。没有粮食种植，各家有规模不大、经营一般的宅旁蔬菜地。完全没有大农业迹象—粮食、猪鸡饲养、饲料加工等等。不难发现，除其他因素之外，这与此地自然条件直接相关：以山、林、河流、湖泊为自然环境主旋律，少有成片的可以开辟为农田的条件。而这样的自然环境，在现代化大工业尚未进入之前，最适宜的谋生手段就是一定的大牲畜饲养，以及狩猎、捕渔、采集。

作为村民主食的面包，早晨孩子或女人手里拿着从私人小商店里买的那种很大的长方型面包回家是村中一景。在阿得类村一次我去那家商店，得知这种面包 20 卢布一个，比莫斯科品种繁多的面包要贵，而质量要差很多。在莫斯科等东欧城市没有见到的是，这里人家自做一种接近中国内蒙古牧区的奶茶。结合图瓦族传统服饰、传统节日那达慕盛会、骑马、摔跤等可以发现与蒙古族文化千丝万缕之联系。退休职工如学校退休教师有一定退休金。各个村每天都有可以远达克孜勒的个体经营的小巴车。居民的住房看起来都不错，极少看到破旧不堪的房屋。那种很时尚的儿童车在所到的各个村很流行，手机很流行，只是除了托志，其他几个村手机都“无服务”。电视每家大小都有一台，电磁炉几乎普及。不难发现，现代化要素已经一定程度渗入当地当地人的衣食住行。

不难体会，在图瓦，传统文化功能发挥核心作用。如佛教、萨满教信仰广为大众信仰，依然作为精神生活重要内容；以图瓦语为主其中夹杂少量俄语词汇为图瓦人生活用语；驯鹿饲养，以及狩猎、采集一定程度的延续等。同时，历经近百年交往，在民间社会，图瓦文化与俄罗斯文化已经相互渗透很深，如通婚，至少在 70 岁左右人那里已经发生，在饮食、语言、文字等方面也有明显吸收。很容易发现蒙古族、中国文化的影响，如“那达慕”、“苏木”等蒙古语的借用，尤其是近一些年中国服装、百货等日用品的广泛流入，中国矿业企业在图瓦开发对当地社会、文化迈向现代化的推动。

图瓦族文化特征明显，图瓦族—“我们是图瓦人”的民族意识、民族情感明确和浓厚，也深为俄罗斯在世界历史及当代世界中的地位、贡献而自豪。“如同使鹿鄂温克、狩猎鄂伦春具有某种超常的艺术、思想天赋，图瓦人也给我这种印象。后来在托志那达慕大会上，看到摔跤手入场、开始比赛前敬天敬地的仪式性动作，那种超然与自我抒发，洋溢着无限思想和体力张力—无疑，这个族群，是充满力量和自我意识的群体。（8 月 2 日）”¹。图瓦国立大学有专门研究图瓦语言、文化的继承、繁荣、发展问题的研究中心，有一批图瓦知识分子从事图瓦历史、文化研究，他们在俄罗斯著名学府如莫斯科大学等完成学业之后回到

¹ 笔者 2012 年 7-8 月在俄留学期间赴图瓦实地调查所做田野工作笔记。

家乡，如图瓦国立大学校长、阿列娜、阿勒沙娜等，致力于本民族、本地区社会繁荣事业

在图瓦，尤其在所到的图瓦东部村镇，当地所反映出的某种发展不足、某种自生自灭状况，带给人以担忧。如早婚、酒害、封闭（不通铁路、通讯设施落后），以及生产手段简单—以打猎、捕渔、采集、驯鹿饲养为主，物质生活和文化生活远远落后于现代社会，呈现出的某种发展过缓，某种外界干预过少，某种自生自灭状，无形中带给人深深担忧。在村落，我们常常会在村头、村街看到推着儿童车或怀里抱着孩子的少妇，看她们的样子不过二十来岁，有的拉着一个二、三岁的，并还怀着孕。阿得类村我们房东的女儿不过二十一、二岁，孩子也已经快一岁了。给人一个感觉，这里女性结婚年龄比较小。由此判断，这里可能存在一定的辍学率，又因生产方式落后，现代产业极为匮乏—没有看到类似中国镇的乡村工业或各种类型的企业，以及随之配套的服务、娱乐等行业。在所到的几个镇、村，没有看到类似中国乡镇那样的发廊、小饭馆、歌厅，路上车辆也很少，手机、电话没有信号……，一派自然之声主导着这里乡村的主旋律。交通和现代化程度过于低下，是影响这里人们“走出去”的最大因素。总之，我所到过的图瓦东部这几个村落的某种发展不足是显而易见的，而看起来很完美的田园生活所含有的在现时代、现代化话语环境中某种自生自灭状，带给人的担忧也是存在的。

三、“民族”内涵空间的扩展与二十一世纪俄罗斯民族关系主流

图瓦民族文化及演化形态，进一步扩展着“民族”可能具有的内涵空间。人们无法割断历史—民族历史记忆，人们无法不在现实中生存—调整、适应、重构。笔者通过对鄂伦春族、敖鲁古雅鄂温克族以及内蒙古地区蒙古族社会生活的持续关注与实地调查，并因长期生活、工作在民族地区，深深感到，如同性别、年龄等自然属性，人类社会存在民族差异或拥有不同文化底色（传统生活方式），某种意义上也构成人类的自然属性。这是讨论“何故为敌”¹的基本前提。因“民族”—文化的自然属性—语言、行为方式、心理等，在当下生存竞争激烈社会中仍然处于弱势地位，并因涉及到民族中绝大部分成员。因而，更容易在“民族”的旗帜下团结起来，形成新的“民族”利益要求和诉求。这种态势，并没有因各种民族优惠政策不断出台而消减。

图瓦个案表明，二十一世纪俄罗斯民族关系的主流表现为民族共生，文化吸收，民族认同与国家认同日益一致的发展趋势。从图瓦情况看，从国家、民族长远利益计，俄罗斯各联邦主体—少数民族地方，以及俄罗斯联邦政府，都需要面对现实，持一种历史、现实、理性、客观的态度。就民族地方而言，无疑本地、本族的命运已经与俄罗斯国家命运不可分离，一荣俱荣，一损俱损；对俄罗斯联邦政府来讲，就国内民族关系、民族国家认同状况的判断依然至关重要。从图瓦情况看，类似具有苏联解体前联邦主体独立能力的单位或许已经很少，其当前迫切愿望是希望能够得到来自中央更高的关注，更大力度的扶持、支持。因而，有必要在充分尊重各种类型联邦主体宪法规定的权限、以此处理与中央的隶属关系前提之下，进一步致力于努力缩小地区、民族间发展差距，并通过国家整体实力的提升，提高国际地位，以此凝聚国家社会。

¹ 参见[德]李峻石 著、吴秀杰 译：《何故为敌：族群与宗教冲突论纲》，社会科学文献出版社，2017年3月。

Чебодаева Маина Петровна

кандидат искусствоведения

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Абакан, Российская Федерация

chebodaevamp@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ РУБАХИ ХАКАСОВ

В статье рассматриваются этнические особенности традиционной женской рубахи *когонек* у качинок, сагаек и кызылок, которая имела много общего в крое рубахи, но имела различия в мотивах орнамента.

Ключевые слова: традиционная рубаха; этнические группы хакасов – сагайцы, качинцы, кызыльцы.

Chebodaeva Maina Petrovna

Candidate of Sciences in Arts

Khakass Research Institute of Language, Literature and History

Abakan, Russian Federation

ETHNIC FEATURES OF THE TRADITIONAL KHAKASS WOMEN'S SHIRT

The paper deals with the ethnic characteristics of the traditional shirt *kogonek* of Kachin, Sagai and Kyzyl women, which has a lot in common in the cut of the shirt, but has differences in the motifs of ornamentation.

Keywords: traditional shirt; Khakass ethnic groups – Sagai, Kachin, Kyzyl.

Хакасская национальная рубаха входит в состав традиционного костюма, являясь частью его многовековой культуры. В костюме отражаются культура, эстетика и мировоззрение хакасов. Традиции в национальной одежде хакасов были связаны, прежде всего, с кочевым образом жизни и суровым континентальным климатом, с резкими перепадами температур. Длительная езда в седле требовала такой одежды, которая не стесняла бы движения кочевника.

Хакасы не были однородны в своем национальном составе и делились на этнические группы: качинцев, сагайцев, кызыльцев, койбалов и шорцев. В данной публикации нам хотелось бы осветить этнические особенности традиционной женской рубахи хакасок-качинок, сагаек и кызылок. Женские рубахи у женщин-хакасок были повседневные, праздничные, детские, девичьи и замужних женщин. Женскую повседневную рубаху шили из ситца, бумазеи, сатина и другой хлопчатобумажной ткани. Праздничные платья шили из шелка, бархата и шерсти. Женская рубаха *когонек* хакасок имела общий крой у этнических групп хакасов, но отличалась декоративной отделкой.

Женскую рубаху *когонек* хакасы шили длинной и с подолом *идеек*. На груди и на спинке у воротника рубаха собиралась в мелкие сборки *чыырынды*. Воротник *мойдырых* делался отложным с острыми или округлыми концами. Наплечники *ээн*, обшлага *моркам*, воротник *мойдырых* делались из другой ткани, чем само платье. Сборка наплечника *ээн пазы* прошивалась геометрическим орнаментом. Рубаха застегивалась на одну перламутровую или стеклянную пуговицу *марха*. С правого бока под рукавом находился карман *izep*. Вышивкой украшались у хакасок следующие детали платья: наплечники *ээн*, обшлага *моркам*, воротник *мойдырых* и верхняя часть рукава у наплечника платья *ээн пазы*.

Общее в декорирование рубах женщин-хакасов был средний шов на сборке наплечника рукава женской рубахи, который назывался *ээн пазы* и прошивался

геометрическим орнаментом – прямыми полосками, зигзагообразными линиями, треугольниками, ромбами, овалами и крестами. Геометрический орнамент у хакасов был связан с богом Чир-Су (Земля-Вода), который в мифологии олицетворял мужское начало и был богом Среднего мира, населенного людьми. Бог Чир-Су покровительствовал людям, наделялся благодетельной и карающей функциями, иногда выступал в значении Родины.

Сагайцы (хакасское название *сагай*) – этнографическая группа хакасов, проживание которых в XIX – нач. XX в. было ограничено левым берегом среднего течения р. Абакан, оба берега его верхнего течения Абакана и левый приток от р. Камышта (верх по течению до р. Матура). В настоящее время хакасы-сагайцы проживают в Абакане, Бейском, Аскизском и Таштыпском районах Республики Хакасия.

При шитье женской сагайской рубахи использовались зеленый, голубой, светло-зеленый и темно-синий цвета. Женские рубахи хакаски-сагайки декорировали вышивкой наплечники *ээн*, обшлага *моркам*, воротник *мойдырых* и верхнюю часть рукава у наплечника платья *ээн пазы*. Исследователь народного искусства народов Сибири 1970–1990-х гг. Т. Б. Митлянская, касаясь особенностей женской рубахи хакасов-сагаек, писала, что: «Особенностью женских национальных платьев подтаежных районов Хакасии является то, что низ их нередко украшают цветные полосы. Кроме того, они более мягкого колорита. Здесь не встретить ярких, насыщенных цветов, столь характерных для степных, южных районов, где все горит, искрится под солнцем ... мастера здесь используют синий, голубой, зеленый открытых, резких тонов» [Митлянская, 1983, с. 34].

По особенностям композиции на вышивке различали типы орнамента на женской рубахе хакасок-сагаек: космогонический, растительный и геометрический. Женские рубахи хакасок-сагаек на наплечниках *ээн* и концах воротника *мойдырых* декорировались космогоническим мотивом «розетка», который символизировал Богиню Солнца Кун и был своеобразным оберегом человека. Богиня Кун в мифологии хакасов олицетворяла женское начало и была богиней жизни на земле. Богиня Солнца Кун была сестрой Богини Луны Ай. Богиня Кун в народной вышивке хакасов изображались в виде «розетки». Еще с древних времен человек заметил, что точка захода Солнца в течение года перемещается от юго-востока к северо-востоку и наоборот. Это природное явление породило у народных мастеров представление о спиралевидном движении Солнца, а в орнаменте – изображение «розетки», которое стало весьма распространенным в народном искусстве. Лучшее время года в степи длилось от шести до восьми месяцев и приходилось на весну, лето и осень. Так можно объяснить вышиваемый орнамент на традиционном костюме хакасов, который нередко приобретал форму шести-восьми лепестковой «розетки», вписанной в круг.

Среди мотивов растительных узоров, которые встречаются в вышивке на женских платьях сагайцев, следует отметить цветок, лист, побег и трилистник. Свободно заполняя поверхность на наплечниках *ээн*, такие растительные узоры полностью не заполняли фон наплечника, но придавали женской рубахе сагаек нарядный и праздничный вид. Подол женской рубахи *идеек* хакасок-сагаек украшался атласной лентой.

Качинцы (хакасское название *хаас*) – этнографическая группа хакасов, проживание которых в XIX – нач. XX вв. было ограничено с юга нижним течением Абакана (до впадения в него р. Камышты), на западе р. Белый Июс и отрогами Кузнецкого Алатау, на севере верхним течением р. Чулым и на востоке р. Енисей. В настоящее время хакасы-качинцы проживают в Абакане, Алтайском, Ширинском и Усть-Абаканском районах Республики Хакасия.

При шитье женской качинской рубахи использовались темно-красный, алый, зеленый, розовый, голубой, белый, светло-зеленый и темно-синий цвета. По особенностям композиции на вышивке женской рубахи хакасок-качинок различали такие типы орнамента, как мифологический и геометрический. Женские рубахи хакасок-качинок на наплечниках *ээн* и обшлагах *моркам* декорировались мифологическими мотивами с орнаментом

«трилистник» и «мировое древо» и были своеобразным оберегом человека. Мотив орнамента «трилистник» был связан в народной вышивке с Богиней Умай (Ымай), которая олицетворяла женское начало, была богиней плодородия и покровительствовала детям и воинам.

Другой орнаментальный мотив «мировое древо», украшающий вышивку на наплечниках *ээн* и обшлагах *моркам*, сводился к стилизованным элементам растительных очертаний, нередко напоминающих по своей форме растительные побеги. Мотив орнамента вышивки «мирового древа» являлся в декоративном искусстве изобразительным следом двух распространенных в язычестве культов: Земли-Матери и Древа жизни. Еще со времен матриархата плодородящая сила Земли-Матери олицетворялась в образе женской богини, и столь же древним является ее символическое изображение в виде различных форм растительности. Так же изображалось и священное Древо жизни, источник жизненной силы и символ плодородия. Эти два предмета почитания и благоговения предков хакасов получили в народном искусстве один условный изобразительный знак «мировое древо».

Кызыльцы (хакасское название *хызылар*) – этнографическая группа хакасов. Район проживания кызыльцев занимал степи между Черным и Белым Июсами, по рекам Печище, Салбат, Сарале, Верхнему Урюпу и у Божьего озера. В настоящее время кызыльцы проживают в Абакане, Ширинском и Орджоникидзевском районах Республики Хакасия и Ужурском и Шарыповском районах Красноярского края.

Исследовательница народного искусства хакасов Т. Б. Митлянская писала о национальном платье женщин-кызылок, проживавших в северных, подтаежных районах: «Следует отметить, что если для степных районов Хакасии (места проживания этнической группы качинцев – *прим. автора*) особенно характерен геометрический узор орнамента, то в северных, подтаежных районах в узорах орнамента преобладают цветочные и растительные мотивы. Здесь орнаментальные формы крупнее. Силуэт цветка, листьев стебля ясно и четко читается на контрастном фоне черного, темно-вишневого, зеленого сукна или шелка» [Митлянская, 1983, с. 34]. Цвет ткани, которые использовали женщины-кызылки при шитье традиционной рубахи, был также разнообразным: зеленый, темно-синий и фиолетовый.

На женской рубахе хакасок-кызылок по особенностям ритма, композиции, симметрии различают такие типы орнамента, как геометрический, растительный и космогонический. Так же как у сагайцев, у кызыльцев основным мотивом орнамента была «розетка», которой декорировались наплечники *ээн пазы* и обшлага *моркам*. Мотив орнамента «розетка» также символизировал Богиню Солнца Кун и был своеобразным оберегом человека. Среди растительных узоров встречаются в вышивке *кызылок* (цветок, лист, побег). Свободно заполняя поверхность, такие узоры на наплечнике *ээн* оставляли свободный фон и придавали рубахе нарядный и праздничный вид.

Таким образом, традиционная женская рубаха женщин-хакасок (качинок, сагаек и кызылок) имела общий традиционный крой, а также одинаковую вышивку среднего шва на сборке наплечника рукава *ээн пазы*. Он прошивался геометрическим орнаментом – прямыми полосками, зигзагообразными линиями, треугольниками, ромбами, овалами и крестами и был связан с богом Среднего мира Чир-Су. Однако женская традиционная рубаха качинки, сагайки и кызылки имела свои этнические особенности в вышивке орнамента и выборе цвета ткани. Следует отметить, что уже в 1950–2000-е гг. мастерицы в вышивке на женских рубахах стали заимствовать друг у друга мотивы орнаментов, тем самым отойдя от использования своих традиционных орнаментов.

Литература:

Митлянская Т. Б. Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М.: Изд-во «Просвещение», 1983. 256 с.

Дашковский Петр Константинович
доктор исторических наук
Алтайский государственный университет
Барнаул, Российская Федерация
dashkovskiy@fpu.asu.ru

Шершнева Елена Александровна
кандидат исторических наук
Алтайский государственный университет
Барнаул, Российская Федерация
D2703@yandex.ru

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ МОНГОЛИИ (НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье представлены некоторые результаты этносоциологических исследований, проведенных в Монголии. Исследование было направлено на изучение образа России и межкультурного взаимодействия в представлениях населения Монголии на современном этапе. При этом отмечается, что во многом позитивный образ России связан с длительной историей взаимоотношений двух государств, особенно в советский период.

Ключевые слова: образ России; Монголия; межэтнические отношения; сотрудничество.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich
Doctor of Sciences in History
Altay State University
Barnaul, Russian Federation

Shershneva Elena Alexandrovna
Candidate of Sciences in History
Altay State University
Barnaul, Russian Federation

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE VIEWS OF THE POPULATION OF MONGOLIA (SOME RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

The article presents some results of ethnosociological studies conducted in Mongolia. The research was aimed at studying the image of Russia and intercultural interaction in the views of the population of Mongolia at the present stage. At the same time, it is noted that in many ways the positive image of Russia is associated with the long history of relations between the two states, especially during the Soviet period.

Keywords: image of Russia; Mongolia; interethnic relations; cooperation.

Взаимодействие народов России и Монголии прослеживается в разные исторические периоды. Это обстоятельство приводило к формированию определенных образов народов, проживающих по соседству. На важность изучения образа России, восприятия русской культуры и русского языка, а также в целом развития российско-монгольского взаимодействия ранее обращалось определенное внимание некоторыми исследователями [Бадмаев, 2011; Базаров, 2016; Михалев, 2012].

Начиная с 2008 г. в рамках совместных российско-монгольских проектов Алтайский государственный университет, Ховдский государственный университет, Монгольский национальный университет под научным руководством П. К. Дашковского, Н. Цэдэва, Б.

Нямдоржа, М. Гантуяа проводилось на территории Монголии планомерное изучение этноконфессиональных и этносоциальных процессов. Отдельные результаты таких исследований уже частично опубликованы [Dashkovskiy, Shershneva, Cedev, 2017; Дашковский, Нямдорж, Цэдэв, 2019; Цогзолмаа, 2018; Цэдэв, 2017; Мунхбат, 2018; Дашковский, Гантуяа, Шершнева, Бурэн-Улзий, 2022; и др.]. В 2016 г. в процессе продолжающегося совместного российско-монгольского исследования на территории Западной и Центральной Монголии были проведены социологические опросы, позволяющие установить не только отношение к представителям различных этнических и религиозных общин, но и оценить восприятие монголов России, в том числе как одного из стратегических партнеров. В рамках проведенного исследования было опрошено 164 человека (100%). Опрошенные в процессе исследования респонденты были разделены на четыре возрастные группы: 1) 16–21 лет, 2) 22–35 лет; 3) 36–45 лет, 4) 46–60 лет. При этом основная масса респондентов является жителями районных центров – 94 человека (57%) и небольших поселков – 31 человек (19%). Такое распределение по возрасту исходило из задачи посмотреть особенности восприятия носителей других культур у разных возрастных групп населения Монголии.

При выстраивании межнациональных отношений отдельное внимание уделяется конкретным этническим группам, с которыми взаимодействие складывается наиболее дружелюбно. Из полученных данных видно, что наиболее привлекательным этносом для жителей Монголии являются русские. Именно с ними у 59% опрошенных меньше всего возникает противоречий. 16% ответило, что у них не возникает противоречий с казахами, 13% – с китайцами, 12% – с тувинцами. В остальных случаях от 1% до 4% респондентов указали, что у них нет противоречий с кыргызами, уйгурами, таджиками, бурятами, узбеками, турками и другими народами.

При этом важно отметить, что для уточнения степени позитивного или негативного отношения респондентов к русскому этносу им был задан вопрос о том, какие чувства у них вызывает общение с русскими. 57% респондентов ответили, что они испытывают позитивное чувство при общении с русскими, а 18% – спокойное. Только 8% опрошенных отметили, что у них возникает тревожное ощущение от общения с представителями русского этноса. 2% респондентов указали, что они испытывают даже страх, а 1% – негативное неприязненное отношение к русским.

Нужно подчеркнуть, что позитивное отношение к русскому населению у жителей Монголии было в определенной степени связано с отсутствием территориальных притязаний России к монгольскому государству, а также оказание ему политической и экономической поддержки в XX в. На современном этапе дружелюбное отношение к русским в Монголии связано, во-первых, с политикой России, направленной на поддержку своих соотечественников за рубежом. Во-вторых, заметно стало выстраивание с начала XXI в. нового политического курса русско-монгольских дипломатических отношений на принципах взаимовыгодного сотрудничества.

Отдельное внимание в процессе исследования было уделено отношению населения Монголии к жителям приграничных районов России (Бурятия, Тува, Алтай, Иркутская область). Из полученных данных видно, что большинство респондентов испытывают к своим русским соседям доверие и симпатию (29%) и готовы с ними к сотрудничеству (45%). Однако, 18% респондентов испытали затруднение при ответе на данный вопрос. Особенно большой процент респондентов (28%), не готовых определить четко свою позицию в отношении русских соседей, отмечается у жителей Западной Монголии в возрасте от 22 до 35 лет. Несмотря на возникающие иногда сложности и недопонимание в приграничных районах, в целом у жителей двух государств складываются достаточно сбалансированные отношения. Народы, населяющие приграничную зону, видят друг в друге самостоятельные

этнос со своей культурой и традицией [Ойдуп, Кылыгдай, 2012, с. 140]. Способствует установлению подобных добрососедских отношений и политика, проводимая обоими государствами.

Следует подчеркнуть, что на современном этапе сотрудничество с Россией носит разносторонний характер, но исторически сложилось преобладание контактов в экономической сфере. На современном этапе респондентам также предложили определить, в каких областях они видят наиболее перспективным для себя сотрудничество с Россией. Из полученных данных следует, что большинство респондентов видят приоритетным сотрудничество с Россией в трех областях: экономика (40%), наука (48%) и образование (37%). Сотрудничество в области культуры и внешней политики отметило по 15% опрошенных, а еще 8% указали на перспективы совместной борьбы с международным терроризмом. Сначала СССР, а затем и РФ являлись главным экономическим партнером Монголии. Данные тесные контакты были вызваны в определенной степени союзническими политическими отношениями двух стран [Родионов, 2009, с. 117–118], а также тем, что Монгольская Народная Республика ранее входила в социалистический лагерь стран.

В рамках проведенного исследования респондентам было предложено оценить, на каком уровне находятся российско-монгольские отношения на современном этапе. Из полученных ответов видно, что большинство респондентов (72%) оценили уровень российско-монгольских отношений на хорошем либо на высоком или очень высоком уровнях. Следует подчеркнуть, что складыванию такого рода отношений способствует тот образ России, который сложился у населения Монголии на протяжении длительной истории сотрудничества между странами. Для детализации данного образа респондентам было предложено ответить на вопрос, какие ассоциации у них вызывает Россия. Из данных опроса следует, что часть населения Монголии в России видит достаточно сильного партнера (26%), а 45% респондентов считают Россию великой страной с многовековой историей. По 5% респондентов ответили, что Россия – это страна, которая активно помогает другим или же ничем не примечательное государство. В то же время 14% респондентов обратили внимание на то, что Россия стремится к мировому господству. По 1% опрошенных указали, что у них сформирован негативный образ России или что это страна, которая слабо развита экономически и в которой сильная президентская власть, близкая к монархии. 5% опрошенных затруднились ответить на вопрос относительно того, какой у них сформирован образ о России.

Следует подчеркнуть, что на современном этапе Россия по-прежнему остается главным стратегическим партнером для Монголии. Это подтверждается как политикой руководства двух стран, так и данными проведенного опроса, согласно которым 65% респондентов указали Россию в качестве главного партнера. 18% респондентов в качестве стратегического партнера указали Китай, 8% – США, 3% – Казахстан, 2% – Евросоюз, 5% затруднились ответить.

Таким образом, в связи с тесными контактами России и Монголии на протяжении длительного исторического периода в представлениях жителей Монголии сложилось достаточно уважительное и теплое отношение к России и русскому народу. Именно РФ, по мнению населения Монголии, является одним из самых главных стратегических партнеров их страны. В то же время часть представителей молодого поколения кроме России в качестве главных стратегических партнеров рассматривает другие страны, прежде всего, Китай. Кроме того, не исключено, что после начала в 2022 г. специальной военной операции часть населения Монголии скорректировала свое представление о России, при чем как в позитивном, так и негативном аспектах. Однако это уже направление дальнейших исследований с учетом современных политических и социально-экономических процессов.

Литература:

- Бадмаев А. З. Образ России и русский язык в Монголии: от советского наследия к современности // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 8. С. 127–134.
- Базаров В. Б. Российско-монгольские отношения в постсоветский период: углубление сотрудничества // Власть. 2016. № 6. С. 81–85.
- Дашковский П. К., Гантуяа М., Шершнева Е. А., Бурэн-Улзий И. Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27. № 1. С. 72–89.
- Дашковский П. К., Нямдорж Б., Цэдэв Н. Опыт российско-монгольского сотрудничества в изучении этнокультурных и этноконфессиональных процессов в Сибири и Центральной Азии // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 2. № 8. С. 165–172.
- Михалев А. В. «Русский вопрос» в системе внешнеполитических отношений Монголии XX в. // Власть. 2012. № 7. С. 161–164.
- Мунхбат Д. Паломничество монголов: традиции и современность // Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15). С. 79–84.
- Ойдуп Т. М., Кылыгдай А. Ч. Особенности межэтнических связей населения тувинско-монгольского приграничья // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 136–140.
- Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.
- Цогзолмаа Н. Распространение новых религиозных течений и их влияние на систему образования Монголии // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 117–124.
- Цэдэв Х. Некоторые проблемы изучения этноконфессиональной ситуации в Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. № 3–4 (12–13). С. 128–134.
- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedev N. Perception of ethnic and religious processes by Mongolia population (a sociological study) // Народы и религии Евразии. 2017. № 1–2 (10–11). С. 115–128.

Чимитова Ирина Зоригтоевна

кандидат социологических наук

Бурятская государственная сельскохозяйственная

академия им. В. Р. Филиппова

Улан-Удэ, Российская Федерация

rindaol@mail.ru

О ХАРАКТЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БУРЯТИИ XX ВЕКА

Доклад посвящен рассмотрению характера межэтнических отношений в Бурятии XX в., а также анализу содержания понятий «интернационализм», «дружба народов», «толерантность» и «согласие», в разное время используемых для их обозначения.

Ключевые слова: межэтнические отношения; интернационализм; дружба народов; толерантность; согласие; Бурятия.

Chimitova Irina Zorigtoevna

Candidate of Sciences in Sociology

Buryat State Academy of Agriculture named after V. Philippov

Ulan-Ude, Russian Federation

THE CHARACTER OF INTERETHNIC RELATIONS IN BURYATIA IN THE 20TH CENTURY

The report is devoted to the analysis of the nature of interethnic relations in Buryatia in the 20th century, as well as the contents of the terms "internationalism", "friendship of peoples", "tolerance" and "accord", used at different times to designate them.

Keywords: interethnic relations; internationalism; friendship of peoples; tolerance; accord; Buryatia.

Россия относится к числу государств с многовековым опытом реализации государственной политики, в том числе в отношении коренных этносов разных территорий, и давними практиками взаимодействия представителей различных народов. Одним из регионов, характеризующихся долговременностью добрососедских межэтнических контактов, является Республика Бурятия. В литературе прослеживается динамика межэтнических отношений в этом регионе, выделяются их основные детерминанты. Наряду с этим представляют интерес понятия, используемые для обозначения этих отношений. Рассмотрим их содержание применительно к Бурятии XX столетия, начиная с 1923 г., когда была создана Бурятская автономная республика.

Большую часть рассматриваемого периода составляет советское время, когда проводилась политика интернационализма, частью которой стала заявленная в качестве цели развития общества «новая историческая общность». Наряду с негативными последствиями поспешного движения к этой цели достоянием бытия и сознания людей массово становились элементы научного мировоззрения, содержательные ценности, рациональные модели поведения и др. «Многие ценности советской эпохи были конкретно-историческим вариантом общечеловеческих, экзистенциальных, вечных, актуальных во все времена ценностей, таких как труд, справедливость, равенство, братство, солидарность, взаимопомощь, благо общества и т.п.» [Чимитова, 2021, с. 141].

Понятие «интернационализм», наряду со словосочетанием «дружба народов», использовалось для обозначения позитивного характера межэтнических контактов. Оно раскрывалось «как принцип отношений между нациями» и «один из важнейших принципов коммунистической нравственности», регулирующий их; «первым в истории практическим примером» его утверждения объявлялось «многонациональное содружество народов СССР, где ликвидирован национальный гнет, установлено полное равноправие народов» [Словарь по этике, 1983, с. 109–110].

В одном из региональных изданий есть такой обобщающий вывод: «Между народами страны установились отношения подлинного равноправия, братского сотрудничества и взаимопомощи. Дружба народов стала могучей движущей силой советского общества, одной из его политических основ» [Очерки, 1974, с. 293]. Многие авторы видят положительные стороны интернационализма. «Постоянное общение народов и их взаимное узнавание, взаимное расположение, симпатии» и было содержанием советского интернационализма [Синявский, 2002, с. 329]. Аналогичный вывод делается применительно к такой обширной территории, как Сибирь, где отмечается «эффективное взаимодействие различных народов», тот факт, что «общие принципы сохранения единства и дружбы народов сохранялись» [Карнышев, 2011, с. 152]. Как видим, в приведенных фрагментах также применяются понятия «интернационализм», «единство народов» и «дружба народов». Словосочетание «дружба и сотрудничество» используется и для описания ситуации межэтнического взаимодействия в Бурятии во второй половине XIX в. [История Бурятии, т. 2, 2011, с. 252].

В постсоветский период при анализе советской реальности обоснованно используется понятие интернационализма [См., напр.: Буряты, 2017, с. 174–175]. Конечно, интернационализм и дружба народов были идеологемами и концептами советского официоза [Буряты, 2017, с. 198], но они отражали и действительное положение дел в этой сфере, «реальное содержание характера отношений народов друг к другу», в частности в Бурятии [Чимитова, 2011, с. 65].

В середине прошлого столетия ведущим понятием для обозначения конструктивного межэтнического взаимодействия, в том числе в международных документах, стало понятие «толерантность», а начало разработки проблемы толерантности современного вида относят к 20-м годам этого же века [Киященко, 2010, с. 23–25]. Примерно с конца 1980-х гг. данное понятие вошло в российский дискурс. Понятие межэтнического согласия начали применять несколько позже и менее активно. Первым из них иногда обозначают и советское прошлое: «...факт реальной толерантности был не только чертой официальной политики, но и характеристикой мировоззрения практически всех советских людей» [Толерантность, 2004, с. 151], второе, наряду со словосочетанием «дружба народов», выступает инструментом анализа постсоветских реалий [История Бурятии, т. 3, 2011, с. 61, 345, 348].

Анализ толерантности убеждает в том, что его сущность – конструктивное, т.е. позитивное или нейтральное отношение субъекта к различиям, которое может варьироваться «от безразличия и принятия различий и особенностей до уважения, признания их равноправия и взаимодействия с ними на основе открытости и диалога» [Чимитова, 2021, с. 27]. Очевидно отличие толерантности от интернационализма, имеющего однозначно позитивный смысл.

Что касается межэтнического согласия, то в качестве его опорного определения можно обратиться к дефиниции Л. М. Дробижевой, утверждающей, что это «понятие более широкое, чем «позитивные межнациональные отношения» и «толерантность». Оно включает в себя не только благоприятные межнациональные установки, готовность иметь дело с людьми иных национальностей в профессиональной и неформальной сферах общения, но также и *ценность диалогового урегулирования* противоречивых ситуаций, межличностное и межгрупповое доверие, *согласованные* ценностные ориентации, *общее видение* образа мира. Все это проявляется в способности людей жить в сложном, многообразном мире, взаимодействовать друг с другом на принципах доверия, равенства и справедливости [Дробижева, 2015, с. 81].

Активно и в основном корректно применяются указанные термины и в литературе о Бурятии, на территории которой имели место и сохранились поныне как толерантные межэтнические отношения, так и отношения согласия, в зависимости от объективных обстоятельств и индивидуальных качеств контактирующих субъектов. Таким образом, межэтническое взаимодействие в Бурятии рассматриваемого периода характеризуется конструктивностью, добрососедством и правомерно обозначаются понятиями интернационализма, дружбы народов, толерантности и согласия.

Литература:

Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации / Б. В. Базаров, М. Н. Балдано, О. В. Бураева, П. К. Варнавский, С. В. Кириченко, Л. В. Курас, С. Ю. Лепехов, Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 320 с.
Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.
История Бурятии. В 3 т. Т. 2. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.

История Бурятии. В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.

Карнышев А. Д., Винокуров М. А. Человек и этнос на своей земле (экономика и психология самобытности и сотрудничества народов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. 348 с.

Киященко Н. И. Толерантность как универсалия культуры // Толерантность в культуре и процесс глобализации / Учреждение Российской Академии наук Институт философии РАН, Академия гуманитарных исследований. М.: Гуманитарий, 2010. С. 12–31.

Очерки истории культуры Бурятии. В 2 т. Т. 2. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 648 с.

Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2002. 464 с.

Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. 5-е изд. М.: Политиздат, 1983. 445 с.

Толерантность / общ. ред. М. П. Мчедлова. М.: Республика, 2004. 416 с.

Чимитова И. З. Межэтническая толерантность и согласие в современном российском обществе: региональный аспект. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2021. 176 с.

Чимитова И. З. Межэтническая толерантность: сущность, характер и особенности проявления в Республике Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2011. 138 с.

Бураева Ольга Владимировна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
olgaburaeva@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР РУССКИХ, БУРЯТ И ЭВЕНКОВ – ОСНОВА ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БУРЯТИИ

Бурятия – один из стабильных районов России, в котором проявляется гармоничный характер общества. Это исторически сложившееся поле диалога культур Востока и Запада, уникальный опыт положительного взаимодействия народов, имевших разный опыт освоения региона, исповедовавших разные религии, имевших разный аксиологический багаж.

Ключевые слова: русские; буряты; эвенки; диалог культур; Бурятия.

Buraeva Olga Vladimirovna
Doctor of Sciences in History
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

INTERACTION OF CULTURES OF RUSSIANS, BURYATS AND EVENKS – THE BASIS OF GOOD NEIGHBORLY RELATIONS IN BURYATIA

Buryatia is one of the stable regions of Russia, in which the harmonious nature of society is manifested. This is a historically formed field of dialogue between the cultures of the East and the West, a unique experience of positive interaction between peoples who had different experiences in the development of the region, professed different religions, and had different axiological baggage.

Keywords: Russians; Buryats; Evenks; dialogue of cultures; Buryatia.

Ни одна этническая общность не может существовать в абсолютной изоляции от других народов. Практически каждый этнос в той или иной степени открыт для контактов и восприятия культурных достижений других этносов и одновременно готов поделиться собственными достижениями и ценностями. Способность одного народа осваивать достижения другого – важный показатель жизнеспособности его культуры. Эта способность не только обогащает этнос, но и позволяет щедро делиться своими духовными ценностями с другими, обеспечивает взаимодействие и взаимопонимание людей, их восприятие инациональных ценностей. Являясь составной частью мировой культуры, каждая этническая культура взаимодействует как партнер и соучастник в создании общечеловеческих духовных ценностей. Совместное проживание на территории Байкальского региона в течение более трех столетий разных по образу жизни и культуре народов – русских, бурят и эвенков – не могло не привести к взаимодействию и взаимовлиянию. Рассмотрим процесс развития взаимоотношений трех этносов до XX в.

В области экономики первоначально самостоятельное существование разных хозяйственно-культурных типов (ХКТ) со второй половины XVIII в. сменяется активным вовлечением бурятского населения в земледельческое хозяйство. Этому способствовал и ряд государственных указов и распоряжений, обеспечивающих для бурят режим наибольшего благоприятствования в этой деятельности. Занятие земледелием требовало от них овладения новыми технологиями, что в исторической перспективе означало для бурятской культуры быстрое преодоление стадильной дистанции. При этом скотоводство оставалось для бурят основным видом хозяйствования. У эвенков в начале XIX в. были заложены основы земледелия.

Буряты и эвенки перенимали у русского населения навыки земледелия, приобретали на первых порах зерно, земледельческие орудия. Русское влияние сказалось на разложении натурального хозяйства бурятского населения, на развитии товарно-денежных отношений. Оно повысило культуру основной отрасли бурятского хозяйства – животноводства. В этой области влияние было обоюдным. Старожилое русское население многое почерпнуло из богатой скотоводческой практики бурят, что нашло отражение в скотоводческой терминологии. Русские закупают у бурят скот – лошадей и коров.

Русское население смогло адаптироваться к сибирским условиям, используя внутренние резервы и опыт автохтонного населения, заимствуя у них необходимые элементы. Заимствования в промыслах были обусловлены природным фактором. От эвенков и бурят был воспринят прием ловли кабарги и изюбря с помощью манка, подкарауливание на природных солонцах, применение самострелов на тропах. У эвенков промысловики покупали охотничьи ножи, изделия из кожи. Процесс заимствования у бурят и эвенков прекрасно иллюстрируется русской промысловой лексикой. Процесс адаптации в рыболовстве и промысле на нерпу у русских происходил путем изменения традиционных форм, но во взаимодействии с промысловыми приемами и знаниями бурят и эвенков.

Переход к жизни в жилище оседлого типа у бурят и эвенков осуществлялся постепенно, причем на первых этапах отмечались оба типа. Заимствование у оседлого русского населения конструкции, техники постройки, планировки и отделки жилья – явление довольно распространенное. В дальнейшем жилища традиционного типа начинают использоваться сезонно (летом) как хозяйственные помещения. Рядом с чумом или войлочной юртой повсеместно вырастает четырехстенная изба. Этнические традиции проявлялись главным образом в интерьере, однако и здесь к началу XX в. произошли существенные изменения.

В целом уже в конце XVIII – первой половине XIX в. обнаруживаются значительные инновации в области материальной культуры коренных народов Байкальского региона. Степень этого влияния определялась двумя обстоятельствами: длительностью соседства с русской деревней и распространением земледелия, которое усиливало контакты и влекло за

собой переход к оседлому образу жизни, стимулировавшему изменения во многих сторонах материальной культуры.

Судя по архивным данным, проводниками русской культуры была верхушка бурятского и эвенкийского общества. Именно родовые начальники и богатые люди строили русские дома, приобретали русскую мебель и утварь, а уже через них все это попадало в бурятское и эвенкийское общество. Не будет преувеличением сказать, что родовая верхушка явилась своего рода двигателем прогресса в бурятских улусах и эвенкийских стойбищах. Под влиянием изменения типа хозяйства сглаживается принципиальная разница между рационом бывших скотоводов и исконных земледельцев. У первых увеличивается количество растительной пищи, у вторых – мясных блюд.

Покрой русской одежды, крестьянские ткани, фабричные материалы русского производства, вытеснившие в XIX в. китайские, имели большое значение для развития одежды у народов Сибири. Русские картузы, платки, платья стали использоваться оседлыми бурятами, эвенками. Русское же крестьянство восприняло многие части одежды местного населения. Во многих местах, особенно в таежных районах, русские охотники использовали местные типы обуви, одежды или делали свою по их образцу. Тем не менее, традиционный костюм исчез не сразу и не полностью, он подвергся сильной трансформации при сохранении характерных основных черт. Изменения касались в первую очередь материала одежды, ее украшений, реже – ее конструктивных особенностей, а также обуви и головных уборов. В регионе имела широкое распространение традиционная одежда русских, бурят, эвенков, однако ее коснулись изменения, выразившиеся в проникновении русских городских форм. К тому же традиционная одежда имела ярко выраженные классовые различия.

Принятие православия бурятами и эвенками, переселение их в русские деревни или переход на оседлый образ жизни, занятие земледелием, учеба в русских школах и т.д. объективно способствовали развитию культурных связей между русскими, бурятами, эвенками, взаимодействию и взаимовлиянию как в материальной, так и в духовной областях жизни. Можно говорить о положительной роли православия в развитии культуры бурят и эвенков. А вовлечение бурят и эвенков в орбиту экономических, политических и культурных связей Восточной Сибири и всего Российского государства способствовало усилению этих связей с русским народом. Пребывание русского, бурятского, и эвенкийского народов в едином конфессиональном пространстве существенно способствовало развитию межэтнических связей, сокращению этнокультурной дистанции.

Русские в районах тесного проживания с бурятами и эвенками относились к действительности через призму их мировосприятия. Отношения между людьми находились в одном культурном поле, определялись символическим языком, который был немногословен, конкретен. Синкретизм религиозных воззрений русских, бурят, эвенков и тофаларов явился источником мирного существования и положительного межкультурного взаимодействия.

Формы культурного взаимодействия народов были многообразными. Хозяйственные, административные, торговые, бытовые, семейные связи способствовали тому, что русские крестьяне овладевали бурятским и эвенкийским языком, а буряты и эвенки – русским. В XVII–XVIII вв. бурятский и эвенкийский языки оказали сильное влияние на лексику русского языка. В свою очередь, большое влияние русского языка испытали на себе бурятский, эвенкийский языки.

Существование среди населения региона людей (исключая специальный институт толмачества), знающих два и более языков и функционально применяющих их, можно отнести к элементам зарождения новых отношений. Поскольку интегрирующие и дифференцирующие свойства представляют диалектическое единство, то зарождение в XVII в. в полиэтничной сибирской среде двуязычия выступало как средство, с одной стороны, этнокультурного сближения, а с другой – консолидационных процессов этносов Сибири.

Смешанное население почти одинаково владело русским и бурятским, русским и эвенкийским языками и воспринимало хозяйственные и социально-бытовые черты обоих народов. Таким образом, сформировалась особая группа населения (карымов), занимающая

промежуточное положение между культурами и являющаяся носителем билингвизма и бикультурализма. Благодаря деятельности группы-посредника знание об иной культуре становилось массовым.

Сложившиеся в XVII в. предпосылки для развития культурного диалога реализовались в достаточно интенсивные культурные связи в последней трети XIX – начале XX вв. К тому же вслед за русскими в регионе стали селиться представители других этносов – евреи, поляки, татары, башкиры, немцы, литовцы и др.

Создание коллективных хозяйств в 1930-е гг., национальная политика Советского государства, направленная на выравнивание уровня жизни всех народов, проживающих в СССР, единая система воспитания и обучения, совместная работа, проживание в полиэтничной среде способствовали унификации быта, духовной культуры с элементами традиционных национальных культур.

В настоящее время Бурятия является одним из стабильных районов, в котором проявляется гармоничный характер общества. Это исторически сложившееся поле диалога культур Востока и Запада, уникальный опыт положительного взаимодействия народов, имевших разный опыт освоения региона, исповедовавших разные религии, имевших разный аксиологический багаж.

Будаева Дарима Цырендоржиевна

кандидат политических наук

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Улан-Удэ, Российская Федерация

budaevad@gmail.com

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ–МОНГОЛИИ–КИТАЯ

В статье рассматриваются основные факторы, детерминирующие формирование толерантного взаимодействия между европейскими первопроходцами и автохтонными жителями трансграничья России–Монголии–Китая, в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: межэтнические отношения; межнациональное согласие; межэтническое согласие; доверие; толерантность, трансграничье.

Budaeva Darima Tsyrendorzhievna

Candidate of Sciences in Political

D. Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russian Federation

FACTORS FOR FORMING INTERETHNIC ACCORD IN THE RUSSIA–MONGOLIA–CHINA CROSSBORDER

The article examines the main factors that determine the formation of tolerant interaction between European pioneers and autochthonous inhabitants of the Russia–Mongolia–China cross-border, in historical retrospective

Keywords: interethnic relations; interethnic harmony; trust; tolerance; cross-border.

В Дальневосточном федеральном округе, особенно в трансграничье России–Монголии–Китая, историческая память о межэтнических взаимодействиях и коммуникациях между европейскими первопроходцами и автохтонным населением края отличается дружелюбием. В числе факторов, детерминирующих установление спокойного взаимодействия между европейскими первопроходцами и автохтонным населением, живущим в условиях трансграничья России–Монголии–Китая, существенное место занимают три общественно-политических фактора. Это этносберегающая политика императорской России, проявленная по отношению ко всем жителям вновь присоединенных земель. Официальные установки Правительства России относиться к народам, принявшим российское подданство, «ласкою» и «добротою», выдача «лутчим людям» царского жалованья и обеспечение продовольствием из царских запасов [Окладников, 1937, с. 32], не чинить им «сумненье и тесноту и смуту» [Иванов, 1999, с. 150] были ведущими в процессе внутрисоветской интеграции вновь присоединенных к России народов.

К числу общественно-политических факторов, оказавших серьезное влияние на мирное взаимодействие автохтонного населения, живущего в трансграничье России–Монголии–Китая, с европейскими первопроходцами, относилось желание первых защититься от бесчинств монгольских ханов. В результате распада Алтан-ханства на Дзасакту-ханство, Сецен-ханство и Тушету-ханство между ними развернулась междоусобная война, которая привела к росту монгольских набегов на приграничные с Монголией территории по сбору дани, насильственному привлечению к воинской службе, подавлению непокорных людей и т.д. В этих условиях многие предводители автохтонных народов трансграничья России–Монголии–Китая, чтобы избежать влияния междоусобной борьбы монгольских ханов, нуждались в могущественном покровителе, обеспечивающем им мирную жизнь, и поэтому они «соглашались платить дань русским, как раньше они платили ее монголам, видя в этом средство защиты от нападений монголов» [Будаева, 2012, с. 48].

Следующая немаловажная причина связана с особенностями межплеменных отношений, существующих в XVII в. в трансграничье России–Монголии–Китая. Здесь «более слабые племена находились в зависимости от более сильных, являлись их кыштымами» [Залкинд, URL: <http://archive.predistoria.org>], и именно они искали себе достаточно мощных покровителей, что вполне соответствовало политике России, направленной на расширение и укрепление границ на востоке страны.

Рассмотренные общественно-политические факторы, а именно этносберегающая политика России, потребность автохтонного населения в защите от монгольских набегов, также от набегов более сильных соседних племен, привели к тому, что в трансграничье России–Монголии–Китая не было ни крупномасштабных завоевательных военных походов, ни запоминающихся оборонительных восстаний. Следовательно, бытует мнение о том, что в историческом прошлом преобладало заселение трансграничья России–Монголии–Китая европейскими первопроходцами, а не ее завоевание [Будаева, 2012, с. 63].

Наряду с общественно-политическими факторами серьезное влияние на формирование толерантного взаимодействия между европейскими первопроходцами и автохтонным населением трансграничья России–Монголии–Китая оказали факторы, обусловившие успешность адаптации европейских первопроходцев к природно-климатическим условиям и социокультурному ландшафту региона. Европейские первопроходцы свою адаптационную деятельность начали с формирования устойчивой продовольственной базы путем заимствования у местного населения навыков охотничье-

промысловой и животноводческой деятельности. Данный процесс достаточно подробно описан в научной литературе. Так, «чтобы отстоять собственное существование ... русским ... на первых порах приходилось братья за средства, испытанные задолго до их прихода сибирскими инородцами» [Макаренко, 1993, с. 16] или же «русским, помимо своей воли, пришлось позаимствовать много у инородцев с целью собственной акклиматизации» [Ядринцев, 1892, с. 183]. Описанное заимствование европейскими первопроходцами хозяйственно-бытовых навыков автохтонных народов, живущих в трансграничье России–Монголии–Китая, сыграло главенствующую роль в закреплении мигрантов в суровых природно-климатических условиях.

К числу важных факторов, сыгравших большую роль в установлении устойчивого взаимодействия между европейскими первопроходцами и автохтонными народами трансграничья России–Монголии–Китая, относится процесс заимствования мигрантами духовных ценностей принимающего сообщества. Так, на начальном этапе малочисленное по сравнению с автохтонными жителями края пришлое европейское население интенсивно овладевало языком аборигенного населения трансграничья России–Монголии–Китая. Это было обусловлено жизненной необходимостью, возникающей в процессе общения при осуществлении торговых обменов, проведении совместных сельскохозяйственных работ, извозе и др. Русские мужчины, будучи участниками этих действий, активнее осваивали язык местного населения, нежели женщины и дети [Бураева, 2000, с. 76; Харташкина, 1977, с. 26].

Еще более мощным фактором, способствующим консолидации мигрантов с местным сообществом, служит создание национально-смешанных семей. Появление и распространение национально-смешанных семей приветствовались деятелями православной религии, понимающими важность женского вопроса в деле укоренения русских на новых землях [Шмулевич, 1985, с. 143]. Обязательным атрибутом создания национально-смешанных семей служило принятие православия, которое имело кроме религиозного и политико-экономическое значение: «крещеные представители автохтонного населения на три года освобождались от ясака, переходили в разряд крестьян и платили государству повинности, как русские крестьяне» [Будаева, 2012, с.78] и становились активными проводниками государственной политики России.

Кроме создания национально-смешанных семей установлению тесных контактов и родственных отношений способствовали процессы усыновления и удочерения русскими аборигенных детей или же русских детей представителями автохтонного населения. Эти дети в дальнейшем становились проводниками укрепления межэтнической толерантности и увеличения количества национально-смешанных браков [Этнография русского крестьянства в Сибири, 1981, с. 48].

Анализируя факторы, детерминирующие формирование толерантного взаимодействия представителей разных этносов, оказавшихся в условиях трансграничья России–Монголии–Китая, надо обратить внимание еще на один важный, но забытый в настоящее время социальный институт – институт побратимов, именуемый в региональном сообществе «тала». Суть института «тала» заключался в установлении дружеских отношений между русскими семьями и семьями автохтонных групп населения, основанных на взаимном уважении, доверии, признании интересов друг друга. Он держался на житейской этике двух соседних народов, заинтересованных в теплых личных взаимоотношениях, во взаимной помощи и поддержке, в натуральном товарообмене, господствующем на первых этапах освоения Россией восточных территорий. Данный социальный институт, определяя

современными понятиями, можно отнести к народной дипломатии, созданной по инициативе народных масс, но выполняющей важную геополитическую роль в устремлении России к расширению восточных рубежей. Рассмотренный положительный опыт общения пришлого и автохтонного населения пока еще не удостоен серьезного внимания научного сообщества и лишь хранится в памяти старших поколений.

К числу важных причин формирования толерантного взаимодействия между пришлым населением и принимающим сообществом трансграничья России–Монголии–Китая относится незначительность или даже отсутствие со стороны российского правительства материальной помощи значительной части европейских первопроходцев. Даже военно-служилые люди, находящиеся на иждивении государства, нередко испытывали нужду в продуктах питания и в своих донесениях писали: «государеву службу служили и ясак собирали, но рыбу ловили, и сосну, и корень, и траву ели» [Евдокимова, 2002, с. 57].

Итак, европейские первопроходцы в целях собственного выживания не только освоили разумные способы ведения хозяйства, практикуемые задолго до их прихода в условиях экологической ниши трансграничья России–Монголии–Китая, но и переняли различные аспекты духовной культуры. Эти процессы оказали существенное влияние на ослабление действия психологического закона первичности, в соответствии с которым, то, что хорошо усвоено, комфортнее и привычнее [Гатанов, 2011, с. 85].

Источники и литература:

- Будаева Д. Ц. Межнациональная и межконфессиональная толерантность народов Бурятии: проблемы формирования и развития. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 267 с.
- Бураева О. В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 205 с.
- Гатанов Ю. Цивилизационный выбор. Группообразование: свои и чужие. Позитивное пограничье культур // DEBATUS IBI AL – Цивилизационный выбор и пограничье. Warszawa, 2011. Т. IV. 354 с.
- Евдокимова С. В. Из истории заселения русскими Прибайкалья и Забайкалья // Русские в Бурятии: история и современность. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. С. 46–83.
- Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.predistoria.org>.
- Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: Наука, 1999. 199 с.
- Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. Новосибирск: Наука, 1993. 164 с.
- Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л.: Соцэкгиз, 1937. 424 с.
- Харташкина Р. Х. Взаимодействие русского и бурятского языков. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1977. 122 с.
- Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья, XVII – середина XIX вв. Новосибирск: Наука, 1985. 284 с.
- Этнография русского крестьянства в Сибири, XVII – середина XIX вв. М.: Наука, 1981. 270 с.
- Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Зайцева Любовь Алексеевна
доктор исторических наук
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова
Улан-Удэ, Российская Федерация
klio1976@mail.ru

Даваажав Баяртогтох
кандидат исторических наук
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова
Улан-Удэ, Российская Федерация
klio1976@mail.ru

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ – ОСНОВАТЕЛИ ВЕТЕРИНАРНОЙ СЛУЖБЫ МОНГОЛИИ

Ветеринарная служба в Монголии была создана российскими специалистами противочумных станций. Огромную роль в становлении ветеринарной службы сыграли А. П. Свечников, А. А. Дудукалов.

Ключевые слова: Монголия; Россия; СССР; чума; ветслужба; скот; торговля.

Zaitseva Lyubov Alekseyevna
Doctor of Sciences in History
Buryat State Academy of Agriculture named after V. Philippov
Ulan-Ude, Russian Federation

Davaazhav Bayartogtokh
Candidate of Sciences in History
Buryat State Academy of Agriculture named after V. Philippov
Ulan-Ude, Russian Federation

RUSSIAN SCIENTISTS AS FOUNDERS OF VETERINARY SERVICE IN MONGOLIA

Russian specialists from anti-plague stations created the veterinary service in Mongolia. A. P. Svechnikov, A. A. Dudukalov played an important role in the development of the veterinary service.

Keywords: Mongolia; Russia; the USSR; plague; veterinary service; livestock, commerce.

Давние связи и сотрудничество между Россией и Монголией успешно проявляются в области ветеринарии и подготовки сельскохозяйственных кадров. В отношениях двух стран важное место занимает создание и развитие ветеринарной противочумной службы. Испокон веков основным занятием монголов было животноводство. Экономика монголов основывалась на разведении крупного рогатого скота, овец, коз, лошадей, верблюдов. Скот был хорошо приспособлен к суровым природно-климатическим условиям, способен переносить холод, зной, недостаток кормов, обходиться подножным кормом. «Скот этот чрезвычайно вынослив ... в отношении корма и ухода и приучен к частым голодовкам...» [Даваажав, 2017, с. 47]. В Монголии круглогодичное пастбищное содержание скота, и монголы кочуют вместе со скотом. В засушливые и холодные годы скот быстро истощался, страдал от болезней, в том числе одной из самых грозных – чумы.

Существовало несколько возможностей переноса бактериальной инфекции в Россию из Монголии. Во-первых, через мясопоставки. Для предотвращения этого были учреждены в 1883–1885 гг. карантинные заставы в Забайкалье, где оставляли скот в карантине на 21 день [Там же, с. 50]. Во-вторых, источником инфекции становилась почва. Приграничное русское население часто арендовало в Монголии места для пастбищ и покосов, которые нередко

оказывались зараженными. Это стало причиной небывалой эпидемии чумы 1897–1899 гг., когда в России погибло 160000 голов скота [Даревская, 2011, с. 89]. Чума крупного рогатого скота в Монголии охватывала 2/3 территории и ежегодно уносила свыше 120 тыс. голов скота [Центральный архив Монгольской народно-революционной армии (ЦАМНРА). Ф. 4. Оп. 18. Д. 262. Л. 92]. В 1897 г. учреждена «Комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой». Борьба с чумой приобретает большой масштаб. По поручению Амурского губернатора в 1899 г. В. И. Турчинович-Выжникевич и А. А. Дудукалов организовали противочумную станцию около Читы. Два года возглавлял станцию В. И. Турчинович-Выжникевич (1865–1904) – ученый-ветеринар, бактериолог, один из авторов противочумной сыворотки, в последующем заведующий противочумной лабораторией на острове в районе Кронштадта. Умер через три года от легочной формы бубонной чумы, заразившись во время опытов [Турчинович-Выжникевич, 2018].

Первым русским ветеринаром, работавшим за границей, был А. П. Свечников. Алексей Павлович родился в 1875 г. в Вятке, после окончания в 1899 г. Казанского ветеринарного института получил приглашение в Троицкосавск на место общественного ветеринарного врача Троицкосавско-Кяхтинского общественного управления. По делам службы выезжал в Монголию и Маньчжурию. С 1905 г. работает в монгольской противочумной станции, которая была открыта весной 1903 г. В 1913 г. возвращается в Троицкосавск, в 1917 г. – снова в Монголию [Удивительное сплетение судеб, 2023].

Первую противочумную станцию в Монголии возглавил выдающийся российский ветеринарный врач А. А. Дудукалов, проработавший там до декабря 1905 г. Монгольская противочумная станция располагалась в деревне Корнаковка на берегу реки Ероо. Эта деревня была единственной, созданной русскими крестьянами-староверами на территории Монголии. Станция в Корнаковке предоставляла возможность монгольским скотоводам прививать свой скот против чумы. Во время русско-японской войны Монгольская противочумная станция активно снабжала противочумной сывороткой действующую армию. [Зайцева, Даваажав, 2021, с. 25–26]. В 1908–1909 гг. чума крупного рогатого скота распространилась на Дальнем Востоке и Западной Сибири. Для улучшения работы пунктов контроля организовали эпизоотические отряды из числа ветспециалистов России, которые в основном занимались выявлением больного скота и его уничтожением.

В 1910 г. Читинская станция для оказания помощи монгольскому населению отправила четыре экспедиции, в 1912 г. – 7, в 1913 г. – 10, в 1914 г. – 9 экспедиций. Если в 1910, 1912 гг. в экспедициях было по ветврачу, по два фельдшера и одному переводчику, то в 1913 г. в составе экспедиции были: ветврач, два фельдшера, два переводчика-бурята, один гид-монгол. Экспедиции имели в своем распоряжении сыворотки для прививок скота, оборудование и фотоаппараты, лекарства для населения. Они должны были проводить противочумные прививки скоту. За четыре года была привита почти пятая часть общего поголовья скота монгольского населения. Самое большое количество скота было привито в 1913 г. – 121 080 голов, из них 42% принадлежало монголам [подсчитано по: Зайцева, Даваажав, 2021, с. 26]. С началом Первой мировой войны экспедиции прекратили свою работу. В 1915 г. в Урге была создана ветеринарная станция с амбулаторией, лабораторией и жильем для работников, с выездными ветеринарными точками и бойней [Даваажав, 2017, с. 49]. Русские ветврачи работали в Монголии в тяжелейших условиях. Сказывалась нехватка специалистов, сопротивление местного духовенства.

В 1913 г. вопросы ветслужбы обсуждались на совещании в Иркутске. Оно одобрило проекты А. А. Дудукалова и просило МВД России создать в Монголии ветеринарное управление. В гражданскую войну Читинская противочумная станция перестала отправлять противочумные экспедиции в Монголию. В 1921 г. между правительством РСФСР и Богдо-гэгэном Монголии подписано Соглашение о взаимном признании и дружбе. Первые шаги по созданию в Монголии ветеринарной службы были сделаны в 1923 г. Выкупили Сонгинскую противочумную станцию. Ветеринарное управление возглавил А. А. Дудукалов. В аймаках

были созданы отделы Ветеринарного управления. А. А. Дудукалов работал с 1923 по 1928 г. начальником ветеринарно-зоотехнического управления. Его судьба полна драматических событий. Андрей Александрович (1868–1936) – выпускник Юрьевского ветеринарного института 1893 г. Служил на Кубани, Урале, в Грузии, работал в ветеринарной академии. Награжден орденами Святого Станислава III степени, Святой Анны III степени, монгольским орденом «Эрдэнийн очир» высшей степени [Бальбаров, Бадмаев, 2010, с. 32–33]. В 1931 г. Дудукалова отозвали в Москву в государственный институт экспериментальной ветеринарии. В 1932 г. он был арестован и этапирован в Читу. Жизнь его оборвалась в 1936 г. на Соловецких островах. 4 января 1957 г. А.А. Дудукалов был реабилитирован [Ветеринар из Вейделевки, 2018].

В 1930 г. противочумная станция реорганизована в ветеринарно-бактериологическую лабораторию [Даваажав, 2019, с. 12]. С 1936 г. началось строительство биологического комбината в Сонгино, в 1938 г. был построен биокомбинат. За 22 года практически была создана собственная ветеринарная служба.

20 мая 1930 г. была заключена Конвенция между СССР и МНР по борьбе с эпизоотиями. Начиная с 1933 г. Монголия стала направлять своих учащихся в советские города для обучения в ветеринарных техникумах и институтах. В 1933 г. первые 30 монголов приехали на годичную учебу в Верхнеудинск. В 1943–1944 гг. в Монголии были организованы три зооветеринарные школы. В 1947 г. их преобразовали в ветеринарные техникумы. Из-за отсутствия монгольских кадров преподавателями работали советские специалисты [Государственный архив Монголии (ГЦАМ) Ф. 15. Д. 763. Л. 15].

Благодаря помощи советских специалистов было предотвращено распространение чумы, созданы ветеринарные отделы, открыты ветеринарно-бактериологические лаборатории, сформирован кадровый ветеринарный потенциал, построен биокомбинат.

Источники и литература:

Ветеринарная служба Республики Бурятия. Очерки истории / сост. Б. Э. Бальбаров, В. Б. Бадмаев. Улан-Удэ: изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 456 с.

Ветеринар из Вейделевки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belpressa.ru/society/drugoe/22374.html#> (дата обращения: 01.03.2023).

Даваажав Б. Советско-монгольское сотрудничество в становлении и развитии сельского хозяйства и в подготовке сельскохозяйственных кадров МНР (1924–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2019. 22 с.

Министерство путей и связи. Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под ред. П. П. Червинского. С-П.: Новое время, 1913. С.1 79. // Цит. по: Даваажав Б. Из истории развития ветеринарии в Монголии // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 2(27). С.47–52.

Даревская Е. М. Сибирь ба Монгол. УБ: Мөнхийн үсэг ХХК, 2011. 344 с.

Зайцева Л. А., Даваажав Б. Советско-монгольское сотрудничество в области сельского хозяйства: проблемы становления и основные результаты. Улан-Удэ: изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2021. 204 с.

Турчинович-Выжникевич Владислав Иванович [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.02.2023).

Удивительное сплетение судеб (фрагменты истории вятских родов: Лупповы-Мартыновы-Свечниковы) // Библиотека имени А. И. Герцена [Электронный ресурс]. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number34&ELEMENT=gerzenka34_2_31&special_version=Y (дата обращения: 01.03.2023)

Цэнджав Г. Монгол улс дахь Хаант Оросын санхүүгийн зөвлөх түшмэлийн үйл ажиллагаа. УБ: Эдо публишинг, 2014. С. 98 (Деятельность финансового советника царской России в Монголии) // Цит. по: Даваажав Б. Из истории развития ветеринарии ... 2017. № 2 (27). С. 47–52.

Сүхбаатрын Бат-Эрдэнэ
Ph.D
Монгольский государственный
университет науки и технологии
Улан-Батор, Монголия
Bat-erdene.s@must.edu.mn

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБСЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСЕРВАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛИИ)

Правительство Монголии разрабатывает и осуществляет множество работ в области сохранения и реставрации недвижимых памятников истории и культуры, но из-за неправильных действий отдельных лиц и предприятий многие памятники до сих пор разрушаются. Автор выдвинул свое предложение по дальнейшему совершенствованию нормативно-правовой базы и методологии исследований, необходимых для проведения археологических изысканий и раскопок по спасению памятников истории и культуры, которые разрушаются или могут быть уничтожены в результате горных работ, дорог, зданий, природной и человеческой деятельности.

Ключевые слова: археология; материальное культурное наследие; консервация; добыча.

Bat-Erdene Sukhbaatar
Ph.D
Mongolian University
of Science and Technology
Ulaanbaatar, Mongolia

MODERN TREND IN STUDY OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE PRESERVATION (BASED ON ARCHAEOLOGICAL FACTS OF MONGOLIA)

Although the government of Mongolia is developing and implementing many works in the field of preservation and restoration of immovable historical and cultural monuments, many monuments are still being destroyed due to the wrong actions of some individuals and companies. Proposals have been put forward to improve the legal framework and research methodology necessary to carry out archeological exploration and excavation research to protect historical and cultural heritage that may be destroyed or destroyed as a result of mining, roads, buildings, natural or human activities

Keywords: archaeology; material cultural heritage; conservation; mining.

Историко-культурное наследие любой нации и его виды являются общим достоянием человечества, а вопрос их сохранения и защиты является наиболее важным и четко отражен в международно-правовых актах. В последние годы широко используется термин «CRM» или “Cultural Resource Management”. Его можно перевести как «регулирование культурных богатств и ресурсов», но можно интерпретировать как «регулирование наследия» [Sullivan, 2016, с. 35]. Их основной целью является регулирование проблем, с которыми сталкиваются археологические и архитектурные памятники и места исторического значения, на основе природоохранного и историко-культурного законодательства об охране памятников. В последнее время этот термин широко используется в связи с охраной памятников истории и культуры и узаконением охраны культурного наследия. В таких странах, как США и Великобритания, узаконивших эту деятельность, природоохранные исследования проводятся

под эгидой правительства. В этих странах исследования, как правило, проводят профессиональные археологические организации и частные компании.

В каждой стране мира охрана памятников истории и культуры регулируется разными законами. Например, в Норвегии и Финляндии вопрос регулирует Министерство окружающей среды, которое несет двойную ответственность за окружающую среду и культурное наследие. В Швеции – Министерство культуры, в Италии – Министерство культурного наследия, а в США – Бюро земельного регулирования [Там же, с. 97].

В США археологические исследования проводятся через Бюро по управлению земельными ресурсами (Bureau of Land Management). Эта организация работает над тем, чтобы сохранить все памятники Америки и передать их будущим поколениям. Только археологи и историки имеют право проводить археологические раскопки на территориях, утвержденных Бюро земельного регулирования. Эти люди должны сотрудничать с антропологами в проведении раскопок. Также необходимо получить разрешение Центра охраны археологических памятников (АДАНТ) на разведку и раскопки археологических памятников. Бюро по управлению земельными ресурсами выдает разрешения на проекты, которые способствуют археологическим памятникам и образованию [Archaeology Program, 2021].

В странах мира, помимо государственных учреждений, организации частного сектора проводят археологические консервационные исследования, что свидетельствует о том, что, с одной стороны, имеется свобода рыночной конкуренции, с другой – стороны сформировали качество археологических исследований и систему контроля, а также сформирована правовая база. Для нашей страны, как и других стран, представляется целесообразным совершенствовать наше законодательство и создавать контрольные механизмы на основе соответствующих законов, международных договоров и конвенций.

В Монголии должны быть зарегистрированы исторические и культурные недвижимые памятники или археологические типы, такие как курганы каменного оружия, поселения, петроглифы, каменные статуи оленей, каменные статуи людей, древние города и храмы. Кроме того, единая концепция, принцип и операционная система для обозначения на карте, создание единой базы данных, сети исследовательских фондов и взаимоотношений между академическими и исследовательскими учреждениями еще не доведены до совершенства.

В современных условиях под влиянием положительных и отрицательных социальных и природных факторов, таких как добыча полезных ископаемых, инфраструктура, урбанизация, развитие оседлых и кочевых хозяйств, межэтнические и межрелигиозные конфликты, войны, сражения и стихийные бедствия, памятники археологии хранятся над и под землей. В связи с этим вопрос о земельных отношениях ставится во всех областях. Поэтому в настоящее время с помощью географических баз данных особенно важны расположение памятников археологии, сохранение памятника и согласование с другими сферами [Энхбат, 2016, с. 78]. В Монголии сохранение исторических и археологических памятников началось в 1970-х гг. с внесением соответствующих положений в закон, но, к сожалению, реализация закона была недостаточной.

Однако, несмотря на положительную динамику, связанную с вышеуказанным решением, все еще существуют некоторые недостатки, и реализация Закона об охране культурного наследия осуществляется неравномерно в 21 аймаках и 329 сомонах. Это связано с недостаточностью законодательной базы с одной стороны и нехваткой кадров и человеческих ресурсов с другой в области археологии в Монголии.

В Монголии в период с 2012 по 2020 г. было проведено максимум 1320 разведочных работ на участках добычи, из которых 76 участков были охраняемыми раскопками. С одной стороны, это связано с временными и сезонными характеристиками кадровых ресурсов

организаций, уполномоченных на проведение археологических исследований и возможностью проведения раскопочных исследований, а с другой стороны, может быть связано с количеством полезных площадей. Также были проведены поисковые исследования на 13 участках вдоль трассы дороги, но раскопаны из них только 10, что связано с тем, что данный вид консервационных исследований реже проводится. Это зависит от развития и строительства инфраструктуры страны.

Данные исследований по консервации, проведенные на гидроэлектростанциях и типах городской застройки, также отражают этот момент. Однако стоит отметить, что в градостроительной категории в 10 местах проведены поисковые исследования, а в 4-х местах – консервационные раскопочные исследования [Бат-Эрдэнэ, 2022, с. 101]. Это свидетельствует о том, что было проведено очень мало консервационных изысканий и раскопок, и это не соответствует положениям статьи 28.7. Закона об охране культурного наследия, в котором говорится, что «консервационные разведки и раскопки обязательны для строительства города, зданий, дорог и мостов». К видам градостроительства относятся жилищное строительство, создание новых жилых массивов, предоставление дачных участков и имущества, ведение сельского хозяйства или фермерского хозяйства, создание кладбищ, организация культурно-досуговых центров общественного обслуживания. Однако исследований, посвященных этому аспекту, не проводилось. По мнению исследователя, доктора Г. Энхбата на первом и втором этапах освоения целины в Монголии, т.е. в 1950–1980 гг., и на третьем этапе в 2009–2010 гг. были разрушены многие виды истории и культуры, недвижимые памятники из-за сельско-хозяйственной деятельности [Энхбат, 2020, с. 86]. Таким образом, составлен список памятников, которые разрушаются по вышеуказанным причинам [Там же, с. 186].

В 2012–2020 гг. было проведено 10 изысканий и 4 раскопа, что свидетельствует о недостаточной реализации закона об охране объектов культурного наследия в градостроительстве. Из 4 консервационных раскопок этого типа 2 проводились в жилой зоне и 2 в кемпинге. С другой стороны, можно сделать вывод о том, что недостаточно проведены как разведочные, так и раскопочные исследования в деятельности по строительству новых зданий, созданию новых жилых массивов, отводу могильников, ведению сельского хозяйства, отводу и владению государственными и частными землями.

За период с 2012 по 2020 гг. на территории специальной лицензии горнодобывающего предприятия раскопано 1410 памятников, в Хангайском районе обнаружено 860 памятников или 61%; 268 памятников или 19% в степной зоне; в районе Гоби раскопано 282 памятника или 20%. Исходя из этого, относительно большой объем консервационных раскопок был проведен в Хангайском районе, а меньший – в районах Степи и Гоби. При разведочных исследованиях было обнаружено меньше реликвий в Хангайском районе и больше памятников – в Гоби и степных районах, в то время как было замечено, что больше раскопок было проведено в Хангайском районе. Это может быть связано с тем, что в Хангайском районе было выдано относительно большое количество лицензий на добычу полезных ископаемых или была предоставлена меньшая площадь, чем в Гоби и степных районах [Бат-Эрдэнэ, 2022, с. 120].

Если мы сравним лицензии на разведку и добычу полезных ископаемых в период с 2012 по 2020 г., то в 2012 г. было выдано 2303 лицензии на разведку и 1237 лицензий на разработку, а в 2021 г. была выдана 891 лицензия на разведку и 1745 лицензий на эксплуатацию. С каждым годом количество лицензий на разведку уменьшилось, а количество лицензий на эксплуатацию увеличилось. Видно, что разведочные и исследовательские работы предприятий завершены и они вступают в работу для производства и эксплуатаций.

Вышеупомянутая система, используемая в настоящее время, создает ряд недостатков и преимуществ в археологических исследованиях.

**Сильные и слабые стороны существующих систем
природоохранных мероприятий**

Недостатки	Преимущества
<ul style="list-style-type: none"> • Предприятия и профессиональные исследовательские организации общаются напрямую. • Исследователи находятся под влиянием клиента. • Не отражен факт, что продолжительность изучения памятников различна. • Не учтено географическое районирование и природные образования Монголии. • Не существует механизма проверки того, что реликвия не была обнаружена в районе разведки. • В случае обнаружения памятника в районе разведки отсутствует контроль за проведением раскопок для охраны памятника. • Ценность и важность археологических памятников, найденных на этом месте, не учитываются. • Проведение консервационных раскопок в короткие сроки рискует снизить научную значимость памятника. • Сохранение и консервация артефактов из раскопок по консервации не проводились. 	<ul style="list-style-type: none"> • Это делается быстро. • Предоставляет дополнительное финансирование профессиональным исследовательским учреждениям. • Увеличение вакансий. • Создает возможности для увеличения количества исследовательских материалов и их распространения в академических кругах. • Пополняет базу данных.

Определены общие предложения по совершенствованию системы проведения исследований по сохранению археологических памятников в горно-разведочных и эксплуатационных районах:

1. улучшить координацию деятельности директивных организаций, таких как Министерство культуры, Министерство образования и науки, Министерство горнодобывающей и тяжелой промышленности (например, выдача спецразрешений предприятиям в том или ином году по окончании предыдущего года, предоставление информации о разрешениях, выданных в конце предыдущего года, в соответствующие министерства);

2. разнообразить и утвердить существующие процедуры исследования культурного наследия (например, процедуры палеонтологических исследований, процедуры археологических исследований, процедуры этнографических и социокультурно-антропологических исследований и т.д., уточняя сроки выдачи разрешения и отчетности);

3. Создать институт, ответственный за регулирование прямых отношений между предприятиями и профессиональными организациями (например, ограничить непосредственную связь между заказчиком и исполнителем, создать единую систему оценки, учитывающую расположение участка, дальнее и ближнее, природное зонирование, распределение памятников и через него установить фонд сохранения и создать систему распределения с равным доступом к профессиональным научно-исследовательским учреждениям).

Источники и литература:

Анхсанаа Г. “Соёлын өвийн улсын бүртгэл мэдээллийн сангийн түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгалын мэдээллийн тухай” Монгол улсад археологийн дурсгалын нэгдсэн мэдээллийн сан үүсгэх боломж. Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. 2017.

Батзориг Б., Зууннасан Э. БНХАУ-ын эрүүгийн ба эрүүгийн заргын хууль. 2006.

Бат-Эрдэнэ С. Монголын археологийн авран хамгаалах судалгаа: нөхцөл байдал, үр дүн, асуудал (2012–2020) докторын зэрэг горилсон бүтээл. МУИС. 2022. С. 101–120.

Монгол улсын эрүүгийн тухай хууль. 2015.

Соёлын өвийг хамгаалах тухай хууль. 2014.

Энхбат Г. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал I–VIII дэвтэр. 2011.

Энхбат Г. “Соёлын өвийг хамгаалахад соёлын өвийн төвийнгүйцэтгэж буй үүрэг оролцоо, чадавхийн асуудал”. Соёлын өв судлал-1. 2016.

Энхбат Г. Батсуурь Ж., Түүх соёлын үл хөдлөх дурсгалд сөрөг нөлөөт хүчин зүйлсийн учруулах эрсдэлийн үнэлгээний судалгаа. 2020.

Ann Marie Sullivan. Cultural Heritage and New Media: A Future for the Past. The John Marshall Law School. 2016. С. 35–97.

Archaeology Program [Электронный ресурс]. URL: https://asi.nic.in/pdf_data/new.pdf, 1958.

Лхагвасурэн Эрдэнэболд

Ph.D

Шинжлэх Ухаан Технологийн Их Сургууль

Ulaanbaatar, Mongolia

erdene_ethnology@yahoo.com

ЧИНГАЙ ХОТЫН ЭРЭЛ: ТӨСӨӨЛӨЛ, ҮР ДҮН

Монголын эзэнт гүрний үед Монголд байгуулагдсан хотуудын нэг нь Чингай юм. Мэдээллийн дагуу 1212 онд байгуулагдсан бөгөөд хотын ач холбогдол 1360-аад он хүртэл үргэлжилсэн. 19-р зуунаас хойш Чингай хотын яг байршлын талаар янз бүрийн таамаг дэвшүүлж байсан ч батлагдаагүй байна. Халзан ширэг балгасын нутаг дэвсгэрт хийсэн археологийн судалгааны үр дүн нь Монголын эзэнт гүрний Чингай хоттой ямар холбоотой болохыг таамаглах боломжийг бидэнд олгож байна.

Түлхүүр үг: хот суурин; эзэнт гүрэн; газар тариалан; хэрэм балгас; шаазан.

Lhagvasuren Erdenebold

Ph.D

Mongolian University of Science and Technology

Ulaanbaatar, Mongolia

CHINGAI CITY QUEST: VISION AND RESULTS

During the Mongol Empire, Chinkai was one of the cities founded in Mongolia. According to reports, it was founded in 1212, and the importance of the city continued until the 1360s. Since the 19th century, various assumptions have been put forward about the exact location of the city of Chinkai, but they have not been confirmed. The results of archaeological research in the area of Khalzan shireg balgas allow us to make an assumption about its correlation with the city of Chinkai of the Mongol Empire.

Keywords: ancient city; empire; agriculture; hillforts; porcelain.

Чингай хэмээх хотын тухай: Монголын эзэнт гүрний үед Монгол улсын нутагт хэдэн хот байгуулагдсаны нэг нь Чингай хот юм. Энэ хотын нэр нь тухайн үеийн нэгэн ноёны нэрээс үүджээ. Чингай нь угтаа монголын хэрэйд аймгаас гаралтай хүн бөгөөд Монгол гүрэнд өндөр албан тушаал хашиж агсан улс төрийн нэртэй зүтгэлтэн юм. Чингис хаан Алтай ууланд хот байгуулах зарлиг буулгаж, түүнийг эрхлэх ажлыг Чингайд хариуцуулснаар түүний нэрээр эл хот алдаршжээ.

Чингайн тариаланг түүнийг үүсгэн байгуулагч Чингайн нэрээр Юань улсын судар зэрэг сурвалжид Zhenhai буюу Zhenghai хэмээн тэмдэглэгджээ. Тухайн үеийн Умард Хятадад хүчтэй дэлгэрч байсан Бумбын шашны Чюаньжэнь урсгалын тэргүүн Чан Чун бумба бээр Чингис хааны урилгыг хүлээн авч баруун зүгт дайлж явсан түүнтэй уулзахаар шавь нарын хамт аялан явахдаа тэмдэглэн үлдээсэн “Чань чунь бумбын өрнө этгээдэд зорчсон тэмдэглэл”-д Чингай балгасны талаар анх өгүүлжээ [Наката, Мураока, 2019].

Монголын эрдэмтэн Х. Пэрлээ агсан эл хотын тухай тэмдэглэхдээ, Хэрэйдийн Чжэнхай Ару-хуан голд албан тариа тариулж Чжэнь-хай-чэн (Чжэнь-хай балгасун)-ийг байгуулж дарангуй цэрэг суулгасан байна. Энэ нь цагаан морин жилээс (1210 оноос) хойхно харин бичин жилээс (1212 оноос) өмнөхөн үе байсныг Юань улсын сударт дурджээ. Мөн 1223 онд Монгол нутгийн зүүнээс баруун тийш нэвт аялсан хятад эрдэмтэн Чан чуны замын тэмдэглэлд, Цаст уулын ар талд Тянь-чжэнь-хай балгасун байв. Тэнд амууны зоорь байх тул Цань тоу (зоорийн эх) гэжээ. Абухан уулын ард Чжэнь-хай ноёнттой уулзсанаа тэмдэглэжээ. Дээрх Чжэнь-хай-чэнь, Тянь-Чжэнь-хай балгасун гэсэн хоёр нэр нь Чингис хааны зарлигаар Хэрэйдийн Чжэнь-хай ноёны байгуулсан хот мөн ажээ хэмээн бичсэн байна [Пэрлээ, 2012].

Чингай хот үүсгэн байгуулагдсан цагаас Монголчуудын дундад Азид нэвтрэх цэрэг-улс төрийн гол түшиц газар болж байсан нь Чингайг байгуулсанаас хойших үйл явдлаас тодорхой мэдэгддэг. Чингай нь XIII-XIV зууны зааг үедээ зөвхөн будаа, тариа, бусад хүнс бэлтгэдэг төдийгүй цэрэг бэлтгэдэг боомт хотын үүрэг гүйцэтгэдэг байв. Зарим үед тэнд 5000 хүртэл монгол цэрэг сууж, шаардлагатай үед Алтайг даван Шинжаан, Дундад Ази руу явдаг байж. Чингай хотод бас төмрийн хүдэр хайлуулж, төмөрлөг эдлэлүүд ч үйлддэг байсан бололтой.

Чингай хотыг 1212 онд үүсгэн байгуулсан хэмээн сурвалж бичигт гарах бөгөөд хожим Чингим тайжийн Хайду-г дайлах түмэн цэрэг мөн Чингайд хуарагнаж байгаад Алтайг даван хөдөлсөн мэдээ буй нь 1360-аад оныг хүртэл эл хотын ач холбогдол хэвээр байсныг илтгэнэ.

Чингай балгас нь тухайн цаг үедээ эзэнт гүрний цэргийн будаа, тариа, бусад хүнс бэлтгэдэг төдийгүй цэрэг бэлтгэдэг боомт хотын үүрэг гүйцэтгэдэг байв. Тэрчлэн Чингай балгасны түүхийг мөшгин үзвэл, 1. Лю-Чжунгийн шастирт Чжи-юаны 7-р онд (1287) Хувилай хаан Чжэнь хай балгасунд сууж байжээ, 2. Шаоюнь шито Хулины шастирт Юй Цзун (Чингим тайж)-ийг умард зүг Хайдуг дайлаар явахад түмэн өрх дагалдан Чжэнь хай балгасунд очсон гэжээ. 3. Юй цзун (Чингим тайж)-ийн шастирт Чжэнь хайг хааны зарлигаар шалган байцаасан. 4. Чуан уурын шастирт Хайду Алтайг давж зүүн тийш явж байв гэснээс үзвэл Хайду Чжэнь хай балгасыг дайран өнгөрсөн байх [Пэрлээ, 2012] гэх мэтчилэн хожмын хэрэг явдалтай уялдан Чингай балгасны түүхийн олон асуудлыг хөндсөн нь эл хотын ач холбогдол хожмыг хүртэл хэвээр байсныг илтгэн харуулж байна.

Гэвч эл хотыг чухам хаана байсан тухай гадаад, дотоодын эрдэмтэд XIX зуунаас эхлэн янз бүрийн санал дэвшүүлсээр ирсэн ч ноттой тогтоосон нь үгүй байлаа [Notes on Chinese Mediaeval Travellers..., 1875; Клеменц, 1909, Ван Гоу Вей 1926 онд Чан Чун..., 1993; Пэрлээ, 1961; Chen Zhengxiang, 2019; Oba Shoichi, 1982]. Гэвч тэдгээрийн хэн нь ч хаана оршиж байсныг бодитойгоор тогтоож чадаагүй билээ.

Чингай балгасыг эрэн сурвалжлах, олж тогтоох судалгааг Монгол-Японы хамтарсан төслийн судлаачид эхлүүлсэн бөгөөд 1998, 2004 онд хоёр удаа Алтай уулаар аялан явж, Чингай балгасыг газар дээр нь эрэн сурвалжилсан юм. 2004 онд Монгол Японы хамтарсан “Бичээс” хэмээх төслийн баг Шарга сумын нутаг Халзан ширэг хэмээх газраас нэгэн хулширсан балгасны туурь олсон байна. Энэхүү балгасыг тус хамтарсан төслийн багийнхан

анхны дэвсгэр зураг, тодорхойлолт сэлтийг үйлдэн, газрын байц болон түүхэн сурвалж бичгийн мэдээтэй дүйцүүлэн Чингай балгас байж болох юм гэсэн саналыг дэвшүүлжээ [Очир, Энхтөр, 2004].

Халзан ширэг балгасны туурь нь Говь-Алтай аймгийн Шарга сумын нутаг, Шаргын голын өмнөд хөвөөнөө, Шаргын цагаан нуурын зүүн өмнөд биед Алтайн нурууны наад бие, алдарт 33 говийн нэгэн болох Шаргын говийн зүүн өмнөд захад байрлана.

Уг балгас нь гадуураа шавар хэрэмтэй, дотроо цөөн барилгатай жижиг суурин аж. Түүний хэрэм нь ерөнхийдөө дөрвөлжин зохиомжтой бөгөөд төв дунд нь зүүнээс баруунш сунасан мэт зууван зохиомжтой барилгын үлдэгдэл байна. Шороон овгорын хэмжээ нь 25х35м. Хэрмийн төвд буй барилгын туурийн хамгийн өндөр цэг нь 1,4 метр орчим, намхан хэсгээрээ 0,6 метр орчим юм.

Хэрмийн дотор талд буй барилга нь дөрвөлжин хэлбэртэй, шар шавар дагтаршуулан хийсэн зузаан ханатай, хэд хэдэн тасалгаатай барилга байжээ. Барилгыг анх барихдаа шар шавар дагтаршуулан нүдэж хийсэн өндөр довжоог байгуулаад түүний гадуур нь 25-30 см хүртэл зузаантай шар шавраар дэлдэн дагтаршуулж үйлдсэн хана босгож, дотор талын тасалгаануудыг 47х23х9 см хэмжээтэй түүхий шавар тоосгоор өрж үйлдсэн, хавтгай дээвэртэй, түүний дээд талыг бороо хурын уснаас хамгаалж зузаан өвс харганаар хучсан байжээ. Гэхдээ барилгын дээвэр, хаалга гэх мэт бусад зохион байгуулалтын талаар тодорхой нарийн хэлэх боломжгүй аж.

Сүүлийн үед зарим судлаачид мөнхүү Чингай балгасыг сурвалжлан тэмдэглэхийн сацуу түүний байршил, ойр орчимд байсан газар тариалан бүхий суурин газруудын ул мөрийг мөшгин судалжээ. Тухайлбал, судлаач А.Цанжид Халзан ширэг балгас бол Чингай балгас мөн гэдэг судлаачдын саналтай санал нэг болохоо илэрхийлээд гэхдээ энэхүү Халзан ширэг балгас бол Чингай балгасны төв бус харин харъяа газар нь байсан болов уу гэсэн саналыг дэвшүүлжээ. Тэрбээр, Шарга нь хэдийгээр тариалан бүхий газар хэдий ч тариалах талбай нь бага, тиймээс их цэргийн хэрэгцээг хангахад тэндээс дусал төдий будаа авч болно. Тиймээс тэр хавийн нутгийн нөхцөлийг бодож үзвэл нэг дор их талбай тариалж болох газар хаана ч байхгүй байна. Үүнээс үүдэн олон газар жижиг жижиг талбайд тариалдаг байсан байх гээд Шаргын говийн ойр орчимд тариа ногоо тариалдаг байсан уламжлал бүхий газруудыг дурджээ [Цанжид, 2020]. Эдгээртээ үндэслээд Чингайн тариалангийн газар нь Шаргаас Хүрхрээ хүртэл олон газарт байсан ба хойт хэсгийг Халзан ширэг балгас, урд хэсгийг нь Таван элсний балгасанд харъяалж ургацыг нь авдаг, хадгалдаг, тариаланчид нь бас энэ хоёр газарт харъяалагддаг байсан байж болох юм гэсэн санал дэвшүүлжээ [Мөн тэнд].

2004 онд Монгол-Японы хамтарсан “Бичээс” төслийн хамтарсан судлаачид эл Таван элсний орчимд гүймэг хайгуул судалгаа хийх үед цөөнгүй эдлэл буюу ваар савны хагархай хэлтэрхий, төмөр эдлэлийн тасархай гэх мэт зүйлс элсний нүүдлээр ил гарсан байсан ч тэдгээрийг чухам аль цаг үед холбогдож болохыг шууд хэлэхэд төвөгтэй байснаас гадна сурвалж бичигт дурдагдсантай дүйхүйц олон хүн суурьшсан томоохон хот суурин байсан ул мөр мэдэгдээгүй билээ. Юутай ч эл газарт цаашид нарийвчилсан хайгуул судалгаа хийвэл зохилтой.

XIII–XIV зуунд Алтайн уулс хавьд Чингайгаас өөр хот суурин байсан хийгээд барьж байгуулсан тухай энэ хэр сурвалж бичиг хийгээд судалгааны бүтээлд дурдсан зүйл тааралдахгүй байна. Дээр өгүүлсэн зүйлс, археологийн олдвор зэрэгт тулгуурлавал, одоогийн Халзан ширэг балгас нь XIII–XIV зууны үеийн Чингай балгас мөн гэж хэлэх боломж олгож байна. Нөгөөтэйгүүр Халзан ширэгийн балгасанд хийсэн археологийн сорилын малтлагаар илэрсэн мал амьтны ясанд он цаг тогтоох судалгааг Япон улсын лабораторид хийлгэхэд урьдчилсан дүн нь XIII–XIV зууны үед холбогдож байна.

Халзан ширхэгийн балгас нь эдүгээ багахан суурин болж үлдсэн ч гэлээ хэрмийн гадна болон уг балгасны ойр орчим, түүнээс баруун зүгт байгаа Сандагийн байшин хийгээд Шаргын цагаан нуурын зүүн биеийн овгор шавруудын ойролцоогоос ваар савны хагархайнууд, мөн зарим газраас эртний шаазангийн хагархай зэрэг зүйлс болон газар

тариалангийн үйл ажиллагааны ул мөрүүд олон тоогоор олдож байгаа нь олон хүн амтай томоохон суурин газар байсныг илтгэнэ. Монголын эзэнт гүрний үеэс хойш энэ газарт газар тариалангийн үйл ажиллагаа тасралтгүй явж ирсэн нь тодорхой. 1990-ээд оноос өмнө ч тариалангийн эрчимтэй үйл ажиллагаа явагдаж байсныг олж харж болно. Учир нь Шаргын голын хөндий нь энэхүү бүс нутагт газар тариалангийн үйл ажиллагаа явуулах хамгийн тохиромжтой газар орон билээ. Тиймээс эзэнт гүрний үеийн томоохон хот суурины ул мөр энэхүү урт хугацааны газар тариалангийн үйл ажиллагааны улмаас элэгдэж үрэгдсэн бололтой.

Тэрчлэн Халзан ширэг балгасны ойр тойрон болон түүний өмнө этгээдэд орших Хар Азарга уулын араас доош нь буусан булгуудын хөвөөгөөр эрт цагт тариа тарьж агсаны үлдэц, сувгийн ор, хуучин шавар сууцуудын туурь олдож байна. Энэ бүхэн нь Халзан ширэгийн шороон хэрэмт балгасны соёлын хүрээ, тархацийг илтгэх төдийгүй, ерөөс тэр хавийн газруудыг хамарсан өргөн хүрээтэй томоохон хот суурин байсныг илтгэж байна.

Ном зүй:

Монголын палеонтологи археологийн сор олдворууд / Зурагт катологи / Ред. Х. Цогтбаатар, С. Чулуун. Улаанбаатар, 2018.

Монголын археологийн өв // Монголын эртний хот суурин. Эрхэлсэн Г. Эрэгзэн, Л. Эрдэнэболд. Улаанбаатар, 2020.

Доржсүрэн Ц. Говь-Алтай аймгийн Цагаан голын хадны зургууд // Археологийн судлал. I.I. f.2. Улаанбаатар, 1963.

Очир А., Эрдэнэболд Л. Халзан ширэг балгасны тайлан. МҮТМ номын сан. Гар бичмэл, 2005.

Shiraishi N., Tsogtbaatar B. A Preliminary report on the Japanese Mongolian joint Archeological excavation at Avarga site; The great Ordu of Chinggis Khan. P. 549–562 // Current Archeological Research in Mongolia / Papers from the first international Conference on Archeological Research in Mongolia. Held in Ulaanbaatar. August 19–23. 2007.

Наката Ю., Мураока Х. Алтайгаас олдсон Монголын эзэнт гүрний үеийн бурхан, түүний ач холбогдол. Улаанбаатар, 2019.

Пэрлээ Х. Бүтээлийн чуулган I. Улаанбаатар, 2012.

Notes on Chinese Mediaeval Travellers to the West by Bretschneider. Shanghai, 1875. P. 22.

Клеменц Д.А. Заметки к маршруту Чань-чуня // Сб. в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Зап, ИРГО. По отд. этнографии. Спб., 1909. Т. 34.

Чанг Чун бомбын баруунш зорчсон тэмдэглэл. Дежур орчуулав. Өвөрмонголын соёлын хэвлэлийн хороо / Монгол бичгээр / 1993.

Пэрлээ Х. Монгол Ард улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар. 1961.

Chen Zhengxiang. Zhangchun zhenren xiyouji, Tianyuan youji sujil. Shangwu yinshuguan (Xianggang fenguan). 1979. Pp 245–264 / БНХАУ-ын Түүхийн атлас /

Oba Shoichi. Mongoru teikoku gencho jidai no shokai tomnden ni tsuite, Shikan. 106, 1982. P. 82–95.

Очир А., Энхтөр А. Монгол-Японы хамтарсан “Бичээс-2” төслийн 2004 оны хээрийн хайгуул судалгааны ажлын тайлан. Монголын Үндэсний музейн номын сан. Улаанбаатар, 2005.

Ли Жичан Чанчунь бомбын өрнө этгээдэд зорчсон тэмдэглэл. Орчуулж, тайлбарласан. Я. Ганбаатар, Ц. Ганбаатар. Улаанбаатар, 2010 он. Тал 111–114.

Цанжид А. Алтай нутаг Чингис хааны цэргийн тариалангийн түшиц газар байсан байж болох тухайд нэмэрлэх санал // Nomadic studies. 20 (27). Улаанбаатар, 2020. Тал 129–130.

Зүүнгарын газрыг төвшитгөн тогтоосон бодлогын бичиг. Эрхлэн хэвлүүлсэн На / Сүхбаатар, Ботийн, ред. О. Оюунжаргал. Улаанбаатар, 2020.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Базаров Б. В. Республика Бурятия в ретроспективе 100-летия: предисловие к юбилею.....	3
--	---

РАЗДЕЛ 1. ВОСТОЧНОЕ ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ: ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бычков И. В., Жарков М. Л., Казаков А. Л. Железнодорожный транспортный коридор Китай – Монголия – Россия: текущее состояние и перспективы модернизации.....	7
Попков Ю. В. Трансграничность России как ресурс евразийской интеграции.....	10
Кузнецов С. И. Монголия в «Дипломатической синей книге» японского МИДа.....	13
Дамешек Л. М. Исторический опыт инкорпорации бурят в составе России (XVII – начало XX вв.).....	16
Кальмина Л. В. Российско-китайская торговая конкуренция на рубеже XIX–XX вв.: монгольский «разворот».....	20
Валеев Р. М., Валеева Р. З. Казань и Казанский университет в системе геополитических и научных связей с Центральной Азией: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев (XIX – начало XX в.).....	23
Нямаа Галиймаа Концепция устойчивого развития туризма и реальность (на примере Монголии).....	26
Жавзандулам Цэвээндорж, Цэрэнжав Уранцэцэг Трансграничный туризм и новый чайный путь.....	31
Новиков П. А. Корпуса и дивизии в Забайкалье на защите Отечества в 1904–1953 гг... ..	34
Жалсанова Б. Ц., Шаповал Е. Ю. Выставочный проект Государственного архива Республики Бурятия «Трансграничные миграции бурят в начале XX в.» как источник по истории миграции бурят в 1920-е гг.....	38
Фильшин Н. Г. Кяхта как центр трансграничных коммуникаций: история и современность.....	41
Водичев Е. Г. Трансграничные речные бассейны как международная трансграничная территория: подходы к методологии междисциплинарных исследований (на примере бассейна Селенги).....	44
Ларина Л. Л. Восточное трансграничье России: взгляд на соседние страны как основа для развития сотрудничества.....	47
Фань Лицзюнь, Цыренов Ч. Ц. Придание нового блеска экономическому коридору Китай–Монголия–России посредством традиционной медицины.....	54
Сэ Фэнлин, Валеев Р. М. Северо-Восточный Китай – Дальний Восток России: направления, особенности и итоги сотрудничества вузов (1990–2000-е гг.).....	57

РАЗДЕЛ 2. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Цэдэндамба Батбаяр Первая конституция Монголии: вклад Цыбена Жамцарано в разработку конституции.....	60
---	----

Иванов А. А. Мемуары графа Кейзерлинга как источник для изучения жизни бурят конца XIX в.....	64
Кушнарера М. Д. Переселение крестьян из Забайкалья на Аянский тракт в 1851–1852 гг.: организационные аспекты.....	67
Курас Л. В. Бурятия в 1917 г.: от Февраля к Октябрю.....	70
Жабаева Л. Б. Э-Д. Ринчино в истории становления бурятской и монгольской государственности (1920 г.).....	73
Санжиева Т. Е. Роль П. Н. Дамбинова в образовании Бурят-Монгольской автономной области в составе ДВР.....	76
Морозова Т. И. Образ советской власти в представлениях партийно-советского руководства Бурят-Монгольской АССР (1925 г.).....	79
Аманжолова Д. А. Власть и этничность в социально-политическом пространстве советской федерации (1920–1930-е гг.).....	82
Батунаев Э. В. Трансформация социальной структуры монгольского общества в 20–30 гг. XX в.....	85
Ткачёва В. Ю. Комиссии по лишению избирательных прав при аймачных исполнительных комитетах Бурят-Монгольской АССР как источники по изучению политических репрессий (1923–1939 гг.).....	88
Иванов В. Ф. Колхозники Хоринского аймака на приеме у Сталина в Кремле.....	91
Соболева А. Н. Социально-бытовые проблемы рабочей молодежи БМАССР в 1941–1945 гг.....	94
Жимбуева О. В. Ветеринарная служба Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны.....	97
Кискидосова Т. А. Быт городских женщин Хакасии в годы Великой Отечественной войны.....	100
Лыгденова В. В., Дашинамжилов О. Б. Миграционные процессы среди бурятского населения в Республике Бурятия (БАСССР) в 1960–1980-е гг.....	104
Карпова И. Г. Современная историография о социально-культурном аспекте коллективизации сельского хозяйства в СССР.....	107
Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. К изучению жизни и деятельности баргутского общественно-политического и военного деятеля Дамдинсурэна.....	110
Бичелдей К. А. Конституционное строительство Тувы как часть единого правового поля России.....	113
Нолев Е. В. Молодые ученые Бурятии: региональный опыт реализации законодательских инициатив в сфере развития научного потенциала молодежи.....	116

РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ДОСТИЖЕНИЯ, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Дондоков З. Б.-Д. 100 лет развития экономики Бурятии: достижения и проблемы.....	120
Николаев В. В. История урбанизации коренных народов Южной Сибири (XIX – начало XXI в.).....	122
Мададаева Г. И., Кириченко С. В. Исследование производительных сил Бурят-Монгольской АССР в 1930-х гг.....	126
Лушникова О. Л. Этноэкономика: современные направления исследований.....	129

Рынков В. М. Экономика и этничность: преломление в деятельности Забайкальского областного земства (1917–1919 гг.).....	132
Прохоров А. К. Транспортная система Сибири на страницах «Восточного обозрения».....	136
Доржиев Н.-Ж. Б. «Байховый чай, опий, ханьшин...»: ассортимент контрабандных товаров, задержанных кяхтинской таможней в начале XX в.....	139
Ширапов А. А. История ликвидации Верхнеудинского отделения Русско-Азиатского банка (1921–1922 гг.).....	142
Винокурова Л. И. Сельское хозяйство Якутии в XX в.: советская модернизация традиционных занятий коренных народов.....	145
Балдано М. Н. Урбанизация и индустриализация в российском регионе (1920–1980-е гг.).....	148
Кириченко С. В. Урбанизация и повседневность горожан Верхнеудинска / Улан-Удэ.....	151
Боронова М. М. Опыт индустриального развития Бурятии в 1960-1980-е гг.: достижения и нереализованные возможности.....	154
Байкалов Н. С. Строительство населенных пунктов бурятского участка БАМа (1970–1980-е гг.).....	157
Шапошников Г. М. Что мешает крестьянско-фермерским хозяйствам республик Сибири вносить больший вклад в продовольственную безопасность своих территорий.....	160
Лексютина Я. В., Лагутина М. Л. Современное состояние внешнеторговых связей Республики Бурятия с Китаем.....	164
Свиридова С. В. Проблемы формирования кадров для предприятий горнодобывающей отрасли.....	167
Убонова Д. З. Развитие лесной индустрии как традиционной отрасли экономики Бурятии.....	170

РАЗДЕЛ 4. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Голиусова Ю.В., Самба А. Д.-Б. Региональные особенности формирования новых форм занятости (на примере Республики Тыва).....	173
Орехова И. М. Рынок труда Республики Тыва на современном этапе развития.....	175
Горина Т. И. Мотивационное поведение самозанятых в период пандемии.....	178
Иванова С. Н. Оценка социальной устойчивости территорий Северной Азии.....	181
Бийжанова Э. К. Граница в представлении жителей приграничных территорий.....	185
Кефели В. Б. Отношение населения Республики Тыва к последствиям рыночных трансформаций.....	188
Винокурова А. В. Миграционные процессы в Республике Бурятия: динамика и тенденции развития.....	193
Бадараев Д. Д. Социально-демографические особенности этноструктурных процессов в Республике Бурятия.....	196
Кышпанакоев В. А. Численность и размещение бурят по федеральным округам России (по данным переписей 2002, 2010 и 2020 гг.).....	200

Бреславский А. С. Городские агломерации на Дальнем Востоке России: «региональные фантазии» или отображение реальных трендов?.....	203
Будаев Б. С. Развитие системы управления столичных городов в субъектах ДФО.....	206
Роговая А. В. Деятельность общественных организаций в малых городах: основные проблемы и потенциал.....	211
Жамбалова С. Г. Борьба с алкоголизмом в малых селах Бурятии: постановка вопроса.....	214
Цэвээний Цэцэнбилэг, Ойдов Хатанболд Цифровая социология: социум Бурятии и Монголии.....	217
Чукреева Л. Н., Гунтыпова Э. С. Фейки как угроза социальной безопасности (по материалам социологических исследований).....	221

РАЗДЕЛ 5. КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Тулохонов А. К. К истокам академической науки и природоохранной политики в Бурятии: опыт прошлого и уроки для настоящего.....	225
Жамбалын Цэцэгмаа Монголын боловсрол, шинжлэх ухааны байгууллагын үүсэл хөгжилд Жамсрангийн Цэвээний гүйцэтгэсэн үүрэг.....	229
Шагдарова Б. Б. Становление и развитие радио в национальной республике.....	235
Бильдужева С. В. Из истории Этнографического музея народов Забайкалья.....	238
Номогоева В. В. Этнокультурное развитие Бурятии в постсоветский период.....	241
Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В. Деятельность Государственного института культуры по материалам ЦВРК.....	244
Плеханова А.М. Институционализация исторической науки в Бурятии в условиях становления национальной автономии.....	247
Кузьмин Ю. В. Профессор Н. Н. Козьмин в Бурят-Монгольской республике: создание экономических структур и развитие науки и образования.....	250
Эрдынеева С. Э. Стенограммы обсуждений первого издания «Истории Бурят-Монгольской АССР» как исторический источник.....	254
Куперштох Н. А. Академик Н. Л. Добрецов и его вклад в развитие научного потенциала Республики Бурятия.....	256
Базарова Г. Д., Кузнецова Н. А. История международного сотрудничества в БНЦ СО РАН.....	259
Позднякова Ю. С., Жимулева Е. А. Образ науки и ученых Бурятии в СМИ в условиях развития научных коммуникаций в России.....	263
Хахинов В. В. Космические эксперименты в обсерваториях ИСЗФ СО РАН в Тункинской долине, Республика Бурятия.....	266
Бадлаева Т. В. Развитие образования у бурят (конец XIX – начало XX в.).....	269
Кружалина А. А. К характеристике гражданских просветительских инициатив среди бурят Прибайкалья.....	271
Куфтарева В. В. Улан-Удэнский монголрабфак в судьбе академика Базарын Ширендыба (1912–2002).....	274
Бадмацыренов Т. Б. Экспорт российского образования в Монголию: возможности и ограничения.....	277

Гыргенова Б. С. О проведении среди граждан Монголии конкурса по популяризации и изучению русского языка.....	280
Цыбикова С. Ж. Воспитание любви к родине через аудиоуроки «Юсэн эрдэни – Девять драгоценностей».....	282

РАЗДЕЛ 6. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В ВОСТОЧНОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Жанадил Нурбол A preliminary exploration of social appellations in Chinese and Kazakh.....	286
Морозова О. Н. Тунгусский мир России и Китая: речевое взаимодействие в регионе трансграничья.....	287
Тишин В. В., Нанзатов Б. З. О перспективах изучения русскоязычных документов XVII в. как источника по истории фонетики бурятского языка.....	290
Chengel Шинэхэн буриад аман аялгууны өвөрмөц үгсийн тухай шинжлэх нь.....	294
Вao Baozhu Монгол үсгийг таван шугамд баримжаалж бичих тухай.....	303
Тагарова Т. Б. Следы шаманских обрядово-ритуальных форм в бурятских фразеологических единицах.....	307
Бадмаева Л. Б. Вербализация концепта РАДОСТЬ в сочинении Вандана Юмсунова...	310
Сундueva Е. В. Семантика слова <i>нэрэ</i> в бурятском языке.....	313
Дамбуев И. А. Топонимия Бурятии: статистика топооснов.....	316
Бадмаева Л. Д. Когнитивные междометия бурятского языка: их связи с восприятием и пониманием.....	319

РАЗДЕЛ 7. ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Кляус В. Л. К изучению фольклорных традиций русского населения Китая и Монголии: общее и особенное (на материале «забайкальских» диаспорных групп, возникших в первой трети XX столетия).....	323
Скрынникова Т. Д. Символика бурятской традиционной культуры в эпосе «Аламжи Мэргэн».....	326
Баатаржав Мөнхбаяр Буриад зонд зориулсан Монголын орчин үеийн нэрт зохиолчдын бүтээлүүд–I.....	329
Сабрукова С. С. Научная корреспонденция Т. А. Бурдуковой (1912–1987) по материалам АВ ИВР РАН.....	332
Самбуу Алтанцэцэг Чингис хаантай холбоотой буриадын түүхэн болон домог дуунд хийсэн судалгаа.....	335
Смирнов С. Р. Р. А. Шерхунаев – бурятовед, педагог, журналист.....	339
Носов Д. А. Особенности бытования сказочного сюжета ATU 981 у монгольских народов.....	342
Рагчаа Бигэрмаа “Ёохор” бүжиг буриад соёлын илэрхийлэл болох нь (“Ёохор” болон “Еэхэр” дуут бүжгийн дууны үгийн харьцуулал).....	345
Левченко Н. В. Театральное искусство и кино в Бурятии: история и современность.....	349

Серебрякова З. А. Тема преемственности поколений в бурятском романе о современности.....	352
Jiu Yue БНХАУ-ын одоо үеийн, Монгол Улсын орчин үеийн уран зохиолын харилцаа, нөлөөлөл.....	355
Исаков А. В. Национальная идея в исторической драме Б. Барадина «Великая сестрица-шаманка».....	358
Цыбикова С. Ж. Символика примет в бурятской духовной культуре.....	361
Цыбикова Б.-Х. Б. Эпическое наследие хори-бурят: трансляция во времени и пространстве.....	364
Кушнарёва Л. Л., Бураева С. В. Из истории изучения фольклора русских Забайкалья.....	367
Мягашева С. Б. Культ арюуни тэнгри как феномен обычного права западных бурят.....	370
Гымпилова С. Д. Особенности компонента «ребенок» в бурятских поговорках.....	373
Николаева Н. Н. Оппозиция свой–чужой в мифологической прозе предбайкальских бурят.....	376

РАЗДЕЛ 8. РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БУРЯТИИ

Амоголонова Д. Д. Конкурентное взаимодействие буддизма и православия в Бурятии в контексте указа об укреплении начал веротерпимости.....	379
Доржиева Д. Д. Роль бурятских мыслителей в истории традиции <i>риме</i>	382
Гомбоев Б. Ц. Призывания качугских шаманов: 100 лет спустя (по архивным материалам С. П. Балдаева).....	385
Цыремпилова И. С. Государственно-конфессиональные взаимоотношения на территории Бурятии в 1917–1930-е гг.: общее и особенное.....	388
Михалев М. С. Бурятия – форпост мягкой силы России на Востоке.....	391
Дроботушенко Е. В. Докладные записки представителя Союза воинствующих безбожников М. П. Кузнецова как источник по истории религий в Бурят-Монгольской АССР во второй половине 1930-х гг.....	394
Лугавцова А. П. Исследования японского буддизма в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.....	397
Траудт Е. А. Деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятской АССР во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг.....	400

РАЗДЕЛ 9. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТРАНСГРАНИЧЬЕ РОССИИ-МОНГОЛИИ-КИТАЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Намсрайн Ням-Осор Буриадын сонгоол овгийн тухай.....	403
Гарри И. Р. Хорские княжества Восточного Тибета и монголы (XIII–XVII вв.).....	408
Цэндмаа Энхчимэг К вопросу об обосновании агинских бурят в Монголии.....	411
Цыбенев Б. Д. Даурское общество в годы Маньчжоу-Го.....	412
Нилогов А. С. Общие предки русских и бурят, бурят и хакасов с точки зрения генетической генеалогии.....	414

Чанкова И. В. Взаимодействие народов Южной Сибири и Китая (по китайским письменным источникам и археологическим материалам).....	421
Siren Batu Entertaining Folk Customs in Buryat Mongolian Traditional Weddings.....	424
Толон The study of shinekhen buryat traditional pre-wedding ceremony for bride.....	426
Хэ Цинь Шинэхээн Буриадын уламжлалт хурим дахь басганы их наадмын зан үйлийг шинжлэх нь.....	428
Чебодаева М. П. Этнические особенности традиционной женской рубахи хакасов.....	433
Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Образ России в представлениях населения Монголии (некоторые результаты социологического исследования).....	436
Чимитова И. З. О характере межэтнических отношений в Бурятии XX в.....	439
Бураева О. В. Взаимодействие культур русских, бурят и эвенков – основа добрососедских отношений в Бурятии.....	442
Будаева Д. Ц. Факторы формирования межэтнического согласия в трансграничье России–Монголии–Китая.....	445
Зайцева Л. А., Даваажав Баяртогтох Российские ученые – основатели ветеринарной службы Монголии.....	449
Бат-Эрдэнэ Сухбаатарын Современные тенденции обследования археологической консервации (на примере Монголии).....	452
Лхагвасурэн Эрдэнэболд Чингай хотын эрэл: төсөөлөл, үр дүн.....	456

Научное издание

**Трансграничье Востока России
в модернизационных процессах XX–XXI вв.
(к 100-летию Республики Бурятия)**

Подписано в печать 28.04.2023. Формат 60x84 1/8.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 54,4. Уч.-изд. л. 52,0. Тираж 500. Заказ № .

Редакционно-издательский отдел
Издательства БНЦ СО РАН
670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел.: (3952) 34-32-34, 241-242.
www.ottisk-irk.ru